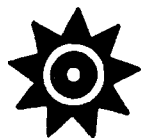

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

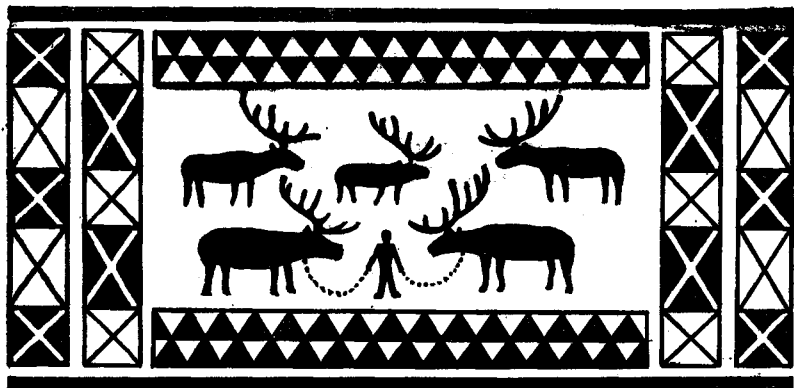

**Сказки
и
мифы
народов
Востока**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки

*(азиатские эскимосы, чукчи,
керекы, коряки и ительмены)*

Редакционная коллегия серии

«СКАЗКИ И МИФЫ НАРОДОВ ВОСТОКА»

И. С. БРАГИНСКИЙ, Е. М. МЕЛЕТинский,
С. Ю. НЕКЛЮДОВ (секретарь), Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ (председатель),
Э. В. ПОМЕРАНЦЕВА, Б. Л. РИФТИН, С. А. ТОКАРЕВ.

Составление, предисловие и примечания

Г. А. МЕНОВЩИКОВА

Ответственный редактор

Е. М. МЕЛЕТинский

Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки.

С42 Сост., предисл. и прим. Г. А. Меновщикова. М.,
Главная редакция восточной литературы издатель-
ства «Наука», 1974.

646 с. («Сказки и мифы народов Востока»).

Первая широкая публикация сказок и мифов народов Чукотки и Камчатки, сопровождаемая фольклористическим предисловием и примечаниями. В сборник включены мифы, сказки о животных, бытовые и волшебные сказки азиатских эскимосов, чукчей, кереков, коряков и ительменов.

Сборник рассчитан на взрослого читателя.

С64

70303-117
С 013(02)-74 211-73

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1974.

ОБ УСТНОМ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ ТВОРЧЕСТВЕ НАРОДНОСТЕЙ ЧУКОТКИ И КАМЧАТКИ

Устное творчество коренных народностей Чукотки и Камчатки представляет важный источник для всестороннего изучения и понимания их духовной культуры, многовекового трудового опыта, общественного устройства и быта. Коренные народности этих северо-восточных окраин Сибири — азиатские эскимосы, чукчи, керекы, коряки, ительмены и другие — до Великой Октябрьской социалистической революции не имели письменности. Их далекое историческое прошлое не засвидетельствовано письменными памятниками. Первые достоверные документальные источники об этих народностях, как, впрочем, и о коренных народностях Русской Америки — эскимосах, алеутах и северо-западных индейцах, появляются лишь в середине XVIII в. в связи с проникновением первых русских землепроходцев и мореплавателей на Крайний Север азиатского континента, Аляску и Алеутские острова. Что же касается научных исследований в области материальной и духовной культуры аборигенов Чукотки и Камчатки, их родственных и неродственных языков, то они по-настоящему начались лишь в конце XIX — начале XX в. и широко стали проводиться в советскую эпоху. Таким образом, отсутствие письменных памятников о древнем периоде жизни народностей этого региона компенсировалось научными исследованиями в данной области русских и советских историков, археологов, этнографов, антропологов, языковедов и фольклористов, выполнивших за последние десятилетия большую полевую работу в районах северо-востока Сибири, на основе которой осуществлен ряд важнейших теоретических исследований.

Фольклор аборигенных народностей Чукотки и Камчатки сохранил много ценных для науки сведений о далеком прошлом азиатских эскимосов, чукчей, кереков, коряков и ительменов. Именно поэтому мы рассматриваем устное повествовательное творчество аборигенов Чукотки и Камчатки не только как памятник народного искусства, но и как источник изучения их

исторического развития. Произведения устного народного творчества бесписьменных народов не определяют точных дат исторических событий в разные эпохи и периоды их жизни, но в этих произведениях в той или иной степени отображаются древние представления, обычаи, верования, особенности быта, непосредственным образом связанные с производственной и духовной жизнью народа на разных этапах его исторического пути. Историко-этнографический аспект изучения фольклора и состоит именно в том, что при отсутствии письменных свидетельств по истории конкретного народа мы получаем из этого устного источника в ряде случаев достоверные сведения о производственной деятельности, общественном устройстве, мировоззрении, ранних формах искусства и других сторонах жизни людей в далеком прошлом. Так, во многих устных произведениях народностей Чукотки и Камчатки рисуются яркие картины охоты на дикого оленя, коллективной и одиночной охоты на морского зверя, картины обмена продуктов оленеводства на продукты морского промысла между оленеводами и приморскими жителями, даются сведения об общественном устройстве (первобытная община, большая семья, одиночная семья, пережиточные явления материнского и отцовского рода и другие виды социальной организации), описываются межплеменные войны за обладание оленьими стадами и борьба между приморскими общинами за охотничьи угодья; в них имеются свидетельства о семейных обычаях, мировоззрении, о физическом воспитании охотника и воина, о предметах материальной культуры, изготовленных из камня, глины, кости, шкур, китового уса, дерева, о приручении животных, сведения о топонимах, указывающих на места древних поселений той или иной народности, и т. д.¹ Все эти полезные сведения, сохраненные в народной памяти, могут быть использованы в историко-этнографических исследованиях о формах общественного устройства аборигенов Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки в различные эпохи их развития.

Развитие многообразных форм устного художественного творчества у разных народов мира в большой степени зависело от конкретных условий жизни данного этнического коллектива в определенных географических и климатических условиях, с присущими этому коллективу способом производства и общими этническими признаками.

Традиционные формально-стилистические приемы тех или иных видов устного творчества, часто совпадающие у разных народов мира или заимствованные одним народом у другого, в условиях творчества конкретного этнического коллектива способствуют раскрытию реальных исторических процессов, художественно воплощенных в данном виде устного творчества. Возникнув в значительном своем числе в доклассовом обществе из древних мифов, многие предания и сказки продолжают свое существование в условиях разложения первобытной общины и позже — в условиях иных обще-

¹ Меновщиков, Устное творчество; Вдовин, 1970.

ственных формаций не в застывшем виде, а в развитии, выполняя свои функции художественного отражения явлений реальной жизни. Все эти свойства характерны в равной мере для фольклора народностей чукотско-камчатского региона.

Непосредственное и многовековое соседство азиатских эскимосов с чукчами, их непрерывающиеся культурно-экономические связи, обусловленные взаимозависимостью исторически сложившегося хозяйственно-производственного комплекса (оленоводство и морской промысел)², значительной общностью элементов духовной культуры³, эскимосско-чукотским билингвизмом (со стороны эскимосов)⁴, и, как следствие, неизбежные явления этнической ассимиляции (особенно в результате имевших место брачных союзов между приморскими чукчами и эскимосами) — все это оказало несомненное воздействие на развитие общих черт различных видов самобытного искусства у этих разноязычных народностей, в том числе на развитие сходных и общих жанров устного повествовательного творчества позднего периода. Образовалась своеобразная непрерывная цепь некоторых общих сказочных циклов (сказания о вороне, сиротке, женщине — создательнице людей и животных, брачных союзах людей с животными, мифы о других мирах и т. д.), связующим звеном (но не источником) которой в силу исторических причин и географических условий стал чукотский фольклор. Эту цепь взаимодействия устного художественного творчества чукотско-камчатских народностей можно изобразить следующим образом:

азиатские эскимосы ↔ чукчи ↔ кереки ↔ коряки ↔ ительмены

Данная схема не означает замкнутости цепи: фольклор каждой из контактирующих народностей в разное время взаимодействовал с фольклором других родственных или неродственных по языку соседних народностей. Так, азиатские эскимосы до 30-х годов текущего столетия, кроме чукчей, имели постоянные связи с аляскинскими эскимосами, а последние, в свою очередь, — с канадскими эскимосами и северными индейцами; чукчи общались кроме эскимосов и коряков с кереками, юкагирами, якутами, частично с эвеннами; коряки, кроме чукчей и ительменов, — с кереками, эвеннами; ительмены, кроме коряков, со стороны моря могли общаться с островными народностями — айнами, и т. д. Исторически не засвидетельствованы контакты крайних звеньев цепи — эскимосов и ительменов, однако взаимодействие устного творчества их опосредствованно осуществлялось через чукотско-корякский массив.

Отмеченные явления исторического взаимодействия культур родственных по языку чукотско-камчатских народностей с культурой иноязычных азиатских эскимосов позволяют рассматривать устное творчество всего чукотско-камчатского региона в совокупности. Это, однако, не исключает

² Вдовин, 1948.

³ Вдовин, 1961.

⁴ Мелетинский, 1959, стр. 90; Меновщиков, 1970.

выделения локальных особенностей фольклора каждой народности, поскольку в ранних образцах эскимосских мифических преданий прослеживаются несомненные черты древнего общеэскимосского творчества, а в чукотско-корякско-ительменских — особенные черты собственно чукотско-камчатского творчества.

Собирание устного художественного творчества народностей Чукотки и Камчатки уже в начале XX в. привлекло внимание таких крупнейших исследователей их культуры и языков, как В. Г. Богораз и В. И. Иохельсон. Они записали и опубликовали значительное количество текстов чукотского, азиатско-эскимосского, корякского и ительменского фольклора. (Здесь и далее сведения о трудах упоминаемых авторов см. в Списке литературы, стр. 638—641).

Большое количество текстов на родных языках этих народностей в советский период записали П. Я. Скорик, Л. В. Беликов, Ф. Тынэтэгын, П. И. Инэнликэй, В. Ятгыргын (чукотский фольклор); Е. С. Рубцова, Г. А. Меновщиков (фольклор азиатских эскимосов); С. Н. Стебницкий, И. Баранников, К. Кеккетын, Л. Жуков, Х. Нутэвы, И. С. Вдовин, Н. А. Богданова, А. Н. Жукова (корякский фольклор); Е. П. Орлова, А. П. Володин, Н. К. Старкова (ительменский фольклор), В. В. Леонтьев (керекский фольклор). Часть собранных материалов опубликована на родных языках носителей с подстрочными переводами, часть — в русском переводе, значительное число текстов находится в личных архивах собирателей⁵.

Для более или менее полной характеристики жанров и сюжетов фольклора палеоазиатов Чукотки и Камчатки существенно не доставало нового текстового материала, особенно по корякскому и ительменскому фольклору. Разрозненные и далеко не полные публикации его в разное время осуществлялись в специальных изданиях для местных нужд или для специалистов-лингвистов, поэтому не были доступны широкому кругу фольклористов и любителей устного народного творчества.

Этот пробел восполнен новыми записями, осуществленными советскими лингвистами и этнографами, а также переводами на русский язык ряда ительменских текстов В. И. Иохельсона, впервые опубликованных полностью в 1961 г. Д. Уортом (Kamchadal texts).

Включение в настоящий сборник части переводов ительменских текстов, записанных В. И. Иохельсоном, оказалось необходимым в связи с недостаточностью нового материала для характеристики ительменского вороньего цикла. При этом следует заметить, что В. И. Иохельсон кроме обширных записей текстов ительменского фольклора собрал и опубликовал в 1905 г. на английском языке 130 текстов корякских сказок, в которых многосторонне отражается мифологическая основа корякского вороньего цикла.

⁵ В данный сборник включены только переводы текстов, записанных специалистами на родных языках рассказчиков.

В связи с достаточным количеством корякских текстов, записанных в советский период, мы нашли возможным не включать в данный сборник опубликованные на английском языке переводы корякских текстов В. И. Иохельсона. Вместе с тем составители считают, что уникальное собрание корякских мифов, собранных В. И. Иохельсоном, как и его теоретические исследования по корякскому и ительменскому фольклору, представляют большую научную ценность для советской фольклористики и должны быть изданы на русском языке (см. в Списке литературы сведения о трудах В. И. Иохельсона по корякскому фольклору).

По классификации Шренка, в настоящее время уже устаревшей, к группе палеоазиатских народностей были отнесены также изолированные в языковом, территориальном и культурно-историческом отношении юкагиры (Якутия, частично Чукотка), амурские и сахалинские нивхи, а также кеты, населяющие притоки Енисея. Фольклор этих народностей, за немногими исключениями, имеет отличные от чукотско-камчатского региона основы и традиции, поэтому образцы его не включены в настоящее собрание.

Включенные в настоящий сборник тексты дают достаточное представление об общих типологических особенностях основных жанров и циклов фольклора аборигенов Чукотки и Камчатки в целом и о специфических чертах фольклора каждой народности в отдельности.

При переводе текстов с палеоазиатских языков на русский переводчики стремились сохранить по возможности специфические черты языка и стиля, присущие каждой народности, не нарушая в то же время грамматических и стилистических норм языка перевода.

Большое влияние на формальное выражение и содержание текста имели и такие факторы, как время записи подлинника, мастерство, возраст и грамотность рассказчика, жанр произведения. Образцы устного творчества палеоазиатов, записанные от неграмотных рассказчиков в начале текущего века, в ином стиле рассказываются в настоящее время. И когда в тексте древней чукотской сказки мифологического содержания о брачном союзе медведицы и человека современный рассказчик говорит: «стал народ состязаться на пятьдесят километров», то эту деталь нельзя опустить при переводе текста, поскольку она относится к качественно новым представлениям палеоазиатов о категориях пространства, времени и других явлениях действительности.

Проблемы классификации жанров палеоазиатского фольклора, исторических закономерностей их развития и изменения, взаимодействия отдельных жанров фольклора контактирующих народностей, места того или иного жанра в устном творчестве каждой народности в отдельности далеко еще не решены, хотя частично и поставлены в работах отдельных исследователей. В этом отношении следует указать в первую очередь на труды по чукотскому, корякскому, ительменскому и эскимосскому фольклору основоположников палеоазиатоведения В. Г. Богораза и В. И. Иохельсона, которые были

не только собирателями и переводчиками, но и первыми толкователями жанров, сюжетов и связей этого фольклора с фольклором других народностей азиатского и американского Севера, а именно с фольклором мифологического содержания разных территориальных групп эскимосов (Аляски, Канады, Гренландии), многих племен северо-западных индейцев, тунгусо-маньчжуров, тюрко-монголов, остяков, гиялков, юкагири и т. д.

В советское время отдельным вопросам структуры, происхождения и бытования некоторых видов чукотской сказки были посвящены статьи А. И. Никифорова и В. Я. Проппа. Интересное и тонкое филологическое исследование зарождавшейся в начале 30-х годов на основе фольклора корякской художественной литературы осуществил известный советский этнограф и лингвист С. Н. Стебницкий, который в своей большой статье «Корякский исторический фольклор и зарождающаяся корякская литература», написанной в 1941 г. (к сожалению, неопубликованной), выделил три основных жанра устного художественного творчества коряков («фольклор мифологический», «фольклор исторический», «фольклор бытовой») и показал фольклорную основу молодой художественной литературы, создаваемой первыми писателями-коряками.

Специальным исследованием основных видов устного народного творчества чукчей явилась работа Л. В. Беликова «Основные виды устного народного творчества чукчей». Вслед за этой работой появился ряд его статей по характеристике отдельных жанров чукотского фольклора, в которых нашли отражение и некоторые теоретические вопросы фольклора чукчей, эскимосов и коряков в целом. В конце 50-х — начале 60-х годов появились в печати сравнительно-типологические исследования Е. М. Мелетинского по происхождению героического эпоса и волшебной сказки, в которых автор широко использовал имевшийся к тому времени материал палеоазиатского фольклора Чукотки и Камчатки.

Классификация жанров устного народного творчества палеоазиатов Чукотки впервые была предпринята В. Г. Богоразом⁶. Основное внимание В. Г. Богораз уделил выделению и характеристике жанров чукотского фольклора.

В. Г. Богораз выделяет следующие основные жанры чукотского устного творчества: 1) рассказы «космогонического и мифологического» содержания; 2) сказки о чудовищах кэле; 3) шаманские рассказы; 4) бытовые сказки; 5) предания о войнах чукчей с соседними племенами и пришельцами-русскими; 6) сказки о животных; 7) заговоры; 8) песни. 2, 3 и 4-й виды сказок В. Г. Богораз объединил в один отдел.

К рассказам космогонического и мифологического содержания В. Г. Богораз относит сказания о сотворении мира, солнца, луны, звезд, различных животных, человеческого рода, рассказы об устройстве вселенной, о различ-

⁶ Богораз, 1900; 1936; 1919.

ных божествах, звездной системе и т. д. Ко второй группе он относит сказки о чудовищах (духах) кэ́ле, шаманские рассказы и некоторые бытовые рассказы, «где фантастический элемент играет второстепенную роль». К третьей группе — исторические предания («времен раздоров вести») о борьбе чукчей с соседними племенами, главным образом с таньгами и айванами (под таньгами-иноплеменниками подразумеваются коряки, юкагиры, русские, под айванами — эскимосы). Особо выделяются им сказки о животных, а также разделы заговоров и песен, которым он дает соответствующую филологическую и этнографическую характеристику⁷. Классификация В. Г. Богораза в основном сохраняет значение и в настоящее время.

Л. В. Беликов при классификации устного творчества чукотского народа по жанрам учитывает «многовековой путь их (чукчей) социально-экономического развития от неолитической охоты на оленя и первобытнообщинного строя к общественному разделению труда и зачаткам социальной дифференциации...» Исходя из этой методологической предпосылки и принимая во внимание имеющийся фактический материал по чукотскому фольклору, Л. В. Беликов выделяет следующие его основные виды (жанры): «1) космогонические предания, т. е. рассказы мифологического характера о происхождении мира, светил и человека; 2) обширный цикл сказок о животных и 3) героические сказания о богатырях». Далее он выделяет жанр «архаических сказок, проникнутых фантастикой мифологического характера, — это сказки о злых чудовищах кэ́ле и сказки о приключениях героя в стране белых медведей». Кроме того, автор отмечает раздел шаманских повествований, отражающих «языческие религиозно-обрядовые представления чукчей»⁸.

Отдельно от героических сказаний Л. В. Беликов рассматривает и ст о р и ч е с к и е рассказы, «отразившие военные столкновения чукчей с казачьими отрядами капитана Павлуцкого в XVIII веке». К более поздним жанрам он относит сказки о сироте, «проникнутые ярким социальным содержанием». Из других жанров им отмечаются заговоры, песни и в зачаточной форме — пословицы и поговорки. К основным и наиболее распространенным жанрам чукотского фольклора Л. В. Беликов относит «космогонические предания, сказки о животных и героические сказания», которые раскрывают характерные черты устного повествовательного творчества чукчей⁹.

Особый интерес представляют исследования Л. В. Беликова в области жанра героических сказаний, впервые выделенного им в чукотском фольклоре, и жанра сказок о животных. Филологический анализ и классификация основных жанров и видов этого фольклора представлены в канди-

⁷ Богораз, 1900, стр. IV—XXXIV.

⁸ Беликов, 1960, стр. 281.

⁹ Там же, стр. 282.

датской диссертации Л. В. Беликова и в ряде статей, написанных им на основе этой диссертации и опубликованных в последующие годы ¹⁰.

Е. М. Мелетинский к первой жанровой категории сказки относит «предания о событиях мифической эпохи, предшествующей современному состоянию мира» ¹¹. Главным персонажем этих преданий выступает культурный герой — творец мира, света, огня, человека, животных, рельефа местности и т. д.

В роли культурного героя «преданий о событиях мифической эпохи» в фольклоре палеоазиатов выступают такие персонажи, как ворон, создающий живой и неживой мир, брат и сестра, попадающие на небо и создающие дождь и грозу, человекоподобный творец, живущий на небе и регулирующий жизнь земных существ.

Ко второй жанровой категории относятся рассказы, действие которых происходит в то время, когда миропорядок уже был прочно установлен ¹². В этом жанре героем выступает чаще всего безымянный «один человек», ведущий жизнь обыкновенного охотника, или женщина, попадающая в сложные жизненные ситуации. Безымянный герой (или героиня) в сказках этого вида еще не выделяется из первобытнообщинного коллектива и представляет обобщенный образ его члена. Здесь судьба героя (героини) зависит от разных вредоносных существ (кэле, тунгаков, великанов, «хозяев» различных объектов и явлений природы), с которыми герой борется при помощи волшебных помощников, ниспосланной ему чудесным образом магической силы, собственной смекалки и ловкости. Сказки подобного вида Е. М. Мелетинский называет «мифами-быличками» ¹³. Привлекая сравнительный материал по фольклору различных народностей крайнего северо-востока Сибири и Северо-Западной Америки, автор приходит к некоторым наблюдениям и выводам о характерных чертах палеоазиатского фольклора древнейшего периода, хотя и не ставит перед собой цель систематической классификации его жанров в целом.

Вопросы классификации жанров корякского повествовательного фольклора впервые были поставлены в начале 40-х годов С. Н. Стебницким, который подразделял этот вид устного творчества коряков на три основных жанра: 1) фольклор мифологический, 2) фольклор исторический, 3) фольклор бытовой. «Мифологический фольклор,— отмечал С. Н. Стебницкий,— наиболее богат и разнообразен, но при всем разнообразии он представляет собой единый цикл мифов о Вороне-творце, общий для всех палеоазиатских народностей чукотской группы (чукчей, коряков, ительменов) и свойственный также эскимосам. Бытовой фольклор значительно беднее, он содержит по преимуществу рассказы о хозяине — бога-

¹⁰ Беликов, 1956.

¹¹ Мелетинский, 1958; 1963.

¹² Мелетинский, 1958, стр. 8—9.

¹³ Там же, стр. 11.

том оленеводы и работницы, оленем батраке. Исторический фольклор содержит описание войн. В преданиях чавчуменов (коряков-оленево-дов) описываются по преимуществу войны коряков с чукчами. В преданиях апукинцев и алюторцев (северо-восточные группы оседлых коряков) — также войны с чукчами, но наряду с ними также и межплеменные войны — войны оседлых коряков с коряками-оленеводами...»¹⁴.

К мифологическому фольклору С. Н. Стебницкий относит мифы, сказания и сказки о животных¹⁵, в том числе корякские и ительменские сказки о вороне Кутхе — Куткыннеку¹⁶.

Далее С. Н. Стебницкий отмечает, что в мифологическом фольклоре коряков находят яркое отражение картины духовной и материальной культуры древних коряков, сведения о типах жилища, постройках-укреплениях и т. д. Исследование С. Н. Стебницкого о корякском фольклоре является ценным вкладом в изучение устного творчества палеоазиатов Чукотки и Камчатки в целом.

Вопросы классификации жанров ительменского и керекского фольклора решались лишь частично в сравнительно-типологическом плане, но специально не ставились. Фольклор и язык маленькой народности керек до последнего времени оставались почти неизученными. Специальное изучение истории, языка и культуры керек по-настоящему было предпринято лишь в послевоенные годы¹⁷. В середине 50-х годов П. Я. Скорику удалось записать три текста. Несколько текстов в 1969 г. записала В. И. Иунэвут, из которых один представлен в настоящем сборнике. В 1971 г. В. В. Леонтьев записал и перевел восемь текстов. Язык и духовная культура керек уже в начале текущего века подверглись интенсивной ассимиляции со стороны чукотского населения. Этот процесс ассимиляции особенно быстро протекал в последние 40—50 лет, в результате чего керек, исключая несколько семейств, утратили свой родной язык и стали говорить на чукотском.

Классификация жанров устного повествовательного творчества азиатских эскимосов проводилась впервые в связи с публикацией переводов сказок азиатских эскимосов¹⁸. Эта классификация имела скорее методический характер (в целях последовательности подачи материала по жанрам и сюжетам), но не претендовала на какую-либо полноту и научную точность.

Для азиатских эскимосов были выделены следующие жанры: волшебные сказки и мифы, героические сказания, бытовые сказки и рассказы,

¹⁴ Стебницкий, 1941, стр. 106—107.

¹⁵ Там же, стр. 142.

¹⁶ Там же, стр. 147.

¹⁷ П. Я. Скорик, Керекский язык, — «Языки народов СССР», т. V, Л., 1968, стр. 310—333.

¹⁸ Эск. ск.; Эск. ск. и лег.

сказки о животных¹⁹. В отделе волшебных сказок и мифов представлены три вида (жанра) сказок: космогонические предания о миротворчестве, волшебные сказки о борьбе человека с вредоносными существами, сказки о похождениях шаманов. Термин «волшебные сказки» принят условно и не означает традиционного понимания его в духе, например, русской волшебной сказки. Героические сказания посвящены борьбе сильных и отважных людей с таннитами-иноплеменниками, захватчиками и обидчиками. В бытовых сказках и рассказах повествуется об обыденных ситуациях и реальных событиях, оставивших след в памяти народа и закрепившихся в его устной традиции. Фантастика здесь уступает место реальному изображению жизненных ситуаций. В борьбе с обманщиками и угнетателями герою помогают не чудесные силы и чудесные превращения, а ум, находчивость, физическое превосходство и отвага.

Многие сказки о животных восходят к древним тотемным мифам и мифам о культурных героях. Герои сказки — звери, птицы, насекомые постоянно заняты поисками пищи, подобно людям они ведут свое хозяйство, имеют орудия охоты, оленей, лодки, человеческое жилище, одежду и т. д. У азиатских эскимосов кроме отмеченных жанров устного художественного творчества имеются также песни (танцевальные песни и песни-импровизации) и заговоры, не отмеченные ранее в нашей классификации, но в значительном количестве зафиксированные собирателями.

Сказки (любого жанра) и предания эскимосы называют термином у н и п а г а н (рассказ о действительных событиях), у н и п а м с ю к (весть, новость), у н и п а к (все три термина от глагольной основы у н и п а — «рассказывать»), танцевальные песни — термином т у к а г а н, песни-импровизации (со словами) — термином и л а г а н.

Основные жанры фольклора азиатских эскимосов мы рассматриваем не изолированно, а в тесном взаимодействии с фольклором чукчей и других палеоазиатов, с которыми у первых существовала длительная культурная связь.

Тесные многовековые культурные (социальные, духовные) и экономические контакты азиатских эскимосов с приморскими и кочевыми чукчами создавали необходимые условия взаимной проницаемости элементов культуры. Этот процесс взаимодействия культур непосредственным образом отразился на развитии и бытовании устного художественного творчества аборигенов Чукотки. Вместе с тем в эскимосском фольклоре сохранились и свои самобытные элементы мифологических преданий, относящихся к глубокой древности, к эпохе, когда азиатские эскимосы составляли неотъемлемую часть общэскимосского этнического коллектива, т. е. до образования территориально изолированных друг от друга групп эскимосов. Эти элементы эскимосской мифологии обнаруживаются, например, при сравнении некото-

¹⁹ Эск. ск. и лег., стр. 10—19.

рых сюжетов фольклора азиатских эскимосов и далеко отстоящих от них во времени и пространстве гренландских эскимосов. Так, в собрании гренландско-эскимосских сказок Холтведа обнаруживаем сходные с азиатско-эскимосскими сюжеты о девушке, не желающей выходить замуж (текст № 11), мифологические сюжеты о перевоплощении человека или его души в животных (текст № 131 и др.), о чудесной помощи сироте со стороны умерших предков (текст № 18а), мифы о великанах и карликах (текст № 27), о сиротах, которым помогают их бабушки и волшебные амулеты (тексты № 33, 34), о брачных союзах людей с животными (тексты № 36, 39 и др.), о жилищах месяца и солнца на небе и открывающихся отверстиях, через которые виден зеленый мир, о происхождении грома и т. д. Эти космогонические предания, возникшие на заре становления эскимосской этнической общности, в различной степени и формах сохранились также у азиатских эскимосов, от которых они перешли частично в чукотский фольклор и в фольклор коряков и ительменов. Что же касается жанров героических сказаний, исторических преданий и бытовых рассказов, то они возникали и развивались преимущественно в условиях контактирования чукчей, азиатских эскимосов, коряков, кереквов, ительменов, а также в среде каждой из этих народностей в отдельности (особенно бытовые рассказы).

Трудность полной и научно обоснованной классификации жанров палеоазиатского фольклора заключается в том, что в специальной литературе нет еще единых принципов в этом важном теоретическом вопросе. Кроме того, фольклор палеоазиатов в целом не достиг сколько-нибудь определенного выделения отдельных жанров. Особенно это относится к произведениям устного творчества, возникшим на основе мифических преданий, дошедших до нашего времени лишь в значительно измененном виде в соединении с другими жанрами. Так, например, сказки об ительменском и корякском мифическом вороне Кутхе — Куткыннеку, развившиеся на основе древних космогонических преданий, в настоящее время можно отнести к мифам лишь в плане генетическом, поскольку Кутх ныне выступает героем не только космогонических преданий (меньше всего), но и героем волшебной сказки и сказки о животных. Из ранних космогонических преданий в ходе исторического развития этого вида фольклора, как можно предполагать, возникло несколько жанров. То же следует сказать и о других видах устного художественного творчества палеоазиатов, когда в одном и том же повествовании контаминируется несколько произведений, относящихся к различным жанрам.

В целях сравнительной характеристики образцов устного художественного творчества народностей чукотско-камчатского региона в целом здесь дается общая классификация его по жанрам, которые в той или иной степени выделяются в устном творчестве каждой из перечисленных выше народностей. При этом учитывается, что зафиксированный собирателями фактический материал далеко еще не достаточен и во многом сложен в

сюжетной и жанровой отношении, поэтому в представляемых здесь характеристиках и заключениях могут также обнаружиться неточности. Однако, как представляется, такая классификационная схема, сравнение текстов по жанрам и сюжетам, а главное — чтение самих текстов, помогут читателю получить общее представление о фольклоре чукчей, азиатских эскимосов, кереков, коряков и ительменов в целом и о локальных особенностях фольклора каждой народности в отдельности.

К основным жанрам устного творчества палеоазиатов Чукотки и Камчатки, включая азиатских эскимосов, согласно отмеченным выше классификационным схемам чукотского и эскимосского фольклора и бытующим видам этого словесного народного искусства у коряков и ительменов, можно отнести следующие: 1) мифические (или космогонические) предания; 2) волшебнo-мифические сказки с подразделами: а) волшебнo-героические сказки о фантастических похождениях героев по разным мирам и их борьбе с враждебными силами, б) сказки о кэле, нынвитах и тунгаках, в) сказки о дружественных и брачных союзах человека и животного, г) сказки о непокорной дочери, д) сказки о сироте, е) сказки о шаманах; 3) героические сказания; 4) исторические предания; 5) сказки о животных; 6) бытовые сказки (рассказы); 7) заговоры; 8) песни; 9) загадки (последние отмечены только у коряков).

Поскольку в одном и том же произведении, относящемся к ранним видам устного художественного творчества (мифические предания, волшебнo-мифические сказки, сказки о животных), часто объединяется несколько сюжетов различных жанров, то отнесение данного произведения к одному из них оказывается часто затруднительным. Между тем отмеченные жанры в фольклоре народностей Чукотки и Камчатки как в чистом, так и в контаминированном виде существуют, поэтому приведенная классификация может оказаться полезной для читателя, хотя она и не претендует на какую-либо завершенность.

Мифические предания, как самый ранний вид устного творчества, непосредственно отражающего древние мифологические представления палеоазиатов о происхождении мира, людей, животных, небесных светил, в чукотско-камчатском фольклоре получили повсеместное распространение. Наиболее яркие образцы космогонических мифов впервые были зафиксированы В. Г. Богоразом у чукчей, которые назвали их *тоттом-ваткэн пынылтэ* («начала творения вести») ²⁰.

Фантастические образы, мифические герои в фольклоре палеоазиатов связаны с конкретной производственной и духовной жизнью создателей древних мифов. У палеоазиатов, как и у других народов, на ранних этапах их исторического развития познание явлений природы осуществлялось через бессознательно художественную переработку представлений об окру-

²⁰ Богораз, 1900, стр. IV.

жающей действительности. Эти художественно обобщенные образы служили целям познания мира и выработки рациональных норм поведения человека.

Издревле существовавшие контакты между коренными народностями чукотско-камчатского региона, а также сходные стадияльно и географически условия жизни охотников и оленеводов привели к взаимному усвоению основных элементов культуры, в том числе и устного художественного творчества. Главные герои мифических преданий у палеоазиатов этого региона оказались общими.

Культурными героями мифических преданий у палеоазиатов выступают птицы, звери, люди, а также мифические владыки верхнего мира, моря, ветра и солнца. Существенная роль в мироздании отводится всемогущему ворону, которого народная фантазия наделила самыми чудесными свойствами, позволяющими ему творить все сущее на земле.

В. Г. Богораз отмечал, что мифы о вороне — создателе мира распространены не только в чукотском фольклоре, но и в фольклоре индейцев Северной Америки²¹. Мифы об этом сказочном вороне-творце особенно широкое распространение имели также у родственных чукчам по языку и культуре коряков и ительменов. Этот же вид мифов с древнейших пор бытовал у азиатских, американских и гренландских эскимосов. Можно предполагать, что мифические предания и сказки о вороне с доисторических времен были распространены и развивались у всех народов Северо-Восточной Азии и Северной Америки, не исключая и эскимосов. Эскимосские мифы о вороне столь же древни, как и у других народов этого региона. Одновременное бытование мифов о вороне у азиатских эскимосов и чукчей свидетельствует не о прямом заимствовании, а о весьма длительном и сложном культурном взаимодействии этих двух народностей, в результате которого в их мировоззрении и художественном творчестве образовалось множество общих элементов, возникших на основе взаимной интерференции основных компонентов духовной культуры. Между тем сказания о вороне имеют широкое распространение не только у азиатских и аляскинских эскимосов, но и у полярных эскимосов Гренландии области Туле, до недавнего времени изолированных даже от основного населения острова и сохранивших наиболее архаические черты первобытнообщинного строя. Е. Холтвед приводит серию текстов о вороне, из которых № 60—64, 74—77²² имеют, на наш взгляд, явные общеэскимосские и шире — североазиатско-американские корни. В этом смысле фольклор (как и язык) родственных народностей, не создавших письменных памятников, но изолированных территориально тысячелетия тому назад и не имевших во многих случаях в этот длительный период непосредственных контактов, может служить

²¹ Богораз, 1900, стр. VII.

²² Holtved, № 60—77.

надежным объектом не только для типологического сравнения жанров и сюжетов, но и для сравнительно-исторического изучения его корней.

При сравнении древних сюжетов того или иного сказочного жанра необходимо учитывать общие стадияльно-типологические особенности жизни соседствовавших разноязычных и одноязычных племен, всю историю развития их материальной и духовной культуры. Совершенно очевидно, что отдельные рассказы о мифическом вороне ительменского фольклора Кутхе через корякский и чукотский фольклор проникли в азиатско-эскимосский, в то время как рассказы о вороне у гренландских эскимосов могли возникнуть независимо от других народов еще в эпоху гипотетической прото-эскимосской общности в силу сходных материальных и природных условий жизни.

У азиатских эскимосов (науканский диалект) в 1948 г. нами было записано несколько вариантов сказки о том, как ворон и сова друг друга покрасили. Речь идет о вороне и полярной сове. Действие разворачивается на сугубо эскимосском бытовом фоне. Ворон красит сову пером из своего хвоста, который обмакивает в почерневший от нагара отстой жирового светильника. Нам эта сказка в период первой записи казалась «чисто» эскимосской, поскольку у других народностей Чукотки и Камчатки она не встречалась²³. Позднее оказалось, что древнейший вариант этой сказки зафиксирован у полярных эскимосов Гренландии, изолированных от азиатских с незафиксированных письменной историей времен, и в нескольких вариантах эта сказка бытует у канадских эскимосов²⁴. Этот же сюжет отмечен в фольклоре юкагиров («Как ворон и чомга красили друг друга»²⁵), японцев и вьетнамцев²⁶. Детали, отображающие быт, климат и уровень культуры носителей сказки, не нарушают ее основного этнологического содержания: почему ворон черный, а сова (ястреб, павлин) — пестрая. В данном случае сходный во многом сюжет сказки уводит нас в такую доисторическую даль, что определить его источник на основе современных данных представляется совершенно невозможным.

С другой стороны, у азиатских эскимосов имеется предание о мифическом вороне, вселяющемся в потерявшегося в море охотника, который, обретя магическую воронью силу, спасает себя и терпящего вместе с ним бедствие брата (см. здесь № 35). Миф о вороньем духе, спасающем унесенных на льдине охотников, мог возникнуть только у приморских жителей под влиянием мифа о вороне-творце. В фольклоре у азиатских эскимосов отмечается значительно меньшее количество мифов и сказок о вороне, чем в чукотском и особенно в корякском и ительменском, однако это не свиде-

²³ Эск. ск., стр. 17—18.

²⁴ Holtved, стр. 232, № 61.

²⁵ Мелетинский, 1963, стр. 48.

²⁶ Японские сказки, М., 1958, стр. 105; Сказки и легенды Вьетнама, М., 1958, стр. 176.

тельствует еще о заимствовании эскимосами «вороньего» цикла. Напомним также и о наличии преданий и сказок о вороне у далеко отстоящих от палеоазиатов групп эскимосов, как отмечено выше. Убедительным свидетельством древности преданий о мифическом вороне у эскимосов азиатского побережья являлось табу на убийство этой птицы. Составителю данного сборника в первый месяц пребывания среди эскимосов в 1932 г. довелось пережить немало неприятных дней, когда он по незнанию и неосторожности ранил старого ворона в поселке Имтук. Этот полярный долгожитель имел кличку Катыгийгак («Седой») и являлся живым покровителем нескольких поколений близкородственных семей поселка. Раненый ворон вскоре погиб, а жители Имтука выразили свое возмущение нарушителю их древнего обычая. Убийство ворона у всех групп азиатских эскимосов считалось одним из самых тяжелых преступлений.

Вороны, гнездовавшие на ближайших скалах, были постоянными «иждивенцами» поселка. Они питались не только кухонными отбросами на помойках, но получали обязательную долю мяса во время кормления охотниками собак. Обычно ворон приземлялся в нескольких шагах от кормящего собак хозяина и получал свой кусок, и если при этом собаки пытались отнять у ворона его еду, люди жестоко наказывали животных. Вороны не боялись людей и жили вблизи поселков.

Ворону посвящались специальные танцы и песни во время охотничьих праздников. Знаменитый эскимосский танец «Ворон», при исполнении которого имитировалась картина удачной охоты ворона на зверя, из религиозно-магического обряда стал народным и в настоящее время инсценируется клубными самодеятельными ансамблями Чукотки как образец народно-танцевального искусства. Обращение к ворону имеется в ряде обрядовых песен и заговоров азиатских эскимосов, что также свидетельствует об устойчивости и древности у них вороньего фольклорного персонажа. Таким образом, о первичности или вторичности (заимствовании) вороньего или любого другого цикла у того или иного палеоазиатского народа следует судить, по-видимому, не только по данным устного художественного творчества, но и по ряду сопутствующих ему признаков, к которым прежде всего относятся этнографические данные об анимистических и тотемических представлениях народа, объектах табу и связанных с ними религиозных обрядах и в основе которых лежат ранние мифологические воззрения народностей чукотско-камчатской группы и азиатских эскимосов о мироустройстве. Одним из мифических героев этого мироустройства в раннем художественном творчестве эскимосов выступает, как отмечено, ворон.

Е. М. Мелетинский, разделяя мнение В. Г. Богораза и В. И. Йохельсона о специфически палеоазиатском (а не эскимосском) происхождении мифов и сказок о вороне, в качестве доказательства ссылается на особую близость азиатско-эскимосских вариантов рассказов о вороне к чукотским и амери-

кано-эскимосских — к фольклору северо-западных индейцев, тем самым аргументируя как бы факт заимствования эскимосами вороньих сюжетов. Этот вывод автор подкрепляет рядом доказательств этногенетического плана²⁷. Мы, однако, придерживаемся мнения, что эскимосы и алеуты, являясь древнейшими насельниками побережья Северо-Западной Америки и Северо-Восточной Азии (эскимосы), не были изолированы от населявших эти области народов, а с доисторических времен находились с ними в тесном взаимодействии. Азиатские и американские эскимосы не были, в свою очередь, отделены друг от друга каменной стеной, а находились в постоянном контакте в районе Берингова пролива. В этом же районе они контактировали с чукчами и северными индейцами.

Сходные условия материальной и духовной жизни разноязычных племен этого региона являлись тем важнейшим фактором, под влиянием которого сходные в жанровом отношении произведения возникали и развивались одновременно и в то же время заимствовались и адаптировались. О глубокой древности эскимосско-алеутской культуры на водоразделе Старого и Нового Света свидетельствуют не только родство языков и фольклора, но также богатейшие данные археологических и этнографических исследований за последние десятилетия. Мифы и сказки о вороне у эскимосов столь же древни, как и у чукчей, коряков, ительменов и северных индейцев. Но особая циклизация этих мифов нашла свое своеобразное и неповторимое развитие в ительмено-корякском регионе, откуда получила частичное распространение в чукотском и эскимосском фольклоре. В данном случае имеется в виду примечательный цикл с вороньим персонажем Кутхом — Куткыннеку, сосуществующий параллельно с более архаическим циклом сказаний о вороне-творце.

Сравнительный анализ космогонических преданий и сказок о вороне в фольклоре чукотско-камчатского региона показывает, таким образом, что центром наибольшего распространения вороньего цикла предстает не Чукотка, а Камчатка. Именно в корякском и ительменском фольклоре возникли и развились совершенно уникальные предания и сказки о вороне Кутхе — Куткыннеку, воплотившем в себе черты культурного героя — творца вселенной и персонажа волшебных-мифических и животных сказок, в которых его героический образ снижается до комического, когда мудрый творец превращается в шута, обманщика и обжору. Этот синкретизм мифа и сказки характерен для устного творчества большинства коренных народов Северной Азии и Северо-Западной Америки.

Мифический культурный герой чукотских космогонических преданий — ворон, добывающий солнце, луну и звезды, клювом продалбливающий небесную твердь, чтобы вошла заря²⁸, предстает более устойчивым творцом, чем

²⁷ Мелетинский, 1959.

²⁸ Богораз, 1900, № 49—53, 57.

ительменский Кутх и корякский Куткыннеку. Вполне вероятно, что это еще тот безымянный и общий чукотско-камчатский ворон-творец, который предшествовал Кутху — Куткыннеку. Что же касается вороньего персонажа чукотских сказок о животных, то в них его мифическая миссия, как и в корякско-ительменских сказках этого типа, снижена также до простака и шута. Судя по сходству многих сюжетов вороньих сказок, ворон Кутх — простак, шут и обманщик («трикстер») ²⁹ — пришел, как мы предполагаем, в чукотский фольклор из корякско-ительменского ³⁰, тогда как безымянный ворон-творец, наиболее отчетливо выраженный, по данным В. Г. Богораза, в чукотском фольклоре, восходит к общему палеоазиатско-американскому региону.

Ительменский сказочный ворон Кутх, как отмечено выше, является родоначальником корякского Куткыннеку (Куйкыннюку), чукотского Куркыля, керекского Кулки, эскимосского Кошкили. Лингвистический анализ свидетельствует, что все эти названия ворона восходят к ительменскому слову к у т х, лексическая семантика которого не раскрывается современными знаниями малоизученного ительменского языка. Ительменский язык, использующий грамматическую основу языков чукотско-камчатской семьи, лексически и фонетически значительно отличается от последних. Можно лишь предполагать, что в его лексико-фонетической основе отложились элементы субстратного происхождения. Так или иначе, слово к у т х является древним ительменским словом и не находит объяснения в языках корякском и чукотском. Оно не восходит внешне и к ительменскому названию ворона (*фе'клх*), и к чукотско-корякскому (*велв*). Производное от *кутх* корякское слово *куткыннеку* состоит из основы *кутк-*, соединительного компонента *-ы* и увеличительного суффикса корякского языка *-неку/-няко*. Буквальное значение этого производного слова — «большой кутх». Вариант *куйкыннюку* отличается от первого диалектным чередованием звуков *т > й*. Чукотское название сказочного ворона — Куркыл, по В. Г. Богоразу, восходит к слову «каркающий» (так В. Г. Богоразу объясняли чукчи), хотя в современном чукотском языке слова с указанным значением нет ³¹. У кереков имя этого персонажа — Кулки. Вполне вероятно, что в основе этого слова лежит элемент звукоподражания. Вместе с тем наличие в чукотских текстах с Куркылем одновременно женского персонажа по имени Мити указывает на возможную адаптацию чукчами имени Кутх — Куткыннеку. Азиатско-эскимосское название этого же ворона — Кошкили восходит, возможно, своей основой *кошк-* к корякской основе *котк-* > *куйк-*, образовавшейся, в свою очередь, от ительменской основы *кутх*. Следовательно, лингвистический анализ личного имени палеоазиатского сказочного ворона приводит нас к ительменскому источнику, где основа *кутх* является произ-

²⁹ Мелетинский, 1958, стр. 10 и сл.

³⁰ Богораз, 1900, № 118, 119, 159.

³¹ Богораз, 1900, стр. XIX.

водной. Указанный признак, а также наибольшая частотность мифов и сказок с именем Кутха именно в ительменском фольклоре являются свидетельством того, что древнейшим центром распространения однотипного в сюжетном и жанровом отношении вороньего цикла о Кутхе мог быть ительменский регион. Частотность употребления имени Кутх в ительменском фольклоре снижается у коряков и кереков и совсем незначительной становится у чукчей и азиатских эскимосов. Сказанное не исключает, однако, что кроме сильного воздействия ительменского вороньего цикла с героем Кутхом на развитие этого вида фольклора у коряков, чукчей и эскимосов параллельно существовали и развивались устные предания с безымянным вороньим героем, что подтверждается как разновидностью некоторых сюжетов, так и наличием в верованиях этих народностей культа ворона-предка.

Движение этого фольклорного цикла о Кутхе с юга Камчатки на север вплоть до Берингова пролива знаменовалось постепенной утратой ряда сюжетов или их локальными изменениями. Вместе с тем предания и сказки о безымянном вороне распространялись по всему азиатскому и американскому Северу.

Мифический герой ительменских сказок ворон Кутх наряду с «культурными» деяниями мироустроителя свободно совершает множество плутовских проделок и шуток. Он — творец, обманщик и простака одновременно, поэтому его полезные для человеческих и животных персонажей поступки постоянно нарушаются неблагоприятными делами в отношении окружающих; от творца, вступающего в контакт с мифическими обитателями морской пучины (№ 174) или повелевающего жене Мити родить медведя (№ 181), до простака, над которым насмеваются (№ 180), или обманщика своих близких (№ 167, 168, 169) — один шаг. Совершенно очевидно, что в ительменских сказках о Кутхе (как и в корякских о Куткыннеку) имеет место своеобразное отражение процессов разложения первобытной общины в связи с зарождением имущественного неравенства.

Большинство современных ительменских сказок о Кутхе и его семье — это уже не мифические предания в прямом смысле, а волшеббно-мифические и животные сказки, роль героя-творца в которых прослеживается весьма неотчетливо.

Мифические герои-творцы, создающие мир, как правило, не имеют предков. Они первыми появляются в фантастическом мире, создают землю, небесные светила, моря, реки, горы, животных и человека. Таков чукотско-камчатский ворон-творец, у которого нет родителей. У ительменов это Кутх, у коряков — Куйкыннюку (Куткыннеку), у кереков — Кукки, у чукчей — Куркыль и Тэнантомнын, у эскимосов — Кошкили.

Сказочный ворон-творец, создавая вокруг себя жизнь, сам становится ее рядовым участником. Но о его происхождении ничего не сказано в чукотско-камчатских мифах. Между тем другие персонажи вороньего цикла

имеют свою родословную. В одних случаях они происходят от животных, в других — в результате брачного союза человека и животных, в третьих — от явлений и объектов природы, в четвертых — по желанию ворона. Так, жена ворона Мити, по одной корякской версии, оказывается дочерью сороки (№ 134), по другим версиям, отмеченным В. И. Иохельсоном, она — дочь белых китов, дочь или жена хозяина моря краба, дочь хозяина ночи, дочь грома и т. д.³²

В сказке «Яичные девушки» (№ 175) Кутх создает дочерей из птичьих яиц, а в сказке «Синаневт и медвежонок» (№ 181) он «приказывает» Мити родить медвежонка и т. д.

Старшие дети ворона и Мити, Эмэмкут и Синаневт, участвуют почти во всем «вороньем» цикле. Из других детей ворона и Мити по ительменскому циклу можно назвать сыновей — Сисильхана, Котхонамталыхана, медвежонок, дочерей — Сирим, Амзаракчан, Няа (или Наа), Мророт, Ана-ракльнавт, Ельтальхан. В разных диалектах корякского языка встречаются эти же имена, с некоторыми фоно-морфологическими различиями, и новые имена персонажей этого цикла. Младшие дети Кутха чаще всего вступают в браки с животными, которые перевоплощаются в людей, и в этом находят яркое отражение тотемические представления ительменов доклассовой эпохи.

Брачный союз Кутха и Мити постоянен. Старший сын Кутха — Эмэмкут не соблюдает уже единства семьи. Он в различных ситуациях вступает в брак с разными женщинами. Так, его женами в разных сказках становятся Иянамльцах, Марокльнавт, Синаневт, Вален-Синаневт, лесная девушка, Ельтальнен. Несмотря на то что Эмэмкут наследует вороньи свойства отца, он в сказках выступает в облике человека, и его женами становятся в большинстве случаев обыкновенные женщины.

Брачные узы дочерей Кутха также оказываются непостоянными. Мужьями их становятся как люди, так и звери. Так, Синаневт в разных ситуациях выходит замуж за Челькутха, Эмэмкута (уже не сына, а зятя Кутха), рыбу-горбушу, охотника и т. д. То же происходит и с ее сестрами.

Характерно, что внуки Кутха — дети Эмэмкута, Синаневт и других их братьев и сестер — не получают собственных имен и совершенно не наделяются чудотворными свойствами.

Родословная героя вороньего цикла корякского фольклора Куткыннеку (Куйкыннюку) в основных чертах совпадает с одноименным циклом сказок ительменского фольклора, хотя и представляется обедненной в силу заимствования. В состав семьи Куткыннеку (Куйкыннюку) входят: жена — Мити (Миты), сыновья — Эмэмкут (Амаккут), Котгану, Кигигысынюку, Сисисын (Чичисэн), дочери — Тининэнэввут (Тынианавыт)) Рэра, (Рира), Уала, Хай-сянэру.

³² The Koryak, стр. 17—22; Богораз, 1900, стр. VII—VIII.

В отличие от ительменского цикла в корякском получили имена дочери Эмэкута — Инианавыт и Клюкэнэвыт.

Постоянными персонажами этого цикла и в корякском фольклоре остаются Куткыннеку, Мити и их старшие дети Эмэкут и Тынианавыт (ительмен. Синаневт).

Эмэкут — это в основе своей положительный герой волшебнo-мифической сказки ительменско-корякского фольклора. Он — прямой наследник ранних культурных деяний своего отца, от которого заимствовал только лучшие черты — способность перевоплощаться в ворона, умение совершать чудесные поступки, полезные ближним. Эмэкут часто отвергает все низменное в поступках Кутха. Перевоплощаясь в ворона, он продолжает космогоническую миссию тесного взаимодействия человека и животного. Сказки, где Эмэкут совершает неблагоприятные поступки, являются редкими исключениями и представляют собой, по-видимому, позднейшие наслоения.

Рассказы о Куткыннеку и Эмэкуте частично проникают в чукотский фольклор и через него в фольклор азиатских эскимосов, однако здесь они утрачивают характер устойчивых циклов.

Таким образом, в ительменско-корякском цикле сказок о мифическом вороне Кутхе — Куткыннеку, послужившем основой для образования других сказочных жанров, ярко отразилось двойственное представление древних палеоазиатов Камчатки о мифических предках человека.

Другими героями-творцами мифических преданий народностей Чукотки и Камчатки были «создающая» женщина (девушка), различные владыки моря и верхнего мира. В основе верований палеоазиатов данного региона лежат представления о мифических предках, которыми у разных народностей и даже у разных территориальных групп одной народности могли быть совершенно различные героини-творцы — звери, птицы и человекоподобные владыки моря и верхнего мира. Ворон не являлся единственным и более ранним или более поздним творцом вселенной у палеоазиатов. Параллельно с ним существовали и другие «творцы», наибольшее распространение из которых приобрела «создающая» женщина.

У азиатских эскимосов и чукчей такой создательницей выступает женщина из Мамрохпака, которая, не пожелав выйти замуж по велению отца, удаляется в тундру, обретает чудесную силу и создает приморских и кочевых жителей, а также оленей и морских зверей. Из мифов о сильной женщине, отказывающейся выйти замуж по повелению отца и по своему желанию выбирающей супруга, распространенных по всему северо-азиатскому и северо-американскому региону, позже разовьется целый цикл волшебных сказок, в которых отразятся не только пережиточные явления «миротворчества», но и мотивы социальной организации доклассового общества». Таковы, например, чукотские предания о «создающей» женщине Кытгы, эскимосские и чукотско-корякские предания о девушке или женщине, устраивающей свою жизнь по собственному усмотрению, о спротах, ведущих

борьбу со своими жестокими односельчанами или дядьями, о женщинах-воительницах и т. д. В этих преданиях найдут отражение и такие важные социальные мотивы, как семейные и брачные отношения, разложение первобытнообщинных традиций распределения продуктов коллективного труда, появление имущественного неравенства и обособление отдельной семьи.

Мифические предания о морской владычице Седне, засвидетельствованные в конце XIX в. Боасом у эскимосов пролива Дэвиса на востоке Баффиновой Земли, в различных вариантах повторяются (но с другими названиями героини) также и у других групп эскимосов³³.

Эта героиня, регулирующая добычу морского зверя, часто является той же обиженной родителями девушкой, которая становится мифической создательницей или разрушительницей всего сущего. Интересный перечень таких «владычиц моря» в фольклоре канадских и аляскинских эскимосов приводят в своей книге З. Нунгак и Е. Арима³⁴. Лингвистический анализ названий этих мифических персонажей свидетельствует, что они не являются личными именами, а относятся к словам пространственно-указательной ориентации или же к существительным, характеризующим персонаж по каким-либо внешним или качественным признакам [ср.: *агналулук таканналулук* «женщина нижняя», *агнакапсалулук* «большая плохая женщина», *кавна* «та внизу», *негивик*³⁵ (ныгывик) «мясное блюдо», «место для мяса» и т. д.].

Но владыкой моря может быть и мужчина, как это имеет место в эскимосской сказке «Хозяин моря» (№ 6). Такими владыками морских глубин выступают и общины морских зверей — китов, моржей, лахтаков, нерп (№ 14, 125), а хозяином удачной охоты — рожденный женщиной кит, приводящий к берегу собратьев-китов (№ 19), белый медведь и другие помощники человека.

Хозяином верхнего мира, в который часто попадают ищущие своей счастливой доли люди, выступает обычно мужчина, редко — женщина. Хозяин неба, которого в эскимосских мифических преданиях называют *силгам йугуа* (также *силам йон*) — «человек вселенной», *силзык* — «творец», *силам осына* — «хозяин вселенной», *алмысим йон* — «человек обычаев» («хозяин обычаев»), по внешнему облику и образу жизни обыкновенный охотник, наделенный всеми человеческими чертами земного жителя. Его превосходство перед людьми в том, что он может наказать человека за на-

³³ Термин *Седна* не является собственным именем героини мифических преданий — владычицы моря; он восходит к указательному эскимосскому местоимению *сана*, *самна* — «тот нижний», «тот под чем-либо», табуированно использованному в фольклоре. В этом иносказательном значении употреблялись и другие указательные слова, которых в эскимосском языке-основе более двадцати (см. Nungak, Arima, стр. 113—114; Г. А. Меновщикова, Указательные местоимения в эскимосском языке, — «Вопросы языкознания», 1955, № 1).

³⁴ Nungak, Arima.

³⁵ Там же.

рушение морально-этических норм, задержав его в верхнем мире. Но владыка этого верхнего мира человечен в такой же степени, как и его подопечные: он часто имеет жену и детей, а когда к нему попадают искательницы счастливой доли с земли, то он женится также и на них, и в результате такого брака появляются дети; он имеет байдару, гарпун и прочее охотничье снаряжение; добывает диких оленей, морских зверей, имеет запасы еды; со своими гостями и членами семьи ведет будничные житейские разговоры. В отличие от жителей земли хозяин неба обладает чудесными свойствами: он вонзает копьё в стену землянки, стена раздвигается, подступает морская вода, и он выплывает из землянки на каяке в море, а стена вновь смыкается. Своих гостей хозяин неба опускает на землю при помощи ремня через отверстие в полу землянки, одаривая их предметами, которые на земле превращаются в оленей, пушнину, мясные припасы и т. д. (см. здесь № 16, 17, 24, 31).

В чукотских сказках о хозяине неба повторяются те же сюжеты, что и в эскимосских, но владыку верхнего мира здесь называют Тынагыргын — «Рассвет» или Тэнантомнын — «Создающий». Мифические рассказы о Тынагыргыне с сохранением имени этого небожителя заимствовали от чукчей, в свою очередь, азиатские эскимосы. Таким образом, происходил процесс двусторонней интерференции однотипных сюжетов, ранним истоком которых могли быть как древние эскимосские, так и чукотские мифы о творцах-небожителях.

В эскимосской сказке «Потерявшиеся братья» (№ 24) владычицей верхнего мира выступает женщина, чудесным образом спасающая братьев-охотников: Муж этой владычицы — половинный человек, у которого — по одной конечности, одному глазу, одному уху. А в другой сказке («Вторая жена», № 31) половинной является жена небесного жителя, который в качестве второй жены берет также поднявшуюся к нему человеческую женщину. Чудесное в сказках этого типа переплетается с реальной жизнью, с детальным отображением производственной деятельности людей и их обычаев.

Волшебные мифические сказки палеоазиатов представляют собой художественную трансформацию мифических преданий. В них главными персонажами выступают уже не герои-творцы, а «созданные» ранее последними человеческие и другие участники сказочных событий и их чудесные помощники. Герои этих сказок ведут борьбу со своими антагонистами — вредоносными «духами», великанами, шаманами, насильниками, из которых неизменно выходят победителями.

В фольклоре палеоазиатов Чукотки и Камчатки весьма трудно провести грань между мифическими преданиями, объясняющими образование мира, земли, происхождение человека, животных, и волшебными мифическими сказками, в которых морально-этическая основа тесным образом переплетается с элементами космогонии, когда сюжеты о героях-творцах контаминируются с сюжетами о похождениях героя волшебной сказки.

Мифические элементы в волшебной сказке палеоазиаатов находят свое выражение в устойчиво сохраняющихся мотивах зависимости человека от явлений и предметов окружающей природы, которые одухотворяются и наделяются чертами человеческой жизни.

Звери, птицы, насекомые, рыбы наделяются антропоморфными признаками. Ветер, солнце, луна, северное сияние, гром — одухотворяются. В волшебномифических сказках палеоазиаатов с особой отчетливостью отражаются космогонические, анимистические и тотемические представления, являющиеся составными элементами мировоззрения людей первобытнообщинной формации. Эта художественная и мировоззренческая сила сказки оказывала огромное влияние на воспитание у членов каждой общины и народности в целом полезных и устойчивых морально-этических норм поведения и навыков активного воздействия на окружающую действительность. В сказку верили, и потому она была школой жизни, а не только ее художественным отражением.

Для сказок и преданий аборигенов Чукотки и Камчатки характерным представляется, таким образом, не только перевоплощение зверей, птиц и насекомых в человека, но и одухотворение предметов и явлений природы. Так, например, в ряде волшебномифических сказок эскимосов, чукчей и коряков изображается взаимодействие одухотворенных сил природы, когда ветер и солнце состязаются в создании лучших условий жизни для людей, а гром при содействии ветра и дождя разрушает гору, чтобы освободить похищенный этой горой листочек.

Мифические предания и волшебномифические сказки об орлах-великанах бытуют преимущественно в фольклоре азиатских и аляскинских эскимосов, а также у чукчей. В фольклоре коряков и ительменов эти жанры не отмечены. Мифические предания об орлах-гигантах, могущих нести одновременно по два кита и проглатывающих китов, как маленьких рыбок, возникли и развились преимущественно на Чукотке, Аляске и в Канаде, где до недавнего времени водились крупные канадские орлы. Эти огромные птицы в народной фантазии, воплощенной в преданиях и сказках, послужили прообразами мифических орлов-великанов, выступающих в фольклоре в роли охотников на дикого оленя и морского зверя. Характерным содержанием рассказов об орлах является постоянный поиск пищи. В преданиях и сказках об орлах-великанах непосредственным образом отражается реальная жизнь древних насельников Берингоморья, для которых добыча еды в суровых ледяных просторах Арктики была необходимым условием существования.

Мифы и сказки о птицах-великанах, могущих нести двух китов и совершающих чудесные превращения, имеются также и в древнейшем эскимосском фольклоре гренландцев, которые, будучи длительно изолированными (особенно эскимосы области Туле), сохранили этот вид устного творчества до наших дней. Но, поскольку в Гренландии нет орлов, мифиче-

ской птицей-великаном там выступает чайка. Так, в сборнике Холтведа (текст № 39) говорится, что чайка-великан «была хорошим охотником и постоянно приносила в клюве белых китов», и далее: «Это была такая громадная чайка, что один человек из ее бедренного сустава сделал конуру для своей собаки».

Зооантропоморфное изображение животного мира присуще не только животной, но и в равной степени волшебнo-мифической сказке. Это особенно относится к эскимосско-чукотским сказкам, где персонажами, кроме человека, выступают белые медведи и орлы-великаны, морские касатки и волки, паук и жук, лиса и ворон, перевоплощающиеся часто в людей, говорящие на человеческом языке, ведущие человеческий образ жизни. В ительменско-корякском цикле сказок о Кутхе — Куткыннеку персонификация зверей и птиц, особенно ворона, медведя и лисы, имеет также широкое распространение.

Главными героями волшебнo-мифической сказки являются люди, попадающие в сложные житейские ситуации. Помощниками и советчиками героя-человека выступают как мудрецы, наделенные даром провидцев, так и животные и чудесные предметы. К таким шаманским помощникам человека относятся лиса, касатки, мышка, волки, горноста́й, гагара, бурый медведь, морской петушок, паук, кит, белые олени, ворон, морские звери (моржи, лахтаки, нерпы). Особое место среди животных персонажей волшебнo-мифической сказки занимают орлы-великаны и белые медведи, которые могут выступать как тотемными покровителями человека, так и его непосредственными врагами. Что же касается таких персонажей, как касатки, гагара, паук, лиса и белые олени, то они в волшебнo-мифической сказке палеоазиа́тов чаще всего выступают в роли тотемных покровителей, выполняя в то же время некоторые наиболее архаические функции героев-творцов.

К постоянным антагонистам человека из животного мира относятся краб, черви, жук. Жук, перевоплощаясь в маленькую черную старушку, становится зловредным существом и приносит несчастье людям. В этом смысле он противопоставляется пауку, оказывающему чудесную помощь человеческим героям, попавшим в беду.

Лиса и паук в роли покровителей и помощников человека, как правило, выступают в образе маленькой женщины (ср. здесь № 15, 39, а также сказки в сб. «Эскимосские сказки и легенды»).

В качестве чудесных предметов в фольклоре народностей Чукотки и Камчатки выступают мяч, уголек, камень, кремь, выбивалка, летающие лодки (каяки, байдары), стрела, травинка, нож, лыжи, посох, гребешок, шкатулка, мешочки, лучина, мизинец, бубен, рукавицы, шапка, кухлянка, отверстие в землянке, мухоморы, ягоды, мертвая голова (череп). Одухотворенными предметами и явлениями природы в сказках (особенно эскимосских) предстают солнце, луна, сполохи, гром (см. здесь № 1, 2, 3 и др.).

Хозяевами верхнего мира, моря, вселенной (или погоды), огня, света являются человекоподобные существа, названные выше. Эти «хозяева» (особенно небожители) выступают в роли как покровителей героя, так и его антагонистов.

Особый раздел в жанре волшебно-мифической сказки палеоазиатов Чукотки и Камчатки занимают рассказы о вредоносных «духах», которых чукчи и коряки называют кэле, нынвит, эскимосы — тунгак или тунгак (диалектные различия).

Фантастическое отражение суровой борьбы палеоазиатов эпохи первобытнообщинной формации с непокорной северной природой, их повседневного труда и быта является стержневым направлением волшебно-мифической сказки. Элементы домашнего быта, традиционные виды охоты на дикого оленя и морского зверя, собирательство и другие виды производственной деятельности палеоазиатов фиксируются в их коллективном творчестве через призму художественной переработки действительности. В отличие от мифических (космогонических) преданий фантастика волшебно-мифической сказки отрывается от своей исходной мифологической основы и становится средством художественного отражения борьбы человека с непокорными и непознанными силами природы. Художественный вымысел представляется людям этой эпохи правдой жизни, руководством к активному воздействию на окружающий мир. Вера в сказку связывается непосредственно с мировоззренческими представлениями (космогонией, анимизмом, магией), которые так ярко отразились в фольклоре палеоазиатов.

В борьбе с враждебными силами человек неизменно проявляет инициативу, находчивость, умственное и физическое превосходство над препятствующими ему врагами. В наш сборник включено значительное количество сказок, где герой вступает в единоборство с кэле, тунгаками и нынвитами, которые вмешиваются в его жизнь, а часто и в жизнь целой общины.

Волшебно-мифические сказки о борьбе человека с вредоносными «духами» особенно широкое распространение получили у эскимосов и чукчей. Совсем мало таких сказок у коряков и почти нет у ительменов. Характерной особенностью сказок с участием кэле, нынвитов и тунгаков является то, что в них редко называется имя человеческого героя. Обычно это «оленеvod», «человек», «мужчина», «старичок», «девушка», «сирота», «младший сын», «шаман» и другие нарицательные имена. Лишь в отдельных сказках с участием кэле, нынвитов и тунгаков главный герой имеет собственное имя (Иынувь в сказке «Пастух Иынувь», № 68; Кыкват в сказке «Шаман Кыкват», № 77; Ахаханаврак в одноименной сказке, № 29).

В этих архаических сказках человек вступает в борьбу с вредоносными силами, которые побеждает или при помощи животных-покровителей, различных «хозяев», колдунов и чудесных предметов или же благодаря магическим заклинаниям, собственной силе и находчивости. Несмотря на изво-

рогливость кэле и тунгаков, их способность перевоплощаться в людей, спастись от преследующего их героя путем погружения в земную твердь, они не могут уйти от человеческой кары. Преследование кэле изображается весьма натуралистически. Герой догоняет кэле, вонзает в него гарпун, как в мэржа, раненый кэле уходит в землю, но по поплавку, привязанному длинным ремнем к гарпуну, герой находит врага и приканчивает его. В одной чукотской сказке шаман Кыкват своей хитростью побеждает людоеда кэле. Односельчане Кыквата крепко связывают кэле и распирают его пасть палкой. Целое лето жители Нэтэна (поселка) выливают в пасть кэле помой. Затем Кыкват учиняет допрос побежденному и униженному чудовищу. Тот дает слово не трогать людей и навсегда уходит. Сюжет архаической сказки здесь имеет явную сатирическую направленность. Борьба человека с кэле и другими чудовищами в сказках происходит на фоне иронического и даже издевательского отношения героя к своим извечным врагам.

Весьма значительное место среди волшебного-мифических сказок у палеоазиатов Чукотки и Камчатки занимают сказки о дружественных, родственных и брачных связях человека с животными. К этому же циклу относятся и сказки о враждебных столкновениях человека и животного (зверя, птицы, насекомого). Человеческий персонаж, герой этих сказок, не называется по имени. Из 35 сказок с человеческими и животными персонажами (исключая цикл сказок о Кутхе — Куткынкеу) только в двух мы обнаружили собственные имена героев, образованные к тому же от существительных, семантически раскрывающих основное содержание сказки (ср. Каяксигвик — «Каячный», «человек в каяке» и Кайнывалю — «Медвежьи уши»). В сказках этого типа ярко выражаются мотивы ранних тотемических представлений первобытного охотника, его постоянный контакт с животным миром. Добыча еды, охотничья удача первобытного охотника в этих сказках связывается с его ранними мифологическими и анимистическими представлениями.

В ряде сказок этого вида человек (мужчина или женщина) вступает в любовные или брачные связи с животным. В результате таких связей появляются дети, обладающие человеческим умом и животной силой. Иногда эти дети рождаются в облике животного (№ 19), иногда — в облике человека с звериными ушами (№ 139) и т. д. Рожденный женщиной кит приводит своим человеческим сородичам для добычи других китов, а рожденный медведицей человек с медвежьими ушами убивает свою звериную родительницу, а затем побеждает таинственных великанов, несущих на себе рощу березняка, сопку с кедровой рощей и приречную тундру.

Помощники и покровители человека — волки, гагара, касатки, паук, лиса, белые олени, морские звери — наделяются магической силой, которую герой использует для достижения своих целей. В качестве антагонистов человека выступают орлы-великаны, которые по возвращении из полетов за добычей (обычно за китами или дикими оленями), сняв одежду из перьев:

перевоплощаются в людей-великанов. Бурые и белые медведи в разных ситуациях выступают как в роли антагонистов, так и в роли помощников человека, с которым чаще всего вступают в любовные и брачные связи.

Оказание взаимных услуг зверем и человеком изображается во многих сказках этого вида. Так, сбежавшая из неволи девушка попадает в жилище медведицы, которая за услуги чудесным образом спасает беглянку и возвращает ее домой (Рубцова, № 15). Белый медведь спасает унесенного на льдине охотника, который помог ему избавиться от врага (здесь № 11); унесенного со льдами сироту спасает белая медведица, которую он в благодарность за услуги берет в жены, и медведица превоплощается в женщину (№ 63). Человек в поисках счастья спускается в морскую пучину и находит там дружественный прием со стороны «нерпичьего народа», «лахтачьего», «моржового», «китового народа» (№ 14). Лиса в образе маленькой женщины выручает девушку из плена белого медведя-людоеда (№ 15). Мифические помощники человека гагара и волк помогают оленеводам освободиться от плена таньгов-захватчиков; в благодарность спасенные дети оленевода вступают в брачный союз с волками-помощниками (№ 18). Мышка наделяет сироту богатырской силой, и он побеждает старшину-насилльника (№ 30). Чудесными тотемными покровителями человека в эскимосско-чукотском фольклоре выступают касатки, спасающие людей от разных бед и приносящие удачу в охоте.

Сказки о непокорной дочери, не желающей выходить замуж по воле родителей, генетически восходят к древним мифологическим представлениям эскимосов и чукчей о женщине — создательнице людей и животных. Мифические предания о «создающей женщине», подобные преданию «Игрушечный народ» (№ 56), в результате трансформации этого вида устного творчества при постепенном изменении условий социальной жизни его носителей утрачивали мифологическую основу и перерастали в волшебные сказки. Если в мифических преданиях приморская девушка, изгнанная отцом за непослушание или нежелание выйти замуж по его воле, становится мифической создательницей кочевников и приморских жителей, морских и земных зверей, жилища и предметов быта (№ 56) или превращается в моржа и околдовывает своих родичей, то в волшебном-мифической сказке она в значительной степени или совершенно утрачивает свойства создательницы и сама становится объектом чудесных сил, вступая в брачный союз с животными, или попадает во власть других мифических существ.

Волшебном-мифические сказки о непокорной дочери отмечены также Холтведом у гренландских эскимосов области Туле, Нунгаком и Арима у канадских эскимосов, что свидетельствует о весьма древнем происхождении этого вида сказок у палеоэскимосов. В чукотский фольклор сюжеты о непослушной дочери могли проникнуть из фольклора азиатских эскимосов.

К волшебнo-мифическим сказкам должны быть отнесены также предания о шаманах, возникшие и развившиеся на основе мифических преданий дошаманского периода. Предания о шаманах как носителях определенной формы мировоззрения, развившегося из предшествовавших ему и сосуществующих с ним мифологических и анимистических представлений, у палеоазиатов чукотско-камчатского региона представляют собой повествования об общении шаманов с духами — кэле и тунгаками, о вывозе душ умерших из верхнего мира или из плена у кэле, об оживлении умерших, излечении больных, о магических состязаниях шаманов между собой³⁶. Эти предания рассказываются не шаманами, а любым рассказчиком о шаманах, об их колдовском могуществе, о воздействии шаманской магии на окружающий мир. В общую канву преданий о шаманах часто вплетаются мотивы и сюжеты традиционных мифических преданий и волшебных сказок. Герои сказок о шаманах, если они и сами являются шаманами, кроме исполнения своей прямой обрядовой миссии колдовства совершают множество поступков, присущих другим героям волшебнo-мифической сказки. Обрядовый акт и художественный вымысел здесь сливаются воедино. В чукотских, эскимосских и корякских сказках шаманы, как и кэле, тунгаки, могут быть не только добрыми, но и вредоносными. Их магической силе, по представлениям палеоазиатов, подвластны как люди, так и животные, предметы и явления природы. В чукотской сказке «Человек с горячих ключей» (№ 67) герой умиротворяет шамана, умерщвляющего детей. В сказке «Человек в белой одежде» (№ 71) шаманы состязаются в искусстве колдовства. В сказке «Равклявол и сирота» (№ 75) охотник теряет в море сына. Он просит шаманов помочь вернуть потерянного, но их камлание оказывается безрезультатным. На помощь приходит сиротка, наученный искусству магии человеком-касаткой, мифическим покровителем людей. Сиротка возвращает отцу сына. Таким образом, колдовское могущество профессиональных шаманов подвергается в некоторых сказках сомнению, ему и противопоставляются магические силы мифических героев.

В других чукотских сказках шаманам приписывается магическая сила перевоплощения. В сказке «Шаман» (№ 76) рисуется картина борьбы героя с вредоносными кэле. В экстазе камлания шаман устремляется к звездам, в море, в землю, пытаясь оживить умершего сына.

В корякской сказке «Аммале» (№ 141) героиня получает шаманскую силу и околдовывает пленивших ее нинвитов-свистунов, от которых убегает. Такое немотивированное обладание магической силой со стороны героини или героя является обычным для волшебной сказки палеоазиатов, что объясняется, по-видимому, их дошаманскими мифологическими представлениями. В ряде корякских сказок в роли шаманов выступают женщины. В сказке «Пять сестер» (№ 142) шаманка превращается в людоедку-кэле,

³⁶ Богораз, 1900, стр. IV и сл.; а также № 77, 78, 81—99, 72; Мелетинский, 1963, стр. 49 и сл.

в сказке «Шаманка Кытна» (№ 143) героиня, обернувшись волком, возвращает дочь, похищенную волчьей стаей. Возникновение подобных сюжетов также связано с ранними мифологическими воззрениями.

Предания о шаманах не являются прямым отражением профессионального шаманизма палеоазиатов Чукотки и Камчатки. Шаманские легенды и заклинания, использовавшиеся в ритуальных целях, сами возникли и развились на почве первобытного мировоззрения, в основе которого лежало иррациональное, фантастическое отражение в сознании людей предметов и явлений реальной действительности. Шаманские легенды и ритуалы, вошедшие в качестве отдельных составных частей в волшебную сказку, подверглись художественному переосмыслению и стали одним из составных компонентов устного народного творчества. «В народной сказке,— отмечает Е. М. Мелетинский,— отражался также рост самосознания индивида, активизировался сказочный герой и складывался своеобразный культ героя. Этот процесс шел независимо от шаманизма и даже в принципе в противовес ему: в сказках оказывалось, что не только шаманы, но и простые охотники и оленеводы могут обладать исключительными способностями. Правда, сами эти способности мыслились как соединение физических и магических сил»³⁷.

В особый подраздел волшебно-мифических сказок выделяются волшебные-героические сказки палеоазиатов, отличительной чертой которых является совершение героем фантастических действий ради защиты своих одноплеменников, членов семьи или себя от врагов, коими являются различные фантастические существа. Герой этих сказок совершает путешествия в заморские земли и сказочные миры, вступает в единоборство или дружественный контакт с великанами, чудовищами и стихиями природы, стремясь собственными силами или магическими средствами выручить попавших в беду людей или защитить себя от враждебных сил. В своей борьбе с враждебными силами герой использует чудесных помощников и чудодейственные предметы. Гиперболизм и фантастика волшебно-героической сказки непосредственным образом переплетаются с реальной действительностью, в условиях которой живет герой. Реальные события передаются в сказке этого типа средствами фантастических превращений и действий героя.

Образцом волшебной-героической сказки может служить, например, эскимосская сказка «Младший сын» (№ 12), в которой герой попадает в страну людоедов-тунгаков, где он одерживает победу над своими опасными врагами. Тут и табу на одежду из шкуры дохлого волка, и белые медведи в роли охранителей тунгаков, и переодевание героя с целью обмана врагов, и ловля тунгаками младенцев в проруби, и чудесное спасение героя. В других сказках этого жанра герой в поисках потерявшихся или похищенных братьев попадает в верхний мир, где при покровительстве добрых советчи-

³⁷ Мелетинский, 1963, стр. 79.

ков и с помощью чудесных предметов побеждает злые силы и спасает братьев (сестру, жену, отца, детей). В роли чудесных помощников героя выступают также животные персонажи (мышка, паук, волки, лиса и др.).

Волшебнo-герoическая сказка, являющаяся одной из разновидностей волшебнo-мифической сказки, в чукотском и эскимосском фольклоре особенно ярко представлена в цикле сказок об обездоленном сироте, который ведет трудную борьбу со своими обидчиками. Врагами сироты выступают насильники-старшины, недоброжелательные дядья, вредоносные кэле и тунгаки, а также другие сказочные существа. Друзьями и помощниками его являются в разных вариантах сказок бабушка, сестра, добрый дядя (другие дядья — антагонисты сироты), животные персонажи и волшебные предметы. Антропоморфизм и особенно зоантропоморфизм продолжают занимать в этом виде волшебной сказки важное место и связывают ее с ранними мифическими преданиями.

Образ сироты в фольклоре приморских чукчей и азиатских эскимосов (как и в фольклоре американских и гренландских эскимосов, а также северных индейцев)³⁸ исторически возникает в связи с разложением первобытнообщинных отношений и появлением социальной дифференциации между рядовыми охотниками и выделившимися из их среды старшинами (умилыками) и владельцами байдар, становящимися во главе социально разнородной общины или байдарной артели.

Положение обездоленных сирот, стариков, вдов, немущих одиночек-охотников среди приморского населения становилось особенно невыносимым во времена периодических голодовок, когда не приходил морской зверь или продолжительное зимнее время свирепствовала непогода. В такие периоды бедственное положение наступало для всего населения, и люди, лишенные кормильца, становились «лишними ртами». Соседи во время голода в отдельных случаях безжалостно изгоняли из своих жилищ сирот. Промысел морского зверя в ледяных просторах арктических морей был связан с постоянным риском. Охотников часто уносило в открытое море на оторвавшейся от припая льдине, и осиротевшая семья оказывалась без еды. Все эти социальные и бытовые коллизии в положении сироты нашли отражение в палеоазиатских волшебнo-герoических сказках.

С зарождением имущественного неравенства и нарушением установившихся древних демократических обычаев равного распределения добычи между всеми членами приморской общины, независимо от степени участия в промысле, в бедственном положении оказываются прежде всего члены семей, лишившиеся кормильца-охотника, а именно: осиротевшие дети, старики, вдовы, калеки, неудачливые охотники-одиночки. Все они попадают в прямую экономическую зависимость от присваивающих львиную долю

³⁸ См. указание на источники сказок о сироте в кн.: Мелетинский, 1958, стр. 55 и сл. (сноски).

добычи старшин-умилыков (силачей, «хозяев земли») и владельцев больших байдар.

Аналогичный процесс социальной дифференциации наблюдается и среди кочевого населения. В результате чукотско-корякских войн за обладание оленьими стадами происходит процесс концентрации оленьего поголовья в руках отдельных предприимчивых оленеводов, к которым попадают в экономическую зависимость неимущие или малооленные соседи и родственники. Собственник оленьего стада становится фактическим главой стойбища, а зависимые от него люди — пастухами³⁹.

Вместе с тем разложение первобытнообщинных отношений у народностей Чукотки и Камчатки совершалось весьма медленно, и к моменту победы Советской власти у них не произошло четкого классового расслоения. Древние обычаи и нормы жизни соседской общины в разных формах пережиточно продолжали сохраняться вплоть до 30-х годов⁴⁰. В условиях сосуществования древних демократических норм жизни общины и новых общественных отношений более отчетливой становилась идеологическая и морально-этическая направленность волшебного-героической сказки.

Огромное влияние на развитие новых видов устного творчества приморского и кочевого населения Чукотки, в том числе и на цикл сказок о сироте, оказала дифференциация хозяйства на морской промысел и домашнее оленеводство. Возникли новые общественные отношения между приморским населением и кочевниками-олeneводцами. Приморские жители с оскудением охоты на дикого оленя попадают в зависимость от оленеводов, поскольку они не могут обойтись без оленьих шкур, необходимых для одежды и спальных помещений (подогов). Кроме того, в периоды голодных сезонов, когда нет морского зверя, приморские жители вынуждены обращаться к оленеводам за оленьим мясом. С другой стороны, с ростом поголовья оленей у кочевников-олeneводцов усложняются и подсобные средства выпаса стад на больших пространствах тундры. В связи с устойчивой специализацией хозяйства и сосредоточением всех людских сил на выпасе оленей оленеводы испытывают нужду в сырье от морского промысла — лахтачьих, нерпичьих и моржовых кожах, ремнях, подошвах, полозьях для нарт, подполозках из китовой кости (верхний слой челюстей), топленом нерпичьем жире для освещения и отопления, пластинах китового уса и различных предметах быта, изготавливаемых приморскими жителями. Установившийся мирный натуральный обмен между двумя группами населения в отдельных случаях нарушался и завершался военными столкновениями между ними или борь-

³⁹ В. Г. Тан-Богораз, Классовое расслоение у чукчей-олeneводцов, «Советская этнография», 1931, № 12; Беликов, 1960, стр. 289; Вдовин, 1965.

⁴⁰ Вдовин, 1950; 1965; А. М. Сергеев, Некапиталистический путь развития малых народов Севера, М.—Л., 1955.

бой отдельных семейств (ср. сказки «Виютку-предводитель», «Экетамыи», «Враги» и другие в сб. «Эскимосские сказки и легенды»).

Сюжетной тканью ранних сказаний о сироте явились мифические предания и сказки о похождениях героев по иным мирам, о борьбе их с вредоносными силами. В эскимосских и чукотских сказках о сироте мы обнаруживаем, например, мотивы космогонических представлений о природе, о мироздании, о содружестве и кровном родстве человека и зверя. Отдельные сюжеты сказок о сироте представляют собой прямое использование сюжетов животной сказки (ср. здесь № 36, 37).

В ранних сказках о сироте сохраняется еще доброжелательное отношение родственников и соседей к сиротам, свидетельствующее о соблюдении на первых порах социальной дифференциации старых обычаев равенства всех членов общины. Так, например, эскимосская сказка «Брат и сестра» начинается словами: «Жили девочка и мальчик — брат с сестрой. Сестру звали Тайкынауи, брата — Тайкыгыргын. Жили они в селении Нуткан. Много было в нем жителей. Помогали они сиротам, приносили им мяса, чтобы те не голодали»⁴¹. Однако сироты и в подобной ситуации, когда на помощь приходит не община, как ранее, а отдельные семьи, сами стремятся выйти из униженного положения, чтобы добывать еду самостоятельно. Им помогают одерживать победу над соседями находчивость, трудолюбие и чудесные звериные помощники — горностаи и сова.

В чукотских сказках о сиротах герой часто подвергается угнетению со стороны своих дядьев-насильников, лишь один из которых заступает за него. В сказке «Сирота» (№ 30) герой помогает своему доброму покровителю-дяде отнять у вредоносных кэле похищенную жену. Чудесными помощниками сироты выступают травица, напутствующая его на подвиг, и сделанная дядей стрела, указывающая путь в логово кэле. В сказке отражаются космогонические представления о границе света и отверстиях в земле, через которые видны горы иного мира, где обитают вредоносные кэле. В основе сказки «Белая медведица» (№ 63), повествующей о сироте, жившем со своей бабушкой, лежит распространенное у приморских жителей Чукотки мифическое предание о брачном союзе охотника и белой медведицы. Здесь вместо охотника выступает сирота, которого уносит в море на льдине и которого спасает чудесным образом белая медведица. В благодарность за спасение сирота женится на медведице, которая, сняв шкуру, становится белотелой женщиной. Рождение медведицей двух сыновей — человека и медвежонка, а также фантастические похождения героя-сироты в стране белых медведей — все это свидетельствует о мифологической основе ранних сказаний о сироте, связанных с анимистическими и тотемическими представлениями.

В сказаниях о сироте позднего периода с особенной силой подчерки-

⁴¹ Эск. ск. и лег., стр. 124—129.

ваются их социальный аспект, отражающий новые общественные отношения, возникавшие в связи с зарождением имущественного неравенства среди приморских охотников и оленеводов. Морально-этические нормы, сложившиеся в условиях первобытной общины, претерпевают в новых условиях существенные изменения. Героические подвиги обретшего силу сироты теперь направлены на искоренение насилия и несправедливости, чинимых старшинами и богачами-насилъниками.

Чукотские и азиатско-эскимосские сказки о сироте трудно дифференцировать по принадлежности их тому или иному народу. Сказки на одни и те же сюжеты бытуют как у чукчей, так и у эскимосов. Это объясняется как многовековой общностью материальной и духовной культуры приморских жителей — азиатских эскимосов и чукчей — и их тесными хозяйственными и культурными контактами с чукчами-оленеводами, так и причинами конвергентного развития в одинаковых экологических и социальных условиях существования этих народностей. Большинство сказок о сироте, записанных у чукчей, имеют параллели или варианты в фольклоре азиатских эскимосов.

Очень мало сказок о сироте в корякском фольклоре и совсем они не отмечены собирателями в ительменском фольклоре. Данное обстоятельство свидетельствует о возможных истоках этого вида устного творчества в палеоэскимосском фольклоре, поскольку сходные сюжеты отмечаются в ранних мифических преданиях у различных территориальных групп эскимосов Аляски, Канады и Гренландии.

В фольклоре палеоазиатов Чукотки и Камчатки выделяется жанр героических сказаний, развившийся, как и сказки о сироте, в период разложения первобытнообщинных отношений и становления социальной дифференциации у аборигенов этих северных окраин. Героями этих сказаний выступают сильные и отважные люди, воины и охотники, юноши и женщины, ведущие борьбу со своими обидчиками, захватчиками, которых непременно побеждают. Идеальная сущность героических сказаний выявляется, например, в темах борьбы с пришельцами-таннитами, борьбы между отдельными богатырями, мирного решения конфликтов, призыва к миру между племенами. Морально-этическая сущность героических сказаний выражается в личном примерном поведении героя, в установлении справедливости, в наказании обидчиков. В сказаниях этого типа дается подробное описание военной и физической подготовки воина и охотника, поединков героев враждующих сторон, рисуются картины сражений при помощи луков, копий и пращей, преследования и уничтожения противника, захвата пленных и имущества. В отличие от мифических преданий, волшебного-мифической и волшебного-героической сказки героем этих сказаний выступает обыкновенный человек, наделенный физической силой, смекалкой. Он выступает защитником своего семейного очага, своего племени. Борьба между героем и враждебными ему силами совершается без участия чудесных помощников. Волшебное начало служит здесь лишь для наделения

героя гиперболической силой, с помощью которой (но без участия чудесных помощников) он поражает превосходящие силы врагов. Главная сюжетная линия героических сказаний имеет конкретную историческую основу.

Л. В. Беликов, обосновавший необходимость выделения в чукотском фольклоре особого жанра героических сказаний, возникших и развившихся на основе бытовавших в народной памяти устных рассказов о межплеменных чукотско-корякских войнах за захват и концентрацию оленьих стад в XVII—XVIII вв., отмечает, что «межплеменные войны, ускорявшие консолидацию чукотской народности, породили необходимость и идейно-поэтического осознания этого единения»⁴². Следует добавить, что такую же консолидацию в результате длительной межплеменной борьбы в то же историческое время обретали и коряки, противостоявшие чукчам. Следовательно, одновременно с чукотскими героическими сказаниями возникали и развивались героические сказания у коряков, о чем свидетельствуют соответствующие образцы корякского фольклора.

На примере анализа четырех чукотских героических сказаний («Сказание о Тале», «Сказание о Вытрытве», «Сказание о Нанкытэмтэне и его сыновьях», «Сказание о Кунлелю и его отряде») Л. В. Беликов показывает, что в чукотском фольклоре были заложены зачатки героического эпоса, который в силу изменившихся условий жизни его создателей не мог получить дальнейшего развития. На зачаточные формы чукотского эпоса и на невозможность его последующего развития указывал ранее также В. Г. Богораз⁴³. Героические сказания в значительном количестве представлены в настоящем собрании.

Прославление богатырской силы, ловкости и храбрости героя, его победоносной борьбы с врагами племени, общины или семьи, безусловной преданности своему народу, подчеркивание социальной значимости борьбы героя, сугубо правдивое изображение деталей быта, одежды, вооружения, неустанных физических упражнений героя в силе и ловкости, красочное описание поединков героя с вражескими богатырями или целыми отрядами врагов, исключение из действий героя чудесных помощников и преобладание в повествовании о нем правдивых элементов над фантастическими — таковы основные отличительные признаки героических сказаний.

Если героем волшебного-героической сказки выступает безымянный человек, то главные персонажи героических сказаний наделяются собственными именами, в лексической семантике которых часто оказываются отраженными их личные качества или внешние признаки (Кунлелю — «Одноусый», Лявтылевалын — «Качающий головой», Умилгу от эскимосского *умилык* — «силач», «богатырь» и т. д.).

Героические сказания отмечены в фольклоре большинства коренных

⁴² Беликов, 1965, стр. 154—169; см. также: Стебницкий, 1941.

⁴³ Богораз, 1900, стр. V.

народностей Чукотки и Камчатки, но особенно широкое распространение они получили у чукчей и коряков. Основой героических сказаний этих народностей явились реальные исторические события — войны между чукчами и коряками за обладание оленьими стадами. На стороне чукотских оленеводов в этих войнах принимали участие приморские чукчи и азиатские эскимосы, на стороне коряков — юагиры. Сюжеты о столкновениях между таннитами (иноплеменниками) и местными жителями возникали, по-видимому, одновременно и независимо у каждой из воевавших сторон. Но наряду со сказаниями о борьбе за обладание оленьими стадами между чукчами и коряками бытовали также сказания о борьбе между отдельными общинами, семьями и одиночными богатырями⁴⁴.

Отдельные сюжеты героических сказаний получили распространение у далеко обитающих друг от друга народностей. Так, например, заключительный эпизод эскимосского сказания «Якуни»⁴⁵ совпадает с таким же эпизодом в керекском сказании «Мальчик с луком» (№ 112); в обоих сказаниях маленький сын кочевников, оброненный при побеге родителей от врагов, побеждает вражеского богатыря. В эскимосской сказке побежденным богатырем выступает бородатый белый человек Якуни (так чукчи, по свидетельству В. Г. Богораза, называли предводителя казачьего отряда майора Павлуцкого, ведшего против них порабощительную войну и убитого в бою в 1747 г.)⁴⁶, а в корякском сказании побежденный богатырь остается безымянным. Эпизод о выпадении мальчика из нарты совпадает в эскимосском сказании «Найденыш»⁴⁷ и керекском «Мальчик с луком» (№ 112).

В сказаниях о героях, защищающих честь общины или семьи, отражаются также мотивы кровной мести. К сказаниям такого рода относится, например, эскимосское сказание «Мечь» (№ 41) и корякское «Мечь Рыныналпылына» (№ 150).

Талантливый эскимосский рассказчик из Наукана в сказании «Оленеводы» (№ 42) рисует великолепную по композиции и содержанию картину жизни чукотских кочевников, отдельные стойбища которых, представленные одиночными семьями, ведут друг с другом жестокую борьбу за обладание имуществом. В этом возвышающемся до эпоса сказании, лишенном каких-либо элементов вымысла, с этнографическими деталями изображается материальная и духовная жизнь оленеводов, их хозяйственные контакты с приморскими жителями. В нравоучительных беседах сводных братьев-пастухов, один из которых — бывший сирота, дается описание быта, нравов и жизненных правил, вытекающих из реального опыта пастушеской жизни. Подчеркивается резкое социальное неравенство между сыном оле-

⁴⁴ Беликов, 1960, стр. 286—289; 1965; Эск. ск. и лег., стр. 16—17.

⁴⁵ Эск. ск., стр. 156—158.

⁴⁶ Богораз, 1900, стр. 93.

⁴⁷ Эск. ск. и лег., стр. 218—221.

невода и его приемным братом-сиротой. Социальную основу имеет также картина насильственного присвоения чужого имущества братьями-оленеводами. Картина ночной погони за гостем, борьба двух кочевников на копьях с соблюдением традиционных правил и неприменная гибель побежденного — все это обобщенное отражение реальных исторических событий, когда межплеменные чукотско-корякские войны за обладание оленьими стадами прекращаются и начинается борьба за обладание оленями и пастбищами между соседскими общинами и выделившимися из них отдельными оленеводами. В сказании «Оленеводы» (№ 42) ярко отражены ставшие традиционными в эскимосско-чукотском фольклоре приемы образной передачи боевых достоинств героев, к которым, например, относится иносказательное выражение «траву к земле склонять», что в устах победителя в поединке означало воспоминание или сообщение о поверженных врагах.

Вполне вероятно, что героические сказания и бытовые рассказы об оленных людях складывались в среде чукчей-кочевников, а затем заимствовались и творчески переосмыслились азиатскими эскимосами, владевшими чукотским языком. Этот процесс интерференции фольклора происходил в результате постоянного воздействия одной культуры на другую: азиатские эскимосы, много веков тесно контактировавшие с береговыми и кочевыми чукчами и хорошо знавшие их быт, сами создавали отдельные бытовые рассказы об оленеводах.

Если в большинстве чукотских героических сказаний повествуется о борьбе с иноплеменниками-коряками, которые изображаются жестокими поработителями и насильниками, то в корякских сказаниях этого типа такими поработителями и насильниками изображаются иноплеменники-чукчи. В этом отношении показательными являются корякские сказания «Повествование о живших прежде» (№ 147) и «Оседлые и оленеводы» (№ 149).

В фольклоре нет свидетельств, что в корякско-чукотских войнах принимали участие ительмены. В цикле сказаний об ительменском богатыре Тылвале говорится лишь о защите племенных и семейных традиций ительменов от посягательств и нарушений со стороны коряков, при этом защита интересов племени и семьи ведется не коллективно, а одним героем, в котором символически воплощается сила и сплоченность всего народа.

Тексты № 159—164 представляют собой цикл героических сказаний о богатыре ительменского фольклора Тылвале, предстающем в роли хранителя семейных и племенных традиций, защитника своего народа от вероломных иноплеменников. Пафос сказаний о Тылвале, которые переводчики называют легендами, достигает эпической приподнятости. Художественно-стилистические средства повествования, гиперболизм и особое уважительное отношение к герою отличают язык этого жанра от языка бытового диалога, характерного для цикла сказок о Кутхе. Сказания о Тылвале записаны и

рассказаны разными лицами и в разное время, но большинство из них сохраняет сюжетное единство.

Всем сказаниям о Тылвале присуща соотнесенность изображаемых событий с конкретными географическими пунктами. Каждый из рассказчиков «поселяет» Тылвала в той местности, которая близка ему самому. В сказаниях о Тылвале нет чудесных превращений, но гиперболизм достигает часто фантастических размеров. Тылвал — обыкновенный человек, наделенный необыкновенной физической силой.

Ведущим сюжетом сказаний о Тылвале является месть героя сестре, изменившей семейным устоям и своему народу, а также иноплеменникам-корякам, в лагерь которых пытается перейти сестра-изменница. Ительменские сказания о Тылвале, выступающем в роли мстителя за предательство, оказали непосредственное влияние на сюжетную основу коряцкого исторического предания «Мечь Рыныналпылына» (№ 150), в котором повествование о кровной мести заключено в готовую сюжетную рамку.

Героические сказания, отражающие в фольклоре палеоазиатов определенный этап их исторического развития, по ряду структурных (морфологических) признаков и сюжетных особенностей продолжают традиции волшебного-героической сказки. Так, например, в превосходном в художественном и композиционном отношении чукотском героическом сказании «Кунлелю» (№ 85) изображение реальной борьбы двух племен — чукчей и коряков — за обладание оленьими стадами причудливым образом переплетается с элементами волшебного-героической сказки (приключения убитого в схватке с врагами героя в стране умерших предков и чудесное воскрешение его), берущей свое начало в древних мифических преданиях. Вставной элемент фантастических походов главного героя — лишь своеобразный художественный фон изображения реальных исторических событий, хотя корни его ведут к волшебной-мифической сказке. Однако волшебный элемент в этом сказании является эпизодическим, и основное содержание его отражает реальную борьбу и картины жизни оленных людей. Чукотские богатыри в сказании «Кунлелю» (№ 85) одерживают полную победу над врагами-коряками, отнявшими у них ранее оленьи стада. Правдивое изображение похода в чужую землю, преодоление естественных препятствий, картины поединка, возвращение стада, наказание обидчиков, пленение женщин и другие военные и бытовые детали представляют яркую этнографическую картину жизни чукчей и коряков в далеком прошлом.

Героиня этого эпического повествования Кытгы, сестра Кунлелю, изображается свободолюбивой и независимой женщиной, борющейся за мир между племенами и вместе с тем прославляющей богатырскую силу своих братьев — Кунлелю и Рэйингэва, ведущих борьбу против насилия и несправедливости. Кытгы в то же время проявляет заботу о сохранении племени: она в разных селениях выходит замуж и рождает детей, которых оставляет на воспитание отцам, уходя в новое место. Борьба Кытгы за

мирное сосуществование разных племен, за увеличение и благополучие человеческого рода приобретает социальное звучание. Вполне вероятно, что в образе Кытгы отразились в какой-то степени мифологические мотивы о «создающей» женщине и пережиточные элементы материнского рода (см. «Кытгы», № 89).

В некоторых героических сказаниях элементы волшебного-героической сказки даже преобладают. Так, в «Сказании о Вытрытве» реальные физические упражнения «лежебоки» в силе и ловкости, его мирная жизнь в стойбище неожиданно сменяются героической борьбой богатыря-одиночки с налетевшим вражеским отрядом. Вытрытва обретает гиперболическую силу и, подобно птице, парит над головами врагов, разя их копьем и стрелами. В жестокой многодневной схватке он побеждает вражеского богатыря. Тема героической борьбы богатыря с человеческими противниками в конце повествования сменяется поединком со сказочным озерным духом в облике воина, которого Вытрытва также побеждает⁴⁸. Героические сказания, где фантастические превращения сосуществуют с реальными действиями героя, близки в жанровом отношении волшебного-героическим сказкам.

Близко к героическим сказаниям по содержанию и композиции примыкают так называемые исторические предания о конкретных исторических событиях или отдельных эпизодах, в той или иной степени отражающих жизнь палеоазиатов Чукотки и Камчатки в разные исторические периоды их жизни. Эти предания отличаются от героических сказаний тем, что в них вместо эпически-приподнятого изображения борьбы отдельных героев с иноплемениками или местными врагами дается описание конкретного события без концентрации внимания на действиях одного героя. В них рассказывается о «достоверных» фактах борьбы с вражеским засильем, где нет места гиперболизму, фантастике и прославлению подвигов отдельных героев. Характерной особенностью исторических преданий часто выступает массовый героизм народа в борьбе с врагом. В основе таких преданий, сохранившихся в народной памяти,— события прошлого, которые не обросли элементами эпического и фантастического. К таким преданиям можно отнести, например, эскимосское предание «Вьютку-предводитель», где под водительством некоего Вьютку и его братьев из множества жителей чукотских и эскимосских селений организуется большой воинский отряд, призванный не допустить на чукотскую землю войско пришельцев-таннитов (по-видимому, коряков и их сателлитов-юкагиров)⁴⁹. В предании дается детальное этнографическое описание подготовки и организации воинов — пращников, стрелков из лука, копыеносцев, рисуются картины сражения с традиционным началом (поединок двух воинов) и традиционным

⁴⁸ Ск. нар. Сев., стр. 426.

⁴⁹ Эск. ск., стр. 151—155.

концом (оставление в живых одного-двух пленных), картины дележа добычи и т. д.

Для повествований подобного типа характерны топонимические, этнонимические и этнографические подробности в гораздо большей степени, чем для героических сказаний.

В. Г. Богораз относил к историческим преданиям рассказы о сражениях чукчей с отрядами Павлуцкого, а также более ранние рассказы о стычках с эскимосами.

Из подобных исторических преданий с течением времени развился жанр героических сказаний, в которых описание реальных событий, присущее историческим преданиям, уступило место прославлению героических подвигов отдельных персонажей, ведущих победоносную борьбу за честь и свободу своего племени или семьи.

Сказки о животных в фольклоре палеоазиатов Чукотки и Камчатки получили повсеместное для данного региона распространение. Отличительной чертой сказок этого жанра является их связь с космогоническими, тотемическими и анимистическими представлениями азиатских эскимосов, чукчей, кереков, коряков и ительменов ранней эпохи первобытнообщинной формации. Этот жанр устного творчества развивается в тех же общественно-исторических условиях жизни охотников эпохи первобытнообщинной формации, что и мифические предания, и волшебнo-мифические сказки, элементы которых обнаруживаются в сказках о животных. В них, как и в сказках других жанров, нашли свое отображение и обобщение как мировоззренческие представления народностей Чукотки и Камчатки, так и накопившийся жизненный опыт, столь необходимый для практической деятельности древних охотников данного региона.

Олицетворение животных и природы в сказках палеоазиатов, как и у многих других охотничьих племен, имело непосредственную и живую связь с первобытной охотой на зверя, которая в силу суровых климатических условий Крайнего Севера была их главным занятием и единственным условием существования. Зверь, являвшийся основным источником жизни охотничьих племен на разных этапах их исторического развития, неизбежно наделялся тотемными и анимистическими свойствами. Именно с животным миром была прежде всего связана мировоззренческая и художественная фантазия древних палеоазиатов — чукчей, коряков, кереков, ительменов и азиатских эскимосов, поскольку от этого мира зависела охотничья удача, а с ней и благополучие общины.

Если отличительной особенностью ряда волшебнo-мифических сказок о вредоносных кэле, нынвитах и тунгаках был страх человека перед непознанными и таинственными силами природы, то в сказках о животных чаще отражались черты дружественного отношения к животному. Зверь, являвшийся объектом охоты, не был врагом человека. Охотник не убивал зверя, а добывал, и поэтому наделял его

духовными, человеческими качествами, которыми обладал сам. Отсюда и прямая связь мифологических преданий с животными персонажами со сказками о животных. Человеческий герой волшебной-мифической сказки, свободно вступающий в любовные и брачные связи с белой медведицей или гусыней, которые, сняв звериную одежду (шкуру), становятся белотельными женщинами, продолжает оставаться обыкновенным охотником.

Создав фантастические легенды о животных и других создателях мира, человек начинает верить в их реальное существование, в их покровительство. Мифы с развитием человеческого общества, художественно переосмысляясь и обогащаясь, перерастают в волшебную сказку, в которой находят отражение морально-этические нормы поведения древнего человека. Из волшебной-мифической сказки выделяется сказка о животных, которая становится такой же, а часто и более могущественной школой жизни охотника, как и волшебной-мифической сказка.

В животных сказках чукчей, азиатских эскимосов, коряков и ительменов воспеваются трудовой опыт народа, его быт, занятия, ловкость и хитрость как залог удачи охотника в добыче зверя и осмеиваются глупость, неповоротливость, физическая немощь как опасные для охотника качества⁵⁰.

Животная сказка аборигенов Чукотки и Камчатки, сохраняющая в ряде случаев прямую генетическую связь с мифическими преданиями и развившимися из последних волшебной-мифическими сказками, не имеет четкого отличия от них, хотя по ряду признаков дифференциация между этими жанрами и намечалась. Во многих сказках персонажами выступают одновременно люди и звери, и в ряде случаев трудно определить, кто из них предстает главным. Особенно это относится к ительменско-корякским сказкам с несколькими контаминированными сюжетами, где человеческие и животные персонажи действуют в тесном содружестве. Наиболее ярко это раскрывается при анализе замечательного и до сих пор малоизвестного цикла сказок о вороньем герое Кутхе — Куткыннеку, о котором подробно сказано выше. Это ворон и человек одновременно. В одних случаях он тесно контактирует с животными персонажами (№ 126, 127, 173), в других — с человеческими (№ 176). Во многих сказках этого оригинального вороньего цикла герой действует при посредстве мифических помощников — звериных персонажей. Такие сказки относятся скорее к жанру волшебной-мифических, чем животных.

Так, например, герои цикла ительменских сказок о Кутхе, а именно — сам Кутх, его жена Мити, их дети Эмэмкут, Синаневт и другие, несмотря на принадлежность к птичьему роду (Кутх — мифический ворон, Мити — сорочья дочь), выступают в облике людей, но чаще всего — в зверином окружении. Сам Кутх при нужде оборачивается вороном, но лишь на корот-

⁵⁰ Беликов, 1969, стр. 123.

кое время, для исполнения своей магической миссии. Способность перевоплощаться в ворона унаследовал от родителя и его старший сын Эмэмкут. Лишь Мити во всех сказочных ситуациях остается человеческой женщиной, хотя и рождена сорокой. Между тем дочери Кутха и Мити вступают в брачные союзы как с человеческими, так и со зверными персонажами. Сам Кутх, отлучаясь из семьи, попадает обычно в звериное окружение.

Вместе с тем в ряде других сказок Кутх окружен только человеческими персонажами, например в сказках о ложной смерти Кутха, где Мити с детьми разоблачает его как плута и тунеядца. Это, скорее, бытовые сказки. В сказках «Кутх и Мити» (№ 170), «Как Кутх и Мити за орехами ходили» (№ 171) мужские персонажи Кутх и Эмэмкут, отлучившись от женщин, оборачиваются воронами (каждый в отдельности). Это уже не животные, а волшебные сказки, в которых главным персонажем выступает тот же Кутх.

В корякских сказках о Куткыннеку (Куйкынняку) и Эмэмкуте, продолжающих ительменский сказочный цикл о вороне Кутхе, образ вороньего героя также не имеет четкого выражения. Так, в сказке «Путешествия Куйкынняку» (№ 125) невозможно определить внешний облик героя: человек это или ворон. Куйкынняку сопровождает нерпа-акиба и приводит в морскую пучину к китовому народу, затем — к моржовому народу, нерпичьему, лахтачьему. Разные породы морских зверей здесь изображаются в виде отдельных человеческих общин. Куйкынняку в благодарность за гостеприимство отдает свою дочь Тинианавут в замужество лахтачьему народу. В ительменской сказке «Кутх и краб» (№ 174) Кутх попадает в подводное царство морских людей и за утоление жажды отдает им в замужество своих дочерей. В той и другой сказке пережиточно сохраняются представления о мифических контактах и кровных связях между человеком и зверем. Мифологическая основа сказок о Кутхе — Куткыннеку в ительменско-корякском фольклоре представляется несомненной. Вместе с тем прямолинейное отнесение многих из сказок этого своеобразного цикла к тому или иному жанру вызывает затруднения в связи с теми изменениями и наслоениями, которые они претерпели в результате своего формирования.

Более определенно жанр сказок о животных выделился в эскимосском и чукотском фольклоре, где четко наметились две линии поведения животных персонажей: одни выступают в роли тотемных помощников человека в волшебной-мифической сказке (касатка, ворон, волк, лиса, гагара, олень, мышка, паук), другие — в роли хитрых, ловких, смелых, изворотливых деятелей (лиса, олень, горностай, сова, бакланы, чайки, заяц) или же глупых и трусливых увальней (бурый медведь, волк, ворон). Именно вторая группа произведений устного творчества с участием животных персонажей составляет жанр животной сказки.

Для животной сказки характерно полное отсутствие волшебной-мифической деяний героев. Здесь участники событий ведут обыкновенный охот-

ничий образ жизни, часто подражая в своих действиях людям; они имеют орудия труда, добывают и готовят пищу, изготавливают одежду, строят жилища, заключают браки, воспитывают детей, ведут борьбу со своими врагами.

В животных сказках победителями выходят, как правило, существа физически немощные и малые, но обладающие умом, хитростью и ловкостью⁵¹. В сказке «Аканныкай» (№ 107) волк съедает важенку, а олененка оставляет на вырост, чтобы закусить, когда подрастет. Олененок, тренируясь в прыжках по скалам, становится сильным оленем и побеждает волка. В керекской сказке «Лиса и ворон» (№ 115) животные персонажи имеют полный комплект предметов быта и охоты. Они ведут человеческий образ жизни. Лиса пытается обманывать ворона, но он разоблачает и унижает ее. К таким «чисто» животным сказкам относится значительное число сказок, включенных в настоящее собрание.

Особое место среди животных сказок эскимосов и чукчей занимают детские сказки-дразнилки о рыбе-бычке и олене, о бычке и лисичке и ряд других. В этих сказках персонажи посредством песенок дразнят друг друга, обзывая обидными словами.

Среди сказок с животными персонажами (животные и волшебномифические) имеются сказки топонимического содержания, кумулятивные, сказки с этиологическими или космогоническими сюжетами и концовками.

Олицетворение животного мира в устном творчестве палеоазиатов теснейшим и непосредственным образом взаимодействовало с их изобразительным и вокально-танцевальным искусством. В народных эскимосско-чукотских танцах и песенных импровизациях, исполнявшихся до недавнего времени на праздничных торжествах, посвященных удачной охоте на кита или моржа, а у чукчей-кочевников — осеннему забою оленей, искусно изображались картины трудовой жизни людей. В этих произведениях искусства нашли свое отражение также и космогонические представления древних охотников о мирозданческой миссии сказочного ворона, касатки и других животных («Танец ворона», «Танец касатки», «Танец чайки»). В танцах, изображающих производственно-охотничьи процессы, отражалось глубокое практическое знание звериных повадок и анатомического строения животных.

В наскальных изображениях (петроглифах) Чукотки, открытых впервые в этих северных широтах советскими геологами и археологами в 1965—1967 гг., рукой древнего художника исполнены впечатляющие картины охоты на дикого оленя и морского зверя⁵². Высеченные на скалистых отрогах Пегтымельской скалы рисунки оленей, волка, собаки, охотника на каяке, вонзающего в плывущего оленя копьё, сценки морской охоты на

⁵¹ Там же, стр. 125—126.

⁵² Диков, стр. 214—229.

кита являются свидетельством высоко развитого древнего изобразительного искусства, отразившего реальную жизнь древних охотников этого края. Вместе с тем рядом с правдивым изображением окружающего мира древний художник запечатлел на каменных плитах также и мифические картины, являющиеся несомненным отражением художественно-фантастических представлений палеолитического охотника.

К таким рисункам относится изображение танцующих женщин с огромными шляпками грибов-мухоморов на голове. Это наскальное изображение веселых женщин-мухоморов находит прямую параллель с содержанием ительменской сказки «Челкутх и девушки-мухоморы», № 189 (из цикла сказок о вороньем герое Кутхе), в которой веселые лесные девушки-мухоморы увлекают героя сказки и уводят с собой. В их мире он забывает о жене и детях. Наступает зима, а с ней и голодное время. Челкутх уходит из леса к жене и детям, а увлекшие его мухоморы засыхают в лесу.

Мухоморы, употреблявшиеся коряками и чукчами в качестве одурманивающего средства, одухотворялись ими и, как свидетельствует В. Г. Богораз, являлись пьяным людям в странной человекоподобной форме. Персонафикация палеоазиатами явлений и предметов окружающего мира равным образом распространялось и на мухоморы, употребление которых приводило человека в ненормальное психическое состояние. Изображение в наскальных рисунках и устном искусстве палеоазиатов Чукотки и Камчатки веселящихся женщин с шапкой-грибом на голове, как и другие параллели в сюжетах устного и изобразительного искусства, является убедительным свидетельством связи мифологических представлений народностей этого региона с их охотничьим бытом и жизнью. Эти представления наиболее многогранно нашли свое выражение в мифах, сказках и сказаниях всех коренных народностей Чукотки и Камчатки.

Бытовые сказки (или бытовые рассказы) повествуют об особенно памятных и типичных событиях, происходивших при разных ситуациях ранее и закрепившихся в устной традиции народа. Особенностью этого жанра устного повествовательного творчества народностей Чукотки и Камчатки является отражение бытовых и социальных сторон их жизни, межплеменных отношений, борьбы героя с врагами-обманщиками, насильниками и угнетателями; в сказке этого жанра высмеиваются хвастовство, самонадеянность, лень, глупость. Герою бытовой сказки помогают не чудесные помощники, а ум, справедливость, находчивость, превосходство в силе и ловкости.

Бытовые сказки возникали в разное историческое время, но наиболее широко — в период разложения первобытнообщинных отношений, появления имущественного неравенства, противопоставления сильных слабым, богатых бедным. Наибольшее количество бытовых сказок зафиксировано у чукчей. Эти сказки носят часто басенный характер: рассказчик обнажает и с добродушной иронией высмеивает глупость, неповоротливость, неспособлен-

ность своих персонажей к преодолению жизненных трудностей. Серия таких сказок в значительном количестве записана в советский период собирателями устного повествовательного творчества из среды чукотского народа — Ф. Тынэтэгыном и В. Ятгыргыном. Из эскимосских бытовых сказок можно отметить тексты «Брат и сестра», «Островной человек», «Меткий стрелок», «Нунагмитцы» (см. сб. «Эскимосские сказки и легенды»). К бытовым сказкам, включенным в настоящее издание, относятся чукотские тексты № 92—101, большинство из которых впервые публикуется на русском языке.

* * *

Перед составителем и собирателями-переводчиками, участниками настоящего издания, стояла задача познакомить читателя лишь с образцами устного повествовательного творчества коренных народностей Чукотки и Камчатки. Поэтому здесь не представлен жанр песен (танцевальных, индивидуальных развлекательных и коллективных игровых импровизаций), бытовавших во всем чукотско-камчатском регионе, а также специфического жанра шаманских заговоров, засвидетельствованных главным образом у чукчей и азиатских эскимосов, и загадок, бытующих только у коряков.

Во введении и комментариях мы стремились рассказать как об общих жанровых и сюжетных особенностях чукотско-камчатского повествовательного фольклора, так и о специфических чертах фольклора каждой народности в отдельности и особенностях фольклора эскимосско-чукотского и ительменско-корякского регионов. Эта задача была выполнена лишь частично и в весьма общих чертах. Мы, однако, надеемся, что фактический материал, представленный в сборнике, окажется достаточно интересным как для любителей устного народного творчества, так и для специалистов-фольклористов, занимающихся сравнительно-типологическими исследованиями этого вида искусства у разных народов мира.

* * *

Составитель выражает искреннюю признательность доктору филологических наук Е. М. Мелетинскому за ряд ценных советов как по введению и комментариям, так и по составу сборника в целом, а также докторам филологических наук В. Э. Померанцевой и И. С. Вдовину за отдельные замечания и советы, учтенные при подготовке рукописи к изданию.

Г. Меновщиков

**сказки и мифы
азиатских
эскимосов**

1. Юноша, ставший сполохом

Так было. Жил береговой человек с женой. Детей у них не было. Человек постоянно в море выходил, нерпу, моржа и другого морского зверя промышлял. Вот один раз не убил он ничего, домой возвращался. Уже поздно было, ночь опустилась. Шел человек, шел, на небо взглянул — северное сияние увидел. Так много сполохов на небе огненными мячами играет! Один маленький сполох сорвался с неба и упал ярким огоньком возле жилища того человека. Поспешил человек домой. Вошел и увидел: жена его беременна. Обрадовался человек. Сполох ему счастье принес. Поели и спать легли.

Однажды утром снова отправился человек на охоту. Несколько нерп убил, а как вернулся, видит: жена мальчика родила. Назвал отец сына Сполохом. Рос Сполох каждый день помаленьку. И скоро юношей стал.

Вот раз отправился отец на промысел, далеко в море по льду ушел. Налетел сиверко, лед поломал, остался в море отец и погиб там. Мать Сполоха горевала, горевала, да с горя и удавилась.

Остался Сполох сиротой среди чужих людей. Раз и подумал он: «Мать с отцом мои померли. Отец в море погиб, мать себя порешила. Старые люди говорят: кто не своей смертью умрет, а в море утонет или на себя руки наложит, те все к сполохам на небо поднимутся. Вот и мой отец с матерью, верно, там уже». Вышел он ночью к морю, на небо глянул. А там сполохи огненными мячами играют. Взял он длинный охотничий ремень, вверх бросил. Ремень за северное сияние и зацепился. Взобрался юноша по ремню на небо. А сполохи еще больше разыгрались. И он с ними играть стал. В игре и веселье совсем о земле забыл. Так пришедший с неба опять на небо вернулся. И стал у тех сполохов старшиной.

2. Спор ветра и солнца

Говорят, давно это было. Жил человек, было у него пятеро детей. Все мальчики. Самый старший, как подросток, посыльным стал. Остальные маленькие были. Последыши еще и на улицу ни разу не выходили. Были у человека лук, сеть и гарпун. Но жил он бедно. Рыбу ловить сетью не мог. Море всю долгую зиму льдом было покрыто. Там, где он жил, коса в море вдавалась, и человек на этой косе промышлял: море там часто на берег зверя выбрасывало. Его жена не могла за лето собрать много съедобных корней и ягод: детишки еще малы, а оставить их дома не с кем.

Пришла зима. Земля, озера, реки замерзли. А охотник этот зимой часто щеки сильно обмораживал. Вот раз пошел он по косе, дошел до утеса. Ходил, ходил, все расщелины осмотрел. Вдруг слышит голоса. «Верно, соседи выброшенного морем зверя нашли», — думает. Порадовался он соседской удаче да и пошел на голос. Обогнул скалу, голоса слышит, а никого нет. Еще одну скалу обогнул — опять никого. Что за диво: громко так спорят, а никого не видно. Обошел кругом утес, так никого и не нашел. Взобрался на самую верхушку, стал слушать. И вот, сказывают, что услышал, пока там сидел:

— Я когда с холодом приду, — говорит один голос, — всю землю заморожу. Реки, озера льдом скую. А как со снегом приду, всю землю снегом занесу, все под снегом спрячу: травы съедобные и всякую ягоду, которыми сиротки питаются, и плавник, что море на дрова приносит. Еще больше рассержусь, и море все заморожу. А уж как совсем разъярюсь, жердн у яранг ломать стану. Всех людей выморожу. То-то повеселюсь!

— А я наоборот, — другой голос отвечает, — приду, всю землю согрею. Растоплю лед на озерах и реках, станут люди рыбу ловить, ягоды, травы и корни собирать — вот и будет пища у бедных. Отгоню подальше в море лед от берегов, станут охотники моржей, нерп да лахтаков промышлять. Станут люди мясо есть и радоваться, меня добрым словом поминать. Если где по оврагам прошлогодний снег остался, я и его растоплю. Вот буду гордиться своими делами и радоваться!

Тогда первый и говорит:

— А ну, давай спросим вон того мужичка на скале, кто ему из нас больше люб. Эй, мужичок, кто тебе больше люб, кивни тому головой.

А мужичок думает, кому кивать-то, не видно никого. Но все-таки кивнул и говорит:

— Холод — это плохо. Весеннее солнышко хорошо. Весной моя жена не мерзнет, собирая коренья. И мне на солнце тепло — одежда у меня, гляди, сильно худая. И деткам моим солнышко в радость: не мерзнут они, не дрожат от холода.

Вот и отвечает ему невидимка:

— Будет тебе впредь во всем удача, и зверя всякого будешь бить много, щек морозить не будешь. И жена за лето ягод и кореньев напасет вдоволь. Ступай домой, мужичок! Слышишь ты меня?

Выслушал мужик эти слова и поспешил домой. Пришел, все жене рассказал. «Теперь, — говорит, — хорошо будем жить, в тепле и достатке. И растений съедобных много будешь собирать».

И стал тот мужик хорошо жить: зимой не мерзнет, снег не отрывает, ветра студеного не боится. А тут вскоре и весна наступила, реки вскрылись, озера талой водой набухли. Стал мужик много зверя и рыбы ловить. А дети подросли, и жена стала много съедобных корней и ягод запасать, и мерзнуть они перестали. И ветра с холодом с тех пор никогда не боялись. Состарились, а все не знали нужды. Дети выросли, один стал удачливым зверобоем, другой сметливым следопытом, а младшие хорошо диких оленей промышляли. Умерли старики, а дети и после их смерти хорошо жили. Тьфу.

3. Гром и Жизнетворец

Давно это было. Жил Гром. И не было у него детей. Жены его рожали сыновей, но все они умирали. Вот однажды родила ему жена сына, а мальчик сейчас и заболел. Тогда решил Гром пойти к Жизнетворцу, просить у него помощи. И вот отправились они с Дождем в дорогу. Пришли к Жизнетворцу. Говорит Жизнетворцу Гром:

— Дети у меня не живут. Как родятся — сразу помирают. Научи, как беде помочь, что делать.

— Эх, Гром, — говорит Жизнетворец, — а я считал тебя всемогущим.

— Ты всемогущий, а не я, — отвечает Гром.

Тогда Жизнетворец говорит жене:

— Видишь, помирают у Грома дети. Не знаешь ли ты, кто отнимает у него детей?

— Знаю,— говорит жена.— Живут высоко в горах Таз и Бедренная кость от той нерпы, что Хозяин дня убил. Они и отнимают детей у Грома.

Распорядился Жизнетворец:

— Сшей сыну Грома одежду.

Не успел он это сказать, как одежда для Громова сына готова. А одежда та была амулетом. Хотел было Гром одежду взять, она ему палец чуть не откусила.

Говорит Жизнетворец:

— Бери, не бойся.

Взял Гром одежду, Жизнетворец и говорит:

— Надень ее на сына. А как захочет он спать, вынеси его наружу и положи возле землянки на землю. И пусть имя твоему сыну будет Лист.

Вернулся Гром домой. Как сказал Жизнетворец, так Гром и сделал. Надел на сына одежду, сшитую женой Жизнетворца, положил снаружи возле землянки. Там ребенок всю зиму и спал. А как минул сыну год, потерялся сын.

Снова пошел Гром к Жизнетворцу. Пришел и говорит:

— Потерялся мой сын!

— Пойди вон к той Горе,— говорит ему Жизнетворец,— и скажи ей: «Отдай моего ребенка!» Не отдаст — возьми и разрушь Гору.

Пошел Гром вместе с женой к Горе.

Подошел, сказал:

— Э-гей! Отдай моего сына!

Отвечает Гора:

— Не отдам!

Тогда Гром снял левую рукавицу, ухватил подножие Горы и потряс. Обвалился один отрог, а Гора молчит. Рассердился Гром, снял рукавицу и с правой руки — да как потряхнет Гору! Раскрылась Гора, и оттуда голос послышался:

— Совсем разрушит Гром Гору. Отдайте ему сына.

Взял Гром сына. Вернулись все вместе домой. И звали того сына Лист. И теперь уж он совсем большой стал. Все.

4. Тыкывак

Тыкывак¹ — это когда сильная стужа и от нее земля трескается. Мы это и теперь знаем. А вот, рассказывают, жил в старину за проливом в Кыгмике один юноша. Был он веселый,

сильный и ловкий. И еще ему хотелось все знать. Одного он терпеть не мог: слушать, как в сильный мороз стылая земля трещит. Вот он раз и говорит:

— Что это там трещит и трещит без умолку? Как ударит мороз, такой треск стоит, что я даже заснуть не могу! Не могу я сегодня спать. Пойду Тыкывака караулить. Может, он рядом где ходит. Поглядеть бы на него, какой он.

Кончился день, наступила ночь. Поужинали. А жил тот юноша с матерью и отцом. Жены у него не было: больно озорной был, хотя смелый и выносливый. Вот поел он, оделся.

— Куда это ты на ночь глядя? — спрашивает отец.

— Пойду Тыкывака погляжу. Чего это он все время трещит?

— Не ходил бы ты, — говорит мать.

Не послушался юноша, пошел. Взял свой гарпун, наконецник, пузырь-поплавок, сшитый из шкуры молодой нерпы, закидушку — все свое снаряжение, с каким в каяке охотился. Все приготовил, проверил. И на косу отправился. Далеко по косе ушел. Ступает осторожно, кругом озирается. А ночь выдалась тихая, хорошая. Вдруг где-то неподалеку треснуло. Юноша гарпун приготовил, пузырь надул. И замер на месте, держа гарпун наготове. Спустя немного треск совсем близко раздался, а никого нет. Снова затрещало, и вот возник человек. Вот он все ближе подходит. Не дошел, упал на землю, прильнул к ней. «Эге, вот он какой!» — подумал юноша. Нацелил гарпун, размахнулся и метнул в упавшего. Загарпунил, стал тянуть к себе за ремень. Хоть и крепко держал ремень, не удержал. И все вдруг исчезло: человек, ремень, поплавок, только древко гарпуна осталось.

Пошел юноша с пустыми руками домой. Пришел и спать лег.

Прошло несколько дней. Два раза ходил юноша на то место. Никого не встретил. А на третий раз пошел, видит: перед ним гора, на вершине горы землянка. Полез он в ту землянку через нижний ход. Там муж с женой. Высунулся мужчина из полога и говорит:

— Лезь сюда, лезь! По какому делу явился?

— Ни по какому, так просто, — ответил юноша.

— Ага, — говорит хозяин и велит жене: — Готовь быстро гостю еду! Кореньев отвари, нерпичий желудок и кишок положи. Пусть и кишок поест!

Стала жена варить коренья с мясом. Когда еда сварилась, хозяин говорит:

— Теперь накорми гостя! Ему домой возвращаться, а скоро ночь.

Поднесла хозяйка юноше варево в миске. Поел он кореньев. Ох и вкусные показались коренья! И кишками полакомился, и нерпичий желудок съел. Все съел до капли. Кончил есть, руки вытер. Хозяин и говорит ему:

— Теперь домой ступай. Ты ведь вернуться должен. Это мы ходим, где придется, и не возвращаемся. Ты вот сейчас гарпун свой съел и пузырь. Нерпичий желудок и есть пузырь, а коренья — гарпун и наконечники. Ну, а теперь иди!

Сказал это хозяин, юноша сейчас же встал и вышел, домой заспешил. Идет, идет, и разболелся у него живот. Такое колотье поднялось, что идти нельзя. Остановился юноша. Так и не дошел до дому. Вонзился в него гарпун изнутри. Пузырь надулся и живот вспучил. Ремни и закидушки расправились, наконечником гарпуна распоролло утробу. Так бедняга и умер.

Наутро люди пришли на косу и видят: лежит он мертвый, изнутри собственным гарпуном проткнутый. Принесли домой, похоронили. И с той поры эту историю непослушным детям в назидание рассказывают.

А селение Кытак издавна всякими чудесами и небылицами славилось. Большие сказители в нем жили. Вот что я слышал о Тыкываке. Все.

5. Мальчик у орлов

Давным-давно на другом берегу жили на отшибе муж с женой. Муж был хороший добытчик, много приносил с охоты морских и пушных зверей. Так они и жили, и родился у них мальчик. Женщина очень своим сыном гордилась: состарятся они, будет у них на старости лет кормилец. Мальчик быстро рос, потому что ел свежую пищу. Не хворал, ходить скоро стал, разговаривать. Шустрый рос, здоровый и крепкий. Вот как-то проснулись утром, поели. Снаружи, слышно, ветер потянул. Вышел отец — ветер с суши дует, море белыми барашками подернулось. Глянул отец на море, на небо, посмотрел погоду, пошел домой и говорит сыну:

— Идем со мной на берег, я тебе в каяке покатаю.

Мальчик еще несмышленный был, сразу согласился. Взял отец каяк, и спустились они на берег. Посадил сына в каяк. Ремни покрепче затянул, чтобы вода внутрь не попала. При-

вязал к каяку ремень и стал водить по воде туда-сюда, туда-сюда. Поводил так немного, вынул нож и перерезал ремень. Стало каяк сносить ветром в море. Качает с боку на бок и все дальше сносит. Совсем далеко в море унесло. День плывет каяк, два плывет, долго плыл. Голодно мальчику и нужду свою прямо в каяк справлять приходится. Принесло наконец каяк в тихое место. Ткнулся он во что-то твердое, прошуршал по гальке, протащило его по твердому, и он остановился. Не мог мальчик из каяка сам выйти, привязан был. Так и сидел он в каяке. «Кто бы меня отсюда выпустил», — думал. Долго он так без движения сидел, все слушал, не идет ли кто. Вдруг чей-то голос услышал и подумал: «Кто это, интересно? Убьет меня, наверное, и съест». А снаружи шаги все быстрее приближаются. И голоса все слышнее. Разобрал мальчик — две женщины идут. Подошли. Одна и говорит другой:

— Смотри, каяк. Чей это? Затянут как крепко.

Говорит другая:

— Давай развяжем. Хорошо бы там маленький мальчик был! Вот бы нам ребеночка найти!

Стали они каяк развязывать, в разные стороны поворачивать. Развязали, но не сразу открыли. Прodelала одна маленькую дырочку, а оттуда воню потянуло. Однако растянула она ремни и открыла каяк. Видит: там маленький мальчик, сильно обмаранный. Вторая отвязала его, на руки взяла, обтерла. Свою кухлянку сняла, завернула его, и пошли все домой. Шли и радовались. Теперь у них братец появился. А пришли — свою радость отцу с матерью рассказали.

— Мы не бездельницы, — говорят, — вон какого хорошего мальчишка нашли! Вырастет, кормильцем нашим будет, пищу станет нам добывать.

Вымыли мальчика как следует — и такой он оказался пригожий! Поднял голову — по правую руку старик на нарах сидит, по левую в нише — старуха. Стали девушки младшего брата кормить, чем только не потчевали: и китовой кожей, и мясом дикого оленя, и жиром тюленя. Поел мальчик, сморило его, и он крепко уснул. Так и остался жить в тех местах навсегда. Сестры никуда его не пускали, даже на улицу. А сами нет-нет да и отлучатся на долгий срок. Охотились они — нерп, лахтаков, диких оленей приносили. Вот и думает мальчик: «Как это они такого крупного зверя ловят?» Вот однажды их долго не было, дольше, чем всегда. Вечереть стало. Над землянкой сильный шум послышался. Старик и говорит:

— Хорошо! Дочери, наверное, кита добыли.

А они и вправду кита добыли. Найденышу любопытно, как это две женщины могут кита промышлять. И спросил одну сестру:

— Как вы, женщины, можете всяких зверей добывать?

Отвечает ему сестра:

— Мы ведь не по вашему обычаю живем. По воздуху мы летаем. Орлы мы. Потому всякого зверя добывать можем.

Мальчика, оказывается, так далеко в каяке унесло, что попал он в землю орлов. Много уж лет он у орлов прожил. Пища там хорошая была, и мальчик быстро рос. Вырос наконец. Стал юношей. Но все никуда не выходит — сестры не пускают. Берегут его сестры — как бы беда какая с ним не стряслась. А уж он совсем возмужал. Говорит тогда старик:

— Не все же время он так жить будет, да и вы не всегда такими останетесь. Придет срок, станете вы немощными. А ну-ка шкуру мою достаньте, пусть летать приучается!

Вышли женщины в сени, внесли большую шкуру. Оказывается, это шкура огромной птицы — большой изогнутый клюв, когтищи.

Старик сказал юноше:

— А ну-ка, надень!

Надел юноша крылья.

— Лети!

Хотел юноша взлететь, но перевернулся через голову. Дома стал учиться, но все больше кувыркался. Терпеливо учился летать юноша, да и старик его наставлял. И вот стал он все же летать — сначала дома, а потом и на воздухе, но уставал, правда. А потом привык, усталости не чувствовал. Когда хорошо летать стал, начал на зайцев охотиться. Но и заяц свою жизнь защищает — просто так его не возьмешь! Наконец как-то зайца поймал. Сжал его сильно, убил, понес домой. Похвалили его, одарили. Так он каждый день стал ходить на охоту и добывать зайцев. Однажды дикого оленя добыл. Опять одарили его. Научился наконец ловить зверей; как увидит — убивает.

Сестры стали обучать его охоте на морского зверя. Однажды они втроем далеко в сторону моря полетели. Летели долго и очень высоко. Через некоторое время снизились. Над самым льдом пошли. На льду, оказывается, очень много нерп лежит.

Одна сестра говорит:

— А ну-ка, смотри, как я поймаю нерпу!

Ринулась вниз, схватила нерпу.

Потом вторая сестра так же поймала нерпу.

— А ну-ка, ты тоже попробуй поймать! — говорят ему.

И он без труда нерпу схватил. Обратное с добычей повернули. И брат свою нерпу несет. Дома его первого одарили. Теперь уже все трое стали нерп приносить. Скоро стал их брат и моржей приносить. А как надоест морской зверь, в тундру за дикими оленями да зайцами летали.

Скоро не стал он пускать сестер на охоту. Стал хорошим добытчиком, ничего не боялся, на любого зверя летал. Даже китов стал один промышлять. Соберется он лететь на охоту, а сестры наказывают ему беречь себя. Если что случится, пусть сразу сестер кличет, хотя бы они и дома в то время были. Предупреждают его сестры:

— Увидишь большого кита, который огнем дышит, не соблазняйся. Большая у него сила, опасно с ним бороться, да и грех это. Ты теперь крупных китов приносишь, но огнедышащие во много раз больше. Нельзя их промышлять. Смотри, слушайся нас.

Брат слушался и не искал огнедышащих китов. Но вот раз залетел он далеко в море; ни нерп, ни моржей не трогал. Вдруг увидел, ныряют огнедышащие киты-великаны. Вынырнут из воды и долго плывут, не ныряя. Летел он над ними, летел, и разгорелся в нем охотничий пыл. Но не решается напасть, боится, помнит о запрете. Кружится над китами, высматривает самого мелкого. Видит, два кита рядом плывут, и один меньше всех остальных. Фонтан и тот меньше. Приметил он этого кита, а все не может решиться силами с китом помериться. Улучив момент, ринулся вниз и вонзил когти в хребет кита. Рванулся с добычей вверх, а поднять ее сил нет. Тянет каждый в свою сторону: кит вниз, в пучину, орел вверх, в поднебесье. Долго никто одолеть другого не мог. Орел уставать стал, в воду погружается. Хочет отпустить кита — не может, глубоко когти в спину кита вошли. Вот уже вода к коленям подступает. Закричал орел, стал сестриц звать:

— Э-гей! Беда со мной приключилась, летите сестрицы ко мне! Убьет меня кит!

А сестры в тот час дома сидели. Вот и говорит одна сестра другой:

— Ой, что-то сердце у меня колотится! Уж не с братцем ли что приключилось?

Вторая говорит:

— И у меня на сердце беспокойно.

Посмотрели друг на друга, встали, надели шкуры и вы-

шли. Посомневались немного, куда лететь, и полетели в сторону моря. А брат уже по бедра в воду ушел. Далеко залетели сестры, вдруг видят: братец в море с китом борется. И кит его уже почти до пояса в воду утянул.

Ринулись они вниз, схватили кита — одна у головы, другая, где хвостовой плавник — и подняли без труда в воздух. Полетели все втроем с добычей домой. Скоро дома были, опустили кита на землю, земля под его тяжестью ходуном заходила.

— Хороша добыча, — сказал отец.

Вошли в землянку, видят, сильно их мужчина устал. Сели есть. За едой сестры крепко его за непослушание ругали.

Так много лет все вместе прожили. Юноша, ставший орлом, летал на охоту и все своих родителей искал. Много людей в тундре видел: одни силу свою развивают, другие еще чем-нибудь занимаются. Вернется юноша-орел домой, а старик вздыхает:

— Эх, было время, да ушло. Были мы молоды, чего захотим съест, то и едим.

Юноша и думает про себя: «Чего это старик съест хочет?» Спросил однажды у сестер:

— Чем это старику орлу полакомиться хочется?

Сестра и говорит:

— Человечины он отведать хочет. Да ты не слушай его. Нам с людьми не тягаться. Есть у них в руках что-то очень острое. Не обращай ты внимания на старичишку, убьют тебя люди. А обычай у нас такой: если кто убьет человека, входит в землянку, сильно нахмурившись.

Юноша и не стал старика слушать. А тот знай свое твердит. И подумал юноша: «Нехорошо как-то старика не уважить. Полечу-ка я человека промыслить». Рано утром отправился. Видит: в тундре человек в ловкости упражняется. Подлетел поближе, улучил момент, схватил человека, сдавил по сильнее. У того и дух вон. Вернулся домой, положил добычу на лавку. Снял у входа в землянку шкуру и вошел, сильно нахмурившись. Увидел его старик и говорит:

— Эх, почему это у нашего мужчины настроение как никогда веселое?

За едой юноша сказал сестрам, что на лавке лакомство для старика припасено. А сестры уже сами старикам сказали, что юноша с охоты принес. Вышли старики наружу и четыре дня, не возвращаясь в землянку, ели любимую пищу. Только на пятый день вернулись, когда все съели.

Вот как-то старикам опять человечины захотелось. Полетел юноша на этот раз отца своего искать. Долго искал, а все-таки нашел. Улучил момент, схватил, сдавил по сильнее, у того и дух вон. Принес домой, на лавку положил. И говорит сестрам:

— А вот где, интересно, моя мать?

— У тебя, оказывается, мать есть? — удивились сестры. — Завтра же лети за ней. Что же ты раньше-то молчал?

— Боялся, как бы старые орлы ее не съели.

— Не бойся, не дадим мы ее съесть. Лети скорее за ней.

На другой день полетел юноша свою мать искать. Нашел, на землю перед землянкой опустился. А мать выйти боится — такая страшная птица прилетела. Снял юноша орлиную шкуру, вошел к матери. Еле-еле убедил ее, что он и есть ее сын. Вышли вместе, надел юноша шкуру, взял мать осторожно в лапы и понес. Долго летели, но с матерью ничего не случилось. Сестры ласково ее встретили. А старики спросили только:

— Отец-то твой где?

Юноша отвечал:

— Я убил его, а вы давно уже съели.

— Почему же ты отца своего убил? — спросил старик.

— Был я совсем маленький, привел меня отец на берег моря, посадил в каяк, привязал и пустил каяк в море.

И рассказал старикам, как все дело было. И стала мать орла-человека хорошо жить, ни в чем она не нуждалась и никакую работу больше не делала. До глубокой старости жили эти орлы и мать юноши-орла. Совсем потом породнились и жили хорошо и дружно.

6. Хозяин моря

Жили давным-давно в Имаклике старшина с женой. Был у них единственный сын. Старшина этот ходил на утес ловить морских петушков. Поймал однажды несколько и привязал их навсегда к своему поясу, чтобы они служили ему.

Как-то пошел сын старшины на берег. Ходит по берегу, водоросли и ракушки, выброшенные прибоем, рассматривает, вдруг возле самой воды увидел он огромного краба¹. Мальчику так захотелось поймать этого краба и отнести домой! Подбежал он к крабу, только хотел было взять его, а краб

как схватит мальчика своими клешнями. Зажал крепко-крепко и потащил в море. Как ни вырывался мальчик, унес его краб в морскую пучину.

Ждали, ждали мать с отцом сына, не дождалась и спать легли. Проснулись утром, а сына все еще нет. Сильно испугались они. Отец даже есть перестал. Несколько дней прошло, а сын все не возвращается. Где только мальчика ни искали — нигде не нашли. Старшина с горя совсем состарился. Самую вкусную еду есть перестал. Только из рук любимой сестры и ел немного. Совсем горе сокрушило его, и решил он утопиться. Спустился на берег, к самой воде подошел. Увидела сестра, догадалась, что старшина хочет себя порешить, и закричала ему:

— Куда ты, брат? Утонешь! Вода ледяная. Сильно мучиться будешь! Вернись, брат, вернись!

Послушался старшина сестру и вернулся. А как ночь пришла, все уснули, опять к морю пошел. В воду ступил да по дну в самую глубь и зашел. Долго шел старшина под водой и очутился наконец в подводном селении. Видит: землянка стоит. Вошел старшина в землянку, там человек сидит, мастерит что-то. Увидел морской человек пришельца и спрашивает:

— Зачем ты сюда пришел? Кораблекрушение, что ли, потерпел?

Старшина отвечает:

— Не потерпел я кораблекрушение, а сына единственного потерял.

Морской человек говорит:

— Посреди нашего селения есть большая землянка. В ней живет Хозяин здешнего моря. Сын твой у него.

Пошел имакликский старшина к Хозяину моря. Вошел в землянку, видит: огромный человек сидит посреди полога. Косматые волосы все лицо закрыли. Вот и спрашивает Хозяин моря:

— Зачем ты пришел сюда?

— За сыном, — отвечает имакликский старшина.

Говорит Хозяин моря:

— Не отдам я тебе твоего сына, он сам в мои руки пришел.

Взглянул старшина на верхние нары, а там двое юношей сидят. Один из них его сын.

Сказал старшина Хозяину моря:

— Что хочешь для тебя сделаю, отдай только сына!

Ответил Хозяин моря:

— Ничего мне от тебя не надо. Не отдам!

Что ни предлагал старшина Хозяину моря, от всего тот отказывался.

Вспомнил тогда старшина про своих петушков, привязанных к поясу. И сказал Хозяину моря:

— Посмотри на моих петушков. Бери их, только сына отдай.

Посмотрел Хозяин моря на петушков и спрашивает домашних, нравятся ли им петушки. Стали все наперебой их расхваливать. Нахмурился вдруг Хозяин моря и велит всем замолчать. Запретил не только хвалить петушков, а даже смотреть на них — так петушки ему самому понравились. Потом велел сыну старшины одеваться. Вместе с сыном оделся и другой юноша. Хозяин моря ничего не сказал на это, всем позволил уйти. Вышли имакликцы из землянки и встретили того человека, который послал старшину к Хозяину моря. Он и говорит им:

— Зажмурьте глаза и шагните три раза!

Зажмурились они, шагнули три раза, а как открыли глаза, видят: стоят они на морском берегу возле своего селения Имаклик. И пошли они домой. А юноша, ушедший с ними от Хозяина моря, так и остался навсегда в Имакликке.

7. Потерявшийся в море

Давно-давно жил человек. Была у него семья. Промышлял он нерпу, удачливый был и ловкий охотник. Жена не переставала свежевать добытых им нерп. Вот однажды и говорит он жене:

— Перестану я пока охотиться. Добытого зверя на всю зиму хватит.

На другой день решил он почистить и просушить свой каяк. Занимается он так своим делом, вдруг видит: высунулась из волны возле самого берега большая нерпа. Не выдержал охотник, каяк в море столкнул, сам в него прыгнул и стал нерпу догонять. А нерпа то скроется под водой, то вынырнет. Он и гарпун приготовил. Вот уж нерпа совсем близко, высунулась и опять скрылась. Гнался, гнался охотник за нерпой и так далеко в море ушел, что и горы из виду пропали. Махнул на нерпу рукой, каяк повернул, домой поплыл. Вот и горы вдали показались. И пополз с них в море туман. Скоро все

туманом затянуло. Не знает охотник, куда плыть. Еды дорожной у него с собой не было. Застала его ночь в море. Уснул он голодный в каяке. Утром проснулся, приблизился к берегу, а берег такой, что пристать негде: высокий, обрывистый. Долго искал пологого места, не нашел. Стал гадать, что ему теперь делать. «Попробую зацепиться гарпуном»,— подумал. Взял гарпун и метнул его на берег. Вонзился гарпун в самую вершину утеса. Привязал охотник гарпунный ремень к каяку и взобрался по этому ремню наверх. Потом за ремень и каяк вытянул.

Стал искать место, куда бы каяк спрятать. Нашел полянку с высокой густой травой. Спрятал в траву каяк. «Если здесь останусь,— думает,— с голоду помру. Пойду поищу человеческое жильё». И пошел на поиски. Шел, шел, видит: внизу за холмом много яранг. Решил не ходить туда до наступления ночи. Как стихло все, улеглись люди спать, пошел в селение. Подошел к первой яранге. Вошел потихоньку внутрь, стал искать еду и нащупал таз, полный оленьего мяса. Таз поверх полога стоял. Взял охотник мясо и стал тут же есть. Хозяева спали в пологе и не могли увидеть его. Поел и стал искать места, где бы спрятаться. А возле входа гряда хвороста лежала для топки. Он и спрятался за эту гряду.

Утром, когда все проснулись, вышла из полога девушка и взяла таз с мясом. Сразу заметила — мяса наполовину убавилось. Внесла в полог таз, сказала матери о пропаже. Старуха стала браниться:

— Куда делось мясо? Плохо ты за добром следишь. Видно, дружок у тебя появился!

Бранится старуха, а девушка оправдывается, вины ее в этом никакой нет. Поели, пришел сосед и сказал из сеней:

— Лед в море появился. Пора на охоту выходить.

Хозяин согласился. Стал собираться и скоро пошел охотиться. Дочка принялась подметать в сенях, а пришелец, сидевший за грудой хвороста, наблюдал за ней. Кончила девушка подметать в сенях и пошла в полог, мужчина за ней. Увидела его старуха и закричала на дочь:

— Я уж давно заметила, что у тебя дружок появился!

Дочь молчала. Что ей сказать — она и в глаза не видывала этого молодого мужчину.

Подошла старуха к нему и говорит:

— Вернется наш хозяин и убьет тебя. Не быть тебе живу, если не одолеешь его. Если хозяин спросит, есть ли у тебя родные, отвечай, что нет и что ты жену себе ищешь.

Вернулся охотник и спрашивает его:

— Откуда ты и зачем к нам явился? Есть ли у тебя жена, отец с матерью?

— Прибыл я с побережья, ищу людей. Нету у меня ни родных, ни жены. Слышал я, что есть здесь людные места.

— Ну, коль пришел к нам,— говорит хозяин,— выгонять не станем. Живи у нас, будешь мне помощником, сестру мою в жены возьмешь.

Так он в этой семье всю зиму и прожил. Сестра хозяина стала его женой, а с наступлением лета родила ему ребенка. Время шло, ребенок рос. И вот стал он уже ходить.

Вдруг затосковал тот человек о своем прежнем доме. Догадливая старуха смекнула, в чем дело, и спрашивает его:

— Что ты так заскучал? Уж не ждут ли тебя где родные? Отвечает он старухе:

— Остались у меня в моем селении жена с сыном.

Вернулся вечером хозяин с охоты, рассказала ему старуха, отчего их зять заскучал.

— Что ж,— говорит хозяин,— бери вторую жену с ребенком и возвращайся домой.

Тот человек готов был домой вернуться, но не хотел вторую жену с ребенком с собой брать. Попросил он в дорогу еды и стал собираться.

На другое утро дали ему на дорогу еды и пошли провожать до того места, где у него каяк был спрятан. Идет этот человек и боится: вдруг хозяин сбросит его вместе с каяком с утеса. Даже голова разболелась от тревожной мысли. Но ничего не случилось. Хорошо его проводили. Плыл он в своем каяке пять дней и пять ночей. И вот приплыл наконец в свое родное селение. Причаливает каяк. Видит, жена его возле землянки нерпу свежует. Закричал он с каяка, чтобы шли встречать его. А жена и говорит сыну:

— Ой, что-то у меня в ухе звенит! ¹.

А муж ей с каяка:

— Не в ухе звенит, а я тебя зову!

А жена опять говорит:

— Ой, что-то в другом ухе звенит!

Стал он еще громче жену звать. А та ничего не слышит. Причалил он, на берег вышел. Жена его тем временем оставила нерпу и в землянку пошла. И начались у нее роды. Муж ее следом пошел. А как в землянку ступил — сознания лишился. Пришел в себя — глядит: он в утробе своей жены. И родила его жена во второй раз. Он хоть и удерживался, а

все-таки запищал, как младенец. Принялись его влажное тельце обтирать. Вытерли, он тут же расти начал. Глазом не успели моргнуть — а уж он прежним мужчиной стал. Дали ему его же имя. Встал он и вышел из землянки. На берег моря пошел. Смотрит, а каяка-то нет. Тогда разломали они свою землянку и откочевали в тундру. Все.

8. Амек

Очнулся человек и видит: сидит он один на ровном и голом месте. В одну сторону посмотрел — горы и деревья увидел, в другую посмотрел — море увидел, а на воде огромная чайка сидит. Чайка эта извечно сидит тут, никуда не улетает. Зима придет, море скует льдом, а чайка долбит вокруг себя клювом, вода оттого в том месте и не замерзает. Смотрит человек на чайку-великана и думает: «Откуда я появился здесь? Почему я совсем один? Как мне быть без одежды и пищи? Есть ли здесь поблизости люди?» Сидел он так, сидел, потом встал. Подошел к высокому дереву. Взобрался на дерево, стал на море смотреть. Видит — в море байдары плывут, совсем недалеко от берега. Спустился он с дерева, к морю пошел. Поравнялись с ним байдары, стал он кричать сидевшим в них людям. Не услышали его люди, проплыли мимо. Сильно опечалился человек. Немного погодя другие байдары плывут. Поравнялись с ним, он опять начал кричать. Звал, звал, услышали его люди, сидевшие в байдарках. Причалили к берегу. Спросил он тех людей:

— Куда вы путь держите? И куда первые байдары уплыли?

— В ближнее селение,— отвечают ему люди.— А те первые в далекие края уплыли.

— Сел бы я с вами в вашу байдару,— сказал человек.

— Садись,— отвечают.

Сел человек с этими людьми в байдару, скоро приехали в селение. Все к жилищу пошли, он за ними следом. Стал с ними разговаривать, никто ему не отвечает. Вошли в жилище. Всех приглашают поесть, а его не замечают. Снова стал он их расспрашивать, а они не слышат его. Стал он тогда по жилищам без страха ходить: все равно его никто не видит и не слышит. В одну ярангу вошел — такую красавицу увидел! Чистая вся да прозрачная. Через светлую кожу весь скелет и внутренности видно. И подумал человек: «Войду я внутрь

этой прекрасной женщины!» Подумал и вошел к ней в чрево.

Через некоторое время родился у этой женщины мальчик. Мальчик был тем человеком, который вошел в чрево женщины. Был он мудр не по летам, все понимал и не плакал, хотя мать его много работала. Подрос он и подумал: «Надоело мне быть человеком, умереть бы!» И умер. Тело схоронили, а дух его пошел куда глаза глядят. Увидел он в одном селении красивую собаку-суку. Шкура с шерстью у нее прозрачные, так что весь скелет и внутренности видно. Подумал дух того человека: «Ох и красавица собака! Войду я к ней в чрево!» И вошел.

Вскоре после того родила собака щенят. Среди щенят был и тот человек. Когда отходила мать от щенков, все визжали, один он молчал, потому что был умный. Подросли щенки, стал их хозяин приучать к упряжке. И сильно бил тех, кто не хотел в упряжке ходить. Умный щенок боялся, что и его прибьют, и всегда вперед рвался. Хозяин, возвращаясь из поездки, говорил про него:

— Хороша собака будет! Так и рвется вперед, не то что другие, ленивые.

И вот вырос он и стал большим псом. Надоело ему псом быть — опять умер. Снова покинул тело. По всему свету скитался: у бурых медведей был, у волков, у лисиц, у птиц. Дошел до Кыгмика и опять человеком на свет родился. Назвали его Аmek¹. Тогда и остался он навсегда в Кыгмике.

9. Сказка о летающем шамане

Жил в Уназике человек по имени Кутылан с женой. Детей у них не было. И вот настал плохой год. Не было в море ни моржей, ни лахтаков, ни нерп. И начали жители Уназика голодать. Вот жена и говорит Кутылану:

— Сходил бы ты в Сиклук¹ за мясом! Совсем мы изголодались.

Согласился Кутылан. Приготовил нарту с ляжкой и пошел. Долго шел по песчаному берегу. Погода тихая, лунная. Вот уж лагуну миновал и стал подходить к горе, как вдруг перед ним тень какая-то замелькала, луну закрыла. Посмотрел Кутылан вверх, ничего не увидел и пошел дальше. Отошел немного, снова над ним промелькнуло что-то. Посмотрел опять

вверх и увидел: носится над ним с шумом и свистом человек. Голова инеем покрыта, а сам голый до пояса. Летает человек над головой Кутылана. Вместо одного крыла у него огромная сабля, вместо другого — камень. Ох и испугался же Кутылан! И подумал: «Ну, убьет сейчас меня!» А Кутылан-то шаманом был. Вот и говорит он: «Убьет ведь он меня. Земля моя, помоги мне!» Не успел он это сказать, сам с шумом и свистом взлетел вверх и нарту за собой поволок. А летающий человек не перестает преследовать Кутылана. Вот уж совсем настигает. Устремился Кутылан вместе с нартой вниз, подлетел к лагуне и через трещину ушел под лед. Однако вся его одежда вместе с нартой осталась на льду.

Долго Кутылан сидел подо льдом. Потом обернулся моржом и высунулся из трещины. Видит: сидит летающий человек на горке, голый до пояса, а голова вся в инее; вместо одного крыла — большая сабля, вместо другого — камень-ыкугак. Так вот и сидит. И говорит Кутылану:

— Вылезай, не трону тебя!

— Нет, не вылезу,— говорит Кутылан,— убьешь ты меня! Не зря же ты за мной гнался.

— Вылезай, не трону! Разве я могу тебя убить?! Ты сам сильный шаман.

Осмелел Кутылан и вылез. Видит: сам он совсем голый, а мороз лютый. Осмотрелся: одежда его рядом на льду лежит — кухлянка с рукавицами, торбаза с завязанными тесемками. Взял он одежду и стал одеваться. А летающий человек спрашивает:

— Ты откуда?

— Я уназикский, а ты откуда?

— Из Тыкыгака²,— ответил летающий человек.

— Как тебя зовут? — спросил Кутылан.

— Асисак. Асисак мое имя, а тебя как зовут?

— Кутылан.

— Тебя нельзя победить. Ты сильный шаман. Я ведь не знал, что ты шаман, хотел позабавиться с тобой. Но тебя не осилишь. А ну, подойди поближе!

Кутылан подошел. Тот и говорит ему:

— Отсюда я вернусь в Тыкыгак, в мой Тыкыгак. Там в Тыкыгаке мне не поверят, что я повстречал такого человека, как ты. Что же мне взять с собой для доказательства?

— И мне в Уназике не поверят, что я повстречал тебя,— сказал Кутылан.

Говорит тогда Асисак из Тыкыгака:

— Сними с меня ошейник.

Не снимается ошейник через голову, очень туго на шею сидит. Потянул тогда Кутылан ошейник к себе, он и прошел сквозь шею.

— Возьми и ты мой ошейник, чтобы домашние поверили,— сказал Кутылан.

Потянул за ошейник, снял его сквозь шею и дал Асисаку. Так и поменялись они ошейниками.

Асисак из Тыкыгака говорит:

— Поедем со мной в Тыкыгак! Тыкыгак совсем рядом.

Отвечает Кутылан:

— Нет, не поеду я в Тыкыгак!

— Если не веришь, что близко, так послушай,— говорит Асисак.

Прислушался Кутылан, и правда: совсем близко пение слышится. Но все-таки говорит:

— Не поеду я в Тыкыгак!

— Ну тогда полечу я домой один. Смотри,— сказал Асисак из Тыкыгака. Закричал он, как гагара, поднялся вверх и быстро скрылся из глаз.

Подумал тогда Кутылан: «Я ведь за пищей пошел. Раз уж такое чудо со мной приключилось, пусть и дальше так будет». Надел он на себя лямки и взлетел вверх, волоча за собой нарту. Прилетел в Сиклук, приземлился и думает: «Еще ведь надо припасы откапывать, примерзшие камни снимать. Пусть все само собой сделается». Подходит к яме — примерзшие камни сами с места сдвинулись, и пища сама откопалась. Положил он на нарту два тухтака³ и снова думает: «Хорошо бы домой вернуться тем же способом!» Сделал несколько шагов и поднялся со свистом вверх. Высоко летел и нарту с тухтаками за собой тащил. Вот приблизился к селению, опустился на землю, дошел кое-как до своего жилища. Зашел в сени и стал топать, чтобы жена услышала, что муж вернулся.

— Кто там? — спросила хозяйка. — Ты что с полдороги обратно вернулся?

— Да нет, почему же, я ведь с тухтаками,— ответил Кутылан.

— Ого! — удивилась жена и вышла в сени.

Отнесли они тухтаки в хранилище. Внесли в сени нарту, и лег Кутылан спать. А тухтаки только на другой день разрезал.

И стал Кутылан с тех пор большим шаманом. До встречи с шаманом Асисаком из Тыкыгака Кутылан никогда не летал, а тут летать стал.

Так, сказывают, было. Человека из Тыкыгака звали Асисак, а человека из Уназика — Кутылан. Односельчане Кутылана видели у него на шее ошейник Асисака и не сомневались, что он встречался с летающим шаманом из Тыкыгака. Асисак же из Тыкыгака своим односельчанам показывал ошейник Кутылана, чтобы они не сомневались, что он знаком с шаманом из Уназика. Вот как встретились эти два человека, один из которых мог летать так далеко. Все.

10. Охотник и великаны

Разозлилась погода на байдары и унесла их. Выбросила где-то в южной стороне на берег. Пошли байдарные охотники в темноте вдоль берега. Захотелось им пить, поднялись наверх воду искать. Нашупали в темноте волчью ягоду. Положили в мешок из моржового пузыря. Эта ягода им вместо питья служила. Идут они дальше по суше. Ощупью пробираются. Кончились ягоды, снова воду стали искать. Искали, искали и бруснику нашли. Положили ее в мешок вместо питья. Вдруг неподалеку в стороне свет, похожий на звезду, увидали. Съели бруснику, снова стали питье искать. Ягоду голубику нашли. Положили опять в мешок, дальше пошли. Мерцающий свет расти стал. Пошли они на этот свет. Опять ягоды кончились, опять пошли питье искать. На этот раз ягоду шикшу нашли. Свет впереди все сильнее и сильнее становится. Подошли они к светлому пятну, а это ледяной припай. Поднялся стрелок, подсадили его. И говорит:

— Эх, погода замечательная!

И пошел вперед. Люди, которые с ним были, тоже поднялись все. Один только остался. Хотя и один был, толкнул байдару на припай, втащил туда, сделал маленькой. Уселся, отчалил. Небольшую скалу объехал. Вдруг наверху великана увидал. Зовет его великан, просит, чтобы он скуку его развеял. Охотник хотел было уплыть, а великан протянул вниз под скалу руку, взял байдару с охотником и положил рядом с собой на сушу.

— Давай играть в прятки! — говорит охотнику.

— Давай, — отвечает мужичок. — Только ты первый зажмурься!

Спрятался мужичок. В петлю торбазов великана залез. Стал великан искать его. Нигде не может найти. Вот и говорит:

— Ах негодный, большое мясо я упустил! Почему сразу не съел его!

А из торбазной петли смешок:

— Ха-кхе!

Вскочил великан, стал мужичка искать. А тут мужичок и сам вылез.

Говорит ему великан:

— А, так вот ты где! Давай теперь шаманить, животы друг другу резать.

— Давай,— говорит мужичок,— только подожди, пока я из байдары свой нож принесу.

Пришел он к байдаре, видит: на берегу молодая нерпа, морем выброшенная. Освежевал он ее, внутренности целиком вытащил. Надел дождевик прямо на тело, нерпичьи внутренности за пазуху положил, к амулетным ремням привязал. Подпоясался ремнем и пошел.

— Ну,— говорит великан,— ложись, мужичок, вверх лицом!

— Ладно,— отвечает мужичок.— Только ты осторожнее режь, живот у меня больно тонкий!

Разрезал великан человека, внутренности съел. До сердца добрался. Мужичок и говорит ему:

— Ты хоть сердце-то не ешь!

А великан и сердце съел. А как великан покончил с едой, мужичок и встал.

— Ой, какой ты живучий! — сказал мужичку великан и сам лег вверх животом. Лег и говорит те же слова:

— Осторожнее режь. Живот у меня очень тонкий!

Мужичок на его живот сел да и проткнул ножом как бы нечаянно. И убил его. Потом сел в байдару и отчалил.

Плывет дальше, опять видит великана. Опять окликнул его великан, но мужичок дальше поплыл. Кричит тогда великан с берега:

— Я тебе ничего плохого не сделаю!

Причалил мужичок. Великан и говорит:

— Как ты мимо того большого человека проплыл?

Отвечает мужичок:

— Да так и проплыл!

— Ведь мимо него даже птица не пролетит!

— Если он чужой тебе, знай — я убил его!

Тогда великан сказал ему:

— Ну, теперь мимо нас тоже птицы пролетать будут! Вижу я, голодный ты. Пойду-ка я на охоту.

И пошел в глубину моря пешком. Через некоторое время возвращается: кита молодого убил. Положил на берег. Отрезал себе мужичок ножом кусок с жиром и поел. А великан кита, как мелкую рыбешку, целиком в рот положил да и проглотил. Только кость выплюнул. Кончив есть, сказал мужичку:

— Давай я тебе землянку построю! Как вы там у себя землянки-то строите?

— Остов из китовых костей делаем.

Пошел великан в море, принес китовые кости. Сделал из этих костей остов для землянки. И опять спрашивает:

— Чем вы покрываете их?

— Дерном,— отвечает мужичок.

Покрыл землянку дерном и остался тут жить.

Говорит ему великан:

— Опять на охоту пойду. Постараюсь получше охотиться.

Пошел и скоро с двумя китами вернулся. Мужичок опять себе один кусок отрезал, а великан съел обоих китов в один присест. Наступила зима, говорит великан мужичку:

— Я на зиму спать залягу. Боюсь, вши меня есть будут. Так ты уж побей этих вшей. Я в долгу не останусь.

Опять на охоту отправился. Четырех китов убил, сунул им пальцы в ноздри, так на пальцах и принес. Отрезал мужичок на зиму себе несколько кусков китового мяса. Остальное великан съел. Затем лег в большую яму и говорит:

— Чтобы вши не ели меня, обложи меня всего мясом. И еще яму от большого дерева, сваленного ветром, ту, что величиной с озеро, наполни до краев снегом. Там дальше мой старший брат живет. Так ты в апреле разбуди меня, а то он раньше меня встанет, ничего мне не оставит.

Сказал эти слова великан и уснул, покрытый мясом. А мужичок один стал жить. Целую зиму жил, укрывая спящего великана мясом. А вшами, которые великана ели, были, оказывается, лисы, песцы и другой пушной зверь.

Целую зиму мужичок жил тут. Увидит мужичок зверя с хорошей шерстью и убьет его. А как апрель пришел, разбудил он великана. Проснулся великан, съел свое мясное одеяло, припасами мужичка еще подкрепился. Кончил есть, водой из ямы запил. И опять в море охотиться отправился. Вернулся, снова двух китов принес. Съели этих китов. Мужичок к себе домой собираться стал. Великан положил его вместе с байдарой к себе на ладонь и понес. Как вершины гор показались, хотел отпустить его. А мужичок и говорит:

— Не бойся, никто тебя не увидит. Понеси еще немного. Скоро берег показался, прибой уже стало слышно. Попросил мужичок великана опустить байдару на воду. Доплыл до берега. Видит, его жена жир со шкуры снимает. Окликнул ее:

— Жена, подтяни меня!

— Ай, что-то у меня в ушах звенит! ¹ — говорит жена.

Отрезала от жира маленький кусочек, к уху своему приложила и вниз бросила. Покатился кусок жира к байдаре, прямо в лицо мужика попал. Сказал мужичок:

— Ой, какая вредная!

Из байдары вышел, вверх по берегу пошел. Женщину, снимающую жир, в зад ногой пнул. Когда пнул, сам к ней в утробу попал. Пошла женщина домой, забеременела, оказывается. И вот собралась родить. Родила ребенка, хотела этого ребенка вымыть. А он на ноги встал, сам мыться собрался. После этого свою жену взял. Все.

11. Охотник и белый медведь

Один охотник никак не мог зверя добыть. Долго так продолжалось. Вот однажды ушел он в поисках нерпы далеко в море. Поднялся ветер, и оторвало лед от берега. Идет охотник по тонкой льдине. Вдруг видит: толстый лед. Перешел туда со своей льдины. Жилище себе из льда сделал, вошел, разделся, стельки из торбазов вынул, бедра прикрыл. Ноги поджал под кухлянку и долго так сидел. Вдруг слышит, голос приближается. Видит: в отверстие голова белого медведя ¹ просунулась. Влез медведь к охотнику — оказывается, без шкуры он, голый, шерсть только на голове. Вот и говорит медведь:

— Помоги мне, человек, совсем замерзаю.

Предложил охотник медведю свою кухлянку. Медведь отказался. Охотник штаны свои предложил. Опять отказался медведь. А у охотника нательная кухлянка из медвежьей шкуры. Он и ее медведю предложил. Взял эту кухлянку медведь и говорит человеку:

— Знаешь, почему ты плохо охотишься? Потому что жена твоя, когда одежду шьет, одновременно голову чешет.

Потом опустил кухлянку в воду, вытащил, а с кухлянки жир от светильника так и потек. Медведь и говорит:

— Вот из-за этой грязи ты не можешь хорошо охотиться. Звери запаха грязи на твоей одежде боятся.

Выполоскал кухлянку медведь и говорит:

— Теперь идем ко мне, а вылечишь меня, отведу тебя домой.

Подошли они к землянке медведя. Пусто в землянке. Стали они вдвоем жить да ждать, покуда раны медведя зарастут. Медведь надел нижнюю кухлянку охотника, сшитую из медвежьей шкуры, чтобы она приросла к его ободранному телу. Поправился медведь на другой день, и собрались они уходить, как вдруг послышался снаружи голос:

— Выходи, хозяин, давай состязаться в силе!

Медведь и говорит охотнику:

— Не оставят они меня в живых.

Вышел медведь, и началась схватка. Долго дрались медведи. Вот уж и ночь наступила. Видит охотник: один медведь лежит на льду, не поднимается, а другой прочь пошел. Тот, что лежал, зовет охотника:

— А ну давай, тащи меня в землянку!

Вышел человек, взял медведя и потащил его.

Медведь и говорит:

— Завтра, как раны подживут, отведу тебя домой.

Собрались они на завтра идти, а тут другой медведь пришел, опять зовет хозяина на состязание. Спрашивает охотник:

— Много ли их там?

— Нет,— отвечает медведь.— Такой же это одиночка, как и я.

Тогда охотник говорит:

— Надо его убить, а то плохо тебе придется.

— Да,— согласился медведь,— надо его, пожалуй, убить.

Мне тогда спокойнее будет.

Подошел охотник к своему хозяину-медведю и нарисовал ему на спине знак сажей. Стал медведь приметным, и когда схватился он с пришлым медведем, охотник взял копьё, выскочил из землянки и пронзил чужака. Затем взял лук и еще дважды выстрелил ему в бок.

Медведь-хозяин вошел в землянку, охотник следом. Спрашивает хозяина:

— Ну, как он там?

Медведь ответил:

— Совсем мертвый лежит.

Человек спросил:

— Отчего он умер?

Медведь отвечал:

— Две раны у него в боку от стрел да копьем проткнут.

Человек сказал:

— Это я убил его.

Медведь сказал:

— Хорошо ты сделал. Не будет у меня больше разбойника-соседа. Завтра отведу тебя домой.

И правда, отвел назавтра охотника в его селение.

12. Младший сын

Жил кочевник с четырьмя сыновьями, а дочь была пятой. Сыновья и дочь — все взрослые. Много диких оленей добывали сыновья. Однажды старший сын и говорит отцу:

— Нашли мы в тундре дохлого волка, но не взяли его. Какая польза от дохлого волка!

Отец говорит:

— Почему вы не принесли его? Волчья шкура на опушку кухлянки годится. В другой раз обязательно несите дохлого волка домой.

Принесли в другой раз сыновья волчью шкуру. Высохла шкура, и приказал отец дочери сшить старшему сыну кухлянку с опушкой из волчьей шкуры. Сшила сестра старшему брату кухлянку с опушкой из волчьей шкуры. Надел он утром эту кухлянку, потекла у него из носа кровь, и к вечеру он умер.

На следующий день второй брат кухлянку с опушкой из волчьей шкуры надел. Потекла и у него из носа кровь, и он к вечеру умер. То же случилось и с третьим братом. Остался у оленевода один младший сын.

Понял отец, отчего дети умирали, и запретил дочери шить младшему сыну одежду с опушкой из волчьей шкуры. Остатки волчьей шкуры на столб повесили. Не велел отец младшему сыну пасти оленей, а приказал дома сидеть. Вот и сидят брат с сестрой все время дома.

Однажды отец вернулся из стада очень сердитый: оказывается, волки много оленей порезали. Вот и говорит отец сыну:

— Долго ты еще будешь сидеть дома? Я один тружусь, а ты ничего не делаешь! Не будешь ты больше жить со мной, уходи сейчас же куда хочешь! Хоть под землю провались, хоть в поднебесье лети. А еще лучше — сделай себе опушку из волчьей шкуры.

Как сказал отец такие слова, очень обиделся сын и говорит сестре:

— Сшей мне белую кухлянку, а опушку из волчьей шкуры сделай.

Испугалась сестра, опечалилась и стала шить ему белую кухлянку с опушкой из волчьей шкуры. Шьет, а сама плачет. Сшила кухлянку, а юноша тем временем палку себе со звонком сделал. Решил отец в ту ночь дома ночевать. Уснул отец, а юноша, напевая, одеваться стал. Оделся и с палкой из яранги вышел. Проснулся отец, а сына нет. Испугался, выскочил из яранги и побежал за сыном. Совсем было сына догнал — упал сын на землю и исчез — как провалился! Пошел отец домой, обернулся и снова увидел сына. Быстро-быстро побежал к нему. Стал нагонять, а сын оторвался от земли и взлетел в воздух. Кричит ему отец:

— Куда же ты, сын? Вернись домой! На кого ты меня покидаешь?

Отвечает ему сын:

— Нет, не вернусь я к тебе. Ты меня упрекнул, что я ничего не делаю, а ведь сам же оставлял меня дома, не пускал в стадо. Вот ты мне смерти пожелал или в поднебесье улететь. Я и улетел.

Горько заплакал отец и пошел домой. А юноша долго-долго шел по взгорью. Дошел наконец до маленькой яранги. Спросил хозяин яранги, куда идет юноша. Тот ответил:

— Ищу я хорошее селение, где бы люди счастливо жили.

Говорит человек:

— Дойдешь через некоторое время до того селения. Только сначала дойдешь до большого села. А там плохие люди живут, так что вряд ли ты живым из него выберешься.

Переночевал юноша у этого человека и отправился дальше. Долго шел. Холм обогнул, видит: человек рыбу удит. Подошел, остановился за спиной этого человека, стал смотреть, как тот удит. А тот дернул удочку и ребеночка из проруби вытащил¹. Сначала шевелился ребеночек, но скоро замерз. Когда он замерз, отломил рыбак у него ручку и съел. Тут юноша потряхнул своей палкой, звонок и звякнул. Обернулся рыбак и видит — юноша в белой одежде. Говорит рыбак юноше:

— Откуда ты взялся, прекрасный юноша? Пойду я поскорее домой, скажу, чтобы приготовились встретить тебя. А ты пока добычу мою посторожи.

Ушел человек, а юноша следом за ним отправился. Дошел тот человек до землянки, поднялся к отдушине и крикнул:

— Шкуру для свежевания расстелите. Там ко мне хорошая еда сама пришла. Сейчас приведу!

Услышал юноша эти слова, прижался к земле, боится, что недобрый человек увидит его. Тот не увидел, на берег пошел. Подходит к проруби — никого нет. Пошел к другим ловцам и говорит:

— Удивительное дело! Только что хорошая еда сама пришла. А пока я ходил домой сказать, чтобы все к свежеванию приготовили, убежала куда-то без спросу.

Отвечают ему ловцы:

— А почему ты отдельно от всех рыбу ловишь? Вот и прозевал еду, которая сама пришла.

А юноша тем временем до большого селения дошел. Там напротив большой землянки три девушки и один юноша играют в мяч. Подошел к ним пришелец. Юноша, игравший в мяч, был очень красив и очень быстро бегал. Увидели играющие пришельца, и юноша сказал ему:

— Откуда ты пришел? Будь моим гостем. Пойдем ко мне в дом, я покормлю тебя.

Вошли в большую землянку. Там старик и старуха сидят. Обрадовались старики, спрашивают:

— Прекрасный юноша, откуда ты пришел? Вот был бы ты нашим сыном!

Рассказал юноша им, откуда пришел. Старик и говорит:

— Живи у нас. Вот перед тобою три наши дочери. Если хочешь жениться, выбирай любую из них.

Остался юноша жить у стариков. Женился на младшей дочери. Однажды старик говорит зятю:

— Если вдруг, когда будешь гулять, свист услышишь, не оборачивайся, а то плохо тебе будет.

Юноша любил прогуливаться. Вот раз услышал он свист, но не обернулся. Дальше пошел. Снова услышал свист. Обернулся и видит: вдалеке — маленькая землянка. Стоит у входа в землянку женщина. Увидела она юношу и улыбнулась ему ласково. А как вечер настал, пошел домой юноша. Только собрались ужинать, в натыке землянки послышался звон и чьи-то шаги. Старик и говорит зятю:

— Не послушался ты меня! Ведь говорил я тебе: не оборачивайся на свист. Теперь ты погиб!

Входит в землянку та самая женщина в красивой кухлянке; в руках у нее ведро и блюдо с едой. Женщина опять юноше ласково улыбнулась, и он в ответ улыбнулся.

Говорит ему женщина, протягивая блюдо:

— Ешь!

Юноша съел, что было на блюде, водой из ведра запил.

— Одевайся, сейчас домой пойдём,— говорит женщина.

Юноша верхние штаны старику бросил:

— Вот возьми, будешь носить!

Кухлянку верхнюю снял, бросил старухе:

— Вот тебе, будешь носить!

И пошел с той женщиной к маленькой землянке. А у наружного входа в землянку два больших белых медведя на цепях сидят. Подошли к ним юноша с женщиной, зарычали белые медведи, стали на юношу бросаться. Прикрыла женщина медведям глаза, юноша прошел. А у следующего входа на привязи два больших бурых медведя. Увидели юношу, зарычали, тоже стали на него бросаться. Женщина и этим медведям глаза прикрыла, и опять юноша мимо них прошел. Вошли. Женщина в этой землянке одна жила. Землянка высокая, отдушина на самом верху. Большие жирники горят тускло. Настала ночь, женщина с юношей вместе легли. Женщина своей кухлянкой укрылась. Юноша — своей и тотчас уснул.

В полночь проснулся юноша: сердцем опасность почувал. Открыл глаза и видит: вышла из-под жирника маленькая старушка², а в руках у нее огромный нож. Подходит она к юноше, нож точит, а сама зорко так на юношу глядит. Притворился юноша, будто только что проснулся, и повернулся на другой бок. Как стал он ворочаться, послышался звон, и крохотная женщина куда-то исчезла. Встал юноша, у спящей женщины косы отрезал. Передвинул ее осторожно на свое место и своей кухлянкой укрыл. Сам лег на ее место, приладил косы к своим волосам, ее кухлянкой укрылся. Снова притворился спящим.

Немного погодя опять вышла из-под жирника маленькая старушка с ножом в руках. Подходит к спящим, а сама нож точит. Подошла. Щупает женщину: «Вот,— говорит,— мой зять, ведь у него нет кос. И конечно, моя дочь велела ему укрыться его же кухлянкой». Потом к юноше подошла: «А это моя дочь, вот и косы ее, и кухлянка». Поднесла нож к горлу дочери и говорит опять: «Конечно, это мой зять, была бы дочь, были бы у нее косы». Еще раз головы спящих ошупала и снова поднесла нож к горлу бескосой женщины. Поднесла нож и перерезала горло своей дочери.

Тут юноша вскочил на ноги, отнял у крохотной женщины нож и зарезал ее, а тела бросил в сени бурым медведям.

Глянул на отдушину, видит: стала она сужаться. Подпрыгнул повыше и ухватился руками за край отдушины. Едва ус-

пел вылезть через отдушину, как она совсем сжалась. Видит юноша: вместо землянки только маленький круглый холмик — ни выхода, ни отдушины. А тут и утро настало. Пошел юноша к большой землянке. Вбежал из сеней за полог. Очень обрадовались старики, закричали:

— Откуда ты взялся? Как тебе удалось спастись?

Отвечает юноша:

— Я там их обеих убил.

Оделся старик. Вышел, на свою землянку взобрался и громко так закричал:

— Зять мой людоедов убил. Теперь наши сыновья будут расти и никого не бояться.

Остался юноша в этом селении навсегда жить. Все.

13. Оленевод и семья волков

Далеко-далеко в тундре жил оленевод. Были у него жена и два сына. Жили они одни, без соседей. Сыновья пасли стадо днем, а ночью их отец сменял. Стадо было маленькое, и нельзя было к другим оленеводам присоединиться. Берегли отец и сыновья свое стадо. Совсем мало забивали оленей на еду, но на одежду шкур забитых оленей хватало.

А на высокой горе в стороне моря находилось волчье логово. Стадо оленевода недалеко от этого логова паслось. Днем стадо пасли мальчики, с наступлением ночи приходил отец и сменял их. Так вот и жили они потихоньку. Маленькое стадо их не уменьшалось, но и не росло. Телята послабже гибли во время отела. Отец уже стареть и слабеть стал.

Вот однажды вернулись мальчики домой все в слезах.

— Что случилось? — спрашивают родители.

— Нет у нас больше стада, — отвечают мальчики. — Прибежали два волка и всех оленей угнали. Погнались мы за стадом, но не догнали. Очень быстро оно из виду скрылось.

Взял отец с собой на дорогу еду и отправился искать стадо. Вскоре заметил он оленьи следы. А потом и объединенные волками туши оленей с вырванными языками. Поодаль бродило несколько оставшихся от стада оленей.

Оленевод снял шкуры с убитых оленей, затем поймал пару ездовых, взвалил на нарту две оленьи туши и привез домой. Жена освежевала их. Хозяин снова положил их на нарту и повез к волчьему логову. Подъехал к логову и кричит:

— Эй, есть тут кто-нибудь?! Волки несколько моих оленей

убили. Давайте их вместе съедим! Все равно я почти совсем без оленей остался.

Вдруг его глазам что-то черное представилось. Пригляделся, видит: перед ним вход в землянку открылся. Слышит: приглашают его войти. Вошел оленевод. Осмотрелся. Оказывается, очутился он в большой светлой землянке. Хозяин говорит ему:

— Знаю, знаю, мало у тебя оленей. Всякий раз говорю сыновьям, чтобы не трогали твоих оленей. Бедняк ведь ты. А сыновья не слушаются. Это они твое стадо порезали. Садись, подожди! Они вот-вот вернуться.

Наступил вечер, послышались снаружи чьи-то шаги.

— Вот и они. Сейчас я их отругаю как следует,— сказал хозяин.

Через нижний вход вошел в землянку статный юноша. У него только-только усики обозначились. За ним второй вошел, совсем еще мальчик. Отец и говорит им:

— Непослушные! Сколько раз я говорил вам: не трогайте оленей из этого стада! Зачем порезали его оленей? Жалкие трусы, боитесь далеко от дома уйти!

Младший брат кивнул на старшего и говорит:

— Это он захотел оленей из этого стада!

А отец все сердится:

— Видите, этот человек угощение вам принес. Непослушные! Вот наступит ночь, отправляйтесь на охоту. Далеко-далеко на севере живет богатый оленевод. У него очень большое стадо, и бродит оно почти без присмотра. Вот и пригоните оттуда оленей, да побольше, и пустите их в стадо вот этого оленевода. Ну, я все сказал. Теперь он домой пойдет, а вы — за оленями. Поешьте хорошенько на дорогу, переоденьтесь и ступайте!

Возвратился оленевод домой. Говорит жене:

— Ходил я в волчье логово, отнес туда две олени туши. Встретили меня волки очень радушно и пообещали помочь мне. Ведь мы почти без оленей остались. Это, оказывается, они порезали наших оленей. Не слушаются дети отца, он им все время велит охотиться подальше. Сегодня ночью они отправятся далеко-далеко за оленями и вернут нам наш убыток.

В ту пору заморозки уже настали. Проснулись оленевод с женой рано утром. Погода стоит ясная, тихая. Откуда-то легкий постук доносится, похожий на топот оленей. А маленькое стадо хозяина паслось далеко от стойбища. Говорит хозяин жене:

— Слышишь, топот, как будто стадо оленей приближается. Пойди и посмотри, что бы это такое могло быть.

Оделась жена, вышла, видит: подходит к их жилищу большое стадо оленей.

— Смотри, какое огромное стадо идет! — закричала жена. — Видно, очень богатый хозяин к нам прибыл.

Подошло стадо к жилищу и остановилось. Вышел хозяин, смотрит — и вправду большое стадо, а в стаде несколько его уцелевших оленей.

Проснулись сыновья, отец и говорит им:

— Сегодня будем забивать оленей!

Две оленьи туши хозяин опять отвез в волчье логово. И так каждый раз: забьет оленей и отвезет пару волкам. С тех пор стало у него большое стадо. Другие оленеводы, у которых было мало оленей, стали к нему присоединяться. Стадо это паслось само. Охраняли его волки. Большое стойбище выросло на месте старого кочевья оленевода. Во время забоя раздавал он бедным оленеводам мясо для еды и шкуры на одежду, не забывая и своих покровителей-волков.

Появилось у оленевода много друзей. Маленькие стада бедных оленеводов быстро росли в его стаде. Богатели оленеводы и отделялись. С тех пор стало в Энмеленской тундре множество стойбищ. Стали к оленеводам ездить береговые люди. Давали им оленеводы мясо и шкуры, а береговые привозили дождевики, торбаза, ремни, жир морских зверей.

Сыновья оленевода выросли, женились, много у них детей народилось. Еще больше стало в тундре оленеводов. Вот какую сказку слышал я от своей бабушки.

14. Человек с двумя женами

Были у человека две жены. Старшая ребенка ему родила, мальчика. Принес человек женам три оленьи шкуры. Говорит второй жене:

— Сделай из этих двух шкур кухлянку.

Старшей жене дал одну шкуру, чтобы штаны сшила. Из камусов велел чехол для копья сделать. Шкуры были совсем белые. Сшили жены одежду. Оделся человек во все новое. Дождался ночи, взял копье и вышел из землянки. Говорит старшая жена:

— Куда это он пошел, пойду посмотрю!

Младшая, войдя в землянку, отвечает:

— Вон туда пошел, на берег.

Тем временем человек этот в прибойную волну вошел. Впереди как будто яркий свет горит. Пошел туда, к земле приблизился. Вдруг голос слышит:

— Что ты за человек?

— С суши я,— отвечает.

— Зачем сюда пришел?

— За женщиной!

Лег ночью спать, оказался рядом с двумя женами. Это он к нерпам прибыл. Проснулся, дальше пошел и вот до земли лахтаков добрался. Опять его спрашивают:

— Зачем сюда пришел?

— За женщиной,— отвечает.

Лег спать, и опять, как дома, две жены рядом. Проснулся, снова пошел. И вот у моржей оказался. Опять спросили его, что он за человек. Ответил, что с берега, мол, пришел.

— Зачем пришел?

— За женщиной.

Лег спать, опять две жены рядом. Проснулся, дальше пошел, у китов оказался. Опять у него то же самое спросили. Он то же самое ответил и спал опять с двумя женами. Проснулся, дальше пошел. Шел он, шел, да так все море и перешел. Вышел на сушу, а уже темно стало. Видит: землянка стоит. В ней огонек мерцает. Пошел на огонек. У входа остановился, копье воткнул. Вышла из землянки женщина, слышит: копье звякнуло. Вернулась в землянку и говорит:

— Услышала я, как снаружи у входа звоночек звякнул.

Тогда старик говорит сыну:

— Иди скорее посмотри, кто там. Никогда ты не торопиться, мальчик.

Вышел мальчик, прислушался: правда, звякает что-то. Шагнул в ту сторону, дотронулся до пришельца рукой и говорит:

— Откуда ты пришел? У меня ведь нет брата. Пойдем со мной. Теперь у меня будет брат!

Вошли в землянку, мальчик сказал отцу:

— Вот я брата нашел.

Отец отвечает:

— Тише, помолчите! Завтра у нас праздник будет!

Ночью старик сказал гостю:

— Ты как раз на праздник угодил. Завтра, как начнем праздновать, войдет женщина с блюдом в руках. Блюдо у нее едой из кореньев наполнено. Увидит тебя, будет угощать. Ты

не ешь ее еды: если только лизнешь, заберет она тебя к себе. Ревнует она к нам. Когда юношу возьмет в мужья, больше уж от себя не отпустит.

Уснули. Наутро праздновать начали. И правда, вошла девушка с блюдом. Увидела человека, подошла к нему и сказала:

— На, отведай это кушанье.

Ответил человек:

— Не буду я твое кушанье есть.

А блюдо как будто само к его груди тянется. Съел все-таки одну ложку.

Женщина и говорит:

— Вот ты и взял меня в жены, идем!

Взяла его за руку и повела. Пришли они в большую землянку. Подошла женщина к входу и сказала:

— Иди туда.

Человек ответил:

— Я первый раз к тебе в землянку иду. Так что сначала ты входи!

А у входа по сторонам два медведя лежат. Перешагнула женщина через медвежьи головы и вошла в землянку. Он следом вошел. Женщина сказала:

— Ну, этот человек умеет в дом входить!

Вошли они внутрь, а посреди сений большое озеро. Посреди озера большое бревно плавает. Человек сказал:

— Иди ты сначала! Я ведь здесь впервые.

Ступила женщина на бревно и перешла на ту сторону, человек следом за ней перешел. Женщина сказала:

— Ох, ночь уже, ты меня взял в жены, давай спать ляжем!

Легли, каждый своей кухлянкой укрылся. Только стал человек засыпать, вдруг видит — высунулась из стены старуха. Нож вытащила, стала точить. Человек свою кухлянку на женщину набросил, сам ее кухлянкой укрылся. Подошла к ним старуха. Видит кухлянку гостя. Нагнулась над дочерью и ударила ее ножом в горло. Думала, что гость. Вскочил человек на ноги, а старуха к стене отбежала. Ножом в человека бросила. Подставил человек мизинец, нож об него плашмя ударился. Схватил человек нож, в старуху метнул. Правую руку у старухи до плеча отсек. Схватила старуха нож в левую руку, бросила в человека. Опять нож плашмя ударился. Схватил человек нож, метнул в старуху, левую руку отсек. Тогда старуха нож ртом поймала, снова в человека бросила. И человек ртом поймал, метнул в старуху и горло ей перерезал. Сел че-

ловек, оделся, хотел в отдушину выйти, как вдруг все кругом затрещало, землянка ходуном заходила. А у отдушины, оказываясь, тот юноша человека ожидал. Помог он ему из землянки выбраться и спрашивает:

— Где они, убил ты их?

— Наверное, убил,— отвечает человек.

Пришли в поселок, мальчик отцу и говорит:

— Этот человек наших мучителей прикончил.

Стал старик одеваться. Вышел, на землянку поднялся, закричал:

— Будет с этих пор юноша силачом. Гость наших мучителей погубил.

Пошел этот человек домой. Придя домой, старика увидел. Оказывается, это его сын. Вот как много лет он странствовал, дома не был. Пока пришелец отдыхал, старик вдруг уменьшаться начал, все меньше, меньше становился — и вдруг совсем исчез.

15. Женщина, не желавшая выходить замуж

В селении Нунак¹ жил старшина, удачливый китобой. И гребцы у него были как на подбор: выносливые, удалые, молодец к молодцу. Была у него дочь, одна-единственная. Других детей не было. Дочь уже в пору девичества вошла. Летом часто в горы уходила. Был у нее щенок, которого она сама растила. Каждый раз, когда шла в тундру за съедобными кореньями и травами, брала с собой щенка, чтобы не скучно было. Дома щенок ей все принесет, что она ни попросит, — слова выучился понимать. Отец ее каждую весну кита добывал. Был он удачливый охотник и жил небедно. К тому же добрый и справедливый был и к людям приветливый: мяса всем поровну давал, никого не обделит, никому больше не даст. Поэтому в горячую пору в работниках у него никогда нужды не было.

Дочь его была красивая, на загляденье. Стали парни Нунака к ней свататься. Согласится отец выдать дочь за какого-нибудь парня. Поселится жених в доме старшины, чтобы за жену отработать. А невеста на него и не глядит. Ну и возвращается жених домой ни с чем. Не хочет дочка старшины замуж выходить, никто ей не нравится. Многие нунакцы получили отказ. Стали из соседних селений сватать ее. Опять

согласился отец выдать ее. А она гонит от себя всех женихов прочь. Теперь уже и гребцы отца свататься стали. А она ни на кого глядеть не хочет. Те гребцы, которые хотели зятьями стать и которых она отвергла, обиделись на старшину, стали уходить от него. Одна эта девушка обидела всех нунакских парней. Совсем мало осталось гребцов у старшины.

Перезимовали, опять лето наступило. Дочка старшины снова стала собирать съедобные травы. Вот однажды ушла она в тундру, отец ее и думает: «Нет от дочери никакой пользы, один только вред. Вот и гребцов у меня не стало, а разве я плохо к ним относился? И все это из-за дочери. Может, она совсем одна хочет жить? Надо сказать всем жителям Нунака: пусть они готовятся в путь, пока дочка в тундре. Пусть оставят ее одну. Заберут с собой всю пищу, которая хранится в ямах, в землянках, под снегом, и даже мясохранилище выскоблят. А как соберутся, пусть едут отсюда кому куда вздумается. И чтобы кусочка мяса здесь не осталось».

Распорядился старшина с места сниматься. Бросились нунакцы исполнять его приказ. Всю пищу, что хранилась в землянках, ямах, под снегом, достали, с собой погрузили. И разъехались кто куда хотел. Сам старшина в Имаклик поехал.

Собирает девушка в тундре съедобные травы и не ведает, что селения ее больше нет. Набрала она полные мешки — а дело уже к вечеру было — и пошла домой со своим верным щенком. Приходят — а в яранге никого нет, даже и вещей никаких не осталось. Хотела поесть, и еды нет. Пошла было к яме, где мясо хранилось, а яма пустая. Вернулась в ярангу, поела сухой травы и кореньев и спать легла. Щенок рядом с ней лег. Проснулись, опять травы поели. Девушка все ямы обошла, мясо отыскивая. Откроет яму — а в ней даже ошметков жира нет, все дочиста выскоблено. А тут осень на носу, все холоднее становится, землю иней одел. А им и согреться нечем, дрожат, друг о дружку греются.

Вот однажды, когда уж совсем нечего было в рот взять, спустилась девушка в яму, чтобы под настилом натеков жира поискать. Убрала настил, стала натекий жир соскабливать. Видит: посреди ямы большой плоский камень. Подняла она этот камень, а под ним, на счастье, большущий кусок китовой кожи. Обрадовалась девушка, даже оторопела: столько еды! Взяла кожу, принесла домой. Сама поела и щенку дала. Стали они этой кожей питаться, по маленькому кусочку съедали, лишь бы с голоду не умереть, и на много дней ее растянули. А кожу-то кита, оказывается, тетка специально для нее оста-

вила. А тут и лед подошел, прочно море сковал. Съели они всю кожу, совсем нечего есть стало. Откуда же им пищи взять? Из-за холода ни днем ни ночью спать как следует не могли. Стены землянки изнутри иней покрыл.

Вот раз никак не могут уснуть. А ночь звездная, тихая. Вдруг загрохотало что-то снаружи. «Ну,— думают,— наверное, тунгак пришел. Кто еще так грохотать может? Не иначе тунгак!» Испугались, лежат, не двигаются. Смотрят друг на друга.

Перестало грохотать, говорит девушка своей собачке:

— Пойди посмотри, что там такое!

Сказала она так, выскочила собачка из яранги, но тут же вернулась в сени и заскулила. Спрашивает хозяйка:

— Втащить тебя?

Только это сказала, бросилась собачка к выходу. Но наружу не выходит. Обрато вернулась, смотрит на девушку и скулит. Вот девушка и спрашивает:

— Может, мне на улицу выйти?

Спросила она так, побежала собачка наружу. Девушка за ней пошла. Видит: держит собачка в зубах нерпу и скулит. Бросилась девушка к нерпе, за ласт взяла. Втащили нерпу в землянку. А как втащили, девушка разрежала ее, вынула кишки и стали они есть свежее мясо. Поели. Пошла девушка в сени, нашла черепок от жирника, взбила жир, положила в черепок и зажгла. Тепло в землянке стало, иней растаял — и мясо теперь было. Очень понемногу они эту нерпу ели, лишь бы с голоду не умереть. Надолго ее хватило. Но не вечно же быть еде из одной нерпы! Хотя и очень берегли ее, а все-таки пришлось последний кусок съесть. Вместе с мясом и жир кончился — жирник ведь тоже хороший едок. Стало опять голодно. Опять все в землянке иней покрыл. Уснуть от холода не могут. А как стал холод с голодом до костей пробираться, установилась очень ясная погода.

Стало по ночам светло от лунного света. Вот раз не могут они от холода уснуть. Вдруг слышат: снаружи грохот сильнее прежнего. Воскликнула женщина:

— Ну уж на этот раз тунгак! Ох, съест он нас!

Долго они сидели не шевелясь. Потом говорит девушка своей собачке:

— Пойди посмотри, что там такое.

Отвязала собачку. Выскочила та на улицу и сразу домой вернулась. Стоит в сенях, скулит, на хозяйку смотрит. Спрашивает ее девушка:

— Втащить тебя?

Как сказала девушка эти слова, собачка опять на улицу выскочила. И тотчас вернулась. Скулит и на хозяйку смотрит. Та и говорит:

— Может, мне на улицу выйти?

Услыхала собачка эти слова, бросилась вон из землянки. Хозяйка за ней пошла. Не спешит из землянки выйти. Высунула голову наружу — а собачка держит лахтака в зубах. Выбежала девушка на улицу, схватила лахтака за ласт, еле-еле вдвоем внутрь втащили. Разрезала его девушка. Снова свежего мяса поели. Наполнились у них желудки, девушка снова жирник зажгла. Снова согреваться стали. Иней на стенах растаял. Снова у них и пища есть, и спать хорошо стало. Долго этим лахтаком питались: ведь он больше нерпы.

Хотя и берегли лахтака, но и он кончился. А дни уже длиннее стали. И вот опять пришла тяжелая жизнь: спать не могут от холода. А как стали голодать да замерзать, однажды снова загрохотало что-то ночью, заскрипело. Девушка и говорит:

— Ну, уж на этот раз непременно тунгак. Какой человек придет сюда? В соседних селениях, наверное, думают, что нас давно и в живых нет!

Сидят они молча, ждут, что дальше будет. Вот и говорит девушка собачке:

— Пойди посмотри, что там такое!

Отвязала собачку. Бросилась та наружу и сейчас же обратно вернулась, села на свое место и смотрит на хозяйку.

— Что ты там увидела? — спрашивает девушка.

Ничего не ответила собачка, не может ведь она говорить по-человечьи. Сидит и на хозяйку смотрит. Подумала, подумала девушка и говорит:

— Столько мы натерпелись, так пусть уж он съест меня!

Сказала так и пошла. Выглянула наружу. Видит: тень человека. Вгляделась — мужчина стоит. Очень хорошо одетый юноша. Посмотрела ему в лицо — оказывается, и он на нее смотрит. Увидел он, что девушка его заметила, и говорит:

— Не бойся, ничего худого тебе не сделаю! Жалко мне тебя, вот и хожу сюда. Сначала нерпу принес, потом лахтака. Не хочу я, чтобы вы с голоду померли, потому и пищу ношу вам. Вот наконец и сам пришел. Ведь знаю я, как ты бедствуешь! Но ты все равно, наверное, непустишь меня к себе.

Отвечает ему девушка после долгого молчания:

— Будь по-твоему! Ты ведь, и верно, спас нас. Если бы не ты, наши косточки давно бы уж снегом замело.

Поговорили так и вошли в землянку. Есть было нечего, так и легли спать натошак. Проснулась утром девушка, а мужчина уже на охоту ушел. А как стало светать, вернулся с нерпой. Отрезала девушка от нерпы кусок жира, поколотила его, жирник зажгла и стала мясо варить. Как сварила, поели они мяса, полакомились. Еще поставила варить. Теперь стало у нее мяса вдоволь, потому что мужчина всегда добудет зверя на пропитание. А мужчина этот удачливый охотник был, всегда с добычей возвращался. На охоту уходил спозаранку, они даже и не слышали его. Вот так у них и жизнь шла. К весне погода повернула. Дни стали длиннее, солнце пригревать начало. А муж ее избранный начал все реже нерп приносить. Хоть и утром на охоту уйдет, а только к вечеру возвращается. И нерпы все мелкие попадаться стали. И с женой стал обращаться плохо. Как вернется с охоты, начнет ее ощупывать и приговаривает:

— Почему это ты не полнеешь, ведь всю зиму я хорошо тебя кормил?!

Стал еще раньше на охоту выходить, а все равно возвращался поздно с маленькой добычей. Пощупает свою жену и даже разговаривать с ней не хочет. Только и скажет:

— Уж не могу я добывать нерп, когда же ты наконец по-полнеешь?

Вот раз ушел он на охоту. Жена его занималась в пологе хозяйством. Вдруг слышит: кто-то в сени вошел и, не останавливаясь, к пологу направился. Заглянула в полог — маленькая женщина². Пригласила ее хозяйка, угощает вареным мясом. Стали вместе есть. Вот и говорит хозяйка:

— Столько времени здесь живу — ни разу никого не видела. Думала, кроме меня здесь никого нет. Откуда ты пришла?

Гостья отвечает:

— Действительно, ты тут одна живешь. А я совсем из других мест. Жалея тебя, сюда пришла. Предупредить хочу тебя. Сама ты себе «хорошего» мужа выбрала. А ведь было, что иногда жир из ямы пропадал? Знай, муж твой — белый медведь. Очень он исхудал без жиру. Придет он сегодня с охоты поздно ночью с очень маленькой нерпой, не даст тебе как следует спать. Завтра опять пойдет на охоту спозаранку, а придет совсем без добычи. И съест тебя, если не поступишь, как я тебя научу. А поступишь по-моему — спасешься. Беги завтра к своим родителям в Имаклик! Я тебе дам свою кухлянку, только собачку свою не бери: она тебе помешает. Возьми с собой прут, обожги его конец, а когда побежишь, смотри не потеряй его. Беги не прямо в море, а сначала по дороге в сто-

рону Наукана, только от мыса Уяхак³ поверни к морю, во льды. Как уйдешь далеко в море, заметишь, что муж за тобой гонится. Станет он тебя нагонять и кричать во все горло. Ты оглянись, а как будет он совсем хорошо виден, возьми прут, проведи по льду обожженным концом, но весь не трать. Проведешь им по льду и беги что есть мочи дальше. Снова обернись назад, сама увидишь тогда, что будет. Замешкается он, но снова за тобой побежит, опять ты услышишь его, опять будет он тебя настигать. Снова возьми прут, проведи им по льду, на этот раз не жалея угля, весь можешь истратить. Обернись последний раз и беги вперед что есть духу. Скоро Имаклик покажется. В это время имакликские рыбаки обычно рыбу удят. Подойди поближе к ним, но не останавливайся. И сразу к стойбищу не подходи, среди камней спрячься. Ночь наступит, кухлянку мою сними, среди камней спрячь и ступай к жилищу родителей. А как только муж твой до рыбаков добежит, они его своими пешнями заколят. Так все и сделай, как я тебе сказала. Смотри: не послушаешься, настигнет он тебя и съест.

Сказала это маленькая женщина и ушла. А жена медведя и думает: «Вон что посоветовала мне добрая женщина. И свою кухлянку дать обещала. Попробую убежать от медведя».

В ту ночь пришел муж с охоты поздно, принес маленькую, тощую нерпу. Попыталась было женщина заговорить с ним — молчит муж, не отвечает. Поели молча, спать легли. Не узнает она мужа, совсем другой стал: то оттолкнет ее от себя, то щипать начнет, чуть кусок кожи не вырвал. Так и не дал ей всю ночь спать, а чуть свет ушел на охоту.

Как совсем рассвело, вчерашняя маленькая женщина приходит. Вошла и говорит жене медведя:

— Вот тебе одна из моих кухлянок.

Спрятала руки внутрь, скинула кухлянку. Оказалась кухлянка лисьей шкурой. Говорит:

— На, надевай!

Спрашивает хозяйка:

— Какая маленькая! Как я ее надену?

— Не такая уж маленькая, закрой глаза и надевай!

Взяла женщина кухлянку с опаской, стала надевать и надеда без труда. Посмотрела на себя: оказывается, превратилась она в лису. Попробовала ходить — не может, мордой в пол уткнулась. Говорит ей гостья:

— Ну-ка, попробуй еще!

Попробовала раз, попробовала другой — не получается: то на бок упадет, то через голову перевернется. Учит ее ма-

ленькая женщина: надо чуть боком идти, хвост держать вровень с туловищем, не опускать и вверх не задирать. Научилась жена медведя по-лиси ходить, да так быстро ходить стала! Говорит ей маленькая женщина:

— Бери теперь прут, обожги его и беги. Скоро твой муж вернется!

Взяла жена медведя прут, обожгла конец, вышла на улицу. Поглядела с жалостью на свою собачку и спустилась к берегу. Как на берег вышла, по дороге в сторону Наукана побежала. Только от мыса Уяхака в сторону пролива свернула. Гык!⁴ Что есть мочи бежит лисица. Далеко уже убежала, а погони все нет. Вдруг слышит: кто-то сзади кличет ее. Побежала что было сил. Слышит: совсем уж настигать стал.

— Беги, беги, все равно догоню! — кричит медведь.

Обернулась женщина. Видит, гонится за ней огромный белый медведь и как будто к себе ее притягивает. Так испугалась женщина, что и про прут свой забыла. Вспомнила вдруг и воскликнула:

— Ах! Ведь она велела мне прутом по льду провести, когда медведь нагонять станет!

Достала прут, провела по льду и еще быстрее побежала. Как не стало слышно его голоса, назад оглянулась. А на том месте, где она прутом черту провела, широкая полынья получилась. Видит женщина — муж ее в полынью лезет. Побежала еще быстрее. Очень долго бежала. Начнет задыхаться, передохнет немного и снова бежит.

Вдруг опять слышит голос медведя. А она уже до середины пролива добежала, совсем Имаклик близко. Опять стал медведь как бы притягивать ее. Вот-вот догонит! Достала она свой прут, опять по льду провела, воткнув обожженный конец в лед. А сама дальше что есть духу побежала. Оглянулась назад: огромная полынья раскрылась, даже той стороны не видно. Вот уж Имаклик совсем близко. Опять слышит лиса рев медведя. Тут уж припай начался. Добежала она до припая. Посмотрела в сторону поселка, видит: на льду много старых рыбаков рыбу удят. И среди них ее отец. Побежала лиса к рыбакам. Приблизилась к ним — увидели они лису, закричали:

— Эге, смотрите, вон какая лисичка бежит!

Хотели ей дорогу преградить, да не тут-то было. У нее ведь четыре лапы! Проскочила она мимо рыбаков, мимо землянок вверх на холм поднялась. Спряталась между камней, вниз смотрит. Видит: муж-медведь по ее следам по льду спешит.

Добежал до припая, не мешкая дальше пошел. А как до середины припая дошел, тут его рыбаки увидели. Взял каждый свою пешню, ждут. Как только дошел он до них, бросились они на него и пешнями закололи. Видит женщина-лиса: убили рыбаки ее мужа — белого медведя, освеживали мясо, между собой поделили и домой пошли.

Просидела она в камнях до наступления ночи. А как совсем стемнело, сняла лисью шкуру и спрятала между камнями. Снова женщиной стала и вниз в селение пошла. Видит: отец ее в свою землянку вошел. Приблизилась она к отцовой землянке. Остановилась, боится войти. Слышит: разговаривают в землянке двое. Вошла она в сени. Чувствует: медвежьим мясом пахнет. Ну раз уж в сени вошла, то и дальше идти надо. Увидели ее родители, обрадовались и удивились. Очень уж они по дочери соскучились и жалели, что ее совсем одну оставили. Они как раз собрались медвежье мясо есть, дочку приглашают. Отказалась она — как может мясо своего мужа есть!

С тех пор и стали они жить все вместе. Хорошо жили, дочку больше не покидали. Вот такая это длинная сказка.

Куда ее собачка делась — не знаю. И вышла ли женщина еще раз замуж — тоже неизвестно.

16. Укивакский ревнивец и его жена

Старшина Укивака ревнивый был. Летом, когда возвратится с охоты, берет торбаза жены, подошву щупает. Если подошва сырая, бьет жену. Так и жил старшина. Уже лицо жены все черное от побоев стало. Она и думает: «Если останусь здесь, плохо мне будет. Уж лучше умереть. Но если в землянке умру, плохо мне будет. Лучше в море уйти. Вот хорошо было бы. Если здесь себя убью, придет муж — увидит меня. Если в море уйду, ни муж не увидит, ни соседи: хорошо мне будет». Приходит муж с охоты домой, берет ее торбаза, подошву щупает. Если подошвы сухие, муж добрый. Поедят и спать ложатся.

Вот раз пошел старшина на охоту утром пораньше. Охотится он на льду, а жена взяла свою новую одежду, еще ненадеванную, оделась и вышла из землянки. Тем временем небо прояснилось. Еще очень рано было. Стоит женщина возле своей землянки и думает: «Если в тундру пойду, увидят меня. Искать будут и найдут. Если в море по льду уйду, не увидят

меня». И отправилась на берег подставкам для байдар. По следам охотника на лед вышла.

Идет, идет, перед ней сплошной лед тянется. Быстро идет, думает, далеко отошла. Оглянулась: все на том же месте — подставки для байдар совсем близко стоят. Бегом побежала. Бежит, а устанет — шагом пойдет. Отдышится и снова бежит. «Ну, — думает, — теперь уж далеко отошла». Обернулась — подставки для байдар опять совсем близко. Опять, значит, с места не сдвинулась. Рассвело. Вот и думает женщина: «Неужели моя земля Укивак не велит мне в воде умирать, мешает в море уйти? Пока еще не увидели меня, поднимусь-ка я на гору Укивак». Стала подниматься. Когда поднялась, видит большой плоский камень. Села на камень, капюшон на голову надела, опушку на глаза опустила и заплакала. Вспомнила всю свою жизнь у мужа, и так-то ей обидно стало! Горько плачет, ногами большой камень пинает. Вдруг чувствует, как будто камень под ней вперед подвинулся. Перестала плакать. Опушку капюшона отвернула, на большой плоский камень глянула. Видит: лежит камень неподвижно. Опустила опушку на глаза и говорит себе:

— Чего же я боюсь? Ведь я сюда пришла, чтобы умереть.

Опять стала плакать. Очень сильно плачет. Вдруг чувствует, как будто камень под ней назад подвинулся. Сильнее прежнего земля качнулась. Перестала она плакать. Опушку капюшона назад отвернула, вниз посмотрела. Вытерла слезы, видит: перед ней вход в землянку. Сунула туда руку, пошарила, чтобы стену нащупать, но ничего не нащупала. Сунула тогда ногу, стала ногой мотать, чтобы стену нащупать. Нет стены. Обе ноги просунула, на локти оперлась, ногами стала мотать. Устала, локти опустила и упала вниз. Оказалась на полу вместе со своим каменным сиденьем. Пощупала камень — а это кит. Села, думает: «Если влево пойду, — к плохому приду. Если вправо пойду, — к хорошему приду».

Встала, пошла. Идет, руками размахивает. То в одну, то в другую сторону сворачивает. Правую руку протянет — в правую сторону идет, левую протянет — влево идет. Так и шла. Наконец стену нащупала. Видит: впереди слабый огонек светится. Прямо на него пошла. Приблизилась — огонек этот из отдушины землянки идет. Ступила на ребро кита, по сторонам огляделась. Видит: каяки на потолке землянки привязаны, рядом — подпорки для каяков. Кругом поплавки каяков, гарпуны, каячные весла, рукавицы развешаны. Подумала женщина: «Оказывается, внутри земли люди есть». Говорят, что подзем-

ные люди — тунгаки. Но живут они совсем как люди. Ступила она еще выше. На ребра кита наступила, капюшон свой отвернула, за края отдушины ухватилась, внутрь заглянула. Видит: очень светло внутри. А стен землянки не видно — пушиной, оленьими шкурами затянуты. Боковых стен у выхода тоже не видно — мясом заложены. С одной стороны мясо разных морских зверей: китовое, моржовое, лахтачье. С другой — мясо тундровых зверей. Заглянула внутрь полога, видит: мужчина сидит, через плашку изголовья ноги перекинул, хорошие оленьи штаны на нем, кухлянка из шкур евражек. Молодой мужчина, красивый. Увидел ее мужчина, спросил:

— Кто ты? Тунгак?

Женщина ему ответила:

— Не тунгак я, местная я, укивакская. Из дома ушла, чтобы умереть. Море не приняло меня. Вот я и поднялась на гору Укивак.

Мужчина ответил ей:

— Я тоже не тунгак, входи!

Женщина вошла не смущаясь, как в свою землянку. Слово дома она. Мужчина сказал ей:

— Если тебе будет скучно, сшей себе из этих оленьих шкур что сама захочешь. Не бойся никого. Все здесь твое. Что видишь в землянке — все тебе принадлежит.

И стала женщина хорошо жить, делать, что самой захочется. Пришла ночь. Мужчина сказал:

— Постели две постели в пологе, одну против другой.

Постелила она, легли спать по краям полога. На следующий день проснулись, мужчина сказал ей:

— Скоро наступит зима, а мы без мяса. Поеду-ка я на каяке поохотиться!

Каяк свой со всеми принадлежностями в землянку спустил. Стал одеваться. Затем стал каяк снаряжать. Поплавки на место положил. Влез в каяк. Дождевик надел, приготовил гарпун. Женщину позвал:

— Толкни меня!

Встала женщина, подошла к нему, за корму каяка ухватилась. Мужчина в стену землянки вонзил гарпун. Загремела стена и стала медленно раскрываться. Хлынула в щель вода. Смотрит женщина: весь пол вода залила. Мужчина сказал ей:

— Ну, толкай меня!

Толкнула его женщина. Отчалил мужчина и в море поплыл. Скрылась корма. Землянка затворилась. Стала женщина своими делами заниматься. Сидит, шьет, вдруг стены землянки

затрещали. Видит женщина: стенка землянки медленно открывается и в отверстии нос каяка показался. Сильно нагружен каяк. На каячном ремне нанизаны моржи, лахтаки, киты. А в каяке нерпы и лахтаки. Стали каяк разгружать. Разгрузили, принялись моржей разделявать. Разделали моржей, за китов взялись. Кончили дело, привязал мужчина каяк на вешала. Вернулся, сел. Подала женщина мясо. Стали есть. Кончили есть, сел мужчина в сторону и молчит. Говорит ему женщина:

— Эх, думала я, будет мне здесь лучше, чем у прежнего мужа. А ты тоже со мной не разговариваешь. Выгони меня! Я ведь самовольно пришла. Если плохо у тебя на сердце, прогони меня, я уйду!

Мужчина ответил ей:

— Не потому я молчу, чтобы ты ушла! А ну-ка, иди сюда!

Подошла женщина. Мужчина сказал ей:

— Пошла бы ты домой. Твой муж там внизу собирается саяк праздновать. У него теперь две молодые жены. Когда придешь домой, в свою землянку войдешь, увидишь вот этот мешок с одеждой. В кладовке вон то мясо, которым стены заложены, увидишь. Как придешь, голову вымой, волосы сзади свяжи, в сени выйди, возьми два таза. В северной кладовке мясо дикого оленя возьми, один таз наполни. Как наполнишь, другой таз возьми, в южную кладовку пойди, китового жира с кожей нарежь. Управишься с этим делом, косу заплети. А как косу заплетать кончишь, тазы один на другой поставь и ступай к гостям. Ко входу подойдешь, сначала тазы просунь. После этого сама входи. Отверни капюшон и в задней части землянки в верхнем углублении стены мужа своего увидишь с двумя молодыми женами по обе руки. Поднеси ему таз с мясом дикого оленя и скажи: «На это, ешь!» Если он не будет есть, около него поставь. Другой таз возьми и гостям раздай. Всем хватит, и ни кусочка не останется. Если муж мясо дикого оленя не съел, возьми его и раздай гостям. Затем бери свои тазы и иди к себе.

Женщина ответила ему:

— Не пойду я, опять он будет меня бить!

Мужчина сказал ей:

— Нет, так нельзя. Иди домой, он не будет тебя бить. Вот послушай-ка их!

Взял женщину за голову и ухо ее к стене землянки приложил. Послушала женщина — ничего не слышит. Мужчина спросил ее:

— Ну как, слышишь?

— Нет!

Подул мужчина женщине в ухо и говорит:

— А ну-ка, теперь послушай!

Снова женщина приложила ухо к стене, слышит: в Укиваке, словно он совсем рядом, в бубен бьют, поют, танцуют. Отняла женщина голову от стены.

— Не пойду домой. Умру лучше!

Мужчина сказал ей:

— Нет, так нельзя, иди! Когда ты уйдешь, я все здесь свяжу в узел. Станет твой муж спрашивать тебя, ты ему ничего не рассказывай. Если он будет настаивать, ответь ему: «Завтра скажу». Когда рассветет, поднимись с ним сюда. А я все, что ты видишь здесь, на середину землянки в большую грудю сложу.

Уговорил он женщину, стала она одеваться. Оделась, вышла: выход рядом оказался. Спустилась с горы. К своей землянке пошла. Вошла в землянку, стала голову мыть, волосы свои связала, вышла в сени. Взяла мешок с одеждой, нерпичий мешок вынула. Оттуда свою одежду достала. Оделась, два таза взяла. Нарезала в северной кладовке мясо дикого оленя, один таз наполнила; в южную кладовку вошла, китовым жиром с кожей второй таз наполнила. Стала косу заплетать. Косу заплетать кончила, свои тазы один на другой поставила, на плечо подняла, пошла к гостям. Подошла ко входу, сначала тазы просунула. Гости петь перестали. Поставила она тазы, сама вошла, капюшон отвернула. Посмотрела в глубь землянки, своего мужа в верхнем углублении стены увидела: сидит он с двумя молодыми женами по обе руки. Взяла она таз, наполненный мясом дикого оленя, поднесла мужу и говорит:

— На это, ешь!

Посмотрел мужчина на таз. Ждет женщина, а он не ест. Поставила около него таз. За другим тазом пошла, гостей угощать стала. Всем хватило, и ни кусочка не осталось. Глянула на таз с мясом дикого оленя. Оказывается, ничего ее муж не стал есть. Взяла она и этот таз, раздала гостям оленье мясо. Всем хватило, и ни кусочка не осталось. Кончила угощать, тазы один на другой поставила, взяла их, к выходу пошла. Накинула капюшон, вышла в сени. Раздеваться стала. Разделась, стала нитки из жил крутить. А мужчина сидит в верхнем углублении стены с молодыми женами и думает: «Ой, наверное, то моя жена была». Поднял он голову и говорит:

— Эй, соседи! Кажется, моя пропавшая жена вернулась. Конечно, это она! Очень на нее похожа!

Схватил одну молодую жену за шиворот, оттолкнул от себя. Застучала она пятками, бегом побежала и в сених исчезла. А мужчина опять говорит:

— Ой, кажется, вернулась моя жена! Ну конечно, это она!

Схватил вторую жену за шиворот, оттолкнул от себя. Застучала и она пятками, бегом побежала и в сених исчезла.

Встал мужчина и говорит:

— Ой, наверное, моя жена вернулась! Очень на мою пропавшую жену похожа. Так и есть, она это!

Пошел в сени. В свой полог вошел. Видит: сидит его жена и нитки крутит. Подошел к ней:

— Ой, откуда пришла? Где ты была? Никак мы тебя не могли найти.

— Не спрашивай меня, завтра все расскажу!

А он раздевается и все спрашивает:

— Где ты была? Где была?

Ничего женщина не ответила, мясо резать стала. А он все свое: где да где была. Говорит ему жена:

— Сейчас не скажу, завтра скажу!

Уснули. Проснулись наутро, женщина говорит ему:

— Одевайся, я тебе сейчас все расскажу.

Оделись. Вышли. На гору Укивак поднялись. Узкий проход землянки увидели. Вошли. В землянке свет горит. Посреди жилища пушнина, оленьи шкуры, мясо в большой узел связаны. Большой такой узел, а никого нет. Взял мужчина все эти припасы, на улицу вынес и покатил домой. Содержимое землянки все вынесли. Вышли в сени, оглянулись: свет в землянке потух. На улицу вышли, оглянулись — нет ни входа, ни сеней. Спустились с горы вниз. Со своими односельчанами добром поделились: на каждую землянку оленьих шкур по одной связке, по пять лис, по пять бобров, по пять голубых песцов, по пять выдр досталось. И мясо дикого оленя всем поровну раздали. А муж действительно жену совсем не ругал. Еще больше разбогател. Удачливым охотником стал. Даже китов приносил с охоты. Жила эта женщина, ни в чем не нуждаясь. Конец. Тьфу.

17. Алихпагмитцы

В старину в Наукане жили на берегу реки четыре брата-китобоя из рода Алихпагмит¹. А на другом берегу жили китобой из рода Имтугмит². Люди имтугмит были ловкие охот-

ники, умелые китобои. С наступлением весны имтугмитцы первыми снаряжались на охоту. В полдень гребец их бежал от землянки к землянке, сзывал мужчин на китовую охоту. И радовались тогда науканцы, что добудут кита. А как имтугмитцы приведут кита, на другой день алихпагмитцы снаряжаются на охоту. Выйдут четыре брата алихпагмитца вместе со старшиной на байдарах в море и тоже кита добудут. Эти братья были удачливые охотники, никогда не ленились охотиться.

С наступлением зимы, запасаясь китовым мясом, устраивали науканцы по древнему обычаю праздник и отдавали часть добычи Хозяину вселенной³, чтобы охота была удачной. В старину верили, что Хозяин вселенной наблюдает за тем, как люди работают на земле. Если хорошо работают, дает им много еды, если ленятся, наказывает голодом.

Вот однажды добыли кита имтугмитцы, на другой день и алихпагмитцы стали на охоту снаряжаться. Старший брат рано утром будит своих младших братьев. Двое проснулись, а самого младшего не мог добудиться. Младший ленив был. «А,— думает,— ничего. Все равно догоню братьев. Можно и попозже на охоту отправиться». Стал старший брат бранить его:

— Почему ты не встаешь, почему не меня, а лень свою слушаешься?! Ведь мы заветы своего родителя выполняем, поэтому и добыча у нас хорошая и дети сыты. Может, жена твоя чего-нибудь наговорила тебе, так почему же ты словам женщины подчиняешься?

Но младший брат совсем разленился, не хочет вставать. Оставил его старший, а сам с двумя братьями начал на охоту собираться. Взяли они все охотничье снаряжение и спустились к байдаре. Море было тихое, и охотники отчалили от берега.

Как отплыли старшие братья, младший с постели поднялся и говорит жене:

— Пора и мне вставать! А то, пожалуй, братья уйдут далеко, останусь я один. Подавай скорее мой дождевик, рукавицы короткие, рукавицы длинные, второй дождевик, толстый, для каяка. Всю одежду мою, висящую на сушилах, подавай, а я свое охотничье снаряжение сюда внесу.

Вышел младший брат наружу. Жена за ним следом. Он, оказывается, за каяком пошел. Вернулась жена в землянку. Охотник принес каяк, через отдушину землянки кричит жене:

— Держи каяк, да тащи его поскорее в землянку, а не то братья далеко в море уйдут, не догнать мне их!

Втащили в землянку каяк. Говорит охотник жене:

— Скорее подавай охотничье снаряжение с одеждой!

Пока жена одежду и снаряжение собирала, охотник весло каячное построгал, концы заострил. Затем каячную одежду надел, жене сказал:

— Поплавок потуже надуй!

Надула жена поплавок, прикрепил его охотник к каяку вместе с гарпуном и сказал жене:

— Теперь пойди посмотри, далеко ли отплыли мои старшие братья.

Высунулась жена в отдушину и говорит:

— Они уже за скалой Укигалук⁴. Вот-вот из виду скроются.

Подошел охотник к каяку, на одну руку длинную рукавицу надел, на другую — короткую, козырек над глазами потуже закрепил. Влез в каяк, полы дождевика хорошенько внутрь заправил, каячный пояс покрепче затянул. Позвал жену, велит ей отдушину открыть и жен старших братьев кликнуть. Жена отдушину открыла, жен старших братьев позвала. Охотник сказал женщинам:

— А ну, поднимите меня вместе с каяком и несите на улицу!

Подняли женщины каяк с охотником, на улицу вынесли. Приказал охотник отдушину землянки закрыть, сам взял весло, уперся им в угол землянки, крикнул жене:

— А ну, толкни каяк посильнее в море!

Жена сказала:

— Если я сильно тебя вниз толкну, упадешь ты на береговые торосы и разобьешься вместе с каяком!

Муж сказал:

— Не бойся, скорее толкай каяк, а то старшие братья далеко в море уйдут, оставят меня!

Толкнула женщина изо всех сил каяк с охотником. Сорвался каяк с высокого места, но не покатился по земле, а по воздуху поплыл вниз к припайной кромке. Спрашивают женщины из землянки:

— Где каяк с охотником?

Жена охотника отвечает:

— Вон он по воздуху плывет, к припайной кромке приближается. Вот к кромке льда приблизился, на воду спустился, поплыл!

Через некоторое время снова женщины спрашивают:

— А где сейчас охотник?

Жена охотника отвечает:

— Морского зверя он загарпунил. Тащит его зверь по течению, уже до самого Кыгмика⁵ дотащил. Вот как будто одолел его охотник, за гарпунный ремень к каяку подтянул, каменным молотком по голове ударил. Зверь еще быстрее каяк потащил. Вот уж они около Мамрохпака⁶ находятся. Вот уж и не видно их стало.

Оказывается, охотник лахтака загарпунил. Все дальше и дальше уводит лахтак охотника от Наукана. Много раз подтягивал охотник зверя к каяку, ударял молотком⁷ по голове, да так и не мог оглушить. Зверь все сильнее вперед рвался.

Вот уже до скалы Санлук⁸ доплыли, вот уж и скала Ойук⁹ позади, а охотник все никак зверя добить не может. Скоро уже и течение разветвляется. Подтянул еще раз охотник зверя, молотком по голове ударил, убил наконец. Надрезал шею, надул зверя и потянул его по воде к берегу. А тут как раз туман опустился, все кругом заволокло, землю туманом одело. Однако охотник к берегу ехал. Едет он, едет, а берега все нет. Вот уж и туман рассеялся, земля вдали показалась. Но что это за земля? Приближается каяк к берегу, всматривается охотник. Нет, не науканская это земля, чужая. Берег ровный, гор совсем нет, зеленая трава растет. Причалил охотник к берегу, на холмике землянку увидел. От землянки мужчина с торбой на спине идет, в одной руке деревянное блюдо держит, в другой — ведро с водой. Следом за мужчиной из землянки женщина вышла, тоже к берегу пошла. Спустились, к каяку подошли. Okликнул их охотник:

— Эгей!

Женщина говорит:

— Выходи, а каяк свой подними вон к тому верхнему каяку. Потом своего лахтака накорми, напои¹⁰ и разрежь на три части. Переднюю часть в торбу уложи, я понесу ее.

Охотник так все и сделал, как женщина велела. Женщина торбу с мясом в землянку понесла, муж следом за ней пошел. Вернулась женщина, заднюю часть в торбу уложила и опять в землянку понесла. А муж все за ней ходит. Так всю добычу и перенесли. Охотник следом за хозяйкой в землянку вошел. В землянке чисто, красиво. Блестит все, как будто освещенное солнцем. Гость так и замер, от изумления слова не может вымолвить. Разрезала хозяйка лахтачье мясо на куски, сварила. А муж этой женщины, оказывается, сам Хозяин вселенной был. Вот он и говорит:

— Есть я хочу!

Потом посмотрел на жену и прибавил:

— Этот охотник, наверное, очень жадный. Пожалел для меня добычу. А ведь старший брат не раз говорил ему о заветах отца, что лениться нельзя, что старших надо слушать и лучших кусков для меня не жалеть. Ничему этот охотник не внимал, своим умом только жить хотел. Пусть теперь один раз здесь перезимует.

Слушает охотник хозяина, а сам думает: «Куда же это я попал? Не иначе как к самому Хозяину вселенной. Надо было старшего брата слушаться, заветы отца не нарушать». А Хозяин вселенной все слышит, что душа человека говорит, все понимает, о чем человек думает. Вечером говорит жена Хозяина вселенной:

— Тот, кто зимой во время китового праздника кружки из китовых плавников мне отдал, а после об этих кружках жалел, пусть теперь не скучает!

Проснулся человек на другой день, снова думает: «Куда же это попал я?» А Хозяин вселенной услышал голос души человека и говорит:

— Никуда ты не попал. Это я взял тебя. Один раз переночуешь, один раз перезимуешь, тогда отпущу. А если скучно тебе, то на своих братьев посмотри.

Сказал так, пол в своем жилище открыл и подвел к дыре человека. Посмотрел человек вниз, землю всю увидел, а на земле своих братьев.

А братья большого кита добыли и самые лучшие куски варят. Оказывается, решил Хозяин вселенной оставить человека у себя, наказать его за непослушание старшим братьям, за невыполнение заветов отца. Вот и сказал он человеку:

— Видишь, братья твои на земле китовое мясо варят, хорошо живут, дружно работают. Они не нарушают заветов отца, самой лучшей, самой чистой пищей меня оделяют. А я за то им все необходимое даю. Смотри, если, вернувшись на землю, снова никого слушать не будешь, второй раз ко мне попадешь, и уж тогда домой не вернешься!

И подумал охотник: «Вернусь на землю, буду во всем старшего брата слушаться».

Стало Хозяину вселенной жалко охотника. «Что ж,— думает,— если очень соскучится, пусть земные обычаи видит». Вышел охотник из землянки и увидел свой каяк; с одной стороны каяка полное каячное снаряжение лежит: красиво разрисованное среднее весло, поплавок, длинное весло и все, что надо для морской охоты. С другой стороны — полное снаряже-

ние для пешей охоты. Повернулся охотник к землянке и говорит:

— Вот мое слово: если возможно мне вернуться на землю, обещаю, как вернусь, во всем буду следовать заветам отца и советам старшего брата.

Сказал так и вошел в землянку.

Говорит ему Человек обычаев:

— Слышал я, как тосковала твоя душа о доме. Иди теперь и принеси сюда свой каяк. Будешь снаряжаться на охоту, как снаряжался последний раз дома.

Принес человек каяк, стал одеваться рядом со средним жирником. Оделся, в каяк залез, уселся в нем. Снял Человек обычаев ремень со стены, перевязал им посередине каяк и говорит:

— Если этот ремень коротким окажется, вытащу тебя обратно, навсегда останешься у меня. Если же достанет ремень до земли, то домой вернешься к своим братьям.

Открыл Человек обычаев пол своей землянки. Глянул охотник вниз, своих братьев увидел. Братья кита добыли, из лучших кусков вкусную еду готовят. Взялся Человек обычаев за ремень, спустил охотника на землю. Ремень длинный оказался, до самой земли достал. Поплыл охотник по морю и тотчас рядом с каяком лахтак показался. Загарпунил человек зверя, одним ударом убил. Освежевал и поплыл к берегу. А на берегу братья его кита свеживали. Старший брат увидел каяк, говорит:

— Эгей, наш пропавший брат домой возвращается!

И правда, подъехавший в каяке охотник их братом оказался. С тех пор младший брат во всем старших братьев слушался. Говорят, эти братья самыми лучшими охотниками были, никогда не ленились, дружно жили. Конец.

18. Волк и гагара

Девушка Яри с отцом жила. У отца было много оленей. Брат еще маленький был. Яри одна пасла оленей. Пришли танниты и увели ее вместе с оленями. Отец в бедности остался. По оленным людям стал ходить, чтобы достать для еды хотя бы содержимое оленьего желудка. Вот сын его подрос и стал охотиться, вражек промыслять из лука. Однажды, когда бродил в долине реки, увидел большого волка, лежащего около камня. Прицелился, а волк повернулся к нему и говорит:

— Я ведь тебя здесь жду. Жалко мне тебя стало.

Мальчик и спрашивает:

— Что же ты мне скажешь?

Волк говорит:

— Ты думаешь, у вас никогда оленей не было? Если хочешь пойти их искать, я за тобой последую. Когда пойдешь, отца спроси: «Разве у нас нет оленей?»

Выслушал мальчик волка, постоял и пошел домой. Пришел домой, спрашивает отца:

— Разве у нас нет оленей?

Отец отвечает:

— О нет! Раньше, когда много диких оленей было, дикими оленями питались.

На другой день проснулся мальчик и пошел охотиться. На озере гагару увидел, подкрадываться к ней стал. Повернулась к нему гагара, сказала:

— Я ведь тебя здесь жду. Жалко мне тебя стало. Ты думаешь, что оленей у вас никогда не было? Придешь домой, отца своего спроси. Если пойдешь оленей искать, я за тобой последую.

Пришел мальчик домой, отца своего спрашивает:

— Разве у нас нет оленей?

Отец его отвечает:

— Нет у нас оленей, дикими оленями раньше питались.

Вечером мальчик спать не стал. Ждал, когда отец уснет. Вот отец уснул, мальчик потихоньку из яранги вышел. Когда вышел, луна светила. Пошел. Волк в пути догнал его, посадил на себя верхом и бежал изо всех сил, пока рассветало. Подошел к озеру, говорит:

— Эгей, устал я, есть хочу! Поем-ка я, пожалуй.

Сказал и скрылся в ущелье. Вдруг гагара появилась и говорит:

— Теперь я полечу с тобой.

Полетела гагара с ним. Как только наступила ночь, отдыхать стали. Гагара сказала:

— Скоро на месте будем. Вон там, за горой забивают оленей.

И волк тут как тут, присел, лапы лизать стал. Гагара сказала мальчику:

— Я буду за ярангой кричать, дождь вызывать!

Перелетела гагара через ярангу. На озеро села, закричала:

— Яри-и!

Таннитский старик сказал:

— Почему это птица так кричит?

Как только наступила ночь, поднялись тучи из-за горизонта. Начался сильный ветер с дождем.

Волк мальчику сказал:

— Пойди и к сушилам прислонись! Когда женщина к сушилам подойдет, спроси ее: «Кто ты?» Ответит: «Я Яри». Скажи ей: «Поскорее сушила свои развяжи. Из мешка жир неезженного оленя в штаны переложи!»

Пошел мальчик, к сушилам прислонился. Олени около яранги улеглись. А дождь льет. Волк оленей стал сзывать. Стадо кружится на месте, топчется. Вдруг женщина к мальчику подходит. Мальчик спрашивает ее:

— Кто ты?

Отвечает ему:

— Я Яри.

— Быстрее сушила развязывай! — сказал мальчик.

Женщина сушила развязала. Жир неезженного оленя вынула из мешка. Брат ее сказал:

— Эге, не нужно этого лабаза, оставь его!

К волку пошли. Выскочили с криком танниты на топот оленей. Стадо многих людей потоптало. Одних волк загрыз. Других гагара заклевала. Поманил волк стадо: стадо за ними пошло. Волк посадил на себя женщину, гагара мальчика понесла. Шли, шли, к островку подошли. Волк стадо остановил. Сказал:

— Эх, пожалуй, отдохнем! Где олений жир?

Женщина вынула жир. Волк сказал:

— Жир разрежь пополам. Вот эти куски с братом глотайте целиком. Брат твой одну половину пусть проглотит, ты — другую. Если вам живыми суждено остаться, легко проглотите. Если умереть должны, не сможете проглотить.

Поднес брат ко рту жир. Жир сам в горло скользнул. И сестра так же легко свою половину проглотила. Волк сказал им:

— Танниты не убьют вас!

Когда еще спали, погоня подоспела.

— Ира! Ира! — воинственными криками разбудили брата с сестрой.

Волк поманил стадо. Закружились олени на месте. Всех тех людей перетоптали. Стадо стало ничьим.

Гагара сказала:

— Осень наступает, полечу я на родину. Ведь я своей жизни не жалела, а птенцов моих звери поедали.

Мальчик сказал:

— Что же для тебя сделать, чем отплатить тебе?

Гагара сказала:

— Ничего мне не надо. Хочу только, чтобы в будущем году вы летом у озера жили.

Мальчик сказал:

— Ну что ж, я буду жить летом у озера.

— Пора мне,— сказала гагара.— Лечу в теплые края.

Сестра и брат со склона холма свою ярангу увидели. Мальчик волку сказал:

— Если хочешь жениться, сестру мою бери!

Мальчик сестре сказал:

— Теперь к отцу пойдем.

Волк женщине сказал:

— Назавтра, когда проснешься рано утром, сразу горшок не выноси, а на север посмотри. Если женщину увидишь, схвати, плюнь на нее, домой отведи!

Оказалась эта женщина сестрой волка, которую он в жены мальчику обещал отдать. Взял ее мальчик с собой, чтобы хозяйкой стала. И отправились брат с сестрой домой. Входят в ярангу, а у старика даже веки распухли и покраснели, так много он плакал. Скоро умер старик, похоронили его дети, а лето настало, к озеру переселились. Гагара сюда прилетела и много птенцов вывела, потому что зверь не трогал их. С тех пор много стало в тундре гагар. Мальчик стадо свое сам не пас. Волк его оленей пас и охранял.

19. Нунагмитский кит

У человека две жены. Одна рождает детей, вторая бездетная. Вторая жена отдельно живет. Однажды притворилась она больной. И мужчина даже охотиться перестал из-за беспокойства. Дальше порога никуда не отходит, думает, как бы не умерла его вторая жена. Сидит он у землянки, а мимо него девочка-сиротка все бегаёт да посмеивается. Мужчина даже сердиться стал. А девочка ходит туда-сюда, смеется, подраивая его. Не стерпел, бросился за нею, чтобы наказать за насмешки, а девочка-сиротка и говорит:

— Что ж, прибей! Только я ведь хочу что-то тебе сказать. Поэтому все и хожу около.

Услышал эти слова мужчина, пошел в землянку первой жены, где и сам жил. Жене сказал:

— Девочка-сиротка смеется надо мной. Хотел я ее наказать, а она обещает сказать что-то.

Жена его говорит:

— Если завтра она опять придет, позови ее. Я ее вкусной едой угощу.

Муж сказал:

— Я тоже с ней зайду и расспрошу ее.

Назавтра девочка-сиротка опять пришла. Мужчина велел жене угостить ее. Девочка сказала:

— Твоя вторая жена, которая отдельно живет, только притворяется больной.

Мужчина сказал:

— Расскажи все, что знаешь! Новую одежду тебе справим.

Девочка сказала:

— А ты сегодня ночью не спи, покарауль да сам посмотри, что она делает.

Вот наступила ночь, луна появилась. Вышел он на улицу и стал из-за укрытия больную жену караулить. Вот уж и полночь луна показывает. Вышла больная жена из землянки. Одета в дождевик и охотничьи торбаза. В руках держит блюдо, полное до краев мяса, и ведро с водой. Влезла на крышу землянки и запела. Зовет песней своего мужа-кита. Кончила петь и слушает. Раздался далеко в море выдох кита. Женщина снова спела призывную песню. Ближе выдох кита послышался. В третий раз спела. Совсем уже близко дыхание кита. А как запела в четвертый раз, подошел кит к самому берегу, к крутому прибрежному камню голову прислонил. Спустилась женщина к самой воде, подошла к киту, накормила его мясом, напоила. Вышел из китового носа человек и пошел наверх. Вошел в землянку к той женщине и спал с нею. Вернулся мужчина к своей первой жене и говорит ей:

— А ведь та вторая и правда замуж вышла.

Лег спать. А наутро, как проснулся, стал китовое копьё точить. Весь день точил, на щеке острие пробовал.

Эх, хорошо наточил! Как кончил точить, ту девочку-сироту позвал, угостил в благодарность. Она ведь правду ему сказала.

Пошел вечером опять жену свою караулить. Вот в полночь снова женщина вышла, снова на ней охотничья одежда. Вот запела она свою песню, зовет мужа-кита. Снова четыре раза пела. Подошел к берегу кит, прислонился головой к камню. Спустилась женщина на берег. Накормила кита, напоила. Опять из носа кита мужчина вышел, бегом наверх побежал

вместе с женщиной. Вошли они в землянку и снова ласкались вместе.

Тем временем ее настоящий муж из укрытия вышел, с копьем в руках вниз пошел. Подкрался к киту и поразил его в самое сердце. Убил кита. Когда копье вонзал, в этот самый миг вскрикнул поднявшийся к женщине человек, женщину от себя оттолкнул. Схватила она его, но не удержала. Ринулся он вниз, прыгнул в нос кита, вздрогнул кит и умер.

А первый муж этой женщины домой пошел. На другой день освеживали кита. Вечером пошел он спать ко второй жене, которая больной притворялась. Женщина эта оказалась беременной. Живот ее очень быстро рос. Муж ее теперь снова стал охотиться. Наконец пришло время жене рожать. Родила она детеныша. Муж спросил:

— Кого ты родила?

Ответила:

— Китеныша родила!

Положила его в таз с водой. Так в воде сына-китеныша и растила. Молоком своим кормила его. Смирился муж с китом-детенышем. Кит этот, рожденный женщиной, быстро рос. Вырыли ему яму с водой около речки. Та сиротка-девочка стала с ним играть. Скоро яма мала ему стала. В другом месте ближе к морю вырыли яму. Вот уж вырос кит величиной с белугу. Скоро совсем большой стал. Тогда потащили его на моржовой шкуре в море. Подтащили к воде, пришили к носу красную метку из крашеной нерпичьей замши. И в море отпустили. Стал кит далеко в море уходить и всегда к родному берегу возвращался. Вместе с ним другие киты приходили. И стали нунагмитцы¹ добывать много китов.

Нунагмитский кит каждый раз все дольше не возвращается. Вот однажды и совсем не пришел. Беспокоятся о нем жители Нунака. Что случилось с китом, рожденным женщиной? Оказывается, убили нунагмитского кита жители соседнего селения Мамрохпак². Сестра одного нунагмитца была замужем за мамрохпагмитцем. Жаль ей стало двоюродного брата, послала она в Нунак вестника. Рассказал он матери, как убили мамрохпагмитцы ее сына-кита.

Был в Нунаке силач Левша, меткий стрелок из лука. Приезжали охотники с морской добычи, рулевой бросал в воду весло, а Левша с высоты из селения стрелу пускал и попадал в брошенное весло. Нунагмитцы обычно ходили на охоту с луками в северную сторону, к мысу Оюк. Вот раз пошли они туда на охоту, и мамрохпагмитский силач в ту же сторону в

каяке отправился. Когда он на северном берегу Оюка один остался, недалеко уж от Мамрохпака был, напали на него нунагмитцы. Выскочил он из каяка на прибрежный камень. Что было сил побежал в гору. Прыгнул туда, где много травы растет, остановился. Говорит тут нунагмитский старшина-рулевой своим гребцам:

— Ох и ловок же! Прямо из рук ушел!

— А ну, Левша, стреляй в него из лука!

Левша велел свой лук натянуть. Натянули.

Спросил Левша старшину-рулевого:

— В какое место попасть?

Старшина-рулевой ответил:

— В такое, чтобы он бежать не смог!

Мамрохпагмитский силач снова побежал, но Левша поразил его стрелой прямо в пятку, даже кость раздробил. Вышли они из байдары, поднялись в гору и добились того силача. Нерпичий поплавок без шерсти около него оставили. После этого в Мамрохпак поехали. Причалили, на берег поднялись. Там их мясом с китового позвонка угостили. Вернулись нунагмитцы на берег. Сели в байдару и уехали. Как только к мысу Умкуглюк приблизились, к острию гарпуна нерпичий поплавок привязали и вверх подняли. Затем начали кричать, мамрохпагмитцев на бой вызывать. Сели те быстро в байдару и стали догонять нунагмитцев. Но не догнали. Вернулись нунагмитцы домой. За своего кита отомстили.

А мамрохпагмитцы до самой осени не могли отомстить за своего силача. Собрали они совет. Решили хитростью одолеть нунагмитцев, заманить их в ловушку моржовыми криками. Спустились они к Нунаку по суше через гору Мамругагнак и начали с маленькой прибрежной скалы Тыпагрук по-моржовому кричать. Вышли нунагмитцы рано утром на охоту. К Тыпагруку приблизились на байдаре, слышат, моржи кричат. Чем ближе байдара к Тыпагруку приближается, тем громче моржовый крик становится. Приблизились нунагмитцы к берегу, а мамрохпагмитцы с криком выскочили из засады и начали стрелять по байдаре. Продырявили байдару стрелами, залило байдару водой, и утонула она со всеми людьми. Так отомстили мамрохпагмитцы за своего человека.

Вот однажды поехали в Мамрохпак оставшиеся в живых нунагмитцы. Отняли у мамрохпагмитцев земляночные норы. С тех пор стали жить дружно. Все.

20. Старик и дикий олень

В далекую старину около Наукана было маленькое селение, называемое Уныхкак. Это на том холме, где ныне стоит гидробазовская баня. В Уныхкаке в то далекое время жили муж с женой, старик со своей старушкой. Однажды зимой пошел старик навагу ловить. Начал он удить, а тут пурга поднялась. Старик около проруби в умкутаке¹ сидел. Вдруг в его снежное укрытие вбежал запыхавшийся дикий олень-тунтук. Обрадовался старик, что еда сама к нему пришла, и говорит дикому оленю:

— Ой, какой же ты добрый, в голодное время сам ко мне на еду пришел! Уж коли сам явился сюда, давай-ка заколю я тебя!

Сказал так старик, нож свой из ножен вынул и опять говорит:

— Вот сейчас убью я тебя, дикий олень! Ведь сам ты сюда по своей воле пришел! Какая хорошая еда будет!

Отвечает дикий олень:

— Добрейший старичок, не убивай меня, а лучше спаси! Волк за мной по пятам гонится. Убить меня хочет!

Видит старик, у входа в умкутак волк стоит, запыхался, дух перевести не может.

Волк сказал:

— Добрейший старик, не защищай пожалуйста этого оленя! Отдай его мне на съедение! Пусть уж я его убью и съем!

Дикий олень говорит старику:

— Послушай, старик! Пощади меня, проси что угодно. Все для тебя сделаю. Могу сделать тебя богачом, удачливым охотком, или всемогущим богатырем. Кем хочешь — тем и будешь!

Отвечает старик оленю:

— Ничего я этого не хочу. Нужна мне только чесалка для спины. Дай ты мне чесалку, начешу я свое тело вдоволь, как вернусь домой. И уж так-то рад буду! Дашь чесалку — спасу тебя.

Дикий олень и говорит старику:

— Все, что ты пожелал, сбудется. Только спаси меня от волка!

Взял старик свой посох, подошел к волку и говорит:

— Я вот съем тебя, если не уйдешь отсюда! Мне ведь тоже мяса отведать хочется.

Взмолился волк:

— Ой, как же сильно я хочу есть! Совсем живот подвело! Недослушал старик волка, прогнал его.

Так вот дикого оленя от гибели спас.

Ой, как обрадовался дикий олень!

После этого старик пошел домой. Пришел, а там уж чесалка лежит. Тело старика стало сильно чесаться. Взял он чесалку дикого оленя и давай ею чесаться! Даже кожу поцарапал!

21. Чудесный бубен

Так вот, мол, было. Жила девочка без родителей, только с бабушкой и дедушкой. Вот раз позвали девочку подружки в тундру пойти за съедобными кореньями. Спросилась девочка у бабушки. Позволила бабушка. Отправились девушки за кореньями в дальнюю тундру. В той тундре росло много вкусных трав и кореньев. Стали они рвать травы, мотыжками из земли коренья откапывать. И не заметили, как надвинулся на них густой туман. Стали девушки друг друга сзывать. Собрались все, одной только недосчитались, той, которую с собой взяли. Испугались девушки. Ведь родители их ругать будут, почему недоглядели. Стали они громко звать девочку, но не могут дозваться, не отвечает девочка. Решили, что ушла она вперед, перестали искать и домой отправились. Пришли в селение, подошли к яранге стариков и спрашивают, не дома ли она. Отвечают им старики, что не возвращалась внучка.

А девочка тем временем искала, искала своих подруг, да так и не нашла. Совсем заблудилась в тумане. Плачет девочка, зовет их. Никто не откликается. Вдруг видит — большие отверстия в земле. Подошла к одному, села на землю, плакала, плакала и уснула. Крепко спит, вдруг кто-то будит ее. Проснулась девочка, видит — незнакомая женщина. Нет у них в селении такой. Женщина спросила девочку:

— Что ты здесь делаешь?

Девочка ответила:

— Корни мы съедобные собирали, а тут густой туман опустился, я и потерялась. Оставили меня подружки и домой, наверное, ушли. Ходила я, ходила, не могла дороги домой найти, совсем заблудилась. Устала, присела отдохнуть, да и заснула.

Женщина сказала:

— Идем со мной в это отверстие!

Вошли. Что за диво! Землянка у этой женщины большая и светлая, и много всякой еды лежит. Стала женщина угощать девочку самой вкусной едой — китовой кожей да олениной. Наелась девочка досыта.

Женщина говорит ей:

— Живи здесь пока. Я каждый день уходить буду, а ты жди меня. Есть захочешь, ешь все, что здесь есть, не дожидаясь меня.

Так и стала девочка в этой землянке жить. Проснется утром, а женщины уж нет дома. Каждый день уходила женщина за едой, только к ночи возвращалась. Всегда добычу приносила — то китового мяса, то оленины. Так они и жили.

А тем временем дед вместе с соседями всюду искал девочку, нигде не мог найти. Совсем уж потерял надежду, искать перестал.

Вот однажды сказала женщина девочке:

— Не соскучилась ли ты по своим старикам?

Девочка ответила:

— Соскучиться-то соскучилась, да как домой пойду? Не знаю, где мой дом, не знаю, что старики делают.

Женщина сказала:

— Я скоро засну и долго не проснусь. Пожалуй, ты о доме еще больше тосковать станешь. А старики твои все глаза о тебе выплакали, сон потеряли. Каждый вечер друг к другу лбами прижмутся, а заснуть не могут.

Девочка сказала:

— Проводила бы ты меня к ним!

Женщина ответила:

— Сначала я тебя одному колдовству научу. Если выучишься, никто тебя в праздничных состязаниях не победит. Только делать надо все, как я покажу.

Взяла женщина бубен, застучала по бубну, запела. И так ладно пела, что запомнила девочка каждый звук, каждое движение. Кончила женщина петь и спросила:

— Ну как, научилась?

Девочка ответила:

— Да, да, научилась!

Женщина сказала:

— Как вернешься домой, на празднике состязаний¹ все по-моему делай. Ну, а теперь пора. Одевайся, я провожу тебя.

Оделась девочка. Вышли они, а на дворе самое начало осени. Идут, идут, долго шли. Ночь их в пути застигла. Так ночью к яранге стариков и подошли. Женщина сказала:

— Теперь ты одна дойдешь. Я должна назад возвращаться.

Повернулась женщина и пошла домой. Посмотрела ей девочка вслед, и что же? Оказывается, по тропе, где они шли, бурая медведица убегает. Значит, она у бурой медведицы жила.

Подошла девочка к своей яранге и заглянула внутрь. Видит: дед и бабка спят, лбами друг к другу прижались. Постучалась девочка, позвала их. Проснулись старики, запричитали:

— Ой, да ведь это голос нашей внучки!

Девочка говорит им:

— Да, это я вернулась! Открывайте скорее!

— Ой, внучка наша вернулась!

Открыли старики дверь. Вошла девочка и видит: глаза у деда и бабки совсем красные от слез и бессонницы стали. Накормили они внучку и спать уложили. Наутро ее подруги пришли, спрашивают, как она потерялась, где была, откуда вернулась. Девочка никому не сказала, что жила у женщины, которая бурой медведицей оказалась.

Устроил старик на радостях праздник. Поели гости, стали сказки рассказывать. Снова поели, начали состязаться в шаманстве и песнях. Одни раздавят свои бусы, положат на бубны и постукивают палочками. Глядь — а бусы снова целые. Были и такие шаманы, что моржовый клык с треском наизнанку выворачивали.

Внучка своей бабушке и говорит:

— Я бы тоже хотела состязаться в пении.

Услыхал дед и спрашивает бабку:

— Что это внучка хочет делать?

Бабушка отвечает;

— Также хочет состязаться в пении.

Дед говорит:

— Если хочет, пусть состязается.

А старухи, которые в гости пришли, шептаться стали:

— Смотрите, какая невежливая девчонка, только мешает настоящим шаманам!

Вышла девочка на середину яранги, взяла бубен и запела. А как запела, снаружи шум послышался. Вот шум все ближе и ближе. Скоро у входа волны заплескались, в сени вода хлынула. Тут девочка по бубну стала быстрее поколачивать, волны откатились, и — о чудо! — в сенях много водорослей осталось. Взяла девочка таз, собрала в него водоросли и стала гостей угощать. Дивятся гости. Затем попросила девочка мотыжку, вышла в сени, ударила мотыжкой по земляному низу

стены, и — о чудо! — вдруг откуда ни возьмись разные съедобные коренья появились. Снова девочка таз взяла, собрала коренья, угощает гостей. Угостила, взяла палочку от бубна и проткнула ею стену полога. Из отверстия в стене свежая прозрачная вода полилась. Наполняет девочка ковш этой чудесной водой, поит гостей. Пьют гости и еще пуще дивятся — никогда таких чудес не видели. С тех пор все признали ее великое искусство, ни одного состязания в пенин, плясках и шаманстве не проходило без участия маленькой колдуньи. Все.

22. Хозяин огня и мальчик

Жили в маленьком селении бабушка и внучек. Их землянка была на самом краю, далеко от других землянок. Односельчане обижали их, не делились добычей, поэтому бабушка и внучек питались только куропатками. Бабушка мастерила силки, а внучек ставил их подальше от селения, чтобы никто не таскал птиц. Куропатки попадались каждый день, и мальчик с бабушкой не голодали. Даже на зиму запас делали.

Одежда у мальчика была вся из собачьих шкур — шапка, рукавицы, кухлянка и торбаза. В этой одежде ходил он осматривать силки и всегда находил в них куропаток. Вот раз пришел он к силкам, видит, все силки испорчены. Кто-то их совсем поломал. Взял он силки и пошел домой. Приходит, бабушка его спрашивает:

— Ну, как твоя добыча?

Мальчик отвечает:

— Совсем ничего не поймал. Кто-то все силки испортил.

Целый день бабушка налаживала силки. На другой день пошел мальчик силки ставить. Поставил еще дальше от того места, где они раньше были. Пришел домой, лег спать, а глаз не может сомкнуть, все о силках думает. Утром пошел осмотреть силки. А они снова все испорчены. Снова принес бабушке испорченные силки. Бабушка рассердилась:

— Сам ты их, наверное, испортил! Что же мы есть будем?

Мальчик ответил:

— Нет, я не портил. Ведь без силков-то мы жить не сможем. Видел я сегодня следы человека, идущие от силков в северную сторону.

Снова бабушка целую ночь чинила силки. Утром мальчик опять пошел их ставить. На этот раз еще дальше поставил.

Приходит на другой день, а силки опять испорчены. И следы от них на север идут. Пошел мальчик по следам. Долго шел. Поднялся на сопку, видит: внизу у подножия огромная землянка. Как стемнело, спустился он к землянке. Подошел к входу. В землянке люди разговаривают. Решил мальчик испугать этих людей. Ударил себя рукой по носу и разбил в кровь. Вымазал кровью лицо и уши. Такое лицо страшное стало! Снова прислушался. В землянке девушки смеются, а отец говорит им:

— Тише! Кто-то у нашего входа стоит. Пойдите посмотрите.

Вышла одна девушка, увидела мальчика, а он высунул свое лицо да как закричит:

— П-а-а!

Девушка от испуга упала замертво.

Отец снова говорит:

— Что это не возвращается дочка? А ну-ка пойдите посмотрите, кто там!

Вышла вторая девушка, увидела измазанное кровью лицо, вскрикнула от испуга и упала замертво.

Не дождался отец дочерей и сказал:

— А ну, подайте мне одежду, сам посмотрю, что там такое! Если там даже тунгак, все равно убью!

Услыхал эти слова мальчик, испугался и побежал прочь что есть духу. Бежит по своим же следам. Оглянулся, а за ним совсем близко огненный столб бежит. «Ого,— думает мальчик,— это Хозяин огня за мной гонится. Видно, на его земле я ловушки ставил».

А огонь совсем уж близко. Слышит мальчик крик огня:

— Не уйдешь! Живым не будешь!

Мальчик уж и бежать не может. Сдернул он с рук рукавицы из собачьей шкуры и кинул их огню. Упали рукавицы перед самым огнем и начали громко лаять. Огонь остановился. А мальчик дальше побежал. Сжег огонь рукавицы и опять мальчика догоняет. Совсем уж по пятам бежит:

— Не уйдешь,— кричит,— живым не будешь!

Сдернул мальчик с головы шапку из собачьей шкуры, бросил ее огню. Упала шапка перед самым огнем, начала громко лаять. Огонь остановился, а мальчик дальше побежал. Сжег огонь шапку и снова за мальчиком гонится. Вот совсем уж близко кричит:

— Не уйдешь! Живым не будешь!

Стащил тут мальчик с себя кухлянку и бросил огню. За-

лаяла кухлянка, опять огонь остановился. А мальчик дальше по своему следу побежал. Но умолкла кухлянка, сжег ее огонь и снова бежит за мальчиком. Мальчик уж к землянке своей подбегает, а огонь совсем рядом кричит:

— Не уйдешь! Живым не будешь!

Сбросил мальчик с себя штаны из собачьей шкуры, кинул огню, громко штаны залаяли. Остановился огонь, а мальчик вбежал в землянку и крикнул бабушке:

— Хозяин огня за мной гонится! Сделай что-нибудь, чтобы не сжег он нас вместе с землянкой!

Схватила бабушка камень, положила на середину землянки. Вся землянка мигом превратилась в каменную. Бегаёт Хозяин огня вокруг землянки, хочет испепелить ее, а она не загорается. Все свое пламя истратил Хозяин огня, выбился из сил, ушел назад в свою землю. А бабушка с внуком по-прежнему стали куропаток ловить, но только уж на своей земле.

23. Сказка об Эмэмкуте

Где-то за Лорино жил один человек по имени Эмэмкут. Жил он в маленьком поселке с женой и двумя сыновьями. Была у Эмэмкута большая байдара, но он не хотел ходить на охоту, и семья его часто голодала. Сыновья Эмэмкута были еще совсем маленькие. Жили в поселке несколько семей. И была там еще одна бездомная девочка-сиротка.

Однажды говорит Эмэмкут жене:

— Поеду я за гостинцами в соседний поселок.

А в том поселке люди жили богато и сытно.

— Там удачливые китобои живут,— сказал еще Эмэмкут. И стал часто выходить на улицу, погоду смотреть.

Вот раз на редкость выдалась хорошая погода. Эмэмкут проснулся пораньше, стал алыки¹ готовить. Семья Эмэмкута жила в маленькой землянке-ынлу, но была у него еще одна большая землянка-кайги, в которой он сам жил. Проснулся Эмэмкут, приготовил пару маленьких алыков, хотя своих собак у него и не было. Стало рассветать. Вышел Эмэмкут на улицу, повернулся в сторону тундры и стал звать: «Се-се-се!» Тотчас появились из тундры два волка и подбежали к Эмэмкуту. Они так быстро бежали, что от усталости свои длинные языки высунули. Не успели волки подбежать к Эмэмкуту, как он хлестнул их алыками и сказал:

— Куда вам состязаться в беге!

Повернули волки и побежали обратно в тундру. Как только скрылись из виду, повернулся Эмэмкут в сторону моря, туда, где льды, и опять закричал: «Се-се-се!» Тотчас с моря два белых медведя пришли. Не успели они приблизиться, как Эмэмкут ударил их алыками и сказал:

— Куда вам состязаться в беге!

Белые медведи повернули обратно и ушли по льду в море. Как только скрылись они из виду, Эмэмкут повернулся в сторону тундры и опять закричал: «Се-се-се!» Тотчас выскочили из тундры два зайца. Как только подбежали зайцы, надел Эмэмкут на них алыки и свою большую байдару пригготовил. Затем запряг зайцев в лодку и сказал:

— Поеду-ка я за гостинцами к удачливым китобоям!

Сел за руль и прикрикнул на зайцев:

— А-а-а, вперед!

Быстро помчали байдару зайцы. А как стали подъезжать к поселку, Эмэмкут остановил зайцев и сказал им:

— Теперь потихоньку ступайте, так и доедем до поселка.

Поплелись зайцы кое-как, едва волокут «нарту»-байдару. Выбежали на улицу жители поселка, смотрят, как человек в байдаре вместо нарт едет. Зайчишки еле-еле байдару тащат. Подъехал Эмэмкут к поселку. Стали люди его расспрашивать:

— Зачем ты приехал к нам?

— За едой приехал,— отвечает Эмэмкут.

Люди сказали:

— Вон там жилье удачливых китобоев!

Направился Эмэмкут к дому китобоев, доехал. Встретили его китобои радушно, спрашивают:

— Ты к нам за едой приехал?

— Да, за мясом,— отвечает Эмэмкут.

— Ну что ж, без мяса не уедешь. Завтра обратно в путь отправишься,— сказали ему.

Затем поужинали. Разделся Эмэмкут и в полог вошел. Говорит ему хозяин:

— Ты у нас путник, поэтому покамлай для нас, поразвлеки нас!

Эмэмкут согласился и сказал:

— Сейчас покамлаю. Вот только по своей надобности на улицу схожу.

— Ты здесь можешь что надо сделать,— сказал хозяин.

— Нет, я уж на улицу пойду,— ответил Эмэмкут.

Вышел. На улице темно, безлунно. Подошел к своим зайцам-собакам и сказал:

— Я буду петь, а вы тем временем перегрызите за ночь все ремни на ярангах. И опять сюда возвращайтесь.

Отвязал Эмэмкут зайцев, в ярангу вернулся. Начал камлать. А зайцы тем временем все ремни на ярангах перегрызли и на свое место вернулись.

Рано утром проснулся Эмэмкут и говорит хозяину:

— Пора мне в обратный путь собираться.

— Сейчас поклажу для тебя приготовим,— сказал хозяин.

Стали люди из яранг выходить, переговариваются между собой:

— Нагрузим его байдару мясом доверху, он и не сможет уехать. Конечно, так и сделаем! Не сможет он сдвинуться с места, мы весь груз обратно возьмем.

Стали носить мясо в байдару Эмэмкута, а удачливые китобои даже отдали целиком заднюю часть кита с ластом.

Жил в этом селении мальчик-сиротка со своей бабушкой. Прибежал он с улицы к бабушке и говорит:

— Все жители щедро одаривают гостя. Всего ему дают — оленины, и моржатины, и китового мяса. Они говорят, что он на своей байдаре с места не сдвинется, так что они все унесут обратно. Что бы мне подарить гостю?

Поискал, искал сиротка и нашел молоток.

— Давай подарим молоток гостю,— сказал он бабушке.

— Не надо,— сказала бабушка,— гость только прикидывается простаком. Вот увидишь, уедет он в своей байдаре.

— Не сможет он уехать, вот я обратно и возьму молоток,— настаивал мальчик.

Взял он молоток, принес его Эмэмкуту, бросил в лодку и сказал:

— А я вот что тебе дарю!

Нагрузили Эмэмкутову лодку-нарту до самого верха всякой всячиной, особенно олениной. Множество народа собралось. Все смеются и подшучивают:

— Не сможет он ехать, куда ему! Все добро опять наше будет!

— Ну что ж, попробую поеду,— сказал Эмэмкут, садясь в байдару.

Как гикнет он на своих зайцев, как понесутся зайцы! Только пурга позади взвилась. Погнались люди за Эмэмкутом. Бегут следом за нартой-байдарой. Когда жарко станет, сбросят с себя кухлянки, дальше бегут. Поселок уже далеко позади

остался. Позвал тогда Эмэмкут северный ветер с морозом, Налетел буйный ветер с морозом да пургой-вьюгой, ничего не стало видно. Ищут люди брошенную на дороге одежду, а ее уже нет, все ветер унес. Много людей поморозилось, а кто дома сидел, без крова остался. Сорвал ветер шкуры с яранг — ведь ремни-то зайцы перегрызли. Только несколько яранг и уцелело в поселке.

Между тем доехал Эмэмкут до дому. Полную байдару еды привез. Разгрузили байдару, на вешала поставили.

Много теперь у Эмэмкута еды стало: и моржатины, и оленины, и китовое мясо. Эмэмкутова семья ест до отвала. Кроме мяса Эмэмкут много жира в нерпичьих мешках привез.

Несколько дней прошло, Эмэмкут и говорит жене:

— Что-то я заболел, наверное, скоро умру. Если умру, не хороните меня, а отнесите в большую землянку. Вместе со мной всю еду, которую я привез, положите. Ведь она-то и есть причина моей болезни. Видно, люди, которых я без мяса оставил, зашаманили меня, вот и я умираю.

А Эмэмкут только притворялся больным, затем и мертвым прикинулся. Позвала жена соседей, отнесли Эмэмкута в большую землянку. Все припасы из мясных ям тоже туда перетащали.

Трудно стало жить жене Эмэмкута с сыновьями. Собирают они в котел прошлогоднюю ягоду-шикшу, ею и питаются. Но вскоре мальчики научились куропаток силками ловить. Силки им мать из китовых усов делала. Много силков делала мать, от этого руки у нее всегда были в ранах. Каждый день сыновья по две, по три куропатки приносили. Мать из птиц еду готовила. Так они и жили.

Была в этом селении девочка-сиротка; то у одних, то у других жила. Вот раз хотела она пойти ночевать в одну землянку, а дверь оказалась запертой. Побоялась она постучаться, осталась на улице. Ночь была светлая и тихая. Глянула девочка в полночь в сторону большой землянки, где лежал умерший Эмэмкут, видит, а оконце землянки вовсю светится. «Ведь туда после смерти Эмэмкута отнесли! Пойду посмотрю, что там делается», — подумала сиротка и пошла к землянке. Посмотрела в отверстие на крыше, видит: Эмэмкут еду варит и жирники у него так ярко горят! Вот наварил он оленины, приготовил подливу из оленьего жира и вынес остывать. Затем принес китовой кожи и стал есть. Поел кожи, сказал: «Ой, как вкусно! И чего это я до сих пор с женой жил?» Потом подливы поел, постель постелил и, потушив жирники, спать лег.

Наступило утро, пошла девочка-сиротка к жене Эмэмкута.

— Что случилось? — спросила жена Эмэмкута.

— Да я сегодня на улице ночевала. Постеснялась постучаться. И узнала я одну тайну. Вы думаете, что Эмэмкут умер, а он в эту ночь подливу готовил, мясо варил и ел. Жив он. Когда спать собрался, жирники потушил и сказал при этом: «Ой, как вкусно! И чего это я до сих пор с женой жил?»

— Я так измучилась, силки из китового уса делаю, а он как обманул нас! Поймаете сегодня куропаток, одну мне живой принесите!

Пошли мальчики силки смотреть. Поймали несколько куропаток, убили, одну живой оставили. К вечеру вернулись домой, отдали матери живую куропатку. Принялась мать ощипывать куропатку. Все перо и пух ощипала, совсем куропатка голая, перья только на голове, на ногах и крыльях остались. Вынула из убитой куропатки пузырь, надула его и привязала на грудь ощипанной куропатке. Низ пузыря черным камнем покрасила, и девочку-сиротку в свою землянку ночевать позвала.

— Как полночь наступит, пойдем вместе к нему, посмотрим, что он делает.

Наступила полночь, пошли они к землянке Эмэмкута. Заглянули в окошечко. Видят: Эмэмкут хозяйничает в землянке. По бокам жирники ярко горят, все жилище освещают. А «мертвый» Эмэмкут мясо варит. Жена и говорит:

— А я то думала, он и вправду умер. Так страдала, так маялась!

Эмэмкут тем временем продолжает проворно хозяйничать. Принес из сеней подливу, приготовил вареное моржовое мясо, достал китовую кожу и принялся за еду. Съел все, оленьим мясом закусил и говорит:

— Ой, как вкусно! И чего это я до сих пор с женой жил?

Жена его сказала голой куропатке:

— Смотри, хорошенько напугай его!

И сунула птицу через отдушину в землянку.

Услышал Эмэмкут свист крыльев. Поднял голову, а над ним голая куропатка кружится. Так он испугался, что даже навзничь упал. А женщины тем временем домой вернулись. Только в землянку вошли, Эмэмкут следом за ними входит и кричит с порога:

— Эй вы, внутри! Я, Эмэмкут, с того света вернулся!

Переступил он порог, сделал несколько шагов и упал. Посмотрела на него жена, а он и вправду умер. На другой день похоронили Эмэмкута, а все припасы из его землянки к себе перетащили. Вот так и было, говорят. Все.

24. Потерявшиеся братья

Жили четыре брата. Младший на охоту пошел и не вернулся. Ждали его братья, ждали, не дождались. Пошел за ним второй брат. Опять дожидаться не могут. Тогда третий брат пошел. И он не вернулся. Старший брат один остался. Пошел всех своих братьев искать. Оказывается, он на небо отправился. В пути звездочку заметил. Звездочка эта как надежда его манит. Чем ближе, тем все больше становится. Подошел, видит: землянка. Остановился старший брат, из землянки голос послышался:

— Ого, кто там? Здесь даже птички близко не пролетали!

Подошел старший брат ко входу. А из землянки старушка высунулась, спрашивает:

— Что ты за человек?

Отвечает:

— Братьев ищу я.

Старушка сказала:

— Сначала в землянку зайди!

Блюдо мясом наполнила, говорит:

— Вот на, поешь!

Поел старший брат, наелся, а хозяйка велит все мясо съесть. Хотя и сыт был старший брат, а съел.

Сказала старушка:

— Ну вот, теперь говори, зачем пришел.

Старший брат рассказывает:

— Ушел младший брат охотиться, не вернулся. Второй пошел, и его не дождались. Затем третий пошел, и он потерялся. Вот и пошел я братьев искать.

Старушка сказала:

— Едва ли ты братьев своих найдешь!

— Но ведь я так хочу их увидеть!

Старушка сказала:

— Ну хорошо, иди. Встретится на твоём пути червь. Лежит тот червь на дороге, так растянулся, что дорогу перегородил.

Дала ему посох, украшенный набалдашником, а также мешочек из желудка. Сказала:

— Как к тому червю подойдешь, мешочек на него надень. А станешь перешагивать, посохом червя ударь.

Подошел старший брат к червю, мешочек надел, червя посохом ударил. Снял мешочек, из червя внутренности полились.

Дальше пошел. Землянка показалась, дым из нее идет. Остановился старший брат. Голос услышал:

— Ака-ка-ка-ка-каа, что там снаружи за человек? Никто еще мимо моих дверей не проходил! Ака-ка-ка-ка-каа, посостязуюсь я с ним!

Вдруг вышел из землянки человек:

— Ака-ка-ка-ка-каа, кто ты такой?

— Братьев своих ищу.

— Братья твои вон в той яме.

Наклонился старший брат над ямой, своих братьев увидел. Младший брат очень сильно похудел. Наверх посмотрел. Братьев окликнул. Те тоже наверх посмотрели, знаком брата предупредили, чтобы ушел. По кромке ямы очень много ножей воткнуто. Хозяин землянки сказал:

— Подожди меня здесь!

Оказывается, хотел он и старшего брата туда бросить. Отвернулся хозяин, прищелец своих братьев в мешок засунул и сразу по своему следу обратно пошел. Дорога ведь свободная была, того большого червя он еще по пути сюда убил.

Подошел к землянке, где старушка жила. Старушка сказала:

— Пришел!

Вытряхнул старший брат мешок. Выскочили оттуда братья. Даже поправились.

— Вот сюда спускайтесь! — говорит старушка.

Вошли в землянку. Старушка с середины прохода китовую лопатку убрала. Глянули братья в отверстие. Оказывается, на небе они. Видят, их землянка внизу. Снова старший брат их в мешок сунул. Стал по веревке на землю спускаться. Спускается — нет-нет за веревку и дернет, как старушка велела. Это они за облака цеплялись. Приземлились наконец. Открыл старший брат мешок. Вышли оттуда братья. Наполнили мешок разной едой, сверху мешочек с оленьим жиром положили и поверх всего — нитку бус. Потянула старушка мешок на небо. Вытянула. Тут половинный человек выглянул. Дала ему старушка еды из мешка. Оказывается, это ее муж был.

25. Пять братьев и женщина

Жили пятеро братьев-охотников. Старший брат еду готовил.

По соседству один старик дочь свою замуж выдавал. Отказывала она всем, выгоняла женихов. Поругал старик дочь свою. Сказал, пусть сама мужа ищет. Обиделась дочь. Сшила себе обувь — три пары приготовила. Проснулась утром, еду на дорогу собрала. Когда отец заснул, в северную сторону ушла. К братьям-охотникам пришла. Заглянула в ярангу — никого нет. Вошла. Вареву их съела. Спряталась в траве. Вернулись братья. Младший за водой пошел. Наблюдает девушка за братьями тайком. Братья вареву искать стали. Младший брат сказал:

— Оставайтесь дома вы, я охотиться пойду.

Не согласились старшие братья. Его оставили дома. Сами на охоту пошли. Притаился младший брат и ждет. В полночь вошла девушка в сенцы, младший брат и запер за ней дверь. Начал ее уговаривать, чтобы хозяйкой согласилась стать. Вот братья вернулись ночью. Девушку увидели. Женился на ней старший брат.

Однажды собрались братья на охоту, а младший не захотел идти. Целый день к невестке приставал, когда шила. Схватила невестка нож, замахнулась на юношу. Выскользнул нож у нее из руки, и убила она юношу, сама того не желая. Вынесла и на вешала положила. Среди шкур спрятала. Вернулась в ярангу, стала обед варить. Варит обед, а сама горько плачет.

Вернулись братья, про младшего брата спрашивают.

— Встречать вас пошел, — отвечает женщина.

На другой день сильный дождь начался. Старший брат что-то под вешалами мастерил. Стала на место, где он сидел, кровь капать. Взобрался он на вешала, раскрыл шкуры, младшего брата увидел. Похоронили охотники своего брата. На другой день на охоту пошли. Идут по дороге, советуются. Старший брат говорит младшим:

— Выроем яму, двух червей вырастим. Кормить их горными баранами будем.

Женщина, как готовит еду, плачет, глаз не осушает. Муж ее, вернувшись с охоты, спрашивает:

— Почему это глаза у тебя опухают?

— Дым мои глаза разъедает, — говорит ему женщина.

Всякий раз, как готовит еду, паук на паутине к ее лицу

опускается. Вот как-то отвела его женщина рукой в сторону и говорит:

— И так я много страдаю, в вечном страхе живу, а тут еще ты мешаешься!

Отвечает паук:

— Вижу я, ты плачешь все время. Жалко мне тебя стало. Потому и спускаюсь к тебе. Муж твой червей для тебя выращивает, чтобы за младшего брата отомстить. Когда черви вырастут с лахтака, поведут тебя братья на поминки по погибшему. Дай ты мне летний торбаз из белой замши и еще один из красной, вышию я их. Ну а теперь мне уходить пора. Как кончу торбаза вышивать, объясню тебе, что с ними делать.

Братья стали совсем без добычи домой возвращаться. Как уйдут на охоту, женщина весь день плачет.

Вот однажды паук снова спустился.

— Сегодня твои люди придут с добычей. Выращенные для тебя черви уже величиной с лахтака стали. Муж твой скажет тебе: «Молящихся за нашего младшего брата пойдём кормить». Сначала торбаз из белой замши мужу покажешь, потом из красной. Но только тогда покажешь, когда на поминки придете. Захотят братья злых духов с тебя стряхнуть. Так ты не забудь, вскинь кверху руки. Я за тобой наблюдать буду. Завтра тебя на поминки поведут. А теперь мне уходить пора.

Возвращается муж с братьями. Все с ношей пришли. Зовет старший брат жену:

— Свари все, что мы принесли. Молящихся за нашего младшего брата кормить пойдём!

Кончили варить, отправились на поминки. Когда показались молящиеся за младшего брата, оказалось, что это большие черви. Карабкаются они по краям ямы, пищу ожидают. Подошли к яме — а черви и правда с лахтака величиной стали. Начали братья кормить червей. Старший жену свою позвал:

— Встань здесь,—на край ямы показывает.— Нечисть с тебя стряхну.

Встала жена. Хотел он ее в яму столкнуть, она ему торбаз из белой замши дала. Лег он на землю, стал торбаз рассматривать.

Снова жену зовет:

— Иди сюда, нечисть с тебя стряхну!

Жена ему торбаз из красной замши дала. Опять муж стал торбаз разглядывать. На этот раз еще дольше разглядывал. Затем снова жену на край ямы зовет. Подвел ее к самому краю, будто хочет нечисть с нее стряхнуть. А сам как толкнет

ее! Вскинула жена руки кверху. Подхватил ее паук и с собой понес. Зовет ее муж, спрашивает, почему она покидает его. Отвечает женщина:

— А зачем ты для меня червей выращивал?!

Видит муж, не вернуть ему жены. Досадно ему стало. Прыгнул он с досады в яму. Глянула женщина вниз, а муж ее в один миг в скелет превратился. Все. Конец.

26. Каяксигвик

Так было. В селении Каяксигвик жил один человек. Были у него и дети. Да катались они в каяке и утонули.

Вот родила ему жена мальчика.

— Беречь его надо! — говорит отец. — Чтобы тоже не погиб.

Дали мальчику имя Каяксигвик. Стал мальчик расти. Боялись мать и отец, чтобы не случилось чего с Каяксигвиком, — держали его на привязи. Быстро рос он, большим уже стал. Смотрит Каяксигвик на море — хочется ему в каяке покататься. Отец сказал ему:

— Нет ведь у тебя каяка!

Не послушал Каяксигвик отца, пошел на берег. Нашел нос от каяка, притащил домой. Спрашивает отца:

— Что это такое?

— Нос от каяка.

Каяксигвик говорит отцу:

— Сделай мне каяк!

Нечего делать, согласился отец, стал каяк мастерить. Сделал каяк, на носу и на корме дырочки просверлил. Взял длинный лахтачий ремень, развернул его, привязал одним концом к носу каяка. Сел Каяксигвик в каяк, спустился на воду и поплыл. Плывет Каяксигвик, а отец ремень разматывает. Скрылся Каяксигвик за горой. Стал отец сматывать ремень — каяк к берегу тянуть, видит — убил Каяксигвик много нерп.

На другой день снова Каяксигвик в море отправился. А отец опять ремень разматывать стал. Поехал Каяксигвик прямо в открытое море. Скрылся из виду. Вот увидел он спящую белугу. Стал к ней подплывать. Услыхала его белуга, в воду ушла, далеко в стороне вынырнула. Каяксигвик — за ней. Снова белуга нырнула, долго пробыла в воде и снова далеко в стороне вынырнула. Так и не догнал ее Каяксигвик, поехал обратно.

Утром Каяксигвик спрашивает отца:

— Можно ли мне пойти в тундру?

Пришлось и на этот раз отцу согласиться. Отправился Каяксигвик в тундру. Шел, шел, захотел отдохнуть. Сел у подножия горы. Подошел к нему человек в железной одежде. А у Каяксигвика на подошве торбаза большая дыра была. Пошевелит Каяксигвик пальцами, дыра на подошве то откроется, то закроется, будто рот. Увидел это человек, спрашивает:

— Что это такое — нога рот открывает?

— Я одной ногой тебя съесть могу! — говорит Каяксигвик.

Человек с перепугу упал, закричал:

— Ой, не надо, пусть эта железная одежда твоей будет!

Не стал Каяксигвик его трогать. Снял свою одежду человек, отдал Каяксигвику. Оделся Каяксигвик и встал. Видит: что такое? Рядом горный баран бегаёт. Оказывается, что одетый в железо человек горным бараном был.

Пошел Каяксигвик дальше. Влез на вершину горы, посмотрел вниз. У подножия горы большую сеть увидел. Пошел вниз. Спустился к воде и попался в сеть, которую на нерпу поставили. Не может выбраться. Целый день в сети просидел. Вот уж и вечер настал.

Подходит к сети старик. Увидел Каяксигвика, говорит:

— Ага-а, какую я нерпу добыл!

Вытащил старик Каяксигвика из сети, домой вместо нерпы понес. Зацепился Каяксигвик ногой за дерево. Стал старик его изо всех сил тянуть, отцепил Каяксигвик ногу, упал старик, сильно лицо себе поцарапал. Встал старик, снова добычу понес. Каяксигвик опять за дерево ногой уцепился. Опять старик сильно потянул. Отцепил Каяксигвик ногу, опять старик упал, еще больше лицо поцарапал. Весь разбился старик, едва-едва до дому дошел. Обрадовалась жена, думает, старик нерпу принес. Затащили Каяксигвика в полог, стали оттаивать.

Старушка совсем уж было собралась свежевать, нож взяла, хотела резать.

Напрягся Каяксигвик, выпрямился. Пощупал его старик, говорит:

— Еще мерзлая нерпа, пожалуй, завтра освежуешь.

Легли старик и старуха спать. Крепко уснули. Каяксигвик встал и вышел из полога. Пошел в тундру. Перевалил через холм, много-много яранг увидел. Вошел в первую большую ярангу. В ней одна девушка жила, а с ней много маленьких людей, ее родственников.

Сказала девушка Каяксигвику:

— Будешь жить в моей яранге!

Согласился Каяксигвик и остался в этой яранге жить.

Вот однажды закричал кто-то среди дня:

— Медведь, медведь!

Повыскакивали все люди. Каяксигвик тоже бросился было из яранги, а девушка, которая его женой стала, не пускает его. Не послушался он, вышел. Видит — на берегу моря много людей. Подошел он ближе. Все кричат:

— Ой-ей-ей, ой-ей-ей, ой-ей-ей! Медведь, медведь, вот он!

Вот он!

Посмотрел Каяксигвик, видит: лед — не лед, а озерная пена, медведь — не медведь, а маленький мышонок. Подошел Каяксигвик, пнул мышонка ногой и убил.

Самый большой из людей закричал:

— Эй, родственники, он медведя убил, пнул ногой и убил!

Потащили они добычу в полог. Освеживали женщины мышонка и сварили. Как стемнело, принялись за еду. Смотрит Каяксигвик, как маленькие люди мышонка едят. Каждому по ребрышку досталось. Приглашают и его:

— Каяксигвик, ешь!

Стал и Каяксигвик мышонка есть, два ребрышка съел.

Пришла ночь, все крепко заснули.

Утром Каяксигвик опять крики услышал:

— Лось, лось большой пришел!

Все на гору поднялись и Каяксигвик с ними. Видит — спрятались люди кто куда, маленькой куницы испугались. Подошел к ней Каяксигвик, пнул ногой и убил.

Опять все закричали:

— Эй, родственники, он лосиху убил, пнул ногой и убил!

Пошли домой все люди, а с ними и Каяксигвик.

На другой день вышел Каяксигвик из полога и видит: летают все эти люди. Присмотрелся он к ним, оказалось, все они куропатками стали. Немудрено, что куница им лосем показалась, а мышь — медведем. После этого Каяксигвик домой вернулся.

27. Покинутый юноша

В селении Имаклик жил старшина. Был у него единственный сын. Старшина этот удачливым добытчиком был. Зимой вместе с сыном много диких оленей добывал, а летом — мор-

ских зверей. Все бы хорошо, но не хотел сын жениться. Придет к нему в землянку невеста, юноша с ней ласково обойдется. А поживет немного — домой возвращается.

Были у того старшины две землянки. В одной землянке втроем жили — сам хозяин, его жена и сын. В другой, поменьше, мастерская была; байдары, луки, копья, гарпуны, каменные наконечники — все там делали.

Вот однажды туман опустился, полил дождик. Пошел сын старшины в маленькую землянку кое-что поделывать. Одет он был совсем легко. Пока мастерил, слышались на улице голоса. Кричат люди, что моржи мимо поселка проплывают. А юноша продолжает себе мастерить. Немного погодя пошел к нему отец — сына на охоту звать. Приоткрыл отдушину, видит — сын его в чудовище превратился. Крикнул старик односельчанам, что сын его тунгаком стал. Приказал всем, чтобы уплывали отсюда на байдарках и чтобы забрали с собой все домашние вещи, пищу, одежду и все охотничье снаряжение, а не то употребит его сын-тунгак все это во вред людям.

Услыхал сын отцовские слова, оглядел всего себя: нет, не изменился он, точно такой, как всегда.

Подумал юноша: «Почему отец говорит, что я стал чудовищем? Ведь тело мое осталось прежним». Спустя некоторое время вышел юноша из землянки. Видит — никого в поселке не осталось. К своей землянке пошел. Вошел. Пусто в землянке. Даже жирники не горят. Хотел было переодеться, никакой одежды нет. Вышел. Посмотрел туда, где верховье речки, видит — костер горит. Подумал юноша: «Кто это там может быть? Пойду-ка я туда!» Пошел к костру, что у верховья речки горел. Приблизился, видит — у костра женщина спиной к нему сидит.

Юноша сказал женщине:

— Зачерпни мне воды!

Женщина молча воды зачерпнула из речки и, не оборачиваясь, подала кружку юноше. Попил воды юноша и сказал:

— Односельчане меня покинули. Совсем я один остался. Не откажешься ли ты пойти со мной?

— Не откажусь, — ответила женщина.

Вернулись домой. Наступила ночь, легли спать без постелей и как были, не раздеваясь. А утром ушел юноша в тундру. С полными руками вернулся — диких оленей добыл. Женщина быстро добычу освеживала. Так и стали вместе жить. Юноша летом добывал разных морских зверей, а зимой из тундры приносил диких оленей.

Наконец они очень хорошо жить стали.

Однажды муж сказал жене:

— Ни в чем себе не отказывай. Какую еду захочешь, ешь вдоволь. Одну нерпичью шкуру наполни самой вкусной едой и убери в яму на сохранение. Если когда-нибудь вернутся мои родители с односельчанами, съедем эту еду вместе с ними.

Наполнила женщина нерпичью шкуру разной едой, убрала в яму на сохранение. А в том селении, куда имакликцы убежали, случился сильный голод. Уходили имакликцы в море охотиться и ни одной нерпы не приносили. Уходили охотиться в тундру, ни одного дикого оленя не добывали.

Вот однажды летом два имакликских человека пошли в сторону Имаклик. Видят: человек в каяке к берегу плывет. Вот причалил. Женщина на берег спустилась. Вдвоем нерп из каяка вытащили. В землянку старшины вернулись. Поглядели на все это двое имакликцев и возвратились на свое стойбище. Встретили их имакликцы, вернувшиеся с охоты, о новостях стали расспрашивать. А вместе с охотниками и старшина был. Рассказывают побывавшие в Имаклике, что видели там человека, который в каяке с охоты возвратился. Того человека женщина встретила, вытащили они каяк на берег, сняли добытых нерп и отнесли их в землянку старшины.

Старшина сказал:

— Уж не сын ли это мой? А ну, давайте вернемся в Имаклик! Как же мы здесь зимой без еды будем жить? Наголодаемся! А ну, собирайтесь!

Так все в Имаклик и вернулись. Видят — сын старшины женился. Тут и остались жить. Вот однажды устроил сын старшины пир, всех односельчан к себе в землянку пригласил. Вместе с женой нарядно оделись, как еще никогда не одевались. Принялись гости за еду, сын старшины с женой встал в стороне возле прохода и сказал:

— Помните, в то время, как я в маленькой землянке мастерила, отец закричал вам, что я в чудовище превратился, тунгаком стал. Услыхал я это, посмотрел на себя, ничуть я не изменился, такой же, как всегда. А вы все покинули меня, всю еду, всю одежду с собой забрали. Моя жена только спасла меня от холода и голода. Очень я тогда обиделся, что вы со мной так поступили. И теперь уж я не останусь с вами, теперь и вправду тунгаком стану.

Жена его мгновенно прыгнула в проход землянки, а за нею и он. Погнались было за ними, но их и след простыл. Все.

28. Исуклик

Жил Исуклик с женой и матерью. Много работал, много морских зверей и диких оленей добывал. А жена Исуклика была молодая и красивая. Боялся Исуклик жену без призора оставлять. Уходя на охоту, матери говорил каждый раз:

— Мать, не пускай невестку за водой на речку, когда меня нет дома. Как бы кто не похитил ее.

И правда, уйдет сын на охоту — не велит старуха невестке за водой ходить.

Не послушалась однажды молодая женщина, пошла за водой, да так и не вернулась.

Возвратился Исуклик с охоты и спросил:

— Где моя жена?

Мать ответила:

— Не пускала я ее, не послушалась она, настояла на своем, еще утром ушла за водой и до сих пор нет.

Целыми днями искал Исуклик жену, но все напрасно. Вот раз пошел на охоту, убил оленя, возвращается домой. Сел отдохнуть на камень, посмотрел в сторону гор и видит: вдали маленькая землянка. Взвалил на плечи оленя, отправился к той землянке.

Вошел Исуклик в землянку, а там — мужчина, женщина и трое детей. Сказал человек пришельцу:

— Эге, это ты, Исуклик. Куда ты своего оленя несешь?

— Вам я принес свою добычу.

Хозяин сказал:

— Великодушно ты поступил, хороший человек. Вижу я, как ты целыми днями ищешь жену. Не найти ее в этих местах. Взял ее человек другого мира, чтобы его женой стала. Ты хороший человек, в благодарность за оленя помогу я тебе разыскать твою жену. Выведу я тебя сейчас на дорогу, которая идет куда нужно. Как дойдем до тьмы, где ничего не видно, дальше один пойдешь. И так долго-долго будешь идти. Попадется тебе по дороге огромная ягода, отрежешь от нее кусок, наешься, дальше во тьме пойдешь. Опять долго будешь идти, наконец свет увидишь. Пойдешь по светлой дороге, встретишь большое селение. В том селении, в самой большой землянке, живет человек, который твою жену похитил. А дальше поступай так, как сам разумеешь.

После этого хозяин с Исукликом хорошенько поели, уложили в заплечные сумы дорожные припасы и отправились в

путь. Долго шли, наконец до тьмы дошли. Хозяин сказал Исуклик:

— Тут я должен вернуться.

Сказал это человек и пошел обратно. Исуклик один вперед пошел. Долго во тьме шел, вдруг наткнулся на что-то огромное и круглое. Оказывается, это преобладающая ягода. Вынул Исуклик охотничий нож, отрезал от ягоды кусок и стал есть. Поел и крепко заснул. А как проснулся, опять отрезал от ягоды, чтобы дорожный припас пополнить, и дальше пошел. Шел, шел, чувствует: галька под ногами перекачивается. Нагнулся Исуклик, взял в руку несколько камешков, а они гладкие и круглые. Снял Исуклик рукавицу с левой руки и набрал в нее круглых камешков. Идет дальше, опять чувствует: под ногами галька перекачивается. На этот раз поменьше. Снял рукавицу с правой руки и насыпал в нее мелких камешков.

А тут и светло стало. Заглянул Исуклик в рукавицы: в одной крупные бусы разных цветов, в другой — мелкие бусы, еще прекраснее первых. Скоро и большое селение показалось. Посреди селения — большая яранга. Подошел к ней, остановился. Стоит так, видит: из землянки его жена вышла. Увидела Исулика, сказала:

— Зачем ты сюда пришел? Я ведь все равно не могу вернуться.

Исуклик сказал:

— На тебя пришел взглянуть, очень повидаться захотелось.

Пошли затем в землянку. Увидел Исуклик в землянке старика, старуху и трех женщин. Посмотрел на Исулика старик и сказал:

— Ага, это ты, Исуклик? Ведь говорил я своему сыну, не бери жены Исулика. Не послушал он меня, сказал, что увел женщину и следов не оставил. А вот посмотрите — нашел ее Исуклик!

Тем временем сын старика вернулся. Увидел Исулика, улыбнулся весело и говорит:

— А ведь ты хороший человек, Исуклик. Разыскал ту, которую я увел и следов не оставил. Ну что ж, поживи у нас немного. Видишь — твоя жена в целости. Возьми ее, она твоя, не моя.

После этого стали есть. Пришло в землянку много разных людей: одни в полтуловище, другие без суставов, третьи с большими ртами на груди, четвертые похожи на шары. Исук-

лик подумал: «Видно, я в страну тунгаков попал». Несколько ночей в этой землянке ночевал. Вот раз хозяин сказал Исуклику:

— Теперь отправляйся спать в землянку к моей жене. Но предупреждаю тебя: если ты соня или медлителен в беге, обратно не вернешься. Когда приедешь туда, каяк свой на берегу оставь наготове. Я тебя туда провожу.

Сели в каяки и поплыли вдвоем. Доплыли до землянки жены того человека. Велел человек Исуклику в землянку идти, а сам морем обратно уехал. Оставил Исуклик свой каяк наготове и пошел к землянке. Вошел в землянку — никого нет. Стал Исуклик ждать хозяйку.

Вот наступила ночь, входит женщина. В одной руке держит блюдо с какой-то пищей, в другой — ведро с водой. Приказала женщина Исуклику есть то, что на блюде.

Посмотрел Исуклик на блюдо, а там множество белых червей.

Сказал женщине:

— Эту еду я не ем.

Тогда она подала ему на блюде хорошую еду. Поел Исуклик, запил водой из ведра и лег спать. Но боится заснуть, одним глазом за женщиной наблюдает. А женщина подождала немного, схватила уляк и стала подкрадываться к Исуклику. Вскочил Исуклик, из землянки выбежал и бросился на берег к своему каяку. Подбежал, каяк в воду столкнул, прыгнул в него и оттолкнулся веслом. Видит — женщина следом бежит. Бросила нож в Исуклика, да промахнулась. А Исуклик вернулся в селение, где жил человек, похитивший его жену.

Человек сказал Исуклику:

— Эге, оказывается, ты вернулся! Вот ведь какой проворный — и не соня, и бегаешь быстро!

Опять Исуклик в этом селении жить остался. Хозяин в море на охоту уйдет — с добытыми нерпами возвращается, в тундру уйдет — диких оленей оттуда приносит. Но Исуклика из землянки никуда не выпускает.

Вот однажды говорит он Исуклику:

— Загостились вы у нас тут с женой. Пора и домой возвращаться. Мать ваша о вас беспокоится. Сегодня ночью снова к моей жене пойдете, а то одним вам уж очень долго домой добираться.

Наступила ночь. Пошли Исуклик с женой в землянку жены того человека. Приходят — вдруг всюду светло стало. Вошли в землянку. Хозяйка сказала:

— Ну-ка, Исуклик, выйди посмотри, что там впереди.

Вышел Исуклик, видит — его селение совсем близко, всего в нескольких шагах. Вернулся в землянку, рассказал о виденном.

Хозяйка сказала:

— Теперь идите домой. Как выйдете, сделаете один шаг, в своем селении окажетесь.

Так и было: вышли, сделали один шаг, в своем селении очутились.

Камни, превратившиеся в разноцветные бусы, стали односельчанам продавать¹. Вот с тех пор хорошо зажили.

29. Ахаханаврак

Так было. Жили-были пять братьев с отцом и матерью. Двое не вернулись с морской охоты, третий в тундру ушел и там пропал, а четвертый плавал в каяке и тоже потерялся. Остался один Ахаханаврак.

Однажды ночью делал Ахаханаврак каяк. Все уже сделал, осталось кожей обтянуть, да спать ему очень захотелось. Пошел в полог и лег. Проснулся на рассвете и будит отца. Встал отец, Ахаханаврак говорит ему:

— Обтяни мой каяк покрывкой!

А отец взял да, наоборот, и разрушил каяк сына. Заплакал Ахаханаврак. Он был самый младший, и отец никуда не пускал его, потому что теперь он был единственный сын — другие-то ведь потерялись.

Вот ночью сделал себе Ахаханаврак новый каяк, обтянул его покрывкой и собрал потихоньку все отцовские гарпуны и поплавки. Затем спустил каяк на воду и начал грести. Как отъехал от берега, густой туман опустился. А он все дальше гребет. Вскоре туман рассеялся, показался впереди большой утес. А на вершине утеса человек-великан сидит, ноги вниз свесил, ступни в воду опустил. Увидел великан человека, позвал его:

— Эй ты, иди сюда!

Ахаханаврак не ответил ему.

— Тогда я все море взволную, — сказал великан.

Стал ногами болтать, все море взволновал. Испугался Ахаханаврак и поплыл к великану. Подплыл, вылез из каяка и поднялся на гору. Великан и говорит ему:

— Давай поиграем в прятки!

Ахаханаврак ответил:

— Давай!

Великан сказал человеку:

— Ну, закрой глаза!

Закрыв Ахаханаврак глаза. Лег великан на спину, стал Ахаханаврак его искать: «Где же это он, куда делся?» Влез Ахаханаврак на живот великана и говорит:

— Как будто на живот похоже.

Слез с живота, великан сел и говорит:

— Вот он я!

Ахаханаврак сказал великану:

— А теперь ты закрой глаза!

Великан закрыл глаза, залез Ахаханаврак в голенище его торбаза.

Еле-еле нашел его великан у себя за голенищем. Потом и говорит Ахаханавраку:

— А теперь давай мне свою печенку, я ее съем!

Ахаханаврак ответил:

— Подожди немножко, я только свой каяк уберу!

Пошел к каяку, по пути нерпу убил. Нерпичью печень и внутренности вынул. После этого свою кухлянку снял, на голое тело дождевик из моржовых кишок натянул и снова кухлянку надел. Спрятал у себя на животе нерпичьи внутренности с печенью и пошел к великану. Великан сказал ему:

— Ложись на спину!

Ахаханаврак лег на спину и ждет.

Вынул великан нож и разрезал ему живот. Показалась нерпичья печенка, которую Ахаханаврак спрятал под дождевик. Великан подумал, что это печенка Ахаханаврака, и съел ее. Кончил есть и говорит:

— Очень твоя печенка на нерпичью похожа.

Ахаханаврак ответил:

— Уж такая у нас печенка, что нерпой пахнет. Ведь мы нерпу едим.

Затем сказал великану:

— Теперь ты на спину ложись!

Лег великан на спину, а человек вынул нож и разрезал великану живот. Затем проколол ножом сердце великана и убил его. Превратился великан в большую гору. Перестало море волноваться. Ахаханаврак пошел к своему каяку, сел и поплыл дальше.

Вскоре причалил он к острову, втащил на берег каяк, взял

гарпуны с поплавками и пошел. Видит — впереди огонек горит. Остановился, слышит из подземелья крик тугныгака. Выскочил тугныгак из того места, где огонек светится, и говорит Ахаханавраку:

— Ахаханаврак, отдай мне твои кишки!

Отдал ему Ахаханаврак нерпичьи кишки. Тугныгак открыл свою пасть, а там до самых внутренностей огромные зубы ряд за рядом идут. Проглотил тугныгак кишки и исчез под землей. Скоро опять появился. Бросил Ахаханаврак ему нерпичьи легкие. Исчез тугныгак, снова появился и говорит:

— Ахаханаврак, отдай мне свое сердце!

Ахаханаврак ответил:

— Нет, сердце я тебе не отдам. Сердцем я живу. Сердце жизнь мне дает, ум дает!

Тугныгак сказал:

— Тогда я тебя съем!

Ахаханаврак ответил:

— Открывай рот!

И бросил гарпун в тугныгака. Тугныгак исчез под землей, и поплавок, привязанный к гарпуну, с собой утащил.

Видит Ахаханаврак — большая яранга. Вошел в полог, оказывается, тугныгак здесь больной лежит. Вытащил Ахаханаврак охотничий нож и убил тугныгака. Сам сразу же вышел и побежал к каяку, сел в него и поехал домой. Приехал домой, а родные его не спят, беспокоятся, не знают, что с ним.

Ахаханаврак сказал им:

— Буду я жить до глубокой старости! Никаких тугныгаков не боюсь.

Все. Конец.

30. Сирота

Так вот, говорят, было. Умерли у одного мальчика родители, остался он с бабушкой. Некому стало добывать зверей на мясо и одежду. У мальчика даже обуви не стало, одежда вся износилась, не мог он выйти на улицу.

Был у мальчика дядя, удачливый охотник и добрый человек. Еще летом положил он в мясную яму бабушки и сироты несколько жирных тухтаков¹.

— Вот вам запасы на зиму, — сказал.

Берегли бабушка и внучек тухтаки и питались кое-как тем,

что давали им иногда охотники. Так жили они всю долгую зиму, не трогая запасов. Мальчик часто был голоден и говорил:

— Бабушка, давай принесем из мясной ямы тухтак, очень мне есть хочется.

Но бабушка отвечала:

— Нет, не время еще. Ранней весной кончатся запасы у людей, вот тогда мы и возьмем свой тухтак.

Однажды пришел дядя к их землянке и крикнул в отдушину:

— Эй, племянник, снегири прилетели, весна идет!

Мальчик радостно закричал:

— Бабушка, снегири прилетели, позволь сходить за тухтаком.

На этот раз позволила бабушка. Надел мальчик бабушкину верхнюю одежду и побежал к мясной яме. Когда залез в яму, начал мерзлый тухтак рубить, пискнул кто-то внутри, и выскочила оттуда мышка. Посмотрел мальчик на тухтак, а на нем весь жир объеден и внутрь дырочка проделана. Сирота от досады даже заплакал. А мышка из щели в каменной стене высунулась и говорит:

— Там внутри тухтака мои детки. Не убивай их, отдай мне!

Сирота сказал:

— Нет, не отдам. Ведь вы весь жир с тухтака съели.

Мышка сказала:

— Отдай мне моих детей, и сделаю я тебя сильным и непобедимым.

Мальчик согласился. Приказала ему мышка подойти к ней и спиной повернуться. Исполнил мальчик приказание. Мышка прыгнула ему на спину, что-то сделала на голой шее и исчезла. Посмотрел мальчик на себя и не узнал: тело его вытянулось, пополнилось, а в руках он почувствовал большую силу. Бабушкина одежда стала тесной. Отрубил от тухтака небольшой кусок мяса, а остальное мышкам оставил.

Когда сирота в землянку вошел, бабушка не узнала его: не мальчик перед ней, а настоящий мужчина. Она даже подумала, уж не другой ли это человек пришел, похожий лицом на ее внука.

— Кто ты такой? — спросила бабушка.

Внук ответил:

— Да это же я, твой внук. Ведь просил я тебя зимой тухтак съесть, а теперь вот на нем совсем жира не осталось. Все мыши объели.

Бабушка снова сказала:

— Да что с тобой случилось? Почему ты вдруг вырос?

Юноша ответил:

— Об этом не спрашивай, а то я силу свою потеряю.

Жили в том же селении пятеро братьев. Сильные были люди и удачливые охотники. Старший брат был старшиной и требовал, чтобы охотники отдавали ему часть добычи. Все боялись этого человека.

Однажды подошел к землянке дядя сироты, в отдушину сказал:

— Братья-охотники за белыми медведями погнались!

Сирота бабушке сказал:

— Пожалуй, и я попробую добыть белого медведя. Дай мне твою одежду. Хоть и мала она мне, но уж как-нибудь надену.

Бабушка сказала:

— Не ходи, внучек, не догнать тебе белого медведя.

Но юноша не послушался, надел бабушкину одежду, взял отцовский молоток² и побежал по следу братьев-охотников. Скоро всех позади оставил, белого медведя догнал и ударил его по голове молотком. Одним ударом медведя убил. Взвалил свою первую добычу одной рукой на спину и пошел домой, а братья-охотники стоят, смотрят, от удивления с места сойти не могут.

Принес юноша белого медведя домой, бабушка от радости даже расплакалась.

Через некоторое время прибегают к юноше посыльные от старшины и говорят:

— Старшина велел без промедления медведя ему принести.

Юноша сказал:

— Не отдам я своей добычи. Так и скажите старшине.

Ушли посыльные. А вскоре прибегает еще один человек и кричит в отдушину:

— Выходи, старшина вызывает тебя! Да возьми с собой копьё!

Приготовился юноша к поединку и вышел навстречу старшине с копьём в руках. Начали они состязаться. Юноша сильнее оказался, насмерть сразил старшего брата. Затем сказал младшим:

— Если хотите сразиться за брата, я готов с каждым по очереди силами помериться.

Но братья-охотники не согласились. Старший сказал:

— Ты самый сильный в нашем селении. Не хотим мы, чтобы ты нас убил. Будь нашим старшиной.

После этого юноша первым охотником стал и хорошо жил со своей бабушкой. Все.

31. Вторая жена

Было у человека из Игыгака две жены. Первая — бездетная, у второй жены двое детей, два сына. Вторая жена из Анытыкука. Человек этот из Игыгака постоянно на байдаре охотился. Вместе с собой в море первую жену брал. Когда этот человек на кита ходил, велел второй жене встречать его с жертвенным сосудом. Добудет кита, куски от него второй жене отдаст, а сам с первой женой лакомится олениной.

Вот однажды, когда хозяин в море охотился, вторая жена сказала своему старшему сыну:

— Скоро наши охотники вернутся. Как только байдары покажутся, скажи мне.

Взяла женщина мешочек из моржового желудка и наполнила его водой. В другой мешочек нарезала китовой кожи, добавила куски оленины, которую прятала от нее первая жена. Затем младшему ребенку подстилку сменила, свежим сухим мхом наполнила.

Наступил вечер, старший сын увидел, что байдары приближаются, матери сказал. Позвала она сына в ярангу. Накормила его и на берег отослала. Оказалось, охотники кита добыли. Отправил старшина своего посыльного ко второй жене:

— Скажи жене, что мы убили кита. Пусть сейчас же приходит на берег с жертвенным сосудом!

Пришел посыльный к женщине и говорит ей, что велел ей муж с жертвенным сосудом на берег идти, жертву принести по случаю удачной охоты.

— Хорошо, я скоро приду!

Долго ждали ее на берегу — не идет вторая жена. Снова хозяин посылает за ней, пусть-де, мол, побыстрее идет, замерзли все. Пошел посыльный, опять передал приказание мужа. Женщина отвечает:

— Да вот что-то мой младенец расплакался, а то бы уж давно пришла.

Вернулся посыльный, передал хозяину, что вторая жена сказала. Первая жена тогда и говорит:

— Пойду-ка я успокою ребенка, а она пусть жертвенный сосуд несет.

Хозяин согласился. Пошла женщина домой. Тем временем младшая жена спряталась за дверь, поджидает старшую. Только та появилась в дверях, ударила ее по голове, убила. Взяла заплечную суму с дорожными припасами, на спину закинула, схватила младенца и побежала через перевал в горы. Поднялась повыше и спряталась среди камней. А тут уже и ночь наступила. Добытки кита все еще на берегу ожидают. Так и не пришла вторая жена.

Пошли домой. Видит хозяин — лежит его первая жена в дверях мертвая, а младшей нет. Выбежал хозяин наружу и отправил своих людей на поиски. Стали искать вторую жену — да разве ночью увидишь что-нибудь! Так ни с чем и вернулись.

А женщина подкрепилась из своих запасов и спустилась на берег вместе со своим младенцем. Там она от усталости задремала. Вдруг слышит сквозь сон: вода заплескалась, песок зашуршал, и говорит кто-то:

— Эй, сидящая выше! Что ты здесь делаешь?

Женщина ответила:

— Хочу я в Анытыкук уехать, да не знаю как!

Говорит ей голос:

— Иди сюда и садись в нашу байдару! Мы сами анытыкугмитские, отвезем и тебя.

Села женщина с младенцем в байдару, слышит, говорят ей:

— Закрой глаза!

Зажмурилась она. Снова вода заплескала. Совсем мало времени прошло, опять ей говорят:

— Открывай глаза, выходи!

Вышла женщина на сушу, видит: не Анытыкук это, а какая-то другая земля. Оглянулась на то место, где ее из байдары высадили, а байдары уже нет, только вдали касатки фонтаны пускают. Посмотрела женщина в сторону суши, видит — огромная землянка, а позади нее — маленькая земляночка. На большой землянке, оказывается, человек в камлейке из равдуги стоит. Камлейка его раздувается, а капюшон, подол и рукава у нее узлом завязаны. Вот человек протянул в сторону женщины руку с завязанным рукавом, развязал его, и тотчас поднялся сильный ветер с дождем. Отнесло женщину с ребенком за прибойную волну. Но вот утих ветер, и опять она на сушу вышла. Развязал человек другой рукав — опять налетел сильный ветер с дождем. Опять женщину с ребенком за прибойную волну отнесло. Утих ветер — снова она на сушу выбралась.

Чуть ступит на землю, развяжет человек узел на кухлянке, налетит ветер с дождем, унесет ее с младенцем за прибойную волну. Уляжется ветер — опять она на сушу выходит. Уж и на кашюшоне человек узел развязал, и на подоле. Всю одежду ветер с женщины и ребенка сорвал. Спустился тогда человек с землянки, пошел к женщине. В руках чистую одежду несет. Подошел к женщине и говорит:

— Вот я вам одежду принес. Ведь ваша одежда очень грязная была. Это я за тобою касаток послал. Очень мне тебя жалко стало. Одевайся и идем ко мне!

Одела женщина ребенка, сама оделась и пошла вместе с человеком в его землянку. Стали они жить вместе. Мужчина охотился на диких оленей, а женщина свежевала их. Вот уж мальчик, сын женщины, подрос и начал ходить. Теперь он целыми днями в маленькой землянке находился. Приходил он оттуда в одежде, разукрашенной разными вышивками.

Много времени прошло, родила женщина еще мальчика. Быстро мальчик вырос и тоже стал ходить. Вместе со старшим братом весь день в маленькой землянке проводили. А когда возвращались оттуда, одежды их всегда были разукрашены. Придут они в большую землянку, и сразу, не поев, спать ложатся. Мужчина говорил женщине:

— Только ты смотри, в ту землянку не ходи!

Вот однажды ушел человек охотиться на диких оленей, а женщина и думает: «Почему он не пускает меня туда? А ну пойду посмотрю, что там делается!» И пошла в маленькую землянку.

Подошла к землянке, посмотрела сквозь отдушину внутрь. Видит: дети ее сидят на нарах и играют, болтая ногами. И еще видит: маленькая женщина-половинка сразу с тремя делами справляется, да ловко так — варит, шьет и шкуры скребет. Очень удивилась мать этих детей, да прямо в отдушину и ахнула. Упала женщина-половинка на пол. Дети перестали играть, заплакали. Оторвалась женщина от отдушины, а тут и мужчина появился. Говорит он сердито:

— Эх, какая же ты нехорошая женщина! Ведь не велел я тебе ходить сюда! — И отвел женщину в большую землянку.

Взял затем бубен и в маленькую землянку вернулся. Начал там палочкой по бубну бить и оживил женщину-половинку. С тех пор женщина перестала в маленькую землянку ходить. А в углу большой землянки лежали два маленьких мешочка: один на северной стороне, другой на южной. Мужчина строго-

настрою запретил женщине трогать эти мешочки. Так вот и жили они.

Вот однажды пошел мужчина охотиться на диких оленей, а женщина думает: «Почему это он запрещает мне трогать мешочки? А ну посмотрю, что в одном из них!» Взяла она один мешочек и вынесла его. Развязала, стала вынимать шкурки пушных зверей. О, как много шкурок пушных зверей! Целая груда дорогих шкурок выросла.

Показалось ей мало. Еще раз сунула руку в мешочек — очень больно обожглась. Внутри мешка-то оказалось пламя. Только успела выдернуть обожженную руку, появился хозяин и сказал сердито:

— Негодная ты женщина, непослушная!

Опять взял свой бубен, постучал в него, шкурки сами в мешочек полезли. Постучал бубном над обожженными руками женщины, ожоги без следа прошли. Стала с тех пор женщина послушной и исполнительной. Так они долго и хорошо жили. Вот раз и говорит ей мужчина:

— Не скучаешь ли ты по своему дому?

Женщина ответила:

— Скучаю, да как же я попаду туда?

Мужчина сказал:

— А ну-ка, подойди сюда!

Приподнял он каменную плиту, лежавшую посреди землянки. Там отверстие оказалось. Заглянула женщина в отверстие, свой родной Игыгак увидела, даже ярангу, в которой жила, а на яранге — постели сушатся.

Вот вышел из яранги ее старший сын. Каким оборванным и грязным стал воротник его кухлянки! Заплакала женщина А внизу сказали:

— Ого, дождь пошел, убирайте постели!

Взял мужчина женщину за плечо, отвел от отверстия и говорит:

— Хватит тебе смотреть вниз!

Затем положил на место плиту и сказал женщине:

— Выйди и нарви травы-пырея, а затем вели сыновьям отнести траву в маленькую землянку и связать ее. Когда кончат связывать, прикажи сюда принести.

Женщина так и сделала. Принесли дети связанную траву. Мужчина сказал:

— Уши двух оленей сшей мешочками. Один мешочек наполни шерстью от разных пушных зверей, другой — шерстью от шкур диких оленей. Один рукав твоей камлейки наполни

шерстью живых домашних оленей, второй — стружками от остова яранги!

Так женщина все и сделала. Отодвинул мужчина плиту и сказал:

— Сына, которого с собой привезла, возьми, а младшего, здесь рожденного, у меня оставь. Как только на землю спуститесь, закрой глаза и вытряхни сначала один свой рукав, потом — другой. В ярангу войдешь, закрой глаза и сшитые уши от двух оленей тоже вытряхни. Придет твой старший сын, оставленный на земле, пусть вместе с младшим братом за косу идут посмотреть на предназначенный для вас жир. Старший пусть впереди идет.

Сказал это мужчина и спустил мать с сыном на землю. Вот достигли они Игыгака. Закрывает женщина глаза, рукава вытряхнула. Глядит — множество оленей вокруг новой яранги ходят. Вошла в ярангу, закрыла глаза и вытряхнула шерсть из сшитых оленьих ушей. Смотрит — а вокруг множество ценных мехов и оленьих шкур лежит. Убрала их в мешки.

Вышел утром из яранги игыгагмитский мужичок, посмотрел в сторону тундры, увидел много оленеводов. Пошел туда. Пришел, встретила его пропавшая жена охотника на китов. Стала женщина расспрашивать мужичка о своем старшем сыне и муже. Мужичок ей все рассказал. Накормила она его, на дорогу дала оленины и попросила передать старшему сыну, чтобы пришел навестить ее.

Пришел сын. Очень мать обрадовалась, накормила его олениной, новую одежду дала. Затем вместе с младшим братом послала за косу, наказав идти берегом и чтобы старший впереди шел. Муж этой женщины, узнав, что старая жена вернулась, новую прогнал: она то и дело домой к родителям убегала. Сам к своей старой жене вернулся.

Сыновья женщины шли по берегу, шли и нашли выброшенного морем кита. Позвали односельчан, разделили кита на части. Затем женщина раздала односельчанам много оленины со шкурами и множество шкурок пушных зверей. Так потом жили они до глубокой старости. Все.

32. Человек-невидимка

100

Мужичок из Напакутака¹ охотился в каяке около утеса. И вот, когда ехал, увидел байдары, тянущие добытого кита. Приблизился он к тем байдарам, старается, чтобы с байдар

заметили его. Как ни старался, никто не замечает. Подумал мужичок: «Где же эти байдары с китом причалят? Поплыву-ка я за ними». Поплыл он на своем каяке вслед за китобоями. Причалили они к берегу, видит мужичок — селение совсем незнакомое, земля неведомая, чужая. Вышел он на берег, вытащил каяк, смотрит: к берегу какие-то люди спускаются. Никогда он их не видел. Стали люди кита разделявать. Смотрит на них мужичок, внимательно разглядывает. Ходит среди них, локтями задевает, никто на него внимания не обращает. Вот женщина с ребенком позвала мужа и сказала:

— Отрежь своей дочке китовой кожи!

Отрезал тот человек самые лакомые куски и бросил к ногам жены. Не успела женщина эти куски поднять, как мужичок подошел и наступил на них ногами.

Потеряла женщина еду, ищет вокруг себя, не может найти. Повернулась к мужичку спиной, мужичок схватил поспешно куски китовой кожи и положил ей на спину. Что за чудо! Куски вдруг исчезли — под кожу этой женщины проникли. Стала женщина кричать и жаловаться, что спину у нее сильно колет чем-то. Подбежал ее муж, положил жену на нарту, поволок нарту домой. Мужичок следом за ними пошел. Но по пути догнал другую женщину, которая волоком тянула домой нарту, нагруженную китовым жиром. Мужичок подошел к ней и сел на нарту. Остановилась женщина, не может дальше тянуть. Стоит и думает: «Почему это мой груз вдруг такой тяжелый стал. Совсем я, видно, от усталости обессилела». Решила женщина отдохнуть, а невидимый человек с каяка слез с нарты и дальше пошел. Подошел он к ярангам и заглянул в одну. Тут, оказывается, женщина мясо варит. Рядом с нею лежат на блюде куски только что сваренного мяса. Человек с каяка сказал:

— Эй, женщина, дай мне вареного мяса, голоден я.

Оглянулась женщина, не увидела никого и закричала:

— Ой, что-то у меня в ушах звенит! Наваждение какое-то! Мяса кто-то просит, а никого нет!

Мужичок сказал:

— Сейчас еще больше удивлю тебя!

Стал с блюда мясо хватать и в рот бросать. Видит женщина, как куски с блюда прыгают, исчезают в воздухе. И говорит опять:

— Ой, снова зазвенело в ушах человеческим голосом! Ой, беда, варево мое куда-то полетело, убежало! Ой, я, наверное, погибаю!

Забрал мужичок все варево, вышел из землянки, мясо доел и к другим землянкам пошел. Сел у одной землянки на край порога. А к землянке две девушки подходят, китовое мясо с берега несут. Подошли, хотят внутрь через порог войти. Что за диво! Дверь широкая, а пройти не могут.

— Почему это наша дверь вдруг тесной стала! — говорят.

Ходит мужичок среди этих людей, мешается. Никто его не видит. Совсем невидимкой стал. Подошел к другой землянке, где заболевшая женщина жила, прислушался. Стонет женщина. Шаманы и знахари ничего поделывать не могут. Говорит кто-то внутри землянки:

— Позовите теперь того, да скажите, что я ему всем, чего пожелает, заплачу, только бы вылечил!

Прошел посланный мимо мужичка, стоявшего у землянки, ничего ему не сказал, тоже, значит, не увидел. Немного спустя подходит к землянке человек в одной нижней одежде. Это за ним хозяин и посылал. Подошел он к невидимому человеку с каяка и говорит:

— Что ты за человек? Откуда? Почему не заходишь в землянку?

Человек с каяка отвечает:

— Поплыл я в каяке за охотниками, тянувшими кита, и вот здесь очутился. Сам я из Напакутака. А это какое место — не знаю. Уж так я старался, чтобы меня заметили — ничего не вышло. Никто меня не видит. Только ты один увидел. Я даже одной женщине положил на спину куски китовой шкуры с жиром. От этого у нее теперь спина болит.

Пришедший говорит:

— Иди за мной в землянку!

Вошли. Тут только все человека с каяка увидели. Приглашенный мужчина сказал:

— Вот этот человек с каяка может исцелить женщину, если вы его назад в его землю Напакутак отвезете.

Муж заболевшей женщины сказал:

— Конечно, отвезем, пусть только мою жену вылечит! Она так сильно мучается!

А хозяином землянки был тот человек, который кита добыл. Это его жене мужичок китовые куски на спину положил. Подошел мужичок к больной женщине, вынул у нее из-под кожи на спине китовые куски и перед жирником положил. Женщина облегченно вздохнула. Хозяин видит — это те куски, которые он днем дочке от китовой кожи отрезал.

Назавтра хозяин землянки созвал своих людей и велел

нагрузить байдару китовой кожей. Нагрузили байдару и спустили на воду. Привязали к байдаре каяк мужичка, а самому велели сесть с гребцами в байдару. И повезли его в его землю Напакутак. Когда прибыли в Напакутак, вышел мужичок на берег. Разгрузили гребцы байдару, отвязали каяк и быстро отчалили. Посмотрел мужичок на сушу, свое селение увидел, на море посмотрел — а там ни байдар, ни гребцов. Только семья касаток² вдаль уплывает. Оказывается, мужичок в стране касаток был, и они вернули его домой. Все.

33. Охотник и орел

Я села. Проснулась. Как же начало вспомнить? Вот у старушки сын был. А жили они втроем: старик, жена и сын. Стал старик со своей женой думать, что им делать. Муж сказал:

— Как мы будем жить без еды?

Жена сказала:

— Там в стороне, дрова когда собирала, видела глину. Надо принести три куска глины и мешок мелкого песку.

Муж сказал:

— А где я мешок возьму? Ведь у нас и мешка нет!

Жена сказала:

— Возьми эти голенища вместо мешков и иди!

Пошел человек. Жена тоже пошла, только в другую сторону, и мотыжку с собою взяла. Собрала кустарник шикши и стланика и ловко так связала. Пришел муж с глиной и песком. Жена дала ему продолговатый камень и моржовую кость. Муж на том камне зарубку сделал. Вместо рукоятки кость к камню привязал. Крепко привязал завязкой из китового уса, в том месте, где зарубка. Жена его взяла глину, растолкла и перемешала с песком. Сделала из этой смеси кастрюлю и жирник. Поставила на солнце сушить. Высохли назавтра, совсем белые стали. Из вчерашней вязанки — шикшовника, стланика, ивняка — огонь развела для обжига. Обжигает кастрюлю, а сама по ней палочкой постукивает: когда закалится — звенеть будет. Один жирник плохо получился, песку было мало. Другой, однако, удался. Когда закалила один, глину без песка кровью развела. Затем горшки покрасила. Яму вырыли, землянку сделали. Жили там и спали. Все необходимсе сделали. У берега этот человек нерпу, лахтаков добывал и, освеживав, уносил домой. В море охотиться не выезжал, потому что

они ведь трое только на том берегу жили. Но ничего, еда была.

Умер старик. Сын его сильно плакал. Мать однажды говорит ему:

— Что это там дымит?

Мальчик отвечает:

— Все равно уж нам погибать. Пойдем посмотрим.

Пошли. В заплечные мешки мясо с жиром положили. Когда немного идти осталось, мальчик за камень спрятался. Впереди землянка была. Мать его пошла к этой землянке. Навстречу из землянки женщина выходит с горшком в руках. Хочет горшок вылить. Увидела гостью, испугалась, бежать бросилась.

А гостья говорит:

— Эй, не бойся меня, я тоже человек, как ты, не тунгак я, подожди!

Остановилась женщина, спрашивает:

— Кто ты такая?

Отвечает гостья:

— Несколько лет мы в той стороне жили. Сверху откуда-то спустили нас. Проснулась я, вижу — пятеро нас: связка лучин и рукавиц две пары. С левой стороны рукавица с темной опушкой покатила в сторону суши. Вышло из нее много людей. Оказывается, русские. Другая, с красной опушкой, покатила в заморскую сторону, из нее американцы вышли. Третья рукавица в северную сторону двинулась. Укатилась за холм, из большого пальца пожелтые листья посыпались, и оленями сделались, вместе с ними появились и олениводы. Четвертая рукавица по побережью покатила. Из нее береговые чукчи посыпались. Мы, эскимосы, из лучин вышли.

А женщина, которая горшок выливала, оказывается, птицей была. Говорит она пришедшей:

— Идите за холм и вещи туда несите. Выройте землянку и живите там. Муж у меня плохой, не показывайтесь ему на глаза, не то убьет вас, хотя с добычей всегда приходит: с дикими оленями, морским зверем и многим другим. До завтрашнего дня на охоте будет.

Стала им женщина еду каждый день приносить тихонько от мужа. Сыты стали. Сын даже сказал:

— Еда у нас, как при отце.

Однажды пошел этот человек охотиться. Когда он ушел, прилетел орел. От его крыльев даже солнце потемнело. Сел он на землю. Вышла из землянки жена охотника, схватил ее орел и улетел. Возвращается муж с охоты, а жены нет. Стал всех расспрашивать о своей жене, но никто не знает, где она.

На землянку взобрался, соседей стал копьём бить — так сильно расстроился, так о своей жене страдал. Хотел скорее увидеть её.

Мальчик матери сказал:

— Когда эта женщина здесь жила, как много у нас еды было!

Мать его сказала:

— Пойди позови мужа потерявшейся!

Мальчик сказал:

— Но ведь она говорила нам, чтобы не показывались ему на глаза, не то он нас убьёт.

Мать сказала:

— Если он тебя спросит, откуда мы появились, скажи ему, что на этой земле нас не было. За горой мы появились, далеко отсюда, но никак нельзя нам было жить там. Когда отец умер, сюда пришли, за тем холмом жили. Скажи: «Мать велела позвать тебя: сон, наверное, видела».

Пошел мальчик к тому человеку и сказал, что мать велела.

— Подожди, с землянки спущусь. Где твоя землянка? Иди вперед,— сказал человек.

— Иди за мной, близко мы живем,— сказал мальчик.

Пошли. Когда пришли, там просто яма, оказывается, была, не землянка.

Сказала женщина:

— Давно ведь ты не ел, с тех пор как жена пропала. Поешь.

А человек даже в яму войти не может, около входа притулился. Кухлянку ему старуха дала. Лег на кухлянку и задремал. А сама еду приготовила: несколько сухих кусочков моржовой кожи, вымоченных в воде.

Человек сказал:

— Только такая у вас еда?

Ответила старуха:

— Да, только такая. Когда муж жив был, мы тоже хорошим мясом питались. Но хотя и такую еду едим, однако живы остаемся. Когда выйдешь, постель вытряхнешь, ляжешь, палку позади землянки воткни. В какую сторону твоя жена ушла, в ту сторону палка и наклонится.

Пошел человек, так все сделал, лег и в изнеможении уснул. Утром, на рассвете, проснулся, вышел. Смотрит — палка его в сторону косы наклонилась. Вошел в яму и сказал старухе:

— Моя палка в сторону моря наклонилась.

Ответила старуха:

— Значит, в ту сторону твоя жена ушла, палка это показала. Прикажи своим оставшимся женам обувь сшить, хотя бы пар пять. На одну сторону торбаз положи травы для подстилки, на другую — дорожные запасы. Затем, когда обувь надевать будешь, поешь. Палку свою опять установи, чтобы ветром не качало, и опять спи. Проснешься, увидишь, в какую сторону палка наклонится, в ту и иди!

Выспался человек и ушел. Однажды проснулся в пути, а палка его на землю свалилась. У человека даже сердце затрепетало от мысли, что скоро жену свою увидит. Опять ему палка путь указала. На бугорочек поднялся, видит — землянка с дымящейся макушкой. На улице — большие сушила. На них большая птичья шкура висит, крылья и лапы даже до земли достают. Оказывается, это птичья одежда того человека, который его жену унес.

Человек сказал:

— Все равно уж я погиб, пойду туда.

Подошел к отдушине землянки, заглянул внутрь, свою жену увидел. Сидит там человек, на подушки облокотился, а по бокам его две женщины. Поглаживает их человек и приговаривает:

— Когда же вы жирными станете?

Оказывается, как станут жирными, он их съест. Заметила женщина в отдушину своего мужа, громко сказала:

— Я от такой еды никогда жирной не буду. Мне мой муж китов из дальнего моря приносил. Вот от такой еды я поправляюсь.

Человек ответил:

— Ну что ж, принесу тебе китов из дальнего моря.

Женщина сказала:

— Пойду пока горшок вынесу, да и жарко мне очень!

Пошла горшок выносить. Вышла, говорит мужу:

— Зачем пришел? Ты ведь последний в семье. Спрячься вон туда, в чащу кустарника. Как следует в мох заройся!

Женщина вернулась. Новый муж ее сказал:

— Почему так долго была на улице? Что там увидела?

Женщина сказала:

— Что же я там увижу. Моя семья далеко.

— Ну, хватит, проводите меня на улицу, — сказал муж.

Вышли. Пошел человек к сушилам. Кухляницу свою взял, надел. Надев, начал крылья расправлять. Когда взлетел, даже кусты от взмаха крыльев пригнулись. Приземлился, сказал:

— Ага, ты, говоришь, от дальней пищи жиреешь, а я вот что-то здесь совсем близко почувял!

Женщина сказала:

— Что ты мог почувять? Сегодня я стирала и браслеты мои промочила; оторвала их, вон туда выбросила. Ты их и почувял.

Вот человек-орел на дальнее море за китами отправился. Когда улетел, человек своей жене говорит:

— Идем!

Женщина отвечает:

— Ты один иди, не нужна я тебе!

Взял он все же ее, вместе пошли. Прошли полдороги, навстречу им орел летит, добытого кита в когтях держит. Орлище и говорит:

— Ага, вот как ты едой из дальнего моря питаешься! Ну, теперь живыми не будете!

Жена говорит мужу:

— Ах, я ведь предупреждала тебя! Пойдем скорее вон к той речке, которая под горой течет.

Только до речки дошли, нагнал их орел. Жена этого человека сказала:

— Ты с этой стороны речки поднимайся, а я — с другой.

Стали в ущелье входить, орлище бросился вниз, упал, даже крыльями снег раскидал вокруг. Ноги убегающих чуть не раздавил. Стал их по течению реки искать.

— Плохие вы! В ущелье попрятались, теперь уж живыми не будете! — сказал орел. Поднялся с земли и взлетел выше.

Человек жене сказал:

— Вот как в третий раз налетит, тут мы и погибнем.

Орел второй раз с высоты свалился, с такой силой упал, что лед раскололся. Снова стал искать людей. Сказал:

— Очень плохие вы! В ущелье попрятались, все равно живыми не будете.

Сел орел на глубокую воду, на дно ногами встал, крылья расправил, реку всю крыльями перекрыл. Муж и жена за камни цепляются, вверх по склонам ущелья убегают. Говорит жене человек:

— Ну, теперь уж мы погибнем!

Жена его сказала:

— Не погибнем мы! Не зря я такой сильной стала. Вот позову сейчас мороз с ветром!

Только эти слова произнесла, речку всю льдом сковало.

Примерзли у орла крылья ко льду. Вышли муж и жена из ущелья. Посмотрел на них орел. Разум у него еще не замерз, он и говорит:

— Эй вы, растопите реку! За это все, что имею, пополам разделю и вам отдам. И отнесу вас в ваш дом!

Человек сказал:

— Ты ведь хотел нас сегодня убить. Теперь я тебя убью!

Ударил охотник копьем по трепещущему от страха орлу. Вздрогнул орел, да так сильно, что лед раскололо и людей в разные стороны отбросило, и умер. А муж с женой живые остались. Так устали, что прямо здесь и уснули. Когда проснулись, сказал человек жене:

— Пойду вернусь, ту женщину захвачу, которая в землянке у орла осталась.

Сходил за той женщиной, втроем пошли. Вернулись домой, мальчик вырос, большим стал, а старуха совсем состарилась. Отдали одну из этих женщин юноше в жены. Юноша с матерью взяли ее. Все. Конеч.

34. Охотник и орлы-великаны

Жили охотник с женой. Было у них двое детей, да пропали они в один день — ушли плавник на берегу собирать и не вернулись. Что с ними случилось, кто знает? Пошел охотник к морю, а сам думает: «Может, детей найду?» Далеко по льду ушел: все детей высматривал. Напрасно! К полудню подул от берега сильный ветер. Повернул охотник обратно, боится, как бы лед не оторвало. Шел, шел, плосу воды увидел. Оказалось, оторвался лед от берега, и остался охотник на льдине. «Не попасть без байдары на берег, — думает. — Наверное, погибну здесь! Надо на самый толстый лед выйти, который, не скоро растает, авось к земле поднесет».

А ветер ломает льдину да уносит все дальше от берега. Так носило человека много дней. Стала льдина таять от весенних лучей. Съел охотник с голоду все ремни и полы меховой одежды. Нечего стало есть. Ослабел совсем и крепко заснул.

Долго спал. Проснулся, видит — льдину к берегу прибило. Снега уже на берегу нет, в тундре зелень показалась. Сощел охотник на берег, с трудом на пригорок поднялся, пошел по тундре. Медленно идет, часто падает. Видит — впереди холмик, пошел к нему. Взобрался на холмик, а в нем отверстие.

Заглянул туда — в глубине два жирняка горят, около жирняков мужчина и женщина сидят. «Это, должно быть, маленькая землянка!» — подумал человек. Вдруг слышит — говорят ему:

— Заходи!

Он вошел.

— Откуда ты?

— Со льда пришел, — отвечает охотник. Рассказал, что с ним случилось.

Мужчина сказал женщине:

— Дай ему поесть!

Поставила женщина перед охотником таз, наполненный рыбой. Наелся охотник и заснул. Сколько времени спал — не помнит, проснулся, видит: лежит он около песцовой норы, кругом зелень и цветы растут. «Что же это было, — думает человек, — неужели я все это во сне видел?» Только сил у человека стало больше и есть не хочет. Дальше пошел. Снова ему холмик попался, а в нем отверстие. Оказывается, опять жилище. Входит, видит — внутри мужчина и женщина.

Спрашивают его:

— Откуда пришел, человек?

— Со льда, — и снова рассказал все.

— Накорми его! — сказал мужчина женщине.

Снова наелся охотник рыбы и крепко заснул. Проснулся, опять около песцовой норы лежит, а кругом зелень и цветы растут. «Видно, что тунгак меня водит, — испугался охотник и пошел дальше. — Найду людей, — думает он, — спрошу у них!»

Вот опять увидел он холм с отверстием. Опять оказалось жилище. «Э, чего бояться, если уж к тунгаку попал, не уйти от него. Зайду», — сказал себе охотник.

Зашел. И здесь сидят мужчина и женщина. Накормили его рыбой. Рассказал охотник, откуда он. Но не лег спать, стал спрашивать:

— Кто вы? Не люди вы, знаю... Может, это вы похитили у меня дочь и сына?

Мужчина ответил:

— Нет, не мы. Своих детей в другом месте ищи, коли живы они. Здесь поблизости большой орел живет. Такой большой, что и рассказать нельзя. Эта птица-великан все живое поедает: под водой морского зверя и рыб ловит, тундровых зверей промышляет, птиц небесных бьет. Если человек попадется — и его съест. Иди к тому орлу, по дороге большую ры-

бину встретишь, но ты не ешь ее, а в сумку положи. А как орла увидишь, кричи: «Вот мой дедушка, долго я его искал!» И орел не тронет тебя. Ночуй там две ночи. Будешь уходить — разрежь рыбу, большую часть орлу отдай!

После этого все спать легли и крепко уснули. Проснулся охотник, видит: опять около песчовой норы лежит. «О, тунгак совсем помутил мой рассудок! Если это дух-помощник, — хорошо, если злой дух, — плохо!» Подумал, потом дальше пошел. По дороге, верно, большую рыбину нашел. В сумку положил.

Шел, шел, впереди белую гору увидел. Подошел ближе, смотрит — не гора это, а огромная куча костей — звериных, птичьих и человеческих, а рядом сидит орел-великан.

Увидел его орел, клюв открыл, зашелкал зубами и закричал:

— Эге, еда сама пришла!

Притворился охотник, что очень обрадовался, и закричал:

— Вот мой дедушка, долго я его искал!

Не тронул его орел, приютил как родственника. Зарылся охотник в его белые перья, две ночи и два дня проспал. Проснулся, рыбину разделил, большую половину орлу дал, меньшую сам съел и спрашивает:

— Не видал ли ты моих детей?

— В другом месте детей ищи, на север иди!

Пошел охотник дальше. Шел, шел, к небольшому холму приблизился. Опять это не холм, а землянка оказалась. Отыскал охотник вход и вошел. Темно в землянке: ничего не видно. Остановился, боится дальше ступить. А потом и подумал: «Эх, будь что будет, пойду дальше! Раз уж на льдине не умер, то и здесь жив останусь!» Протянул ногу, а впереди пропасть. «Э, теперь только вперед, жизнь или смерть», — подумал охотник и прыгнул. Долго летел, только воздух свистит. Страшно стало охотнику, сердце сжалось, глаза закрылись, в ушах звенит. Летел, летел, на что-то мягкое упал. Открыл глаза, видит: вокруг сыпучий песок, а вдали звездочка горит. «Это, — думает, — я у предков. Должно быть, давно уже нет меня среди живых людей, витает моя душа в небесах!» Подумал так охотник и пошел к звездочке.

Чем ближе подходил, тем больше звездочка разгоралась. Подошел, видит, что это не звезда, а свет из большой норы. Вошел он в нору. Перед ним — большое-пребольшое подземное жилище, а в нем на камне женщина-великан сидит. Протя-

нула женщина-великан к охотнику руку, взяла его двумя пальцами и поставила к себе за спину, как за скалу.

Сидит, молчит. Охотник тоже молчит. Вдруг ее муж-великан входит. Держит в каждой руке по киту.

— Вот двух рыбок поймал,— сказал жене.— Дай мне котел.

Подала жена котел, кинул в него великан свою добычу. Когда сварились киты, взял великан одного и обсосал, словно маленькую рыбешку, одни кости остались. То же и жена сделала. Великан сказал:

— Эх, вкусно, да мало!

Затем спать легли и крепко уснули. Проснулся утром охотник — дома только одна женщина, великан уже на охоту ушел. Возвращается вскоре, опять двух китов принес. После еды опять уснули. Ночью человек проснулся, видит: спят великаны, обнявшись, словно две горы. Страшно стало человеку, не может уснуть. Приоткрыл глаза, видит: лежат мужчина и женщина, обнявшись, но ростом теперь такие же, как он. Удивился человек, снова глаза закрыл. Опять немножко приоткрыл и снова великанов увидел. Подумал человек: «Не то я сон вижу, не то тунгак надо мной смеется!»

Утром женщина-великан спросила:

— Ну, человечек, надоело тебе здесь?

— Домой хочу,— ответил охотник.— Детей своих найти хочу.

— Эге, поможем тебе. Пропали бы твои дети, если бы искать не пошел. Но за это, как домой придешь, молодого моржа убей, обдери его мешком, мешок жиром наполни. Собери всех соседей. Привези старика шамана от кочующих людей. Это он вызвал ветер, который тебя в море унес, он во всем виноват. Зашей этого старика в мешок с жиром, при народе в море кинь и станешь после этого самым лучшим охотником. Но жизнь твоя будет принадлежать мне¹: когда захочу, тогда и возьму ее. Да приготовь мне из шкур белых оленей куклянку, штаны, торбаза и песцовую шапку. Вот цена твоей жизни!

Взяла женщина-великан человека в свою ладонь, сделала три шага и все пространство прошла, сквозь которое он в пропасть летел. Видит охотник — перед ним берег моря, а на водах огромная лодка качается.

— Ну, человечек, садись, едем!

Посадила женщина-великан охотника на дно лодки. Оттолкнула лодку от берега.

Не успел человек глазом моргнуть, пронеслись мимо бесконечные скалы, долины, и уткнулась лодка в песчаный берег. А великанша только три раза шевельнула веслом.

«Ого,— подумал человек,— я бы такое расстояние только дней за двадцать проплыл!»

— Ну, выходи! — сказала женщина.

Выпрыгнул человек на берег, а перед ним на холме его яранга стоит. Охотник себе не верит, глаза закрыл. Потом открыл, еще раз посмотрел и понял, что дома он. На берег оглянулся: «Где же лодка? Ни лодки, ни великанши не видно, будто и не было!»

Подошел к яранге, постучал:

— Эй, жена, это я вернулся!

Жена кричит:

— Ты живой, живой! Да ты ли это? — и плачет от радости: — Дети наши тоже вернулись!

Дверь открыла, взяла его за руку, ввела в полог. Долго гладили друг друга, ощупывали:

— Нет, тот же он! — говорила жена.

— Все та же она! — говорил муж.

И детей охотник ощупал: такие же, как были.

На другой день убил охотник молодого моржа, как наказывала ему женщина-великан. Собрал народ, сказал при всех старику шаману:

— Больше тебе бубен не понадобится, теперь ты будешь в жиру в этом мешке плавать. Это ты вызвал ветер, по твоей вине я чуть не умер на оторванной льдине. Пусть этого с другими не случится. Теперь ты умрешь!

Сунул охотник злого старика головой в мешок с жиром и бросил в море. Потом бросил одежду для великана, из белых оленьих шкур сделанную.

И стал этот человек самым лучшим охотником и силачом, хороших детей вырастил. Прожил много зим, а когда стал стариком, великанша его жизнь взяла.

35. Два брата и ворон

Так, говорят, было. Жили в селении Уназик муж с женой, и было у них два маленьких сына. Но заболел однажды отец и через некоторое время умер. Трудно стало женщине с двумя детьми. Некому было добывать зверя. И вот узнал об этом

один сиреникский человек, потерявший жену, и приехал в Уназик к этой женщине. Взял он женщину в жены, детей ее — в сыновья и отвез в Сиреники. Дома он сказал этим мальчикам:

— В этом селении есть злые люди. Если будете днем ходить около землянок, то станут вас бить. Утром затемно уходите в горы и упражняйтесь там в силе.

Отчим пасынкам неправду сказал. В Сирениках жили добрые люди, смелые охотники. Но отчим хотел, чтобы его приемные дети тоже стали сильными и смелыми. И вот каждый день убегали они в горы, в силе упражнялись. Прошло несколько лет, выросли братья, стали настоящими охотниками. Однажды зимой на дикого оленя пошли. Не прошло и дня, как каждый по оленю домой принес. На следующий день зимнего моржа промыслять пошли. Дальше всех односельчан по молодому льду ушли. Полынью нашли. Зимнего моржа там добыли. Сиреникские горы едва синели вдали. Все же первыми домой с добычей пришли. Так стали братья признанными добытчиками.

Однажды утром за дикими оленями пошли. По оленю добыли и рано вернулись.

Оставили дома добычу, на моржовый промысел отправились. Всех односельчан обогнали. Далеко в море по молодому льду ушли. А отец не раз им говорил, чтобы дальше других охотников не смели ходить. Долго по льду ходили, никак не могут моржа добыть. Между тем все односельчане близко от берега добыли моржей и домой вернулись. Братья же все дальше и дальше по льду шли, надеялись моржа добыть. Вот уж и вечер наступил, убили наконец моржа. Когда освеживали добычу и собрались идти домой, младший брат посмотрел в сторону берега. Увидел полосу густого тумана.

— Оторвало! — закричал он.

Бросили они моржа и побежали в сторону берега. Добежали до кромки льда, а щель между льдинами уже широкая стала, не перепрыгнешь. Поднялся сильный ветер и погнал воду по льдине. Побежали братья обратно в сторону моря. С мокрого льда на сухой выбрались, а вода по пятам идет. Налетел вместе с ветром снегопад, пурга поднялась. Бегут братья вперед, лед под ногами прогибается. Прибежали наконец к старому толстому льду, нашли высокую льдину, взобрались на нее и вырыли там снежную пещеру. В пещеру забрались, стали хорошей погоды ждать. Вот и говорит младший брат:

— Чтоб медленной смерти не ждать, сделай какое-нибудь чудо!

Старший брат начал вместо бубна в ладоши хлопать и под хлопки песню запел. Поет он, а младший слышит далеко-далеко крик ворона. Кончил старший брат петь, спрашивает младшего:

— Не слышал ли ты чего-нибудь?

Хотя и слышал младший, но ответил:

— Нет, ничего не слышал!

Снова старший запел и в ладоши захлопал. И младший опять крик ворона услышал, теперь уже близко. Старший тоже услышал карканье, но спросил:

— Не слышал ли ты на этот раз чего-нибудь?

Младший, хотя и хорошо слышал, опять ответил:

— Нет, ничего не слышал!

В третий раз запел старший под свои хлопки. На этот раз крик ворона совсем близко послышался. Братья хорошо его услышали. Но старший спросил:

— Не слышал ли ты чего-нибудь?

Младший ответил:

— Нет, ничего не слышал!

Вот ворон закаркал рядом:

— Кар-р, кар-р, кар-р!

Старший ответил на вороньем языке:

— Кар-р, кар-р, кар-р! Нет, я так не сделаю, брата я не оставлю!

Младший спросил:

— Что спросил ворон?

Старший ответил:

— Ворон сказал, только меня одного спасет.

Ворон снова закаркал:

— Кар-р, кар-р, кар-р, кар-р!

Старший ответил ему на вороньем языке:

— Кар-р, кар-р, попробуй!

Младший спросил:

— Что ворон сказал?

Старший ответил:

— Сказал, что попытается нас обоих спасти. Но на пути только одна большая льдина, где можно передохнуть. Давай теперь из пещеры выйдем!

Вышли, старший брат велел младшему вверх лицом лечь. Лег младший. Старший сел на него и подолом кухлянки лицо ему прикрыл. Вдруг оторвались они от льдины и вверх понеслись. Остановились через некоторое время. На большой льдине оказались. Отдохнули. Снова старший велит младшему на

спину вверх лицом лечь. Лег младший. Опять старший сел на него и прикрыл его лицо подолом кухлянки. Оторвались от льдины, дальше полетели. Через некоторое время опустились, посмотрели кругом и видят: сидят они на обрывистой скале среди вороньих гнезд.

Вызвал тут старший брат своего помощника горностая. Горностай откликнулся:

— Пик, пик, пик!

Старший сказал на горностаевом языке:

— Пик, пик! Нет, один я не полезу вверх!

Младший спросил:

— О чем сказал горностай?

Старший ответил:

— Горностай сказал, что я один только могу выбраться отсюда!

Младший сказал:

— Давай сначала я взберусь на скалу, а потом ты.

Полез младший и взобрался на скалу. Старший за ним полез. Тоже взобрался. Сошли со скалы и пошли домой.

Домашние тем временем камлали. Со всей округи поющие шаманы собрались. Одни говорят, что братья в море погибли, другие,— что живы, третьи ответ у духов-покровителей спрашивают.

А юноши тем временем к дому приближаются. К своей землянке подошли, к отдушине влезли, слушают. Вот отец их запел, затем перестал петь, сказал:

— Песнь свою я во льды направил. Оттуда с моря мне крик ворона слышался!

Опять запел, перестал петь и говорит:

— Песню свою я внутрь льдов послал, туда ворон полетел, там его крик слышу.

Затем отец в третий раз запел, опять перестал петь и сказал:

— Когда я запел и умолк, ворон сказал мне, что он отнесет меня на север, во льды. И вот я полетел туда. По пути на льдине остановился, отдохнул. Затем снова летел. В пути снова остановился и оказался в становище воронов. Но, может быть, я и ошибся.

Слушают братья сквозь отдушину слова отца. Отец еще раз запел, умолк и сказал:

— В становище воронов отдохнул. На скалу взобрался, в тундру спустился и домой пошел. До землянки дошел, к отдушине влез и стал слушать, о чем поют внутри.

Сказал эти слова отец и говорит другим юношам:

— Идите посмотрите, нет ли кого у отдушины!

Услыхали братья эти слова, отскочили от отдушины и спрятались в сторонке. Вышли юноши, смотрят — никого нет. Вошли в землянку, сказали хозяину, что никого снаружи нет. Братья снова к отдушине подошли. Отец тем временем сам вышел и увидел их. Велел им в землянку идти. А потом спрашивает:

— Как же вы из льдов выбрались?

Ответили братья:

— Далеко отсюда нашу льдину к берегу течением прибило. Сошли мы со льдины в том безлюдном месте и сюда пришли.

Отец сказал им:

— Вот, оказывается, как вас к берегу принесло!

Младший брат сказал:

— Ты ведь все своими глазами видел!

После этого не стали уходить дальше всех в море. Хорошо охотились. Все. Конец.

36. Как ворон женился

Так, говорят, было. Стояло пять жилищ. В этих жилищах братья жили. У каждого из братьев по единственной дочери. Недалеко от братьев жила семья воронов: бабушка и внук.

Однажды дочь старшего брата за водой пошла. Когда она воду брала, подошел к ней ворон и попросил:

— Напой меня! Напой меня!

Стала его девушка поить, стал ворон пить да всю воду на землю из ведра и разбрызгал. Ударила девушка ворона ладонью и говорит:

— Экий ты неловкий, всю воду расплескал, ни капельки не оставил!

Ворон ответил:

— А ты на мне шкуру порвала. Зашей!

Девушка сказала:

— Что ж, давай сюда, зашью!

Пошла девушка домой, и ворон к себе пошел. Пришел домой, своей бабушке сказал:

— Невестка теперь у тебя есть, в первой землянке живет. Приведи ее сюда!

Старуха собралась и в первую землянку пошла. Вошла. Спросили ее:

— Зачем пришла?

Старуха ворониха ответила:

— Внук за невестой к вам послал.

Рассердился хозяин, приказал подрезать ей хрящ на носу. Надрезали воронихе хрящ. Заплакала она. Домой пошла.

На второй день дочь второго брата за водой пошла. Когда воду брала, ворон подошел к ней, попросил:

— Напой меня! Напой меня!

Девушка стала его поить. Снова ворон всю воду расплескал. Ударила девушка ворона ладонью и сказала:

— Экий ты неловкий, всю воду расплескал, ни капельки не оставил!

Ворон ответил:

— А ты на мне шкуру порвала. Зашей!

Девушка сказала:

— Что ж, давай сюда, зашью!

Пошла девушка домой, ворон к себе пошел.

Пришел домой, говорит бабушке:

— Невестка теперь у тебя есть. Во второй землянке живет.

Приведи ее сюда!

Пошла старая ворониха во вторую землянку. Вошла. Спросили ее:

— Зачем пришла?

Старуха ворониха ответила:

— Внук за невестой к вам послал!

Ответили ей:

— Ах он черномазый! Плюгавка засаленная!

Надрезали старухе хрящ на носу.

Горько заплакала старуха, домой отправилась. Нос у нее на этот раз распух.

На третий день дочь третьего брата за водой пошла. Когда воду брала, ворон подошел к ней, сказал:

— Напой меня! Напой меня!

Девушка стала его поить. Расплескал ворон всю воду. Девушка ладонью его ударила и говорит:

— Экий ты неловкий, всю воду расплескал, ни капли не оставил!

Ворон ответил:

— А ты на мне шкуру порвала, зашей!

Девушка сказала:

— Что ж, давай сюда, зашью!

Девушка домой пошла, ворон к себе пошел.

Приходит домой, говорит бабушке:

— Невестка теперь у тебя есть. В третьей землянке живет. Приведи ее сюда!

Старуха ворониха не пожелала идти. Внук ее ворон настоял на своем. В третью землянку старуха пошла. Подошла. В дверях остановилась, сказала:

— Внук за невестой к вам послал!

Ответили ей:

— Ах он черномазый! Плюгавка засаленная!

Хрящ на носу у старушки надрезали. Заплакала она и домой пошла.

На четвертый день дочь четвертого брата за водой пошла. Когда воду брала, ворон подошел к ней, попросил:

— Напой меня! Напой меня!

Девушка стала его поить. Ворон стал пить и всю воду расплескал. Ударила его девушка ладонью и говорит:

— Экий ты неловкий, воду расплескал, ни капли не оставил!

Ворон ответил:

— А ты на мне шкуру порвала, зашей!

Девушка сказала:

— Что ж, давай сюда, зашью!

Девушка домой пошла, и ворон к себе пошел. Пришел домой, бабушке говорит:

— Невестка теперь у тебя есть. В четвертой землянке живет. Приведи ее сюда!

Отказывалась идти старуха ворониха, но внук-ворон настоял на своем. Пошла она в четвертую землянку. Еще с порога крикнула:

— Внук за невестой к вам послал!

Ответили:

— Ах он черномазый! Плюгавка засаленная!

Хотела было старуха убежать, схватили ее, хрящ на носу ещё больше надрезали. Отправилась она со слезами домой. Наступила ночь. Все жители селения крепко спали. Утром проснулись. Вот из пятой землянки дочь пятого брата пошла за водой. Когда воду брала, ворон подошел к ней, попросил:

— Напой меня! Напой меня!

Девушка кружку водой наполнила, ворону поднесла. Начал он пить и снова воду расплескал. Девушка ладонью его ударила и сказала:

— Экий ты неловкий, воду расплескал, ни капли не осталось!

Ворон сказал:

— А ты на мне шкуру порвала, зашей!

Девушка ответила:

— Что ж, давай сюда, зашью!

Девушка домой пошла, ворон к себе пошел. Пришел домой, бабушке говорит:

— Невестка теперь у тебя есть. В пятой землянке живет. Приведи ее!

Старуха ворониха на сей раз наотрез отказывалась. Ведь ее так больно за внука наказывают! Настоял внук-ворон на своем. В пятый раз старуха за невестой пошла. К дверям пятой землянки подошла, громко сказала:

— Внук за невестой к вам послал!

Сказала и убежала. Не догоняли ее. А отец разрешил девушке пойти к ворону. Пошла девушка. Приходит, а жилище у ворона такое тесное, что не выдержала девушка и заплакала. Так в слезах и уснула. Увидела старуха ворониха заплаканную девушку, принялась вокруг нее петь и плясать. И вдруг маленькая, грязная землянка воронов превратилась в большую, просторную и чистую. Ворон человеком стал, а старуха ворониха — женщиной. Проснулась девушка, а кругом все изменилось, похорошело.

Стала старуха всех односельчан оленевой угощать. Затем и девушке дала угощение. Тут другие девушки пришли.

Первая сказала:

— Ведь первую меня в жены выбрали!

Вторая сказал:

— Нет, меня!

Третья сказала:

— Нет, меня!

Четвертая сказала:

— Нет, меня!

Но ворон на той женился, что сама к нему пришла. После этого они людьми стали и хорошо зажили. Все.

37. Женидьба сироты

Так, говорят, было. Жили в одном месте пять братьев. Богатые были. Оленей много имели. По соседству мальчик-сирота со своей бабушкой жил. Землянка у них очень маленькая, тесная и грязная. Одежда очень плохая. Еды своей у мальчика с бабушкой не было, у соседей побирались. Мальчик

даже на улице редко появлялся, на теле у него короста была.

Однажды подумал сирота и говорит бабушке:

— А ну, пойди в первую ярангу пяти братьев!

Бабушка спросила:

— Что тебе у них надо?

Ответил сирота:

— Дочь их в жены хочу взять!

Согласилась старушка. Вышла. В первую ярангу пошла.

Входит, хозяин ее спрашивает:

— Зачем пожаловала? Голодные вы, наверное, с внуком?

Старушка отвечает:

— Да нет же! Внучек послал меня, чтобы вы дочку свою за него выдали.

Хозяин жене сказал:

— А ну, подай мой нож. Мизинец ей отрежу за такие слова!

Подала жена хозяину нож, отрезал он у старушки мизинец. Заплакала старушка от боли и обиды и пошла в свою землянку. Вошла, внук спрашивает:

— Ну, как дела?

Отвечает старушка:

— Не отдали они своей дочки, а мне мизинец отрезали.

Внук сказал:

— Теперь иди в ярангу второго брата, его дочь посватай!

Старушка сказала:

— Не пойду! Снова они мне боль причинят!

Настоял внук на своем. Согласилась старушка, пошла. Во вторую ярангу пришла. К переднему столбу прислонилась. Хозяин поздоровался с ней и спросил:

— Зачем пришла?

Старушка ответила:

— Внук мой послал вашу дочь посватать.

Хозяин жене сказал:

— А ну, подай мой нож! Безымянный палец отрежу ей за такие слова!

Подала жена хозяину нож, и отрезал он у старушки безымянный палец. Заплакала старушка от боли и обиды и пошла в свою землянку. Вошла, внук и спрашивает:

— Ну, как дела?

Отвечает старушка:

— Вот и безымянный палец отрезали!

Внук сказал:

— Теперь иди в ярангу третьего брата, его дочь посватай!
Старушка сказала:

— Ой, не пойду! Ведь только три пальца у меня на руке осталось. Опять ведь палец отрежут!

Настоял внук на своем. Согласилась старушка и пошла. В третью ярангу вошла. К переднему столбу прислонилась. Хозяин поздоровался и спросил:

— Зачем пришла?

Старушка ответила:

— Внук мой послал вашу дочь посватать.

Хозяин жене сказал:

— А ну, подай мой нож! Средний палец ей отрежу за такие слова!

Подала жена хозяину нож, отрезал он у старушки средний палец. Заплакала старушка от боли и обиды и отправилась в свою землянку. Вошла, внук снова спрашивает:

— Ну, как дела?

Отвечает старушка:

— Теперь уж и средний палец отрезали!

Внук сказал:

— А теперь иди в ярангу четвертого брата, его дочь посватай!

Старушка сказала:

— Нет, не пойду! Только два пальца у меня на руке осталось, так теперь и четвертый отрежут!

Настоял внук на своем. Согласилась старушка и пошла. В четвертую ярангу вошла. К переднему столбу прислонилась. Хозяин поздоровался и спросил:

— Зачем пришла?

Старушка ответила:

— Внук мой послал вашу дочь посватать.

Хозяин жене сказал:

— А ну, подай мой нож! Отрежу ей указательный палец за такие слова!

Подала жена хозяину нож, отрезал он у старушки указательный палец. Заплакала старушка от боли и обиды и отправилась в свою землянку. Вошла, внук спрашивает ее:

— Ну, как дела?

Старушка ответила:

— Теперь и указательный палец отрезали!

Внук сказал:

— А теперь иди в ярангу пятого брата, его дочь посватай!

Старушка сказала:

— Теперь уж совсем без пальцев на одной руке останусь. Ведь и большой палец отрежут!

Внук и теперь настоял на своем. Пошла старушка. В пятую ярангу вошла. К переднему столбу прислонилась. Хозяин поздоровался и спросил:

— Ну, старушка, что скажешь?

Старушка ответила:

— Внук мой послал вашу дочь посватать.

Хозяин сказал:

— Ну что ж, пусть женится!

Затем отец дочери сказал:

— А ну, доченька, иди следом за своей свекровью!

Не возражала девушка отцу. Оделась и со свекровью пошла.

Приходят. Увидела девушка маленькую землянку, тесную, старую. Грязно в ней и сыростью пахнет. Девушка от брезгливости даже капюшон кухлянки не сняла. Наступила ночь. Поели и спать легли. Только старушка не спала. Когда молодые люди крепко заснули, поднялась она и стала ногами стены землянки раздвигать. Раздвинулись стены, стала землянка большой и высокой. Взяла старушка большой таз, водой наполнила, внука разбудила. Встал внук. Посадила она его в таз и принялась все тело обмывать. Вышел внук из таза. Ого! Какой красивый мужчина стал! На руках его сильные мускулы.

Оделась старушка и вышла. Нарезала дерна, собрала его и в сени землянки принесла. Тут она стала на дерн дуть, и превратился он в куски мяса разных зверей. Снова старушка вышла. Пошла на морской берег, охалку мелкой морской травы набрала. Затем эту морскую траву в землянку внесла, в сенях повесила и стала дуть на нее. Превратилась морская трава в меха разных пушных зверей. В третий раз старушка вышла. Собрала в сумку много белых камней. Внесла в кладовую, стала дуть на них. И превратились белые камни в куски сала разных зверей. После этого старушка в полог вошла, стала будить девушку:

— Сноха, вставай, корми нас!

Проснулась сноха, сняла капюшон и осмотрелась вокруг. Видит — новый полог в просторной землянке, рядом с нею лежит уже не грязный мальчик с коростой на теле, а статный мужчина. Улыбнулась девушка мужчине, глаз не может отвести от него. Стала она еду готовить. Полное блюдо мяса и сала нарезала. Сели есть. Девушка куски мяса подбрасывает,

а юноша ловит их ртом и ест. Когда кончили есть, бабушка сказала им:

— Теперь одевайтесь! Я для вас одежду приготовила.

Вышла старушка в сени. Внесла из сеней нерпичий мешок и вынула из него одежду, женскую и мужскую, совсем новую. Надела девушка меховой комбинезон, по вороту и рукавам росомашьим мехом отделанный. Юноша красивую кухлянку с черным воротником надел и красные меховые брюки с росомашьей отделкой внизу. Встали они рядом, как будто ветром очищенные. Потом вышли из землянки и стали гулять поблизости. Вернулись в землянку. А тут и время обедать настало. Снова поели. Говорит внук бабушке:

— А теперь теще моей надо гостинец отнести — еды разной и мехов! Вместе с женой поеду!

Стал юноша гостинцы готовить. Вышел в сени. Нарубил разного мяса и сала. Все это в таз положил. Затем жене сказал:

— Ты за этим тазом смотри, а я на улицу выйду!

Взял юноша нож, вышел на улицу и смастерил снежную нарту. Сиденье со спинкой тоже из снега сделал. Копылья острые из дерева по бокам воткнул. Кончил нарту, стал изо всех сил дуть. Снежная нарта в настоящую превратилась. Концы от копыльев острыми ножами сделались. Вынес наполненный едой таз, на нарту поставил. Куском моржовой шкуры накрыл и привязал. Затем жену позвал. Взяла она деревянный молоток и вышла. Села на нарту, на спинку облокотилась. Юноша к нарте ремень привязал и потянул за него. Так и поехали. Девушка сидит на нарте и песню поет.

Выбежали девушки из четырех яранг, стали за спинку нарты хвататься. Стала молодая жена молоточком по рукам девушек ударять. Возвращала им боль бабушки своего мужа. Бьет девушек по пальцам, а сама смеется. Вот нарта к яранге отца подъехала. Девушка с нарты поднялась, в ярангу вошла. Из яранги отец ее вышел. Отвязал покрышку на нарте, увидел полный таз мяса и сала от разных зверей. Вдвоем с зятем высыпали еду из таза. Стало еды в несколько раз больше. Внес мясо и сало зять в сени. Затем нарту на вешала подняли и в ярангу пошли. Хозяин жене сказал:

— Вот сколько вкусной еды наш зять привез! Сейчас угощаться будем.

Женщины еду приготовили. Стали все есть. Потом юноша с молодой женой к бабушке вернулся. Стали они жить в полном достатке. Все.

38. Майырахпак

Давно это было, говорят. Пошли мышки-самочки за ягодами. Собирают они ягоды, а Майырахпак тем временем из дома своего вышла. Идет, на ходу свой нож о камни-скалы точит и говорит:

— Пис-пис-пис, как бы я вас ножом не ударила! Пис-пис-пис, как бы я вас ножом не ударила!

Увидела по пути маленьких мышек, собирающих ягоды. Приблизилась к ним. Увидели ее мышки, заплакали, а она свою тонкую кухлянку сняла и посадила их всех в кухлянку. Взвалила кухлянку с мышками на плечи и отнесла к высокому дереву, стоящему в тундре. Дошла до дерева, встала под него и сказала:

— Дерево, дерево, нагнись!

Действительно нагнулось дерево. Привязала Майырахпак свою кухлянку с мышками к верхушке дерева, отошла и говорит:

— Дерево, дерево, выпрямись!

Выпрямилось большое дерево, а Майырахпак в свою ярангу пошла. Когда она ушла, стали мышки в дырочку кухлянки смотреть, кто пройдет, какой зверь или человек. Увидели идущую пить к речке евражка, окликнули:

— Евражка, евражка, правда, что ты человек? Отвяжи нас!

Подпрыгнула евражка и говорит:

— Ни за что не отвяжу, ни за что не отвяжу! Когда мы пить идем, вы в нас камешками бросаете!

Бежит следом горностай. Увидели его мышки, позвали:

— Горностай, горностай, правда, что ты человек? Отвяжи нас!

Поглядел на них горностай и говорит:

— Ни за что не отвяжу, ни за что не отвяжу! Когда мы гуляем, вы в нас камешками бросаете!

Немного погодя бежит лиса. Увидели ее мышки, стали звать:

— Лисичка, лисичка, правда, что ты человек? Отвяжи нас!

Услыхала их лисичка, подбежала к дереву. Уселась и говорит:

— А что хозяин делает?

Отвечают мышки:

— Когда подходит к дереву, говорит: «Дерево, дерево, на-

гнись!» Когда уходит, приказывает: «Дерево, дерево, выпрямись!»

Запомнила эти слова лисичка и сказала:

— Дерево, дерево, нагнись!

Нагнулось дерево. Развязала лисичка кухлянку и выпустила мышек. Выпустила и говорит:

— Пойдите шикшовника наберите!

Набрали мышки шикшовника, наполнили им кухлянку. Лисичка привязала кухлянку к верхушке дерева и говорит ему:

— Дерево, дерево, выпрямись!

Действительно, выпрямилось дерево. Когда оно выпрямилось, разбежались мышки и лисичка в свою нору ушла. Развела в горшке красную краску из сухой коры ольхи. Наполнила свой горшок и в помойное ведро вылила. Затем постелила постель и спать легла.

Назавтра Майырахпак проснулась, взяла свой нож, к большому дереву пошла. Идет, по дороге о камни-скалы нож точит. «Пис-пис-пис, как бы я не поранила вас! Пис-пис-пис, как бы я не поранила вас!» Подошла к дереву, сказала:

— Дерево, дерево, нагнись!

Действительно нагнулось дерево. Майырахпак ножом кухлянку разрешила, оттуда шикша посыпалась. Стала Майырахпак ягоды есть и приговаривать:

— Глазища, глазища!

Съела и говорит:

— Где же мышки, которых я вчера в кухлянку засунула? Вместо них шикшовник один. Наверное, это моя двоюродная сестра лисичка их развязала. Ее очень легко уговорить.

Пошла к лисичке, решила ей отомстить. Закусила губу и говорит:

— Ну уж если я до тебя доберусь, не быть тебе живой!

Услышала лисичка шаги — Майырахпак к ее норе приближается. Обмакнула руки в горшок, ноздри разведенной краской намазала и стала стонать. Заглянула Майырахпак в нору, видит — ее двоюродная сестра под покрывалом лежит. А в горшке и помойном ведре кровь, даже нос в крови. Испугалась Майырахпак, так и присела у порога! Лисичка, не глядя на нее, сказала:

— Я, твоя двоюродная сестра, умираю, кровью истекаю, даже испражняюсь и мочусь кровью! Хороша же ты, единственная моя надежда, — хоть бы раз пришла навестить меня! Разве уж только когда умру, придешь?!

Майырахпак ответила:

— А я, глупая, сержусь на тебя, что ты мышек отвязала!

Лисичка опять ей говорит:

— Кто же мне горшок и помойное ведро выльет?

Майырахпак ответила:

— А я-то на что? Я и вылью!

Лисичка со стоном опять говорит ей:

— Только прямо на улицу не выливай. Зачем неприятное проходим делать! Вон к тому утесу пойди, там и вылей!

Подумала лисичка и прибавила:

— Плохая совсем твоя двоюродная сестра. Отделилась от меня моя тень. Как услышишь мою тень, не оборачивайся, а то околдует она тебя!

Поставила Майырахпак на плечо помойное ведро, горшок в руки взяла, к утесу понесла. Вскочила лисичка, погналась за Майырахпак. Догнала ее — и давай ей на пятки наступать! Завыла Майырахпак, зубами защелкала и говорит:

— Ни за что к тебе не обернусь! Ни за что к тебе не обернусь!

А лисичка все бежит за ней, наступает на пятки. Подошла Майырахпак к утесу, наклонилась, стала помойное ведро с плеч опускать. В это время лисичка как толкнет ее, а сама в южную сторону убежала.

Упала Майырахпак, да на лету за птичье гнездо зацепилась. Отдышалась, стала всех птиц просить, чтобы подняли ее на утес. Не решаются птицы, потому что больно тяжелая Майырахпак. Тогда взяла она одного топорка, клюв его пальцами сплющила. Вырвала из опушки воротника волоски и приделала ему две косы. После этого краской лапы и клюв намазала. Кончила разукрашивать, посадила на скалу. Сидит топорок на скале, из всех своей красотой выделяется. Стали другие топорки просить Майырахпак, чтобы она их тоже такими красивыми сделала, обещают ее за это на скалу поднять. Разукрасила Майырахпак топорков, подняли они ее на скалу, хотя и трудно им было. С тех пор все топорки красивые. Это их Майырахпак такими сделала. Когда ее подняли на скалу, она на север пошла.

А лисичка тем временем на юг бежала. Пока бежала, застигла ее в пути зима. Поравнялась лисичка с островом Маскын и заметалась в поисках переправы. Видит — течением от берега маленькую льдинку несет. Прыгнула на эту льдинку и поплыла на ней на другой берег. Когда к суше приблизи-

лась, увидели ее маскынские ребята, взяли луки, побежали к ней. Бегут, а лисичка им кричит:

— Эй вы, на суше, подождите! Дайте мне на берег сойти, ведь я могу и утонуть на море.

Оставили ее мальчишки в покое.

Прибило льдинку к суше, выскочила лисичка на берег, убежала от мальчишек. Стали мальчишки ей вслед из луков стрелять. Но лисичка очень скоро скрылась из виду, сделала в тундре нору и стала там жить.

А Майырахпак на север пошла и до самых Сиреников дошла. На другом берегу речки у поселка Сиреники остановилась. А на этом месте две скалы были, которые сами раскрывались и сами закрывались. Внутри этих скал Майырахпак и устроилась. Взяла на воспитание сына тугныгаков, потому что у самой детей не было. Вырос мальчик и стал к сиреникским детям ходить, в разные игры с ними играть. Станет ему кто-нибудь перечить, он возьмет, того и убьет. А сиреникские боятся с ним расправиться, его мачеха — тоже тугныгак. Зимой добудут охотники моржа во льдах, сядет Майырахпак на корточки и отнимет у охотников печенку, которая кому-нибудь на долю выпала. С этих пор сиреникские старики перестали зимой печенку есть.

И вот наконец стали сиреникские люди между собой рассуждать:

— А здорово получается! Добывать печенку добываем, а есть не едим. Долго так будет продолжаться?! Давайте в следующий раз, как на охоту пойдем, возьмем с собой воспитанника старухи Майырахпак, которая поселилась у нас в скалах. Пусть он как охотник получит свою долю печенки.

Вот однажды хорошая погода выдалась, и южные льды к Сиреникам пригнало. Позвали охотники с собой воспитанника Майырахпак во льдах поохотиться.

— Эй, где ты, сидящий в скале? Идем с нами во льдах охотиться! Заработай себе свою долю печенки!

Отвечает им юноша:

— Хорошо, пойду!

Стал юноша собираться, заспешил. А тем временем охотники уже моржа добыли и на припай вытащили. Хозяин лодки сказал своим людям:

— Эту печенку бросьте целиком на тонкий лед! Пусть парень за ней туда сходит.

Пришел юноша, говорят ему:

— Вон видишь печенку? Бери ее себе, это твоя доля.

Пошел юноша за печенкой и провалился.

Загарпунили его охотники и убили. Печенку его вынули. Отдали прокладчикам дороги, те ее как груз на санки положили. Сказал хозяин байдары прокладчикам дороги:

— Выйдете на сушу, печенку эту старухе отдайте!

А старуха Майырахпак сидит, как всегда, на круче на корточках, охотников поджидает. Вышли прокладчики дороги на сушу, старуха их спрашивает:

— А где мой сын?

Отвечают прокладчики дороги:

— Да где-то следом идет. Целую печенку в долю получил. А пока вот это держи.

Отвязали от санок печенку ее воспитанника. Взяла ее старуха, домой пошла. Пришла, печенку на полочку над жирником положила, сама около жирника села. Сидит около жирника, а с печенки то и дело крупные вши перед ней падают. Подумала старуха: «Ох, уж не моего ли это сына печенка?» Сняла с полки печенку, стала ее рассматривать. Рассмотрела и признала печенку сына. Села на корточки перед входом в жилище и заплакала.

Вот однажды опять хорошая погода выдалась, опять все мужчины Сиреников вышли на припай охотиться. Сообразила старуха, когда охотники к берегу повернут, вышла на кручу, стала звать сильный ветер с суши вместе со снегом. Налетел ветер, повалил снег, и оторвало припай. Всех мужчин, которые ушли во льдах охотиться, в море унесло. Собрались старики на берегу, всматриваются в море, своего шамана подстрекают:

— Какой же ты шаман? Где твой ворон, которым ты хвастался? Вон старуха всех мужчин у нас отняла, а нашу надежду, мальчиков-подростков, ее воспитанник поубивал. Так что все мы теперь умрем от голода.

Наступила ночь, запел старик шаман, имеющий ворона. Влетел к нему ворон, велел ему шаман отнять у Майырахпак жилище.

Полетел к ней ворон, велит из жилища уходить. Ответила ему Майырахпак:

— Никуда не пойду, мое это жилище!

Опять ей ворон говорит:

— А ну, давай, убирайся! Если это действительно твое жилище, попробуй открой его снаружи!

Когда вышла Майырахпак, двери ее, как всегда, за ней захлопнулись. Приказывает им старуха открыться. Только

двери заскрипели, начали открываться, прикусил ворон губу, сказал сквозь зубы:

— Попробуйте только открыться, я вас истолку, искрошу!

Захлопнулись двери. Сказал тогда ворон Майырахпак:

— Ну довольно, уходи отсюда, нет у тебя здесь жилища!

Видишь, двери тебя не слушаются!

Видит Майырахпак, делать нечего, опечалилась и пошла на север, куда глаза глядят, потому что отобрал у нее ворон жилище. Тьфу!

39. Пять дочерей

Был один мужчина, удачливый охотник на китов. Пять дочерей у него. Пятая — самая маленькая, еще грудь сосет. Старшая уже большая выросла. Вот раз отправился мужчина на охоту. Сели в байдары, отчалили, недалеко в море ушли. Стали зверя выслеживать. Увидали кита. Пошли к нему на веслах, короткими веслами гребли. Подплыли, загарпунил его стрелок, и притом намертво. Зацепили ремнями за челюсть, тянут к берегу, причалили. Вытащили байдару, на сушила положили. Пошел хозяин байдары свою жену звать, обряд какой нужно совершить. Приходит — нет жены, за кореньями ушла. Пошла старшая дочь обряд совершать. Отправились вдвоем на берег. Пришли, совершили обряд. Стали мужчины кита резать, а жир весь вытаскивают, мясо вытаскивают. Делят жир и мясо между собой. В свои ямы таскают. Кончили убирать, по своим ярангам разошлись. А жена хозяина байдары все не возвращается. Наступила ночь, спать легли, нет ее. И на другой день не пришла. Стал мужчина свою жену искать. На охоту перестал ходить, в горах искал, нигде не мог найти. Наконец перестал искать. Опять собрался на охоту, в море на байдаре с другими охотниками ушел.

Говорит старшая дочь:

— Наступит осень, не будет у нас съедобных кореньев, когда праздновать будем.

Пошла девушка в тундру, копает коренья мотыгой. Вдруг кто-то солнце заслонил. Смотрит — орел впереди нее сел. Сказал орел:

— Я за тобой пришел.

Ответила девушка:

— Зачем? Мой отец будет ругать меня.

Взял ее орел в свои когти. Взлетел с ней вверх, на небо взобрался. Отец ее тем временем опять кита увидал. Подплыли к нему, загарпунили и сразу убили. Зацепили ремнями за челюсти, потянули к берегу. Байдару на сушила положили. Пошел хозяин байдары за старшей дочерью, чтобы обряд совершить. Пришел, зовет дочь, а ее нет.

— Где моя дочь?

— Ушла травы собирать.

Взял с собой на берег вторую дочь для совершения обряда. Совершили обряд в честь кита. Стали его мужчины резать, жир и мясо отделять. Кончили, делить стали, по своим ямам таскать. Убрали все и по ярангам разошлись. Уснули. На другой день проснулись, а дочери хозяина байдары все еще нет. Снова искал он ее в горах, да так и не нашел. Пришел домой, сказал дочерям:

— Не ходите больше туда!

— Хорошо,— согласились девочки.

Скоро опять на морскую охоту отправились, сели в байдары, отчалили. Опять кита увидали. Приблизились к нему. Загарпунили, убили, зацепили за челюсть, к берегу потянули. Пошел мужчина своих дочерей звать, чтобы обряд совершить. Только две дочери у него теперь осталось¹. Велел старшей совершить обряд. Справили обряд в честь убитого кита. Мужчины стали кита разделявать. Жир его оттаскивают, мясо оттаскивают. Делить стали, в ямы понесли. Как все кончили, по своим ярангам отправились. Уснули. На следующий день проснулись. Мужчина своим двум дочерям сказал:

— Больше никуда не ходите, видите, сестры ваши пропали.

— Хорошо,— согласились они.

Мужчина опять на морскую охоту отправился. Сели в байдару. Отчалили. Кита увидали. Подплыли к нему, загарпунили, убили, зацепили ремнями за челюсть, потянули к берегу. Причалили. Пошел мужчина дочерей звать, чтобы обряд совершить. Приходит — обеих дочерей нет, ушли.

Орел их на небо унес. На небе в очень большую ярангу привел и сам с ними вошел. Яранга та очень светлая и теплая оказалась, было в ней много оленьего, нерпичьего, лахтачьего, моржового мяса и китовой кожи с жиром. Орел сказал девушкам:

— Ешьте досыта все, что видите,— оленину, китовую кожу с жиром, нерпу. Ешьте что хотите, никто не запретит вам. Я пищу сюда ношу.

Стали они есть. Много едят, досыта. Орел говорит им:

— Почему вы не полнеете?

Отправился орел за дикими оленями. Понесла девушка горшок выливать. Вылила, собралась в ярангу идти, вдруг перед ней лиса. Лиса сказала ей:

— Что это вы делаете? Знаете, почему он заставляет вас много есть? Как будете полные, он вас и съест. Загляни-ка в кладовку, там своих сестер увидишь. Они еле живы. Когда располнели они, орел высосал из них кровь. Свари им оленины побольше, пусть поправляются. А потом, как поздоровеют, дайте им жил, пусть все дни нитки крутят. Крутите нитки из жил до тех пор, пока жилы не кончатся. А как кончите, мне скажите, я вас на землю спущу. Когда муж-орел придет и спросит: «Что это вы так плохо полнеете?» — ответьте: «Потому что наш отец очень хороший добытчик. Мы только тогда полнеем, когда дальней рыбой питаемся».

Кончила говорить лиса и ушла. Стали девушки делать, как она им велела.

Вернулся орел с охоты на диких оленей, много оленей убил. И говорит своим женам:

— Почему это вы не полнеете?

Девушки отвечают:

— Потому что наш отец удачливый добытчик. Мы только тогда полнеем, когда дальней рыбой питаемся.

Отправился орел к дальней реке. Стали девушки собирать. Стали жилы теребить и нитки из них сучить. Как всю работу окончили, из яранги вышли. Увидела их лисичка и спрашивает:

— Ну как?

— Кончили мы!

Вошла, все убрала.

Привязались сестры друг к дружке. Стала лиса спускать их, понемногу веревку выпускает. Совсем немного до земли не хватило. Стали они веревку дергать. Выпустила их лиса. Прыгнули, младшая стала сплетенную веревку подбирать. Подобрала, в путь отправились.

Прилетел орел, а девушек нет.

— Ах негодные!

Погнался за ними.

— Если догоню, съем!

Гонится за ними орел. Бегут девушки что есть сил. Вот уж орел увидел их. Еще быстрее сестры побежали. Вот-вот он настигнет их.

— Если догоню, съем! — кричит.

Дальше бегут сестры. Остановилась одна, провела мизинцем черту. Бегут, назад посмотрели — огромная река на месте черты образовалась. Спрятались они на берегу. Приблизился орел, на середине реки сел.

— Все равно не спасетесь!

Расправил крылья. Поднялась вода в реке, вот-вот девушек затопит. Совсем уж близко подошла, орла до шеи захлестнула. Стала одна сестра воду замораживать. Остановилась вода, замерзла. И орла заморозила. Попробовал орел крыльями взмахнуть — трескается лед, далеко трещины пошли, да не вырваться ему. Вышли девушки из укрытия. Убила одна сестра орла маленьким ножом.

Пошли девушки в свое селение. В ярангу отца пришли.

— Смотрите, больше никуда не уходите! — говорит отец.

— Хорошо!

Живут спокойно. Но ведь девушки так жить не могут! Сокучилась самая младшая. Плетеную веревку взяла, из дому вышла. Бросила ее в тундру, пошла, стала собирать. Вдруг перед ней берлога большого бурого медведя. Вошла девушка в нее. Хозяина нет. Села девушка. Вдруг большой бурый медведь входит. Стал ее кусать, а потом говорит:

— Ой! Зачем я это делаю, ведь это гостья моя!

— Ты ела? — спросил.

— Нет!

Подал ей мяса, китовую кожу с жиром. Стала девушка есть. Поела, спать легла. Подал ей медведь черенок скребка.

— Как проснешься, ударь меня черенком скребка, не бойся!

Положила девушка черенок на видное место. Проснулась. Стал бурый медведь ее кусать.

— Ой, зачем я это делаю? Ведь это моя гостья! Да ты не бойся, бей меня, а то больно тебя укушу!

Когда вышли, стали по кругу бегать. Сначала медведь девушку обогнал, потом девушка медведя. Оставила его за собой. Потом вместе в берлогу пошли. Стали есть мясо дикого оленя. Спать легли. Говорит медведь девушке:

— Как проснешься, ударь меня черенком скребка, не бойся.

Уснули они. Утром проснулась девушка.

— Ой, опять будет меня кусать!

Ударила его черенком скребка. Медведище быстро сел... Встали, поели. Наружу вышли. Стал медведь бороться с де...

вушкой. На ноги ей встать не дает. Но вот перестала девушка падать. Медведь сказал:

— Я не один живу, там на другой стороне много яранг.

Пошла девушка туда. Взобралась на бугорок, видит — там в мяч играют. Побежала туда. Незаметно в одну ярангу пробралась, в летний полог вошла. Посмотрела хозяйка на полог, заметила, что занавес немножко колышется. Подошла к нему, подняла, видит: в пологе молодая красивая девушка. Закрывает занавес, осталась девушка в пологе. В это время старший брат хозяйки, который в мяч играл, домой пришел. Спрятала женщина девушку за полог. Юноша вошел. Стала женщина кормить брата, ничего ему про девушку не сказала. Когда брат ее уснул, ввела девушку. Спать легли и уснули. На следующий день юноша проснулся, видит — возле него девушка. Не стал юноша никуда ходить, женился. Забеременела жена. Родила мальчика. Вырос мальчик, ходить стал. Еще забеременела. Снова мальчика родила. Вдруг однажды слышат голос в сенах:

— Где молодая женщина? Гости на состязание прибыли.

Вышла молодая женщина. Стали состязаться в беге. Всех обогнала молодка. Потом бороться стали. И тут она победила. Вернулась домой, своего маленького сына накормила грудью. Когда наступила ночь, уснули. На другой день не пошел молодой мужчина на улицу. Соскучилась молодка. Надоел ей муж. Собралась в свою ярангу идти. Говорит мужу:

— Я в свою ярангу пойду.

Муж сказал ей:

— Я тоже пойду с тобой.

Молодка сказала:

— Нельзя, моя яранга очень далеко. Ведь дети твои здесь останутся, вместо меня будут жить здесь.

— Хорошо.

Собралась молодка. Плетеную веревку взяла, надела ее на шею, ушла туда, откуда пришла. К большому бурому медведю пришла. Там ночевала. На следующий день в свою ярангу пошла. Пришла. Родители ее радушно встретили. Стала у родителей жить. Живет, живет, захотела опять к мужу идти. Вышла, плетеную веревку взяла, вверх бросила. По этой веревке к северному сиянию полезла. Поднялась — а там тоже играют в мяч. Снова мимо прошла, никто ее не заметил. Увидела хозяйка — занавес летнего полога немного колышется. Подошла к нему, смотрит — в пологе молодка. Женщина спрятала ее, одеждой завалила. Вдруг брат женщины домой при-

ходит. Вошел. Женщина ему про молодку ничего не сказала. Стала его кормить. Поел брат, лег спать, лег и уснул. Вывела женщина молодку, накормила. Поели, спать легли и уснули. На другой день проснулся парень, видит — красивая молодая женщина. Женился парень. Никуда не стал выходить. Забеременела молодка, снова родила мальчика. Живут-поживают. Молодка опять забеременела. Опять мальчика родила. Грудью этих детей кормила. И здесь односельчане с молодкой состязаться в беге стали. Молодка опять обогнала всех. Стали бороться. Опять победила молодка. Пошла в ярангу мужа. Пожила немного. Снова захотелось ей в свою ярангу пойти. Своему мужу сказала:

— А все-таки я пойду в свою ярангу!

Муж ей сказал:

— Я тоже пойду!

— Нельзя, очень далеко моя яранга. Ведь здесь у тебя дети останутся, а они все равно что я!

Согласился молодой мужчина. Молодка оставила его. В свою ярангу пошла. Пришла. Опять радушно встретили ее родители. Стала у своих родителей жить. Через некоторое время опять задумала уйти. Пошла в сторону моря, к берегу пришла, под воду пошла. Видит — впереди бугорок. Подошла — перед ней яранга. Вошла в ярангу, а там мужчины. Стали угощать ее. Подали ей навагу. Поела она и спрашивает:

— А по ту сторону есть селение?

— Большое там селение есть.

Ушла молодая женщина. Бугорок позади остался. Видит: впереди очень много яранг. Молодка там снова вышла замуж. Там навсегда и осталась. Кончилось. Тьфу!

40. Два силача и старик

Жил на острове Киги¹ человек, собакой вскормленный. Звали его Эттувь². А в Янракиноте³ жил другой человек, вскормленный бурым медведем, его звали Кайнувь⁴. От животного молока силу они огромную получили. Оба друг друга никогда не видели. Но кигмитский Эттувь слышал, что Кайнувь очень силен, а Кайнувь люди говорили, что сильнее Эттувь никого на свете нет.

Передали они через людей друг другу весть, что хотят по-

мериться силой. Вот однажды янракинотский старичок поставил в лагуне рыболовные сети. На его байдаре было два тугих поплавка из пестрой нерпы. Вдруг видит: идут два силача — Эттувыи и Кайнувыи. Подошли они к старичку и сказали:

— Смотри, старик, как мы будем в силе состязаться, да скажи потом, кто из нас сильнее.

Старичок ответил:

— Подождите меня здесь, пока я сеть поставлю.

Расправляет сеть не спеша, а сам глаз с силачей не спускает. Легли силачи на песок и подперли подбородки, разговаривают мирно друг с другом. Оказалась под рукой у Кайнувыи кость от сустава моржового лапа. Взял он эту кость и раскрошил ее пальцами в порошок. А Эттувыи облокотился на поплавок из нерпичьей шкуры, хотел его поправить. Только задел рукой, поплавок не выдержал и лопнул. Старичок все это видел. Расправил он сети и сказал им:

— Вот вы и посостязались: один пальцами кость раскрошил, другой одним прикосновением раздавил поплавок из нерпичьей шкуры. А ты, Эттувыи, разве можешь сказать, что тело твое крепче раздавленной кости? А ты, Кайнувыи, разве скажешь, что тело твое крепче поплавка из надутой нерпичьей шкуры? Оба вы такие силачи, что начнете состязаться и убьете друг друга. Лучше уж не боритесь! Ведь вы в разных селениях живете!

Послушались янракинотского старичка силачи и не стали бороться, разошлись. Все.

41. Месть

В селении Кивалук жили одиноко старик и мальчик, племянник его. В окрестностях селения бродило много диких оленей. И старик зимой вдоволь оленей добывал. Летом морского зверя промышлял. Жили эти двое, ни в чем не нуждались. Мальчик наконец вырос и тоже охотиться стал, диких оленей и морских зверей добывать. Перестал старик ходить на охоту. Хозяйством занялся. Вот однажды и говорит племяннику:

— Как ты будешь жить, когда я умру? Неужели навсегда один останешься? Кто же в доме уберет, еду приготовит, когда ты будешь охотиться? Есть на южной стороне селение под названием Кыгмик. Говорят, что женщины этого селения — красавицы. Пошел бы ты туда, поискал себе жену, пока я жив!

После этого разговора стал юноша еще усерднее охотиться. Вот уж дни длинные стали. Весна пришла. Однажды сказал племянник:

— Хватит нам пока добытых припасов. Пойду-ка я, пожалуй, в Кыгмик!

Старик сказал:

— Иди, да только ненадолго, а то еще умру, пока тебя не не будет!

Отправился юноша в Кыгмик. Утром вышел, нарту за собой потащил, а к вечеру уже и в Кыгмик пришел. Подошел к жилищу старшины. А у старшины была единственная дочь, очень красивая девушка. Радушно принял старшина юношу. Спросил его:

— Зачем ты к нам пришел?

Юноша ответил:

— За женщиной я пришел.

Старшина сказал:

— Вот, бери мою дочь. Я согласен. Женись на ней, если нравится!

Женился юноша на дочери старшины. Остался здесь жить. Много диких оленей добывал. А в море уходил — морского зверя промыслял. Но вот однажды загрустил юноша о чем-то. Спрашивает его старшина:

— О чем ты грустишь?

Ответил юноша:

— Дома мой старый дядя в одиночестве остался. Не знаю, жив ли он, здоров ли?

Старик сказал:

— Женщина, если замуж вышла, никогда в доме отца не останется. Если хочешь домой идти, иди!

На другой день усадил юноша жену на нарту и повез ее волоком домой. Наступила ночь, прибыли они в Кивалук.

Жив-здоров старик оказался. Стали с невесткой работать не покладая рук. Много молодой охотник диких оленей в тундре добывал. Всех не мог унести, оставлял в тундре. Потом вместе с женой в тундру ходили за оленьими тушами. А старик тем временем хлопотал по дому и, покончив с работой, выходил из яранги, садился на корточки, молодых ждал.

Вот однажды возвращаются они, а старика нет около дома. Не сидит, как всегда, на пороге. Говорит жена:

— Где же это старик? Почему нас не встречает?

Отвечает муж:

— Наверное, в яранге что-нибудь делает.

Пришли. Нет старика. Не встречает их. Вошли в ярангу — и тут нет. Муж сказал жене:

— Куда же наш старичок делся? Пойду посмотрю, куда его след ведет.

Вышел. Нашел следы. В сторону моря следы ведут, капли крови на них видны. Вернулся. На другое утро пошел по этим следам. Привели следы к морю. Заметил юноша в морской дали землю. Пошел туда. Скоро до большого селения дошел. Испугался, что увидят, и решил подождать ночи. Когда ночь наступила, пошел к жилищам. Среди жилищ одна огромная землянка. За землянкой высокий столб. А ночь лунная, все видно. Посмотрел на верхушку столба, увидел, что там человек сидит. Подкопал земляные крепления столба. Повалил столб. Посмотрел на привязанного к столбу человека, а это, оказывается, его дядю танги убили. Отвязал его, поднял и домой понес. На другой день сшили умершему новую одежду, одели его и похоронили.

Стал этот мужчина остерегаться, далеко не уходил. Вот один раз прогуливается в тихую погоду около дома. Посмотрел в сторону моря, и кажется ему, будто две черные точки вдаль появились. И верно, через некоторое время идут в его сторону два человека. Сказал он своей жене:

— Идут в эту сторону два человека. Наверное, к нам. Наверное, хотят меня убить! Когда войдут, предложи им угощение. Во время еды я выйду, будто бы проветрится. И ты за мной иди!

Вот пришли два человека с посошками. Хозяин сказал:

— Ого! Впервые гости у меня! Откуда пришли? Куда путь держите?

Гости отвечают:

— Пришли мы тебя на праздник пригласить!

Хозяин сказал:

— Войдите в полог, поешьте сначала, затем пойдете!

Мужчины вошли. Стала женщина угощать их разной едой. Во время еды муж ей сказал:

— Вспотел я, пойду освежиться!

Вышел. Жена тоже за ним пошла. Большой нож в кушлянку положил, обратно вошел.

К сидящим в пологе мужчинам подошел. Убил. Жене сказал:

— Где же похороним? На улице — земля мерзлая, да к тому же, если кто придет их искать, по взрытой земле сразу обо всем догадается. Давай их спрячем под пол!

Приподняли доски пола и положили туда убитых.

Теперь уж мужчина не отходит от землянки. Совсем близко прогуливается.

Через несколько дней со стороны моря пять человек появилось. Муж жене сказал:

— К нам пять человек идут. Снова так, как в прошлый раз, сделаю.

Вот пришли пять человек. Хозяин сказал:

— Ого! Впервые у меня гости! Откуда пришли? Куда путь держите?

Гости ответили:

— На днях пропали два человека, ушедшие в эту сторону. Мы пришли спросить, не знаешь ли ты о них.

Хозяин сказал:

— Давайте поешьте сначала! А людей ваших я не видел. Принесла жена вкусной еды. Во время еды хозяин сказал:

— Вспотел я, пойду освежиться!

Вышел. За ним следом жена. Нож большой взял. Обрато вошел. Сидящих перебил. Снова под пол убитых спрятали.

Через несколько дней в тихую погоду вдали множество людей появилось. Человек этот жене сказал:

— Теперь уж много людей к нам идет. Опять будешь угощать их вкусной едой. А я выйду будто бы подарки приготовить для них. Ты за мной тоже иди!

Люди пришли. Хозяин сказал им:

— Ого! Впервые у меня столько гостей! Откуда идете? Куда путь держите?

Люди ответили ему:

— Где-то сначала двое потерялись, затем пятеро тех двоих искать ушли и тоже не вернулись. Все в эту сторону ушли. Может, ты о них что знаешь?

Хозяин сказал:

— Нет, не видал я этих людей! Устали вы с дороги. Идите сначала поешьте!

Вошли люди в землянку. Стала женщина их угощать разной вкусной едой. Муж ее сказал:

— Пойдем приготовим для гостей подарки. Ведь впервые у нас эти гости! Нельзя им без подарков уйти!

Вышли муж и жена. Остов каяка стружками наполнили, жиром облили. Затем вход в землянку бревнами заложили. Каяк с облитыми жиром стружками на крышу землянки под-

няли. Стружки подожгли. Затем мужчина отдушину на крыше открыл и крикнул сидящим в землянке:

— Вот в это отверстие ваши подарки подам! Получайте!

И протолкнул в отдушину остов каяка со стружками. Один конец остова упал в проход. Хотели было гости убежать — выход снаружи бревнами заложен, а изнутри огнем пылает. Мужчина с женщиной через отдушину набросали в землянку дров, налили туда жиру. Запылала землянка, пока не рухнула. Все люди внутри сгорели. Муж и жена поставили временный шатер. Переночевали. На следующий день муж сказал:

— Вот теперь уж в Кыгмик вернемся.

После этого возвратились в Кыгмик, отомстив тангам за смерть дяди.

42. Оленеводы

Жил оленевод с женой и сыном. Стадо у него многочисленное было. Жалел он сына, все на пастбище один делал. Вот однажды призадумался и говорит себе: «Если я умру, сын мой совсем один останется, трудно ему будет справиться с таким большим стадом. Вот бы сироту к себе взять, чтобы был помощником сыну! Эх, хорошо бы сироту найти!» Однажды бродил по тундре, нашел мальчика-сироту и привел к себе. Стал тот на день его в стаде сменять. Легче стало старику. Когда зима наступила, снег выпал, стали юноши чередоваться. Сирота быстро научился владеть копьём. Сын же старика ленивый был. Сирота с каждым днем сил набирался. А далеко на северной стороне было еще два стойбища. У ближнего соседа пять сыновей было. Все шестеро мужчин — мастера копьями владеть. Самый младший брат к тому же хороший бегун, быстрее всех бегал. И еще были у них две сестры. А дальний сосед один с женой жил.

Сын этого человека ленивый был. Плохо оленей охранял, а ночью, только стадо остановится, он сразу и заснет. И спит беспечно всю ночь. А сирота, пока хозяйский сын спит, всю ночь с копьём упражняется, силу и ловкость развивает. Проснется сын, а сирота говорит ему:

— Смотри, не спи так много! Какая от этого польза? Упражняйся так же, как я, учись копьём владеть. Бывает иной год, что появляются откуда-нибудь недобрые люди.

Скоро сирота научился очень хорошо на оленях ездить. Упражняясь, над головами оленей копьём размахивает. И говорит так сыну старика:

— Смотри, когда небо землю снегом покрывает, то и корм олений прячет, трудно тогда становится стаду. Или же недобрые люди откуда-нибудь появятся — и здесь погода много значит.

И еще сирота сказал:

— Поэтому нельзя тебе много спать, а надо в силе и ловкости упражняться.

Сын старика ответил:

— Как ты можешь мне советы давать? Ведь ты от меня во всем зависишь. У меня отец есть, потому ты не должен меня учить. А у тебя нет отца, и потому ты от меня зависишь.

А сирота еще больше упражняется, хочет стать ловким и сильным.

Вот уже несколько лет береговые люди не приезжали. Отец однажды сказал:

— Не стало у нас лахтачьих подошв, износилась оленья упряжь, не стало ремней для нарт, износились подполозки у нарт. Как не позавидовать северным соседям! Приезжали к ним береговые люди, привезли в обмен подошвы, ремни для нарт и упряжек, подполозки к нартам. Вот бы мне поехать туда!

Воспитанник его и родной сын отвечают:

— И правда, поезжай!

Назавтра с рассветом уехал. К вечеру до многосемейного оленевода доехал. Подъезжает к первой яранге, выходит из яранги хозяин, оленей приехавшего привязал, затем сказал:

— Входи к нам, поешь!

Вошел гость, хозяин у него спрашивает:

— Ты, наверное, с какой-нибудь целью едешь?

— Да, подошвы, лахтачью шкуру, ремни, подполозки хочу достать, вот и едущу. Ведь нас береговые люди в этом году не посетили, поэтому ничего у нас нет.

Хозяин сказал:

— К сожалению, это у северного соседа много береговых людей было. Туда тебе и надо ехать! Если там ничего не достанешь, тогда уж к нам заезжай. Я с тобой хоть чем-нибудь поделюсь.

Гость сказал хозяину:

— Пожалуй, поеду туда!

Хозяин сказал:

— Когда там что-нибудь раздобудешь, еще куда-нибудь поедешь?

Гость ответил:

— Нет, обратно сюда поеду.

Вышел и поехал дальше. А хозяин тем временем говорит своим сыновьям:

— Как заедет он сюда на обратном пути, я его убью. А вещи его себе заберем.

Приехал оленевод к дальнему соседу. Земля в том месте большим снегом покрылась, но от южного ветра и позднего дождя поверх снега ледяная корка легла. Подошел гость к яранге. Хозяин сказал:

— Входи!

Стали вошедшего угощать. Во время еды хозяин спрашивает:

— Ты, наверное, с какой-нибудь целью едешь?

Отвечает гость:

— Да, подошвы, лахтачью шкуру, ремни для упряжки, подползки для нарт хочу достать, вот и едзу. Ведь к нам береговые люди в этом году не приезжали, поэтому нет у нас ничего.

Хозяин сказал:

— С какой стороны ты моего соседа объехал?

Гость ответил:

— Я прямо через их стойбище ехал.

Хозяин спросил:

— Что тебе сказал отец тех братьев?

Гость ответил:

— Он мне сказал: «Удачно ты приехал. Есть у нас все эти вещи. Но сначала к дальнему соседу поезжай. Если там ничего не достанешь, мы тебе что нужно дадим».

Хозяин говорит гостю:

— Конечно, я тебе все, за чем ты приехал, дам. А ты отсюда, наверное, в другое место заедешь?

Гость сказал:

— Нет, я обратно к тому многосемейному заеду.

Хозяин сказал:

— Смотри, если к ним поедешь, жизни лишишься, убьют они тебя!

Затем хозяин еще сказал:

— Я думаю, что надо тебе отсюда уехать ночью. Когда поедешь мимо соседского стойбища, будь настороже. А как убедишься, что в безопасности, поезжай дальше прямо.

Стемнело, собрался гость и уехал. Когда совсем темно стало, решил, что теперь уж безопасно, и поехал прямо. Всю ночь оленей изо всех сил гнал. А отец той большой семьи с вечера его караулил, ждал, когда он через их стойбище поедет. К полуночи не дождался, бросился наугад догонять. Слышит убегающий скрип снега и удары палкой по оленям, думает: «Совсем погоня близко». А олени его сильно шерсть потеряли. Оглянулся — видит, правда сосед его догоняет. Вот-вот догонит, хотя олени его быстро-быстро бегут. Догнал, наконец. Когда поравнялись упряжки, бросил сосед копые. Убегающий пригнулся, копые в бедро одного оленя вонзилось. Со-скочил он с нарты, вынул копые из оленя. Сосед тоже с нарты спрыгнул. Убегающий копые на него нацелил, вертит в руках. Попятился сосед, смотрит, как бы не упасть. Говорит ему оленивод:

— Имеющий копые вперед смотрит! Берегись теперь!

Прижал врага к сугробу, подумал: «Если сейчас нападу, он отпрыгнет и в сугроб упадет». Бросился на врага, тот отпрыгнул и упал на спину. Вскочил на него оленивод и пронзил насмерть копыем. Затем снял с убитого одежду и здесь же захоронил его. В головах его копые острием вверх поставил. Затем малахай убитого на копые повесил и шнурком закрепил. После этого пошел к своим ослабевшим оленям и заколол их. Вместо них пару оленей соседа взял. И скоро домой вернулся.

С рассветом отправились сыновья убитого на поиски. Идут и говорят:

— Наверное, отец наш снова в эту ночь траву к земле склонил.

Шли, шли, видят — вдали из снега копые торчит. Старший брат сказал:

— Вон там опять отец траву к земле склонил, а сам ушел в их жилище поесть.

Когда же братья к копыю подошли, малахай увидели. Младший брат узнал шапку и говорит:

— Да ведь это нашего отца малахай!

Убедились они, что отец убит, вернулись домой. Стали после этого остерегаться.

Вернулся домой оленивод, ничего не рассказал о случившемся ни сыну, ни сироте.

Наступила зима, толстым слоем снега покрыло тундру, погнали юноши стадо к подножию гор. А нарты их совсем без подполозков стали, ездовые олени без упряжки остались, кончились ремни для нарт, у самих все подошвы изнасились.

А землю еще больше снегом покрыло. Ближние олени пастбища совсем занесло. Целыми днями ездит сирота по тундре, корм для оленей ищет. Можно позавидовать соседним стойбищам: ко всем приезжали береговые люди. Все есть у соседей: и подползки для нарт, и подошвы, и ремни. Особенно много всего у дальнего оленевода, который когда-то с их отцом поделился. А ехать до него один день и еще полдня. Да и снег в ту зиму очень глубокий выпал. Целыми днями сирота на оленях ездит, неглубокого снега ищет. Вот однажды, вернувшись, сказал своему хозяину:

— Целыми днями я езжу, ищу места с неглубоким снегом. Недалеко от нас многосемейные. За ними одиночная гора. Подножие этой горы покрыто неглубоким снегом. Вот бы туда перегнать стадо! Если здесь останемся, совсем олени из сил выбьются.

И вот погнали стадо к подножию той горы. К ночи подошли туда. Сын оленевода говорит:

— Вот бы к многосемейным в стойбище за горячей едой пойти да поесть хорошенько!

Сирота отвечает:

— Если хочешь ехать, поезжай. Я же останусь в стаде. Не впервые мне на снегу быть.

Сын оленевода говорит:

— Вот ведь ты какой непослушный!

Сирота объяснил, что нельзя им ехать туда, ведь у них в стаде есть чужие олени. Спросил сына оленевода:

— Неужели ты не догадываешься?

Сын оленевода сказал:

— Отец наш, пожалуй, рассказал бы нам. Вижу я, ты без отца хочешь хозяином быть. Но ведь я настоящий хозяин стада! Ведь мой это отец, а не твой!

Сказал тогда сирота:

— Что ж, поедем!

И вот запрягли оленей, поехали. К тем многосемейным приехали. Там их хорошо приняли. Отвели их к первой яранге, к яранге старшего брата. Он один с женой живет. Там юноши нарты свои поставили. У сына оленевода нарта с колокольчиком была. Хозяин приглашает:

— Входите!

Сын оленевода первым поспешил войти. Вошел в полог, занял место у передней стены. Сирота последний вошел. А тот уж раздеться успел. Сирота подумал: «Зачем же он разделся?» — и прислонил голову к передней стенке. А за пологом в

сенях муж и жена разговаривают. Слушает их сирота. Муж жене говорит:

— Отец этих парней, сидящих в пологе, нашего отца убил. Они наши враги. Приготовь им горячей еды повкуснее.

Сын оленевода слышит, что за пологом разговаривают, но не разбирает, о чем они говорят. Сирота тоже слышит и все понимает. Сын оленевода спрашивает:

— О чем разговариваете?

А хозяин нарочно погромче говорит жене:

— Отец наш рассказывал, что отец сидящих в пологе его хороший друг.

Сын оленевода снова из полога спрашивает:

— О чем разговариваете?

Ответил хозяин:

— Говорю жене, что сидящие в пологе наши друзья.

Посмотрел сирота с тревогой на сидящего у передней стены товарища. Наступила ночь, женщина только кончила оленину варить. Внесла варево в полог. Стали есть. Во время еды хозяин говорит:

— Вот вы наши настоящие друзья!

Однако осторожный сирота даже чужи не снял. После еды легли спать. Сын оленевода как лег, так и заснул тотчас. А сирота не может заснуть, не дает ему покоя подслушанный разговор. Один глаз закрыл, другим смотрит. Через некоторое время хозяин приподнялся, взял трубку и закурил. Курить кончил, бросил трубку в стену полога, чтобы гости от шума проснулись. Не просыпаются. Взял тогда ночной горшок, греметь стал — опять не просыпаются. Тогда сказал жене:

— Крепко эти парни спят. Ну, теперь одевайся! Братьев позovem.

Когда оделись, сказал жене:

— Я выйду, а ты мне занавес полога поддержи. Затем я подержу, чтобы ты вышла.

Вот жена полог рукою приподняла, и муж вышел. Затем он из сеней полог приподнял, жена вышла. Отправились по другим ярангам братьев созывать. Подошли к первой яранге, хозяин говорит:

— Там в пологе двое спят. Одевайся быстрее!

У второй яранги позвал:

— Там в пологе двое спать. Одевайся скорее!

Так вот всех братьев позвал.

А сирота, как только хозяева вышли, вскочил, товарища

своего в бедро кулаком ткнул. Тот проснулся, штаны, чиж и торбаза с сушильной рамы стянул. Сирота ему говорит:

— Слишком ты много спишь! Ведь предупреждал я тебя, что в нашем стаде два чужих оленя. Сколько заставлял тебя в силе упражняться! Никогда ты меня не слушаешь.

Оделись юноши быстро и вышли в темноту. А в это время их хозяин у последней яранги говорил:

— Там в пологе двое спят. Мы должны их убить.

Вышли сирота с сыном оленевода из полога, забрали свои нарты. Начал на нарте сына оленевода колокольчик звякать.

— Что мне делать с этим колокольчиком? — спрашивает он.

Сирота сказал:

— Оторви!

Тот оторвал и спросил:

— Куда мне деть его?

Сирота ответил:

— За пазуху положи!

Затем выволокли нарты. И прямо к своему стаду направились. Когда приблизились, свистнул сирота, оленей своих позвал. Подбежали два оленя. Он запряг их. Сыну оленевода сказал:

— Позови и ты своих оленей!

Хотел тот свистнуть, от страха не может. Сирота сказал:

— Вот говорил я тебе, что когда отец наш в стойбище за лахтачьею шкурой, ремнями и подполозками ездил, случилось с ним что-то по дороге, а он нам не рассказал, а ты все свое: «Отец бы рассказал...» Ну, зови оленей!

А тот от страха опять не может свистнуть. Наконец свистнул. Подбежали два оленя. Запрягли их парни, сели в нарты и помчались.

Тем временем старший брат младших братьев собрал. Пошли к яранге старшего брата. Вошли в сени, старший брат говорит:

— Я в сенях останусь, а вы к пологу идите. Когда все будет кончено, скажете: «Готово».

Затем старший еще сказал:

— Те двое как раз напротив вот этого места спят. Идите и прямо через полог убейте их!

И вот пронзили копьями полог, но никто не вскрикнул, не застонал. Старший брат приподнял копьем полог. Нет юношей. Старший сказал:

— А ну, где там их нарты?

Вышли, смотрят — и нарт нет. Старший сказал:

— Едем догонять!

Побежали к своим оленям. Старший свистнул своим оленям. Тотчас два явились. Запряг. Братья тоже своим оленям свистнули. Прибежали олени. Запрягли их. Старший сказал:

— Вперед, в погоню!

Убегающие очень быстро ехали. На рассвете позади скрип полозьев слышали. Сирота сказал:

— Это за нами гонятся!

И правда, вот уже братья совсем близко. Вот обогнали. Спрыгнули с нарт. Сирота сказал сыну оленевода:

— Вот они и догнали нас! Ну что ж, подкрепимся дорожным припасом, а затем оденемся-приготовимся!

Оделся сирота для поединка и говорит товарищу:

— А ты пока поупражняйся с копьём!

Как только заря утренняя поднялась, заколол он копьём двух своих оленей. Жертву всевышнему принес. Сын оленевода тоже своих оленей заколол, тоже жертву принес.

Тем временем и братья для поединка переоделись. Ринулся старший брат на сироту. А сирота на него. Скрестили копыя. Разгорелась заря, повалил сирота своего врага копьём на спину. Вскочил на него, копые к груди приставил. Поверженный сказал:

— Подожди, дай мне вздохнуть!

Однако пронзил его сирота копьём и убил. Вместо убитого второй брат на сироту ринулся. Снова копыя скрестили. Стал второй брат теснить сироту. Вот когда совсем трудно стало, сирота первым по копыю нападающего ударил, на спину повалил. Затем вскочил на него, копые к груди приставил. Победенный сказал:

— Подожди, дай мне вздохнуть!

Однако пронзил его сирота копьём и убил. Сильно устал, спрыгнул с убитого и сказал товарищу:

— Теперь твоя очередь!

Ринулся сын оленевода на врага. Крикнул ему сирота, чтобы он смелее держался. Подбадривает его:

— А ну, смелее!

И он копьём врага на спину повалил. Поверженный сказал:

— Подожди, дай мне вздохнуть!

Однако пронзил копьём его сын оленевода и убил. И вот когда третьего брата сразили, младший домой убежал. Погнались юноши на его же оленях за ним. Ой и быстро бежал

младший брат! Возле самой яранги был, когда наконец настигли его. Сказал им младший брат:

— Старшие братья против воли моей заставляли меня так поступать. Плохо они делали. Никто так делать не должен. Пощадите меня! Я вам половину оленей отдам и все остальное имущество пополам разделю. А сестер моих каждый в жены себе возьмите. Я же к вам обоим как брат относиться буду!

Согласился сирота и сказал:

— Вот это ты хорошо говоришь!

Оба женились на сестрах побежденных братьев, а оленей пополам разделили. После этого в свое стойбище приехали. Отцу-воспитателю сирота так сказал:

— Почему ты, как тогда вернулся, не рассказал нам, что с тобой случилось? Ведь мы из-за этого чуть не погибли! Достаточно поработал я на тебя. Если хочешь умереть, то умирай!

Затем пошли за убитыми братьями, взяли к себе, похоронили. Вот тогда оленей у них много стало. Все.

43. Ворон и лиса

Так вот, жили в одном жилище ворон и лиса: ворон занимал одну половину, лиса — другую. Ворон — рыбак. Возьмет он свое сиденье за спинку да и идет рыбу ловить. Вернется домой, сядет в своем углу, приготовит рыбею строганины и ест с удовольствием. А лиса из своей половины и говорит ему:

— Ох, как вкусно тебе, какой приятный запах от рыбки идет!

Ворон отвечает:

— Да уж помалкивай, угощу и тебя!

Долго выбирает рыбку помельче и кладет ее около лисы:

— На, ешь!

Лиса берет. Самая маленькая рыбешка ей досталась! Она ест эту рыбку долго, помаленьку, со вкусом. А ворон-рыбак ест столько, сколько влезет.

Отоспится ворон как следует, а назавтра снова идет на рыбную ловлю. Приходит с охоты, и все начинается сначала: сам ест досыта, а лисе одну самую маленькую рыбешку даст. Лиса ест ее долго и помаленьку.

Однажды, когда ворон крепко-крепко спал, встала лиса в полночь и решила сама половить рыбки. Взяла она рыболовные снасти ворона и отправилась к проруби. Опустила удочку в лунку. Ловит, ловит, а рыбка не попадается. Лиса и думает: «Наверное, ворон не так просто ловит. А ловит и приговаривает: „Ваю, ваю, ваю, вай!“» Стала лиса так приговаривать. Вдруг сильно клюнуло, потянула лиса удочку. Еле-еле вытаскивает. Вот-вот рыба из воды покажется! Вытащила наконец, а оно как заплачет человеческим голосом! Бросила лиса снасти и кинулась бежать домой. Прибежала, тихонько вошла, разделась и легла. Крепко заснула.

Ворон утром встал, поел рыбы, собрался было идти рыбу ловить, а снастей нет. Стал он их искать. Искал, искал, не нашел. Позвал лису:

— Нутен, Нутен! Где мои снасти?

Лиса откликнулась:

— Не знаю где.

Ворон стал лису строго допытывать:

— Если не скажешь, побью тебя!

Лиса отвечает:

— Ага, вспомнила! Этой ночью я ходила рыбку ловить, попало мне что-то на удочку, стало плакать человеческим голосом. Я и выбросила снасти в прорубь.

— Что теперь с тобой делать? Как же мы проживем без снастей? — расстроился ворон.

Вышел ворон из жилища и думает: «Куда же мне пойти?» И пошел он вверх по речке.

А лиса подсмотрела, куда он пошел. Шел, шел ворон и увидел на пути своем маленькую ярангу. Подходит, а около яранги прогуливается хозяйюшка, да такая грязная, косматая, мокроносая. Из носу чуть ли не до подбородка течет. Одна штанина ниже, другая — выше. Подходит к ней ворон и говорит:

— До чего же красивая женщина! Сколько лет живу на свете, такой красавицы не встречал.

Женщина говорит:

— Ну, пойдем в жилище! Верхнюю одежду в сенях снимн.

Снял ворон кухлянку, положил на дрова, затем вошел в полог, но не успел и осмотреться, как хозяйюшка позвала его из сеней. Высунул ворон голову из-под полога и видит: надела женщина его кухлянку и красуется, повертываясь из стороны в сторону. Ворон посмотрел, посмотрел на нее и сказал:

— Какая красавица! Надела мою кухлянку и теперь еще краше стала! Наверное, я не так носил свою одежду, как надо!

— Теперь залезай в полог,— сказала хозяйюшка.

Ворон снова влез в полог, а хозяйюшка начала что-то толочь в сених. Затем принесла в полог на деревянном блюде много рыбы. Стал ворон есть.

— Как много у тебя рыбы! — говорит ворон.

— Я тебе дам с собой,— отвечает хозяйюшка.

Наелся ворон, вышел в сени и надел свою кухлянку. Хозяйюшка тем временем принесла из кладовой большую охапку рыбы. Нагрузился ворон и пошел домой. Вернулся с едой, а лиса уже тут как тут. Говорит она ворону:

— Ах, как вкусно пахнет рыбкой!

Ворон отрезал от одной рыбки хвост и дал лисе.

Как только ворон уснул, вышла лиса потихоньку из яранги и отправилась по его следу. Поднялась вверх по речке и увидела ярангу. Смотрит, а около яранги прогуливается хозяйюшка. Лиса подошла к ней и говорит:

— Ты бы хоть нос свой мокрый вытерла!

Хозяйюшка говорит:

— Ну, пойдем в ярангу!

Зашли в сени.

— Кухлянку сними и положи вот сюда,— сказала хозяйюшка.

Сняла лиса кухлянку и вошла в полог.

Хозяйюшка говорит из сеней:

— А ну, выгляни в сени!

Высунула лиса голову, увидела, что хозяйюшка надела ее кухлянку, и закричала:

— Ой, зачем ты мою кухлянку надела! Ведь ты всю ее вымажешь! Вон как у тебя из носа капает!

— Ну, иди в полог,— сказала хозяйюшка.

Вдруг послышался треск, стала яранга разваливаться. Выскочила лиса из полога, видит — нет никакой яранги, вместо нее река течет. Лиса быстро свою кухлянку надела, но тут ее подхватило течением и понесло. Кое-как выбралась она на берег, принялась намокшую шерсть вытирать, досуха все равно не вытерлась, так мокрая и осталась.

Вернулась лиса домой и тотчас спать легла. Уснула, а с мокрой шубы вокруг нее лужа натекла. Наутро ворон проснулся, посмотрел на лису и говорит:

— Нутен, Нутен! Что с тобой случилось?

Лиса отвечает:

— Да меня река чуть не унесла!

— Всегда ты все портишь, мешаешь мне еду добывать,— рассердился ворон.

Уснула лиса. Вышел ворон из яранги, опять стал думать, куда бы ему теперь за едой пойти. Отправился он в одну сторону и увидел посреди тундры большую землянку. Взлетел ворон на землянку и стал смотреть в отдушину. Видит — внутри землянка просторная, и ходят там по кругу олени, очень много оленей. А посреди круга женщина сидит и свои длинные волосы расчесывает. Ворон думает: «Что же мне делать, как быть?» В это время внизу по кругу небольшой олень проходил. Плюнул ворон на него. Олень сразу упал. Женщина встала, посмотрела, а олень мертв. Закрутила она узлом свои волосы, взяла этого оленя, вынесла на улицу и выбросила. Ворон освежевал оленя, нагрузился мясом, оставил на месте шкуру и вернулся домой.

Лиса все еще спала. Ворон наварил мяса и стал есть. Лиса тем временем проснулась и говорит:

— Ах, как вкусно пахнет оленьим мясом!

— Помолчи уж, лисичка, дам я тебе мяса,— сказал ворон.

Затем отрезал кусочек и дал лисе. Съела этот кусочек, и легли спать.

Как только ворон заснул, лиса опять по его следу отправилась. Вот идет она и видит посреди тундры огромную землянку. Взобралась она на землянку, посмотрела в отдушину: посреди землянки женщина сидит и свои длинные волосы расчесывает, а по кругу олени ходят, много оленей. Думает лиса: «Как же это ворон добыл оленя?» Как только стал под ней самый крупный олень проходить, лиса плюнула на него. Олень со стоном упал. Женщина встала и говорит: «Почему это олени замертво падают?» Взяла она оленя за ноги, выволокла на улицу и выбросила.

Подошла лиса к оленьей туше, связала ремнем, хотела на спину взвалить. да никак сдвинуть с места не может. Подумала лиса: «Позову женщину, пусть поможет мне ношу на спину взвалить». Подошла она к отдушине и видит: продолжает женщина волосы расчесывать. Лиса в окно кричит:

— Эй, кто там?! Эй, кто там?!

Женщина отозвалась. Лиса сказала ей:

— Пойди сюда, помоги мне на спину оленя взвалить!

— Подожди, сейчас приду, помогу! — сказала женщина.

Надела она обувь, взяла с собой доску, на которой шкуры выделывают, и вышла.

— Ты пока надень ремни да голову наклони пониже,— сказала лисе женщина. Лиса накинула на себя ремни и наклонила голову. Подошла женщина к лисе да как стукнет ее доской по голове. Лиса тотчас ума лишилась, а из носа кровь потекла. Через некоторое время очнулась лиса. Сбросила с себя ремень от ноши и пустилась в обратный путь. Нос у нее в крови, а голова трещит, раскалывается. Пришла она в ярангу и спать легла. А ворон проснулся и говорит:

— Нутен, Нутен! Что ты снова натворила?

— Ничего,— говорит лиса.

— Да ты же вся в крови! Все ты мне портишь, мешаешь еду добывать,— опять рассердился ворон.— Не живи больше со мной, уходи в тундру. Не пушу тебя сюда, плохая ты! Будешь теперь бродячей жизнью жить! А ну, собирайся и уходи!

Вышла лиса из яранги, так и стала в тундре бродячей жизнью жить. Все. Слышал я это в таком виде.

44. Евражка и ворон

Вот так. Евражка к реке пить пошла. Евражкино жилище тем временем ворон собою заслонил. Напилась евражка и вернулась к дому. Видит, ворон вход заслонил. Евражка ворону сказала:

— Уйди с дороги, я хочу в свое жилище войти!

Ворон сказал:

— Не пушу. Сначала жиру твоих пахов поем!

Евражка сказала:

— Еще раз говорю: пусти! Вот как запою, так и войду!

Ворон сказал:

— Что ж, пой!

Евражка запела:

Пахов моих жир
Захотел поесть,
Сий-ка-та-ка-так!
Сий-ка-та-ка-так!

Затем Евражка сказала ворону:

— А теперь зажмурься, наклонись и растопырь ноги!

Зажмурился ворон, нагнулся, растопырился.

А евражка ему опять:

— Посильнее зажмурься, хорошенько растопырься!
Ворон вот так зажмурился, вот так растопырился.
И снова запела евражка:

Пахов моих жир
Захотел поесть,
Сий-ка-та-ка-так!
Сий-ка-та-ка-так!

Приоткрыл ворон глаза. Евражка опять говорит:

— А ну давай, посильнее зажмурься, нагнись да хорошенько растопырься!

Ворон так и сделал. Опять евражка запела:

Пахов моих жир
Захотел поесть,
Сий-ка-та-ка-так!
Сий-ка-та-ка-так!

И проскочила между ног ворона, а он ухватил ее за хвост и оторвал. Заплакала евражка, входит в сени. Бабушка ее спрашивает:

— Что с тобой случилось?

Отвечает евражка:

— Ворон хвост у меня оторвал!

Бабушка спрашивает:

— Где этот ворон?

Евражка сквозь слезы говорит:

— Ой-ой-ой, там снаружи! Сходи за моим хвостом!

Пошла бабушка. Ворону сказала:

— У тебя моей внучки хвост, отдай мне его!

Ворон говорит:

— Не отдам! Пусть сама придет! Аге-йя-йя, аге-йя-йя!

Бабушка вернулась, внучке сказала:

— Самой тебе велит прийти, аге-йя-йя, аге-йя-йя!

Взяла внучка круглый камень, кровь и кусок сухой кишки и своей бабушке принесла. Бабушка камешек в кусок кишки завернула, в крови намочила, как есть глаз получился. Вынесла из жилища и ворона позвала:

— Дедушка!

Откликнулся:

— О-о-й!

Сказала ему:

— Отдай мне хвост моей внучки.

Слова ворон сказал:

— Пусть сама придет. Аге-йя-йя, аге-йя-йя!

Бабушка сказала:

— Давай на этот глаз поменяемся!

Ворон закричал:

— Дай-дай-дай-дай-дай!

Поменялись. Взял ворон глаз. Бабушка внучке хвост понесла. Войдя, сказала:

— Вот, тебе хвост принесла! — и прикрепила ей хвост.

А ворон думает: «Где бы мне этим глазом полакомиться? Пожалуй, вон на том холме я его съем. Или, может, дочке отнести? Если отнесу, так самому ничего не останется. Пожалуй, здесь съем». Держит ворон глаз, а с него кровь капает. Ворон от удовольствия вот так причмокивает: «Лу-йуп, лу-йуп!» Решил: «Вот сейчас и съем!» Начал глаз есть, да как закричит:

— Ам-ла-хым-м-м, ам-ла-хым-м-м, из-за этой девчонки все свои зубы сломал!

Выплюнул зубы с кровью. Так без зубов и умер. Конец.

45. Ворониха и сова

В давнее время жили вдвоем в одном жилище ворониха и сова.

Дружно жили, не ссорились, добычу всегда вместе ели. А были эти ворониха с совой — женщины. И еще были они обе совсем белые.

Так они жили вдвоем и вот стали стариться. Сказала сова воронихе:

— Состаримся мы, умрем, будут наши дети и внуки на нас похожи: такие же, как мы, белые.

И попросила сова ворониху, чтобы раскрасила она ее, красивой сделала. Согласилась ворониха. Взяла старый жир из светильника и пером из своего хвоста начала раскрашивать. Сидит сова, замерла, не шелохнется. Весь день ворониха сову раскрашивала. Кончила раскрашивать, сказала:

— Как только высохнешь, и меня покрась!

Согласилась сова. Высохли у нее перья, она и говорит воронихе:

— Теперь я тебя раскрашивать буду. Зажмурься и сиди, не двигайся!

Сидит ворониха, зажмурилась, шелохнуться не смеет. А сова взяла жир из светильника, да на ворониху весь и вылила, всю очернила. Рассердилась ворониха, обиделась на сову. И говорит:

— Эх, как ты плохо поступила! Я тебя так старательно раскрасила, не ленилась. Смотри, какая ты красивая получилась! Навсегда теперь между нами вражда ляжет! И внуки и правнуки наши враждовать будут. Никогда вороны тебе не простят этого. Видишь, какой черной ты меня сделала, какой приметной. Мы теперь с тобой совсем чужие будем, враги навсегда!

Вот с тех пор все вороны черные, а все совы пестрые.

46. Мышонок и сопка

Так, говорят, было. В конце чаплинской косы, за озером, не было раньше никакой сопки. И вдруг появилась. Назвали люди эту сопку Афсынахак — Мышонок. А произошло все вот как. Однажды маленький афсынахак — мышонок придумался: «Почему про людей сказки рассказывают и песни поют, а про наше мышиное племя ничего хорошего не услышишь? Люди богатырями бывают, колдунами, храбрыми охотниками, бегунами, прыгунами. А мыши не бывают. Что надо сделать, чтобы про меня и про мой мышиный род слава среди людей пошла? А ну-ка перегрызу я это высоченное дерево, взвалю на спину да подниму на верхушку сопки. Пусть люди увидят наконец мышиного богатыря!»

И начал мышонок перегрызать дерево, начал раскачивать его из стороны в сторону. Только дерево никак не падает. Еще яростнее стал грызть, покачнулось дерево и упало. Обрадовался было мышонок, да увидел, что не дерево он повалил, а высокую травинку. Стыдно стало мышонку, неловко. Он подумал: «Хорошо, что соседи не видели, а то засмеяли бы! Но что же мне такое сделать, чтобы весь мир удивить?» И вот побежал он по тундре, а перед ним большущее озеро. Мышонок подумал: «Вот переплыву через это озеро, сяду на другом берегу, буду сушить свою кухлянку, штаны и торбаза. Увидят меня люди и скажут: „Вот так пловец! Какое озеро переплыл!“ Будут обо мне сказки рассказывать и песни петь».

И вот поплыл мышонок через озеро, чуть посредине не утонул. Еле-еле до другого берега доплыл, стал одежду сушить. Сидит на камешке, видит — человек идет. Идет и следы на сырой земле оставляет, а на месте каждого следа большое озеро появляется. «Вот, оказывается, через какое озеро я переплыл», — подумал мышонок, и так ему обидно стало, что такой он маленький!

Надел мышонок непромокаемую одежду и отправился к круглой сопке. Остановился перед сопкой, вспомнил свои неудачи, да так рассердился, что чуть не заплакал. Подбежал тут мышонок к сопке, взвалил ее сгоряча на спину и понес в северную сторону. Нес, нес, устал. Посмотрел вперед, а там поселок Тыфляк виднеется. Мышонок подумал: «Зайду в Тыфляк, передохну. Увидят меня люди и скажут: „Ого, какой богатырь, сопку принес!“ Будут обо мне сказки рассказывать и песни петь!» Тряхнул мышонок сопку, чтобы удобнее нести. От сотрясения отвалился от сопки камешек да и угодил мышонку в голову. Присел мышонок от боли, силы потерял. Тут его сопка и придавила. С тех пор эскимосы называют эту сопку Афсынахак — Мышонок. Все. Конец.

47. Ворон с чайкой

У ворона с чайкой яранги далеко одна от другой находились. Пошел ворон к чайке в гости. Пришел, видит: пять дочерей чайки около яранги играют. Ворон старшей девушке сказал:

— Как тебя зовут?

Девушка ответила:

— Мамана!

— А других?

— Мы все Маманы!

— Твоих отца и мать как зовут?

— Маманами!

Вошел ворон в ярангу. Чайка-хозяин радушно ворона встретил, жене своей сказал:

— Свари еды для гостя!

Высунулась его жена из яранги, позвала:

— Маман!

Вошла старшая дочь. Мать тотчас убила ее, принялась разделывать, да так, чтобы кровь не капнула и шкура не порвалась. Стала варить. Шкуру, как спящего ребенка, у задней стены положила. Когда сварилась еда, стал ворон есть, все съел, ни капли не оставил.

Зовет чайка дочь:

— Маман, дай тряпку-травянку, чтобы гость вытерся.

Села девушка, тряпку отдала, из яранги бегом выскочила. Когда собрался ворон в обратный путь, чайка-хозяин сказал ему:

— Я тоже к тебе приду.

Вышел ворон. Пришел домой, своей жене сказал:

— Когда чайка придет, старшую дочь позови, убей ее, разделай, свари. Ее шкуру у задней стены положи. Чайка кончит есть, скажи девушке: «Тряпку-травянку дай!» А вы, дочки, когда чайка спросит, как зовут, отвечайте, что все мы Маманы.

На следующий день чайка-хозяин пошел к ворону. Приходит, видит: на улице около яранги его дочери играют. Старшую спросил:

— Как тебя зовут?

— Я Мамана!

— А других?

— Мы все Маманы!

— Вашу мать, вашего отца как зовут?

— Они Маманы!

Вошел чайка-хозяин в ярангу. Встретил его ворон радушно, жене своей сказал:

— Свари для гостя еды!

Высунулась его жена из яранги и позвала:

— Маман!

Пришла старшая дочь. Убила ее мать. Принялась разделывать, да так, чтобы кровь не капнула, шкура не порвалась. Кончила, положила ее шкуру в угол, как спящего ребенка. Стала варить. Недоваренным мясом вынула. Дала чайке. Чайка-гость все не съел. Позвала ворониха свою дочь:

— Маман! Дай гостю тряпку-травянку!

Не отозвалась дочка. Еще громче позвала:

— Маман! Тряпку дай!

Заплакали ворон с женой. Чайка-гость выскочил, поспешно домой ушел. Пришел, детей взял, жену взял, обо всем им рассказал. Убежали чайки на берег. С тех пор стали жить в воде. Ворон свою дочь, оказывается, убил. Тьфу.

48. Бычок и лисичка

Шла однажды маленькая лисичка по берегу озера, а в это время бычок из воды высунулся. Лисичка запела ему:

Быче-быче-бычок,

Большепузый!

Быче-быче-бычок,

Большеротый!

А костями давишься!

Бычок ей отвечает:

Глаза твои круглые,
Волосы твои косматые!

Заплакала маленькая лисичка и убежала. Мать дома спрашивает ее:

— Чего ты плачешь?

— Как же мне не плакать? — отвечает. — Бычок сказал мне, что глаза у меня круглые, волосы косматые.

Мать ей говорит:

— Ты, наверное, сама первая ему что-нибудь сказала!

Лисичка ответила:

— Да я ему только всего и сказала: большепузый, большеротый!

49. Лось и бычок

Так было. Шел по берегу лось. Увидел в озере бычка. Стал бычок лося поддразнивать да приговаривать:

Лосина толстопузый!
Лосина большерогий!
Ноги твои тонкие,
Руки твои тонкие!

Лось сказал ему:

— Бычок, бычок, подойди поближе, я что-то не слышу!
Бычок подошел к берегу, а лось поддел его рогами и выбросил на берег.

Принялся бычок кричать:

Тело мое сохнет,
Хвостик мой сохнет,
Ротик мой высох,
Плавники засохли!

Взял лось бычка и бросил обратно в воду. А тот снова принялся лося дразнить:

Лосина толстопузый!
Лосина большерогий!
Ноги твои тонкие,
Руки твои тонкие!

Опять лось зовет бычка:

— Бычок, бычок, подойди поближе, я что-то не слышу!

Бычок опять подплыл к берегу, поддел его лось рогами и выбросил на берег.

Бычок принялся кричать:

Тело мое сохнет,
Хвостик мой сохнет,
Ротик мой высох,
Плавники засохли!

На этот раз не бросил лось бычка в воду. Так бычок и высох на берегу. Принялся лось бычка есть да приговаривать:

— Такой вкусенький бычок!

Все. Конец.

50. Хитрый песец

Идет по тундре песец, а навстречу ему бурый медведь.

Медведь спрашивает:

— Откуда идешь, братец?

— На охоту ходил.

Медведь говорит:

— Давай побратаемся, вместе путь держать будем!

Песец говорит:

— Что же, давай!

Идут вдвоем, разговаривают. Вдруг видят — навстречу им лось идет. Песец медведю на ухо говорит:

— Давай уьем рогатого!

Согласился медведь, сказал:

— Что ж, давай!

Спрятались за камень, ждут. Подошел лось. Кинулся на него медведь, прижал к земле лапами и задавил. А песец вокруг бегаёт, приговаривает:

— Сколько жиру, сколько мяса!

Медведь говорит:

— Давай ужинать будем!

Песец хитрит:

— Подождем, — говорит, — братец, до утра, пусть остынет.

Медведь согласился. Легли они спать. Медведь как лег, так и заснул. А песец того и ждал. Подошел к лосю и начал из-под шкуры сало снимать и прятать за воротник своей кухлянки. Спрятал и тоже спать лег.

Утром медведь первым проснулся, песца будит:

— Эй, братец, остыло мясо, вставай!

Подошли вместе к лосю, начали есть. Посмотрел медведь, а на лосе ни жиринки нет.

— Э-э,— говорит,— кто же это жир обглодал?

— Опять это тундровый воришка, старый ворон напакостил! — отвечает песец.

Медведь говорит:

— Да, весь жир у нас этот ворон украл.

Поели, дальше пошли. Песец то и дело отстаёт, украдкой от медведя из-под воротника кухлянки жир вытаскивает. Так много дней шли. Медведь голодать стал, а песец все еще своими запасами живет.

Медведь однажды подглядел, как песец жир ест, и говорит ему:

— Эге! Ты, братец, мал, а перехитрил меня. Оказывается, это ты жир с лося обобрал!

— Что ты, брат? — говорит песец.— Это я свои внутренности ем. Если ты голоден, можешь то же самое сделать.

Медведь глуповат был, поверил песцу, разорвал кожу на животе и начал внутренности вытягивать.

Тут песец и говорит:

— Вот глупец, сам ты себя убил!

Кинулся медведь за песцом да за кусты внутренностями зацепился и упал замертво. Песец думает: «Вот глупый медведь, все свое мясо и жир мне оставил».

Стал жить песец около медведя. Вот уже полтуши медведя съел. Однажды видит, с горы еще один медведь спускается. Песец перевернул мертвого медведя целым боком вверх, сидит и плачет.

Медведь подошел, спрашивает:

— Зачем мертвого стережешь?

Песец говорит:

— Видишь ли, это мой лучший приятель был, жаль одного оставить.

Медведь говорит:

— Слезами друга не оживишь, пусть лежит! Пойдем со мной, моим другом будешь!

Пошел песец с новым приятелем. Медведь спрашивает:

— Кого ты больше всего боишься?

Песец говорит:

— Больше всего людей боюсь. Их острых стрел да капканов.

Медведь смеется:

— Ха-ха-ха, двуногих боится! Да я их всегда сам пугаю!

Песец спрашивает:

— А ты кого больше всех боишься?

Медведь отвечает:

— Я больше всех куропаток боюсь. Когда по тундре иду, они из-под самого носа с таким шумом вылетают! Я и пугаюсь.

Песец говорит:

— Эх, братец, а я ведь этими птичками питаюсь. Ты такой большой, а малой птицы боишься.

Медведю даже стыдно стало, он и говорит:

— Давай состязаться, кто первый еду добудет!

Песец согласился. Разошлись в разные стороны. Вскоре песец вернулся, двух куропаток принес, одну убил, а другую живой оставил. Смотрит — и медведь идет, прихрамывает. У медведя в боку две стрелы торчат. Песец смеется над ним:

— Эге, братец, это тебе те сделали, кого ты не боишься! На вот тебе еще гостинец!

И выпустил под нос медведю живую куропатку. Тот даже с перепугу на колени встал. Песец говорит:

— Теперь буду тебя лечить. Найди мне для этого два острых камня.

Пошел медведь камни искать, а песец тем временем костер развел. Принес медведь камни, песец бросил их в костер. Раскалились камни докрасна. Песец и говорит:

— Теперь, братец, потерпи, стрелы я из ран твоих выну, горячие камешки туда положу. Тотчас поправишься.

Вынул из ран медведя стрелы, вместо них раскаленные камни вложил. Медведь кричит:

— Ох, ох, внутри у меня жжет, так и горит внутри!

Песец говорит:

— Эге, братец, поджарил я тебя. Убил ведь!

Так медведь и сдох. Снова песец несколько дней медвежатину ел. Уже полмедведя съел. Вот как-то спускается с горы волк. Песец мертвого медведя целым боком вверх перевернул, сидит и плачет.

Волк подошел, спрашивает:

— Зачем мертвого стережешь?

Песец говорит:

— Видишь ли, это мой лучший приятель был, жаль одного оставить.

Волк говорит:

— Слезами друга не оживишь, пусть лежит, пойдём со мной, моим другом будешь.

Вдвоем в путь отправились. Идут по горе, а навстречу им бежит горный баран. Волк тотчас барана поймал и прикончил его. А песец бегаёт, приговаривает:

— Сколько жиру, сколько мяса!

Волк говорит:

— Сейчас его съедим!

Песец снова хитрит:

— Пусть мясо остынет, — говорит, — утром съедим!

Легли спать. Волк крепким сном заснул, а песцу того и надо. Принес он большой камень и привязал его крепко-накрепко к волчьему хвосту. Потом как закричит в ухо:

— Бежим, братец, люди подходят!

Вскочил волк, да как бросится удирать! Хвост у него и оторвался. Бежит волк и думает: «Оказывается, люди меня за хвост держали!» А песец на месте остался, освежевал барана и принялся за еду.

Так вот и жил песец, хитростью пищу себе добывал.

51. Птичка

Птичку на севере зима застала. В разводьях птичка жила. Наконец к земле полетела. Прилетела в селение, а в этом селении голод был. Подлетела к первому жилищу, запела в отдушину:

Кто там в землянке, в землянке!

Пустите меня, внесите меня!

Не внесете — с голоду умрете,

А внесете — много еды получите!

Говорят люди в землянке:

— Давайте внесем.

Вышли, мертвую птичку увидели.

Внесли, положили. Немного погодя мертвая птичка промолвила:

— Ощипайте меня!

Ощипали ее, положили в сторонку. Немного погодя птичка говорит:

— Зарежьте меня!

Зарезали, опять в сторонку положили. Немного погодя птичка говорит:

— Варите меня!

Подвесили птичку над жирником в котелке с холодной водой. Как закипела вода, птичка и запела:

Варюсь, сжимаюсь
Под водою, над землею!

Вдруг выпрыгнула из котелка и вылетела на улицу. Посмотрели в котелок, а варева там нет. К другой землянке полетела:

Кто там в землянке, в землянке!
Пустите меня, внесите меня!
Не внесете — с голоду умрете,
А внесете — много еды получите!

Говорят люди в землянке:

— Давай внесем!

Внесли мертвую птичку. Немного погодя птичка промолвила:

— Ощипайте меня!

Ощипали, в сторонку положили

— Зарежьте меня!

Зарезали, в сторонку положили.

— Сварите меня!

Подвесили птичку над жирником в котелке с холодной водой. Как закипела вода, птичка и запела:

Варюсь, сжимаюсь
Под водою, над землею!

Вдруг выпрыгнула из котелка и улетела наружу. Посмотрели в котелок, а варева там нет.

Пошла женщина из первой землянки погостить к подруге.

Вдруг слышит на улице поет кто-то:

Кто там в землянке, в землянке!
Пустите меня, внесите меня!
Не внесете — с голоду умрете,
А внесете — много еды получите!

Говорят люди в землянке:

— Давай внесем!

Внесли птичку. Посмотрела на нее женщина, видит — та самая птичка, которая только что от них улетела.

Птичка промолвила:

— Ощипайте меня!

Ощипали, в сторонку положили.

— Зарежьте меня!

Зарезали, в сторонку положили.

— Сварите меня!

Подвесили птичку над жирником в котелке с холодной водой. Гостья сказала:

— Утром эта же птичка к нам прилетала. Положили мы ее в котелок вариться, закипела вода, а она вылетела и улетела. Лучше сразу же закройте котелок крышкой!

Закрыли котелок крышкой. Как закипела вода, птичка и запела:

Варюсь, сжимаюсь
Под водою, над землею!

Кончила птичка петь, хотела вылететь, но только об крышку ударилась. Опять запела:

Варюсь, сжимаюсь
Под водою, над землею!

Вспорхнула было, но только о крышку ударилась. Запела:

Варюсь, сжимаюсь
Под водою, над зем...

Не успела допеть. Сварилась. Когда сварилась, съели ее, только косточки оставили. Все.

52. Лиса-хитрунья и чирки

Однажды шла лиса вдоль берега. Шла, шла, байдару увидела. Повернулась в ее сторону и говорит гребцам таким важным голосом:

— А ну-ка, плывите ко мне поскорее, возьмите меня с собой! Давно я иду, сильно устала. Скорее плывите сюда! Знаете ведь, какая у меня сила.

Узнали гребцы лису-хитрунью и говорят ей:

— Эге, такой ты важный человек, а пешком идешь, а мы, ничтожные, на байдаре едем. Иди скорее, садись к нам!

Причалила байдара к берегу, полезла лиса-хитрунья с гордым видом в байдару. Села на середину байдары, руки-ноги скрестила, назад откинулась, от удовольствия глаза закрыла. Поплыли дальше. Немного погодя вдруг байдара зашумела и поднялась в воздух, а лиса-хитрунья в воде очутилась.

Что за чудеса! Байдарные гребцы утками-чирками оказались. Это они на своих крыльях лису везли. Почувствовала лиса холод во всем теле, до самых костей пробирает. Ай, ай, обманули ее утки-чирки! Ведь, кажется, недаром ее лиса-хитрунья зовут, а вот чирки похитрее оказались.

Повернулась лиса к своему намокшему хвосту и говорит: — Помоги мне, хвост, до берега доплыть, а то ведь не дотянем до суши, утонем! Уж давай, поднатужься!

Намокла лиса, совсем погрузилась в воду. Вот ведь что чирки сделали! Едва-едва до суши добралась, на гальку выползла. Посмотрела на себя и не узнала. Как будто бы она какой-то тонкой тварью стала. Так ее всю шерсть облепила. Встала лиса на ноги, встряхнулась, и что было сил от стыда в тундру побежала.

53. Канагахсиляк

Давно это было. Жил один сирота по имени Канагахсиляк. Жил он у дяди-воспитателя. Вышел однажды из жилища прогуляться. А тут сильная пурга поднялась. Пригнулся Канагахсиляк и пошел в северную сторону против ветра. Смотрит — впереди около холма старик с длинной бородой. Сидит на корточках и каюгуном¹ снег долбит. Снег в разные стороны разлетается, а пурга от этого еще сильнее расходится. Канагахсиляк думает: «Оказывается, это длиннородый старик пургу каюгуном делает».

Устал старик долбить. Положил каюгун в сторону, отдыхает. Подкрался Канагахсиляк, схватил каюгун и убежал. Дома в дождевик завернул, спрятал, а сам засунул ноги в кухлянку и греется. Вдруг в отдушину землянки старик с бородой просунулся и сказал:

— Канагахсиляк, отдай мой каюгун!

Канагахсиляк молчит. Старик снова сказал:

— Канагахсиляк, отдай мой каюгун!

И снова Канагахсиляк не ответил. Тут его дядя-воспитатель сказал ему:

— Вот ведь пристал старик! Отдай ему каюгун!

Взял Канагахсиляк каюгун и начал долбить острием по камню. Совсем затупил.

После этого отдал каюгун старику. Тот взял каюгун, пошел к холму и снова стал снег долбить. Но снег едва разлетался. Подошел старик к землянке, просунул в отдушину голову и сказал:

— Канагахсиляк, совсем ты мой каюгун затупил!

Ушел после этого старик, а большой пурги больше не было. Все.

54. Бабушка и внучек

Бабушка и внучек вдвоем жили. Совсем у них еды не стало. Однажды бабушка сказала внуку:

— Давай-ка я землянку нашу почищу да серу из старого жира сделаю. А ты тем временем на море иди да извести его жителей в открытой воде, по всем полыньям, прорубям да лункам, что, мол, на праздник всех приглашаем. Когда вернешься, в землянку сверху через отдушину спустишься.

Вот пошел внучек на море. Всех жителей моря на праздник пригласил. Вернулся. Через отдушину в землянку вошел. Бабушка серу в горшке на крюк подвесила, сама взобралась на нары. Там уж внук сидел. Немного погодя начали гости прибывать. Кит, морж, лахтак, нерпа, горбуша, навага — всю землянку битком набили. Бабушка в бубен стала бить, а внук запел:

Ленекалуну-йай-ха-на,
Ленекалуну-йай-ха-на,
Ануаглуна айа-а-а а-а,
Зову всех я,
Убиваю всех я!

Взял внук сосуд с серой и нарисовал ею каждому зверю на лбу полосу. Затем повернулся к бабушке и запел:

Ленекалуну-йай-ха-на,
Ленекалуну-йай-ха-на,
Ануаглуна айа-а-а а-а,
Зову всех я,
Убиваю всех я!

Вспотели звери от тесноты. Внук тем временем на улицу выскочил. Стали и звери из землянки выходить. Взял юноша

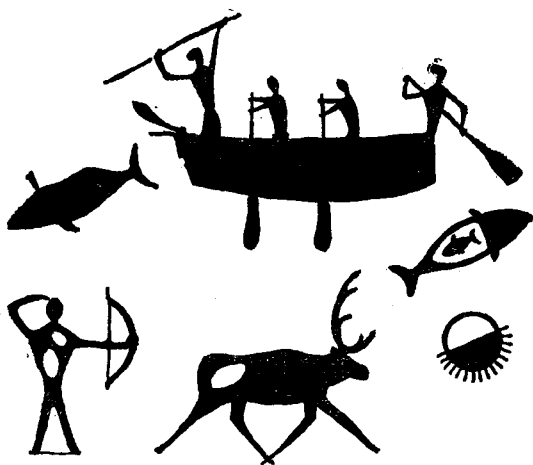
в руки крепкую моржовую кость и начал ею выходящих зверей по одному убивать: кита, белуху, моржа, лахтака, сивуча, пеструю нерпу, серую нерпу, а потом и рыб — горбушу и навагу. Ого, сколько еды! Так вдвоем много-много мяса добыли. Все.

55. Украли уток

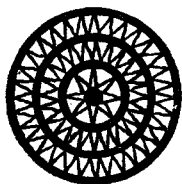
Жили бабушка и внучек. Не могли сами добывать еду. Плохо жили. Мальчик ставил силки на уток, так что иногда были они с едой. Однажды мальчик поймал двух уток и принес бабушке. Обрадовалась старушка, подумала: «Ого, теперь вдоволь поедим!» Положила уток на вешала, а сама за хвостом пошла. Мальчик в землянке был. Шли мимо два молодых охотника. Несли добытых нерп. Увидали уток на вешалах и украли. Старушка вернулась, а уток нет. Даже заплакала от обиды. Внучек сказал:

— Не плачь, бабушка, я еще уток поймаю! А те, кто наших уток съест, пусть по-утиному крикают!

Пришли те охотники домой. Велели женам уток сварить. Сварили. Поели. И разучились по-человечески говорить. Стали по-утиному крикать: Кря! Кря! Кря!

**сказки и мифы
чукчей**

56. Игрушечный народ

Так вот, одна девушка из селения Мэмэрэнэн¹ отказалась выйти замуж за старого богача-оленевода.

Отец говорит дочке:

— Я ведь стар становлюсь, выходи замуж.

А дочь отвечает ему:

— Нет, не выйду!

— Почему?

— Если замуж выйду, свою жизнь загублю. Ни за что!

Отец говорит:

— Ну, тогда не будешь в моем доме жить. Иди куда хочешь!

Дочь отвечает:

— Что ж, ладно, но замуж все равно не пойду!

Отец говорит:

— Эгей, видишь, я уже стар становлюсь! Что с тобой будет?

Отвечает дочь:

— Как-нибудь проживу!

Рассердился отец, говорит:

— Ну я кончил увещевать тебя. Не нужна ты мне больше. Отправляйся куда хочешь. Ты ведь одна у меня, вот и хотел я для тебя лучше сделать. Сегодня еще здесь, в яранге, ночуй. А завтра уходи, раз по-моему не хочешь жить. Вот так, я все сказал.

— Ну и пусть я тебе не нужна! И все же не пойду замуж!

Отец говорит:

— Ладно, спи! Завтра чуть свет чтобы тебя здесь не было.

Заплакала дочь. Мать тоже тихонько плачет. Перестала дочь плакать, говорит:

— Ну, ладно, пусть девушка я, пусть!

Улеглись спать. Отец и мать уснули. Дочь не спит. Встала тихонько, вышла из полога и говорит себе:

— Что мне теперь делать? Отец сказал, не проживу я одна. Ничего, проживу, не пропаду!

Достала с полога мешок. Осмотрела его, завязала, обратно поставила. Достала другой мешок, в который женщины корни собирают, тоже завязала и обратно поставила. Наконец третий мешок достала, вынула из него маленький мешочек, развязала, высыпала содержимое и говорит:

— Что это такое?

А это, оказывается, игрушки: разные нерпичьи, моржовые зубы, косточки. Посмотрела, говорит:

— Ага, этого достаточно! А это что?

Еще из мешка мешочек вынула. Там оленьи зубы. Третий мешочек вынула. В нем мышинные шкурки. Сложила все в мешок, завязала, сказала:

— Достаточно!

Еще один большой мешок взяла, вынула из него кусок китового уса и маленькую китовую кость. Сложила все это вместе.

Вошла в полог, керкер достала, торбаза, белые рукавицы, нерпичью шкуру. Опять влезла на полог, опять мешок достала. Из него дождевик вынула, кукашку. Надела кукашку. Выглянула из дверей, сказала:

— Замечательная погода!

Действительно, хорошо кругом было. Луна взошла. Светло стало как днем.

Отправилась девушка. Лодку отца нашла. Ремень взяла, гарпун, копьё, весло.

Сказала:

— Это все возьму.

Посмотрела вокруг, сказала:

— Ну что ж, здесь мой отец с матерью остаются. Только вот мать жалко.

Заплакала, встала и говорит:

— Но ведь им я не нужна! Выгнал меня отец. Что же, пойду я куда глаза глядят. Путь мой будет хороший, ночь замечательная.

Отправилась пешком. Копьё, гарпун и все остальное на себя нагрузила. Пришла в селение Кэныпэк, сказала:

— Неважная эта земля, лучше дальше пойду!

В Уэлен пришла. Тут только одно жилище было, землянка.

А ночь была. Постучала девушка. Из землянки старуха выглянула, спросила:

— Кто там?

— Я!

— Кто ты?

— Мэмэрэнэнская я.

— А это ты, непослушная. Нехорошая ты девушка! Отцу не покорилась.

Скрылась старуха. Мужа потрясла. Тот проснулся, спросил:

— Что такое?

— Девушка пришла, мэмэрэнэнская.

— Что ей надо?

Жена сказала ему:

— Разве ты не знаешь? Это та, которая отца не послушалась.

Муж сказал:

— Пусть уходит!

Тогда жена попросила:

— Ну хоть мяса ей дай!

Муж разрешил:

— Пусть поест!

Поела немного девушка. Старик сказал:

— Ну, довольно! Не хочешь замуж выходить — иди куда знаешь.

Девушка ответила:

— Хорошо, я ухожу!

Вышла. Дальше пошла. Идет. Говорит:

— Как быть? Где селение? Где хорошие люди живут? Никак не могу найти. Наверное, я сама плохая. Не послушалась отца. Надо хорошенько еще подумать. Ох, так ведь могу и на улице умереть! Далеко мне идти.

Пришла в землю Утен. Осмотрелась, сказала:

— А ведь это хорошая земля. Правда, совсем узкая полоска, да уж ладно.

Поднялась на холм, сняла ношу. Вынула мешочек. Оказывается, в нем нерпичьи и моржовые зубы. Подумала и говорит:

— Что же мне такое сделать?

Подошла к морю. Взяла все нерпичьи зубы, зажмурилась, бросила в море и сказала:

— Завтра проснись, много нерпы на берегу моря появится.

Потом моржовые зубы взяла, высыпала немного на песок, сказала:

— А это — моржи на песке. Моржовое лежбище.

Остальные бросила в воду, сказала:

— Вот это я моржей бросила!

Наконец достала китовый ус с китовой косточкой, далеко в море бросила, сказала:

— Теперь все сделала: нерп создала, моржей создала, китов создала.

Поднялась на берег, из камня и из дерна большие землянки построила. На берег пошла, в горсть два камня взяла, сказала:

— Это будет хороший мужчина, а это — женщина.

Опять сказала:

— Оттого что нет здесь поселка, нет мужчин, этот с женой одного мальчика и одну девочку родят.

Других людей тоже сделала. Один камень большой взяла, положила, другой взяла, положила. Сказала:

— Сильные это будут мужчины!

Сшила всем из мышиных шкурок одежду: кухлянки, штаны, керкеры, торбаза.

Опять сказала:

— Ну, хватит мальчиков и мужчин. Скоро здесь много людей народится. Кончила я свою работу.

Отправилась мэмэрэнэнская девушка в тундру к Ээт-реке. Там много камней набрала — белых, черных, пестрых. Из них много оленей сделала.

Сказала девушка этим оленям:

— Оставляю вас! Скоро ваш сторож появится.

Сделала из кустарника жилье, покрыла его травой. Окончила эту работу, другие взяла камни, сказала себе:

— Теперь оленеводов сделаю, мужчин.— Два камня положила.— Один будет женщина, другой — мужчина.

Другие камни взяла, совсем маленькие, сказала им:

— Ты будь мальчиком, ты — девочкой! Ну, всю работу кончила. Растите, хорошо размножайтесь! Это я, плохая девушка, создала вас.

В одежду одела, положила в ярангу, сказала:

— Завтра проснетесь, что-то услышите, очень испугаетесь, а это олени будут хоркать, много оленей. Ну а теперь спите!

Отправилась к морскому берегу. В траве шалаш сделала, уснула. Еще на рассвете мужчина с женой вышли, сказали:

— Где наша старушка, где наша бабушка? Давайте ее искать!

Девушка мэмэрэнэнская проснулась, вышла из шалаша. Женщина увидела ее, воскликнула:

— Ах, вот наша бабушка!

Муж ее тоже сказал:

— Правда, это она.

Оказывается, действительно состарилась девушка. Как же — такую работу сделала, сколько сил потратила!

Мужчина сказал старушке:

— Бабушка, пошли домой!

Ответила:

— Ладно, пошли!

— Ну, вставай!

Старушка встала. Взял ее мужчина на руки, бережно домой отнес, сказал ей:

— Какая хорошая погода! Посмотри на море. Что это на берегу?

Посмотрела старушка, сказала:

— Ничего особенного. Это вам нерпа, чтобы еды много было.

Мужчина сказал:

— Послушайте, кто это так сильно кричит: гы-гы-гы, гы-гы-гы?

Старушка сказала:

— Это моржи кричат, ваша будущая пища. Не будете вы голодать. Нерпичье, моржовое и китовое мясо есть будете. Давайте поедим!

Мужчина спросил:

— А что будем есть?

Старушка сказала:

— Вот гарпун моего отца. Возьми его, спустись к морю! Нерпу этим гарпуном убей!

А нерп на берегу около воды много было. Бросил гарпун мужчина в одну. Прямо в голову попал и убил. Потянул, взвалил на плечо, пошел, домой пришел.

Старушка сказала:

— Режь теперь эту нерпу!

— Ладно, разрежу!

Потом сказала старушка:

— А теперь давайте сварим ее! Нет, подождите, я сначала котел сделаю.

Сделала из камня котел.

Поставила женщина варить мясо. Вскипело варево. Поели. Встала старушка, весла взяла, сказала:

— Вот весла моего отца. Пойдем со мной.

Сделала из дерева одноместную лодку, сказала:

— Попробуй сделай такую же! Постройшь лодку, спускай на берег!

Сделал мужчина из дерева лодку.

Сказала бабушка:

— А теперь копье сделай!

Мужчина сказал:

— Сделал.

Бабушка сказала:

— Ступай теперь на берег моря!

Пошел мужчина на берег. А там на гальке очень много моржей. Подумал человек: «Боюсь я. Не убить мне. Вон как они здорово кричат». Ну наконец заколол. Разрубил моржовую тушу, разрезал, шкуру снял, домой понес.

Сказал старушке:

— Вот репальгын я принес.

Старушка сказала:

— Вот так и добывай зверей! Этот репальгын на лодку натяни. Закончишь лодку, дети подрастут, поезжайте на охоту. Моржей и китов на лодке добывайте, нерп гарпунами промышляйте. Это ваша пища будет. А дети умножатся, смотрите, хорошо их питайте! Ну, у вас я все сделала. Живите, как я сказала, и жизнь ваша расцветет.

Так старушка научила жить береговых людей.

Через некоторое время явились кочующие с женами. Спросил мужчина:

— А где бабушка?

Береговой мужчина ответил:

— Здесь она. Ну и мудрая у нас бабушка! Хорошо, что и вас создала.

Кочевник сказал:

— Пожалуйста, бабушка, вставай! Теперь к нам пойдем!

Взял старушку и понес к себе домой. По дороге говорит:

— Смотри, вокруг нашей яранги сколько оленей!

Старушка сказала ему:

— Вот так и будете жить!

Пришли домой, кочевник жене сказал:

— Расстелите большую шкуру! Пусть бабушка поест оленины, сала, мозгов!

Старушка сказала:

— Большое спасибо! Это я создала вас. Подождите, скоро еще лучше будете жить. Дети у вас умножатся. Я мэмэрэнэнская, та, которая отца не послушалась. Вот вы хорошо ко мне относитесь. Будьте и дальше такими хорошими!

Старушка эта очень была хорошая. Она и кочевников научила, как жить, как оленей пасти, как их в пищу употреблять, как одежду шить, как коренья собирать. Всему научила их старушка.

Много стало оленей у кочевников. А у береговых много нерп, лахтаков, моржей и китов. Научила старушка береговых к кочевникам ездить, менять ремни, пыпыги жира и другое на оленину и на оленьи шкуры. Так хорошо стали кочевники и береговые помогать друг другу, стали хорошо жить.

А в это время стал отец в Мэмэрэнэне думать, где его дочь.

Сказал однажды жене:

— А ну-ка, пойду посмотрю, где она умерла.

Лето было.

— Завтра на лодке поедem, — сказал отец мэмэрэнэнской девушки.

Назавтра хорошая погода установилась. Отправились отец с матерью на лодке. В Уэлен прибыли.

Уэленский житель жене сказал:

— Кто-то на лодке прибыл.

Спустились уэленский житель с женой на берег.

Мэмэрэнэнский человек спросил:

— Вы не видели мою дочь?

Уэленец ответил:

— Как же, видел! Она только поела у нас. Я ей сказал: «Плохая ты, не слушаешься, когда отец говорит». И она дальше пошла.

Мэмэрэнэнский человек в Утен приехал. Спросил у женщины:

— Не видала мою дочь?

Утенский мужчина сказал жене:

— Наверное, это ее отец!

Ответил утенец старику:

— Это наша бабушка. Она здесь живет.

Мэмэрэнэнский житель сказал:

— Где же моя дочь? А ну-ка, дайте я посмотрю на нее!

Утенский житель сказал:

— Что ж, пойдem в ярангу!

Поднялись на берег. Мэмэрэнэнский человек увидел дочь, сказал:

— Значит, ты здесь нашла себе дом?

— Да, здесь. Та, у которой, по-твоему, только худое на уме, все это селение создала. А ведь я правильно не хотела за богатого старика замуж выходить. Ты, конечно, думаешь, что я

по-худому поступила? Ну да ладно, пойдем ко мне в ярангу!

Отец спросил:

— Где твоя яранга?

Дочь ответила:

— В тундре. Пойдем туда.

Пришли. Сказала дочь:

— Вот мой плохой отец пришел. Я думала, он меня бросил.

Пусть поест! Жирного оленя убейте! Все подавайте: мозги, оленину, рыбу.

Когда поели, дочь спросила отца:

— Ну как, хорошо ты поел?

Отец ответил:

— Давай мы с матерью сюда переселимся.

Дочь сказала:

— Конечно, переселяйтесь. Ой, очень ты постарел! Ну ладно, еще состарься!

Затем сказала кочевнику:

— Пусть мой отец состарится!

Отец запротестовал:

— Нет, не хочу стариться!

Все же дочь сказала ему:

— Состарься! Почему, отцом будучи, на беду меня послал?

Ты не захотел меня выслушать. А теперь я тебе говорю: «Состарься!» Говорю тебе: «Умри!»

Отец сказал:

— Хорошо, я умру!

Дочь сказала:

— Если бы я умерла, ты бы, отец, от горя состарился. Теперь же ты хорошо умрешь. Все возьмешь: оленины, моржового мяса, нерпичьего мяса. Когда умрешь, мои жители высоко в горы, в тундру отнесут тебя. Не бойся, тихо умрешь. Ты же меня на улицу выгнал умирать. Говорю тебе: «Умри!»

Кочевникам и береговым сказала:

— Ремень приготовьте! ²

Приготовили над головой. Петля на ремне.

Дочь сказала:

— На горло наденьте!

Надели.

Дочь сказала людям:

— Ну, взяли!

Потянули, задушили. Умер старик.

Дочь сказала жителям:

— Пусть отправляется! Береговые, а также кочевники-

мужчины, пусть все пойдут. Мой отец плохой, плохой! На нарту оленю его привяжите, в горы отвезите!

Отправились. Прибыли в тундру. Там положили на землю. И оленей, на которых везли, убили. Разорвали две оленьих шкуры.

Дочь сказала:

— Ну, пошли домой, оставьте его!

Оставили. Пошли домой. Дорогой дочь сказала:

— Вот и умер мой отец.

Назавтра сказала дочь:

— Ох, состарилась я! Хорошо вас всех — береговых и кочевников сделала. Совсем состарилась. Давайте, мною созданные, как следует поедим: оленину, моржатины и нерпу. Все — мужчины, женщины — все пусть едят, вместе все давайте есть. А теперь ремень приготовьте.

Береговые и кочевники-мужчины сказали:

— Что это ты, бабушка, умираешь, еще не изведав хорошей жизни?

Сказала бабушка:

— Довольно! Давайте ремень сюда!

Сама ремень на горло надела.

Сказала старушка:

— Как умру, отнесите к отцу в горы! Некочующая женщина я, нет. Пожалуй, и отец некочующий, а на оленях в тундру отвезли, пусть и меня береговые мужчины отнесут в тундру! И кочующие пусть отнесут меня в тундру!

Понесли мужчины: не на собаках, не на оленях — на своих руках понесли. Отнесли, пошли домой. Двое, вернувшись из тундры, говорили между собой:

— Да, селения Утен не было прежде! Ох спасибо мэмерэнской старушке, нашей создательнице! Теперь все лучше становится жизнь. Очень теперь Утен вырос. Все больше мужчин становится. Хорошо теперь стало. Все сделала бабушка: оленей, нерп, моржей, китов. Все создала бабушка.

— И сейчас это селение Утен есть, — сказал в заключение рассказчик. — Дальше на север от Миткулина. Игрушечный народ утенинский стал большим племенем. Некоторые утенинцы в разные стороны разъехались: к кочующим, к другим береговым. А в Утене и сейчас есть потомки игрушечного народа. Вот Ненек — потомок игрушечного народа. В селении Миткулин семья Эттуги живет. У них мать тоже утенинская, потомок игрушечного народа. Да и много других еще есть. Все.

57. Ёнавъёчгын

Рассказывают, что Ёнавъёчгын¹ жил со своей женой. Каждый день ходил он промыслять диких оленей. И очень много оленей убивал.

Однажды пришел вечером с охоты домой, а жены нет. Говорит:

— Куда же ушла жена?

А надо сказать, что жили они вдвоем — ни сына у них не было, ни дочери, да и собаки не было.

Вошел Ёнавъёчгын в пустой дом. Давай жену искать — нигде не может найти. Так и не нашел. Пошел в тундру, сел и заплакал.

Вдруг идет песец. Спрашивает:

— Что это ты делаешь? Чего это ты плачешь?

— Жена у меня потерялась. Нигде не могу найти.

— Ох, какая жалость! — говорит песец.

— Помоги мне, пожалуйста, найти мою жену.

— Ну что ж, помогу, пожалуй! Но только сначала навари мне самого лучшего мяса, тогда я тебе расскажу что-то, — говорит песец.

— Конечно, я сварю тебе самого лучшего мяса, — говорит Ёнавъёчгын.

— Тогда я пока посплю. Но только разбуди меня, когда мясо сварится, — говорит песец.

— Конечно!

Сварил мясо Ёнавъёчгын.

— Вставай, мясо готово!

— Давай!

Стал песец мясо есть. Много съел. Наелся.

— Ну вот, теперь буду рассказывать, — говорит песец. — Осталась твоя жена дома. Вдруг откуда ни возьмись летит великан-мужчина с большущими крыльями. Оказывается, это большущий орел. Схватил он твою жену и унес по воздуху в свой дом. Ты вот что сделай: смастери маленький лук и две стрелы и отправляйся в другую страну. Увидишь по дороге большой длинный холм. А перевалить через него нельзя: дорогу большой орел преграждает. До того большой, что свое место — этот длинный холм — почти весь своим телом закрыл. Так вот, если ты его сразу не убьешь, он убьет тебя. А ты вот как поступи. Он хотя и спит, но все равно всегда настороже, караулит, чтобы никто в землю орлов не вошел. Ты уж тихонько подкрадись к нему. Как подкрадешься, стреляй в него

из лука. Но только целясь прямо в голову. А как задрожит он, сразу вторую стрелу пускай. Если убьешь его, путь будет свободен и ты сможешь до жилища главного орла дойти. Это он твою жену себе в жены забрал. И помни: иди туда тайно; если открыто пойдешь, убьет он тебя.

Жену Ёнавъёчгына звали Варэны.

Стал собираться в путь Ёнавъёчгын. Песец говорит ему:

— Ну, теперь иди!

А сам стал в доме Ёнавъёчгына жить. Ведь Ёнавъёчгын сказал ему: «А ты пока в моем доме живи».

Отправился Ёнавъёчгын. Идет-идет, вдруг видит: очень большой орел. Действительно, большущий — своим телом даже весь длинный холм закрыл.

Стал Ёнавъёчгын подкрадываться, а большущий орел спит. Как подкрался поближе, выстрелил ему в голову. Задрожал орел, попытался в предсмертных муках убежать, а Ёнавъёчгын второй раз выстрелил. Теперь уж окончательно добил орла.

Затем дальше пошел. Очень быстро идет — так быстро, как только может.

Вдруг вдали большущий домище показался. Говорит он:

— Вот где, наверное, Варэны живет.

Спрятался в отдалении, стал вечера ждать. Сидит в укрытии, ждет. Как стало темнеть, отправился к этому дому. Подошел. Чуть в стороне большое озеро увидел. Притаился на берегу озера. Лежит.

Вдруг видит — Варэны за водой пошла. Длиннущая одежда на ней. К этому озеру за водой пошла.

Не зря, видно, когда темнело, гагары сильно кричали. Идет она к озеру, где воду берут. Всю дорогу к озеру плачет. Идет Варэны, опустила голову и плачет. А на озере много гагар плавают. Постояла Варэны некоторое время задумавшись.

А гагары на разные голоса кричат:

— Варэн, гуг-гуг-гук! Аау-га-ауу-гаа! Варэн, гуг-гуг-гук!

Закричал тогда главный орел, на спине лежа:

— Отчего это птицы так кричат?

Выскочил неожиданно из-за кочки Ёнавъёчгын. Увидела его жена:

— Откуда это ты пришел? — спрашивает.

— Из дому.

— Зачем ты пришел, убьют тебя!

— Пусть! За тем и пришел, чтобы убили.

— Ой, боюсь ругать будет, что долго не возвращаюсь!

— Ну и пусть! Скажи ему, что нет здесь людей. И вот что

сделай: ночью поразвлекай его как следует. А как только уснет орел, большущим ножом горло ему перережь.

— Ладно, — согласилась Варэны и ушла.

А вернулась Варэны с водой, стал орел сильно ругаться. Очень рассердился:

— Почему так долго не шла! Наверное, видела там кого-нибудь!

— Да нет! Никого не видела. Там ведь нет людей.

— А почему же так долго была там?

— Потому что воду долго брала.

— А-а? Значит, там нет людей? Нет? А почему птицы кричали?

— Так это же гагары!

— Аа-а!

Поверил. Но все еще спрашивает:

— А почему же они кричали: «Варэн, гуг-гуг-гук!» Почему они так кричали? Наверное, твой муж пришел?

— Как же он придет? Невозможно ему сюда прийти. Далеко.

— Аа-а! — только тогда поверил.

Легли спать. Весь вечер развлекала Варэны орла. Вот наконец стал он засыпать. Скоро крепко заснул. Вышла женщина потихоньку, ножище из-под подушки вытащила, зажгла огарок, подняла переднюю стену полога и ударила изо всех сил орла. Отделилась огромная голова от туловища. Стало одно туловище подниматься. Еще раз ударила Варэны. Наконец убила. Затем отправилась к мужу.

И вот пошли они домой.

Приходят домой. А там все еще песец живет. Говорит им песец:

— Ну, здравствуйте!

— Здравствуй! Только не все еще опасности кончились. Погоня за нами. Что нам делать?

Стал песец думать:

— Вы пока в тундру идите, спрячьтесь, а я опять буду один здесь жить.

— Ладно.

Отправились они с женой в тундру. Муж спрятался в зарослях. Жена тоже. Но спрятались не вместе, а по отдельности, в зарослях, на берегу реки.

Вдруг громкие голоса вдалеке слышались. Очень много врагов из-за хребта появилось.

Стал песец усердно хозяйничать.

Подступило вражеское войско к дому. Спрашивают у песка враги:

— Где Ёнавъёчгын?

Песец отвечает:

— Не знаю? А кто такой Ёнавъёчгын? Каков из себя?

— Говори скорее! Где Ёнавъёчгын? Если не скажешь, мы тебя кнутом побьем!

— Да не знаю я, кто такой Ёнавъёчгын!

— А чей же это дом?

— Как это чей? Мой! У меня тоже дом есть,— говорит песец.

Затем песец говорит:

— Давайте я вам лучше вкусного мяса сварю. Давно у меня таких хороших гостей не было! А вы пока поспите!

— Ну что ж, пожалуй, поспим,— говорят враги.

Как только уснули они в доме Ёнавъёчгына, начал песец дом со всех сторон поджигать. Загорелся дом, запылал.

А песец громко так голосит:

— Ёнавъёчгын! Горят твои враги, пылают!

Выскочил Ёнавъёчгын из зарослей и прибежал. А у врагов уже все жилы скрючились. Некоторые так и сгорели, не проснувшись.

Вот как песец обманул врагов. Он им нарочно сказал: «Вкусного мяса сварю вам, давно таких хороших гостей не было». Конец.

58. Женщина с мячом

Говорят, женщина одна жила. Большой дом у женщины был, хороший. Не работала она. Вся ее работа была — в мяч играть. Поспит женщина, утром проснется, поест и говорит:

— Ну вот, я и готова, можно идти. Хороший у меня мяч, большой!

Выйдет. Станет мяч пинать. Весь день в мяч играет. Устанет, в дом идет отдохнуть.

Вот раз подумала женщина: «Ох, из чего же мне мяч новый сделать? Только, наверное, не сумею я. Да нет, пожалуй, сумею, потому что я ведь не здешняя, я ведь хорошая, лунная!»

И вот взяла она луну, взяла солнце и сделала мяч. Солнце с одной стороны, луна — с другой¹. Готов мяч, только нет в нем ничего, пустой. Говорит женщина:

— Чем же мне наполнить мой мяч, такой большой и красивый!

Вышла, посмотрела вверх и говорит:

— Чем же еще наполнить мой мяч? Вот и наполню всем этим. Все звезды с неба возьму!

Собрала все звезды с неба: Вошла в дом. Взяла мяч. Насыпала внутрь звезд. Зашила мяч. Кончила дело, вышла. А на небе ни звезд, ни луны, ни солнца нет. Темно везде. Говорит женщина:

— А ну-ка, брошу я свой мяч вверх!

Бросила. Сразу светло стало. Упал мяч — опять темнота кругом. Подбросит мяч — светло, поймает — темно. Кончила играть, взяла мяч, в дом пошла. Мяч с собой взяла. Такая кругом тьма стала, хоть глаз выколи!

Страшно людям стало. Мужчины говорят:

— Как же так? Где солнце? Где луна и звезды?

Один мужчина инчоунский² задумался. Говорит:

— Отправляюсь-ка я в путь на собаках, на собачьей упряжке!

Погрузил на нарту два мешка из целых нерпичьих шкур, наполненных жиром, собак запряг. Взял бревно — длинное, толстое. Говорит:

— Вон что делается! Весь народ мрет, потому что солнца нет, луны и звезд нет. Поеду-ка я в Лорино³. Хоть сестру, которая там живет, проведу.

Отправился. Макнет в жир бревно, подожжет, и горит свеча, дорогу освещает. А ветра совсем нет. Ну и безветрие! Так он всю дорогу макал бревно в жир.

Вот уже полпути проехал.

Увидела его женщина с мячом и говорит:

— Вот так мужчина! Какой умный! Зажег свечу и едет! Сейчас выйду — жалко мне этого мужчину!

Захватила с собой мяч и вышла. Подбросила мяч вверх. Вдруг кругом светло стало.

Испугался едущий в Лорино мужчина. А потом говорит:

— Вот так-так! Думаем, куда это солнце делось, куда луна и звезды подевались? А оказывается, вон оно что! Ну и женщина! Откуда она взялась? Весь народ хочет погубить. Что мне с ней сделать? Хорошо бы мяч у нее отнять!

Поехал к ней. Женщина снова в дом вошла. Опять темно стало. Подъехал мужчина к дому, говорит:

— Ну-ка, женщина, выходи!

Женщина отвечает:

— Не выйду!

Мужчина говорит:

— Нет уж, выходи!

Женщина снова отвечает:

— Не выйду!

Взял мужчина каменный нож. Вошел. Схватил женщину, говорит:

— Сейчас я тебя убью! Какая ты плохая! Весь народ из-за тебя погибает. Сейчас убью!

— Не убивай!

— Убью!

Испугалась женщина, говорит:

— Ладно, брошу я этот мяч!

Мужчина говорит:

— Тогда не убью! Пойдем!

Вышли. Бросила женщина мяч на землю. Мужчина говорит ей:

— Нет, ты вверх бросай! Что ты сделала с солнцем, луной и звездами? Разрежь-ка мяч и бросай!

Женщина говорит:

— Ой, ой, ой! Осталась я без мяча!

Заплакала.

Бросил мужчина мяч высоко вверх. Только и сказал при этом: «Эгэ».

Сразу стало светло.

Мужчина говорит:

— Больше так не делай!

Женщина отвечает:

— Ладно. Не буду делать больше так.

Отправился инчоунский мужчина домой. Обрадовались все люди. А женщина с тех пор все шила и шила. Сошьет мяч — солнце, луну и звезды на нем вышьет. Много мячей сшила. Все.

59. Образование пролива

Говорят, в прошлом, когда еще европейцев не знали, острова Инетлин и Имегелин одним островом были. Возвышались на том острове две горы, а между ними шла маленькая протока, через которую китовые позвонки для перехода были переброшены.

На том острове эскимосы жили. Много моржей и нерп добывали. Некоторые в тундре у хозяев оленей пасли.

Самый богатый хозяин был Тэпкэлин. Сильный был и удачливый. Много пищи имел. Погреб у него всегда был мясом заполнен. Они жили одни с женой.

Однажды летом охотился Тэпкэлин в каяке. Погода была очень хорошая. Вокруг то и дело выныривали нерпы. Но Тэпкэлин не гарпунил их. Ждал, когда лахтаки появятся. Не дождавшись лахтаков, дальше в открытое море направился. Скоро уже селение на берегу едва виднелось. Остановился Тэпкэлин, стал ждать, когда лахтаки появятся. Через некоторое время впереди большой лахтак показался. Совсем близко вынырнул. Тэпкэлин сразу бросил в него гарпун. Наконечник гарпуна прямо в шею лахтаку вошел. Тэпкэлин быстро спустил на воду пузырь. Нырнул лахтак, а пузырь не пускает. Поплыл Тэпкэлин вслед за лахтаком. Стал лахтак постепенно силы терять. Наконец подтянул Тэпкэлин ослабевшего лахтака к каяку и закрепил на пузырь.

Солнце уже спускалось. Темнеть стало. Тэпкэлин к берегу заспешил. Солнце село, когда он еще далеко в море был.

Вдруг выскочил из воды какой-то зверь и впился когтями Тэпкэлину в спину. Не смог Тэпкэлин оторвать его от спины. Стал к берегу изо всех сил грести. А зверь давай кухлянку царапать. Тэпкэлин еще сильнее заторопился. Разорвал зверь кухлянку, до спины добрался, стал кожу когтями рвать. Тэпкэлин от боли чуть не упустил весло.

Опять попробовал зверя от спины отодрать, не смог — крепко зверь вцепился. Из ран уже кровь течет. Скорее бы до берега доплыть — только там спасение! Еще сильнее стал Тэпкэлин грести, преодолевая боль. Вот уж близко земля. На берегу люди сидят, ждут. Очень ослабел Тэпкэлин. Как приблизился каяк к берегу, крикнул людям:

— Вцепился ко мне в спину неведомый зверь! Отдерите его от меня, только живым оставьте!

Ткнулся нос каяка в песок, вытащили его люди тотчас на сушу. Видят — впился в спину Тэпкэлина какой-то неизвестный зверь. Отпустил зверь Тэпкэлина и бросился было к морю. Поймали его люди и отнесли Тэпкэлину в ярангу. А самого охотника еще раньше туда отвели. Ужинает Тэпкэлин, а спина у него вся этим зверем изранена.

Говорят люди Тэпкэлину:

— Вот мы поймали твоего учителя! Что нам теперь с ним сделать?

Велел Тэпкэлин содрать с него шкуру и отпустить в море. Наступила ночь, все люди уснули. И Тэпкэлин уснул. Проснулся ночью, слышит — шум прибоя совсем близко. Сильный ветер дует, а вокруг селения по низинам уже волны гуляют.

Быстро оделся Тэпкэлин и вышел наружу. Волны уже до первых яранг докатились. Собираются люди на гору бежать. А вокруг собачий вой, крики людей, шум прибоя. Скоро волны и к яранге Тэпкэлина подступили. Тэпкэлин вошел в ярангу, велел жене собираться, на гору идти. Только немного замешкался. Накатилась огромная волна, разбила ярангу и утащила вместе с людьми в море. Погибли Тэпкэлин с женой в морской пучине.

Всю ночь бушевал ветер. Много людей погибло, много собак утонуло, яранги волнами в море смыло. Маленькая полоска земли только осталась.

На рассвете еще сильнее стал ветер. Наступила мгла. Горы заволокло тучами. Но вскоре посветлело. Ветер стал утихать.

Оставшиеся в живых люди смотрели с горы в сторону своего селения. Взошло солнце, и увидели они на его месте море. Всю косу, где селение было, поглотили волны.

Так вот образовался пролив. А две горы — Инетлин и Имегелин — и сейчас есть. Только они островами стали. Конец.

60. Каймачикам

Жил богатый оленевод со своей бабушкой. Оленевод постоянно в своем стаде находился.

Вот однажды был он, как обычно, в стаде. Около него олень пасется. Отряхнулся олень. И выпал у него из уха маленький ребеночек. Схватил человек ребеночка. Отнес домой. Отдал бабушке и говорит:

— Вырасти этого ребеночка, который из оленьего уха выпал, как можно быстрее.

Стала его бабушка растить. Оленевод каждый день, как вернется из стада, бабушку спрашивает:

— Ну как, не вырос еще?

Скоро уж мальчик ползать стал. Очень быстро растет.

Как-то раз ушел этот богатый оленевод в стадо. Вдруг слышит — плачет мальчик, да так громко. Забеспокоился оленевод, сразу стадо в сторону дома погнал. Оказалось, ни дома нет, ни бабушки — все ребенок съел.

Кричит мальчик, ругает воспитателя. Убил оленевод оленя, из уха которого ребеночек выпал. Мальчик тут же этого оленя съел. И опять воспитателя ругает.

— Есть хочу! — кричит.

Стал оленевод убивать одного оленя за другим. Наконец все стадо перебил. Съел мальчик оленей и за оленеводом погнался.

Оказывается, этот ребенок кэле был, поэтому и не мог насытиться. А оленевод, видно, хорошо бегал: за четыре дня ребенок-кэле не мог его догнать.

Наконец прибежал оленевод к волкам. Говорит он им:

— Спрячьте меня, пожалуйста. Гонится за мной ребенок-кэле, хочет съесть.

Говорят ему волки:

— Вон туда иди.

Спрятали его в расщелину скалы и предупредили:

— Ничего не делай, не шевелись! Помни, если густая кровь пойдет, то останешься в живых, если жидкая, то умрешь!

Сидит мужчина в скале, ждет, слушает, как волки с ребенком-кэле бьются. Окружили его на склоне горы, чуть выше того места, где мужчина спрятался. Как убьет кэле волка, тут же проглотит. Очень много уже волков съел. И все же начали волки одолевать его. Устал кэле. Со всех сторон хватают его волки. Сначала руку отъели, затем ногу. Провалился ребенок-кэле оставшейся ногой в снег, набросились волки на него и разорвали на части. Потекла из него густая кровь. Тут ему и смерть пришла.

Вылез мужчина из расщелины. Осмотрелся. Стая волков намного уменьшилась. Снега на месте боя совсем не осталось, и лежит на земле груды костей и мяса.

— Что же мне делать? — говорит мужчина. — Ребенок-кэле оставил меня без дома и без оленей!

Волки говорят ему:

— А ты просто так иди по земле!

Пошел этот человек и вдруг в очень большого волка обратился. Стал вместе с той стаей жить. Было ему хорошо. А через три года вожаком стаи стал. Потому что быстроногий был и сильный. Все.

61. Оленевод и его дочь

Жил оленевод с женой. Была у них только одна дочь. Сыновей не было. Дочь оленей пасла.

Вот однажды заболела эта дочь единственная и умерла. Схоронили ее. Старик всю ночь не мог уснуть. Все плакал. Очень жаль ему было дочь.

Жена говорит ему:

— Ну, не плачь ночью! Лучше днем поплачешь! Ночью плакать нельзя.

Старик ответил:

— Ну и пусть! Мне все равно, что со мной будет! Дочь очень жалко! Единственная ведь дочь умерла! — И продолжает плакать.

А в тундре хорошо был слышен плач старика.

Подошли тогда к мертвой дочери старика пять девушек. Все эти девушки — сестры. Оказывается, девушки эти были души покойницы. Как подошли к ней, стали ее тормошить:

— Ну, проснись! Отца твоего жалко, плачет он ночи напролет.

Самая старшая сказала сестрам:

— А ну-ка, посмотрите на меня и на старикову дочку, не одна ли у нас походка? Если одна, скажите!

Пошли рядом старшая сестра и умершая старикова дочь. Совсем по-разному идут.

— А теперь ты попробуй, — сказала старшая второй сестре.

Вторая сестра со стариковой дочкой пошла. Опять не та походка.

Затем третья пошла. Чуть больше похоже, но все равно не то.

И у четвертой другая походка оказалась.

— Ну, теперь ты иди, — сказала старшая сестра младшей.

Пошли. И что же — походки совсем одинаковые.

Сказала им старшая сестра:

— А теперь спойте!

Запела умершая девушка. После нее младшая сестра петь стала. Голоса у обеих — не отличишь. И не только поют, но и говорят одинаково.

Сказали тогда сестры умершей девушке:

— Мы тебя умертвили за то, что не хотела быть шаманкой. Ну, а теперь спи.

Толкнули девушку, упала она и опять умерла. Сняли они с нее всю кожу вместе с ногтями и волосами. Велели младшей

сестре надеть. Надела девушка кожу покойницы, завязали ей дыру в заднем проходе, сверху одежду покойницы надели.

Сказала старшая сестра:

— Ну, иди, а то очень стариков жалко!

Отправилась младшая сестра. Когда пришла, видит: во круг яранги большая река бурлит, никак нельзя к двери про- браться. Стала старика и старуху по имени звать.

Плачет старик, вдруг слышит: дочерин голос его зовет. Об- радовался старик, а жена говорит:

— Зря ты радуешься, не она ведь это!

— Нет, она! — сказал старик. — Ой, ты вернулась, дочка!

Иди в дом!

— Как же я зайду? Как перейду реку?

А в действительности-то никакой реки не было.

Вышел старик отец, взял выбивалку и сделал как бы пере- ход через реку. Потом сказал девушке:

— Вот здесь иди!

Вошла девушка. Видят старик со старухой: в самом деле их дочь. Но старуха все же не поверила.

Первым делом стала пришедшая про стадо у старика спра- шивать.

— А где наше стадо? — говорит.

Отвечает старик:

— Да пусть оно пропадет совсем! Хорошо, что ты верну- лась!

Стала девушка лучшей помощницей в доме. Шила хорошо и вообще очень работающая была.

Однажды девушка сказала старикам:

— Теперь я стану учиться шаманить.

С этих пор даже шить перестала. Как только поест, тотчас опять шаманит. Однажды всю ночь прошаманила, только к утру уснула. Крепко уснула, раскидалась во сне, и завязанное место открылось. Проснулась старуха, зажгла свет. Как уви- дела завязанное место, разбудила старика, говорит ему:

— Смотри! Я ведь говорила тебе, что это не наша дочь. Вот теперь радуйся, что не дочь твоя вернулась.

Посмотрел старик и сказал жене:

— А ну-ка, одевайся скорее!

Сам тоже оделся. Быстро в путь собрались. Старик взял с собой маленький уголек, камешек и выбивалку. Притащили нарту к стойбищу. Старик спрашивает:

— Мое стадо сюда не приходило?

Ответили ему:

— Здесь твое стадо.

— А ездовых оленей в стаде нет? — опять спросил старик.

— Есть, — ответили. — И ездовые олени здесь.

— Тогда поскорее запрягите мне их! — сказал старик.

Запрягли ему оленей. Поехали старик с женой прямо на север. Только отъехали, крик услышали. Ох и страшный крик!

Погналась за ними их дочь-перевертыш. Уже успела в кэле превратиться. Как только стала совсем настигать, достал старик уголек, воткнул в снег и плюнул на него. Вырос из уголька огромный лес, запылал огнем и преградил дорогу дочери-кэле. Пока она это пламя обходила, старик со старухой далеко уехали. Но скоро опять стала кэле стариков догонять. Как только приблизилась, бросил старик камешек в снег, опять плюнул. Превратился камешек в огромную скалу, через которую невозможно перелезть. Пока дочь-кэле огибала скалу, старики далеко уехали. Обогнула скалу, помчалась, опять стариков нагоняет. Оглянулись старики, а она прямо с костями пожирает оленей. Снова задержалась немного. А как всех оленей съела, опять погналась. Бежит кэле на четвереньках и кричит:

— Зачем вы меня оставили? Я ведь дочь ваша! Есть я хочу, совсем голодная!

Догнала наконец. Ухватила за нарту одной рукой, а старик выбивалку-амулет вынул. Ударил выбивалкой девушку-кэле по руке и отрубил руку. Ухватила она другой рукой, и эту руку отрубил. Заплакала девушка-кэле, стала кровью истекать. Наконец умерла. А если бы жива осталась, старикам бы конец пришел.

Упряжка с нартой в стойбище вернулась. Стали там старики жить. С тех пор строго-настроено запрещено после похорон по ночам об умерших плакать. Конец.

62. Волчья стая

Жили волк с волчицей. Были еще молодые.

Весной у волчицы родились волчата. К зиме выросли. Но все время с родителями были. Затем еще волчата родились. Выросли и тоже с родителями остались. Так образовалась волчья стая. Отец-волк учил волчат, как добывать пищу, показывал, как похищать оленей из стада.

Вот однажды увидели они совсем маленькое оленьё стадо. Принадлежало оно очень бедному старичку.

Увидел это стадо волк и сказал сыновьям:

— Ну вот, смотрите, тут достаточно оленей. Наверное, на богатого оленевода мы напали. Подите добудьте несколько штук.

Сам же старый волк не пошел на добычу, с женой остался.

Зарезали волки всех упряжных оленей. Только одна годовалая важенка уцелела. А жива она осталась потому, что рядом со сложенными нартами паслась.

Сильно плакали хозяйева, очень своих оленей жалели. А хозяйева-то были старик со старухой, четыре сына и две дочери.

Отправилась волчья стая в другое стойбище, к богатому оленеводу. Пришли туда, волк сказал сыновьям:

— Давайте теперь на большое стадо нападём. Хозяин этого стада — богатый оленевод, притесняет он своего соседа — бедного старика с большой семьей. Да и к оленям нерадиво относится. Позволяю вам все стадо уничтожить. Ну, отправляйтесь!

Напали волки на стадо, много оленей перебили, очень худо сделали. Чуть не всех оленей уничтожили и съели.

Затем пришли к отцу-волку и сказали ему:

— Ну вот, истребили мы стадо!

— Поделом этому хозяину-богачу! Будет знать, как плохо с оленями обращаться! — ответил сыновьям старый волк.

Затем волчья стая совсем в другое место отправилась.

А тот старик, у которого волки раньше все стадо порезали, скоро разбогател. Уцелевшая важенка несколько раз телилась. И все важенки у нее рождались. Вот и разбогател старик со своей семьей. А прежний богач, который притеснял старика, совсем обеднел, очень плохо стал жить.

Собрал новый оленевод соседей-бедняков, стали все вместе работать. Очень хорошо оленей пасли. Хотя и разбогател старик, а товарищи все равно его бедняком-оленеводом звали. Это потому, что раньше уж очень бедно жил.

Вот опять волчья стая в эти места вернулась. Но старик оленевод хорошо к соседям-беднякам относился.

Сказал старый волк сыновьям:

— Давайте здесь опять охотиться. Ведь нет у нас никакой еды. Но только будьте осторожны: стадо это сплоченное. Особенно одного оленя опасайтесь. Белый он и самый большой, из всех оленей сильно выделяется. Его издали видно: такие у него большие рога. Олень этот заколдованный, если его убьете, мы все погибнем. Ну, поняли меня, сыновья?

— Да, поняли, — ответили молодые волки.

— Тогда отправляйтесь! — приказал старый волк.

Напали волки на стадо. Совсем мало оленей зарезали, да и то самых плохих, хотя все стадо было упитанное. Во время нападения один волк потерялся. Вернулись молодые волки к отцу.

Спросил старый волк сыновей:

— Ну, сколько оленей добыли?

— Да всего шесть, — ответил один волк.

— Что ж, достаточно. Но где же еще один брат?

— Потерялся где-то, когда мы на стадо напали. И не заметили, куда он делся, — ответили сыновья.

— Ой-ой, наверно, погнался за кем-нибудь! — забеспокоился старый волк.

Стали искать пропавшего волка. Повсюду искали, так и не нашли. Собрались у своего логова. Отец и спрашивает:

— Ну, где же он?

— Не знаем, куда он мог деться! — удивляются сыновья.

— Где же он? — беспокоится старый волк. — Давайте еще немного подождем!

Стали ждать. Спустя немного времени прибежал пропавший молодой волк. От пота мокрый, отдышаться не может и хвалится:

— Вот какой я стал ловкий и сильный. Убил ведь того белого оленя, о котором говорили!

— Куда же ты ходил? Мы так долго искали тебя, так измучились! — сказал ему старый волк. — Я ведь говорил тебе, что нельзя того белого оленя убивать. Теперь худо нам всем будет!

— Ой, а я совсем забыл об этом! — сказал молодой волк.

— Ну что ж, придется уходить отсюда. Да только не уйти нам, все равно погибнем. Нельзя было того оленя убивать! Давайте поделимся на три группы и скроемся подальше в тундре, — предложил старый волк.

Разделилась стая на три поменьше, и разбежались волки в разные стороны.

Волк, убивший оленя, с матерью пошел. И так случилось, что подошли они к тому самому стойбищу, в котором оленей порезали. И тут же оба погибли.

Видно, старик это наколдовал за то, что волк оленя жизни убил. Ведь этот старик очень оленей жалел. И к соседям хорошо относился. Всегда щедро оделял бедных. Дружно жил этот оленевод со своими товарищами по стойбищу. Всегда у них весело было.

А у волков с той поры возненавидели сыновья отцов, перестали с отцами жить. Вот поэтому старые волки и бродят теперь в одиночку. Конец.

63. Белая медведица

Говорят, жила одна старушка с внуком-сиротой. Его дядя в море охотился, много нерп убивал и сироту кормил. Каждый раз, как убьет нерпу, отдаст сироте.

Наконец подрос сирота. Стал вместе с дядей охотиться, помогать ему. Скоро дядя сделал ему гарпун. Начал он нерп промышлять, сам себя кормить. Отдельно стал охотиться. Старушка разделявала убитых нерп.

Вот однажды не мог он добыть ни одного зверя. Пошел по льду в открытое море. Оглянулся назад, видит: очень далеко ушел. Пошел обратно. Вдруг сильная пурга поднялась. Оторвало льдину, на которой сирота был, и унесло в море, да так далеко, что и земля из виду скрылась. Ходит сирота по льдине, во все стороны смотрит. Вот сидит раз на льдине у воды. Вдруг белая медведица вынырнула. Залезла на льдину. Подошла к сироте. Спрашивает:

— Откуда ты?

— Ой, не знаю откуда! Понять не могу, в какой стороне мой дом.

Медведица говорит ему:

— Дай мне твой дождевик надеть.

Сирота отвечает:

— А я что надену?

Медведица говорит:

— Я ведь хочу помочь тебе.

Сирота говорит:

— Ну, конечно, бери!

Надела медведица, говорит ему:

— Ты потому не можешь добыть нерп, что старушка твоя плохо с нерпами обращается. Вот поэтому не можешь добыть нерпу.

Спросил тогда сирота:

— Что же мне делать?

— Давай поплывем на берег!

Сирота говорит:

— А как?

Спустилась медведица в воду. Сел ей сирота на спину.
Медведица и говорит:

— Закрой глаза и ухватись за мои уши!

И пошли к берегу. Идут и идут. Прямо напротив его землянки на берег вышли. Медведица говорит:

— Вот, считай, что ты меня в жены взял.

Отправились домой. Подошли к припаю. Сняла медведица шкуру, в трещину льда положила — и девушкой стала.

Говорит сироте:

— Вот здесь и охоться!

Провела когтем по льду. Треснул лед. Нерп сразу как высыпало! Медведица говорит:

— Так всегда и делай! Будешь много нерп добывать!

Взобрались на высокий берег. Пришли домой. Сирота говорит бабушке:

— Сделай ей татуировку, теперь она член нашей семьи!

Вышла старушка. Сделала медведице татуировку. Вошли. Старушка и спрашивает:

— Откуда это вы пришли?

Сирота отвечает:

— Даже и не знаю откуда.

Стал сирота в море на охоту ходить. Много нерп стал добывать.

Забеременела жена. Родила медвежонка. А сирота все нерп добывает. Свежует медведица нерп, а медвежонок почти только один жир ест.

Опять медведица забеременела. На этот раз мальчика родила.

А соседские мальчишки повадились к медвежонку ходить. Играют с ним, забавляются. Вот раз заворчала старушка. Говорит:

— Да хватит вам, мальчишки! Очень уж расшумелись. Даже светильники плохо горят. Да уж невесть кто к нам пришел. Белый медведь.

Присмирел медвежонок. Мать возвратилась. Спрашивает:

— Что это ты такой смирный?

— Да вот, бабушка ругается.

А старуха и говорит:

— Да уж невесть кто к нам пришел. Белые медведи!

Одела мать медвежонка. Мальчик спрашивает:

— Куда это вы?

Мать отвечает:

— Насовсем отсюда уходим.

Мальчик говорит:

— И я с вами пойду.

Отправились втроем на берег моря. Пришли к припаю, сунула мать руку в трещину. Шкуру белого медведя достала. Надела, белым медведем обернулась. И пошли втроем в открытое море.

Вернулся муж домой с морской охоты. Добыл нерпу. Пришел в полог и сказал:

— На вот, полей нерпе воды на морду!

Не слышит старуха. Снова говорит сирота:

— Где вода?

Бабушка сказала:

— Да я ведь одна здесь!

Сирота спрашивает:

— А где жена с детьми?

Старуха говорит:

— Ой, не знаю где они!

Сирота говорит старухе:

— Опять ты им что-нибудь сказала?

Старуха отвечает:

— Правда, я немного поругала их, они и ушли.

Сирота говорит:

— А что ты им сказала?

— Я им только и сказала: «Да уж невесть кто к нам пришел. Белые медведи».

Собрался сирота в дорогу. Вытащил дорожный мешок, морского петушка¹, лук, метальное копье и наконечник гарпуна — все это сунул в мешок и в путь отправился. В сторону Уэлена по следу пошел. Шел, шел, вдруг видит — идут они втроем — медведица, медвежонок и мальчонка. Оглянулась медведица. Увидела мужа. Подождали. Подошел к ним сирота. Жена и говорит:

— Куда ты идешь? Ведь убьют тебя!

Сирота говорит:

— Если бы не ты, я бы уж давно умер.

Медведица говорит:

— У меня ведь сородичей много, да и муж-медведь есть. Убьют они тебя.

Сирота говорит:

— Ну и пусть! Все равно я без тебя давно бы умер.

Медведица говорит:

— Ну что ж, пойдем!

И пошли они прямо к середине моря. Подошли к разводью.

Перешли. Дальше двинулись. Идут себе и идут. Опять подошли к разводью. Переправились. Дальше пошли. Идут, идут, пришли наконец. Медведица говорит сироте:

— Вот наш дом.

Ну и большой дом у медведицы! Вошли. Множество медведей из полога выглянуло.

Увидели, кто пришел, очень обрадовались.

Отец медведицы пригласил их:

— Входите!

Вошли. Окружили мальчика медвежата. А старик говорит им:

— Подальше держитесь! Видите: кочкоголовый² народ к нам пришел.

Затем сказал сироте:

— Убьют ведь тебя медведи!

Сирота отвечает:

— Ну и пусть!

Медведь говорит:

— Вот увидишь, позовут тебя соревноваться, кто больше добудет пищи, и убьют.

— Ну и пусть!

Медведь говорит:

— А ведь я, пожалуй, в твои годы ростом с тебя был.

И действительно, пришли медведи за сиротой.

Говорят ему:

— Сказал первый муж медведицы: «Где там мой товарищ по жене? Пусть идет».

Медведь говорит сироте:

— Надень-ка ты мою шкуру-кухлянку!

Сирота отвечает:

— Да нет, я уж так пойду.

Вышел сирота, внес дорожный мешок, вытащил наконец-ники. Медвежата вокруг бегают, рассматривают.

Старик им говорит:

— Держитесь, дети, от людей подальше. Они околдовать могут!

Вышел сирота. К берегу моря отправился. А там уже большой белый медведище ждет.

Медведище говорит:

— Ну, пришел!

Сирота отвечает:

— Да, пришел!

— Ну, так давай состязаться, кто больше пищи добудет!

Сирота отвечает:

— Ну что ж, давай!

Медведь говорит ему:

— Кто первый пять нерп убьет, тот и победит.

Пришли на место. Лег медведище на живот, стал нерп караулить. Сирота скоро первую нерпу убил. А медведь все караулит. Сирота уже вторую нерпу убил. Наконец и медведь убил одну. Сирота третью убил. А медведь только вторую. Сирота убил уже пятую нерпу. А у медведя всего три нерпы. Так победил сирота белого медведя.

Затем домой отправились. Пришел сирота домой. Ну и обрадовались его шурины!

Старик говорит им:

— Они, люди, всегда такие! Дети, слушайте меня, держитесь от людей подальше. А тебя уж завтра непременно убьют.

Сирота говорит:

— Ну и пусть! Ведь я должен бы давно умереть!

Назавтра опять за ним пришли. Медведь говорит сироте:

— Надень-ка мою шкуру-кухлянку.

— Да нет, так пойду.

Вытащил сирота шкуру морского петушка из мешка. Вся она уже иссохлась. За пояс сунул. И еще лук прихватил и четыре стрелы. Затем на берег отправился. А на скале уже медведище ждет. И зрители собрались. Шурины сироты очень грустные сидят. Бросился медведище со скалы в воду, камень из моря вытащил, показал сироте. И говорит ему:

— Теперь ты этот камень вытащи!

И бросил камень в море. Отошел сирота назад. Да как прыгнет в воду! На лету шкуру морского петушка надел. нырнул под воду. Видит — там два камня, один полегче — тот, который медведь вытащил, другой потяжелее. Долго сирота в воде был. Затем стал через трещину наружу выныривать.

Вдруг и говорит медведище:

— Убил я, наверное, моего товарища по жене!

Снова сирота нырнул. Вытащил камень тот, что потяжелее. Положил на льдину. Все это видели. Потом снова в море бросил. Победил он медведя. Шурины сироты домой бегом побежали.

Старик их спрашивает:

— Где он?

— А вот опять сирота победил!

Старик сказал:

— Такне уж все люди!

Пришел сирота домой. Ну и радовались его шурины!

— Завтра уж непременно он тебя убьет! Завтра вы боретесь будете.

Сирота говорит ему:

— Ну и пусть!

Старик говорит сироте:

— Надень ты уж мою шкуру-кухлянку!

Сирота говорит:

— Да нет, я уж так!

И вот назавтра опять за сиротой пришли. Спрятал сирота под кухлянкой на спину лук с тремя стрелами и пошел. А медведище уже ждет его. Ну и народу собралось посмотреть на борьбу! Подошел сирота к медведю. А тот как бросится на него. Отскочил сирота в сторону. Кидается на него медведь, а схватить не может. Устал медведище, запыхтел. А как еще раз набросился, сирота выстрелил в него из лука. Опять медведь бросился, и опять мимо. А сирота снова выстрелил. Сильно задышал медведище. Третью стрелу сирота пустил. Сел медведище на землю и прорычал:

— Ой-ой, почему это на улице все посинело?

Выпрямился медведище, упал и затих. Ну и обрадовался народ! Говорят друг другу:

— Спасибо человеку, что нашего угнетателя, медведя убил!

Прибежали шурины домой. Старик их спрашивает:

— Ну, как?

— Да ведь убил он медведя!

Старик сказал:

— Таковы уж люди!

Затем добавил:

— Я всего однажды на землю ходил. Ну и гнались же за мной люди! Ох и убегал я от них! Бегу я, а передо мной все время мяч катится. Да еще спотыкаюсь! Совсем уж было меня догнали, да тут я в воду прыгнул. Оглянулся, а они уже на самом берегу. Такой плохой народ эти люди!

Вдруг слышат на улице крики: «Белый медведь идет! Белый медведь!»

Сирота говорит:

— Давай и я за белым медведем погоняюсь!

Старик говорит ему:

— Ой, только больше не вступай в борьбу с белыми медведями!

Сирота все же вышел. Ну и народу опять собралось! Однако скоро все по домам разбежались.

Думает сирота: «Где же белый медведь, никакого белого медведя не видно».

Пошел сирота на берег. А там, оказывается, крысу не могут убить.

Догнал сирота ее, наступил на нее, убил.

Сказали тогда белые медведи:

— Ну и народ эти кочкоголовые! Ведь только наступил на медведя ногой — и убил!

Прибежали шурины домой. Говорят старику:

— Ну и человек к нам пришел! Наступил на белого медведя — и убил.

Все.

64. Белый медведь и человек

Говорят, жил давным-давно мужчина, который морского зверя промышлял. Вот раз пошел он охотиться в море. Увидел — возле разводья белый медведь спит. Стал мужчина к нему подкрадываться. Когда совсем близко подкрался, белый медведь на задние лапы встал. Нацелил человек копьё, хотел было бросить, а медведь как чихнет! Человека чуть вихрем не закружило. Когда пришел в себя, говорит:

— Все равно убью медведя!

Снова хотел метнуть копьё, а медведь еще сильнее чихнул. Человек чуть сознание не потерял. А когда пришел в себя, сказал:

— Все равно убью медведя!

Опять нацелился, только хотел метнуть копьё, а медведь на этот раз так сильно чихнул, что упал мужчина и умер. Нырнул медведь в воду. Очень скоро обратно вынырнул. В зубах тюленя держит. Вылез из воды. Отнес тюленя на место, где недавно спал. Затем к человеку подошел. Оживил человека и стал его ругать. Говорит:

— Ну и озорник ты! Уж очень много нашего брата поубивал! А головы как попало кладешь!

Затем говорит медведь человеку:

— Иди к тому месту, где я только что спал! Там тюлень лежит. Съешь всего тюленя и домой иди. Увидишь у берега белых медведей, не подходи к ним. Отдельно от всех еще одного медведя увидишь. К нему подойди.

Сказал это медведь и ушел. Пошел человек к месту, где лежал медведь. Видит — домище, а рядом тюлень лежит. Пожил человек в этом доме, тюленя съел и домой пошел.

Идет и, действительно, видит у берега много белых медведей. Оказывается, они места сторожат. Пошел человек дальше. Видит — один медведь, отдельно от всех. Пошел к нему человек. Говорит:

— Хотя бы сказал: «Здравствуй».

А это не медведь был, а медведица. Говорит она человеку:

— Давай я тебя домой отнесу!

Отправились. Наступил вечер. Говорит медведица:

— Давай здесь остановимся!

Потом опять говорит:

— Я думала, ты умеешь хорошо охотиться. Что мы будем перед сном есть?

Отправился мужчина нерпичью отдушину искать. Увидел отдушину. Стал нерпу сторожить. Вынырнула нерпа. Заколочил ее мужчина и вытащил. Отнес медведице. Обрадовалась медведица и говорит:

— А ты действительно хороший охотник!

Съела медведица нерпу. Затем снежный дом выстроила. Улеглись вместе в этом доме спать. И вот стала медведица этому человеку женой.

Назавтра дальше отправились. Двое суток шли. Забеременела медведица. Снова сделала снежный дом. И родила в этом доме двух детей: мальчика и девочку. Опять накормил мужчина медведицу. И через трое суток дальше отправились. В пути их ночь застигла. Подошли они к берегу. Медведица и говорит мужчине:

— Ну, я отсюда обратно пойду! Меня мои домашние ждут.

Мужчина говорит:

— Я тоже с тобой пойду, а то скучно мне без тебя будет.

Медведица говорит:

— Человек, тебя твои дети и жена ждут! — Затем добавила: — Я бы пошла с тобой, но людей боюсь!

Мужчина отвечает:

— Ну, тогда я с тобой пойду!

Медведица говорит:

— Какой ты непослушный! Придется мне к вам идти! Если ты со мной пойдешь, убьют тебя медведи!

Сняла медведица шкуру на берегу. Спрятала ее в расщелину льда и в женщину превратилась.

Затем домой пришли. Очень обрадовались домашние: старуха, жена и дети. Стали все вместе жить.

Вот однажды отправился мужчина в тундру. Пока по тундре ходил, медведица пищу готовила. Увидела старуха, как она большие куски жира ест, и говорит:

— Зачем ты жир кусками ешь? Ты, наверное, не женщина, а медведица!

Застыдилась медведица. Взяла детей и пошла на берег моря. Пришла к расщелине, надела медвежью шкуру и отправилась по льду в открытое море.

Вечером мужчина вернулся из тундры. Спрашивает:

— Где моя новая жена?

Старуха отвечает:

— А она ушла.

Рассердился мужчина и вслед за медведицей отправился. Идет по следу, вдруг видит: огонек в темноте светится. Подошел, а это его жена-медведица. Рассердилась медведица. Говорит:

— Зачем пришел?

Мужчина отвечает:

— Очень мне без тебя скучно!

Медведица говорит:

— Иди домой! Возьми себе мальчика, я возьму девочку и пойдем: ты к себе, я к себе. Будем теперь врозь жить.

Мужчина отвечает:

— Не могу я домой идти, очень скучаю по тебе!

Медведица говорит:

— Убьют ведь тебя мои сородичи.

Мужчина отвечает:

— Ну что ж, ничего не поделаешь!

Пошли дальше вместе. Наконец пришли к медвежьему народу. Стал старик медведь ругать медведицу:

— Зачем ты человека привела?!

Медведица отвечает:

— Никак я не могла от него отвязаться.

Старик медведь говорит мужчине:

— То плохо, что убьют тебя!

Мужчина отвечает:

— Ничего не поделаешь. Я без нее очень скучаю.

Назавтра медведи приходят. Говорят человеку:

— Давай посостязаемся в охоте, посмотрим, действительно ли ты хорошо пищу добываешь. Если проиграешь, то убьем тебя.

Пошли на другой день охотиться. Когда пришли на место, стали нерпичьи отдушины искать. Увидел мужчина две отдушины. Сел сторожить, посторожил немного и убил двух нерп. Пришел мужчина домой с двумя убитыми нерпами. Удивляется старик медведь:

— Ты, значит, и правда хорошо пищу добываешь!

А медведи ни одной нерпы не убили. Как стало темнеть, вернулись домой с пустыми руками.

Очень удивился медвежий народ. Опять зовут мужчину на состязание. Пятьдесят километров решили наперегонки бежать. Побежали. И опять мужчина победил, намного обогнал медведей.

Похвалил его старик-медведь:

— Ох, спасибо тебе! Хороший ты зять!

Решили медведи еще одно состязание устроить: камни со дна моря доставать.

Говорит старик медведь зятю:

— Надень мою одежду!

— Ладно, надену.

Отправились к скалам. Пришли. Оказалось, вода к самым скалам подходит.

Скатились медведи со скал в воду. Долго под водой были. Вынырнули. Каждый по маленькому камню держит. Затем скатился мужчина. Схватил два больших камня. Очень скоро вынырнул. В каждой руке по камню. Опять удивились медведи:

— Да-а, правду говорят, что мужчина — настоящий кормилец! Ну что ж, не станем мы тебя убивать. Не смогли мы тебя одолеть.

Пошли домой. Старик медведь еще сильнее обрадовался. И жена тоже. Старик медведь говорит:

— Ну что ж, проводи теперь чужого мужчину!

Отправился мужчина в обратный путь с женой и детьми. Вдруг слышат: что-то громко шумит. Повстречался им песец и сказал:

— Пойду-ка я, обману вон тех.

Побежал песец. Навстречу ему много медведей. За человеком гонятся. Говорит им песец:

— Тише! Слышите?

Послушали медведи. Услышали с разводя шум. Испугались и домой убежали.

Вернулся песец к людям. Смеется. Подошел к мужчине и говорит:

— Испугались ваши преследователи шума с разводья и убежали домой.

Тут и все засмеялись.

Пошли дальше. Пришли в дом мужчины. Убил мужчина старуху и похоронил в тундре.

Обрадовалась вся семья. Стало у мужчины две жены. Четыре сына выросли. Хорошо этот мужчина жил. Все.

65. Сирота

Давным-давно жил у дяди сирота. Выходил каждый день сирота к завалинке и плакал. Потом домой шел. Дядя спрашивал его:

— Откуда пришел?

Сиротка отвечал:

— Вон оттуда пришел!

Затем дядя говорил:

— Поешь, не плачь!

Сиротка говорил:

— Да я потом!

Вот однажды плачет сиротка у завалинки. Вдруг травинка говорит ему:

— Ну, не плачь! Перестань плакать! Когда придешь домой, скажи дяде: «Сделай мне лук, я буду на птичек охотиться».

Продолжала говорить травинка:

— Пусть хорошую стрелу сделает! Хорошенько пусть остругает! Когда сама будет сквозь переднюю стенку полога проходить, тогда скажи дяде: «Хватит строгать!»

Вернулся сиротка домой радостный. Дядя спрашивает:

— Чего это ты сегодня такой веселый?

А сиротка говорит:

— Сделай мне лук, я буду на птичек охотиться!

Дядя говорит:

— Сейчас сделаю. А ты пока поешь и поспи!

Стал дядя делать лук. Когда окончил, сиротка говорит ему:

— Остругай, пожалуйста, стрелу получше!

Дядя отвечает:

— Ладно, остругаю получше!

Стал дядя делать стрелу.

Стругает ее. Кончил стругать, положил у задней стенки полога.

Стрела сама до середины полога дошла.

Сиротка говорит дяде:

— Еще постругай стрелу!

Снова дядя стал стругать стрелу. Постругал, у задней стенки полога положил. Стрела сама уже до передней стенки полога дошла.

Сиротка просит дядю:

— Еще постругай!

Снова дядя постругал стрелу. Постругал стрелу, у задней стенки полога положил. Прошла стрела сквозь переднюю стенку полога и упала на улице. Сиротка говорит:

— Вот теперь довольно стругать!

Взял сиротка лук, стал стрелять на улице. Куда полетит стрела, туда и он идет.

Вот однажды говорит сирота тетке:

— Приготовь мне еду на дорогу!

Тетка спрашивает:

— Из чего тебе еду приготовить?

Сиротка отвечает:

— Если есть оленина, то из оленины.

Тетка сказала:

— Хорошо!

Сварила еду. В дорогу приготовила. Сиротка еще тетку попросил:

— Положи мне на дорогу вместе с олениной куски мяса тундровых и морских зверей!

Собрала тетка дорожный припас. Взвалил сиротка на спину мешок с провизией и вышел. Выстрелил из лука и пошел, куда стрела полетела.

Идет сиротка, видит — яранга. Вошел сиротка в ярангу. Там девочка играет пальцами с веревочкой, только веревочка у нее очень плохая. Вытащил сиротка свою веревочку для игры на пальцах. Обрадовалась девочка. Стали они вместе веревочкой на пальцах играть. А мать девочки шьет, на них и не смотрит. Говорит дочь матери:

— А ну-ка, посмотри, как мы веревочкой на пальцах играем!

Мать одним глазом посмотрела на играющих, обернулась и говорит сиротке:

— Ты, наверное, по какому-нибудь делу идешь?

Сиротка отвечает:

— Ищу я жену дяди, которую кто-то в позапрошлом году увел. Ее-то и ищу.

— А-а!

Затем накормила она сиротку. Когда поели, говорит ему:

— Ну ладно, может, и найдешь. Вот увидишь, будешь ты с другом!

Вышел сиротка из яранги, опять из лука выстрелил. И опять за стрелой пошел.

На пути маленькая яранга попалась. Подошел сиротка, в ярангу вошел. Очень хорошо его встретили. Это, оказывается, птичий народ был. Спрашивает его птичка-старичок, говорит:

— Ты, наверное, кого-нибудь ищешь?

Отвечает сиротинушка:

— Ищу я жену моего дяди, которую кто-то в позапрошлом году увел. Ее-то и ищу.

Птичка-старичок говорит ему:

— Поешь и дальше иди! Мой сын товарищем с тобой пойдет.

Пошли вдвоем. Вдруг очень темно стало. А сирота с товарищем все дальше идут.

Сиротка говорит товарищу:

— Очень я пить захотел!

— И я тоже очень пить хочу,— отвечает товарищ.

Ищут они воду, не могут найти. Вдруг мальчик-птичка говорит ему:

— Что-то я круглое нащупал!

Стали вместе щупать. Сиротка говорит мальчику-птичке:

— Давай-ка я прокалю это!

Проколот. Из дырочки сок пошел. Пососал мальчик-птичка и говорит:

— Холодное что-то и кислое.

Сиротинушка говорит ему:

— Ну, так давай поьем!

Оказывается, это морошка была. Попили они сок морошки и дальше отправились. Идут, идут они в темноте. Наконец к границе света вышли. Видят — дыра в земле. Глянули в эту дыру, увидели две большущие горы, которые неба касаются. Горы то отдаляются, то сближаются. Каждый раз, как разойдутся в стороны, много птиц между ними пролетит.

Говорит мальчик-птичка сироте:

— Когда еще раз горы разойдутся и первая птица пролетит, ты в путь отправляйся! А как на той стороне окажешься, ты увидишь двух кэле. Ближнему кэле оставь мясо тундровых животных, дальнему — мясо морских животных. Пройдешь

мимо этих кэле, увидишь ярангу. В ней и живет жена твоего дяди.

Сказал это мальчик-птичка и улетел.

И действительно, снова расступились горы, первая птица показала, отправился в путь и сиротинушка. Как только ущелье прошел, сомкнулись горы. А сирота дальше двинулся. Видит — кэле. Мимо проходя, коснулся сиротка языка кэле, мяса тундровых животных ему положил. Затем дальше отправился. Второго кэле увидел, снова его языка коснулся, мяса морских животных положил на язык. Дальше отправился.

Долго шел. Наконец ярангу увидел. Подошел к двери. А за дверью большущие медведи, белый и бурый, привязаны. Подошел к ним сирота, зарычали медведи. Сирота ошейник снял, намочил и погрозил им медведям. Легли медведи. Он даже по их носам прошел. Они только порычали на него.

Говорит муж жене:

— Ну-ка, посмотри, что там!

Пошла жена посмотреть. Отвечает:

— Да это мой старший братишка!

— Ну, заходи!

Вошел. Стали есть. В одном углу полога кто-то смеется. Посмотрел сиротинушка в ту сторону. А там несколько кэле едят. У одних рты на животе, у других — на спине. А у некоторых поперек лица.

Вот кончили есть.

Говорит хозяин сироте:

— Поспи! — И вышел из яранги.

А под полом что-то ухает, эхом отдается. Не спит сирота, тихонько так лежит.

Жена дяди говорит ему:

— Под этим пологом дыра. В дыре огонь пылает. Там хозяин будет с тобой состязаться.

Вдруг хозяин вошел, говорит сиротке:

— А-а, ты проснулся! Давай-ка сначала поедим, а потом играть будем!

И вот, когда поели, попросил хозяин себе старые домашние торбаза, а сиротке — новые.

Раскрыли пол. Тут все кэле подошли смотреть, что будет.

Хозяин говорит сиротинушке:

— Может быть, ты сначала прыгнешь?

А сиротинушка отвечает хозяину:

— Нет, сначала ты!

Прыгнул хозяин в дыру. Спустя немного возвращается. Оказалось, только края подошвы сгорели.

Сиротинушка перед тем как прыгнуть, по примеру хозяина, свои бусы помочил.

Говорит хозяин сиротинушке:

— Теперь ты прыгай!

Сиротка отвечает ему:

— Я, наверное, не смогу, но попробую.

Прыгнул сиротка. Очень долго в яме был. Вернулся — только чуть-чуть края подошвы обгорели.

Говорит хозяин:

— Да-а, не зря ты пришел. Завтра к моей жене пойдём!

Сиротинушка отвечает:

— Ну что ж! А теперь давай поедим! Идем в полог!

Вошли. Поели. Снова вышел хозяин. Только тогда сиротка уснул.

Проснулся на другой день. Поели и на берег моря пошли. Там, оказывается, две лодки. На одной лодке гарпун. На другой лодке копьё.

Говорит хозяин сиротке:

— Ты на какой лодке будешь: с гарпуном или с копьём?

Сиротинушка отвечает:

— Сяду в ту, где гарпун.

Отправились порознь на лодках. В пути мирно беседовали. Приплыли к другому берегу. Хозяин говорит сиротке:

— Вон та мужская яранга — моей жены дом. Сейчас она в тундре, коренья собирает. Жди ее возвращения! — Сказал это и ушел.

Сиротинушка привязал лодку и пошел в мужскую ярангу. Вдруг слышит — какой-то крик. Не успела женщина-кэле войти, выскочил сиротинушка из яранги, побежал к лодке. Прибежал, сел в лодку и сразу же от берега отчалил.

Вошла женщина-кэле в ярангу, схватила женский нож и к берегу спустилась.

А на берегу очень большие камни лежали. Один из них плоский, гладкий.

Прибежала женщина-кэле на берег, самый большой камень женским ножом изрезала. И говорит:

— Вот что я хотела с тобой сделать!

Сиротинушка вернулся. Отвечает:

— Ага! А я вот что хотел с тобой сделать!

Подошел к плоскому камню. Бросил в него гарпун. Раскололся камень на кусочки. Одним осколком женщину-кэле и

убило. Поплыл сиротинушка обратно. Приходит к хозяину. Хозяин спрашивает:

— Ну, что она с тобой сделала?

Отвечает сиротинушка:

— Ничего не сделала. А что она могла сделать?

— А ведь других пришельцев убивала!

— Разве может все делающая меня убить? — говорит сиротинушка.

Хозяин спрашивает:

— А где же она?

— На дне моря лежит убитая!

Говорит хозяин:

— Ну что ж, оставайся у меня до завтра! Утром поезжай домой и жену дяди с собой бери!

Пошел к хозяину. Поели и спать легли.

Назавтра собрались сиротинушка с женой дяди домой. Идут, до второго кэле дошли. Говорит сиротинушке кэле:

— Спасибо тебе! Я было с голоду умирал, а ты меня накормил. Я тебе тоже услугу окажу. Там дальше мой товарищ, и он вам поможет.

Дальше пошли сиротинушка с женой дяди. До другого кэле дошли. Говорит кэле:

— Спасибо тебе! Я уж было с голоду умирал, а ты меня накормил. Я вам тоже помогу. Садитесь на мой язык. А как горы разойдутся, первая птица появится, скажите мне и сразу глаза закройте. Тогда можете открыть глаза, когда почувствуете, что остановились.

Разошлись горы, и, как только показалась первая птица, сиротинушка сказал кэле:

— Вот уже первая птица летит! — И зажмурились оба.

Выплюнул кэле этих людей.

Чувствуют они, что несет их куда-то, а глаз не открывают. Вдруг остановились, открыли глаза. Темно вокруг. Говорит сиротинушка жене дяди:

— Куда это мы попали?

И вот пошли они в темноте. Вдруг сиротинушка на мешок наткнулся. Сразу узнал то место, где он с мальчиком-птичкой сок морошки пили. Говорит сиротинушка:

— Вот так прямо нам и надо идти! На этом месте мы с товарищем сок морошки пили.

Идут дальше в темноте. Вдруг под ногами стал песок скрипеть. Насыпала жена дяди этот песок в мешок. Дальше пошли. Вот наконец к границе света вышли. Сорвала жена дяди

ветку и положила в чулок. Опять дальше отправились. Вдруг видят — яранга. Сиротинушка говорит:

— Это мы к птичьему народу пришли.

Жена дяди спрашивает:

— Помогал тебе птичий народ?

Сиротинушка отвечает:

— Считаю, что это они тебя сюда привели.

Жена дяди говорит:

— А-а!

Вошли они в дом.

Дала жена дяди женщине-птичке много бус из мешка, в который она недавно песок насыпала.

Затем снова отправились. Дошли до яранги, где девочка с веревочкой была. Говорит сиротинушка жене дяди:

— Если есть у тебя что-нибудь, подари женщине!

Вошли в ярангу. Жена дяди вытащила из чулка вышитый кусок материи, дала девочке. Затем стали есть. Поели, дальше пошли. Наконец домой пришли.

Дядя с женой и сиротинушка до конца жизни хорошо жили. Вся сказка.

66. Эйгускей

Жил человек с двумя сыновьями около леса. Плохо относился отец к сыновьям. И вот повел он родных сыновей в лес. Сказал им:

— Давайте, дети, пойдем в лес ягоды собирать!

А это он обманул их.

Сыновья ответили:

— Ладно, пойдем ягоды собирать!

Взял старший сын с собой лепешку, и отправились они в лес.

Пришли, старший сын лепешку разломал, стал кусочки кидать, чтобы дорогу заметить. Оказывается, он знал, что отец их обманывает.

Пришли в лес, отец говорит:

— Подождите меня! Я капканы проверю.

Дети отвечают:

— Ладно, подождем!

Отошел отец от детей. Как только они из виду скрылись, домой отправился.

Старший брат сказал младшему:

— Что-то долго отца нет. Пойдем домой!

Вернулись братья домой. Кусочки лепешки, которые брат кидал, путь им показывали.

Удивился отец, спрашивает:

— Как это вы дорогу нашли?

Старший сын отвечает:

— Очень просто.

А отец сказал:

— Завтра опять в лес пойдем!

На другой день, как проснулись, сразу в лес отправились. На этот раз старший сын камней за пазуху насыпал. Теперь уже камни кидал. Но отец их очень далеко увел, и не хватило старшему брату камней.

Отец сказал:

— Подождите меня здесь, я скоро вернусь!

Оставил отец детей в лесу. На этот раз мальчики заблудились. Наступила ночь, уснули, на другой день пошли куда глаза глядят. Где их дом — не знают. Наконец после долгого пути увидели две яранги.

Сказал старший брат младшему, которого звали Эйгускей¹.

— Давай зайдем! Ты, Эйгускей, иди в заднюю ярангу, а я пойду в переднюю. Может, хоть одного из нас приветливо встретят.

Ответил младший:

— Давай пойдем!

И вот они пошли: один — в первую ярангу, другой — во вторую.

Вошел Эйгускей в ярангу. Там женщина. А в передней яранге ее родители.

И сказал человек в яранге старшему брату:

— Ну вот, мой зять прибыл!

На другой день рано утром увидел во второй яранге Эйгускея и сказал:

— Ого, еще один зять! Ох, очень хотим мяса белого медведя поесть!

Человек пошел домой. Женщина задней яранги сказала:

— Эйгускей, если ты будешь смелым и ловким, то останешься в живых! Там за горой есть дикий олень. Огромный он, туловище даже в землю вошло. Возьми этот лук! Как увидишь оленя, стреляй! Но только надо, зажмурясь, стрелять. Смотреть нельзя!

Отправился Эйгускей, лук взял с собой. Как только на гору взошел, увидел: правда, огромный дикий олень стоит. Три головы у него и ноги в землю вросли.

Зажмурился Эйгускей и выстрелил из лука.

Ох и сильно загрохотало! Как будто большая скала раскололась. Потом тихо стало. Взглянул Эйгускей — дикий олень убит.

Взял Эйгускей немного мяса и понес на спине.

А тот дикий олень, оказывается, поедал всех мужчин, которые приходили сюда с разных концов отрабатывать за невесту.

Пришел домой Эйгускей, сказал:

— Принес я мясо!

А человек крикнул:

— Ой, боюсь! Ох и очень плохой этот мальчишка!

А женщина сказала:

— Нет, хороший!

Назавтра опять человек приказал:

— Эйгускей! Пойди, слово великана принеси!

Опять женщина сказала:

— Не сможешь, наверное, слово великана принести. Ну ладно, иди завтра прямо в тундру!

Пошел Эйгускей. Очень долго шел. Вдруг видит — огромный волк. Оказывается, этот волк прилип к земле и с места сдвинуться не может. Оторвал Эйгускей волка от земли и в тундру отпустил.

И вот пришел наконец Эйгускей к звучащему камню. Ударил по камню. Отворилась дверь. Вошел Эйгускей. А внутри великан.

Говорит он Эйгускею:

— Эйгускей! Это ты?

— Да, я! За твоим словом пришел!

Сказал великан:

— Наверное, ничем я не смогу тебе помочь!

Эйгускей сказал:

— Ладно, посмотрим!

Великан сказал:

— А ну-ка, посмотри вверх!

Затем предложил:

— Давай поедим!

Тут блюдо сверху опустилось, а на нем всякая всячина.

Эйгускей сказал:

— Давай я тебе что-нибудь в обмен дам!

Отвeтил великан:

— Что же ты мне дашь?

— А вот что,— ответил Эйгускей.— Сейчас есть будем!

Тут вошел волчище с олениной в зубах. Сказал:

— Вот это сварил!

Великан сварил. Сказал:

— Ой и вкусно!

— Очень вкусно! А теперь слово мне свое дай.

Отдал великан слово.

Вернулся Эйгускей домой. Встречает его человек, спрашивает:

— Ну как, принес слово?

— Принес,— ответил ему Эйгускей.

Предложил человек:

— Давай обменяем на что-нибудь!

Отвeтил ему Эйгускей:

— На что?

— Вот на этот посох. Смотри, хороший посох!

Отвeтил Эйгускей:

— Нет, не буду меняться.

Вошел в ярангу и взял ту женщину в жены. Конец сказке.

67. Человек с горячих ключей

Вот что про лоринских¹ с горячих ключей рассказывают. Жил человек с женой. Не было у них детей: как рождались, тут же умирали. Состарились муж с женой, поседели.

Вот однажды сказала вдруг жена:

— А ведь я, кажется, забеременела!

Муж ответил:

— Что ж, это хорошо, спасибо!

Родился ребенок, к тому же мальчик. Подрос, уже сидеть стал, и вдруг умер. Вот плакали-то оба!

На следующий год жена старика опять забеременела.

Муж сказал:

— Только бы этот не умер!

Родилась на этот раз девочка. И опять, когда начала сидеть, тоже умерла.

Говорит тогда старик жене:

— Давай-ка все оставим здесь и поедem к горячим ключам!

Разобрали ярангу. Четыре столба, покрышку с яранги с собой взяли. На спине понесли. Во-о-он туда на север отправились. Остановятся, передохнут и опять идут. Встретилось на пути селение, поставили ярангу. Устроились, поели и спать легли. А как стало рассветать, опять в путь отправились. Каждый вечер ставили ярангу.

Вот муж сказал жене:

— Давай поставим ярангу и будем всегда тут жить.

Поставили ярангу, уснули. Когда проснулись, жена сказала:

— Вот я опять забеременела!

Муж ответил так:

— Ну и хорошо, спасибо!

Жена сказала:

— Хоть бы не умер!

Отправился муж охотиться в море. На пути человека встретил. Повстречались они, разговорились.

Человек спросил:

— Откуда вы, где живете?

Старик ответил:

— Да мы с горячих ключей.

И тоже спросил:

— А сам ты откуда?

— Да с севера я, кочевник.

Старик сказал:

— У меня двое детей умерло.

Затем спросил кочевника:

— Нет ли у тебя охранительных ремешков ??

Кочевник ответил:

— Есть! Приди как-нибудь ко мне!

Старик спросил кочевника:

— А где вы живете?

— Вот тут, на горе,— сказал кочевник.— Ну ладно, я по своим делам пойду, ты по своим иди.

И отправился каждый к себе домой.

Пришел старик домой, сказал жене:

— Человека встретил, попросил у него охранительных ремешков.

Кочевник, как пришел домой, сказал жене:

— Говорят, на горячих ключах дети умирают. Надо дать жителям горячих ключей охранительные ремешки.

— Не сможешь,— говорит жена,— не сможешь.

— Все равно надо! Вот завтра и пойду.

И отправился на другой день. Пришел, а яранга-то у старика совсем маленькая.

Старик говорит кочевнику:

— Ну, давай заходи!

Кочевник отвечает:

— Да не могу, полог маленький!

— Все равно входи! Не обманул ты нас, пришел,— сказал старик.— Этого ребенка, что еще у жены в животе, под твою защиту отдаю!

Кочевник сказал:

— Ну ладно, войду, придется сидя спать!

Уснули.

Жена старика на спине спит и очень храпит во сне. Не может кочевник уснуть, насекомые кусают. Не спит он и думает: «Зачем это я пришел? Вон ведь как женщина спит! Поэтому, наверное, и дети умирают».

Вдруг слышит снаружи шаги. Пришел кто-то, а другой ему тихонько дверь открыл. Стараются кочевник незаметно за ними подсмотреть.

Тот, кто дверь открыл, говорит:

— Иди сюда!

— Не пойду! Там гость!

— Нету никого.

Пришедший сказал:

— Ладно, тогда войду!

Видит кочевник — вошедший в сени на четвереньках стоит. Как только в полог полез, кочевник взял да плюнул на него. Остановился тот, шевельнуться не может. Только спросил:

— Откуда ты?

Кочевник ответил:

— С севера я.

И спрашивает вошедшего:

— А ты откуда?

— Я житель горячих ключей.

— Зачем оттуда пришел?

— Да вот ребенка этой женщины пришел умертвить!

— Ну нет, больше не будешь умертвлять. Теперь я здесь буду, я — северный!

Вошедший говорит:

— Ладно, не буду, даже сам стану воспитывать.

— Смотри, не обманывай,— сказал ему кочевник.— Если обманешь, уничтожу!

— Да нет, не буду обманывать!

Выглянул кочевник из полога, стер плевок. Зашевелился вошедший.

— Вот ловко как! Откуда ты?

— Да ведь говорил я — с севера.

— Ну так давай я ваших детей буду воспитывать!

Выпрыгнул вдруг в дымовое отверстие и исчез.

Наступило утро. Проснулись гость и хозяйева.

Кочевник сказал:

— Ну-ка, выйду я, брата своего пойду спрошу!

Вышел, ярангу обошел, задом наперед пошел, на дымоход взглянул. Вдруг спустился с крыши человек.

Спросил:

— Зачем позвал?

Кочевник сказал:

— Смотри, не вздумай обмануть! А что если и этот ребенок умрет?

Ответил убийца:

— Не бойся, не обману!

Кочевник сказал:

— Ничего с ребенком не сделаешь, когда он родится?

— Да нет же, не сделаю! Буду охранять его!

— Ну, смотри!

Вошел кочевник в ярангу. На дымовое отверстие взглянул. Действительно, висит там убийца. И говорит кочевнику:

— Видишь! А ты боишься, что я обману тебя!

Кочевник отвечает:

— Если ребенок умрет, все равно я тебя найду!

Сказал так и в полог влез.

Родила женщина ребенка, крупного такого мальчика.

Сказал кочевник:

— Ну, я пойду! Через некоторое время еще наведаюсь.

Старик сказал:

— Опять, наверное, умрет ребенок. Остаься с нами!

— Вот вырастет ребенок, приду.

Вышел из яранги, на дымовое отверстие взглянул. Погрози:

— Смотри, не трогай ребенка!

Пошел кочевник на охоту. Прошел немного, оглянулся. Убийца из дымового отверстия высунулся, кричит:

— Думаешь, обману тебя? Не беспокойся об этом ребенке! Буду за ним смотреть.

Ушел кочевник. Пришел домой, сказал жене:

— Вот и вернулся я!

Жена спрашивает:

— Что же ты делал?

— Да вот там у них ребенок родился.

Стал убийца с горячих ключей в той яранге жить. Скоро мальчик сидеть начал, затем ходить стал, и вырос наконец.

Опять жена округлилась. Пошел старик к оленеводу-кочевнику.

Оленевод спрашивает:

— Ну, что еще там?

— Опять жена округлилась. За тобой пришел.

Отправились вдвоем. Подходят к яранге. Показался убийца над дымовым отверстием и тут же исчез.

Вошли, а полог, оказывается, значительно больше стал.

— Смотри,— сказал старик,— опять затяжелела жена!

Опять пожил кочевник у этого старика. Жена его скоро большую девочку родила.

— Ну-ка, выйду я,— сказал кочевник.

Вышел, задом наперед пошел, увидел убийцу, когда тот с яранги спускался.

Сказал убийца:

— Зачем все сюда ходишь? Ведь сказал я, что не обману тебя. Иди лучше куда-нибудь в другое место! Эта старуха больше не будет рожать. Все. Вот когда ее дочь вырастет, приходи. Вместе в яранге будут жить. Вот тогда надо будет детей охранять.

Выросла дочь, крупного мальчика родила. А потом вскоре и девочку.

Перенесли ярангу кочевника, поставили поближе к яранге старика. Стал детей охранять. Работать ему не давали, все за него делали. И так все хорошо стали жить.

68. Пастух Йынувьё

Имя его Йынувьё¹. Однажды ночью, когда он был на пастбище, поднялась пурга. Уснул Йынувьё около оленей. Но вдруг, испугавшись, неожиданно проснулся. Сказал:

— Ой-ей-ей! Почему-то страшно становится. Наверное, кэле хотят на меня напасть. Пусть мои друзья караулят, пока я буду спать!

Сказал Йынувьё лыжам, посоху, ножу и бруску, которые на поясе носят:

— А ну-ка, охраняйте меня, пока я спать буду! А то мне страшно. Наверное, кэле идут сюда. А я ведь ваш хозяин. Охраняйте меня!

И воткнул их в снег: лыжи, посох, нож и брусок-точило. Потом опять уснул. А пурга была сильная.

Вдруг сказал посох:

— Ой! Вон там кэле, целых три!

Лыжи ответили:

— Давайте защитим хозяина, как сможем!

Брусок ответил:

— Да, надо хозяина защитить!

А нож молчит, ничего не говорит. Брусок спросил у ножа:

— Почему ты молчишь?

Нож ответил:

— Просто так. Вот придут кэле, заговорю.

А кэле стали втроем между собой совещаться. Говорят:

— Надо изловчиться и добыть зверя. А то голодные останемся.

Взял один кэле в руки копьё, стал подкрадываться.

Посох сказал лыжам:

— Сначала вы на кэле набросьтесь.

Брусок сказал ножу:

— Ну давай, бросайся на кэле.

А нож все молчит, не отвечает.

А кэлище подкрадывается. И вот, как совсем близко подполз, нож сказал ему:

— Возьми меня, я острый. И вонзи прямо в бок спящему.

Брусок крикнул ножу:

— Ах, так ты, значит, тоже враг нашему хозяину!

Нож ответил:

— Да! Не видел я добра от хозяина. Он меня прямо лицом об лед ударяет.

— Ах, вот как! — Ринулся брусок на изменника, прямо на лезвие, чиркнул по нему, и упал нож.

Ударили лыжи кэле в лицо, посох — в грудь, а брусок — в глаза. Отлетел кэле далеко за гору, еле до своих товарищей добрался. Сказал:

— Ох, лучше оставим в покое этого зверя, а то у него надежные сторожа есть. Вот видите, один глаз мне выбили.

Старый кэлище ответил:

— Не может быть, чтобы мы не смогли этого зверя добыть.

Послал другого кэле, сказал ему:

— Вместе со зверем всех его сторожей прикончи.

— Ладно, прикончу!

Отправился другой кэлище. Опять лыжи, посох и брусок на врага набросились и отогнали. Опять кэле без глаза остался, еле-еле до своих товарищей добрел.

Тогда старый кэлище сказал:

— А ну-ка, я сам пойду. А то вы так и останетесь без пищи. Не может быть, чтобы я добычи не принес.

Как стоял, так и погрузился в землю. Подземным путем отправился к Йынувье.

Говорит посох:

— Эй! Йынувье! Слышишь? К тебе под землей идут. Не можем мы тебя защитить. Постарайся, придумай что-нибудь!

Йынувье отвечает:

— Ладно уж, постараюсь, сам навстречу кэлищам выйду.

Отвязал висевшую на поясе трубочку из лебединой кости. Сунул один кончик в рот, другой в снег воткнул. Затем спрашивает:

— Ну что, уже подо мной враг?

Посох ответил:

— Да! Поскорее что-нибудь делай! Сейчас до тебя доберется!

Дунул Йынувье изо всех сил через трубку в землю. Кэле, точно сильным ветром, в дальнюю даль унесло. Очень далеко вынырнул из земли, чуть не замерз. Искали его товарищи, искали, еле нашли. Совсем ослаб старый кэле, обессилел.

— Ох, ну его, оставим этого зверя в покое! — сказал. — Лучше пойдем домой, а то еще убьет нас.

Отправились кэле домой.

Сказали сторожа Йынувье:

— Ну, теперь отдыхай, ушли кэле домой.

Взял Йынувье нож, разбил о камень и бросил. А лыжи, посох и брусок домой отнес.

Так спасся Йынувье от врагов. Конец.

69. Человек, кормивший червей

Жили мужчина и женщина без соседей. Мужчина каждый день на охоту ходил, нерп и тюленей добывал. По три, по четыре убивал ежедневно. Иногда и двенадцать приносил.

Жена его не могла рожать, потому детей у них не было.

Вот однажды задумался мужчина на охоте. Рассердился

на жену. Решил ее убить, потому что детей рожать не может.

Построил на берегу моря большой дом из камней. Собрал различных червей и бросил в каменный дом.

Теперь как нерпу убьет, червям бросит. Черви все поедают. Скоро большие выросли, величиной с руку стали.

Перестал мужчина домой убитых зверей приносить.

Жена спрашивает:

— Почему ты перестал добывать зверей?

Муж на это отвечает:

— Нет у нас детей и не для кого мне зверей убивать!

А ведь каждый день уходил на охоту! Добудет пять-шесть тюленей и все червям отдаст. Черви в один миг все съедают.

Шила однажды жена, торбаза мужу делала. Вдруг у нее на голове паук¹ забегал. Сняла жена паука и говорит:

— Что это ты делаешь?

Паук отвечает:

— Пришел к тебе потому, что жалко мне тебя. Перестань эти торбаза шить! Лучше вот к этим туфлям подошву приделай. Вот ты стараешься для мужа, а он для тебя каменный дом приготовил, полный червей. Вот увидишь, станет муж однажды таким ласковым и пригласит тебя погулять. А ты, как сделаешь подошву к туфлям, положи их к себе в штанины комбинезона. Только не показывай ему. Когда он пригласит тебя прогуляться, соглашайся. Недалеко от каменного дома, где черви живут, брось одну туфельку. Станет он туфельку рассматривать, ты вторую бросай. Эту будет рассматривать, погляди вверх и скажи: «Ну, где же?»

Сказал это паук и ушел.

Пришла жена к туфелькам подошву и спрятала их. Затем опять стала мужу торбаза шить.

Вдруг пришел муж. Убил тридцать восемь тюленей и семь нерп. Стал говорить:

— Часть добычи я оставил, принес лишь двенадцать тюленей и две нерпы.

Говорит жене:

— Ты тоже завтра со мной на охоту пойдешь, надо тебе проветриться!

Жена отвечает:

— Ладно, пойду! Это хорошо!

Муж продолжает:

— Свари, пожалуйста, разного мяса, да побольше! Мы хоть раз вместе вдоволь поедим!

Жена говорит:

— Что ж, сварю. Только почему ты говоришь так, как будто мы умирать собрались?

Муж отвечает:

— Да нет! Просто уж такое слово выскочило. Как будто мы первый раз решили хорошо отдохнуть! Тебе ведь нужно проветриться. Я-то ежедневно хожу. Вот из жалости к тебе и говорю так.

Жена говорит:

— Ну что ж, это хорошо!

Сварила жена всего: оленины, мяса тюленя и нерпы. Свежего мяса варила и чуть подпорченного.

Поели. Так наелись, что еле-еле двигаются — животы мешают.

Затем легли спать. Долго спали, только в полдень на другой день проснулись. Встали, самые лучшие наряды надели. Муж даже новые торбаза обул.

Жена тайком от мужа туфельки паука положила в обе штанины комбинезона.

Отправились. Идут. Вдруг показался большой каменный дом. Жена говорит мужу:

— Смотри, что это там такое большое виднеется?

Муж отвечает:

— А это мой тайник, откуда я за зверем слежу. Помнишь, я долго никого не мог убить? Вот тогда и сделал его.

Идут. Приблизились к дому. Слышит жена — шум в доме.

Говорит:

— Что это там шумит?

Муж отвечает:

— Это, наверное, плохо уложенные камни падают.

А на самом деле это черви в доме шумели.

Жена нарочно и говорит мужу:

— Смотри, что это там белое-белое по склону горы идет?

Сказала и пошла быстрее, впереди него оказалась. Ищет муж, где это белое по склону горы идет, а она тем временем бросила одну туфельку на землю.

Пошли дальше, вдруг видит муж: на дороге туфелька валяется. Вскрикнул даже от удивления. Говорит:

— Ой, смотри! Первый раз такую туфельку вижу! И это в тот день, когда ты со мной пошла. Никогда раньше такой туфельки не видел.

Разглядывает он туфельку, а жена и вторую туфельку бросила.

Муж говорит:

— А где же вторая, пара к этой?

Идут, идут и вторую увидели. Стал и ее муж разглядывать. Жена отстала немножко, подняла голову и тихонечко так говорит (а надо сказать, что они уже под стенами дома с червями стояли): «Ну, где же?» Паук тут веревку спустил, привязал женщину и скорехонько поднял ее вверх. Над самым домом червей и подвесил ее.

Посмотрела вниз, в дом с червями. А там большущие черви величиной с руку ползают. Очень их много!

Муж смотрит кругом и говорит:

— Ой, где же это жена? Не заметил, куда она убежала.

Помотрел на дом с червями. Увидел ее. Говорит:

— Смотри-ка, что это с ней случилось?

Быстренько взобрался на стену дома. Хочет схватить жену, а не может. На цыпочки поднялся, руку вытянул — еле-еле до пяток достал. А как в другой раз хотел до жены дотянуться, оступись и упал в дом с большущими, величиной с руку, червями. Черви в один миг и съели его. Только косточки среди червей белеют.

А паук привел жену домой. Пришли. Там уже два дома стоят. В одном одинокий мужчина живет, сын паука. Его в то время дома не было — пас оленей. Так ему паук велел.

Пришел домой мужчина — сын паука. А там женщина.

Говорит им паук:

— Ну что ж, женитесь, живите дружно!

Согласились они.

Паук говорит женщине:

— Все, что дома есть, можешь смотреть и трогать, только мешочка, который возле полога лежит, не трогай!

Увидела женщина малюсенький мешочек длиной в два пальца.

Паук ушел.

Стала женщина все перебирать. А как все перебрала, говорит:

— Почему это паук запретил мне мешочек трогать? Дай-ка я его распотрошу!

Развязала женщина мешочек. Выгребла одним движением все содержимое. А там разные звериные шкуры. Вмиг эти звериные шкуры увеличились, большие стали: тут и шкуры белых и бурых медведей, тут и шкуры песцов, зайцев — словом, каких только нет!

Испугалась женщина: как все это обратно в мешочек затолкать — ведь он маленький, даже хвост песца и то не вле-

зает. Хорошо, что в эту минуту паук вернулся. Вошел в дом, говорит:

— Зачем ты распотрошила мешок? Я ведь говорил тебе: «Ничего оттуда не вынимай».

Собрал все паук. Смотрит женщина, а все уже в мешок сложено. Не заметила, как это паук и сделал.

Стала женщина хорошо жить. Нарожала детей. Стадо увеличилось. Да и мучителя ее съели его же черви. Все.

70. Девушка, отказавшаяся от замужества

Одна девушка отказывалась замуж выходить. Выстроил ей отец ярангу, чтобы там с мужем жила, а она все равно никакого мужчину к себе не пускает.

И вот однажды дочь сказала отцу:

— Сделай мне, пожалуйста, из дерева глубокое корыто!

Отец сразу же выполнил просьбу дочери.

Как-то два дня не было дома девушки. И еще раз целый день ее не видели. А вечер наступил, услышали вдруг из ее яранги крик маленького моржонка.

Сказал отец:

— Да где же это моржонек кричит! А ну-ка, пойду посмотрю!

Пошел к дочериной яранге, а моржонек, оказывается, в пологе кричит. Заглянул туда. Видит — в корыте, которое он сделал, плавает в воде новорожденный моржонек и кричит.

Схватил он моржонка и убил. Домой принес. Говорит жене:

— Вот моржа убил. Свари-ка мясо, с удовольствием молоденькой моржатины поем!

Обрадовалась жена, стала еду готовить. Сварилось мясо, стали есть. А тут дочь вошла. Говорят ей:

— Поешь и ты с нами!

Подошла было, да узнала мясо моржонка. Сказала, отстраняясь:

— Не буду я своего ребенка есть,— заплакала и ушла домой.

Пришла домой, тут же на берег моря отправилась. И стала на берегу горько плакать.

Вдруг видит — в море четыре больших моржа прямо к ней плывут.

Вылез один на берег и спросил девушку:

— Что ты плачешь?

Отвечает девушка:

— Ох, прихожу я домой, а нашего ребеночка мои родители уже доедают. Возьми меня к себе навсегда. Давай к тебе отправимся, буду я с вами жить. Ведь жена я тебе.

Морж сказал:

— Только вот отец ругать меня будет.

А девушка настаивает:

— Давай скорее уйдем отсюда, ведь родители съели ребенка моего!

— Ну что ж, пожалуй, отправимся,— сказал морж.

Стали четыре моржа рядышком, девушка на спину своего мужа села.

Отправились прямо в открытое море. Несколько суток плыли. Очень долго плыли. Наконец показалось вдали что-то вроде тумана. Шум послышался, крик. Оказывается, в страну моржей приплыли.

Сказал муж-морж девушке:

— Вон уже наша страна видна. Скоро дома будем!

И вот огромная суша появилась, вся моржами заполнена.

Приплыли к берегу, вылезли, долго среди моржей шли. Когда до середины суши дошли, большое стадо моржей увидели.

Муж-морж сказал:

— Вот наконец домой пришли.

А дома-то никакого и нет. Только вплотную друг к другу на большом пространстве моржи лежат.

Старик морж и старушка моржиха сказали сыну:

— Значит, ты сюда чужую девушку привез? А ведь мы тебе велели в своей стране жениться. Не послушался ты, на чужой девушке женился. Вот теперь заботься о ней, чтобы она голодная не была. Охраняй ее, а то наши родичи по неосторожности и задавить ее могут.

Так и стала девушка в стране моржей жить. Муж каждый день ей моллюсков приносил. И хотя девушка ела их, однако вскоре сильно похудела.

И вот говорит старик морж сыну:

— Умрет тут с голоду чужая девушка. Ты ведь и сам знаешь, какая пища ей по вкусу. Но все равно я тебе напомним: оленина, нерпятина, тюленина, китятина, моржати-на — вот ее пища. Но ты ведь не можешь все это добывать.

Пожалуй, только моржонка можешь добыть. Но тогда твой народ от тебя отвернется.

А сын только молчит и вниз смотрит.

Отец опять ему говорит:

— Лучше увези ее обратно домой! Жалко ее! Так ведь и умрет здесь чужая дочь. Видишь, совсем исхудала!

Сын согласился:

— Да, надо отвезти, а то жалко, умрет!

Сказал своим трем товарищам:

— Еще раз проводите меня! Отвезем мою жену обратно! Опять вчетвером отправились. В пути сказала девушка своему мужу:

— Не везите меня домой! Не хочу я своих родителей видеть! Не могу с ними жить! Ведь они нашего с тобой сына съели! В любое другое место отвезите меня.

Ответил муж-морж:

— Ладно, можно и так! Отвезу я тебя в другое селение. Я до тебя еще одну девушку в жены брал. Отец тоже велел отвезти ее домой. Ее родину я хорошо знаю. Вот туда мы тебя и отвезем.

— Да, правильно,— отвечает девушка.— Мы с соперницей будем дружно жить, тебя, своего мужа, вспоминать.

Вот уже земля показалась. Когда подплыли ближе, муж-морж сказал:

— Пусть мои товарищи еды принесут сначала. Как придешь, угости мою первую жену своей пищей и поешьте вместе. Нырнули два моржа и вскоре с моллюсками вернулись.

Вышла девушка на берег, взвалила на спину запас пищи. А четверо моржей обратно поплыли. Пошла девушка по берегу. Видит — большая яранга. Зашла в нее, а там никого нет.

Сказала девушка:

— Ну, кажется, я погибла! Придет кто-нибудь и убьет меня!

А в яранге много мяса дикого оленя вялилось.

Девушка говорит:

— Если уж умирать, то хоть поем как следует перед смертью!

Стала есть, а свой запас пока отложила. Вдруг слышит — чьи-то шаги снаружи и голос. Говорил кто-то:

— Ого, кто же это в мою ярангу зашел? И запах какой плохой! Ну и задам же я незваному гостю.

Смотрит девушка, а в ярангу бурая медведица заходит, двух диких оленей тащит. Увидела девушку, спрашивает ее:

— Зачем ты в мой дом пришла? Ведь ты человек!

Девушка отвечает:

— Меня привезли сюда из страны моржей. Никакой другой яранги поблизости нет, вот я сюда и зашла. Ах, если бы ты захотела стать моей подругой!

Медведица сказала:

— А ведь и меня морж замуж брал!

Девушка ей ответила:

— Ага! Твой бывший муж потом на мне женился. Вот это мой дорожный припас. Он сказал мне: «Вы все это с моей первой женой съешьте».

Медведица сказала:

— Ну, так давай есть, а потом еще оленины поедим! Оставайся у меня навсегда, моей подругой будешь!

— Ладно,— ответила девушка.— Всегда буду с тобой жить.

Медведица предупредила:

— Только, пока я буду охотиться, ты не ленись, в ловкости и силе упражняйся. Так, чтобы не могли победить нас. А то врагов у меня много. Опять по осени нападут. Каждый год они нападают на меня. А я уже стара стала, боюсь, что не смогу их одолеть. Их много, а я одна.

Девушка сказала:

— Хорошо, буду силу развивать, пока ты охотишься!

Стала девушка упражняться в силе. Через каждые два дня проверяла ее медведица. Вот однажды не смогла девушку побороть. И все равно сказала:

— Продолжай упражняться! И учись быстро бегать!

И вот наконец очень сильная стала девушка. Медведицу, как перышко, вверх подбросила. И бегать стала быстро, не догонишь.

Сказала тогда медведица:

— Ну довольно, сильная уже стала! Можешь больше не упражняться! Теперь, наверное, одолеешь моих врагов.

Так и было. Осенью напала на них ватага вооруженных копьями мужчин.

Медведица сказала:

— Ты пока спрячься в густой траве! Но на меня поглядывай! Со всех сторон враги набросятся. Как устану и скажу: «Ох, устала!» — тогда выходи. Китовую кость возьми, ею будешь врагов бить.

Долго трое мужчин с медведицей сражались. И вот наконец сказала медведица:

— Ох, устала!

Тут девушка выскочила. Китовой костью всех врагов перебила. Так девушка медведицу спасла.

И стали вместе жить медведица и девушка. Конец.

71. Человек в белой одежде

Жил с двумя женами мужчина в белой одежде. Вот раз говорит он женам:

— Сшейте-ка мне новую одежду, но только чтобы все было белое!

Женщины послушались. Сшили они белые торбаза, кухлянку, штаны, шапку и рукавицы.

Наступил вечер. Надел мужчина новую одежду. Говорит женам:

— Я сейчас на улицу выйду. И вы через некоторое время выходите, попытайтесь найти меня.

Вышел мужчина в белой одежде. Лег с подветренной стороны яранги на снег. Кричит:

— Идите!

Вышли женщины. Очень долго его искали, так и не смогли найти. Наконец кричат:

— Где же ты?

— Да вот я,— говорит мужчина в белом.— Вы же по мне ходили, будто я снег. Ну, теперь я могу и в путь отправляться!

Жены спрашивают:

— Куда это ты собрался?

— Собрался я к Пээгти, хочу жену у него отобрать,— говорит мужчина в белом.— Никто не может жену у него отобрать.

Жены говорят ему:

— И тебе не отобрать. Идешь ты на верную гибель.

— Ну что ж! Тогда просто проведу его.

Отправился мужчина. Наступило полнолуние. Идет ночью в темноте. Вдруг видит: у трещины земли кэле удят. Один старик кэле ребеночка вытянул. Ребеночек плачет, захлебывается.

Мужчина в белом говорит:

— Так вы, оказывается, детей убиваете. Вот почему детишки у нас исчезают!

Очень испугался старик кэле. Говорит:

— Ой! Ну и ну! Ну и ну! Это ведь я просто так. Пойдем-ка

лучше домой, а то услышат тебя мои товарищи! Убьют они тебя. Иди первый!

Мужчина в белом говорит ему:

— Лучше ты иди первый! Я ведь дороги не знаю.

Идет старик кэле впереди. Приближаются к дому. Уже рассвет, а у кэле, наоборот, только темнеть начинает.

Старик кэле говорит мужчине в белом:

— Подожди пока здесь! Пойду жене скажу, что гость к нам пришел, а то, наверное, опять постели в пологе лежат.

Вошел. Слушает мужчина в белом. А старик кэле говорит: «Животное-тюлень сам к нам пришел. Приготовь-ка все мое оружие!»

Услышал мужчина эти слова и убежал. Лег на снег у околицы.

Вышел старик кэле. Стал искать мужчину в белом. Не может найти. Ходит по нему, топчет, а найти не может.

Наконец совсем стемнело.

Пришли товарищи кэле с ужения и спрашивают:

— Что это ты ищешь в темноте?

Отвечает им старик кэле:

— Да вот тюлень сам пришел, а потом вдруг потерялся!

Говорят ему товарищи:

— Что же ты нам раньше не сказал?

И стали его по лицу чем попало колоть. Все лицо у старика кэле вздулось. Стало вовсе темно для кэле. Вошли все кэле в дом.

Как только ушли все кэле, мужчина в белом дальше отправился. Идет. Пришел в маленькое селение. Подошел к дому, воткнул посох в снег. Вдруг собачка залаяла. Старик из дома кричит:

— Ой! На кого это собака лает? Надо бы выйти, посмотреть,— говорит детям.

Старший сын вышел. Как вышел, говорит:

— Вон уже месяц совсем круглый стал!

А мужчина в белом отвечает:

— Да, совсем круглый!

Испугался юноша — не видит, кто говорит.

— Ой, кто это? — спрашивает.

— Это я, человек в белой одежде!

— Ну что ж, идем к нам!

Вошли. Юноша говорит старику:

— Вот, к нам мужчина в белом пришел!

Говорит старик:

— Так, так. А это не кэле?

Мужчина в белом отвечает:

— Нет, я не кэле!

— Раз так, то лезь в полог,— говорит старик,— поешь!

Затем спрашивает:

— Куда путь держишь?

— Иду отнимать у Пээгти жену,— отвечает мужчина в белом.

— Не отнять тебе! — говорит старик.— На верную гибель идешь!

— Ну, хоть схожу проведу. А далеко ли еще до него?

— Как выйдешь отсюда, так и придешь,— отвечает старик.

На другой день, проснувшись, отправился дальше. Идет. К вечеру пришел. Видит: сторожа вокруг ходят. Одного Кууркы зовут. А Пээгти сидит на камне у стены дома.

Кууркы говорит:

— Ну, здравствуй! Зачем пришел?

— Да вот, хочу у Пээгти жену отнять.

Вдруг встал Пээгти и говорит:

— Ну что ж! Давай только сначала поиграем!

Говорит своим детям:

— Идите в одно из стад, забейте четырех телят и одного старого быка!

Отправились те, забили оленей. Принесли они туши, развели большой костер, сварили на нем всех оленей. Сварившееся мясо вынули из котлов.

Пээгти говорит мужчине в белом:

— Ну, а теперь посмотри на первую игру!

Растворил большущую дверь в земле. Велел заглянуть туда. Заглянул мужчина в белом в яму. А Пээгти как толкнет его! А в яме-то большущий огонь горит.

Мужчина сквозь огонь в землю провалился. Видит даже, как Пээгти ест.

Поел Пээгти, вдруг видит — стоит перед ним мужчина в белом. Пээгти сказал ему:

— Ну что ж, не зря, видно, пришел ты отнимать у меня жену!

Мужчина в белом говорит:

— Да я только проведать тебя пришел!

Снова послал Пээгти детей в стадо, говорит:

— Забейте трех телят и двух старых быков!

Забили и все сварили.

— Ну, перекуси перед чаем,— сказал Пээгти, когда мясо сварилось,— но сначала давай на вторую игру посмотрим.

Открыл в земле другую дверь. Говорит мужчине:

— Загляни сюда!

Заглянул мужчина. Пээгти его опять толкнул. А в яме два здоровенных бурых медведя сидят. Там и запер Пээгти мужчину в белом.

А мужчина в белом возьми и обратись в прожорливого комара. Стал в яме летать. Летает и садится по очереди на уши медведей.

Поел Пээгти. Приоткрыл дверь. А из ямы прожорливый комар вылетел. Ударился о землю — снова мужчиной в белом стал.

Пээгти только сказал:

— Ну, не зря пришел отнимать жену!

Мужчина в белом сказал:

— Да я только тебя проведать пришел.

Пээгти говорит ему:

— Ну, теперь мою последнюю игру посмотри!

Велел Пээгти позвать поющую старушку.

Опять дверцу в земле открыл. Заглянул мужчина туда, а там что-то вроде большой пилы увидел. Засунули они мужчину в белом в мешок из равдуги, веревками опутали и положили между пилами. Старуха петь приготовилась.

Вдруг сверху паук спустился, мужчину в белом веревкой обвязал и потянул вверх. Затем говорит:

— Послушай и посмотри, что будет большая пила делать!

А между пилами остался только мешок из равдуги.

Запела старушка: «Ой, как весело кроить мешок из равдуги, в который человек засунут».

Кончила петь старушка. Вытащили мешок, а мужчина в белом цел и невредим рядом стоит. Пээгти говорит ему:

— Не зря ты, видно, пришел отнимать жену!

Мужчина в белом отвечает:

— Я ведь только пришел проведать тебя. Ну, а теперь давай на бубнах состязаться.

Начали состязаться. Пээгти одну свою жену перед собой посадил, другую — позади себя. Ноги той, что сзади сидела, перед собой связал, а ноги той, что спереди сидела,— позади себя.

Играет мужчина в белом на бубне и говорит Пээгти:

— Смотри внимательно за женами! Я домой отправляюсь!

Поиграл еще немного и перестал, а бубен сам начал играть. Пээгти и не заметил, как уснул.

А мужчина в белом уже к своему дому приближается. Вместе с ним жены Пээгти.

Вдруг паук говорит:

— Вон Пээгти нас на оленях преследует!

Мужчина в белом отвечает:

— Ну и пусть!

Пришли домой. Мужчина в белом обмазал сажеей жен Пээгти.

Тут и Пээгти подъехал. Мужчина в белом говорит ему:

— Зачем ты пришел?

— Да вот, жен своих хочу проведать!

Мужчина говорит:

— Я же их у тебя дома оставил. Видишь, разве это твои жены? Я же тебе говорил: «Следи за женами, я домой отправляюсь». У меня, правда, сестра есть, но она очень плохая.

Пээгти говорит:

— Покажи, может, хорошая!

Мужчина в белом говорит:

— Подожди здесь, я схожу за ней!

Бросил незаметно нож и свечку. Пошел за полог. Сделал из снега женщину и говорит ей:

— Ну, пошли скорее домой!

Привел ее в дом. Говорит Пээгти:

— Вот моя сестра, привел я ее!

Пээгти отвечает:

— Ого, какая хорошая!

Сразу же быстренько домой поехали. В пути женщина говорит ему:

— Скорее поезжай, а то я вот-вот рожу!

Приехали домой. Стали есть. Как только нос женщины начнет от жары таять, высунется она из полога и поправит свой снежный нос. И все говорит Пээгти:

— Ешь быстрее, а то я уже начинаю рожать!

У Пээгти даже куски в горле застревали от такой спешки. Как только кончил он есть, начала снежная женщина таять. Весь полог, весь дом талым снегом засыпало, а потом водой залило. Пээгти и задохнулся. А его товарищи как раз в стаде были. Тут вдруг сильная пурга поднялась, разбрелись олени кто куда. Стали товарищи Пээгти оленей искать да все и замерзли.

Все потомки мужчины в белом хорошо жили. Все.

Говорят, давным-давно в самом конце села Пинакуль, немного на отшибе, жил сирота с сестрой. Очень бедно жили, кормились только тем, что люди дадут.

Однажды всю зиму пурга мела. Стали все люди голодать. Только жители первой, богатой яранги не голодали.

Вот раз, несмотря на пургу, засобирался куда-то Мутлювыи¹ — так сироту звали.

— Куда ты собираешься в такую пургу, ведь замерзнешь,— говорит Мутлювыи сестра.

— Не запрещай мне, не говори напрасно! Иду я ребенка искать,— сердито ответил Мутлювыи.

Вышел Мутлювыи. Пошел против ветра. Идет. Стала на нем одежда, начиная с нательной, замерзать. Повернул Мутлювыи назад. До дома еще далеко, у него ноги стали подгибаться. Стал он звать сестру. Услышала сестра, прибежала и поволокла домой замерзающего брата.

Но сирота не успокаивается. Вскоре опять стал собираться. Опять не хотела сестра пускать его, но куда там! Разве он послушается!

Снова пошел против ветра. Наконец границу ветра перешел — тихо стало, ветерка нет. Видит — яранги с приподнятыми внизу покрышками. Встал Мутлювыи против дверей. Никто его не видит, невидимкой Мутлювыи сделался.

А это было, оказывается, селение реккенов.

— Дай-ка мне ту вещь, которой предков спрашивают,— говорит старик реккен товарищу.

Подали старику большую круглую голову. Стал старик гадать, в какой стороне село Пинакуль находится.

Мутлювыи посохом накрыл голову, на которой гадал старик. Перестала голова качаться. Выбросил голову старик и говорит товарищам:

— Дайте другую, эта врать стала!

Дали ему шкурку горностая с головой. Снова начал старик гадать. Только шкурка начнет качаться, Мутлювыи дотронется до нее, она и перестанет качаться. Так и не смог старик погадать.

На привязи около дверей была большая собака. Рвется она в сторону Пинакуля. Оборвала наконец привязь и побежала к Пинакулю. А Мутлювыи домой заторопился.

Пришел в Пинакуль, и собака за ним прибежала. Попыталась яранги опрокидывать. Начала с дома Мутлювыи, но не

смогла его опрокинуть. И другие яранги не смогла. Только первую ярангу опрокинула и одного человека съела.

А у Мутлювьи на ремне был костяной нерпеныш. Ласты у нерпеныша из моржового клыка, в разные стороны торчат, а глазища огромные. Привязал Мутлювьи собаку к нерпенышу.

Приехали реккены за собакой. Боятся ее взять, потому что привязал ее Мутлювьи, который на них страху нагнал. Стали звать Мутлювьи с улицы:

— Эй, Мутлювьи, отдай нам нашу собаку!

— Нет, не отдам! Зачем вы ее в Пинакуль послали? Теперь она будет на меня работать!

— Отдай собаку — мы тебя шаманить научим!

— А я и так шаман.

— Тогда станешь удачливым звероловом!

— А я и так достаточно зверей убиваю.

— Если тебе слуга нужен, то можем тебе сына дать!

— Сначала приведите сына, а то еще обманете!

Привели реккены мальчика. Отдал им Мутлювьи собаку, но сказал:

— Если мальчика назад заберете, я вас везде найду, даже под землей. Вот тогда вам плохо придется!

Ушли реккены. Но скоро и мальчик ушел.

— Эх, обманули они меня!

Пока он это говорил, забеспокоилась сестра Мутлювьи, заволновалась и вскоре родила мальчика реккенов, только в человеческом виде. Назвали его Тайкыгыргыном².

Стал Мутлювьи учить мальчика собирать морскую капусту. Однажды Тайкыгыргын говорит Мутлювьи:

— Давай пойдем, Мутлювьи, собирать морскую капусту!

Отправились. Пришли к берегу, сунул он в воду гарпун и стал им вертеть. Очень много морской капусты вытащил. Вместе с капустой и тюленя прихватил.

Как-то захотелось Тайкыгыргыну в свое село сходить. Отец отпустил его, но сказал:

— Возьми с собой ремень и посох! Если будут тебя кормить, ешь по три китовых позвонка, они же только по два едят. Если они захотят, чтобы ты камлал, не отказывайся!

Отправился Тайкыгыргын. Пришел в село. Хозяева перед чаем по два китовых позвонка подали. А Тайкыгыргын третий попросил.

Вечером стал хозяин камлать. Покамлал, предложил Тайкыгыргыну камлать. Отказывается Тайкыгыргын, говорит, что не шаман он, поэтому не умеет камлать. А хозяин отвечает:

— Как же ты не шаман, когда ты сын Мутлювьи. Уж не отказывайся.

Стал Тайкыгыргын камлатъ. Поднялась яранга во время камлания в воздух и полетела в сторону дома Тайкыгыргына.

Велели ему перестать камлатъ, только тогда он остановился.

Назавтра отправился он домой, очень много китового мяса с собой взял. Еле-еле в ярангу уместилось. Стал он с товарищами жить в достатке.

Скоро опять ему захотелось в какое-нибудь село пойти. Мутлювьи говорит ему:

— На этот раз у тебя, наверное, ничего не получится, потому что шаман того села перед чаем съедает три китовых плавника.

— Что ж, я только попробую. А то как же мы будем без мяса жить?

И вот отправился Тайкыгыргын в следующее село. Когда он в то село пришел, встретили его очень гостеприимно, потому что знали: это сын самого Мутлювьи. Стали есть, каждый по три плавника съел. Тайкыгыргын попросил четвертый китовый плавник.

Вечером хозяин решил хорошо повеселиться. В компаньоны пригласил Тайкыгыргына.

— Я не умею камлатъ,— говорит Тайкыгыргын хозяину.

— Не можешь не уметь, потому что ты сын Мутлювьи,— настаивает хозяин.— Давай будем вместе камлатъ!

Начали камлатъ. Вдруг хозяин накрыл Тайкыгыргына пологом, а сам в сени выскочил. Но Тайкыгыргын вместе с пологом выше яранги подпрыгнул и пологом накрыл ее всю.

— Ну, хватит играть!

Взял Тайкыгыргын с собой мясо разных тундровых зверей и отправился домой к отцу. Снова в селе много припасов стало.

Вот однажды Тайкыгыргын опять говорит сидящему в пологе Мутлювьи:

— Отпусти меня еще в какое-нибудь село!

— На берегу моря живет самый сильный шаман. Иди туда! У него есть красивая жена. За ней и иди. Будут тебя просить камлатъ — камлай всю ночь. Когда все уснут, бери женщину и, камлая, лети. На середине моря увидишь камень, скажи ему: «Помоги». А там посмотришь, что дальше делать.

Отправился Тайкыгыргын. Встретили его очень гостеприимно. Но откуда они узнали его имя и что он реккен, которого отнял Мутлювьи?

Вечером хозяева попросили Тайкыгыргына покамлать. И вот начал он камлать. Уснувших будил, чтобы они отвечали ему. Наконец все уснули, не могли больше отвечать. Схватил он женщину и отправился с ней домой. Когда стало рассветать, достигли они камня на середине моря. Говорит он камню:

— Камень, помоги мне!

Треснул камень, и вошли Тайкыгыргын с женщиной в расщелину. Замкнулась расщелина, и стал камень, как прежде.

Послал береговой шаман белоголовых гусей, чтобы разыскали и вернули Тайкыгыргына. Подлетели гуси к камню посередине моря. Стали камень ломать, не смогли. Тогда вырвали камень с большим трудом из воды и полетели с ним обратно.

Очень тяжелый камень — уронили они его и оставили. Полетели к шаману, спрашивают, что дальше делать.

Пока гуси к шаману летали, беглецы домой пришли. И стали дома жить.

— Если хочешь повидать своих сородичей, перекочем к ним поближе, — сказал Мутлювьи Тайкыгыргыну.

Оставили свою ярангу и тут же в путь отправились. Пришли они, а реккены спят. Пролезли среди спящих и тоже уснули. Наутро Мутлювьи говорит Тайкыгыргыну:

— Сходи к соседям, кликни их, скажи им, что мы сюда перебрались.

Тайкыгыргын пошел к соседям. Вошел к ним. Зарычали на него реккены, но затем узнали своего сына.

— Ах, здравствуй! Где твои товарищи, что с ними? Почему ты один?

— Они в добром здравии. У ваших соседей остановились.

— Вот, спасибо! Скажи отцу, чтобы стал нашим предводителем, — говорит старик реккен Тайкыгыргыну.

— Тебя хотят сделать предводителем этого села, — сказал Тайкыгыргын Мутлювьи, когда вернулся.

Мутлювьи согласился. Собрал всех реккенов и сказал им:

— С этого дня вы будете питаться только мясом животных, хватит есть человечье мясо! Не будете слушаться, я вам большую взбучку устрою! Запомните мои слова!

Стал народ реккенов добывать морского зверя, а также диких оленей. Но иногда им очень хотелось человечьим мясом полакомиться. Вот однажды просят они Мутлювьи:

— Отпусти, пожалуйста! Хоть разок пойдем нашей еды по-ищем! Мы скоро вернемся!

— Ну, раз уж очень хотите, отпускаю вас! Но только врагов ищите, наших людей не трогайте!

Ушли реккены. Действительно, скоро вернулись. Привели много человечков. Пошел Мутлювьи посмотреть. Вдруг стал пинакульских узнавать. Тогда он и говорит людоедам:

— Вот этих отпустите! Экие непослушные! Говорил ведь, чтобы не трогали моих сородичей. Я вас больше не отпущу! С этих пор будете питаться тем, чем и мы,— только мясом животных.

С тех пор он совсем реккенов себе подчинил и стал их кормить только мясом животных. Перестали они охотиться на людей.

73. Икычуринский, Колючинский и Науканка

Говорят, жили когда-то Икычуринский¹, Колючинский² и Науканка³. Все они были шаманами. Науканка не хотела замуж выходить.

Однажды во время камлания встретились шаман Колючинский и шаман Икычуринский. И вот Колючинский позвал в гости Икычуринского.

Назавтра, проснувшись, Икычуринский сказал матери, что идет в гости к Колючинскому. Сказал и отправился в гости.

— Ой, кто там? — спросил сидевший в пологе Колючинский, услышав, что кто-то в сени вошел.

— Это я, Икычуринский, — отвечает гость.

— Ну входи в полог, раз пришел. Давай посытнее поедим, — говорит хозяин.

И вот приготовила мать Колючинскому вкусную еду. Молодую птицу сварила. Поели шаманы, решили отдохнуть: вечером все равно ничего не могли сделать.

— Давай пока поиграем, — сказал Колючинский и достал бубен.

Стал гость камлать. Колючинский спрашивает:

— Кого, интересно, ты взял в товарищи?

— Да вот баклана! А ты?

— Песца! Ты знаешь Науканку, которая не хочет замуж идти?

— Зачем ты меня о ней спрашиваешь? Наверное, хочешь пойти к ней? — говорит в ответ Икычуруинский.

— Давай пойдем! Очень ее красоту хвалят.

— Ну что ж, пойдем! Вот только не верю я твоему песцу, — говорит Икычуруинский.

— А ты не сомневайся! Лучше сейчас же пойти! Сегодня женщина третий день мячей не делает. Она ведь ежедневно мячи делает, чтобы они сторожили ее.

Отправились шаманы. Идут. Колючинский в песца превратился, а Икычуруинский — в баклана. Принюхиваясь, песец бежит туда-сюда. Икычуруинский и говорит:

— Ну его, песца, давай его оставим.

Дальше отправились. Идут, идут, вдруг Икычуруинский под водой пошел, а на вопрос товарища ответил:

— Разве ты не видишь, ищет нас сторож женщины? Поэтому я пошел под водой.

Тут Икычуруинский нырнул прямо в море и уже в селении женщины говорит своему товарищу:

— Вон женщина вышла, сторожа идет проверять! А мы давай под двумя камнями спрячемся!

А сторожем-то у женщины мяч был. Идет она с мячом в руках. Мяч прямо огнем горит, лучи во все стороны разбрасывает, все вокруг себя высвечивает. Чуть-чуть шаманов не высветил. Вошла женщина в дом. Мужчины вслед за ней тайком вошли. Вдруг отец говорит женщине:

— Завтра набей мяч птичьим пером, которое на берегу моря соберешь.

— Пойдем на берег и превратимся в птичье перо, — говорит товарищу Икычуруинский.

Пошли они на берег моря и превратились в птичье перо.

Стала женщина наутро собирать птичьи перья. Проверила хорошенько, стала в мяч класть. Икычуруинского сразу положила, а Колючинского долго щупала — наверное, о чем-то догадывалась. Но все равно и его положила.

Потыкала женщина мяч на всякий случай, да так и зашла, ни о чем не догадавшись. Стала мяч испытывать. Он, как и всегда, светится. Стала подкидывать его — на легкость проверять, мяч вдруг в воду покотился. Погналась женщина за ним. Вдруг увидела моржа. Выскочил из воды Икычуруинский, проглотил мяч с женщиной и отправился домой.

— Раз уж мы ее вместе добывали, давай вместе ее мужьями будем, — говорит Колючинский Икычуруинскому, — пусть она немного у тебя поживет, а потом я ее к себе возьму.

Немного спустя привел Колючинский Науканку к себе и оставил навсегда.

Вот однажды Икычуринский говорит матери:

— Что-то мы без внука живем. Ты убей эту женщину, а я ее потом оживлю!

Заболела женщина и, хоть лечил ее Колючинский, умерла. Долго Колючинский не хоронил ее. Похоронил, только когда мать позволила.

— Ну вот, похоронил Колючинский женщину. Пойду я за ней,— сказал Икычуринский своей матери.

Вдруг что-то треснуло на крыше. Сын снаружи говорит матери:

— Не пугайся, сейчас я ее внесу! А ты ее как можно быстрее оттаивай!

Оттаяла женщина, полнеть начала и прежней стала. Когда совсем оттаяла, посадил ее баклан — и ожила женщина. Хорошо стали жить, а Колючинский так один и живет.

74. Морская радуга

Говорят, жили два брата. Один брат богатый, две жены у него, а другой очень бедный. Бедный брат отдельно в землянке жил.

Всякий раз, как взойдет солнце, соберутся все в доме у богача и начнут на него трудиться: кто деревянные блюда делает, кто еще что-нибудь.

Самым последним приходил в дом богача младший брат.

— Ой, здравствуй, брат! Женщины, приготовьте нам поесть,— говорил каждый раз старший.— Тебя мои жены кормят, а ты приходишь самый последний, как будто уже женился.

Младший брат от стыда ковыряет ногой землю в сенях. И сядет есть только тогда, когда другие напомним, что ему может ничего не остаться. Съест он всего две пригоршни и довольствуется этим. А вечером самый последний уходит. И к себе домой идет. Назавтра, когда ветер подует, снова у богача собираются, и младший, как всегда, самый последний приходит. Смеются над ним, а он давно к насмешкам привык.

Вот однажды вышел он опять самый последний. В море у самого берега, там, где малая волна начинается, увидел радугу. Посмотрел и домой пошел. Остановился у дома и снова

увидел радугу. Любопытно ему стало, пошел туда. Ступил на то место, где радуга начинается, и увидел женщину, которая огонь в воде разжигает. Очень красивая женщина, все пальцы в перстнях.

Взглянула женщина вверх:

— Ну, иди сюда!

— Как же мне идти?

— А ты закрой глаза и прыгай!

Поглядел юноша — страшно прыгать. Решился наконец и прыгнул. Видит: очень красивая женщина совсем рядом. Сразу же стал обнимать ее.

— Сначала я приготовлю тебе еды, поешь, тогда и спать ляжем,— говорит женщина юноше.

— Нет, не голоден я, давай сразу ляжем!

— Если бы я не знала, что ты всегда голоден, если бы не видела, как твой брат над тобой издевается, не показала бы тебе.

Сварила женщина всякой еды. Поели и спать легли.

— Завтра скажет опять старший брат, что тебя его жены кормят. А ты после еды высуни руку на улицу, я тебе блюдо подам, ты и скажи: «Всегда вы меня кормили, а сегодня я вас покормлю».

Назавтра он опять самый последний пришел. И опять говорит ему старший брат:

— Меня твоя жена не будет кормить, а тебя мои жены кормят. Почему ты всегда опаздываешь, самый последний приходишь?

Поели. Как только съели все, высунул юноша руку наружу и внес красивое блюдо, а на нем всевозможные кушанья.

— Всегда вы меня кормили, теперь я вас покормлю. Отведайте-ка вот это!

Молчит старший брат. Когда все съели, выбросил юноша блюдо. Разбилось оно вдребезги, даже осколков не могли найти.

— Давай станем с тобой товарищами по женам¹,— говорит старший брат младшему.

Снова юноша самый последний ушел, прямо к радуге направился.

Утром разбудила его женщина:

— Вставай, а то ходить по нас будут.

Пришел к старшему брату, а тот опять говорит:

— Что же ты все время опаздываешь? Ведь тебя мои жены кормят! Меня твоя жена не будет кормить.

Стали есть. Поел юноша немного и говорит старшему:

— Всегда твои жены меня кормили, а сегодня моя жена покормит тебя.

Только он это сказал, входит очень красивая женщина с блюдом. Схватил ее богач одной рукой, а другой ест. Хотел было после еды обнять ее, а рядом уже никого нет.

Вышел старший брат следом за младшим, не отстает от него, все просит, чтобы товарищами по жене стали.

— Ну и упрям же ты! — говорит младший брат. — Видишь вон ту радугу?

— Вижу, — отвечает богатый брат.

— Если видишь, иди туда, раз уж так настаиваешь!

Пошел мужчина к радуге, увидел женщину, поправляющую огонь в жирнике. Позвала его женщина к себе. Очень хочется мужчине прыгнуть, но страшно. Решился наконец и прыгнул.

Рано утром разбудила женщина его и говорит:

— Хватит спать, вставай, а то будут нас топтать!

Нет, не хочет мужчина вставать. Еще крепче обнял женщину. Но вот вышел из яранги какой-то мужчина. Раздвоился в тот же миг край малой волны, сильный треск послышался. Стал мужчина задыхаться. Тут же и умер.

75. Равклявол и сирота

Говорят, жил давным-давно Равклявол. Трое их было: жена, сын и он.

Сын вырос. Стал один охотиться на байдаре. Вот однажды ушел в одиночку на байдаре. И застало его несчастье. Потерялся неизвестно где.

Ждет его Равклявол. Не возвращается сын. Вот уж несколько месяцев прошло.

Подумал тогда Равклявол: «Наверное, погиб где-нибудь!»

И вот решил однажды устроить камлание. Всех шаманов пригласил, а также сиротку. Говорит им:

— Один месяц я буду камлать. — И еще сказал: — Если не сможете найти сына, то и меня убейте!

И вот собрались все шаманы, начали камлать. Только сиротки нет. Он решил на второй день прийти. И вот отправился открыто к камлающим по подскалью.

Когда до середины дошел, слышит, кто-то его зовет:

— Эй, иди сюда!

Отвечает сиротка:

— Да я вот иду к камлающим, поесть иду!

Голос говорит:

— Идем со мной! Тебе хорошо будет!

Пошел с ним сиротка. Вошли в полог. Говорит мужчина жене:

— Дай-ка мне бубен!

Дала жена.

Оказывается, этот мужчина — касатка. Стал он камлать, совсем разошелся.

Вдруг две птицы-кэле в полог влетели. А в пологе были две дырочки.

Пока он камлал, из дырочек морская вода лилась. Он еще камляет. Наконец нос байдары показался. А птицы-кэле вокруг него ныряют.

Затем мужчина говорит сиротке:

— А теперь ты камлай! Только пой мою песню!

И вот стал сиротка камлать. Делает то же самое, что и мужчина. Затем говорит мужчина сиротке:

— Ну, теперь можешь идти. Будешь делать все, как я тебя научил!

Говорит ему сирота:

— Ладно, буду!

И вот отправился сиротка к камлающим.

Равклявол говорит своим товарищам:

— Хорошенько смотрите! Скоро сиротка может подойти!

Камлают шаманы, обманывают Равклявола. Одни говорят: «Нет его нигде», другие говорят: «Умер он», а третьи говорят: «Не знаем».

Вдруг видят — кто-то идет. Говорят:

— Вон там идет кто-то. Одежда у него из собачьей шкуры.

Равклявол говорит:

— Наверное, это он, позовите его сюда!

Позвали. Пришел он к камлающим.

Равклявол говорит ему:

— А ну, попробуй теперь ты покамлать!

Говорит сирота:

— Не смогу я, пожалуй. Не умею камлать!

Говорит ему Равклявол:

— Ну хоть немного!

Начал сиротка около костра камлать. Спел все песни касатки. Наконец совсем разошелся. И вот птицы-кэле влетели.

Сидят шаманы, друг на друга смотрят. Потом встали, все до одного вышли, даже свои одежды пооставляли.

Наконец из дырок шатра вода полилась, затем нос байдары появился.

Сирота говорит Равкляволу:

— Ну так вот, я еще покамлаю, а вы возьмитесь за лодку и тащите.

Опять начал камлать.

Узнал Равклявол байдару, им самим сделанную, схватились все за нее. Вытащили охотника.

За то Равклявол на нарте волоком отвез сиротку домой. Да еще мяса ему дал! Конец.

76. Шаман

Говорят, жил давно шаман.

Вот однажды пришли за шаманом издалека, просят помочь.

А жена ему говорит:

— Очень я беспокоюсь: ты единственное дитя оставляешь.

Шаман говорит:

— Ничего! Если умрет, я его оживлю!

И отправился шаман в дальний путь.

Как только шаман ушел, сын его умер. Долго шаман не возвращался. А мать все сына не хоронила.

Вернулся шаман через три года. Поздно ночью пришел. Положила мать сына поперек у входа в полог. И говорит шаману:

— Ну, лезь в полог!

Полез шаман и уперся рукой в покойника. Только и сказал:

— Что же это с вами случилось?

В пологе у шамана было пять бубнов: два около входа, два у задней стенки, а один посредине, с украшениями.

И вот стал шаман в бубен бить. Сначала один бубен опустил. Стал шаманить. В землю отправился. Потом вернулся и прямо у стены яранги изломал бубен. Не смог сына найти. Другой бубен взял. Стал шаманить. Теперь уже в море погрузился. Снова ни с чем вернулся, у другой стены бубен изломал.

Так он изломал четыре бубна. Только один остался, тот,

что посредине полога висел. Взял шаман этот бубен и полетел. Прилетел к полярной звезде. А у полярной звезды толстый пыжик. Оказалось, что у шамана полярная звезда — это кэле.

Отправился шаман дальше. Прибыл к Яляуту. Яляут говорит ему:

— Твоего сына отнес к себе тот, что на улице. Через две ночи начнут кэле блюда готовить. Тогда они его убьют.

— Ты возьми-ка моих оленей с нартой. Один из оленей — Бубенчик, другой — Ботало.

Вернулся шаман домой. Говорит жене:

— Завтра я уезжаю. А ты через две ночи убей мою самую лучшую собаку. Вокруг дома обнеси, с восточной стороны на живот положи.

Назавтра шаман отправился еще затемно. Прибыл к Яляуту.

Говорит он шаману:

— Учти, будут тебя звать, ты не откликайся!

И поехал шаман на оленях Яляута. Вот уже третью вселенную проехал, совсем темную.

Наконец к пятой вселенной подъехал. Посмотрел в дырочку: шестерых кэле увидел. Подумал шаман: «Что же мне с ними сделать?»

Наконец придумал. Сказал:

— Дай-ка я нагоню на них сон!

И нагнал на них сон. Сидят кэле, и вдруг все зевать стали, спать захотели.

Старик кэле говорит товарищам:

— Почему это нам всем спать захотелось? Наверное, сыл большого шамана что-то придумал. Следите-ка за ним хорошенько!

И вдруг как сидели, так и уснули.

Посмотрел шаман и сына своего увидел, по ногам и рукам связанного. Втянул в себя воздух. Притянул к себе сына и проглотил. И скорехонько домой отправился.

Назавтра проснулись кэле. Ничего не могут понять, испугались. Спрашивает у них старик кэле:

— А где же человек?

Бросились двое быстроногих вдогонку за шаманом. Проглотил шаман пятую вселенную, погоню заметил.

Как только стали его кэле настигать, появилась вдруг перед ними собака шамана. Бросилась на кэле, но в конце концов устала. Кэле снова за шаманом погнались.

Проехал шаман четвертую вселенную, снова за ним погоня. Опять стали настигать. А у шамана сзади нарты бубенчик и ботало подвешены. А еще бубен с украшениями привязан. Отрубил он бубенчик, упал бубенчик на дорогу.

Первый кэле увидел, поднял. Только к уху поднес, второй кэле подбежал, стал вырывать. Вцепились кэле друг в друга, подрались из-за бубенчика. Наконец разбили его. Опять за шаманом помчались. Скоро догонять стали.

В конце концов обрезал шаман ботало. Упало на дорогу ботало. Схватил его первый кэле. К уху поднес, а тут второй подбежал. Снова стали драться-бороться. Сломали ботало.

Проехал шаман третью вселенную, опять кэле появились. Вот-вот шамана схватят. Подумал, подумал шаман и говорит:

— Где же мои спасители кэле?

Появились вдруг с обеих сторон важеньки.

Остановился первый кэле. Говорит товарищу:

— Ой, что это со мной? Почему меня укачивает?

Бросился бегом назад, только сказал:

— Ой, что это за диковина?

Побежали кэле, а важеньки за ними. Прибежали кэле домой, кричат:

— Скорее дверь откройте!

Открыли им дверь. Передний так и влетел внутрь. И другой следом за ним. Передний одного из сидящих дома схватил.

А шаман с сыном домой вернулся. Стал камлать. И оживил сына. Вся сказка.

77. Шаман Кыкват

Жил-был в селении Нэтэн шаман Кыкват¹. С севера тогда страшная болезнь шла. Везде люди умирали. Но в Нэтэн болезнь еще не дошла.

Сказал Кыкват жителям Нэтэна:

— Сегодня ночью не надо спать, сегодня ночью дойдет до этого селения болезнь. Я буду следить. Как услышите мой голос, скорее ко мне бегите.

А сам оделся в шаманские одежды и поздно ночью вышел из яранги. Выкопал неподалеку от яранги яму в снегу и сел там на корточки. Как только настала полночь, показался огромный кэле. Вместо нарты байдара в одну собаку запряжена. Подъехал, увидел сидящего Кыквата и спрашивает:

— Ты что здесь делаешь?

Кыкват отвечает:

— Не пускают меня к себе эти люди, негде мне ночевать!

Кэле сказал:

— Если негде тебе приютиться, будь моим помощником! Я тебя кормить буду. Есть будешь, что хочешь. У меня разное мясо есть.

Кыкват говорит ему:

— Что ж, согласен, а то я голодный!

Выстроил кэле из шкур ярангу, и вошли они туда.

Кэле сказал Кыквату:

— Там в байдаре мясо есть, иди поешь какого хочешь мяса.

Пошел Кыкват к байдаре. Видит: на носу мертвецы, и еще живые люди есть, ремнями связанные, а на корме несколько диких оленей. Поел Кыкват оленины и вошел в ярангу. Тут кэле стал его спрашивать:

— Я давно слышал, что Кыкват — большой шаман. Ты, наверное, знаешь, где он. Может быть, он здесь и живет?

Кыкват ему отвечает:

— Не знаю! Наверно, умер, что-то не слышать о нем.

Сидит в яранге Кыкват и думает: как бы лучше расправиться с кэле.

Думал, думал и говорит кэле:

— Очень мне приспичило по малой нужде выйти.

— Чего там выходить! — говорит Кыквату кэле. — Не стесняйся меня. Тут все и делай!

— Ох нет, не привык я!

Вышел Кыкват. Как только вышел, бросился на собаку и убил. Потом развязал пойманных кэле людей. Стал по одному на ноги ставить. Поставит, ударит по заднице и говорит:

— Беги скорее домой, туда, где поймали!

Те, у кого еще душа цела, сломя голову домой бросились. А у кого кэле уже душу съел, не могли стоять, падали.

Вот наконец все до одного разбежались. А в яранге кэле стал беспокоиться: «Где же мой помощник? Не пошел ли за Кыкватом? Ох, если Кыквата позовет, плохо мне будет!»

Послал тогда кэле свою жену посмотреть, где Кыкват. Вышла женщина-кэле. Поймал ее Кыкват и убил. Потом в ярангу вошел, бросился на кэле и во весь свой голос закричал:

— Скорее, скорее ко мне бегите!

Прибежали тотчас жители Нэтэна, все копьями вооружены. Связали кэле крепко-накрепко и в рот ему палку засунули, чтобы рот был открыт все время.

И целое лето с самой весны все нэтэнцы лили ему в рот помой. Только к осени стало изо рта течь, только тогда наполнилось его брюхо.

Спросил тогда Кыкват у кэле:

— Будешь еще издеваться над людьми?

— О нет, больше не буду. Даже близко к этому селению не подойду,— отвечает кэле.

Кыкват говорит ему:

— Ну смотри, пока я жив, не будет тебе пощады!

Сказал и отпустил кэле на волю.

С тех пор кэле перестал в Нэтэн ходить. Конец.

78. Пес, ищущий жену

Говорят, пошел однажды пес в другое селение жену искать. Пришел к людям, сел около дверей. Пригласили его в дом.

— Откуда ты? Наверное, пришел за чем-нибудь? — спрашивает старик.

— Да вот пришел жену искать,— отвечает ему пес.

— Слышали, девушки? — спрашивает старик девушек.

— Я выйду замуж,— сказала молодая девушка.

Наутро мать им приготовила в дорогу гостинцы. Сделала домашнюю колбасу.

— Когда дохлых собак в дороге увидишь, бросай им гостинцы,— напутствовала уезжающую дочь.

Отправились. Муж по дороге говорит ей:

— Вон там мои предки лежат.

А жена едет, молчит, хоть бы слово сказала.

Подъехали к дому. Встречают их щенки, шерсть у них грязная, свалялась. Жена ворчит:

— Почему это нас такие грязные щенки встречают?

Заплакали щенки, побежали домой, говорят матери, что очень плохую жену старший братец привез.

Вышла старая собака навстречу невестке, во рту лучину держит. Стала жена старую собаку прочь отгонять.

— Уходи,— говорит,— только свою шерсть и усы сожжешь.

Сказали женщине:

— Входи в дом с закрытыми глазами.

А она с открытыми вошла.

Велели и в кладовую за пологом, и за водой с закрытыми глазами идти. Она опять не послушалась. И ни мяса не нашла, ни проруби. Пришла домой и говорит:

— Никакой проруби нет, я только коготь собаки нашла.

— Ну что ж, давай спать ложиться! Ночью только тогда выходи, когда во второй раз шум услышишь,— сказал муж жене.

А женщина опять не послушалась, на каждый шум выходила.

Наконец отступился от нее муж и повез обратно к родителям.

Вернулся пес домой и сразу же в другое селение отправился жену искать. Пришел в селение и сел около дверей.

— Откуда ты? Наверное, пришел за чем-нибудь? — спросил старик.

— Да вот, хочу жену найти,— отвечает пес.

— Слышите, девушки? Кто из вас замуж пойдет? — спрашивает старик дочерей.

— Ну что ж, давайте я,— говорит самая младшая.

Проснувшись наутро, мать гостинцы приготовила: домашнюю колбасу. После этого отправился пес с новой женой в путь.

— Погоди, не торопись, сначала твоих предков угостим,— говорит жена мужу, который ехал нигде не останавливаясь.

Обрадовался муж, что жена это говорит.

Когда к дому подъехали, щенки им навстречу выбежали. Новая жена всем по куску мяса с ребрышком дала. Побежали щенки домой, говорят матери, что очень хорошую жену старший брат привез.

Вышла старая собака навстречу невестке. Во рту лучину держит. Подбежала к ней девушка и говорит:

— Ведь ты уже старая, можешь шкуру свою опалить. Давай я лучше понесу лучину!

Велели ей войти в дом с закрытыми глазами, вошла она так, как ей сказали. Велели, зажмурившись, пойти в кладовую за полог, она так и сделала. Открыла глаза — а в доме полным-полно всякой бронзовой посуды. Пошла за водой с закрытыми глазами, сразу же прекрасную прорубь нашла.

— Выйдешь только тогда, когда шум в четвертый раз услышишь,— сказал муж жене, перед тем как спать лечь.

Вышла она, как четвертый шум услышала, видит: возле дома огромное стадо, а около стада ее муж стоит — прекрасный юноша. Рядом с ним детишки бегают, все в красивых куклянках и штанах. И мать тут же в красивом женском одеянии. Олени от жиру на свои ноги мочатся, кал их на скрученную проволоку похож.

А первая жена стала подругам жаловаться, говорит, что она первая жена у пса. Но сделанного не воротишь. Зачем так плохо с собаками обошлась?!

79. Шаманящий во сне

Говорят, умер у старика последний сын. Очень жалко старику сына. Не хоронит он его, в пологе держит. Очень уж скучает по умершему сыну.

Многих шаманов звал старик, не могли они оживить умершего. Наконец нашел старик шаманящего во сне и попросил оживить сына.

Ищет шаманящий во сне умершего, всюду ищет, никак не может найти. Проснулся, говорит старику:

— Нет, никак не могу найти вашего мужчину! Дайте-ка мне бусы, буду искать его на дальней звезде.

Дал ему старик бусы. Снова лег шаман возле умершего, сказал перед тем старику:

— Я буду спать три дня, смотрите, не трогайте меня и не будите!

Отправился шаманящий во сне на дальнюю звезду. Прибыл туда, увидел: возле дверей два волка сидят. Дал он волкам бусы и спрашивает:

— Нет ли тут у вас нашего мужчины?

— Здесь он. Гвоздями к задней стенке полога прибит.

Зашел шаманящий во сне в дом, увидел пригвожденного мужчину.

Хозяин спрашивает шамана:

— Ого! Что ты у нас делаешь?

— Да вот, нашего мужчину ищу, который у вас находится.

— Да, есть у нас ваш мужчина, но мы его не отдадим.

— Нет, отдайте! Если не отдадите, я вас всех с жилищами на землю спущу!

— Не отдадим! Не сможешь ты нас на землю спустить!

Начали спорить. Не хочет старик мужчину отдавать. Вышел тогда шаманящий во сне на улицу. Дал каждому волку бусы и сказал:

— Волоките это жилище вниз!

Обрадовались волки, что им бусы дали, и потащили жилище вниз. Прибыли на землю, шаманящий во сне и говорит старику:

— Ну, иди посмотри на землю!

Вышел старик. Оказывается, и правда на земле стоит. Очень растерялся старик, говорит шаману:

— Подними нас обратно на дальнюю звезду. Отдадим тебе мужчину!

— Сначала отдайте, тогда и подниму!

Согласился старик и отдал шаману тело юноши.

Принес шаман юношу домой.

Ровно через трое суток поднялись вместе шаман и покойник. Шаманящий во сне говорит юноше:

— Летом, даже когда солнце будет греть, не ходи за околицу! Слышишь?

Однажды летом солнце очень сильно грело. Не послушался юноша шамана, пошел за околицу. Напал на него сверху орел, и погиб юноша. Теперь уж навсегда погиб, потому что шамана не послушался.

80. Старуха и ее внук

Говорят, жила одна старуха с внуком. Внук уже вырос, но был весь волдырями покрыт. А бабушка уже старая была.

Соседями у них были пять семей, и в каждой семье были сыновья.

И хотя было у юноши имя, все его Волдырем — Вапырканом звали.

Вапыркан всегда стадо один караулил. Очень был старательный. Но только всегда чесался, поэтому даже на лице волдыри были.

Вот раз дремлет он ночью на старом месте, где олени кормятся. Только стал засыпать, мышка к нему в рукав полезла. Стал юноша ворчать:

— Щекотно мне, а эта мышка все равно в рукав лезет. Ведь я могу и раздавить ее.

— Я ведь из жалости к тебе лезу,— отвечает ему мышь.

— Я и так весь чешусь, а еще ты тут!

— Будь терпеливым,— говорит мышка,— а я буду тебя тихонечко лечить. Ты только не двигайся.

Сказала и принялась за работу. Снимет корку с волдыря и полижет ранку. Снимет и полижет. Очень скоро все волдыри Вапыркана подсохли. А через два дня ни одного волдыря не осталось.

Вернулся он с пастбища домой, сказал бабушке:

— Ты уж старая стала, не сможешь скоро дом стеречь! Когда плохо тебе будет, никто воды не подаст. Пошла бы ты к соседям, посватала для меня невесту. Может, какая-нибудь девушка и согласится. У соседей ведь, кажется, много дочерей.

Пошла бабушка в первую ярангу. Там жило много девушек. И все, как одна, говорят:

— Фу, он у всех отвращение вызывает! Кому хочется за него замуж идти!

В других ярангах девушки то же самое сказали. Только в последней яранге одна девушка сказала отцу!

— Видно, придется мне выйти за него замуж. Где же мне хорошего мужа найти?

— Правильно, дочка,— ответил отец.— Не брезгуй таким человеком! Вапыркан работающий человек.

Пришел день забирать жену, говорит Вапыркан бабушке:

— Достань-ка мне и себе чистую одежду! Пора за женой идти!

Повез он бабушку на нарте к невесте. А без волдырей и в хорошей одежде Вапыркан настоящим красавцем стал. Повез невесту домой.

А девушки из соседних домов стали на невесту Вапыркана злиться. Говорят: «Ведь к первым он к нам сватался». Но уж ничего не сделаешь.

Женился Вапыркан. Стали они хорошо жить, да и детей нарожали.

81. Тынэськын в медвежьей берлоге

Однажды осенью искал Тынэськын отбившихся от стада оленей. Пурга поднялась, а он совсем плохо был одет, мерзнуть стал. Увидел медвежью берлогу и забрался в нее.

Вскоре медведь пришел. Начал обнюхивать берлогу, кругом осматривать. Затем залез в нее.

Увидел Тынэськына, избил его, всюду одежду изорвал.

Сказал Тынэськын медведю:

— Ой, ты мне больно делаешь!

Медведь закричал:

— Ой-ой-ой! Я ведь не знал, что это ты. Почему сразу не сказал?

Потом медведь спрашивает:

— Откуда ты пришел?

Тынэськын отвечает:

— Искал оленей, очень сильно замерз и забрался сюда.

Медведь ему говорит:

— Ага, тогда давай уж зимуй со мной. Но только я ведь всю зиму сплю.

Тынэськын согласился:

— Ладно, давай. Я тоже буду много спать.

Медведь его предупредил:

— Только уж если захочешь меня разбудить, не дотрагивайся рукой, а возьми камень или палку и бей по голове.

Легли спать. Тынэськын начал спящего медведя тихонько за шерсть трогать. Медведь сразу вскочил:

— Ой-ой-ой! Кто это пришел? Верно, злой дух?!

Тынэськын ему говорит:

— Эй, это я тебя дергал за шерсть.

Медведь рассердился:

— Ах ты дрянь такая, зачем же ты меня, чтобы разбудить, за шерсть дергаешь!

Опять спать легли. На другой день Тынэськын снова начал медведя будить. Взял камень и стукнул по голове.

Что ж, медведь услышал. Спросил:

— Ну, чего ты хочешь?

Тынэськын отвечает:

— Домой вернуться хочу.

Медведь говорит:

— Ну ладно, ступай домой. Вон за той горой твоя семья живет.

Пошел Тынэськын. Пришел домой. Встретили его криками и объятиями, спросили у него:

— Где это ты был?

— У медведя был, зимовал с ним.

82. Маленький старичок

Говорят, жил старик с двумя сыновьями. Сыновья еще маленькие были. Сиротами росли, так как матери у них не было. Отец каждый день заставлял сыновей бегать, на копьях состязаться. В конце концов научились сыновья быстро ходить и бегать, ловкими стали и быстрыми.

Выросли сыновья. Оба женились. Но все продолжали бегать, в силе и ловкости упражняться. Очень хорошо бегали, ловко на копьях состязались.

Вот однажды пошли сыновья по тундре побродить. Собираются дети, а отец говорит им:

— Только смотрите, не ходите за большую гору, обходите ее стороной!

Наутро отправились сыновья. Всю тундру обошли. Подошли к большой горе. И обратно пошли, везде ходят. Надоело наконец. Старший брат и говорит младшему:

— Почему это старик запретил нам за большую гору ходить?

— Не знаю.

Старший опять говорит:

— Давай-ка вон за ту гору пойдем!

— Не надо! Отец ведь не зря предупреждал,— отвечает младший.

— Пойдем! Если кто и встретится, убежим. Мы ведь ловкие!

— Ну, как знаешь!

Долго отказывался младший брат. И все же пошли братья за гору. Очень быстро шли.

Подошли к горе. Младший брат говорит старшему:

— Ну хватит, давай вернемся! Боюсь я, да и отец будет ругать нас.

— Как не стыдно! Да ты, оказывается, трус и, наверное, к тому же плохо бегаешь. Пойдем. Отец ведь не узнает — мы не скажем ему.

— Давай лучше не пойдем! Хотя вообще-то я от тебя не отстану. Не обгонишь меня.

А старший и не слушает. Огляделся по сторонам. Далеко большую гору увидел. Синеет гора, потому что далеко.

Старший брат говорит младшему:

— Давай теперь во-о-он к той горе пойдем — просто так посмотрим.

Младший отказывается. Наконец старший говорит:

— Я ведь старше тебя — слушайся меня и верь мне!

Согласился младший. Пошли. Шли они, шли. Быстро шли. Пришли к горе. Огляделись. Вдруг увидели большущую реку, заросшую по берегам большим лесом.

— Идем на реку, посмотрим,— приглашает старший брат.

Пошли по лесу. Остановились, снова огляделись. Вдруг на том берегу реки старичка увидели. Совершенно седой старик. Рыбу ловит сетью. Сидит все время с опущенной головой. Очень много рыбы наловил. Как забросит сеть, она тут же рыбой наполняется. А наловил он рыбы видимо-невидимо.

Вот поставил сеть. Взял два здоровенных надколенника и наполнил их рыбой. Чуть не с дом стали надколенники!

Старик хоть и не смотрит на юношей, но, наверное, чувствует их присутствие, беспокоиться начал.

Немного погодя старший брат говорит младшему:

— Давай уьем старичка, положим еще в надколенники рыбу и принесем домой. Вот будут рады домашние!

— Нет, не надо! Вдруг мы не сможем убить его. Ведь отец запретил нам сюда ходить — а он-то все лучше нас знает. Давай убежим отсюда, — говорит младший, — пока он нас не заметил.

— Давай уьем! Как только пустим стрелы, сразу убежим — мы ведь очень быстро бегаем.

Натянули луки. А старик все рыбу ловит. Не смотрит на них, но знает, что братья здесь.

Пустили братья стрелы. Легли стрелы как раз около старика. Посмотрел старичок на них — и ведь не куда-нибудь, а прямо на них. И исчез. Да и братья исчезли: побросали луки и убежали.

Подбегают братья к горе — впереди них вдруг старичок появился. Спрашивает:

— Ага, так, значит, это вы? Ну и напугали вы меня! Кто вам позволил приходить сюда?

— Да я сам и позволил, старикашка ты эдакий! — отвечает старший.

— У вас, наверное, дома жены остались? Ну что ж, умри!

Схватил старик старшего юношу и тут же убил.

— А ты домой отправляйся! Если еще раз сюда придешь, я и тебя уью.

Пошел юноша домой. Очень рассердился отец. Ругает сына, который теперь один у него остался.

— Я же говорил вам: «Не ходите за большую гору». Так вам и надо: одного убили, а у другого жену отняли. Что ты теперь будешь делать?

Молчит сын.

Всех женщин увел старичок за гору. Думает юноша: «Все равно побываю у старичка. Отберу у него жену».

И снова начал юноша каждый день упражняться, чтобы еще сильнее стать и быстрее. Очень высоко прыгать научился.

Прошел год. Вот раз и говорит юноша:

— Пойду-ка я снова к этому старичку. Он, конечно, не старик, только на вид старый — уж очень ловкий он и сильный.

Наверное, шаман он. Ну что ж, я его колдовство своей ловкостью одолею.

С тем и отправился. Идет он, идет. А дорогу он уже знает. Пришел юноша к реке, прямо к старику направился. А тот все на старом месте рыбу ловит сетью. Надколенники уже рыбой наполнены.

— Пришел? Здравствуй! Пойдем-ка поедим. Бери один надколенник, а я другой возьму, — приглашает старичок.

Взвалил ношу на плечи и пошли. Очень быстро идут. Старик первый идет, юноша — за ним. Не отстает юноша: верно, очень сильный и быстрый стал.

Наконец к большущему дому подошли. Около дома очень много женщин работает.

Подошли. Сняли ношу. В дом вошли. Сели. Как только сели, подносят им два большущих блюда, полных рыбы. Старик в один миг свое блюдо опорожнил. Юноша, хотя только резаную рыбу ел, отстал все же от старика.

— Так-так! Что же ты, даже есть не умеешь? — сказал старик. — Наверное, свою жену пришел навестить? Я бы твою жену сам сварил. Ну, а теперь давай посостязаемся. Пойдем вон к тем двум горам!

А горы так далеко, что только синевой отливают. Камней на тех горах нет, один лишь лед.

Долго они шли. Юноша опять сзади идет. Идут они, идут, старичок иной раз острым посохом юношу в воздух поднимет. А с юношей ничего не случается — острый посох не может крепкие мускулы юноши пронзить.

Пришли к горам. Поднялись на гору. Ну и посостязались же эти двое! Юноша старичку ногу сломал. А старичок все продолжает состязаться. Долго они состязались на копьях. Сколько дней — неизвестно.

Наконец старик говорит юноше:

— Сходи под гору и посмотри!

Юноша пошел. А там очень много убитых людей лежит. Некоторые еще не испортились — наверное, совсем недавно убиты. Видно, захотел старичок перед юношей похвастаться: смотри, мол, сколько я людей убил.

— И все же ты меня победил! — сказал наконец старик. — Зачем я тогда не убил тебя, домой отпустил! Неси уж меня домой, там убей!

Когда шли домой, юноша старичка острым посохом вверх подбрасывал — мстил за себя самого и за убитых людей.

Так и приковылял домой старичок на одной ноге. Женщины

им котел поднесли, всякой вкусной едой наполненный. Стали они есть. Юноша на этот раз не отстает в еде.

Поели. Приготовился старичок к смерти. Потом говорит: — Только как следует убей! Идем!

Убил юноша старика, всего копьем исколол. Даже руки и ноги отрезал. Ну и крови натекло! Всю большую реку красным окрасило! Камни, рыбы — все покраснело.

Женщины, которых старичок у людей отобрал, все по своим домам отправились. Только жена юноши и жена его старшего брата остались. Они и смеялись от радости, и плакали.

— Как там мой отец? Пойдемте его проведаем. Может, он уже умер?

Пошли. Действительно, отец умер — старичок его с собой прихватил. Похоронили они отца. И вернулись за большую гору, в то место, где старичок жил. Большая река, оказывается, всю кровь уже смыла. Красными только кое-какие камни остались да у некоторых рыб бока, пупки и хвосты.

Стал юноша с двумя женами хорошо жить. Рыбу ловил, диких оленей промыслял. И соседям своим помогал.

Стал хорошо жить народ. Все.

83. Качап

Говорят, давным-давно унесло наших юношей в море во время охоты. И прибило к берегу другой страны. Побоялись они идти в селение. Но потом все же пошли. Пусть убивают — а может, все-таки не убьют!

Жители той страны хорошо юношей встретили, разобрали по домам как гостей. Не измывались над ними, не мучили.

Однажды стал один юноша к девушке приставать. Решил хозяин наказать того юношу, ему темя просверлить. Когда сверло мозга достигло, стал юноша смеяться.

Догадались другие юноши, что случилось, и решили убежать.

— Готовьтесь к побегу тайно, дорожные припасы тоже тайно готовьте. В один из вечеров убежим, — сказал самый старший.

И вот однажды, когда все уснули, убежали наши юноши, унесенные морем, домой.

Пришли домой. Рассказали, что с ними случилось. Собрались все силачи, все ловкие юноши из этого селения и отправились мстить.

Плывут мстители. Один туман наколдовал. Плывут в сплошном тумане. Даже вытянутой руки не видно. Приплыли к селению обидчиков, убили всех взрослых. Нашли и главного обидчика. Ему тоже голову просверлили. Когда до мозга дошли, он тоже засмеялся и умер.

Забрали с собой всех детей. Когда вернулись, по домам раздали. Девушку по имени Качап забрал себе оленевод. Скоро откочевал оленевод неизвестно куда. А Качап у него и прислугой была, и пастушкой. Даже по ночам стадо стерегла.

Заболел вдруг у оленевода сын, муж и говорит жене:

— Давай уьем Качап, тогда наш сын выздоровеет. Сшей девушке одежду из белых шкур!

Не хотела жена, чтобы девушку убили. Но муж настаивал: должен же их сын выздороветь!

Сшила жена девушке белую одежду. Муж ей говорит:

— На следующей стоянке и уьем девушку. Пусть она, как мы кочевать соберемся, новую одежду наденет. И в ночь перед кочевкой пусть не сторожит стадо. Накорми ее хорошенько!

Последнюю ночь мужчина сам пошел стадо сторожить. Не хотела девушка ночевать дома, да они уговорили ее. Как только муж ушел, жена говорит Качап:

— Тебя убить хотят. Надень вот эту белую одежду! Когда поедем, я нарочно выроню горшок из кибитки и велю тебе вернуться за ним. Ты и убег! Только не показывай печали, будь, как всегда, веселой, а то догадаются.

Назавтра снялись они со стоянки. Едут, вдруг хозяйка выглянула из кибитки и говорит:

— Ой, я горшок уронила! Качап, вернись за ним! Он, наверное, недалеко выпал.

— Давай я вернусь,— сказал муж.

— Пусть Качап вернется, она привыкла много ходить!

Пошла Качап за горшком да и убежала.

Ждал ее хозяин, ждал, не дождался и сказал, что на оленях ее догонит.

Хотя и быстро Качап бежала, а мужчина на оленях еще быстрее ехал. Вот-вот догонит. Добежала Качап до прежней стоянки, легла у пепелища и говорит:

— Пепелище, спрячь меня, ведь я столько здесь работала. Слышишь, за мной гонятся!

Доехал мужчина до пепелища. Стал искать следы Качап, ничего не нашел. Назад к жене вернулся.

А Качап дальше пошла. Быстро идет девушка. Видит: впереди мужчина идет. Догнала его Качап. Мужчина ей говорит:

— Пойдем к нам! Вот только наш ребенок болеет, мы уже несколько дней не спим.

Согласилась Качап. Пришли домой. А там плачет ребенок не умолкая. Вот мужчина и говорит Качап:

— Понянчи, пожалуйста, ребенка. А мы хоть немного поспим. Потом разбуди нас.

Согласилась Качап. Уснули муж с женой, а Качап стала ребенка нянчить. Кричит ребеночек, надрывается. Особенно сильно плачет, когда она до ягодичек дотронется. Осмотрела Качап ягодички ребенка. А у него, оказалось, все ягодички засохшей глиной измазаны. Соскребла она глину осторожно. Стал ребенок потише плакать, успокоился и уснул. И Качап с ним уснула.

Проснулся мужчина, а ребенок не плачет. Испугался мужчина, думает: «Наверное, умер». Приложил ухо к груди ребенка. А он дышит.

Разбудил тихонечко жену.

— Ребеночек-то спит, да и гостья спит. Пусть пока спят, мы тоже еще поспим,— сказал жене.

Встали только тогда, когда совсем выпались. Гостья с ребенком все еще спят.

— Чем же нам одарить Качап?— говорит муж жене.— Шкурами и какими-нибудь гостинцами?

— Ничего мне не надо,— сказала Качап.— Я ведь ничего не делала, только убаякала его.

Все же дали ей гостинцев, а хозяин даже немного нести помог.

Проводил Качап и пошел обратно. Прошла немного Качап, обернулась, а вместо мужчины бурый медведь идет. Оказывается, это бурый медведь был.

Подошла Качап к большой реке. Долго шла перед тем, устала. Села на самом берегу и уснула, потому что страшно ей было через реку переходить.

— Если это Качап, переправим ее через реку,— слышит Качап.

Открыла глаза. Около нее юноши стоят.

— Куда идешь?— спросили ее юноши.

— К братьям,— отвечает Качап.

— Мы тебя сейчас переправим! А те, к кому ты идешь, вон за той горой живут,— сказали ей.

Переправили они Качап. Посмотрела Качап им вслед, а это, оказывается, журавли ее переправили. Скоро Качап пришла в селение. Там ей стало хорошо жить.

84. Семеро братьев

Говорят, жил старик с женой. Было у них семеро детей. Сыновья очень любили на всяких зверей охотиться. Убивали зверя и в тундре, и в море.

Но вот вдруг совсем не стало зверей. Возвращаются братья изо дня в день с пустыми руками.

Вот однажды не вернулись братья — ни с морской охоты, ни из тундры.

Остался один только брат, самый младший. Никуда его не пускали. А ему очень хотелось братьев найти.

Стал юноша по ночам, втайне от родителей, байдару мастерить. Закончил байдару, надел дождевик и поехал. Все необходимое с собой взял, даже иглы из обломков костей выточил.

Отправился он ночью. Едет вдоль берега. Вдруг видит большего человека. Стал его великан звать. Юноша как будто не слышит. Начал тогда великан воду в рот втягивать. Как только нос байдары его рта коснулся, Мимлытину (так звали великана) выплюнул воду, и байдара далеко в море оказалась. Мимлытину снова воду втянул. А юноша тем временем костяные иглы приготовил. Когда байдару к самым губам поднесло, бросил юноша иглы в пасть великана, вышла вода из пасти, Мимлытину и сдох.

Юноша дальше поплыл. Плывет, плывет, видит: на скале Таннелён сидит. Стал его Таннелён звать. Юноша как будто не слышит. Таннелён сказал:

— Если не слышишь, я тебя опрокину.— И лягнул воду пяткой.

Огромная волна со стороны берега пошла.

— Ох, как это я тебя не заметил,— только тогда сказал юноша.

Вышел на берег. Увидел нерпу, лежащую под скалой, и убил. Вытащил внутренности и спрятал себе под дождевик.

— Давай в прятки играть,— говорит Таннелён юноше.— Сначала я буду прятаться.

Спрятался Таннелён. Юноша сразу увидел Таннелёна, но притворился, что никак не может найти. Раззадоривает его.

— Какой ты ненаблюдательный — ведь я совсем близко спрятался, а ты никак не мог найти. Вот я сразу тебя найду,— говорит Таннелён юноше.

Спрятался юноша в капюшон Таннелёна. Ну и долго искал юношу Таннелён! Так и не нашел. Выскочил юноша из капюшона, встал перед Таннелёном.

— Да-а, и я не мог тебя найти. Давай теперь друг у друга печенку есть,— снова говорит Таннелён.

— Но моя печенка стала совсем худой, потому что я давно не ел,— отвечает юноша.

— Ничего! Я буду первый есть!

Лег юноша на спину. Разрезал Таннелён дождевик, вытащил нерпичью печень и съел. Встал юноша как ни в чем не бывало и говорит:

— Теперь я твою печенку съем. Очень я голоден. Ты ведь не станешь отказываться — съел же ты мою печенку.

Лег Таннелён на спину. Распорол его юноша, отрезал сердце по главной жиле. Таннелён и умер.

Юноша тотчас домой отправился, потому что узнал, кто его старших братьев убил, и расправился с ними. Теперь в море можно без страха охотиться.

— С теми, кто в море убивал, я расправился,— сказал он родителям,— только в тундре враги остались.

— Да уж успокойся, а то еще убьют тебя. Не ходи в тундру,— просит его отец.

— Эти враги и нашим детям будут вредить, поэтому я найду их и убью.

Собрался юноша в путь и двинулся в тундру. Вот идет он по тундре. И стало ему много ягод попадаться. А он очень любил ягоды. Стал их собирать и есть. Вдруг земля накренилась. Глянул он вниз. А там паучья сеть натянута. Стало ему любопытно, что же дальше будет.

Видит: идет паук сети свои проверять. Еще издали паук добычу увидел, обрадовался. Ввалил юношу на плечи и понес к себе. А юноша схватится за ветви дерева и сразу же отпустит их — паук от этого чуть с ног не падает.

Принес паук юношу домой уже вечером, поэтому оставили его на завтрак. Сами сели ужинать. Сторожами двух воронов поставили. Как только юноша пошевелится, вороны тут же начинают кричать.

«Что же мне делать?» — думает юноша. Наконец придумал: взял стоявшие рядом ведра с водой и накрыл ими сторожей. Они и перестали кричать.

Вышел юноша, запер снаружи дверь покрепче и поджег дом паука. Запылал дом. Притащил юноша большущий камень, положил на крышу. Дом и повалился. Так он еще одного врага уничтожил.

Отомстил всем убийцам своих братьев. Стало с тех пор безопасно ходить и по морю, и по тундре.

85. Кунлелю

У отца Кунлелю¹ умерла жена, когда Кунлелю еще не было, а была только одна дочь по имени Кытгы, которую звали то Ляйвыт кокытгы, что означает: «Кытгы, обошедшая землю, когда от врагов убегала», а то еще Томгавкытгы, что значит: «Кытгы создающая». Так вот эта Кытгы была сестрой Кунлелю.

Вот раз говорит Кытгы отцу:

— Иди к корякам свататься!

— Не могу. Старик я уже, куда мне свататься!

Но она говорит:

— Можешь! Вот сейчас и иди! Там живет сирота, девушка.

Ее и возьми замуж!

Отец отвечает:

— Да не могу я. Совсем старик стал!

А дочь опять свое:

— Иди! Возьми себе жену, вот тогда увидишь. Она тебе маленького Кунлелю родит!

В конце концов согласился отец. Отправился свататься. Пока шел, много дров набрал и понес на спине. Очень много дров набрал, кое-как несет.

Подошел к тому дому, где жила сиротка. А у хозяина было много дочерей. Когда пришелец опускал дрова на землю, вышел хозяин дома, тоже старик, и говорит:

— Ого-го! Зачем пожаловал?

Отвечает гость:

— Да вот, свататься пришел!

Тот говорит:

— Так-так! Ну что ж, иди посмотри на моих дочерей, полюбуйся!

Вошли. Сели. Пришелец и говорит:

— Вон ту я буду сватать, на ней жениться хочу.

А девушка-сирота совсем плохая на вид была, да и одежда вся старая, оборванная. Такая некрасивая девушка!

Говорит хозяин:

— Да не на ту смотришь. Никудышная она! На моих дочерей смотри!

Отвечает гость:

— Нет уж, я вон ту возьму!

Хозяин говорит:

— Да нет, она плохая, сирота. У нас лучше есть.

А гость отвечает:

— Все равно вон ту возьму замуж!

Наконец сдался хозяин:

— Ну что ж, будь по-твоему!

Говорит жене:

— Приготовьте сироту, приведите в порядок: вычешите вшей из головы, вымойте, причешите, да и другую одежду дайте!

Приготовили сироту. Потом сказали:

— Ну, идите домой! Ты не будешь за нее отработывать!

Привел домой. Забеременела вскоре жена, Кунлелю в утробе растет.

Родила Кунлелю, а у него на подбородке уже один длинный волосок растет, потому и назвали его Кунлелю — Одноусый.

Дочь говорит отцу:

— Ну вот и родили Кунлелю!

Растет Кунлелю большим озорником: непослушный, своевольный, неугомонный.

Вырос, стал юношей. Отец его давно уже умер.

Напали на них враги. Побежал Кунлелю от врага. Настиг его враг, бросил в него копье и убил Кунлелю.

Прибежал Кунлелю на том свете к отцу и говорит:

— Ух, я от коряка убежал!

Отец говорит ему:

— Нет, это он тебя убил! Ты ведь умер и ко мне пришел. Он просто убил тебя.

Говорит Кунлелю отцу:

— Что?

Отец отвечает:

— Ну конечно, ты умер и пришел ко мне. Я-то ведь давно умер. Вы же меня похоронили!

— Ой-ой-ой! Какая жалость! Что же мне теперь делать?

Отец говорит:

— Вот что: если не поленишься, а наденешь эту мерзлую кухлянку, хорошо будет. Можешь тогда в погоню за врагом броситься.

Говорит Кунлелю отцу:

— Ну конечно, не полениюсь, надену эту мерзлую большущую кухлянку.

И вот, оказывается, тело его замерзло.

Вдруг ожил Кунлелю. Три года от врагов прятался, пока лечился. Наконец совсем поправился. Стал много упражняться

и скоро сделался очень ловким и сильным. Тогда отправился он искать своего обидчика-убийцу. Всем корякам говорит:

— Погодите! Я не к вам пришел. Где тот, который убил меня? Это я, Кунлелю, которого он убил. Вы уж мне его без обмана покажите!

Ответили ему:

— Погоди, мы сейчас ему скажем: «Вон там пришли к тебе».

Обрадовался этот коряк, который Кунлелю убил, и говорит:

— Вот хорошо-то, что пришел! Теперь я его насовсем убью! Спасибо, что сам пришел! Значит, он ожил?

И вот встретился Кунлелю со своим врагом. Стали на копьях драться. Говорит Кунлелю:

— Еще немного помучайся!

Потом говорит:

— Вот сейчас я тебя убью!

Сделал что-то такое Кунлелю, подпрыгнул, противника по шее копьем стукнул. Отрубил голову. Упала голова на землю. Окончил Кунлелю бой. А враги его окружили, наседают. Но куда там — уж очень он ловок! И так и эдак пытались его убить — не смогли. Наконец совсем отчаялись. А Кунлелю убивает врагов, много уже убил. Наконец домой отправился, впрочем, был он не один, много их было.

Его сестра Кытгы, которая обошла всю землю, много детей народила: куда придет, там и рождает. А ведь она много ходила — как только враги подойдут, она сразу же убегает. К кому придет, у тех и оставит детей. И всем говорит:

— Никогда вам не убить Кунлелю, он ведь храбрый и злой!

В те времена враги часто к Кунлелю приходили, но он их всех уничтожал.

Его младший брат Рэйипгэв² был хромым и всегда оставался дома. Никто не знал, что он тоже очень ловкий и сильный.

Однажды он говорит старшему брату:

— Идите на гору. Я в той стороне еще вчера врагов видел. А я по дороге их встречу.

Пошли Кунлелю с друзьями на гору и спрятались там, легли. А младший брат Кунлелю Рэйипгэв вышел на дорогу, по которой враги приближались. В том месте, где он остановился, было много рыхлого снега. Еще раньше он сказал старшим братьям: «Не забудьте, я буду на дороге».

Увидели его враги, бросились на него. Решили убить. А он будто не видит их. Старшим братьям еще дома сказал: «Если

враги бросятся на меня и станут одолевать, я начну подпрыгивать. Тут же вы спускайтесь вниз, бегом бегите и бейте врагов».

Как только подошли враги вплотную, прыгнул он в большую снежную яму — так и полетел вниз. Подступают к нему враги, а он их не трогает, хотя копьё с собой взял. Нарочно не трогает. Когда подошли к нему все враги, стал он подпрыгивать — ведь они все одного хотели убить. Большая снежная яма все равно как место убоя стала.

Только начал Рэйипгэв в этой яме прыгать, Кунлелю с друзьями бросился ему на помощь. Как из-под земли выросли, окружили врагов и говорят:

— Ну что ж, давайте биться!

Повернулись враги, напали на Кунлелю и его друзей и начали с ними биться. Тут Рэйипгэв сзади на врагов бросился, стал их убивать. И Кунлелю им пощады не дает. Всех перебили. Домой отправились.

Через некоторое время опять враги появились, разведчики.

Кунлелю говорит младшему брату:

— Опять враги идут, вон с той стороны. Иди туда и прегради им дорогу!

Враги понизу шли, а Рэйипгэв на бугор поднялся. Послал его старший брат врагов отвлечь.

Увидел самый сильный из врагов сидящего на бугре Рэйипгэва, решил сзади к нему подкрасться. Когда враг совсем близко подошел, Рэйипгэв увидел его. Увидел, взял копьё и встал.

А старшие братья Рэйипгэва опять невидимо для врага с горы наблюдают.

Встал Рэйипгэв, копьём потряс, чтобы поняли враги: не луками будут сражаться, а копьями.

Увидели это враги, взяли свои копья и бросились на младшего брата. Спрыгнул Рэйипгэв вниз с бугра, в мягкий и глубокий снег. Стали копьями драться. Скоро все враги подошли. А Кунлелю с товарищами побежали вниз с горы и встали на бугре, где только что сидел младший брат. Опять закричали: «Ну, давайте биться!»

И опять повернули враги к ним. Стало Рэйипгэву полегче, стал их убивать, и Кунлелю им пощады не дает. Опять всех уничтожили. Отправились домой.

Видят враги, не справятся им с Кунлелю. Примирились они с этим. Перестали приходиться, не стало больше войн. Стали все мирно жить. Олялек³ даже все лето недалеко от брать-

ев жил, по соседству не с Кунлелю, однако, а с его товарищами.

У Олялека был сын по имени Мотлынто⁴. Этот-то Мотлынто и замыслил недоброе. Летом, когда пасли они стада на летовке, стал он говорить товарищам:

— Вот увидите, убьют нас друзья Кунлелю!

Потом еще сказал:

— Слышал я, друзья Кунлелю говорили: «Что это коряки возле нас поселились! Они ведь на наших пастбищах оленей пасут. Надо их всех убить».

Обманул он товарищей. Одни говорят:

— Что же нам с ними сделать?

А другие отвечают:

— Давайте скажем им нарочно: «Мы вам часть своих оленей дадим, самых лучших, якутских оленей». И сделаем так, что они будут каждый в одиночку выбирать оленей. Кто-нибудь из нас пойдет и позовет их к нам: приходите, мол, в гости, будем ночевать все вместе.

На том и порешили. Послали к чукчам гонца. Согласились чукчи, пришли в гости и ночевать остались. Назавтра пригнали коряки стадо туда, где чукчи были. Пошли все в стадо. Коряки показывают своих оленей. Говорят:

— Сами выбирайте оленей, выбирайте тех, которые приглянутся. А мы будем показывать и говорить: «Вот мой олень, вон тот мой, какого ты хочешь, того и бери».

Стали чукчи выбирать оленей. Разбрелись в стаде по одному. На каждого чукчу по несколько коряков пришлось. Поубивали коряки чукчей, предательски поубивали.

Вот какое большое зло сделал Мотлынто. Когда всех чукчей убили, собрали коряки свои пастушеские пожитки и погнали стада к своим стойбищам. Пришли в стойбища, стали поспешно к перекочевке готовиться. Побежали в свою страну.

Когда кочевали, люди из селений, мимо которых путь их шел, спрашивали: «Что это вы летом кочуете?»

Один из коряков тихонько отвечал им: «Да вот, Мотлынто большое зло сделал, мы и убегаем от мести чукчей».

Прибыли наконец в свою страну, страну коряков. Но не остановились там, а дальше кочевать стали. И вот наконец пришли в запретную страну. Почему запретная — неизвестно. Там их застала зима.

А Кунлелю с товарищами отправился на поиски Мотлынто — обидчика чукчей. Зимой отправился. На оленях. Едут

они и все время блуждают. Не знают они страны коряков, да и пурга часто мешает.

Надоело это Кунлелю. Он и говорит Уккэмкэю-шаману:

— Зачем мы возим с собой шамана? Хоть бы попытался помочь. Хоть бы немного покамлал!

Уккэмкэй отвечает:

— Ну что ж, приготовьте место для камлания!

Приготовили. Воткнули в снег копьё. Накинули на него упряжь — как бы запрягли копьё в нарту. На нарту сел сам Кунлелю. Ходит Уккэмкэй вокруг копыя и камлает. А сидящий на нарте отвечает ему. Ходит вокруг копыя Уккэмкэй, камлает и поет. Вдруг взлетел и сел на кончик воткнутого копыя. Оттуда говорит товарищам:

— Ага, вижу: на горе Кувэм заяц привязан к камню. Стоит и голову опустил. На белого зайца надо камлать!

Окончил камлание, только и сказал:

— Нужно вперед ехать, вон в том направлении!

Кунлелю дал команду:

— Ну что ж, отправляемся!

Поехали в сторону горы Кувэм. Нужно было во что бы то ни стало до горы Кувэм добраться. Наконец прибыли к подножию горы. Тяжелый был путь: метель каждый день, заносы, холмы, которые нужно объезжать, широкие, покрытые гладким, скользким льдом реки.

Поднялись Кунлелюны без промедления на гору Кувэм. На вершине горы нежданно-негаданно белого медведя увидели: неизвестно, что он там делал. Убили его. Не стали свежевать. Так и отнесли к нартам целого медведя. Пришли к нартам, сразу начали готовить место для камлания.

Опять стал Уккэмкэй камлать. Камлает и говорит:

— Ог-го-го-гой! Только за горами найдем их, в стране ительменов. Там живет Кункыли — доблестный богатырь. Там мы встретим его, этого сына ительменов. Вижу, как на рассвете Пикытым бросается на него!

Закончил камлать. Отправился отряд дальше. Очень долго ехали — долгий был путь. Вот наконец страна ительменов.

А ительменский богатырь вышел как раз по нужде на улицу и даже ремня не надел. Бросился на него Пикытым. Победил Кункыли в дом, а Пикытым на него поводья накинул. Опутали поводья богатыря, не может он в дом вбежать. Крепко держит Пикытым поводья, подбирается к ительмену. Наконец схватил его. Тем временем Кунлелю со своим отрядом

прибыл. Повалил Кунлелю ительменского богатыря наземь, лег на него. Держит нож напротив сердца и говорит:

— Сейчас я тебя убью! Но если не будешь кричать и не позовешь отца, тогда не убью!

Закричал Кункыли. Выскочила его мать. Кунлелю говорит ей:

— Сейчас мы вашего сына убьем!

Побежала мать в дом. Говорит мужу:

— Там нашего сына убивают!

Вышел отец. Говорит им:

— Отпустите, пожалуйста, моего единственного сына, не убивайте!

Кунлелю говорит им:

— Скажете, где находятся Олялекины, тогда отпустим.

Отец опять говорит:

— Ой-ой-ой! Он же единственный сын, отпустите, пожалуйста.

Кунлелю говорит ему:

— Ага, не говоришь! Вот сейчас я его убью!

— Ну что ж, придется, видно, сказать. Только никому не говорите, что это я сказал!

Кунлелю говорит:

— Если все толково расскажешь, мы пойдем к ним и всех перебьем.

Начал тот говорить, заикается от страха. Кунлелю говорит ему:

— Все подробно рассказывай. И смотри, без обмана.

Сказал старик:

— Так вот, отправились они в страну коряков. Только один путь туда есть — через гору. А гора та вся льдом покрыта.

Отпустил Кунлелю сына ительмена. Отряд даже обогрелся у них, подкрепился. Когда пили чай и закусывали, старик ительмен подробно дорогу к корякам описал.

Отправился в путь отряд Кунлелю. Пришли они к той единственной горе, через которую можно перевалить. А гора вся льдом покрыта. И очень высокая. Отвязал под той горой Пикытым своего белого коренного оленя. Поводил его кругом. А у того белого оленя передние рога очень большие были. Поводил кругом, продел ремень через ноздри. Много ремней к этому ремню привязали, чтобы длиннее было. Ударил Пикытым оленя ремнем, схватился за повод и крикнул: «Гооч!» Поскакал белый коренник по склону горы, большими скачками поскакал, опирается об лед передними рогами и скачет.

Из-под копыт лед большими кусками откалывается и вниз падает.

Так он на вершину горы взобрался. Повернулся в сторону людей и уперся копытами покрепче. Взобрался по ремню один человек. Затем все по очереди взобрались. И вот уже все до единого на горе. Там убили они белого коренного оленя Пикытыма.

Поехали дальше искать Олялека. Прибыли ночью к стаду. Стали искать пастуха, звать его. Громко так кричат:

— Эй, Мотлынто-о-о!

Вдруг слышат откуда-то:

— Вогой, вогой, вогой! — Мотлынто отзывается.

Подошли к нему, говорят:

— Где твой дом? Пошли к дому!

Показались дома. Они еще издалека дома увидели. Заткнули Мотлынто рот, чтобы он раньше времени не закричал, не дал своим знать. Пришли они в селение, связали Мотлынто. На улице на нарте оставили. Вошел весь отряд Кунлелю в дом. Как только заскрипела дверь, выхватил Олялек из-под подушки большущий нож. Сразу в ход пустил. Разрубил одного человека. Один товарищ Кунлелю сказал:

— Ой, какая жалость, одного уже убил!

Уккэмкэй говорит им:

— Ну, хватайте же его, только не убивайте!

Схватили Кунлелюны Олялека. Повалили. Навалились на него.

Сложил вместе Уккэмкэй обрубки убитого человека. Начал с ног колдовать. Приговаривает: «Чик, чик, чик».

И вот видят — встает этот человек, а ведь на куски его Олялек разрубил. Встает и говорит:

— Ой, ой, страшно! Ой, страшно!

Уккэмкэй говорит ему:

— погоди, осторожнее!

А тот все свое:

— Ой, страшно, страшно!

Тогда Уккэмкэй ударил его. Вдруг тот и говорит:

— Го, а где же Олялек?

Жена Олялека все причитает:

— Ой, какая жалость, ой, убивают Олялека!

Кунлелю говорит недавно убитому человеку:

— Вот он, мы его держим. Убей его!

Ударил этот человек Олялека по шее ножищем. Убил его. Всех поубивали, и женщин тоже.

Вышли все, чтобы в обратный путь отправиться. Развязали Мотлынто. Только руки связанными оставили. Заставили его стадо гнать с завязанными руками. Время от времени торопят его, чтобы быстрее стадо гнал.

Так они мстили человеку, который всех обманул, большое зло сделал.

Наконец прибыл отряд Кунлелю к ительмену. Там они убили очень много оленей. Дали оленины старику ительмену, у которого один-единственный сын был. Потом дальше отправились.

Опять Мотлынто стадо оленей гонит. Теперь уже и до дома недалеко. Гонит Мотлынто свое же стадо. Потому что очень на него чукчи рассердились. Мстят ему за предательство, за обман. Из-за него столько невинных людей погибло!

Прибыли наконец домой. Там убили Мотлынто.

И с тех пор стали жить без войн. Совсем перестали воевать. Все.

86. Ловкая женщина

Жил старичок оленевод с дочерью. А на побережье жил старичок, у которого было пятеро сыновей.

Дочь оленевода круглый год в силе и ловкости упражняется. Вот однажды отправилась женщина к берегу моря. Пришла к старику, у которого пятеро сыновей было. И пригласила она с собой самого ловкого мужчину. Вот пошли они вместе в тундру. Два дня шли. Под конец очень высокую гору увидели, пошли к ней и у подножия заснули. Назавтра, проснувшись, пошли разведать, какие места за горой. Вдруг увидели несколько врагов — коряков. Приготовились биться с ними. И враги тоже напасть собираются. Женщина и говорит мужчине:

— Сначала я выйду, а уж если меня убьют, тогда и ты выходи!

И вот собралась женщина.

Самый ловкий коряк в ожидании вприпрыжку ходит — уж очень сильный.

И вот вышла женщина. Увидел ее коряк, закричал:

— Гок, гок, гок! Маленькие птицы!

Потому что этот коряк всех жителей земли уничтожил.

А женщина тоже вприпрыжку с горы спускается. Идет коряк ей навстречу, подпрыгивает.

Стали они сражаться на копьях. Женщина держала копьё наконечником к себе. Долго на копьях сражались. Наступил полдень, надоело женщине сражаться на копьях. Повернула она копьё острием к врагу. И срезала копьё коряка у самого острия.

Ничего не мог коряк сделать. Сел на землю и говорит:

— Ну что ж, убей меня!

Женщина говорит:

— Не буду я тебя убивать, живи!

Отвечает ей коряк:

— Ну и ловкая ты! Первый раз вижу такую. Я ведь всех ловких на всей земле уничтожил. Только тебя вот не смог убить. Пойдем к нам,— пригласил коряк женщину.

— Ладно, пойдем!

И вот пошли они к коряку.

Стыдно корякскому силачу. Приходят они к нему домой. Начал коряка старик отец ругать:

— Эх, сынок, что тебе говорил! Так тебе и надо! Ведь разные ж люди бывают. Теперь ты сам себя должен убить!

Когда перестали его ругать, ловкий коряк говорит женщине:

— Ну, пойдем в стадо!

И вот пришли они в стадо.

Женщина своего товарища позвала:

— Эй, иди сюда! Я победила этого ловкого коряка.

И вот пришел мужчина. Разделил стадо на две равные части, а также грузовые нарты разделил. И отдал все это женщине. Говорит тогда ловкий коряк:

— А я в тундру пошел, умирать!

И отправился ловкий коряк в тундру. Пришел в тундру. Сам себя убил, потому что очень ему было стыдно.

А женщина с оленьим стадом домой отправилась. Мужчина ей стадо погнал. Почти десять дней шли они домой. Когда пришли, женщина позвала его домой. Он стал любить женщину за ее ловкость. Вся сказка.

87. Вельвынэлевыйт

Говорят, у Вельвынэлевыйта¹ был брат Тымкынэлевыйт². И еще другой брат — Эрыквын³.

Говорят, Вельвынэлевыйт очень ловок был, храбрый мужчина. Тымкынэлевыйт тоже хороший, ловкий. А брат Эрыквын

быстроногий, очень быстрый. Промышлял все: диких оленей, горных баранов и другую живность.

Была у оленеводов война у Рыркайпиа⁴. Земли Вельвынэлевыта находились поблизости от Рыркайпиа. Вельвынэлевыт был очень богатый оленевод. Дом его издали казался не домом, а напоминал олений рог. Было у них три дома. Братья жили все вместе.

И вот была в старину война. Потому что эти три брата на всех страх наводили. Всех мужчин бивал Вельвынэлевыт. Но бедного, безоленного, не имеющего одежды он не трогал. Наоборот, давал ему шкур, мяса, оленины и говорил:

— Это ведь товарищ! Когда придут враги, будет нам помогать.

А Тымкынэлевыт говорит Вельвынэлевыту:

— Пусть будет товарищем, а мяса ему не давай! Нас трое и с любим врагом справимся.

Вельвынэлевыт отвечал:

— Да, нас трое, но, когда придет много врагов, этого мало будет.

И действительно, пришли враги. И действительно, помогали Вельвынэлевыту товарищи. Очень ловок Вельвынэлевыт. И братья его очень ловки. Победил Вельвынэлевыт, всех врагов убил.

Спать легли, Тымкынэлевыт говорит Эрыквину:

— Плохой Вельвынэлевыт! Ты уж стадо около дома держи, а то враги еще близко от нас. Будешь стадо далеко пасти, враги перебыют нас. Наши враги еще совсем близко.

Пригнал Эрыквин вечером стадо, расположил вокруг дома. Вельвынэлевыт сказал:

— Все вместе спать будем! А то придут враги, мы их прозеваем. Женщины пусть не ложатся спать. Чтобы мы хорошо выспались, ни о чем не тревожась. Пусть караулят врага, пока мы спим.

Собрались все в доме у Вельвынэлевыта. Он сказал:

— Наверное, плохо будет, если мы так просто спать ляжем! Пусть яранга будет открыта — иначе придут враги, а мы не услышим. Всю ночь мясо варите! Пусть в светильнике большой огонь всю ночь горит! И большой костер разведите!

Действительно, подошли ночью враги. А у Вельвынэлевыта было очень много оленей — широкой полосой дом окружили. Действительно, подошли враги. Стали олени кричать — испугали их враги. Одна женщина говорит:

— Почему это олени кричат? Наверное, враги пришли!
Разбудили женщины Вельвынэлевита:

— Проснись!

— Почему?

— Да вот олени кричат.

Вельвынэлевит сказал:

— Да-а, действительно!

Затем закричал:

— Где товарищи?

Женщина говорит:

— Вот они!

— Эрыквын, Тымкынэлевит, одевайтесь, враги пришли!

Вельвынэлевит стал ругаться на братьев, говорит:

— Вставайте! Сражаться надо идти! Ну-ка, отогните по-
крышку яранги! Женщины, смотрите за детьми, пусть огонь
в светильнике будет большим, и костер горит жарко!

Все ближе кричат олени.

Вельвынэлевит сказал:

— Ты, Тымкынэлевит, выходи спереди, да побыстрее!
А ты, Эрыквын, выходи сзади дома!

Продолжает Вельвынэлевит:

— Вот вы говорили, что втроем будем сражаться. А как?
Что, если очень много врагов пришло? Ну ладно, выходите!
Погоним стадо во все стороны, будем кричать оленям: «Гыыч,
гыыч, гоов-гов!»

И правда, вышли. Погнали стадо во все стороны.

Очень много врагов пришло. Окружили они дом Вельвы-
нэлевита вместе со стадом. Побежали олени во все стороны,
потоптали врагов, поубивали. Детей, женщин, которые у ко-
стра сидели, не топтали, не убивали — боятся олени огня.

Когда рассвело, увидели братья — множество врагов пе-
ребито. Посмотрели на стадо. Очень много оленей стало. Сво-
их много да и чужие примкнули. Еще больше оленей стало у
Вельвынэлевита.

С наступлением заморозков снова воевать пришлось.
Опять много врагов к дому Вельвынэлевита подступило.

Много оленей убил и освежевал Вельвынэлевит. Опять
большущий костер развели. Стал Вельвынэлевит есть. Много
ест. Говорит:

— Плох я стал, состарился! Не могу я сражаться. Бегите
все!

Тымкынэлевит говорит ему:

— Нет, ты еще не стар! Поживи еще, не умирай! Лучше

уж через год умирай! А сейчас посмотри, как мы будем сражаться. А тебе не надо! Ты уже не работник. Ну, пойдём, Эрыквын, враги пришли!

И вот начали они сражаться. Ох, какие ловкие были Тымкынэлевыйт и Эрыквын! Всех врагов вдвоем истребили!

И опять очень много оленей забрали. Опять забили оленей. Целый холм из рогов сложили.

Вблизи Рыркайпия находилась земля Вельвынэлевыта.

Вот с этих пор и не стало войн. Вельвынэлевыйт говорит:

— Если будем еще воевать, совсем не станет мужчин. Хватит, перестаньте воевать! В войне ничего хорошего нет. Одно только плохое. Пусть с этих пор все мужчины будут друзьями! А то жены, дети, девочки, мальчики от голода умирают, когда воюют отцы.

Так прекратились войны. И сейчас поблизости от Рыркайпия все еще лежат рога от оленей Вельвынэлевыта, Тымкынэлевыта, Эрыквына. Все.

88. Лявтылевал

Говорят, жил когда-то Лявтылевал¹, нетелинский оленевод. Очень хороший человек был, очень сильный и ловкий. Давно уже он воевал. Враги его с противоположного берега Колымы пришли. А пришельцы те с Колымы были русские.

Однажды опять пришло много оленей и нарт караваном. Снова была большая война. Пришли ночью. Стадо Лявтылевала тогда другой мужчина сторожил. Близко подошли враги. Услышал мужчина, что враги идут. Прибежал в дом Лявтылевала. Говорит:

— Где Лявтылевал?

Высунулся из полога Лявтылевал, спросил:

— Что случилось?

Ночной пастух говорит:

— Кажется, опять вражеские воины пришли.

Лявтылевал поспешно оделся, обулся. Вышел на улицу.

Спрашивает:

— Как стадо? Олени на старом месте? Все было в порядке, когда уходил?

Мужчина отвечает:

— Да, все.

Лявтылевал говорит:

— Ну что ж, пойдём проверим, как стадо!

Ветра совсем не было. Луна взошла. Как раз полнолуние было, светло кругом. Отправились.

Гора. Ущелье. В этом ущелье прятали стадо.

И все же враги обнаружили стадо. Пришли Лявтылевалыны в ущелье, а стада нет. Угнали его враги. Отняли.

Ну и дрался с врагами Лявтылевал! Из лука стрелял, на копьях сражался. Много врагов убил. Испугались враги, убежали.

У врагов тоже было двое ловких. Продолжают с Лявтылевалом сражаться. В конце концов начал Лявтылевал устывать.

А дом Лявтылевала находился у реки, что у Нетелина.

Всю ночь сражался Лявтылевал. Наконец немного отступил. Боевой крик Лявтылевала стал еще слышнее. В русле реки уже оказался Лявтылевал — устал он.

Был у него нетелинский товарищ по имени Айван². Проснулась жена Айвана и вышла на улицу. Было очень тихо. Вдруг услышала жена крик Лявтылевала: «Ыгыч!»

Бросилась она в дом, закричала. Айван говорит жене:

— Ты чего кричишь?

— Страшно мне. Там наш мужчина кричит. Наверное, война пришла!

— Пойду послушаю,— говорит Айван.

Вышел. Послушал. Действительно, Лявтылевал кричит. Взял Айван копье. Пошел на крик. Видит: наседают на Лявтылевала враги с двух сторон, к реке прижали. Айван сказал:

— Ыыч, я пришел!

Лявтылевал на высокий берег прыгнул. Стали сражаться двое на двое: Лявтылевал с одним врагом, Айван — с другим. Лявтылевал не убивал врага. Нотайван же убил своего противника. Лявтылевал увидел, что Нотайван перестал биться, говорит:

— Где твой мужчина?

Говорит Нотайван:

— Уснул!

Лявтылевал говорит ему:

— Зачем же ты его усыпил?

А Нотайван на самом деле убил его.

Перестал и Лявтылевал сражаться. Отдыхают все трое: Лявтылевал, Нотайван и вражеский воин. Лявтылевал говорит врагу, с которым сражался:

— Ладно, уходи, не буду тебя убивать. Отправляйся к своим. Только стадо верните.

Говорит этот мужчина:

— Хорошо, пойдем за твоим стадом!

Отправились, к стаду подошли. Вдруг бросился вражеский воин бежать. Опять пришлось Лявтылевалу сражаться. Отнял он свое стадо, да еще и у врагов оленей захватил.

Убежали враги. Все мужчины убежали. Двух мужчин он копьем заколол, головы отсек, через мозжечок вздел на копье. Машет ими и говорит:

— Не убегайте, еще повоюем!

На следующий год снова пришли караваном. Яранга Лявтылевала все там же стояла, на прежнем месте, у Нетелинской реки.

Пришли враги. Говорят:

— Ой! Яранга Лявтылевала на прежнем месте стоит. Давайте-ка обойдем ее подальше! Да к тому же у него теперь четыре яранги стало. Пусть живет Лявтылевал спокойно, нам с ним не совладать. А то опять недосчитаемся многих мужчин.

С этих пор перестал воевать Лявтылевал. Говорит:

— Хватит нам воевать! Со всеми этими мужчинами будем дружно жить. Если долго воевать, то оставшимся в живых и детям нашим плохо будет после войны: ни друзей, ни земли, ни мужчин у них не будет. Послушайте меня, перестаньте воевать! Пусть будет с этих пор всем хорошо!

Вот с тех пор войны прекратились. Все.

89. Кытгы

Арельпыно пеший убежал от врагов вместе с дочерью. Это было поздней осенью. Ночью в темноте со скалы кувырком упал. Сломал себе ногу. Заметила дочь, как он кувыркался по склону. Слезла потихонечку со скалы, прыгнула. Когда очутилась внизу, позвала отца:

— Где-е ты, оте-ец?

Отец говорит:

— Здесь я! Только вот, наверное, ногу себе сломал.

Дочь говорит:

— Что же мне с тобой делать?

Отец отвечает:

— Убей-ка меня, а то я буду мучиться. Да и хлопот от ме-

ня будет много. Когда убьешь меня, тут же захоронишь. Потом иди в керекские селения. Пусть там тебя прячут. Выроют перед пологом ямку, там и будешь прятаться. Пусть не говорят о тебе Кунлелю. Если кто из кереков захочет тебя в жены взять, не отказывайся.

Убила она отца, похоронила, пошла к керекам. Пришла к ним. Говорит:

— Я к вам прибежала. Когда мы убегали от врагов, отец сломал ногу и научил меня, что делать. Сказал: «Убей меня здесь». И еще сказал: «Придешь к ним, пусть выроют тебе перед пологом яму, где ты сможешь прятаться». Еще сказал: «Пусть о тебе не говорят Кунлелю». И прибавил: «Если там будет свататься, не отказывайся».

Поверили кереки. Вырыли ей возле полога яму, приготовили место, где прятаться.

Так она и жила. Женится на ней один керек. Она там и родила в яме. Родила девочку. А когда стали враги приближаться, убежала. Куда ни придет, везде ее прячут. Опять на ней кто-нибудь женится. И опять она родит. Как только родит, говорит тамошним:

— Никогда вам не победить Кунлелю. Давайте-ка лучше перестанем воевать! Хватит! Пусть все люди живут в мире! Ведь Кунлелю и его товарищи ловкие, ничего вы с ними не сделаете. Пусть люди дружат!

Когда обошла она всю землю, только тогда наступил мир. Куда бы она ни приходила, женились на ней, а она рожала.

Обошла всю землю. И прекратилась война. Прославилась Кытгы, сестра Кунлелю. Стали ее называть «Кытгы — создающая». Кытгы не любила войны. Все.

90. Ванкачкор

Был богатый оленевод. Жил все время один. И стадо сторожил в одиночку. Когда нападали на него враги, он в середине стада прятался. Когда только подойдут враги к его стаду, соберутся все вместе, приготовят пищу и начнут есть, он погонит стадо бегом на врагов. Начнет стадо кружить, оружие у врагов перетопчет, совсем растеряются враги. А Ванкачкор¹ погонит стадо в тундру, поймает годовалую важенку, начнет ею размахивать, как пращей. Так всех врагов и перебьет. Вот таким образом он и воевал с врагами.

Однажды сидел он на бугре среди скал, там, где две реки

сливаются, оленей пас. Там и его поклажа была. Как совсем стемнело, развел он большой костер. Увидели враги через стадо огонь костра. Стали подкрадываться к нему. Услышал он их крики. Набил запасную кухлянку чем попало, даже мешок для одежды в нее сунул. Сделал из оленьего легкого лицо и приладил к одежде. Посадил чучело у костра — точь-в-точь человек у костра сидит, дремлет. А над костром котел с мясом висит. Взял с собой дождевик, пошел за стадо и спрятался в том самом месте, где только что враги прошли. А враги подошли к чучелу, стали боевыми ножами рубить по лицу. Рубят и приговаривают: «Гиик! Что тебе отец говорил? Чтобы ты не спал, когда варишь мясо! Чтобы крепко не спал! Чтобы не лежал у костра!»

Когда они перестали рубить, пощупали. Оказалось, что не лицо это, а оленье легкое.

— Ну и ну! Оказывается, не человек это! — говорят расстроенно.

Постояли немного в растерянности. Наконец их предводитель говорит:

— Давайте-ка поедим! Хозяин-то, наверное, убежал. Пусть спасибо скажет, что все без кровопролития у него отняли!

Ждут, когда мясо сварится.

С громким криком бросился на врагов Ванкачкор. Колотит по дождевику, дождевик гремит, а Ванкачкор кричит во все горло: «Гэй! Накидывайтесь на них! Накидывайтесь!»

Побежали враги в ту сторону, где две реки сливаются. Все оружие свое побросали. Олени их с обрыва сбрасывают, а те, кто от оленей увернулись, сами в речку попадали.

Когда все наконец стихло, перестал он стадо кружить. Успокоились олени. Сел Ванкачкор к костру и так хорошо поел!

Когда рассвело, пошел он к обрыву, туда, где реки сливаются, посмотреть, что там. Видит — везде на берегу побитые враги лежат. Одни мертвые, другие еще живы. Живых он добил.

Однажды сторожил он свое стадо с товарищем. Снова враги пришли, начали их теснить. Убил Ванкачкор двух оленей. Сварил целиком их маленькие желудочки. Говорит Ванкачкор своему товарищу:

— Давай проглотим их целиком, не жуя! Кто не сможет проглотить, того, значит, убьют враги!

Товарищ с большим трудом проглотил желудочек. Говорит ему Ванкачкор:

— Ну, значит, они тебя не убьют! Только разве сильную рану нанесут или хромым сделают.

Подошли враги. Остановились на привал. Стали луки готовить. Ванкачкор говорит товарищу:

— Пусть они сначала с тобой дерутся!

Стал товарищ стрелять из лука. Сразу троих убил. Но и его ранили: в руку, в мышцу попали.

Ванкачкор говорит ему:

— Ну-ка отойди, теперь я буду стрелять!

По три стрелы спускал враз. Одной стрелой сразу трех врагов убивал. Всех одними стрелами перебил.

Ничего не могли враги с ним сделать, как и с Кунлелю. Он мог сражаться любым оружием: луком, копьем, годовалой важенкой. А зимой — и мерзлой тушей оленя.

Одним концом аркана мерзлую тушу по грудной части обвяжет, другой конец к шее туши привяжет. В середине аркана петли сделает, чтобы удобно держать. Бросятся на него враги с копьями, а он начнет эту мерзлую тушу, как пращу, вращать. Одной мерзлой тушей всех врагов уничтожит. Еще и до копья не дотронется — а уже все враги перебиты!

Ну, а уж если копье возьмет, в тот же миг всех врагов уничтожит! Все о нем.

91. Кнегин и его сыновья

Говорят, двое братьев жили. У старшего брата сын был. Звали того мальчика Этуви¹. Однажды отправился отец в другую землю один, оставил жену и сына. Прошло несколько дней, напали на них враги. Один из них, очень ловкий, взял насильно эту женщину в жены. На другой день отправились они домой на север и мальчика с собой взяли. Ох и долго ехали! Целых десять раз в пути ночевали!

Вернулся муж домой, говорит:

— Ой, где же моя жена?

Взял копьё и погнался за насильниками.

А взявший его жену злым был. Не дает ребенку еды. В дороге пищу его мать готовила. Выроет она для костра яму, сварит мясо и оставит кусок в яме. Поедят они, дальше отправляются. А мальчик так и идет голодный. Рассердился мальчик, а мужчина ему говорит:

— Снимай с себя всю одежду и иди обратно!

Сказал так и ткнул железкой в лоб. Оставили мальчика на

том месте и дальше поехали. Пошел он обратно по оставленным следам. Как на место стоянки придет, выкопает мясо из костровой ямки, поест и дальше идет.

Наконец отца, идущего по следам, встретил. Отец увидел сына, от жалости даже заплакал. Спрашивает:

— А где же мать?

Сын ответил:

— Они на север ушли. Идем скорее домой. У меня ноги распухли, совсем замерзли. Пусть уж они себе идут. Ноги у меня очень замерзли!

Отец сказал ему:

— Ну, если так, пойдем домой!

Отправились с сыном домой. Стали вдвоем жить — они же кочевники.

Отец, когда уходит к оленям, дает сыну камни для упражнения. И вот стал сын очень сильным. Отец сказал ему:

— Пусть тебя вместо Эттуви теперь Киегином² зовут, чтобы ты ловким и сильным был.

Сказал Эттуви:

— Ну что ж! Буду Киегином!

Уйдет отец к оленям, а Киегин всю ночь не спит, в пологе упражняется. Наконец очень сильный стал и ловкий.

Однажды сказал он отцу:

— Теперь давай пойдем, будем мать искать!

Отец ответил:

— Пойдем!

На другой день и отправились. Киегин в одной руке три подпорки и покрывку для яранги нес, а другой отца на санях волок вместе с остовом яранги. Опять в северную сторону пошли.

Однажды вечером слышат: кто-то кричит.

Спросил Киегин отца:

— Что это такое?

Отец сказал:

— Вот давай здесь и остановимся!

Остановились. Вдруг из-за холма показался кочевой аргиш. Оказывается, это враги. Снова хотят напасть.

Киегин сказал отцу:

— Видишь, они к нам идут.

Отец сказал:

— Что же нам делать?

Киегин сказал ему:

— Давай мы первыми нападём. Вот только мать где?

Остановились враги неподалеку. А тот сильный и ловкий враг на разведку пошел. Сказал:

— Вот здорово! Чья эта стоянка?

Киегин ответил ему:

— Это стоянка Киегина!

Враг опять спрашивает:

— Откуда же этот Киегин?

Киегин сказал:

— А это тот самый, у которого в детстве враг мать отнял, а потом без одежды его домой отпавил.

Догадался враг, кто это. Подумал: «Вот здорово! Ведь это тот самый, которого я когда-то железкой в лоб ударил».

Киегин сказал ему:

— Ты ведь давно уже хотел убить меня. Вот теперь и убей!

Ответил враг:

— Ну что ж, будь по-твоему!

И вот начали они на копьях драться. Не так уж долго бой длился. Поднял Киегин врага на копье и убил. Затем бросился на других врагов и всех копьем перебил. Только мать свою оставил в живых. На утро все втроем домой отправились.

Состарились мать с отцом и умерли. А Киегин женился. Жена ему двух сыновей родила.

Начал и Киегин стареть. А дети выросли. Сильные и ловкие стали, даже сильнее отца. Особенно старший: никто его победить не может.

Вот однажды пошли братья вдвоем на север. В тундре остановились. Говорит старший брат младшему:

— Давай на уток поохотимся! Только не забывай, что отец говорил!

А младший ответил:

— Помню, помню, что отец говорил! Ты охоться, а я буду смотреть, чтобы враги нас врасплох не застали.

Сказал так, а сам увлекся охотой и забыл про врагов. Вдруг видит — окружили их враги. Сказал старшему брату:

— Враги нас окружили!

Старший брат ответил:

— Какой же ты непослушный! Теперь убьют они нас!

А враги уже у старшего брата зад отбили. Не может он идти.

Крикнул младший брат:

— Ничего, я спасу тебя!

Старший брат ответил:

— Нет, не спасешь! Выпускай лучше стадо оленей! Скорее выпускай!

Надел младший брат панцирь и бросился к стаду. Ударил себя по панцирю — испугалось стадо, вскочило и побежало на врагов. Много врагов потоптало. Потом погнал младший брат стадо туда, где у них кладь хранилась. Вернулся, видит: убивают старшего брата враги. Сидит он, сидя подпрыгивает, и вот уже невидимым становится. Убили брата враги. Хотели его вниз лицом повернуть, не могут — грудные мышцы всей своей мощью упираются. Хотели на спину положить, лопаточные мышцы упираются. Наконец на бок положили.

Тут младший брат кинулся на врагов и всех перебил. Конец.

92. Омъяк

Давно это было, во время войн. Одного человека враги никогда не трогали. Только расспросят его и оставят в покое. Увидят его и спрашивают:

— Как тебя зовут?

Он отвечает:

— Я — Омъяк.

Снова спрашивают:

— Что ты делаешь?

Отвечает:

— Червей собираю.

И оставляют его в покое.

Вот однажды собрал он очень много червей и зажал в кулаке. Повстречались ему двадцать врагов. Спрашивают его:

— Как тебя зовут?

Отвечает им:

— Я — Омъяк.

Снова спрашивают:

— Что ты делаешь?

Отвечает им:

— В кухлянке насекомых ищу.— И еще говорит им:— Идите сюда, покажу вам моих насекомых.

Подошли враги. Показал он им червей, в кулаке зажатых. Убежали враги, даже не рассмотрели как следует. Убегают и говорят:

— Ой-ой-ой! Большие же у него насекомые!

А Омъяк смеется над ними:

— Ха-ха-ха! Ох, как сильно я врагов напугал! Ну и у меня — вон чем врагов напугал!

Затем снова пошел червей собирать. Увидел мышку, поймал. Дальше пошел, мышку в руке держит. Опять врага встретил, на этот раз одного. Увидел Омъяк врага, сел на землю. Делает вид, будто насекомых ищет на вороте кухлянки. Враг его спрашивает:

— Как тебя зовут?

— Я — Омъяк.

Враг опять спрашивает:

— Что ты делаешь?

— Очень уж много насекомых у меня развелось, вот и ищу их в кухлянке.

И еще говорит Омъяк:

— А ну, иди сюда, посмотри моих насекомых!

Подошел враг.

Омъяк и говорит ему:

— Зажмурь глаза!

Враг зажмурился. Взял Омъяк руку врага. Засунул ему мышку в рукав. Начал враг подпрыгивать и кричать:

— Эй, эй! Вошища, вошища! Мохнатая, мохнатая!

А мышка уже у него за пазухой. Враг еще сильнее кричит:

— Ой-ой, что-то огромное за пазухой бегаёт! Да что же это со мной такое!

Омъяк начал смеяться над ним:

— Ха-ха-ха! Вошь, видно, сильнее тебя!

Наконец поймал враг бегавшую за пазухой мышку. А мышка как укусит его за руку. Побежал враг. Бежит, а мышка его в руку кусает.

Омъяк зовет убегающего:

— Эй, иди сюда! Так уж и быть, сниму с твоей руки мою вошицу!

Вернулся к нему враг, а мышка все его в руку кусает. Всю руку его окровавила.

Снял Омъяк мышку с руки врага. Убежал враг. Бежит и говорит:

— Ой-ой, вошища-то какая острозубая!

А Омъяк над врагом смеется:

— Ха-ха-ха! Впервые такого глупого человека встретил! Да еще такого слабого!

93. Хвастун

Один человек поехал в гости. Приехал. Ему говорят:

— Здравствуй!

— Здравствуйте!

Спрашивают:

— Что нового?

— Ничего нет, вот только думаю я: пожалуй, из всех людей я самый хитрый!

Один человек сказал ему:

— Хорошо, давай попробуем, кто кого перехитрит. Завтра снова к нам приезжай. Только поезжай по левой дороге.

Вернулся хвастун домой. Назавтра опять в гости на оленях поехал. Едет по левой дороге. Видит: валяется на дороге вышитый торбазок. А человек, с которым он в хитрости состязался, между тем неподалеку прятался. Посмотрел хвастун на торбазок и дальше поехал.

Вышел человек из укрытия, схватил торбазок, побежал напрямик, обогнал хвастуна, опять торбазок на дорогу положил, а сам снова спрятался. Увидел хвастун второй торбазок и закричал:

— Вот диво-то! Ведь это как раз пара давешнему торбазу! А ну-ка, вернусь я за тем торбазком, и будет у меня пара!

Привязал оленей, сам обратно пешком пошел.

Вышел из укрытия человек, отвязал оленей и угнал. Искал, искал хвастун торбазок. Не нашел. Вернулся к оленям — а оленей нет. Закричал хвастун:

— Ну и хитрущий человек! Зачем я ему только говорил: «Нет хитрее меня!» Теперь вот и остался без оленей!

Пошел по следу оленей. Пришел к тому человеку, кто у него оленей увел. Уведший оленей спрашивает:

— Ну как, кто хитрее? Ты вчера говорил: «Из всех людей я самый хитрый!»

А хвастун ему говорит:

— Да, ты хитрее. С помощью торбазов оставил меня без оленей.

Тот, кто оленей увел, отвечает:

— Иди домой пешком, оленей я тебе не дам. Ты же сам хотел состязаться в хитрости!

И отправился хвастун пешком домой.

94. Чомарагтыгыргын

Жил-был Чомарагтыгыргын¹. Когда он был еще маленьким мальчиком, его отца убил эскимос пинком ноги. Все время, пока рос, помнил он об отце. И все время в силе и ловкости упражнялся. Вырос, действительно стал очень сильным и ловким да еще очень быстро бегать научился. Стал даже длинных оленей догонять и голыми руками ловить.

Вот и решил он перебраться поближе к эскимосам.

Ранним летом, примерно в июне, говорит он своему товарищу:

— Пойдем к берегу моря, прямо к причалам, где обычно эскимосы высаживаются.

Пришли туда. Через некоторое время показались байдары. Стал Чомарагтыгыргын поучать товарища. Говорит:

— Если они в этом месте на берег выйдут, вот увидишь: придется им дать нам чего-нибудь. Когда будем разгружать байдары, ты меня торопи. И все время по имени называй: «Чомарагтыгыргын, помогай выгружать!» Громко так зови: «Чомарагтыгыргын!» И еще говори: «Поторапливайся, старайся, а то и тебя, бедненького, пинком ноги убьют».

И действительно, через некоторое время причалили байдары к тому месту, где они стояли. Большущая байдара всякой всячиной была наполнена: и тюками чая, и тюками табака. А хозяином той байдары был как раз тот самый эскимос, который пинком ноги отца Чомарагтыгыргына убил.

Стали выгружать товар. Товарищ говорит ему:

— А ну-ка, давай, помогай выгружать!

Стал Чомарагтыгыргын помогать. Немного спустя товарищ ему снова говорит:

— Поторапливайся-ка, Чомарагтыгыргын! Люди, наверное, торопятся. Прилив идет.

Чомарагтыгыргын спрашивает хозяина байдары:

— Если товар бросать на берег, с ним ничего не случится? А тюки с чаем были железом окованы, большие были и тяжелые.

Хозяин байдары, который его отца убил, говорит ему:

— Не сможешь ты — очень уж тяжелые!

Взял тогда Чомарагтыгыргын тюк чая за обтяжку, примерился, оглянулся, нет ли людей. Людей не было. Слез с байдары, бросил тюк чая одной рукой на берег, подальше. Упал тюк на высокий берег и даже в песок вошел.

Товарищ, нарочно ругаясь, говорит ему:

— Ой, что же это ты его бросил, Чомарагтыгыргын! На слабость свою сердисься?

Обернулся Чомарагтыгыргын. Одной рукой вытащил из песка тюк с чаем. Перенес его подальше от берега. Посмотрел на товарища зло так. А тот догадался и говорит:

— Пошевеливайся давай! Помогай людям!

Стал Чомарагтыгыргын очень быстро все делать. Возьмет в каждую руку по тюку чая и несет на берег.

Но вот одну байдару выгрузили. Хозяин байдары говорит эскимосам:

— Давайте вытащим байдару на берег!

Чомарагтыгыргын говорит хозяину:

— Если я один понесу, она не сломается?

Тот отвечает:

— Тяжелая она. Возьмемся с боков и вытащим.

Сказал это хозяин, а Чомарагтыгыргын взялся за две скамейки, поднял байдару над головой, вышел на берег и спрашивает:

— Куда мне ее поставить?

Видя такое, эскимос, который отца убил, стал заискивать перед Чомарагтыгыргыном. Говорит ему:

— Вот сюда положи!

Положил Чомарагтыгыргын лодку, а эскимос и спрашивает:

— Ты, случаем, не сын Чумена?

— Да, его.

— Ну, давайте пить чай! Идите-ка собирайте дрова для костра,— говорит хозяин эскимосским юношам.

Снова глянул украдкой Чомарагтыгыргын на товарища. Товарищ понял его взгляд и говорит:

— Опять ты ничего не делаешь! Помоги собрать дрова! Бездельничаешь, вместо того чтобы помогать!

Побежал Чомарагтыгыргын собирать дрова. Собрал очень много дров.

Вскипятили чай. Закусили. Попили. После этого хозяин-эскимос подарил много товаров Чомарагтыгыргыну: непочатый тюк чая, тюк табака, целую шкуру моржа, различные ремни. Все это положил перед Чомарагтыгыргыном и говорит:

— Вот это все тебе!

Очень много товаров получил он в подарок.

Когда все эти товары были отнесены в сторону, Чомарагтыгыргын тайком посмотрел на товарища. Тот говорит:

— А ну, укладывай груз! Положи все это в шкуру и перевяжи.

Стал укладывать груз. Товарищ торопит его то и дело, хотя Чомарагтыгыргын и без того торопится. Поминутно говорит ему:

— Ты что, весь день собираешься груз укладывать?

Когда почти все было упаковано, схватил товарищ копьё и крикнул, убегая:

— Я, пожалуй, убегу скорее, а то опять пинком убьют!

Взвалил Чомарагтыгыргын побыстрее груз на плечи, схватил копьё и побежал за товарищем. Догнал. Дальше вместе пошли. Решили ничего не делать с эскимосами, потому что хозяин байдары очень много товара подарил, да к тому и еще мог привезти.

95. Ловкие женщины

Говорят, жили старик с женой. Две их дочери сами все делали, даже сами стадо пасли. Отец и мать были уже старые.

Вот однажды пасут женщины стадо. Сторожат оленей, которые у начала длинного озера отдыхают.

И подкрались к этим женщинам враги. Женщины только тогда их увидели, когда те стали угрожать им.

— Подождите,— отвечают женщины.— Мы сначала поедим.

Стали скорее делать колбасу. Одна из костей костный мозг извлекает, другая тем временем из простого дерева копьё мастерит. Вместо наконечников вставляет острые разрубленные кости из оленьих ног.

— Ну что ж, нападу-ка я на самого ловкого врага,— говорит старшая.

— Давай лучше я,— отвечает младшая.

— Нет уж, сначала я! Вот когда я не смогу его одолеть, тогда уж ты нападай.

Вышел к женщинам самый ловкий и сильный мужчина. Весь день сражалась с ним старшая сестра на копьях. Наконец изловчилась — посадила вражеского силача к себе на плечо.

— Ты уж меня убей, пока я не остыл,— говорит мужчина женщине.

— Мы не занимаемся убийством, мы ведь женщины, — отвечает женщина врагу.

— Не женщины вы! Не могут женщины быть такими сильными и ловкими, — не верит юноша.

— А ты видишь, у меня косы?

— Мужчины ведь тоже косы носят, — все еще сомневается юноша.

— Ну, если ты не веришь, так смотри!

Сказала это женщина, разделась и показала ему свои груди.

— Вот уж мне будет стыдно, если узнают, что меня женщина победила! Убей меня скорее, а то я совсем остыну, — настаивает мужчина.

— Да ведь мы никогда не убиваем, — отвечает женщина.

— Если уж отказываешься убить меня, тогда возьми мужем. Ведь другие враги все равно меня убили бы. А домой я не вернусь — товарищи видели, как ты меня победила.

Согласилась женщина. А когда шли домой, копьё мужчины блестело на солнце, потому что было железное.

С подветренной стороны яранги отец теслом работал. Остановилась дочь не так далеко от отца и говорит:

— Отец, я пуговицу приобрела.

Потому так сказала отцу, что мужа себе привела.

С тех пор сестры обзавелись мужьями, стали счастливо жить, да еще и детей нарожали.

96. Початкын и Пэлятколын

Жили старик и старуха. Была у них одна дочь по имени Пэлятколын¹.

Старики никуда не ходили, дочь всю работу делала: летом ягоды и коренья запасала, дрова заготавливала, зимой оленей к упряжке приучала. Хорошо Пэлятколын жила. Ни один юноша не мог стать ее мужем. Отец и мать сказали, что она только за того замуж выйдет, кто ее в состязаниях по бегу обгонит.

Жил далеко в другой стране юноша. Прослышал о быстроногой девушке-пастушке. Звали его Початкын². И начал он упражняться. Три года упражнялся. Даже горных баранов, которые на гору бегом взбираются, стал без особого труда догонять.

Отправился наконец Початкын в путь, хочет с отважной девушкой познакомиться. Пришел туда, где Пэляткольын жила. Увидел ее возле стада. Очень уж она красивой оказалась!

Увидел ее, схватил и понес к другому концу стада. Девушка говорит ему:

— Ну и напугал ты меня! А теперь попробуй догнать!

Побежала от него девушка что было мочи. Юноша ни на шаг не отстает. Наконец устала девушка, говорит:

— Раз уж не могу я тебя обогнать, пойдем ко мне домой!

Пошли домой. Перестала Пэляткольын оленей пасти. Стал этот юноша оленей пасти. Вышла Пэляткольын за него замуж. И вскоре забеременела.

Говорит старик зятю:

— Мы можем умереть, так и не увидев стада. Пригони завтра утром оленей, забьем несколько.

Говорит жене Початкын:

— Сплети из ремней кнут.

Как только кнут был готов, пошел муж в стадо. Собрал стадо, погнал домой, вдруг видит — увяз старый бык в глине. Начал мужчина бить старого быка кнутом. Вылез наконец старый бык из глины. Хочет в сторону свернуть, а мужчина его опять кнутом бьет. Наконец старый бык пошел прямо к дому. И все стадо за ним пошло, как будто кто его гонит. А этот старый бык был хозяином в стаде. Пригнал он стадо к дому. Забили оленей.

После забоя велели старики убить себя³. Перед смертью старик говорит молодым:

— Мы вам оставляем большое стадо, чтобы вы могли безбедно жить. А теперь убейте нас. Но жить будете хорошо, только если стадо будете беречь. Помните: тот хорошо живет, кто много трудится.

97. Кэльэв-силач и юноша

Рассказывают: увидели как-то жители одного села — идет к ним юноша. Никто не знал, кто он, откуда, зачем пришел. Всех людей вокруг знали, даже из самых дальних селений, хотя не часто в те селения ходили. Да и к ним редко кто приходил — боялись силача из этого селения.

А силач этот был самый грозный во всей стране. Кто ни придет в селение, он с тем борется: или убьет, или своим работником сделает. Плохо относился к работникам-пастухам:

всегда они у него голодные, всегда им холодно, хотя большее стадо сторожили, ими же в несколько раз увеличенное. Вернется пастух домой, а силач сейчас же его назад в стадо отправит. Или трех своих сыновей пошлет, чтобы хорошенько следили за пастухами.

Большое любопытство пришедший юноша вызвал. Девушки собирались в кружок, забегали вперед, потому что еще издали заметили, какой он красавец. А юноша, как оказалось, жену себе искал.

Он тоже был очень сильный. Поэтому и пошел в это селение, не побоялся силача. Юноша очень спокойно держался, силы своей раньше времени не показывал. Захотелось ему посмотреть и дочерей силача, но отец запретил им знакомиться с юношей.

А силача-насилльника звали Кэльэв. Не пошел юноша к нему в дом, а пошел в дом старика, работника Кэльэва. Рассказал старику, что его послала мать жену себе найти и что он пока еще не нашел подходящей невесты.

— Кэльэв не оставит тебя в покое, заставит с ним бороться. А когда победит, или работником сделает, или убьет. Мы ведь, старики, всего здесь навидались,— говорит старик хозяина. (Сам-то он не умел бороться.)

Назавтра позвал силач юношу и велел приготовиться к бою.

— Но я от рождения не боролся, да и не бороться пришел, а присмотреть себе жену,— отвечает юноша силачу.

Разговаривает с силачом, вдруг его младшую дочь заметил. И говорит силачу спокойно, не отдаст ли он свою младшую дочь ему в жены.

— Своих дочерей я отдам только тем, кто или сильнее меня или равен мне в силе. Хотя и за того могу отдать, кто чуть-чуть слабее,— так ответил силач юноше.

И вот пригнали перед борьбой стадо. Оказывается, побежденного перед смертью нужно как следует накормить; если же противник немного посильнее окажется, то несколько оленей ему подарить и работником сделать. А если вдруг равным в силе, то половину стада ему отдать. Но силач был уверен, что победит юношу и убьет. Тогда уж он не женится на его дочери.

Расстелили работники несколько моржовых шкур со слоем жира. На них начали бороться.

Ступил юноша на шкуры, стало ему очень скользко, а Кэльэву хоть бы что.

Много людей собралось посмотреть на борьбу. Некоторые смеялись, некоторые молча смотрели. Силач боролся как молодой. Но юноша легко с ним боролся. Скоро Кэльэву стало жарко. А юноша все становится ловчее, даже прыгать начал. Люди, смеявшиеся вначале, совсем замолкли. Наконец Кэльэв остановился и сказал:

— Долго мы с тобой боремся, вон уже смеркается. Продолжим дома. Никто со мной так долго не боролся!

Вошли в дом. Юноша не бросился на силача, а подсел к его дочери и стал просить, чтобы она его женой стала. Девушка согласилась. Но Кэльэв говорит ему:

— Нет, я попробую еще побороть тебя!

Снова начали бороться. Жалко, наверное, было Кэльэву дочь отдавать. Да и не хотелось быть побежденным.

Наконец рассвело. Все еще борются. Некоторые зрители стали дремать. В полдень уставший Кэльэв говорит юноше:

— Напади на меня в моем доме!

— Вы видите,— сказал юноша людям перед тем, как напасть,— я не убийца. Он сам просит, чтобы я напал на него.

От долгой борьбы юноша только еще ловчее стал. Ненавидел он Кэльэва за то, что тот двух его старших братьев убил, когда он был еще маленьким.

Бросился юноша на силача, схватил его, повалил на шкуры, завернул как ребенка в одну шкуру, а другой сверху прикрыл. Силач оттуда кричит, чтобы его вытащили. А сам выбраться не может — моржовая шкура очень скользкая.

— Выпусти меня! Возьми мою дочь в жены, стадо возьми и сделай меня своим работником! — орет Кэльэв.

Не верит юноша Кэльэву. Побежал в тундру и вернулся с большим копьем. Вытащил Кэльэва из шкур и сказал:

— Ну, давай теперь на копьях сражаться, раз уж ты позвал меня вчера позабавиться!

Принес Кэльэв копьё. Большое у него копьё, другим не поднять, но все же меньше, чем у юноши. Стали на копьях сражаться. Уже в самом начале сломал юноша копьё Кэльэву. Кончили сражаться, юноша и говорит:

— Ты моих братьев копьями убил. И я тебя копьём же убью!

Сказал это и заколол Кэльэва, убил. Взял юноша в жены дочь Кэльэва, стадо пополам разделил. Одну половину беднякам раздал, а другую — к своей матери погнал.

Стали бедняки в радости жить, без угнетателя.

98. Упрямая мать

Говорят, что жила мать с сыном. Мать во что бы то ни стало хотела понять язык птиц.

Однажды услышала мать, что где-то на побережье обучают писать и читать. Мать думает: «Уж если там писать и читать учат, то уж по-птичьему-то должны научить понимать и говорить!» Позвала она сына, который на улице играл, и говорит ему:

— Хватит тебе в бесполезные игры играть. Готовься, будешь изучать птичий разговор. Как только прибудет корабль, поедешь учиться на побережье. Как выучишься — домой вернешься.

С тех пор стала женщина готовить сына к поездке.

И вот вскоре прибыл корабль. На нем они и поехали.

Несколько лет учился сын и вот понял, что хотя он и научился писать и читать, но птичьего языка ему никогда не выучить.

Сколько лет он учился — неизвестно, но видит мать: сын уже юношей стал.

Как только кончилось обучение, стали они собираться домой. Мать слышала, что корабль скоро в их сторону идет.

Наконец отправились. Матери не терпелось поскорее птиц увидеть: ведь теперь ее сын будет говорить с ними, потому что стал грамотный.

Когда корабль был уже на середине моря, увидели они стаю журавлей.

— Ну-ка послушай, о чем журавли говорят, — сказала мать сыну.

— Я не понимаю журавлей, нас не учили говорить по-птичьему, — ответил сын матери.

— Ты так долго обучался, а на птичьем языке так и не выучился говорить, — ворчит мать.

На другой день опять они стаю птиц увидели. Упрямая мать снова спросила сына:

— Ну, что говорят птицы, какая будет наша дорога?

— Что я могу поделаться, нас ведь не учили птичьему языку! Мы обучены только письму и чтению. Ты уж лучше спроси, что здесь написано, и я тебе скажу!

Спустя немного увидели они уток. Плавают утки и громко крикают.

— Это утки из наших морей, уж их-то ты должен понимать. Спроси, что говорят о нас дома!

— Я и уток не понимаю, потому что мы не учили языка птиц. Да и ни один человек на свете не понимает птичьего языка.

Рассердилась старуха на сына. Стала браниться, а потом говорит:

— Ладно, языка птиц ты не учил. А вот скажи, почему за кормой корабля вода кипит?

— Вот это я знаю! Потому кипит, что «весло» корабля работает. Поэтому мы и движемся.

— А ты нагнись и посмотри,— говорит упрямая мать.

Раз мать велит, послушался сын и посмотрел с кормы на кипящую воду. Тут мать взяла и толкнула сына в воду, потому что считала его глупым.

А корабль дальше пошел.

Юноша не растерялся. Он умел плавать. Поплыл он к левому берегу. Скоро доплыл до берега, вышел на землю и стал одежду сушить.

Решил юноша не возвращаться к жестокой матери. Только люди потом говорили, что живет в одном селении какой-то человек и учит детей грамоте. Народ догадывался, что это был человек, которого мать хотела утопить и который не смог научиться языку птиц.

99. Хитрец

Жил давным-давно один человек. Ох и хитрый был, и лживый! Так его и звали — Обманщик.

Вот однажды идет он вверх по реке. А было немного туманно. Вдруг повстречался ему человек. Обманщик спрашивает его:

— Куда идешь?

Тот отвечает:

— Да вот, охочусь я.

Обманщик и говорит ему:

— Ступай вниз по этой реке! Ниже по течению я видел бурого медведя. Он тебя ждет.

Охотник сказал:

— Наверное, обманываешь меня?

Обманщик говорит:

— Ну, что ты, я тебя не обманываю!

Потом Обманщик спрашивает:

— Ты мое имя знаешь?

Охотник ответил:

— Нет!

Тогда Обманщик говорит:

— Так почему ты мне не веришь?

Охотник сказал:

— Э, да я твое имя знаю!

Обманщик спросил:

— Как же меня зовут?

Охотник ответил:

— Обманщик!

Изменился обманщик в лице, задрожал. Наконец сказал:

— Что ж это такое ты говоришь? Ах ты дрянь такая! Когда ж ты мое имя узнал?

Охотник ответил:

— Я сразу понял — ты хочешь меня обмануть!

Недослушал обманщик и побежал прочь. Бежит и говорит:

— Вот диво! Ох и умен этот человек!

А охотник вслед ему кричит:

— Ой-ой-ой! Что это с человеком? Вот смех-то! Ха-ха-ха! Не смог меня обмануть!

100. Как сосед проучил оленевода, убив его оленя

Один оленевод не охранял зимой своего стада. Тогда один человек, его сосед, сказал:

— А ну-ка, убью у него какого-нибудь оленя. Может быть, проучу этим чаучу и начнет он стадо охранять!

Однажды утром пошел чаучу в стадо. Ходит среди оленей, вдруг видит — человек оленя свежует. Оленевод подошел к нему. А тот как будто не замечает хозяина. Совсем близко подошел чаучу и говорит:

— Ой, зачем ты заколол этого оленя!

Сосед отвечает:

— Замолчи, негодяй, вот помогай-ка свежевать оленя!

Чаучу говорит:

— Эге, давай помогу, только вот почему ты все-таки заколол важенку?

Свежующий оленя отвечает:

— Потому что решил: «Дай-ка проучу его, убью оленя. Может, хоть тогда перестанет стадо одно оставлять».

Говорит чаучу:

— Ага, правильно ты поступил! Теперь я никогда не оставлю стадо одно. Ладно, ничего, что ты убил этого оленя. Есть ведь страшные волки. Они-то могут убить много оленей!

101. Парень, не знающий медведей

Один парень был очень высок ростом, но глуповат. Вот однажды велел ему отец пойти на охоту за бурыми медведями. Пошел парень на медведей охотиться.

По дороге думает: «Не ладно ведь, медведь-то, пожалуй, силен!»

Взобрался на холмик. Увидел норы евражек, подумал: «Вот так диво, должно быть это и есть медвежьи берлоги! Ведь люди говорили: „У медведя берлога в земле“. Только почему-то эти берлоги очень малы. А ведь я слышал: „Медведь-то больше горы!“»

Задумался парень. Наконец говорит:

— А ну-ка, подожду я, пока они выйдут, и спрошу!

Вылезла одна евражка.

Он ее спрашивает:

— Это ты медведь?

Только он ее позвал, как евражка с визгом обратно в нору юркнула:

— Пи-и-ик!

Человек говорит:

— Вот так диво! Хоть бы ответила. А то только насмехается надо мной!

Другая вышла. Опять спросил ее:

— Эй, ты медведь?

Евражечка юркнула с визгом обратно в нору:

— Пи-и-ик!

Бросился парень бежать. Бежит и говорит:

— Вот диво, медведи-то насмехаются надо мной! Пожалуй, домой вернусь!

Пришел домой. Отец его спрашивает:

— Ну как, убил медведя?

Сын отвечает:

— Нет, скверно, не стали со мной медведи разговаривать. Я их спрашиваю, а они только смеются надо мной.

Отец сказал:

— Ой-ой-ой, да разве расспросами медведя убьешь!

Сын говорит:

— Так как же быть? Я ведь медведей-то не знаю. Вот поэтому и спрашивал, чтоб узнать. Спросил, а они юрк в нору, да еще и смеются надо мной.

Отец сказал:

— Ну ладно, не ходи больше на медведей охотиться. Вот бедняжка, медведи над ним смеются! Да, пожалуй, над тобой и мыши смеяться станут — медведя не можешь добыть!

Сын спрашивает:

— А что такое мышь?

Отец говорит:

— Ой-ой-ой, да ты в уме ли? Даже мыши не знаешь!

Сын сказал:

— А ну-ка, пойду я снова на медведей охотиться!

Отец говорит:

— Куда тебе медведя добыть, ведь ты даже мышей не знаешь!

Сын говорит на это:

— А все-таки, пожалуй, пойду поохочусь на медведей!

Отец ответил:

— Эге, ну ладно, иди поохоться!

Пошел сын охотиться на медведей.

Идет вверх по ложине, увидел медведя. Стал к нему подкрадываться, приблизился. Выстрелил и убил.

Подошел к нему, ходит вокруг медведя. Наконец закричал:

— Ой, какая огромная мышь!

Попытался взвалить неосвежеванного медведя на плечи. Не может взвалить. Наконец оставил его и пошел домой. Идет и говорит:

— Ох, какая тяжелющая мышница!

Пришел домой. Отец спрашивает его:

— Ну как, убил мышь?

Сын отвечает:

— Да, убил, но, к сожалению, не смог принести — ох и тяжелая, да и огромная, как холм!

Отец говорит:

— Ой, опять обманываешь? Ведь мышь я и мизинцем подниму.

Сын сказал:

— Да нет же! Ой и огромная, да и очень мохнатая, словно

в оленью шкуру одета. И лапищи у ней толстущие — толще бревна!

Отец говорит:

— Конечно, обманываешь! Я еще не видел зверя, у которого ноги толстые, как бревно!

Сын говорит:

— Давай пойдем туда и посмотри. Тогда и говори!

Пошли на то место. Пришли к убитому медведю.

Отец сказал сыну:

— Вот диво, ведь это не мышь, а медведь!

Сын говорит:

— Вот так штука! А ведь говорили: «Медведь больше сопки».

Отец сказал:

— Нет, это медведь, знай теперь, какой он!

Сын отвечает:

— Ага, теперь уж медведей-то я знаю. Только вот мышей не знаю. А медведей-то действительно знаю!

Освежевали они медведя и понесли домой. Пришли домой, сын сказал отцу:

— А когда же я мышь-то узнаю?

Отец ответил:

— Это не сейчас. Ночь придет — вот и познакомишься с мышью!

Сын откликнулся:

— Эге, ведь действительно плохое дело ничего не знать. Видно, не стоит с ними разговаривать. Только станут насмехаться! Вот так, как вчера медведи. Ведь это просто стыд!

102. Как бурый медведь захотел оленеводом стать

Захотел бурый медведь оленеводом стать, пошел искать самого крупного оленевода — чаучу. Увидел медведь огромное стадо. Подошел к хозяину стада, который неподалеку сидел.

Чаучу говорит ему:

— Здравствуй!

— Здравствуй!

Чаучу спрашивает медведя:

— Зачем пришел?

Медведь отвечает:

— Да вот, хочу у тебя оленей попасти, получить оленями плату и сам оленеводом стать.

Чаучу говорит:

— Ну что ж, раз уж захотел оленеводом стать, то давай паси моих оленей. Паси будешь днем, а в уплату я тебе часть моего стада отдам.

Медведь говорит:

— Эге, давай попасу!

Чаучу сказал ему:

— Ну что ж, паси, а я домой пойду. Как только солнце начнет клониться к закату, гони стадо домой!

Медведь спрашивает:

— А где же твоя яранга?

Чаучу отвечает:

— Вон там, в ложине.

Медведь говорит чаучу:

— Ну ладно, иди домой, я буду сам стадо паси!

Пошел чаучу домой. Медведь остался при стаде. Как стало вечереть, начало стадо разбредаться. Стараются медведь собрать оленей всех вместе, однако никак не может. Разбредается у него стадо.

Озлился медведь. Подойдет к оленю и спрашивает:

— Да что это вы все ищете?

Наконец закричал даже:

— Да что ж это такое со стадом? Да хоть бы понимали, когда их спрашиваешь! Ведь я же ясно спрашиваю их: «Что это вы ищете?» Так нет, нагнули головы к земле, ходят, ничего не отвечают!

Наконец бросил стадо, пошел в ярангу к чаучу. Пришел. Чаучу спрашивает его:

— А где стадо?

Медведь отвечает:

— Ой, я никак не могу собрать его. Как только ты ушел, все олени разбрелись кто куда. Что это они все ищут? Да хоть бы отвечали, когда их спрашиваешь. Сколько раз я их спрашивал: «Что это вы ищете?» А они молчат. Червей, что ли, ищут?!

Чаучу говорит ему:

— Ну и дела. Как же ты мог стадо оставить? А еще хочешь оленеводом стать!

Заерзал медведь от страха и говорит:

— Эй, послушай! Только не убивай меня!

А чаучу говорит:

— Замолчи!
Тут медведь заорал:
— Ой-ой, он меня убивает!
Бросился чаучу на него. Медведь побежал.
— Ой-ой! — кричит.— Оказывается, чаучу очень скверный народ!

103. Сбежавший обедок

Как-то нашел ворон большой кусок оленьего сала, который люди обронили.

Схватил его и хохочет:

— Ха-ха-ха, кар, кар, кар! Вот спасибо-то, поем сальца!

Сел с салом на дерево и начал есть. Каждый раз, как не может оторвать клювом кусочек, смеется:

— Ха-ха-ха! Ой-ой, ну и твердое сало! Ха-ха-ха, кар, кар, кар! Вот спасибо, кто-то оставил его для меня.

Услышала лисичка крикуна, подкралась к тому дереву, где ворон сидел, да как крикнет:

— Эй!

Ворон с перепугу вместе с обедком сала свалился с дерева. Падает и кричит:

— Кар, кар, кар! Что это с обедком?

А лисичка подхватила сало и побежала. Бежит и приговаривает.

— Ой-ой! Ой-ой!

Воронище как упал, с головой в снегу увяз. Выбрался из снега. Увидел, что сало его убегает, начал громко звать:

— Эй, обедок, иди сюда!

Затем полетел. Летит и говорит:

— Вот так диво! Что ж это обедок-то от меня убежал?!

104. Ворон и мышка

Бегала мышка под кочками. Увидела ворона, позвала:

— Дедушка, иди сюда, я у тебя насекомых поищу!

Прилетел ворон. Мышка начала у него насекомых искать. Пока искала, ворон заснул.

Как только ворон заснул, мышка разрисовала ему углем

все лицо. Кончила разрисовывать и ушла. А ворон все спит себе.

Наконец проснулся ворон, закричал:

— Кар! Кар! Где же мышка?

Затем полетел над рекой. Летит, а сам в воду смотрит. Увидел в воде свое отражение. Закричал:

— Ой! Это кто такой? А ну-ка, подлечу к нему!

Подлетел к своему отражению, стал звать:

— Эй, иди сюда!

Наконец начал себя узнавать:

— Как будто это мое отражение!

Потом совсем узнал:

— Конечно, это мое отражение! Верно, и мышь-то убежала потому, что моего разрисованного лица испугалась.

105. Мышка и евражка

Гуляла мышка между кочек, а евражка сидела, как обычно, на холмике и кричала. Услышала мышка, как она кричит, села на кочку. Позвала евражку:

— Дядя, иди сюда!

Евражка подошла. Мышка говорит ей:

— Здравствуй!

— Здравствуй!

Мышка сказала евражке:

— А что, если нам вместе жить и вместе на медведей охотиться?

— Ох нет, медведь-то страшилище! Не мы его, а он нас убьет!

Мышка возразила ей:

— Ничего, перехитрим его. Мы очень маленькие, подкроемся к нему и зацарапаем его до смерти.

Евражка подумала и сказала:

— Ну ладно, давай!

Пошли на медведя охотиться, нашли медведя. Подкралась к нему. Как только стали подходить, мышка говорит:

— Ой-ой-ой, действительно страшилище!

Евражка отвечает:

— Я ведь давеча говорила,— страшилище!

Услышал медведь их разговор, говорит:

— Съем я вас!

Они ему отвечают:

— А мы тебе, дедушка, скажем что-то. Послушай-ка! У тебя насекомых нет?

Медведь отвечает им:

— Ох, верно, и много же их у меня!

— Давай мы поищем!

— Ладно, ищите!

Начали искать насекомых. Пока искали, медведь уснул. Как только медведь уснул, мышка говорит евражке:

— А ну, давай ему глаза выцарапаем! Может быть, и убьем!

Расцарапали медведю глаза, разорвали их. Вытекли глаза. Потекла из них кровь. Сдох медведь.

Евражка с мышкой говорят:

— Ого, какие мы сильные — медведя убили! Давай теперь всегда вместе будем держаться. Вместе и медведь не страшен!

106. Вот спасибо, медвежатины поел!

Ходил однажды бурый медведь по лесу. Вдруг его песец позвал:

— Дедушка, иди сюда!

Медведь подошел. Спрашивает песца:

— Ты кого-нибудь боишься?

Песец отвечает:

— Я только людей боюсь, потому что у них ружья стреляют!

Медведь сказал ему:

— А я людей не боюсь. Я боюсь одних куропаток. Идешь, идешь, а они как вылетят из-под кустов! Очень страшно!

Песец говорит:

— А я куропаток не боюсь. За один день по десять штук убиваю.

Медведь говорит песцу:

— Давай пойдем искать: ты куропаток, а я — людей. Посмотрим, кто страшнее.

Пошли. Песец пошел охотиться на куропаток, а медведь — на людей. Порознь пошли.

Напал медведь на людей, а они как начали стрелять — всю его шкуру в лохмотья превратили. Медведь еле ноги унес.

А песец тем временем двадцать куропаток убил. Стал ждать медведя. Пришел медведь к песцу весь окровавленный. Говорит медведь:

— А и верно, люди-то очень вредные!

Затем говорит:

— Нет ли у тебя каких-нибудь лекарств?

Песец ответил:

— Да, есть — нагретые камешки.

Разжег песец костер, набросал в огонь камней. Камни нагрелись. Песец говорит медведю:

— Ложись!

Медведь лег. Песец ему в рану горячие камни вкладывает. Медведь от ожогов подергивается. Песец говорит:

— Вот спасибо, теперь я жирной медвежатины поем!

Медведь спрашивает:

— А? Что ты говоришь?

Песец отвечает:

— Я говорю: «Вот беда-то, товарищ мой умирает!»

Сдох медведь. Песец очень радуется добыче. Говорит:

— Вот спасибо-то! Поел я жирной медвежатины!

107. Аканныкай

Говорят, была дикая важенка. И жила она совершенно одна. Всю зиму по горам ходила. К весне пришло время телиться. А еще снег не стаял. Еще завывала пурга.

Вот в пургу и отелилась в горах.

Облизывала мать теленочка, а тут волк подкрался и набросился на нее. Ох и сильно важенка отбивалась, но не смогла вырваться. И волк убил ее. А теленочек, еще не облизанный, в пурге остался мерзнуть.

Волчище уже доедал важенку. Тут теленочек попросил его:

— Хоть вымя оставь, чтобы я мог вырасти, молоком питаясь!

— Ну что ж, все равно ведь мне на еду достанешься! — сказал волк.

— Ладно! — согласился теленок.

— Что ж, пожалуй, оставлю! Но только на следующий год приду за тобой. Никуда не уходи, тут и жди меня! — сказал волк.

— Не уйду, здесь буду, пока ты не явишься! — обещал теленок.

Ушел волк в глубь тундры.

И вот в самую пургу теленок, еще матерью не облизанный, хочет встать и не может. На следующий день прояснилось. Приободрился немного теленок, подполз к матери. Пососал немного — очень берег молоко. Всякий раз, как чувствует голод, сосет понемногу. И начал теленок крепнуть. Вертится вокруг матери, стал уже довольно быстро бегать. Так и жил один. Все время вокруг матери бегал — очень ему хотелось быстрым стать. Наступила весна, а он так все и бегаёт. Лето пришло — подальше стал бегать и все время рысью. Но к матери всегда возвращался. Так и готовился олененок к приходу волка. При этом думал: «Ни за что ему меня не съест — убегу!»

Пришла осень, вдруг явился волчище и спросил олененка:

— Ну что, можно убивать тебя?

— Вот жаль — я еще маленький и худой, не наешься! — ответил олененок.

— Ты, пожалуй, прав. Не съем я тебя сейчас, но на следующий год опять вернусь. Никуда отсюда не уходи, дожидайся меня! — сказал волк.

— Ладно, иди! — сказал олененок.

И опять в беге упражняется. Все горы исходил. Наступила зима. Олененок еще быстрее стал бегать.

Опять год прошел. Олененок еще подрос. Снова волк явился. Спрашивает:

— Ну а теперь как?

— Да вот все зажиреть стараюсь, — отвечает молодой олень.

— Что ж, спасибо тебе, — сказал волк. — Но когда же я тебя съем?

— Вот жаль, что я все еще не такой большой и жирный!

— Да, конечно. Тогда я через год приду, — сказал волк.

— Ладно, иди!

Опять волк отправился в тундру.

А молодой олень совсем и не думал жиреть, а хотел стать сильным и быстрым. Для этого весь год в беге упражнялся.

И вот опять прошел год, явился волк и спросил:

— Ну, теперь-то уж, наверное, хороший стал, жирный?

— Не знаю, только, по-моему, я все еще худой. Никак не могу вырасти и пожиреть.

— И в самом деле. Пожалуй, я еще через год приду!

Опять волк в тундру ушел.

И вот опять молодой олень весь год упражняется: бегаёт по горам, прыгает с обрывов.

Прошел еще год, опять явился волк. Говорит молодому оленю:

— Ну теперь-то ты, наверное, вполне подходящей пищей стал?

— Вырасти-то вырос, да вот худоват еще. Плохой год был, не зажирел! — ответил олень.

— А ведь и правда, больно худой, — сказал волк. — Ну, уйду пока.

— Ладно, иди!

А на самом-то деле олень обманывал волка — не старался жиреть.

Наступила зима. Олень все время бегаёт, с обрывов прыгает, каждый день упражняется.

Опять лето пришло. Стал он только по горам ходить. Как горные бараны стал — крепкий и ловкий. С невысоких скал прыгал, каменные глыбы бодал. Большую силу приобрел. И назвали его Аканныкай¹.

Где только ни бегал Аканныкай, но всегда на то место приходил, где волк его мать убил, всегда к материнским костям возвращался.

И вот опять встретил его волк. Очень он был в ту пору голодный.

Сказал ему Аканныкай:

— А, здравствуй! Пришел?

— Да, пришел, — ответил волк. — Ну теперь-то уж тебя съем!

Согласился олень:

— Что ж, теперь, пожалуй, можно!

А на самом-то деле он не так думал. Ведь огромный стал, очень сильный и ловкий.

Волк и говорит:

— Ну, давай уж убью я тебя и съем! — Очень хотелось волку есть.

Аканныкай отвечает:

— Только давай я сначала побегу от тебя! Немного так побегу! Зачем же сразу сдаваться?

Волк согласился:

— Ладно уж, беги! — Он-то был уверен, что сразу догонит.

И вот побежал Аканныкай. Очень быстро бежит. Бросился за ним волк, никак не может догнать. Подпустил олень волка поближе. А тот уже совсем медленно бежит.

Аканныкай-то, оказывается, волка к высокой скале завлекает.

Наконец закричал волк:

— Да подожди ты! Ведь говорил, что недалеко отбежишь!

— А ты догоняй! — крикнул в ответ Аканныкай.

Вот подбежали к скале. Олень прыгнул вниз. И волк за ним — думал поймать. А скала-то у самой реки была! Переплыл Аканныкай эту реку. А волк, как кочка, на берег упал. Крепко ноги зашиб. Как же, ведь высокая была скала!

Ну и взвыл волк:

— О-о-й! Да чтоб тебя до костей обглодали. Ой, больно-то как!

— Так тебе и надо! Зачем мою матушку убил? Еще не так за нее с тобой рассчитаюсь! — крикнул Аканныкай.

— Ладно, рассчитывайся за мать! А я вот своих товарищей позову! — закричал волк, лежа у подножия скалы, куда свалился.

— Ну ладно, зови своих товарищей! — отозвался Аканныкай. — И у меня они есть!

Позвал Аканныкай на помощь зайца да горностая.

А волку на помощь большая волчья стая пришла.

Лежит волчище под скалой и говорит своим товарищам:

— Давайте убьем этого оленя Аканныкай! Сначала в беге и борьбе посостязаетесь, а как победите, то сразу же и убейте. Самую мучительную смерть ему придумать надо. Поняли?

— Да, поняли, — ответили товарищи волка.

Кроме волчьей стаи пришли к волку на помощь росомаха, бурый медведь, песцы, мыши, евражки, чайки-разбойники, лисицы и один старый дикий олень, очень большой. Имя его было Матачгыркынайнын². Но у него только туловище было оленье, а ноги, как у собаки. Однако у него и рога были, да такие огромные, что закрывали солнце. Но Аканныкай не боялся этого оленя на собачьих ногах.

У Аканныкай было только два товарища — заяц и горностая.

Сказал волк своим помощникам:

— Ну, так отправляйтесь состязаться!

И вот вышли.

Мыши прямо по следу оленя побежали, а другие помощники в траве пробирались. Все пошли состязаться.

Матачгыркынайнын сразу же быстро побежал. Бежит, а за ним вихрь клубится, подобно пурге. Даже его самого не видно.

Очень долго бежали. В пути кое-кто отстал: одни побыстрее бежали, другие — помедленнее. Чайки-разбойники из всех сил старались от Матачгыркынайнына не отставать. Все равно он их обогнал.

Стали помощники волка обратно поворачивать. И тут сказал Аканныкай товарищам:

— А ну-ка, попробуем догнать Матачгыркынайнына! Ведь нельзя же допустить, чтобы он нас перегнал!

— Конечно, давайте! — поддержали его товарищи.

Прыгнули заяц с горностаем под мышки Аканныкаю. Так и побежал с ними Аканныкай.

Ох и быстро бежал! Гораздо лучше, чем Матачгыркынайнын! Если смотреть на него сбоку, то как будто по воздуху летит Аканныкай!

И вот догнали Матачгыркынайнына. Как будто в пургу попали. А ведь очень была хорошая погода. Это Матачгыркынайнын своим бегом создавал такой вихрь.

Тут сказал Аканныкай товарищам:

— Ну, теперь давайте перегоним Матачгыркынайнына!

Ворвался Аканныкай в этот вихрь и убил Матачгыркынайнына.

Теперь только один медведь остался.

Горностай предложил:

— А ну-ка, давай я попробую с медведем справиться!

— Попробуй, — согласился Аканныкай.

Бросился горностай на медведя. Начали бороться. Очень высоко и далеко горностай прыгал.

Вдруг потерял медведь горностая. Не заметил, как тот ему в рот прыгнул.

Говорит медведь:

— Куда же он делся?

Затем вдруг завертелся от боли:

— Ой! Ой-ой!

Катается по земле. Вот наконец умер. Вылез горностай из рта медведя и рассказал Аканныкаю:

— Прыгнул я в рот, потом дальше в желудок спустился. Ну и начал грызть. Вот потому так быстро и убил медведя.

Сказал ему Аканныкай:

— Ну, спасибо тебе, что такого большого противника уничтожил!

Хотел было и себя похвалить, да вспомнил:

— Еще чайки-разбойники остались!

Подпрыгнул вверх, повыкрутил им крылья. И убил всех.

Мышей всех ногами затоптал. С песцами и всеми другими тоже легко справился.

Остался только один волк в живых.

Настиг его Аканныкай.

— Ну вот, только с тобой осталось поговорить. Зачем ты в такую пургу убил мою матушку? Ведь мне было так трудно тогда — только я родился. Не забыл я и как ты надо мной издевался. Обжора, волчище!

Очень рассердился Аканныкай:

— Ты что же, думал, я каждый год буду для тебя жиреть? Как бы не так. Я хотел только сильным, ловким и быстрым стать. Все для того, чтобы расквитаться с тобой!

И убил тут Аканныкай злого волка.

Затем сказал товарищам:

— Спасибо вам, что помогли мне! Теперь будем все вместе жить, дружно и хорошо.

Конец.

108. Куркыль

Не было у Куркыля¹ ни собак, ни нарты, совсем ничего не было. И вот надумал он вместо нарты взять байдару без кожи. А вместо остола — ребро китовое. «Теперь надо только собак позвать», — подумал Куркыль.

Вышел на берег, закричал:

— Эй, морские собаки, идите сюда!

И вот с моря шесть белых медведиц пришли. Взял тут Куркыль китовое ребро, бросился на медведиц и начал их колотить. Испугались медведицы, взвихрили снег и убежали. Только их и видели!

А Куркыль опять громовым голосом закричал, прямо в тундру:

— Эй, собаки, идите сюда!

И вот стая волков появилась. Куркыль и на волков набросился. Поколотил как следует. Те тоже убежали.

В третий раз позвал Куркыль:

— Эй, идите сюда!

На этот раз песцы появились. Куркыль издали узнал их. Позвал:

— Ко-ко-ко-ко!

Запряг Куркыль песцов и крикнул:

— Но, трогайте!

Быстро так Куркыль покатыл. Появилась упряжка Куркыля вблизи соседнего вороньего стойбища. Медленно едет Куркыль. Смеются над ним соседи:

— Ха-ха-ха-ха!

Приехал Куркыль в другое стойбище.

— Здравствуй! — говорят ему.

— Здравствуйте! — отвечает Куркыль.

Привязал собак-песцов к яранге. Вошел. Поели хозяева с гостем и спать легли. Вдруг слышит Куркыль — говорят:

— Ой! Ой! Стенку съедят песцы! Надо их отпустить.

Тут поднялся Куркыль и сказал:

— Ну, я поеду! Уже хорошо отдохнул!

А хозяева тихонько между собой говорят:

— Не сможет Куркыль уехать. Не увезут песцы такую байдарищу. Давайте нагрузим ее потяжелее. Вся одежду положим и другие вещи. Пусть попробует увезти! Вот посмеемся-то!

И погрузили все что у них было.

Отправился Куркыль в путь. Совсем медленно едет. Очень все смеются над ним. Вдруг как гикнул Куркыль на упряжку. Она так рванулась, что только вихрь закрутился.

Бросились было за ним те, кто смеялся. Стали кричать:

— Хоть керкер-то мой оставь! И мой! И мой! Хоть что-нибудь оставь!

А Куркыля поминай как звали.

Приехал он домой и стал жить в довольстве.

А насмешники остались ни с чем. Конец.

109. Дикая олень и морской бычок

Шел вдоль морского берега дикая олень. Вдруг увидел морского бычка.

Морской бычок стал дразнить его:

— Дикая оленище! Дикая оленище! Шкура с ребрами на голове!

А дикая олень в ответ:

— Морской бычок! Морской бычок! Костлявец!

Морской бычок не унимался. Тогда подхватил дикая олень морского бычка на рога и выбросил его на берег.

Ну и закричал морской бычок:

— Ой! Ой! Засыхаю! Засыхаю!

Дикий олень его пожалел, сбросил рогами в воду.

А тот, как только очутился в глубоком месте, опять за свое:

— Оленище! Только нарту тебе возить. Ноздри-то у тебя, как связки ремней! Животище вон как раздулся! Да и на голове-то ребра!

Рассердился олень:

— Ты опять дразнишься!

Зацепил морского бычка рогами и выбросил на берег.

Опять закричал морской бычок:

— Ой! Ой! Высыхаю!

И опять дикий олень пожалел его, столкнул рогами в воду.

А тот, как только доплыл до глубокого места, опять за свое принялся.

Совсем рассердился дикий олень, выбросил морского бычка сильным взмахом рогов на берег и убежал в тундру.

А морской бычок так и засох. Конец.

110. Волк и ворон

Говорят, катался ворон с горы. И вот пришел к нему волк:

— А ну-ка, я тоже прокачусь!

Ворон сказал ему:

— Ой, да что ты, плюхнешься в воду!

А волчище отвечает:

— Да не плюхнусь!

Наконец согласился ворон.

Покатился волчище да и плюхнулся в воду. Закричал:

— Братишка! Братишка! Вытащи меня!

А ворон ему:

— Нет уж, не вытащу!

А волчище опять:

— Братишка! Братишка! Вытащи меня! Хороший табун мышей тебе пригоню.

А ворон и на этот раз отвечает:

— Не вытащу же!

Опять просит волчище ворона:

— Братишка! Братишка! Вытащи меня! Хороший табун свражек тебе подарю!

А ворон все свое:

— Не вытащу!

Опять волчище говорит:

— Братишка! Ну вытащи же! Ну, хочешь кашу с воткнутой ложкой дам?!

Вот тут-то ворон даже задрожал от радости:

— Ой! Да что же ты раньше-то не сказал? Зря ведь мерз в холодной воде!

Вытащил ворон волка. Выжал воду с его шерсти. А волчище и говорит:

— Вот здорово я тебя обманул!

Рассердился ворон:

— Ни за что теперь не поверю тебе!

А волчище спрашивает ворона:

— Ты сейчас куда летишь?

Ворон отвечает:

— Прямо туда, где светает.

Потом тоже волка спрашивает:

— А ты в какую сторону?

Волк ответил:

— Прямо туда, где темнеет.

И разошлись с тех пор в разные стороны. Конец.

111. Мать-песец и ворон

Давно-давно жили мать-песец и ворон.

Однажды мать-песец вышла из дому.

И вот побежала к морю. Увидела половинку рыбы наваги.

Тут подошел к ней ворон и говорит:

— Давай-ка я сделаю тебе выюк!

И положил ей в котомку камень. Отправилась она домой.

Приходит и говорит дочкам:

— А ну-ка, выньте ношу!

Дочери, которые в пологе были, отвечают:

— Опять мамочка что-то принесла!

Развязали дети котомку — а там камень.

Воскликнула мать:

— Ой, ведь это ворон созорничал! А ну-ка, дайте одежду!

Дали ей одежду, оделась и вышла. Сказала:

— Куда же пойти?

В обратную сторону от дома побежала. Вдруг видит — туша нерпочки. А ворон опять тут как тут. Подошел и говорит:

— Давай-ка поспи немного, а я разделаю нерпу! А как кончу, сразу же разбужу.

Спит мать-песец. А ворон в это время мясо к себе домой таскает. Когда перенес все мясо, положил к ней в котомку два камня и стал будить:

— Проснись, закончил я разделявать нерпу. Теперь можешь домой идти! Ну и поработал я!

Приходит мать-песец домой. Воскликнули дочери:

— Опять мамочка что-то принесла!

Мать сказала дочкам:

— Ну-ка, выньте мясо!

Развязали дочки котомку — а там всего лишь два камня. Сказали об этом матери.

Мать рассердилась:

— Глаза у вас никудышные!

Дочери говорят:

— А ну-ка, посмотри! Вот — одни камни.

Мать воскликнула:

— Вот ведь это опять ворон надо мной посмеялся! Ну-ка, где моя одежда, дайте-ка мне!

Вышла и говорит:

— Куда же на этот раз пойти?

И вот еще дальше от дома побежала. Бежит, вдруг тушу оленя видит. Много оленины принесла на спине домой. Положила в сених, зовет дочек:

— Где же вы, чем заняты?

Говорит им:

— Вот теперь-то у нас много еды. Я пока в полог полезу, отдохну, а вы пищу готовьте. Одни пусть мясо варят, другие мозг из костей достают!

И еще сказала мать:

— Если ворон придет, угостите его, но только суньте в костный мозг иголку. А потом меня разбудите.

Действительно, пришел ворон. Угостили его костным мозгом. Что ж, съел ворон, сказал:

— Спасибо вам!

Разбудили дочери мать.

Ворон сказал ей:

— Вот бы пожениться нам! — Да и подавился.

Вышла хозяйка из полога. Спрашивает:

— Что с тобой?

Но ворон уже ничего не слышал. Умер. Конец.

**сказки и мифы
КЕРЕКОВ**

112. Мальчик с луком

Говорят, давно это было, очень давно. В то время керекского народа было еще много. Кереки оленными были. И вот стали появляться на керекской земле враги. Промчатся вдруг на быстрых оленях, мужчин поубивают, женщин и детей с собой увезут, оленей угонят. Керекские женщины у них всякую домашнюю работу выполняли, а мальчишки при табунах пастухами были.

Вот так и случилось однажды. Ехали на оленьей упряжке керек с женой и маленьким сыном. Мальчику два года было. Отец луком вооружен. И мальчик тоже с луком. Раньше мальчик только начнет ходить, отец ему сейчас же лучок сделает, чтобы упражнялся в стрельбе.

Вот так и ехали втроем: мужчина с женой и сынишкой.

Вдруг жена воскликнула:

— Ой, что это там?

Муж оглянулся. Видит: следом за ними как бы вихрь снега мчится. Потом появилась оленья упряжка. Быстро настигать стала.

Догадался муж: враг это. Сильно погнался оленей. Запрыгала по застругам нарта. И не заметили отец с матерью, как уронили сына. А догадливый мальчик быстро спрятался за заструг и лучок достал.

Враг едет вдогонку, не видит мальчика. И вот остановился напротив заструги упряжь поправить. Приготовился мальчик. Выстрелил из лучка. Прямо в глаз попал. Закричал враг. Рукой глаз закрыл. А мальчик еще раз выстрелил. В другой глаз попал.

Ослеп враг, стал кружиться. Руки расставил. Хочет пой-

мать мальчика. А тот прячется за заступри. Много раз падал враг. Устал совсем. Наконец сел на заступри, спросил:

— Кто ты, победивший меня? Не вижу я, ослеп.

— Это я тебя победил,— сказал мальчик.

Удивился враг, узнав, что мальчиком побежден. Склонил голову, задумался. Затем так сказал:

— Если меня, силача и насильника, победил ты, мальчик, так убей меня. Куда я пойду слепой! Все смеяться будут, что мальчик меня победил.

Мальчик так сказал:

— Мал я еще, боюсь, да и сил у меня нет тебя убить.

Враг попросил:

— Подай мне копье!

Подавал мальчик копье. Враг наставил острие копья себе в грудь, затем попросил мальчика другой конец копья в заступри упереть. Мальчик так и сделал. Враг сказал ему:

— Возьми моих оленей! Ты победил меня. Это твоя добыча.

Поезжай к родителям!

И убил сам себя.

А мальчик сел на нарту и вскоре догнал по следу родителей. Все.

113. Владеющий железным крючком

Заснула бабушка, а перед тем как заснуть, привязала к пологу людоеда. По-нашему, по-керекски, людоеда кала́ зовут. Он всегда привязан. С бабушкой вместе две сестры живут. Говорит вдруг кала младшей сестре:

— Сестра, а сестра, бабушка спит, отвяжи-ка меня.

Отвечает младшая сестра:

— Нет, не отвяжу. Бабушка сказала, хватит тебе бродить где попало. Ты ведь плохой, глупый, поэтому сиди на привязи.

Тогда кала к другой сестре обратился:

— Сестренка, отвяжи!

Младшая сестра умнее старшей, говорит ей:

— Не надо отвязывать.

А кала опять просит старшую сестру:

— Отвяжи меня! Отпусти!

Послушалась старшая сестра, отвязала кала. Не успела отвязать, схватил кала железный крючок и пошел к землянкам-валькарам, где керекки жили. Пришел туда, открыл дымо-

вое отверстие, а там, в валькаре, одни женщины — мужчины все на промысел ушли.

Кричит кала в дымовое отверстие:

— Эй, вы спите?!

Две старухи отвечают оттуда:

— Нет, не спим.

— Что же это, однако, шумит, словно маленькие дети кричат?

— Не дети это, — отвечает одна старуха, — наверно, груди мои перед плохой погодой болят.

— Так вот, буду сейчас крючком ловить! — кричит кала.

— Что же ты поймать хочешь?

— Молодых уток¹.

— Нет сейчас молодых уток, они летом на скалах сидят.

Какие здесь утки, здесь мы, люди, живем.

— Но не напрасно же я пришел?!

— Хорошо, пусть будет по-твоему, — отвечают из валькара. — Только зачем насильничать? Лови крючком!

— Ну, смотрите, начинаю!

— Что ж, начинай! Кого же поймать-то хочешь?

Опустил кала крючок в землянку, водит им и напевает:

— На сегодня, на сегодня еда будет! На сегодня, на сегодня еда будет! И на завтра, и на завтра еда будет! И на завтра, и на завтра еда будет! Кого, кого поймаю? Кого зацеплю? Ну, где же вы, молодые утки?

— Нет сейчас молодых уток, говорят тебе.

— Тогда я войду к вам.

— Нет, не входи. Лови оттуда, а мы поищем тебе молодых уток.

Между тем одна женщина в стене дыру прокапывает, чтобы уйти через нее.

— Ну, смотрите, опять начинаю ловить крючком! — кричит кала.

— Начинай!

— Кого, кого поймаю? На сегодня и на завтра еда будет! — поет кала.

Вдруг подцепил что-то, а это, оказывается, керкер. Вытащил наружу и тут же не глядя разорвал. А на улице ветер был, вся трава и полетела ему в глаза. Керкер-то женщины сухой травой набили и подсунули ему под крючок.

— О-о! — завопил кала. — Всего меня мусором осыпало! Что же такое? Чем наполнено? Утка? Нет, не утка! Это не то что-то!

Бросил кала чучело через отверстие в землянку:

— Берите ваше, не нужно мне. Не утка это.

Пока кала возился с чучелом, женщины выползли через дыру в стене и убежали.

— Ну, погодите, я к вам иду!

Зашел кала в землянку, а там никого, только собачонка на привязи сидит. Сказал ей:

— Где же люди?

Ничего не ответила собака, узнала, что не человек это, а кала, и царапнула его по глазам.

— О-о, о-о! — закричал кала. — Глаза запылила. Что это ты рвешь?

Не понял он, что глаза-то ему собака поцарапала.

Разозлился кала, стал по землянке бегать. Подушки вытаскивает, рвет их. Долго по землянке рыскал.

А женщины тем временем прибежали к Тинной бабушке, Морской старушке², и говорят ей:

— Ох, кала гонится за нами, поймать хочет! Помогла бы ты нам убежать от него!

— О-о, как он вас испугал, как испугал! Ну-ка, посмотрим.

Протянула Морская старуха ноги на ту сторону моря. Говорит:

— Вот так прямо по этим ногам детей перенесите и сами бегите.

Перебрались женщины на ту сторону моря.

Успокоился кала, пришел в себя. Он, Владеющий железным крючком, стал думать. «О-о, вот они отсюда вышли, — догадался, увидев дыру в стене. — Это они, женщины, тогда и кричали».

Бросился кала по следу. Прибежал к Морской старухе. А старуха свои керкеры из тины, на мусор похожие, в море стирает.

Спрашивает кала:

— Что это ты, старуха, стираешь? Зачем?

— Да вот, одежду свою стираю.

— О-о, разве это одежда? Обманываешь ты меня. Наши бабушки только в железной одежде ходили, — взял с берега тинную одежду и бросил в море. — Это не одежда, нет.

— Как же не одежда? Моя жизнь такая, в море живу — такую одежду и ношу.

— Не видала ты женщин? Следы сюда ведут. Куда они делись?

Ответила Морская старуха Владеющему железным крючком:

— Выпили они море и на ту сторону перешли.

— А я как же? Не смогу я море выпить!

— Сможешь. Они ведь выпили.

— А ну-ка, и я попробую!

Стал кала пить море, а море несколько не убывает. Пил-пил, тяжело стало, лопнул. Не стало кала, как пузырь лопнул.

Морская старуха мертвого кала в море бросила и сказала:

— Пусть его железное тело в разные полезные вещи превратится — он ведь кала, Владеющий железным крючком. Пусть голова чайником станет, ноги и руки — ружьями, мозг пусть в бусы превратится. Пусть от его тела польза людям будет.

Так и случилось.

Еще в сказке два друга были: один Итчим³ и другой Итчим. Другой Итчим тезка, значит, первому.

Пошел Итчим к другому Итчиму и говорит:

— Ну-ка, пойдём Итчим-друг на берег моря.

— Сначала пойду у бабушки спрошусь, — отвечает Итчим-друг.

Пришел и спрашивает бабушку:

— Итчим просит, чтобы я с ним на берег моря пошел.

— Кто?

— Да, Итчим.

— Ох, не мужское это дело ходить по берегу моря. Этим только женщины занимаются.

— Так не разрешаешь мне идти?

— Не разрешаю. Не ходи! Скажи Итчиму, пусть один к берегу моря идет. Скажи, бабушка не пустила.

Пришел Итчим-друг к Итчиму и говорит:

— Иди один! Меня бабушка не пускает.

— Ну что ж, один пойду. Много полезных вещей на берегу моря найду.

— Что же делать, не пускают меня. Если пойду, ругать будут. Иди-ка ты один.

— Ну что ж, пойду, пожалуй.

Пошел Итчим на берег моря. Идет по берегу, вдруг складной нож нашел, чайник нашел, а еще дальше ружья и бусы увидел. Чего-чего только не получилось из Владеющего железным крючком! Много всякого добра набрал Итчим, целое богатство нашел. Что хотел, то и нашел. Пошел домой Итчим, большую ношу на себя взвалил. Пришел Итчим к сестрам:

одну Илынау⁴ зовут, вторую Кайклюканау⁵. Крикнул Итчым сестрам:

— Сестрицы, Илынау, Кайклюканау! Выходите, ношу у меня возьмите!

Вышли сестры, спросили младшего брата:

— Что такое? Почему твоя ноша, как железо, гремит?

Ответил сестрам Итчым:

— Говорил ведь я, что на берег моря собираюсь, вдруг там богатство найду. Итчима-друга звал, не пошел. Вот я один и разбогател. Там еще много всякого добра осталось. Пойдите опять туда. Только вот двоюродному брату Ауппали, сыну Кукки, надо складной нож дать. Идемте, еще много всего принесем!

— Ну что ж, идем,— согласились сестры.

Пошли на берег. Опять вернулись домой с большой ношей. Двоюродная сестра говорит им:

— Дайте двоюродной сестре один чайник. Откуда такое богатство?

— Да вот на берегу моря нашли,— ответил Итчым.

Между тем Итчым-друг пошел к соседу Итчиму, который его с собой на берег звал. Сказал Итчым-друг:

— О, и верно, тетка мой разбогател. Не зря ты говорил, что полезные вещи найдешь.

— Тебя же бабушка не пустила,— сказал Итчым и обратился к сестрам: — Дайте моему тезке, Итчиму-другу, складной нож.

Дали сестры ему складной нож. Обрадовался Итчым-друг, пошел домой, показал бабушке и сказал:

— Действительно, Итчым разбогател. Не зря он тогда сказал, что богатство найдет. А ты меня не пустила.

— Сколько раз тебе говорить,— рассердилась бабушка,— что не выбрасывает море такие вещи. Оно только еду выбрасывает.

— Ладно, молчи теперь.

Пришел снова Итчым-друг к соседу.

— А-а, снова пришел,— приветствовал его Итчым.

— Да!

— Ну, не сердись. Я ведь звал тогда тебя. Ты сам не пошел. Давай помиримся,— сказал Итчым.

Тут некая Ыннулнакут и говорит:

— Хорошие ты вещи сестрам нашел. Больше всего женщины бусы любят.

Хватит, сказка вся. Кончил.

Сказал заяц бабушке и сестрам:

— Дай-ка, бабушка, ремень для ноши! Пойду кору драть.
Бойтся бабушка отпускать внука:

— Не ходи за корой, а то печень заболит!

— Нет, не заболит печень! Скорее дай ремень, удержи-
ваешь!

— Не дам! Кишки заболят.

— Не заболят кишки. Скорее дай ремень, пойду за корой!

— Нет, не пойдешь за корой. Печень заболит.

— Не заболит!

— Кишки, почки заболят.

— Не заболят кишки,— упорствует заяц.— Что-то не то,
бабушка, говоришь. Сестра, ты тогда дай ремень.

Дала сестра младшему брату зайцу ремень. Пошел он.
Увидел заяц жилище кала, подошел и начал кору с бревен
сдирать. Сдирает и приговаривает: «О-о, это бабушке дам,
горьковатая, но как раз по зубам». Другой кусок коры ото-
драл: «Это сестре Лылачаке дам. Сладковата и крепка кора».

Сдирает кору заяц, складывает в кучку, чтобы ремнем
удобнее перевязать было.

— О-о, а это старшей сестре дам,— воскликнул заяц,—
только вот суховата да горька!

Жилище кала на берегу у самого моря стоит. Вынырнула
молоденькая нерпушка Упапиль, стала зайца дразнить:

— Землянку кала чистишь!

— Хат! Пошла вон, подружка! — не выдержал заяц.

Так и хочет Упапиль вызвать зайца на ссору, вынырнет из
воды и поет:

— Землянку кала чистишь!

Не выдержал заяц:

— Льдины чистые, а когда лежишь, после тебя всегда
грязь остается. Вот!

— Нет, мои какашки толстенные, жирные, а у тебя сухие
да твердые, как белые камешки.

— Так ты сама жирная, толстая, вот и какашки у тебя
такие.

— А ты тощий-претосший!

— Подожди, и я таким же жирным буду. Не будешь тогда
меня с собой сравнивать.

— Куда тебе до меня!

— Вот посмотришь. Хат, пошла вон!

— Зачем дразнишься,— обиделась Упапиль,— вот позову дедушку, убьет он тебя.

— Ну и пусть, ну и пусть! Ну и пусть!

— Ах так! Подожди, пойду дедушке скажу.

— Не боюсь, не боюсь, не боюсь! — кричит заяц. А сам приготовился: вдруг действительно лахтак приплывет. Взял мотыжку, которой кору сдирал, наготове держит.

Нырнула Упапиль и уплыла.

— Дедушка, дедушка! Заяц меня обижает, дразнит,— пожаловалась Упапиль.

Поплыл дедушка-лахтак к берегу, а у берега уже ледок был. Стал выныривать у кромки.

— Ты зачем мою внучку дразнишь? — вынырнул он и спросил зайца.

— Так и надо, так и надо! — кричит заяц.— Плыви к берегу. Я же не могу к тебе по воде подойти. Выходи на берег, здесь на сухом месте и поговорим.

Нырял, нырял дедушка-лахтак и наконец выполз на берег. Замахнулся заяц мотыжкой и ударил его.

— О-о, за что моего дедушку убил! — заплакала Упапиль.

— Не убивал я его. Видишь, он тебе ластами машет, плыви к берегу!

— Нет, я видела, как ты его ударил. Вот пойду бабушке скажу,— и нырнула Упапиль в глубину.

— Бабуся, бабуся, проснись,— плачет Упапиль.— Нет нашего дедушки. Заяц его ударил.

— Апа-па-па! — проснулась бабушка и стучит зубами.— Не зря у меня спина застыла, ушел мой друг по сну.

Уплыла опять Упапиль, вынырнула и кричит зайцу:

— Подожди, вот плывет к тебе бабушка! Тоже тебя ударит!

— Не боюсь, не боюсь, не боюсь! — кричит заяц.

— Не храбрись! Это ты так просто кричишь!

— Не боюсь, не боюсь, не боюсь! — кричит заяц, а сам мотыжку готовит, чтобы встретить бабушку-лахтака.

Приплыла бабушка-лахтак, ныряет у кромки льда.

— Иди-ка сюда, смотри — муж тебя ждет,— зовет ее заяц.— Я ведь не могу в воде плавать. Иди ты сюда, на берег.

Плавает бабушка-лахтак у берега, часто выныривает.

— Не можем же мы на воде с тобой встретиться,— не отступает заяц.— Да и как ты меня в воде ударишь?

Решилась бабушка-лахтак и выползла на берег. Только выползла — ударил ее заяц мотыжкой.

— О-о, теперь мою бабушку убил! — заплакала Упипиль.

Отмахнулся заяц от Упипиль, стал разделявать убитых. Двух лахтаков убил. Освежевал, связал себе поклажу: «Ну, теперь домой пойду. Добыча богатая!»

Дома две сестры с бабушкой ждут.

— Бабушка! — закричали сестры. — Твой внук заяц идет.

— А-а, пусть идет, в землянке его подождем.

— Что это он так тихо идет? — удивились сестры. (Они ведь не видят, что он что-то несет.)

В землянку вошли.

— Сестрицы, сестрицы, выходите, встречайте! Ношу у меня возьмите! Ваш братишка заяц пришел.

Вышли сестры и удивились:

— А где же кора?

Попробовали поднять то, что заяц принес. Не могут — тяжела ноша для них.

Старшая сестра сказала:

— Нет, не кора это. Кора легкая.

— Ладно, несите скорее! — кричит бабушка. Ей ведь тоже любопытно.

— Не можем мы ее внести.

— Ладно, я сам внесу.

Внес заяц в землянку добычу.

— А-а, заяц, пришел наконец! — приветствовала его бабушка.

— Да, вот пришел.

— Где же кора?

— Вот эту ношу развяжите. Здесь не кора!

— Что это? Что-то очень мягкое, — удивилась бабушка.

— Развязывайте скорее!

Не удержался заяц и сам развязал.

— Вот лахтачье мясо и куски жира принес.

— Где же ты эту пададь нашел?

— Да не пададь это. Я двух лахтаков убил. Поедим вот да за остальным мясом пойдем.

— О-о, сейчас еду приготовлю! — обрадовалась бабушка.

А по соседству лиса жила.

— Имынна, — говорит она дочери, — дай-ка мне плетеную веревку!

— Куда ты? — спрашивает Имынна.

— Пойду по берегу моря поброжу. Может, выбросило что-нибудь.

— Ну ладно, иди! Только вряд ли что найдешь.

— Посмотрим!

Тем временем пришли зайцы на то место, где мясо было оставлено. Не успели еще ношу приготовить, видят: лиса бежит.

— О-о, глядите,— говорит заяц,— тетушка лиса бежит. И как это она так быстро узнала, что я двух лахтаков убил! Точно ей кто шепнул.

Подбежала лиса.

— О-о, племянничек, да ты, верно, лахтака добыл! — удивилась лиса.

— Да, вот убил. А ты вовремя пришла. Тебе что, сказал кто-нибудь, что твой племянничек зверя добыл?

— Да нет! Это я так просто решила по берегу побродить. С моря ветер дует, запах приятный доносит.

А нюх у лисы хороший.

— Ладно уж, бери, сколько тебе нужно,— говорит заяц.

— С радостью! Только сколько же мне взять?

— Да сколько унесешь. Ты ведь сильная.

Взяла лиса мяса, сколько унести могла, перевязала плетеной веревкой.

— Ну, мы пойдем,— сказал заяц.— А мясо-то еще осталось. Не можем мы все забрать. И так тяжело — отдыхать по дороге будем.

Пошли зайцы домой. Лиса тоже домой побежала.

Гуляет около землянки младший сын лисы Лымнойныткын. Вдруг видит: лиса бежит.

— Вот и мама идет,— говорит он.— Имынна, побегу-ка я, встречу ее.

Побежал Лымнойныткын навстречу матери:

— О-о, мама, что это ты так много несешь?

— Да вот, лахтачье мясо.

— Чем же ты лахтака-то убила?

— Да не я это, заяц. Пойдем-ка скорее домой. Завтра все трое пойдем, остальное мясо заберем.

А зайцы встали утром чуть свет. Побежали скорее за остатками мяса. Боятся: хитра лиса. Наверное, тоже со всеми своими детьми за мясом пошла. И уж, конечно, ничего им не оставит. Но и зайцы неглупы: втроем на берег отправились. Бегут, торопятся, как бы их лиса не обогнала.

И верно, лиса тоже рано отправилась. Идет, следом за ней Имынна, а Лымнойныткын последний плетется.

— О-о, вы пришли! — приветствовал их заяц.

— Да, пришли!

— Вот берите эти остатки. Мы уже нагрузились.

Пошла лиса с детьми обратно. Впереди лиса, за ней Имынна, Лымнойныткын последним плетется. Лымнойныткын мал еще, слаб, ничего не несет.

Заяц с сестрами тоже в свое жилище пошли.

А бабушке-зайчихе не терпится на добычу посмотреть. То и дело из землянки выходит, глядит, не идут ли зайцы. Наконец увидела. «Побегу-ка еды сварю»,— решила.

Пришли дети.

— Вот, бабушка, бери ношу!

— Ох, наконец-то пришли,— сказала бабушка.

— Да, пришли.

— А лиса где?

— Вместе с детьми тоже за мясом ходила. В этот раз я уж не сказал ей: «Бери, сколько хочешь». Только остатки подобрала.

— Вот хорошо, что и тетушке хватило, жиром их угостил,— обрадовалась бабушка.

Утром проснулись зайцы, бабушка и говорит:

— Ну, довольно, сыты мы. Надо друзей отблагодарить. Приготовьте им гостинцев: мяса дикого оленя, ягоду-шикшу и корешков-палкумйат. Другьям домой идти пора, внучка Упапиль соскучилась, ждет. Идите, отнесите им гостинцы!

Пошли зайцы на берег моря, все до единой косточки лахтаков вместе с гостинцами захватили. Похоронили косточки на берегу, гостинцы оставили. И сразу же домой ушли.

Вдруг видит внучка Упапиль, как будто дедушка с бабушкой идут. Обрадовалась. Отец уже дома. Ругает он свою дочь: зачем позволила дедушку с бабушкой убить. А бабушка с дедушкой в это время домой пришли. Гостинцы принесли.

— Смотрите-ка, чем зайцы нас угостили: и ягоды, и корешки, и мясо дикого оленя.

— О-о, не напрасно, бабушка, ты за гостинцами ходила,— сказал отец Упапиль.

А дедушка даже игрушку из травы-элимус принес: длинную такую травинку.

115. Лиса и ворон

Ленилась лиса пищу добывать, плохо жила, голодала. Однажды сказала дочери:

— Обману ворона: скажу, что замуж вышла, богато жить стала.

Дочь сказала:

— Не надо обманывать, лучше по-хорошему попроси еды.

Не послушалась лиса. Взяла старую мокрую сеть для рыбы, в мешок затолкала, завязала. Пошла к ворону. Тот услышал, кто-то идет, сказал своим:

— Посмотрите, кто идет.

Вышли. Лиса уже в сенях. Там темно. Говорит лиса:

— Мы с мужем пришли.

Неправду сказала лиса. А ворон поверил, удивился:

— Ишь ты! Замуж двоюродная сестрица вышла. Ну что ж, покажи мужа.

Лиса сказала:

— Муж не может при свете быть. Его предки в темноте жили, и он темноту любит. Он слепой как будто, ничего не видит. Не сможет на свет выйти.

Ворон сказал:

— Ну что ж, потушите светильники, пусть заходит.

Вошли. Ворон спросил:

— Что будете есть?

Лиса ответила:

— У нас пищи много. Ешьте сами!

Пошла жена ворона в кладовую за пищей, а лиса тихонечко за ней проскочила и стала пищу в мешок накладывать. Полный мешок наложила, завязала, в сени вынесла, в угол поставила.

А ворон все удивлялся:

— Вот ведь, замуж вышла двоюродная сестрица! Наконец-то замуж вышла!

А лиса все хвастает:

— Да, у моего мужа издавна много оленей. Два больших табуна у него.

Затем спросила, нет ли яиц. Сказала, что муж очень любит яйца. В обмен шкуры оленьи обещала. Сказала:

— Вот они шкуры, в мешке. Пощупай!

Пощупал ворон мешок. Действительно, там что-то мягкое, как оленьи шкуры. Обрадовался: «Вот богатство, всем на одежду хватит». Велел мешок на полог положить.

Сказала лисе жена ворона:

— У нас сын есть, у вас дочь: посватать бы их.

Лиса подумала, сказала:

— Если ваш сын жениться хочет, пожалуй, посватаем.

Так разговаривая, чай пили. Кончили чай пить, лиса сказала, как бы к мужу обращаясь:

— Идем домой. А то олени испугаются и убегут. Или еще хуже, угонят их.

(Все это она выдумывает. Нет у нее мужа, одна пришла.)

Потом попрощалась с хозяевами, вышла. В сенях мешок с пищей захватила. Взвалила на спину, едва домой донесла. Дочери, смеясь, сказала:

— Смотри-ка, ведь обманула я ворона: думает, правда я замуж вышла. И старую сеть за оленьи шкуры принял.

Дочь опять ей сказала:

— Зачем обманывать? Нужно по-хорошему просить.

Лиса сердито ответила:

— Не учи меня, а то без еды оставлю!

Замолчала дочь, а мать закусила яйцами и стала мясо варить.

А ворон тем временем радуется, что так легко оленьи шкуры добыл. Вдруг что-то закапало с потолка на постель.

Жена воскликнула:

— Что это?

Ворон ответил:

— Наверное, лиса дорогой шкуры подмочила.

В это время сын пришел. Сказали ему про шкуры. Сын попросил:

— А ну-ка, покажите мне свое богатство!

Достала мать мешок, развязала. Вытащила сеть. Удивилась:

— Смотри-ка, нет ничего! Только старая мокрая сеть.

Рассердился ворон, приказал:

— Повесьте сеть с мешком на дверь в кладовую. Сегодня лиса, наверное, опять придет. Пусть сама идет в кладовую за пищей. Сунет лапу в мешок — завяжите его. Как в капкане будет.

И правда, через некоторое время опять лиса пришла. Дочь ворона сказала матери:

— Смотри, опять пришла обманщица.

А лиса уже свои лживые речи разводит:

— Вот мы с мужем опять пришли, шкуры принесли. Хорошие шкуры, выделанные.

Жена ворона притворилась больной, говорит:

— Ах, у меня сегодня вдруг голова заболела, не могу ходить. Это вы опять пришли?

Лиса говорит:

— Да, это мы, ненадолго. Торопимся. До свидания!

А сама к кладовой пробралась, сунула лапу в мешок. За-

вязла лапа в мешке. Дернула лиса лапу. Хотела убежать, сама в сети запуталась, закричала:

— Ой, что вы со мной делаете?

А ворон говорит:

— Ничего мы с тобой не делаем. Ты сама себе плохо сделала. Зачем обманула нас? Зачем вместо шкур старую сеть дала? Зачем в чужие кладовые лазишь?

Заплакала лиса, просит, чтобы отвязали. Не стали отвязывать. Смеются над ней, обманщицей и воровкой называют. Наконец порвала лиса старую сеть, выскочила на улицу. А на лапе мешок завязан. Так с мешком домой и прибежала.

Старшей дочери сказала:

— Развяжи скорее мешок.

Та ответила:

— Не буду развязывать. Зачем ты обманываешь дочку Кукки?

Младшая дочь все же отвязала.

Так ворон проучил лису за то, что обманывала и воровала. Все.

116. Прodelки лисы

Вот однажды катаются мыши с горки и кричат:

— Па-а-а! Весело нам!

Катаются они с яранги, где женщина-кала жила.

Вот опять покатались:

— Па-а-а! Весело нам!

А в яранге женщина-кала шьет. Муж ее ушел в тундру охотиться.

И снова покатались мыши:

— Па-а-а! Весело нам!

Тут старуха кала сказала:

— Что это свет мне загораживает? Наверно, это мой нос с губами.

Отрезала ножом.

— Ики-и-и!

И съела. Ну так же, как наши родители в то время съедали нос и губы дикого оленя.

Но вот мыши снова покатались:

— Па-а-а! Весело нам!

Опять старуха кала сказала:

— Да что это свет загораживает? Наверно, моя щека.

И отрезала щеку.

— Ики-и-и!

Уж очень прожорлива была. И щеку съела. Так же, как наши родители отрезали у диких оленей уши и съедали.

Но тут мыши снова покатались:

— Па-а-а! Весело нам!

Старуха кала сказала:

— Что такое свет загораживает? Наверное, моя другая щека.

Опять отрезала.

— Ики-и-и!

Тоже съела.

А мыши опять покатались:

— Па-а-а! Весело нам!

Старуха кала воскликнула:

— Ну-ка, выйду! Что же это все время свет загораживает?

Вышла, все лицо в крови. Увидели ее мыши. Испугались. Побежали. Старуха кала позвала их:

— А, так это, оказывается, вы! Идемте, вместе покатаемся!

Вернулись мыши. Покатались вместе со старухой кала.

А она схватила их и в большой мешок затолкала. В яранге на верхнюю перекладину повесила. Сама за дровами пошла.

А неподалеку жила лиса с дочкой.

Вот и говорит лиса дочке:

— Имынна, где мой плетеный ремень для ноши?

— Куда ты? — спросила дочь.

— Да так, пойду побродить.

Отправилась лиса. Идет. Вдруг слышит, как будто плачет кто-то. Пошла на плач. Увидела мышек. Воскликнула:

— Ох, ох! Да кто же вас так высоко подвесил?

Затем спросила:

— Что там бормочет этот мешок?

Мышки попросили:

— Скажи, пожалуйста, вот так: «Наклонись, мышинным жиром наполню».

Сказала лиса мешку:

— Ну-ка, наклонись, мышинным жиром наполню.

Наклонился мешок. Выпустила лиса мышей. Но самая маленькая умерла. Набила лиса мешок веточками шикши, умершую мышку обратно положила.

Сказала лиса мышкам:

— Ну, идите домой, скажите родителям чтобы перекочевы-

вали к верхним людям. И пусть на прежней стоянке оставят тушу барана.

Отправились мыши домой. Плачут. Пришли домой.

Родители спросили:

— Откуда вы пришли?

— Да вот оттуда. Катались мы с горки. А старуха кала затолкала нас в мешок и наверх в яранге повесила. Хорошо, что лиса пришла. Она и выпустила нас. Лиса велела к верхним людям перекочевывать, а на этой стоянке тушу барана оставить.

Действительно перекочевали мыши к верхним людям.

Отправилась лиса домой. Идет мимо прежней мышиной стоянки. Видит, туша барана, да еще кишки с жиром. Домой пошла. Дочь Имынна спросила ее:

— Откуда пришла?

— Да вон оттуда. Там старуха кала мышей в мешок затолкала и наверху повесила. Я их выпустила. Мыши домой ушли. Велела им, чтобы к верхним людям перекочевывали. А вы пойдите на их прежнюю стоянку. Там есть баранья туша и кишки с жиром.

Пошли дочки. Все принесли. Лиса сказала дочери Имынне:

— Приготовь ольховую кору.

Имынна спросила:

— Зачем вдруг понадобилась ольховая кора?

Мать сказала:

— Да вот, как старуха кала придет, я заболею.

Имынна спросила:

— Почему ты не оставила там мышей, пусть бы съела их старуха кала. Зачем выпустила?

А старуха кала вернулась домой с дровами. Стала мышей искать. А их уже нет. Только мертвую мышку нашла. Собралась было съесть ее, да раздумала. Схватила скелет человека, хотела сжечь. А он зубы скалит, насмехается. Швырнула его.

— Чего издеваешься? Зачем же тогда ты умер? — крикнула скелету.

А потом начала камень просверленный распрашивать:

— Где же мыши? Может быть, ворон унес?

Отвечает камень:

— Нет, не он.

Опять говорит старуха кала:

— Однако куда же делись мыши-то? Наверное, это черный ворон Итчиманкай?

Опять камень отвечает:

— Да нет же!

— А, так, наверное, чернобурая лиса?

— Ака-а! — и прилип камень ко лбу¹.

Отправилась старуха кала к лисе.

Сын лисы по имени Лымнойныткын был в это время на улице. Увидел старуху кала, говорит матери:

— Мама! Смотри-ка, тетушка идет!

Лиса сказала дочери Имынне:

— Когда придет старуха кала, скажи, что мать заболела.

А теперь дай мне кору ольхи.

Имынна дала ей толченую кору ольхи. Лиса уселась на нее.

Подошла старуха кала. Радостно встретил ее сын лисы Лымнойныткын:

— Ака-а-а! Тетушка!

И тут же язык вместе с пальцами прикусил. Заплакал. Ушел домой.

Входит старуха кала. Радуетя. Вдруг споткнулась о камень. Упала. Лиса смеется.

Имынна сказала:

— Заходи, тетя, поешь!

Старуха кала вошла в ярангу. А лиса смеется:

— Иги! Иги! Иги! Заболела я. Не берет муж с собой, когда уезжает к огненным таннитам².

Старуха кала спросила:

— Что же ты надо мной насмехаешься?

— Да нет, не насмехаюсь. Попросить тебя хочу. Помоги мне выздороветь.

Взяла ольховое крошево и сказала:

— Вот моя хворь. Отнеси на гору Олынайыткин. Но если близко рассыплешь, то умру.

Старуха кала сказала:

— Ладно уж, раз ты такая беспомощная.

Отправилась старуха кала. А лиса позвала дочь:

— Имынна! Где мой керкер?

Дочь спросила:

— Для чего тебе вдруг одежда понадобилась?

— Да пойду столкну старуху кала в пропасть.

А старуха кала тем временем пришла к скалистому обрыву. Подкралась к ней лиса и столкнула в пропасть.

Поломала ноги старуха кала.

— Ака-а-а!

Засмеялась лиса и ушла.

Идет, идет, вдруг перед ней пролив. По проливу на льдинах гаги проплывают.

Лиса говорит им:

— Ыкы-ы, ыкы-ы, ыкы-ы! Опять мой дядя в белой камлейке на лодке катается. Дядя, возьми меня с собой.

Гаги говорят:

— Если по волне плыть, исчезнет лодка.

Лиса им отвечает:

— Какие плохие вы! Хорошо бы вам носы откусить!

А тут чайки проплывают. Опять радуется лиса:

— И тут мой дядя в белой камлейке. Прыгну я к нему на льдину.

Чайки отвечают:

— Что ж, прыгай.

Прыгнула лиса к большой чайке на льдину и уселась рядом.

Чайка сказала:

— Подожди. Давай я тебе крылья прилажу.

Действительно приладила ей крылья. Потом сказала:

— Ну, поедем. Только, когда солнце начнет всходить, не чихай. Упасть можно.

Стало солнце всходить. Чихнула лиса и упала в море.

— Ыка-а! Ыка-а!

Чайки смеются. А в море бревно проплывало. Вскарабкалась на него лиса. Прибило бревно к берегу. Сошла лиса на землю. Сказала себе: «Дай-ка я в канаве полежу!»

Однако глаза свои вытащила. Сказала:

— Вы, глаза, сторожите меня. Если кто покажется, будите меня.

А старуха кала выбралась из пропасти и пошла домой. Увидела по дороге спящую лису. А глаза лисы тоже ее увидели. Стали лису будить, а лиса не просыпается. Тут старуха кала придумала: наполнила один чиж водой и вылила на лису. Проснулась лиса, удивилась:

— Ака-а-а! Опять меня водой облили. Какие же вы непослушные, глаза! Ведь сказала: будите меня. Съем я вас!

И съела глаза. Пошла безглазая наугад. Нашла красные ягоды. Попробовала вместо глаз вставить. Краснеет земля, а ничего не видно. Не годятся. Съела. Нашла клюкву. Снова вставила. Тоже не годится. Съела. Затем нашла лед. Камнем разбила и две круглые льдинки в глазницы вставила. Вместо глаз. Обрадовалась:

— Ого, какие прозрачные! Хорошо видно.

Вот так и пошла. Пришла на стоянку, видит чей-то лук со стрелами. И еще видит: медведь спит. Выстрелила из лука прямо ему в ягодицу.

Проснулся медведь, воскликнул:

— Ики-и-и! Кто-то меня уколол.

Лиса сказала:

— Ох, ох! Зачем, племянничек, плачешь?

— Так ты ведь убиваешь меня!

— Да нет же, не я это. Вот так же твоего отца укололи, когда он в тундре был. А моя мать его вылечила. Давай-ка нагрēju камешки!

Действительно, нагрела камни. Начала по одному давать. Говорит:

— Бери в рот! Глотай!

Медведь отвечает:

— О-о-о! Вот уже поправляюсь.

Лиса рассказывает:

— Точно так моя мать твоего отца лечила и вылечила.

А у медведя все внутри кипит.

Лиса говорит ему:

— Подожди, снегу принесу, хорошо жажду утоляет.

Пошла на вершину сопки. Смотрит оттуда.

А медведь уж умирает. Очень сильно всю землю изрыл.

Кричит:

— Где ты, лиса? Растопчу тебя!

Но вот затих медведь. Подошла лиса, сначала камнем кинула. А кусок снега держит. Позвала:

— Племянничек!

Не отвечает медведь. Умер. Очень обрадовалась. Начала свежевать. Закончив, домой отправилась. Пришла домой, позвала дочь:

— Имынна! Зайчатинки дай.

Дочь сказала:

— Ну, заходи, поешь.

Зашла мать, поела и тут же уснула.

Назавтра проснулась, воскликнула:

— Ой! Идите поскорее за медвежатиной. Только кости не оставляйте.

Дети спрашивают:

— Чем же ты медведя убила?

— Да на вражьей стоянке стрелы и лук. И выстрелила из лука прямо ему в ягодицу. Проснулся, сказал: «Уколола меня». Я ответила: «Племянничек, что с тобой?» Медведь спросил:

«Это ты выстрелила?» Говорю: «Нет, не я. Ладно, вылечу тебя». Нагрела камни, а он их съел и умер.

Пошли дочки. Вскоре вернулись.

Лиса воскликнула:

— О-о-о! Пришли! Имынна, свари скорее. Пусть сестры поедят.

Все косточки лиса на веревку нанизала. И отправилась в лес. Увидела, волк спит. Привязала она к пушистому хвосту волка связку костей и закричала:

— Ой, ой! Гонятся за тобой зубастые-клыкастые!

Вскочил волк и кинулся в лес бежать. А кости-то за кусты и зацепились. Хвост оторвался.

Прибежал волк к своей бабушке, жалуется:

— Смотри! Нет моего пушистого хвоста! Потерял. Спал я в лесу. А лиса меня разбудила.

Решил волк пойти искать лису. Долго искал. Затем к каменным столбам³ пошел. Там встретил лису. Сказал:

— Зачем мой пушистый хвост украла?

Лиса ответила:

— Ой! Не я это! Я лиса мирная, здесь неподалеку живу.

Волк все же наломал ей бока. Пришел домой, сказал:

— Бабушка! Пришей мне новый пушистый хвост.

А бабушка ответила:

— Ладно уж, пришью. Только пушистого нет. Плохой есть, свалявшийся.

— Ну что ж, пусть хоть такой будет,— сказал огорченно волк.

А лиса тем временем доползла до того места, где волчий хвост валялся. Взяла его и так же ползком домой отправилась. Пришла домой, сказала дочери:

— Имынна! Ну-ка, возьмите этот пушистый хвост, разрежьте и пришейте к своим хвостам. Пусть с этих пор у всех лис пушистый хвост будет.

Ну, а бабушка тоже волку хвост пришила. Но только не пушистый — плохой, свалявшийся.

А волк и такому хвосту обрадовался. Сказал бабушке:

— Пойду отнесу тетушке-лисе оленинки.

Отправился. Пришел к лисе. Дочь ее Имынна вышла, воскликнула:

— О-о-о! Братец пришел!

— Да, пришел! На вот, возьми оленинки. А то ведь помял я бока твоей матушке. Так пусть хоть полакомится!

А Имынна в ответ:

— Ну и шут с ней! Почему ты ее не прикончил, такую. Всегда пакости творит. Не может иначе жить.

Постоял волк, потом сказал:

— Ну ладно, пойду домой.

Ушел.

Вот так оно и получилось: прежде у лисы хвост тонкий был, а у волка пушистый. Теперь же у волка хвост плохой, тощий, а у лисы пушистый. У лисы кончик хвоста белый, а у песца черный. Это пришитые кусочки волчьего хвоста.

А еще старые люди говорят, что раньше море чистое было и пресное. Но с тех пор как выкупалась в нем лиса, когда со льдины упала, стало оно мутным и соленым. Все.

117. Как лиса сваталась

Так вот, услышала лиса, что кочевник-волк Анкакумикайтын собирается свататься к своей соседке-собаке. А эта собака-девушка с братьями и с младшей сестрой жила.

Сшила себе лиса мужскую кухлянку, штаны, торбаза и шапку. И вот однажды, когда братьев не было дома, пошла к сестрам в гости. Пришла, стали чай пить. Говорит лиса старшей сестре:

— У меня два табуна оленей, я сватать тебя хочу, — обманывает, значит.

А девушка подумала, что это на самом деле жених, и обрадованно проговорила:

— Ой, ты опять ко мне свататься пришел!

Она решила, что это оленевод Анкакумикайтын. Околдовала ее лиса. Угощает лису девушка жирной олениной, мозгами, колбасой. Самые лучшие кусочки подкладывает. А лиса в шапке сидит. Боится снять шапку, чтобы не узнали. Говорит:

— Богатый я, не умею шапку снимать.

Вдруг вдали лай раздался. Девушки обрадовались. Старшая сказала:

— Вот мои братья с охоты возвращаются.

Испугалась лиса. Хотела убежать. Потом подумала и сказала:

— Ой-ой! Разгонят они мои табуны!

Выбежала из дому, спряталась на горе и большие камни приготовила. Когда братья подошли, сбросила камни вниз, убила братьев. Сестры не видели, когда убила. Вернулась лиса

в ярангу, попила чаю, вечером домой отправилась. Все запасы у сестер утащила.

Сестры долго ждали братьев. Не пришли те. Утром проснулись, посмотрели: нет запасов. Пошли к горе, увидели убитых братьев. Заплакали. Старшая сказала:

— Кто же нам такую беду принес?

Младшая подумала и говорит:

— Наверное, лиса.

Старшая возразила:

— Зачем напрасно говорить? Не приходила ведь к нам лиса.

— Один раз шапка на голове у Анкакумикайтына немного сдвинулась, и мне показалось, будто это лиса.

Старшая рассердилась. А младшая говорит:

— Пойдем к Анкакумикайтыну, узнаем. Все равно братьев нет, и мы совсем без пищи остались.

Пошли сестры. Плача, все Анкакумикайтыну рассказали. Удивился Анкакумикайтын. Оказывается, никуда он вчера не ходил. У своего склада все время был. Тогда догадались, что это лиса была. Решили отомстить. Пошли все в ярангу сестер.

На другой день видят: опять лиса идет, одетая, как Анкакумикайтын. Настоящий Анкакумикайтын спрятался. Опять чай пила, все вкусное ела. Старшая сестра ее угощала. А младшая потихоньку в сени вышла, дверь камнем привалила. Тут явился настоящий Анкакумикайтын. Схватили обманщицу лису, связали.

Спросил Анкакумикайтын:

— Что сделаем с вором, с разбойником?

Старшая сказала:

— Не знаю.

А младшая сказала:

— В мешок засунем и в тундру отнесем.

Так и сделали. В тундре на кочку положили. Лиса с перепугу обмерла. Младшая сестра собрала побольше сухой травы и кустарника, навалила на лису. Старшая сказала:

— Вынуть из мешка надо и развязать.

Младшая не соглашается:

— Не надо! Пусть так и сидит в мешке связанная!

Долго спорили. Все же старшая сестра вынула лису из мешка, развязала. Младшая опять сухую траву и хворост навалила. Камнями обложила. Печку сделала всего с одним отверстием. Зажгла. Очнулась лиса. Закричала. Никто не слышал. Только когда шли прохожие, видели: мимо что-то объ-

тое огнем пробежало. Оказывается, выскочила из печки лиса, однако одежда, для обмана надетая, загорелась. Так в тундру обгорелая и убежала. Вот с тех пор красные лисы появились.

А сестры с Анкакумикайтыном похоронили братьев. Все вместе стали жить. Старшая замуж вышла за Анкакумикайтына. Младшая у них детей нянчила. Затем подросла, сама замуж вышла. Все.

118. Лиса-обманщица

Встретила лиса медведя.

— О-о, племянничек, рада видеть тебя!

— И я рад.

Пошли они вместе к краю крутой скалы.

— Давай-ка поспим на солнышке,— говорит лиса.

— Ладно,— согласился медведь.

А скала высокая и отвесная.

— Ты с краю не ложись,— говорит лиса медведю,— а то еще скатишься и упадешь. Подальше от края ляг.

Легли они спать: лиса с краю у самого обрыва, а медведь рядом. Только заснул медведь, как лиса раз — и на другую сторону перебралась. Говорит спящему:

— Племянничек, подвинься, а то столкнешь меня,— а сама подталкивает его к краю. Взяла вдруг и толкнула. Упал медведь со скалы.

Вскочила лиса и стала к подножию спускаться. Видит — мертв медведь.

Много детей у лисы. Перенесли они медвежье мясо домой. Еды достаточно стало. Говорит лиса своей старшей дочери Имынне:

— Имынна, позвонки медвежьи не выбрасывайте, я их соберу и похороню.

И верно. Собрала лиса позвонки и нанизала на веревку.

И вот собралась лиса и снова пошла в тундру. Идет, а позвонки за собой на веревочке волочит. Вдруг видит: в кустах волк крепко спит. Привязала лиса к хвосту волка позвонки, да как закричит:

— Племянничек, племянничек, большезубые чудовища за тобой гонятся! Беги скорее! По густым кустам беги!

Вскочил волк и бросился со страху в кусты. Зацепились позвонки за ветки и сдернули весь пушистый белый волчий хвост.

Прибежал волк домой и кричит:

— Бабушка, бабушка! Я хвост где-то потерял!

— Шляешься где попало! Как это можно свой собственный хвост потерять?! — отругала его бабушка и сшила ему из обрывков старой шкурки другой хвост.

А лиса тем временем пошла по следу волка. Видит, на кустах волчий хвост висит. Взяла его и домой пошла.

— Имынна, вот пушистый белый волчий хвост принесла. Пришей-ка из этого хвоста всем лисам белые кончики.

Пришила Имынна к лисьим хвостам кусочки волчьего хвоста. С тех пор у всех лисиц кончики хвостов белыми стали.

119. Кукки

Молоденькие мышата сказали:

— Ну-ка, пойдете на берег моря.

Пошли они на берег моря и увидели вдруг маленькую пеструю нерпушку, выброшенную волной.

Один мышонок сказал:

— Ух! Маленькую нерпушку нашел!

Старшая мышь и говорит:

— Тише, а то снова дедушка услышит и придет.

А Кукки сидит в яранге и говорит жене:

— Мити, пойду-ка я на двор по нужде.

Вышел Кукки. Вдруг слышит: кто-то пищит, будто мыши. Пошел он на берег моря.

— Вон, вон! Дедушка идет! Говорила, что услышит! — закричала одна мышь. — Тише, а то отнимет у нас нерпу.

— Что нашли? — спрашивает Кукки.

— Да нет, дедушка, ничего, — отвечают мышата.

А сами незаметно прикрыли нерпу сухой морской травой.

— Что ж, однако, тащили по берегу? Вон след остался.

— Да это корневище на берег вытащили.

Задумался Кукки и вдруг говорит:

— Ну-ка полижите мою голову, поищите вшей.

Самая маленькая мышка отвечает:

— Давай, дедушка, я полижу тебя, вшей поищу.

А сестры мыши посмеиваются:

— Сестричка, что это ты! Брось в косматой голове вшей искать.

— Что они говорят? — рассердился Кукки.

— Да говорят, нечего в твоей косматой голове вшей искать.

— А ну-ка, ухватитесь за мои волосы, а ты, самая маленькая, у затылка держись.

Ухватились мыши за волосы, тряхнул головой Кукки, упали мышата в воду, а самая маленькая не упала.

Плачет сестренка:

— И-и, зачем головой тряхнул, сестриц в воду бросил!

— Ничего, вылезут на берег. Они ведь умеют плавать. А теперь покажи, что спрятали. Где оно лежит?

— Мы же сказали тебе, что корневище нашли.

Не верит Кукки. Откинул морскую траву, а под ней маленькая нерпа лежит.

— Зачем же от дедушки прячете? Давай-ка, внучка, пополам разделим!

А мышка была глупая.

— Да, давай разделим,— согласилась.

Разделили, и пошел каждый в свою сторону. Принес Кукки свою ношу домой. Встречает его сын Ауппали и спрашивает:

— О-о, что это, отец, несешь?

— Да вот, маленькую нерпу. Скажи матери, пусть благодарственный обряд исполнит.

Побежал вперед Ауппали:

— Отец маленькую нерпу нашел, надо благодарственный обряд исполнить.

— О-о, маленькая нерпа?— спрашивает Мити.

— Да, маленькая.

Пришел Кукки. А Мити поет и танцует, духов благодарит.

— Ку-у-кки-и уби-и-ил не-е-рпу-у с одни-и-им лас-то-о-ом, с одн-о-ой поч-ко-о-й!

— Ладно, хватит! — говорит Кукки.— Сварите и вынесите пока на улицу. Вынесите и скажите: «Ну, мы все наелись».

— Как же это, зверя добыл, а есть не хочешь,— удивилась Мити.

Вынесли котел с нерпичьим мясом на улицу, а сами тем временем заснули.

А мышата выбрались из воды и пошли домой. Говорит им бабушка-мышь:

— О-о, пришли!

— Да, вот дедушка нерпу пополам разделил и отнял.

— Когда заснет, сходим за ней,— успокоила их бабушка-мышь.

И верно. Пошли мыши все вместе к жилищу Кукки. А Кукки спит и рот раскрыл. Облегчились прямо ему в рот. Вытащили мясо из котла и убежали.

Проснулся Кукки и говорит:

— Мити, принеси-ка нерпятины, а то что-то мышиным ка-лом во рту пахнет.

Вошла жена:

— Нет там ничего, пустой котел.

Рассердился Кукки:

— Ну-ка, пойду к ним! Дай мне маленький котел.

Пошел Кукки. Начал мышиную ярангу трясти.

Говорит бабушка-мышь младшей девочке:

— Смотри, сестрицы гибнут, пойди скажи дедушке: «Что ты меня пугаешь? Я ведь дочь Сикулылана, твоего сына».

Вышла маленькая мышка:

— Дедушка, зачем ты меня пугаешь? Не тряс ярангу, по-ешь лучше корешки-палкумйат.

А мыши тем временем помочились на эти корешки.

— Пойди поешь!

— А зачем вы нерпу унесли?

— Нет, не унесли. Мы же ее поделили, так вместе и съе-дим.

— Не верю тебе!

— Старшие сестренки мои гибнут!

— Ну и пусть.

Вошел Кукки в мышиную ярангу.

— Дедушка, послушай меня!

Опомнился Кукки:

— Что это я дочь сына пугаю? Ну-ка, внеси котел!

Вошел Кукки в ярангу, а она рухнула.

— О-о, что это с ярангой сделалось! — испугались мыши.

— Да порывом ветра сдуло! — И тут же Кукки снова ее поставил.

— На, ешь корешки-палкумйат! Потом полижут тебя де-вочки, вшей поищут,— говорит бабушка-мышь.

Облизали девочки ворона. Заснул он.

— Спутайте ему ресницы,— сказала бабушка-мышь.

Спутали ресницы.

— Давай просыпайся, тесгы! Уже темнеет.

— Ох и спал же я! Верно, девочки уже причесали меня. Что ж пойду.

— Как только к яранге будешь подходить, опусти ресни-цы,— сказала на дорогу бабушка-мышь.

Стал Кукки подходить к яранге, опустил ресницы.

— О-о, словно земля горит! — ничего не видит Кукки. Сердиться стал: — Мити, Мити! — кричит. — Потуши огонь, земля горит!

Сын Ауппали навстречу ему бежит. Хотел было Кукки схватить его, но тут жена подошла и сорвала ресницы.

— Какой ты непослушный! Мыши тебе все ресницы перепутали, не горит земля.

— О-о, вот что они со мной сделали! Пойду еще. Маленький котел дайте!

Снова пошел Кукки к мышам. Тряхнул ярангу мышей. «Больше не поверю этой девчонке», — решил.

Говорит бабушка-мышь внучке:

— Скажи: «Дедушка, зачем меня пугаешь, я дочь Сикудылана».

Мышка так и сказала ворону Кукки.

— Не верю тебе! Зачем мне ресницы спутали?

— Не я это, старшие сестры. Не путала я твои ресницы.

— Не верю!

— Правда, не я, дедушка. Зачем ты меня пугаешь?

— А-а, ты дочь моего сына! Вот на тебе маленький котел!

Опять вошел Кукки в ярангу.

— Ого, опять яранга упала! — закричали мыши.

— Это ветер дунул, — и поставил ворон ярангу.

— Поешь корешков, дедушка!

Поел Кукки корешков.

— Пусть опять полижут тебя девочки, — сказала бабушка-мышь.

Заснул Кукки.

— Разрисуйте ему нос!

Разрисовали ему мыши нос. Будит его бабушка-мышь:

— Просыпайся, уже темнеет, домой идти пора.

— Ох и хорошо я поспал! Ох и крепко!

— Ну-ка, иди попей, — говорит бабушка-мышь.

— Да верно, пить после корешков хочется.

Пошел Кукки к воде и увидел свое отражение.

— Ох, с каким красивым носом женщина! Ну-ка иди сюда, покажись! О-о, не хочешь! Подожди, домой только схожу, жди!

Сходил домой Кукки. Белый камень, кроильную доску и скребок принес, полог со стойками захватил. Бросил в воду камень. Булькнул он и утонул.

— О-о, понравился, приняла подарок!

Бросил Кукки кроильную доску и скребок. Но они деревянные, тут же всплыли.

— Вот я уже иду,— закутался в покрывало и сам прыгнул.

Упал Кукки в реку, и вынесло его в море.

Беспокоится Мити, говорит:

— Куда же Кукки ушел? Пойду-ка на берег моря.

Пошла Мити на берег моря. Видит: полог с палками волной выбросило. Развязала полог, а там Кукки.

— Ревнивая какая. Зачем пришла? — говорит Кукки.

— Совсем не ревнивая, я и не знала, что ты в пологе был.

Говорит Кукки:

— Пойдем домой, Мити!

— Пойдем. Это все мыши над тобой издеваются,— сказала Мити.

Ушли вороны домой.

120. Кукки и его жена Мити

Нечего стало есть, голодно. Пошел Кукки в лес за корой.

— Чаще в лес ходи, дети голодные. Кору кормить будем! — кричит ему Мити вслед.

Ходит Кукки в лес за корой. Мити смешивает ее с икрой и детей кормит, а Кукки совсем немного дает.

— Нет пищи, ешь старую подошву от торбазов,— говорит ему Мити.

Каждый день ходит Кукки за корой. Возвращается, Мити детей кормит, а ему только старые подошвы достаются.

Увидел однажды Кукки омут. Оттуда горбуша выглядывает.

— Заходи! — приглашает его горбуша.— О-о и похудел же ты! Отощал!

— Пищи нет, голодаем мы!

— Да, сильно ты отощал!

Женился Кукки на горбуше.

— Иди-ка, рыбы отнеси домой,— говорит ему горбуша.

Отнес Кукки домой рыбы.

— Вот, Мити, еду принес. Много рыбы принес.

— Кто тебе дал?

— Да вот; я горбушу в жены взял.

— И всегда с ней жить будешь? Может, домой приведешь?

- В следующий раз приведу.
— А ты сейчас приведи, да поскорее!
Пошел Кукки к жене-горбуше и говорит:
— Жена, Мити сказала, чтобы я тебя привел.
— Что ж, пойду,— согласилась горбуша и нагрузила Кукки вареной рыбой.
Привел Кукки к себе горбушу.
— Вот подругу тебе привел, Мити, встречай!
— О-о! Уже привел!
— Да, привел.
— А теперь иди опять в лес за дровами и за корой.
Пошел Кукки в лес.
Мити разрешила горбушу и сварила голодным детям. Съели ее, а душа горбуши домой вернулась.
— О-о, пришел! — встречает Мити Кукки.
— Да, вот пришел. Дров принес. А где же подруга?
— Нет ее.
— Где же она?
— Домой, наверно, ушла.
Пошел на другой день Кукки к жене-горбуше. Опять увидел ее.
— Разрешила меня Мити и сварила. Не уводи больше,— просит горбуша Кукки.
Похудела горбуша с тех пор, как ее сварили, а раньше-то жирной была. Унес все же ее Кукки домой, а когда в лес ушел, опять Мити сварила ее. Вернулся из лесу Кукки:
— Мити, выюк с корой возьми! А где же подруга?
— Нет ее, опять, наверно, домой ушла.
— Что же это она все время уходит?
Пошел Кукки к горбуше.
— Где ты?! — кричит он.
— Перестану я к вам ходить, не дам всю себя съесть.
— Ладно, лучше дома будь,— согласился Кукки.
И стала опять горбуша жить у себя в омуте.

121. Трусливый Кукки

Женился Кукки и стал жить с Мити. Тогда Кукки очень сильно солнца боялся: как только оно взойдет, падал со страху на землю. Ругала Мити трусливого Кукки. Она все сама делала, сама пищу добывала. Но вот забеременела Мити и

родила двух сыновей. А Кукки по-прежнему солнца боится и все время в жилище сидит.

Мити часто в море ходила. Там у нее второй морской муж был. Оттуда она морской еды приносила. Опять забеременела Мити и родила от морского мужа двух сыновей. А Кукки по-прежнему солнца боится. Как взойдет солнце, так он со страху падает на землю.

Первых двух сыновей называли Сикулылан и Анантакилан. Рожденных от морского мужа сыновей тоже так называли.

Забеременела опять Мити и родила двух дочерей: Синиль-лымныльнаккут и Анайуптынаккут. Завернула Мити одну дочь в мох, унесла в тундру, там и бросила.

Выросли дети, стали диких оленей добывать.

— Куда они ходят? — спросил как-то жену Кукки.

— Диких оленей добывают.

Поумнел Кукки. А тогда вся земля ровная была, гор совсем не было. Не понравилось Кукки, что земля ровная.

— Ох, горы сделаю, — сказал как-то Кукки.

И верно. Проснулись на следующий день и видят — горы появились.

— Теперь в горах оленей промышляйте, — говорит он детям.

Мити так и живет с двумя мужьями. По-прежнему к морскому мужу ходит, оттуда еду приносит. Тем временем девочку, которую Мити бросила, другие люди подобрали и вырастили. Как-то набрали двое Сикулыланов на селение, увидели там девушку. Она уже большая стала.

— Я за ней ухаживать буду, — сказал один Сикулылан.

— Что ж, ладно, — ответили люди.

Наконец женился на ней Сикулылан. Не знал он, что это его родная сестра.

122. Лиса и Кукки

Пришла лиса к дочери и говорит:

— Имынна, дай-ка плетеную веревку!

— Куда же ты пойдешь?

— Да пойду Кукки обману.

— Перестань обманывать! Добывай пищу честным путем!

— Нет, пойду все же!

Дала ей дочь плетеную веревку, пошла лиса. Уже стемнело, но луна так ярко светит. Подошла к жилищу Кукки и

стала выбивалкой торбаза от снега отряхивать. Датак выбивает торбаза, словно их двое пришло.

«Чу-чу-чу-чу!» — стучит по торбазам лиса.

— Подожди, подожди, сейчас выйду,— слышится голос Кукки из жилища.

Удивляется Кукки, почему это разный стук слышится:

— Эй, кто там?!

— Да я это, я с зятем! У мужа очень олени пугливые.

— Отгоните оленей!

— Ох-ох, не подходи, чуть в стороне держись!

— О-о, тогда обратно пойду!

— Подожди, подожди, мой муж ночной житель, света не любит, погаси светильники!

— О-о, пойду, дочерям скажу!

Вошел Кукки в жилище и говорит:

— Илынау, Чнилнакут, погасите светильники!

Мити, жена Кукки, удивляется:

— Что за гость такой пришел? Света не любит. Ладно, раз просят, пусть так и будет.

— Эй! — закричал Кукки.— Заходите, погасили светильники. Муж, наверное, уже привязал оленей?

Вошла лиса в жилище.

— О-о, пришли! — говорят хозяева. (Ведь они думают, что двое пришли.)

— Да, пришли! Вот муж мой. Замуж я вышла за ночного жителя.

— Ну, садитесь!

— Меня муж научил все в темноте делать,— хвастается лиса.

— Что ж, покушайте! Приготовьте тетушке блюдо, пусть морскую еду поест!

Нарезали мелкими ломтиками сыр и мясо. А лиса хитрая, всю еду в мешок складывает.

— Ох, и наелись мы! — говорит лиса.

— Не напрасно же вы шли сюда, ешьте хорошенько.

— А нет ли яичной колбасы?

— Мити, нет ли у нас яичной колбасы? — спросил Кукки жену.

Сходила Мити, принесла яичную колбасу.

— Подожди, ну-ка я сам это блюдо приготовлю,— старается Кукки лисе угодить.

А лиса и колбасу в мешок положила. Ведь одна она, все хитрит, врет и разговаривает на два голоса: за себя и за мужа.

Луна сквозь ледяное окно светит. Сын Кукки Ауппали и говорит родителям:

— Лиса нас обманывает, на разные голоса говорит.

— Что это он там шепчет? — забеспокоилась лиса. — У меня есть чем отблагодарить.

— Помалкивай, мальчишка, о себе думай! — рассердился Кукки на сына.

— О-о, наелись уже!

— Что, поедете?

— Да, поедем. Очень уж пугливые олени у моего мужа, — говорит лиса своим голосом и чужим прибавляет: — Да, да, очень пугливые олени. К одному человеку только привыкли, только один человек и может на них ездить. Один я ими управлять умею.

— Что ж, тогда не буду провожать вас.

— Да, да, не выходи, — радуется лиса, — мы одни управимся.

— Как хотите!

Вышла лиса и, как только одна осталась, побежала во всю прыть к дому.

Говорит Ауппали:

— Ох, мать, лиса-то одна. Нет у нее никакого мужа Кымывалтына.

— Ладно. Помалкивай, не твое это дело.

— Ох, ох, ох! — пришла лиса домой к дочерям.

— О-о, пришла!

— Да, вот пришла! Развяжите-ка вьюк, накормите своего младшего брата.

Накормили сестры младшего брата Лымнойныткына.

— И даже яичной колбасой тебя угостили! Чем же колбаса наполнена?

— Яичным желтком утиные кишки наполнены. Еще вот и морской едой угостили: сушеным китовым мясом и жиром.

На следующий день проснулись Куккины. Стал отец сыну говорить:

— Ну-ка, пойди по следам, посмотри, куда же они отправились.

Пошел Ауппали по следу.

— Ну что? — спросил Кукки, когда он вернулся.

— Только одни лисьи следы я видел, — отвечает ему Ауппали.

— Наверное, оленей далеко оставили.

А лиса говорит своим:

— Завтра опять пойду. Зимнюю сеть из-под льда вытащу и заморожу. А вы за мной следом идите. Все пойдем.

На другой день стемнело, наступила ночь, но луна ярко светит.

Пошли лисы к жилищу Кукки.

— Отсюда вытащим сеть,— сказала лиса, остановившись у проруби,— и, пока сеть мерзнуть будет, пойдем к пищевому складу. Хозяева-то спят.

Никого нет. Одни лисы трудятся. Забралась лиса в пищевой склад и все повытаскивала.

— Сколько сможете, несите,— говорит она детям.— Домой идите, а я за сетью схожу. Скажу им: «Вот вам богатый подарок от зятя».

Пошли дети домой. Сеть тем временем замерзла, звенит ледяшками, будто железом гремит. Пошла лиса к Кукки.

«Чу-чу-чу-чу!» — отряхивает выбивалкой торбаза около жилища.

— О-о, опять лиса пришла, опять зять пришел! Подожди, выхожу вот!

Вышел Кукки в сени:

— Эй! Кто там?

— Мы, мы, мы! Вчерашние мы, опять пришли. Зять вот тебе богатый подарок принес.

— Где же он?

— Вот полный мешок,— и отдала Кукки сеть.— Только где попало не клади, железо холодное, отпотеет, ржавчина будет. Повыше положи, на полог.

— Мити, Мити! — кричит Кукки.— Смотри, зять какое богатство принес! Железо! Положите его повыше, на полог.

— Заходим мы! — кричит лиса.

— Заходите, светильники уже погашены.

— О-о, снова пришли!

— Да, пришли! Решили почаще навещать двоюродных братьев и сестер. Жирку поесть пришли.

Нарезали тонкими ломтиками жир, положили на блюдо. Лиса делает вид, будто двое едят.

— Нет ли яичной колбасы?

— Нет, всю вчера отдали!

— Жаль, это моя любимая еда.

— Ну-ка, Мити, поищи! Зять много ходил, пусть поест хорошо.

— Отец, отец, лиса одна разговаривает. Обманывает она, разными голосами говорит. Одна она.

— Ох! Опять что-то мальчик сказал. У лисы есть чем отблагодарить.

— Да это он просто так, не слушай, глупый еще. Если бы ты одна была, мы бы ведь увидели.

— О-о, спасибо, наелись мы. Подарки возьмем.

— Только это последняя яичная колбаса.

Итчим, племянник Кукки, тоже за лисой наблюдает. Вдруг говорит Кукки:

— Она ведь одна разговаривает. Опять обманывает нас. Не слышит Кукки.

— Может, еще поедите? Если хотите, скажите,— он, видно, тоже догадался.— Сама лапу сунь в пузырь и достань жир, а нам что-то уже спать хочется. Вчера очень мало спали.

— Есть жир-то еще?

— Ведь сказали тебе, иди сама, сунь лапу в пузырь и достань жир.

А Мити тем временем веревку приготовила.

— Как же я жир достану?

— Да иди сюда, сунь лапу в пузырь,— говорит Мити.

— Глубже, глубже суй лапу!

Послушалась лиса, сунула лапу в мешок с жиром, а Мити тут же завязала мешок вместе с лапой.

— Ой, ой, ой! Что это вы со мной делаете!

— А зачем ты обманываешь! Нет у тебя никакого мужа, одна приходишь, и вчера тоже одна была.

Выскочила лиса, убежала. Так и убежала с пузырем на лапе, словно капканом пойманная. Утащила пузырь хитрая лиса.

— Имынна, Имынна, рука немеет! Пузырем, словно капканом, прихватили!

— Вечно ты хитришь да обманываешь! Нет чтобы по-хорошему попросить.

— Нагрей скорее воды, руку помою.

Когда лиса убегала, Кукки ей вслед крикнул:

— Ты бы обманывать шла к богатой женщине Контывал!

— Развяжи скорее руку, Имынна!

— Я ведь и вчера говорила, попроси лучше по-хорошему.

— Да, выпросишь у них! Такие жадные.

Нагрела воды Имынна, вымыла лиса лапу.

На другой день проснулись Куккины. Говорит Кукки дочерям:

— Проверьте-ка запасы наши, наверное, все украли.

Пошли дочери к пищевым складам и вернулись домой.

— Нет никакой пищи, все вытащили, только стены голые остались да кости,— сказали они Кукки.

Довольны вороны хоть тем остались, что досадили лисе-обманщице.

А лиса все не угомонилась:

— Пойду-ка за пищей к богатой женщине Контытвал,— говорит.

— Когда же ты пойдешь?

— Завтра и пойду.

— Не можешь ты без обмана жить. Пищу по-доброму добывать надо.

— По-доброму да по-хорошему ничего не получится. Жадные они. Теперь спать ложитесь. Завтра, как стемнеет, пойдем.

Проснулись на другой день.

— Ну-ка, дай мне плетеную веревку, Имынна. Пойду пищу добывать.

— Только по-доброму проси, не делай плохого. Контытвал же с сестрами-собаками живет. Как бы чего не случилось. Куккины только руку тебе завязали.

— Нет, нет, я по-хорошему просить буду. Ну, пошла!

Отправилась лиса к богатой женщине Контытвал. Так же, как и у Кукки, стала торбаза выбивалкой отряхивать. Отряхивает, и кажется, будто двое пришли.

«Чу-чу-чу-чу!» — постукивает лиса, а сама подальше от дверей, в стороне стоит.

— Эй, кто там?

— Я! — но вспомнила: — Мы, мы, мы!

— Кто вы?

— Да мы с Кымывалтыном. Замуж я вышла за богатого чаучу. Скоро наше стадо подойдет, забьет он вам оленей. Только вот стадо пока еще далековато, у горы Пынаквын. А муж мой ночной гость, так что светильники погасите.

— Как же есть-то в темноте будете?

— Да научились мы, привыкли. Сами с блюда еду берем.

— Пойду скажу, чтобы светильники погасили.

Погасили светильники, а одна сестра-собака и говорит:

— Старшая сестра, лиса-то ведь одна, нет с ней никого.

— Да ладно, пусть войдут,— не поверила Контытвал.

— Ну как, погасили светильники? Идем мы уже! — кричат с улицы.

Вошли. Лиса и говорит другим голосом:

— Я ночной житель, только в темноте могу быть.

— Да, да, садитесь вот здесь.

Приготовили блюдо с едой, а Лиса не ест, все в мешок складывает. Наложила столько, сколько унести может.

— Нет ли яичной колбасы?

— Нет у нас. Мы ведь одни женщины живем, за яйцами на скалы не лазим, колбасы не делаем. Вот жирку поешьте.

Хотели было еще жирку нарезать, а лиса вдруг говорит:

— Давайте я сама! Вы-то к темноте непривычны,— а сама поближе к дверям пробирается.— Я тут около дверей жиру нарежу, а то еще вдруг нечаянно себя пораню.

Шепчет собака-сестра:

— Старшая сестра! Одна лиса, нет с ней мужа.

— А вдруг с мужем?

— Что это она говорит? — услышала лиса.— Я вас не обманываю. Побей-ка свою сестру. Стадо уже совсем близко.

Стукнула Контытвал свою сестру-собаку, которая ей про лису говорила.

— Всех сестер побей,— добавляет лиса.— Стадо уже совсем близко. Ох, наелись мы! Пойдем теперь стадо встречать.

— Я тоже с вами пойду.

— Нет, нет, мы одни. Очень уж пугливые олени у моего мужа. Посидите в пологе.

Выскочила лиса на улицу и убежала.

Говорит Контытвал своей сестре-собаке:

— Еще раз придет лиса, я тебя отвяжу, погонишься за ней.

Прибежала лиса домой и говорит детям:

— Завтра со мной пойдете. Еды много принесем. Богатая женщина-собака, много пищи в ее кладовых. Пока я их забавлять буду, вы все из кладовых вытащите.

На другой день пошли все лисы к собакам. Показала лиса детям кладовую.

— Скорее,— торопит детей,— берите столько, сколько унести сможете, и быстрее домой идите. А я к ним побегу.

Прибежала лиса к собачьему жилищу.

«Чу-чу-чу-чу!» — снова стала торбаза отряхивать.

Поняли собаки, что опять лиса пришла. Одна из них и говорит старшей сестре:

— Ты вчера обещала, отвяжи меня!

— Подожди немного.— И крикнула наружу: — Эй, кто это?

— Мы, мы, мы! Вчерашние гости! Стадо уже совсем близко, завтра здесь будет.

— Как торбаза отряхнете, заходите.

— А свет потушили?

— Да погасили, идите!

«Ох, ох! Что-то я боюсь!» — думает лиса, а сама кричит:

— Подожди, муж шапку снимает. Сейчас приберу ее.

Наконец вошла лиса в жилище.

— Садитесь, садитесь! Наверное, есть будете?

— Что ж, поедим,— согласилась лиса и хотела было сесть.

А Контытвал потихоньку отвела сестру-собаку и шепнула ей:

— Только в пологе на лису не бросайся, послушаем сначала, что она скажет.

— Хорошо бы жирку поесть,— просит лиса.

— Жир вот здесь, около двери. А ты ведь, лиса, обманываешь нас!

— Ой, ой, ой! Вместе росли, с одного блюда ели! — Испугалась лиса, выскочила и побежала.

Погналась за ней сестра-собака.

— Смотрите, до смерти не загрызите, за керкер потрепите только,— крикнула вдогонку Контытвал и спустила с привязи вторую сестру-собаку.

Несется лиса, однако догнали ее собаки.

— Ой, ой, ой! У одного блюда выросли, у одного очага грелись!

— Врешь! Не у одного очага выросли, не товарищи мы! Зачем воруюшь? Сейчас тебя разорвем!

— Ой, ой, ой! — кричит лиса.

А собаки хватают ее за пушистый керкер, весь изодрали.

— Ой, ой! Хватит!

— Ладно, пусть домой к детям бежит! Напугали ее хорошенько, весь керкер изорвали,— говорит одна собака другой.

Так и прибежала лиса домой вся изодранная. Прибежала и говорит жалобно:

— Имынна, брось уголечек!

— Что случилось?

— Да вот сестры-собаки искусали, весь керкер разорвали.

— Так тебе, воровка, и надо! Убьют тебя когда-нибудь!

— Больше не буду, а то действительно убьют. Поставь-ка полог! Полежу я.

Успокоилась лиса, никуда пока идти не собирается.

Проснулись собаки на другой день. Пошли кладовые ос-

мотреть. Две кладовки пустые: все оттуда дети лисы вытащили, пока та с собаками разговаривала. Хорошо хоть, что отомстили ей, больше не придет.

Ворон Кукки говорит своей жене Мити:

— Пойду схожу к Контытвал. Может, и к ней племянница лиса наведывалась. Вчера ведь я сказал ей, что у женщины-собаки пищи много, богатая она.

Пошел Кукки к собакам. Отряхивает выбивалкой торбаза.

— О-о, наверное, дядюшка пришел? Не так отряхивает торбаза, как лиса,— догадались собаки.

— Эй, кто это?

— Это я, Кукки, племянница!

— Как торбаза отряхнешь, заходи. Может, светильники погасить?

Рассмеялся Кукки:

— Нет, не гаси, мы ведь к свету привычны. Наверное, у вас лиса вчера была?

— Была. Да вот сестра заметила, что одна она, без мужа. Я и догадалась, что лиса решила обмануть нас.

— А мы совсем без еды остались, все лисы утащили.

— У нас они только два склада обокрали. Что делать будешь? Может переночуешь?

— Что ж, переночую.

На другой день проснулись собаки, а дядюшка уже домой собирается.

— Рассветает уже, домой пойду,— говорит Кукки.

— Чем же тебя угостить? — И дали ему вяленого мяса, мяса дикого оленя и мяса горного барана.

— Бери с собой, сколько хочешь!

— О-о, хватит, хватит! Наверное, дети мои уже вернулись с добычей.

— Если еды не будет, приходи!

— Ладно, если не будет, приду.

Пошел домой Кукки. Встречает его сын:

— Отец идет. Видно, много еды несет, очень тихо идет.

Вытащил Кукки из-за пазухи еду и сказал ему:

— Отнеси-ка это матери домой! Я, видишь, очень тихо иду, тяжело мне.

Побежал сын домой и говорит матери:

— Отец много гостинцев несет, тяжело ему. А это вот тебе гостинец. У него мясо и дикого оленя, и дикого барана.

Пришел Кукки. Кричит:

— Эй, Мити, возьмите поклажу!

— О-о, пришел?

— Да, пришел! Лиса у собак побывала, обманула их, но и они ей отомстили. Что ж, развяжите поклажу, ешьте!

Накормили детей вороны вяленным мясом, мясом дикого оленя и горного барана.

Вот и все.

Кончил сказку рассказывать. Рассказал все, что помнил, кое-что забыл. Эти сказки нам раньше старики рассказывали. Долго мы их не слышали, поэтому я по частям рассказываю, но говорю правильно, не просто так. Наверное, все. Кончил.

123. Кукки и волк

Я про волка сказку расскажу.

Говорит Кукки жене:

— Дай-ка, Мити, соломенную нарту.

— Нет соломенной нарты, только плетеная веревка.

Не верит Кукки, сам ищет.

— Что же ты ищешь?

— Да нарту.

— Куда ты идешь?

— Да вот, пойду с горки покатаюсь.

Пошел Кукки. Покатился с горки.

— Ох! Как приятно, небо так перед глазами и мелькает! — кричит от радости Кукки.

Опять покатился с горки и кричит:

— Ох! Как приятно, небо так и мелькает!

Услышал волк, как радостно кричит катающийся с горки Кукки. «Откуда это он кричит?» — подумал волк и пошел к Кукки.

— Эй, дедушка, что ты делаешь?

— Ох, напугал ты меня. Откуда пришел?

— Да вот, услышал, как ты кричишь, катаясь, и подумал: «Пойду-ка посмотрю, как дедушка катается». Дай-ка я прокачусь!

— Нельзя тебе, в воду скатишься.

— Нет, не скачусь. Лапы у меня длинные.

— Ну катись, раз лапы длинные.

— А что мне кричать, когда буду катиться?

— Кричи: «О-о, как приятно, небо так и мелькает!»

— Ладно, так и буду кричать.

Покатился волк с горки. Бульк — и свалился в море.

— Ой-ой, дедушка я в воду упал! Вытащи! — закричал волк.

— Нет не вытащу. У тебя ведь длинные лапы! А у меня кривые когти, потому я и не падаю в воду.

— Вытащи, дедушка!

— Не вытащу!

— Ну вытаскивай же, лапы коченеют!

— Нет, не вытащу, ты же длиннопалый.

— Дедушка, я тебе стадо блох дам¹.

— Не нужны мне блохи.

— Эй, дедушка, лапы совсем коченеют, — кричит из воды волк.

— Я же говорю тебе, что не вытащу! — упирается Кукки.

— Стадо горных баранов дам.

— Мои дети сами горных баранов добывают.

— Тогда стадо росомых дам!

— Не нужны мне росомыхи. Говорю тебе, мои дети разных зверей добывают.

— Что же дать тебе? — рассуждает волк. — О-о, длинную сестру за тебя замуж отдам.

— Вот хорошо! — обрадовался Кукки. — Эй, теть, подожди, подожди, сейчас вытащу тебя!

Вытащил Кукки волка.

— Бр-р-р! Чуть было лапы не окоченели, — говорит волк и выжимает свою одежду. Кукки помогает ему.

— Ну как? — спрашивает Кукки. — Отдашь свою сестру за меня?

— Нет у меня никакой сестры.

— Ка-а-к? Обманул меня! Ладно, я больше не буду кататься, — обиделся Кукки. — Ты какой долиной пойдешь?

— Да по долине Ватвыткавнын. А ты?

— А я к верховьям реки Антчины пойду.

Разошлись Кукки и волк в разные стороны. Пошли по долинам рек, а в верховьях эти реки сходятся. Дошел волк до истоков Ватвыткавнына. Поднялся в верховья реки Антчины Кукки. И вдруг превратился в кусок жирного мяса от задней части оленя.

— Ого! — удивился волк. — Спасибо, друзья мне пищу оставили. — И тут же съел кусок мяса. А это Кукки был.

Пошел волк домой, а в животе у него Кукки шевелится.

— Ох, вот это, наверное, мой отец принес и повесил здесь, в пищевом складе, — рассуждает в животе волка Кукки, берет кишки и бросает наружу.

— Дедушка, ты как будто из меня говоришь?

— Не у тебя я, а у себя дома, в пищевом складе сижу.

— Ой, кишочки мои выбросил!

— Да нет, дома ведь я. — А сам почки наружу выбросил. —

Тьфу! — говорит. — Это, наверное, Итчым свои торбаза вонючие развесил.

— Ой, мои почечки!

— Что ты кричишь? Я же дома, в пищевом складе. — А сам и легкие выбросил. — Тьфу! Опять, верно, это Итчым принес.

— Дедушка, это легкие мои!

— Не выдумывай, я же дома, в пищевом складе. — А сам сердце выбросил. — Тьфу! Это, верно, рукоятка копья. Зачем она здесь висит?!

— Дедушка! Это моя душа! — Пху! — и умер волк.

— Ой-ой, волка убил! — закричал Кукки и выскочил из него.

Пошел Кукки домой. Увидел его сын Ауппали и говорит матери:

— Отец с катания идет.

— Что ж, пусть приходит, — отвечает мать.

Сердится Кукки, кричит:

— Ауппали, скажи матери, пусть благодарственный обряд совершит.

— Ладно, — сказал Ауппали, и пошел в землянку. — Мать, отец что-то волочит, сказал, чтобы ты благодарственный обряд совершила.

— Ну что ж. Однако пойди посмотри, что он там волочит, — а сама стала обряд совершать. Запела:

— Ку-у-кки во-о-лка без пот-ро-хов уби-и-ил! Кы-а, кы-а, кы-а!

Зашел Кукки в землянку.

— Хватит петь, пришел вот я.

— Пусть дочери добычу освежают!

— Нет, не надо свежевать! Пусть целиком будет!

Вышла теща², встретила отца.

— Вот что сделай: отнеси волка в пищевой склад и сто-рожи там — шитьем займись.

Заснули вороны. Кукки крепко заснул.

А тем временем братья-волки пошли по следам.

На другой день сидит Кукки у дверей землянки и вяжет сеть. Вышел из землянки его младший сын, Ауппали.

— Выходи почаще, посматривай кругом,— говорит ему Кукки.

— Отец, смотри, вон два волка идут,— сказал ему Ауппали.

— О-о, подожди, сейчас шарики из жира³ сделаю. Пойдешь к тому месту, куда они пойдут. Сделай вид, что играешь, и оставь эти шарики,— говорит Кукки сыну.

Подошли братья-волки, смотрят:

— О-о, мальчик Ауппали здесь играл, наверное, и уронил шарики,— решили они и тут же съели их.

Подошли к землянке. Кукки около дверей сеть вяжет.

— О-о, пришли!

— Да, дедушка. Что это с нами? Качает нас, в глазах темнеет.

— Наверное, съели что-нибудь?

И тут же сдохли волки.

— О-о, опять двух волков убил,— обрадовался Кукки и отнес их в пищевой склад к дочери: — Вот еще принес, сторожи.

Тем временем маленький волчонок спрашивает у своих родителей-стариков:

— Много здесь лежек было, а теперь я один остался.

Звали волчонка Вечовтын. (А Кукки был большой шаман-колдун.)

Заснули родители, пошел Вечовтын по следам братьев.

Кукки опять у дверей сидит, сеть вяжет. Ауппали часто из землянки выходит.

— Выходи почаще, посматривай,— говорит ему Кукки.

Вышел Ауппали и видит: идет волчонок.

— Отец, смотри, маленький волчонок к нам идет.

— Это, наверное, Вечовтын,— говорит Кукки. Он ведь все знает.— Отнеси шарики и брось на его пути.

Отнес шарики Ауппали, бросил на пути волчонка, а сам в землянку вернулся.

Бежит по следу волчонок, вдруг видит — шарики. «О-о, что это?» — подумал он и взял их с собой.

— О-о, пришел! — приветствовал его Кукки.

— Да! Не приходили ли сюда мои братья? — спросил Вечовтын.

— Нет, не приходили. Видишь, мы только одни,— ответил Кукки.

Тут Вечовтын показывает шарик, зажатый в кулаке, и спрашивает:

— Дедушка, что это?

— Ох ты! — испугался Кукки, юркнул в полог и залез под шкуры.

— Что ты делаешь?! — закричала Мити. — Напугать меня можешь. Куда ты?

— Волчонок пришел, шарик показал и спросил: «Что это?»

— Так чего же ты прячешься? Раз напроказил, так и иди к нему, — упрекает его Мити.

Вошел Вечовтын в землянку.

— О-о, пришел ты! — приветствует его жена Кукки.

— Да, пришел. Бабушка, что это? — показывает Вечовтын шарик.

— Не знаю, незнакомо мне это. Тьфу! — плюнула Мити, а сама думает: «Не проведешь дочь Акальчики»⁴. И говорит:

— Выходи, Кукки, чего боишься? Ты ведь мужчина. Я женщина и то не прячусь.

— Нет, нет, не выйду. Я спать хочу.

— Ну и спи! — рассердилась Мити.

Уже стемнело. Вечовтын и говорит:

— Домой пора, пойду.

— Ну что ж, иди, — ответила Мити.

— Только не подсматривайте за мной.

Пошел Вечовтын к пищевому складу, в котором дочь Кукки Чиниллымнылнаккут сторожила убитых волков, и закричал:

— Эй, здесь мои братья?

— Да, здесь.

Разбудил братьев Вечовтын и говорит им:

— Как же с этим братом будем? Он ведь без внутренностей. Оставим его. А ты следом за нами иди, — обратился он к Чиниллымнылнаккут.

Пошла дочь Кукки к волчьему народу. Привел ее Вечовтын и говорит родителям:

— Вот, мать, встречайте!

Вышли родители:

— О-о, пришли! Быстро. Где же братьев нашел?

— Да вот, дедушка этих двоих разом убил, я за это его дочь увел.

Боишься Чиниллымнылнаккут. Первый раз она среди волков.

— О-о, женщина пришла!

— Да!

— Заходи же!

— Да, зайду,— и зашла Чиниллымнылнаккут в волчье жилище.

Так и осталась там. Заснули волки.

Пошла Мити к пищевому складу посмотреть — нет дочери и волки ушли, один только волк без внутренностей лежит.

— О-о, какой Кукки пакостник! Даже дочь позволил украсть! — возмутилась Мити и вернулась в землянку.

— Кукки! Кукки! — закричала.

— А-а!

— Нет ведь нашей дочери, и волков тоже нет!

— Ой-ой! — испугался Кукки.— Наверное, это Вечовтын сделал. Он ведь недавно был.

— Там только один волк без внутренностей лежит.

— Пойду-ка вложу ему внутренности, оживлю его, пусть домой идет.

Сделал Кукки волчьи внутренности из разных кусочков мяса и вшил их волку внутрь.

— О-о! — ожил волк.— Кто же со мной такое сделал?

— Да я это сделал! — ответил Кукки.— Иди домой, я, видишь, разбудил тебя. Дочь наша пропала. Наверное, у вас она, приведите ее, не задерживайте!

— Ладно, приведем!

Пошел волк домой. Приходит к себе.

— Вот и я, мать, встречайте!

— О-о, кто пришел? Наверное, сын, который вчера ушел?

— Да, он. Мы его там оставили, потому что он без внутренностей был, не знали что делать,— объяснил Вечовтын.

— Что же с тобой сделали?

— Дедушка внутренности мне сделал и вшил. А потом разбудил меня. Завтра, как проснемся, отведем их дочь. А то опять что-нибудь с нами сотворит.

— Да, да, отведите ее домой, сейчас же отведите,— сказали старики.

Отправились волки к жилищу ворона. Вечером пришли.

— Волки, вы здесь побудьте, я первая заговорю,— сказала Чиниллымнылнаккут.

— Мать, пришла я, встречайте!

— Ой-ой! — закричал Кукки.— Как будто моя теща пришла!

Вышла Мити.

— О-о, пришла ты!

— Да, пришла. Волки меня привели.

- Где же они?
- На улице.
- Скажи им, пусть заходят.
- Где вы, волки? Заходите!
- Нет, не зайдем! Кукки мстить будет. Торопимся мы.
- Ну что ж, может, угостить вас чем-нибудь?
- Нет, мы рады, что вашу дочь привели. Жалко нам ее.

Вы ведь ничего о ней не знали.

Мити ввела дочь в землянку. Кукки все еще дрожит от страха, под постелью спрятался. Говорит ему Мити:

- Смотри, мать пришла!
- Откуда пришла мать?
- Да вот волки привели.

Пришли волки домой. Кричат:

— Встречайте нас, от дедушки мы пришли, дочь ему вернули!

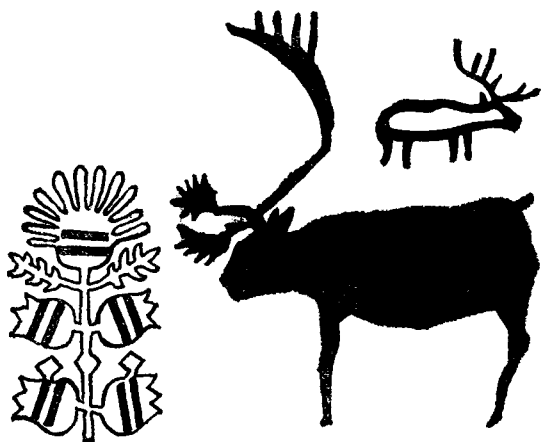
- Что же дедушка сказал?
- Да не показывается он, боится.
- Ну, побаловались и хватит, теперь успокойтесь.

А Чиниллымнылнакут стала спрашивать Кукки:

- Как же ты меня вызволил?
- Да вот, оживил волка, который без внутренностей был, и послал его домой к братьям. А он пообещал дочь вернуть.

Говорит: «Старуху жалко». Ну хорошо, что вернулась.

Кончаю сказку рассказывать, только вот это и знаю.

**сказки и мифы
КОРЯКОВ**

124. Как Куйкынняку прекратил дождь

Давно это было. Долго не переставая шел дождь.

Тогда Куйкынняку сказал своим сыновьям:

— Ну-ка, сыновья, наловите оленей!

Наловили сыновья оленей. Куйкынняку большую ладью сделал. В нее этих оленей загнал. Потом стал всех зверей созывать. Всякие звери к нему пришли. И мыши тоже пришли. Составил Куйкынняку из мышей упряжку, запряг их в ладью, поехал к морю. С собой мухоморов¹ взял. Приехал к морю. А дождь-то все время идет.

На другой день отплыл. Долго плыл по морю. Наконец к острову подплыл. Высадился на берег. Видит — поселок. Пришел туда. Видит — женщина сидит, волосы расчесывает.

— Ага, вот из-за чего дождь идет!

Сказала ему женщина:

— Здравствуй, старик! Явился!

— Да, явился!

— Мимо поедешь или здесь останешься?

— Переночую, а завтра дальше отправлюсь!

А женщина все причесывается. Стал он ее мухоморами угощать. Поела и опьянела вскоре. Тогда Куйкынняку начал ей волосы срезать. Все волосы срезал. Потом все одежды с нее снял. Голой оставил. Собрал ее одежды, закопал в землю. И сказал:

— Погоди же, совсем тебя измучаю!

А женщина замерзла, дрожит. Совсем опьянела. Хочет причесаться. Только рукой дергает, к голове тянется. А Куйкынняку ей еще брови и ресницы срезал.

Потом мышку Камчэнанавут послал:

— Переплыви море, посмотри: может, прояснилось у нас.

Поплыла мышка. Вскоре вернулась, сказала:

— Совсем прояснилось.

Тогда Куйкынняку домой отправился. А женщину так и оставил.

— Ой, холодно! Замерзаю! Отдай мои одежды! — кричит женщина.

Не отдал. Домой вернулся.

125. Путешествия Куйкынняку

Однажды Куйкынняку на морской берег пошел. Увидел акибу.

— Что, акиба, ты здесь делаешь?

— Спать собираюсь.

— Хочу что-то тебе сказать. Послушаешь?

— Ни к чему мне. Спать хочу!

Запел тогда Куйкынняку:

Акиба, снеси меня

В места, богатые жиром, к женщинам морского народа!

Посадила его акиба к себе на спину. Повезла. Привезла к китовому народу.

— Здорово, старик! Зачем приехал?

— Как сказать... Жиру поесть хочу.

— Ну, входи!

Вошел.

— Ну-ка, достаньте нерпичьи ласты!

Достали.

— На вот, поешь нерпичьих ластов!

Принялся есть ласты. Поел.

— Спасибо, наелся. Вот только в горле пересохло. Попить бы. Напоите меня!

— Сам бери, пей! Вон деревянная посуда с водой стоит.

— Эх вы, все еще без чашек живете!

Подошел к корыту, только пить начал, как вдруг полетел вниз головой в корыто. Долго падал. Упал прямо на жилые моржового народа. Сел у входной дыры. Потом петь начал:

О-ой! Дальней земли женщины

Из горных речек воду черпают!

Крикнули из жилья:

— Эй, гость, войди!

Вошел.

— Ну-ка, гостя попотчуйте!

Угощать стали. Есть начал. Поел.

— Эх, пить хочется!

— Напейся сам!

Подошел к корыту, только начал пить, как вдруг вниз головой полетел. Прямо на жилье лахтачьего народа упал. Сел у дымовой дыры, запел:

О-ой! Дальней земли женщины
Из горных речек воду черпают!

Тотчас изнутри крикнули ему:

— Войди, гость!

Вошел.

— Ох! Напайте меня! Худо мне. Умираю, как пить хочу.

— Иди сам напейся! Держи роговую чашку!

Дали ему роговую чашку. Начал он пить. Напился.

— О-хо! Напился я. Ожил.

— Теперь лахтачьими ластами гостя попотчуйте!

Поставили перед ним лахтачьи ласты. Начал есть. Поел.

— Ну, пора и домой. Проводите меня. Отдам вам свою дочь.

— Что ж, ладно, проводим!

Отправились провожать гостя.

Прибыли к Куйкыннику. Начали толкушу делать. Много толкуши съели. И в обратный путь отправились. Куйкыннику им Тинианавут отдал. С ней и уехали.

Пришли к китовому народу.

— Здорово! Откуда путь держите?

— Куйкыннику провожали.

— Ладно. Чем же вас наделили?

— Мы ведь не такие насмешники, как вы.— И показали Тинианавут.

— Откуда у вас эта девушка?

— А вот не насмехались мы, теперь, спасибо, с девушкой возвращаемся.

— Красивая девушка!

Попрощались с китовым народом. Домой вернулись.

— Ну, мать, разводи огонь, невесту огнем встречай!

Начали огнем окуривать. Приобщили к огню. Собрался народ, начали невесту рассматривать. Все говорят:

— Ой, красивая девушка!

Потом празднество устроили.

126. Куйкынняку и волк

Решил Куйкынняку покататься. На гору отправился. Идет, водовозные санки за собой тащит. Пришел на гору. Скатился к самому морю. Через море перекатился. Обратно идет. Сам санки тащит.

Потом волк пришел.

— Здравствуй, двоюродный брат! Что делаешь? Катаешься? Ну-ка, брат, и я покатаюсь!

— Не смей садиться! Сломаешь!

— Ничего. Хоть разок скачусь!

Стал волк кататься. Три раза скатился. Потом сказал Куйкынняку:

— Ну ладно, брат, я домой пойду.

Вернулся домой Куйкынняку.

Через некоторое время решил волк: «Пойду в гости к двоюродному брату».

Отправился. Идет. Вдруг видит: на дороге ноги Куйкынняку валяются:

— Ой! Двоюродный брат! Какой смертью умер? — И съел ноги.

Еще немного прошел, руки нашел. И руки съел. Потом голову нашел и тоже съел. А потом и тело нашел, и это съел. Идет волк дальше.

Вдруг Куйкынняку закашлял в его животе:

— Эй, братец, куда мы идем?

— К твоему жилью.

Потом Куйкынняку спрашивает:

— Что это?

— Почки.

— А это, братец, что?

— Легкие.

— А вот это?

— Печень.

— А это что, на кочевую юрту похожее?

— Ой-ой! Не трогай! Это сердце!

— Ладно.

Немного погодя Куйкынняку опять спрашивает:

— Эй! Братец, где мы идем?

— К самому жилью подходим.

И снова Куйкынняку спрашивает:

— Куда пришли?

— Вот уже на крышу землянки, ко входной двери взбираемся.

Тут вцепился Куйкынняку в волчье сердце когтями. Что же — сдох волк.

Закричал Куйкынняку:

— Мити! Скорее выходи! Распотроши волка!

Взяла Мити нож, вышла. Распотрошила волка. Тогда Куйкынняку вышел оттуда, сказал:

— Живо, Мити, втащите волка в жильё.

Втащили, голову отрубили.

А Таятхыт — младший брат волка — дома брата ждёт. Сказал:

— Эй, куда старший брат ушел? Надо пойти поискать его.

Пошел на поиски. Увидел следы.

— Вон куда! К Куйкынняку, оказывается, пошел!

Пришел Таятхыт к Куйкынняку.

— Здравствуй, братец! Пришел? Ну, войди!

Вошел Таятхыт.

— Ну-ка, Мити, угости зятя головой тюленя-крылатки.

Поставила Мити голову в круглой миске.

— На, зять, ешь!

А тот узнал беззубую пасть старшего брата и сказал:

— Не хочу. Уберите. Я сам этаких зверей постоянно убиваю.

— Эй, Мити, другое угощение подай, лахтачью голову!

Мити подала голову в длинной миске.

— На, зять, ешь!

Видит Таятхыт — это опять голова старшего брата. Перешагнул через миску, вышел.

— Пойду народ звать. Всех соберу!

Отправился Таятхыт. Разных зверей созвал: медведей, диких оленей, горных баранов, лосей. И лис тоже тут.

— Ну же, пошли к Куйкынняку.

Пришли.

— Эй! Двоюродный брат, это мы пришли!

— Сейчас. Погодите! Вот приглашу, тогда входите. Ягодным запасом моим угощу.

Таятхыт говорит:

— Ну, медведь, как нам быть?

— Это по мне. Поедим ягод. Пошли!

Вошли звери. А Куйкынняку как раз успел рыбы жабры и хвосты в золу очага закопать. Закопал и сказал:

— Вот как вас наружу потянут, начинайте дымить!

Потом домочадцам сказал:

— Ну-ка, несите угощение!

Все вышли. Один Куйкынняку в жилье остался. Сторожит пришедший народ.

А домочадцы уже начали летнюю дверь камнями заваливать. Стучат камни. Медведь и спрашивает:

— Что это стучит?

— Мешок с орехами.

— Орехов поедем!

Еще камень стукнул.

— А это что?

— Мешок с голубикой.

Медведь даже заплясал от радости.

— Эх, поедем ягод!

Потом снаружи кричат:

— Входное бревно от свайного балагана сломалось. И мешок с орехами порвался. Одеяло дай! И входное бревно принеси, возьми у входа в землянку.

Вышел Куйкынняку наружу. Сняли входное бревно. Верхнюю входную дыру одеялом накрыли. Закричал Куйкынняку:

— Эй, рыбы жабры, рыбы хвосты, начинайте дымить!

Задымили. Все звери в землянке задохнулись, только двое едва выбрались — лис да Таятхыт. Лис тотчас в тундру убежал.

Опять пошел Таятхыт зверей звать. На этот раз к морю пошел. Созвал всех морских зверей: китов, моржей, нерп, лахтаков, рыб.

— Ну, идем к Куйкынняку!

А море от множества зверей как суша стало.

— Эй! Мы пришли!

Увидела их Мити, сказала:

— Худо, Куйкынняку! Море от суши не отличишь!

— Живо, Мити, краску из ольховой коры подай!

Дала ему. Вылил в море краску из ольховой коры. Все морские звери погибли. Один Таятхыт остался.

Опять отправился Таятхыт зверей на помощь звать. В тун-

дру пришел. Всех червей созвал, черных червяков, гусениц, личинок, дождевых червей. Поползли.

Проснулась утром семья Куйкыннику — вся земля червями покрыта.

— Живо, Мити, лыжи, подбитые оленьей шкурой, подай!

Дала ему. Надел лыжи. Прокатился несколько раз на лыжах — всех червей подавил.

Опять волк один остался. Крикнул ему Куйкыннику:

— Не смей таскаться ко мне! Убью и тебя!

Что ж, пошел волк домой. Вернулся домой. Волчью шкуру снаружи повесил. Всю зиму шкура висела. Потом снял ее, понес к Куйкыннику. Пришел.

— Здравствуй, брат! Где мне мою волчью шкуру потрясти? Всю ее снегом запырило.

— Прямо над входной дырой и трясина.

Начал отрясать снег. «Ну,— подумал,— довольно. Наверное, всех засыпал».

Заглянул внутрь, а там ничего, все живы. Только на полу горка снега лежит.

— Эх, неудача!

Пошел волк домой.

А Куйкыннику свою воронью одежду вынес, снаружи повесил. Одну ночь провисела. Снял на другой день, в волчий поселок понес. Пришел.

— Привет, брат! Где мне мою воронью кухлянишку отрясти?

— Да тут вот и отрясай над входной дырой.

Что ж, потрянул один раз — вся землянка снегом наполнилась. Все волки и погибли.

А Куйкыннику домой вернулся.

127. Куйкыннику и лиса

Однажды лиса Чачучанавут сказала:

— Эх, детки, что есть будете? Схожу-ка я к морю, поищу добычи!

Пришла к морю и запела:

— Детки мои, детки мои еще не ели!

Увидела рыбку, взяла, сунула в плетенку.

А Куйкыннику слышит — поет кто-то. Пошел на голос, пришел, спросил:

— Ты что нашла?

Чачучанавут ответила:

— Рыбку нашла. Надо же деток накормить.

Сказал Куйкыннюку:

— А ну-ка, дай посмотреть твою находку!

— Да вон там, в плетенке лежит.

Куйкыннюку не долго думая рыбешку вытащил и закопал в песок, а в плетенку кусок дерева засунул.

Подняла Чачучанавут плетенку, на спину взвалила, сказала:

— Что это потяжелела ноша?

Куйкыннюку сказал:

— Да уж такая большущая рыба!

Вернулась домой Чачучанавут. Детишки ее встречают.

— И-ка-ка! Мама рыбки принесла! Кому рыбью голову дашь?

Чачучанавут сказала:

— Ты самый маленький. Тебе рыбью голову дам!

Вошла в жилье. Лисята говорят:

— Ой, мама, есть будем!

Сказала Чачучанавут:

— Возьмите рыбу, в плетенке лежит.

Стал один лисенок искать, сказал:

— Ничего нет!

Чачучанавут сказала:

— Есть!

Поискал, поискал, опять сказал:

— Да нету же ничего! Сама поищи.

Рассердилась Чачучанавут:

— Пошел прочь! Никчемный какой!

Подскочила Чачучанавут к плетенке, поискала, ничего не нашла. Сказала:

— Вот же Куйкыннюку какой! Хитростью живет!

На другой день пошла Чачучанавут в горы добычу искать. Увидела на дороге двух диких оленей — в драке друг друга забодали. Вырыла в земле ямку, засунула туда голову, запела:

— Детки мои, детки мои еще не ели!

Потом живо домой вернулась, сказала:

— Ну-ка, скорее давайте на новое место откочуем! Я двух диких оленей нашла.

Пришли. Каменную землянку сделали. Играют лисята возле землянки. Потом увидели Куйкыннюку:

— Ой! Идет!

Сказала Чачучанавут:

— Скорее домой идите!

Пошли. Закрыли входную дыру. Куйкынняку подошел, сказал:

— Мне-е-е кусочек костного мозга!

Сказала Чачучанавут:

— Иди, позови свою жену!

Пошел звать. Пришел, сказал ей:

— Иди-ка к Чачучанавут!

Пошли. Пришли.

— Ну, входите скорее!

Вошли. Закрыли дымовую дыру.

Куйкынняку сказал:

— Мне-е-е кусочек костного мозга!

Чачучанавут привязала кусочек мозга на нитку из сухожилья, дала ему. Проглотил. Она за нитку обратно вытащила. Опять проглотил. Опять вытащила. Снова проглотил, на этот раз маленький кусочек успел откусить.

Порвалась сухожильная нитка. Проглотил Куйкынняку костный мозг.

Пока семья Чачучанавут забавлялась, Мити жировую толкушу потихоньку за пазуху засовывала. Потом незаметно наружу выбросила.

А Чачучанавут пошла, входное бревно соседней пустой землянки жировой толкушей смазала, потом и молот для разбивания костей смазала. Куйкынняку сказал:

— Теперь в соседнюю землянку пойду.

Пришел в землянку, проглотил камень, толкушей смазанный, молот для разбивания костей и вышел. Верхний конец входного бревна откусил, тоже проглотил. Потом вышел из землянки, к морю пошел. Пришел.

Встретил волка.

— Здравствуй, братец! Откуда ты?

— Сказать тебе, так из дому.

Сказал волк:

— Давай отрыгнем!

Куйкынняку ответил:

— Ты первый!

Волк сказал:

— Постели камлейку!

Постлал Куйкынняку камлейку. Тотчас волк всякую пищу и костный мозг отрыгнул. Сказал:

— Теперь ты давай!

Отрыгнул Куйкынняку камень для толчения, молот для разбивания костей и кусок входного бревна.

Волк сразу в тундру ушел. А Куйкынняку собрал все, что волк отрыгнул, и домой понес. Принес, сказал:

— Мити, на костный мозг!

Мити спросила:

— Откуда у тебя костный мозг?

Куйкынняку сказал:

— Убил я диких оленей. Там в тундре оставку сделал.

— Ну-ка, живо, пойдем возьмем!

Очень быстро собрались. Мити спальную оленью шкуру взяла. Чичисэн камень для толчения костей на плечи взвалил, Рира — молот для разбивания костей. А Уала¹ очаг на плечи взвалил. Отправились.

Вскоре Уала закричал:

— Ой-ой-ой, горячо!

Куйкынняку сказал:

— Сейчас, сейчас придем!

Пришли к оставке, оказалось, это кочка, поросшая клюквой.

Мити спросила:

— Где же дикие олени?

Куйкынняку сказал:

— Еще не пришли. Вон они, у той кочки!

Дошли. Опять кочка, поросшая клюквой.

Мити спросила:

— Где же дикие олени?

— Вон там, сейчас придем!

Пришли — ничего нет. Куйкынняку воскликнул:

— А ну-ка, давайте в беге состязаться — кто первый до дому добежит! Может, я самым быстрым окажусь!

Побежали домой. Прибежали.

Мити сказала:

— Понапрасну только уморил нас. Сыновей с такой тяжелой ношей бегать заставил. Вон как дети устали, и все напрасно.

128. Куйкынняку — собиратель лахтачьего жира

Однажды Куйкынняку сказал жене:

— Собери ягод, я пойду лахтачий жир промышлять.

Отправился. Пришел к береговым жителям.

— Здравствуй, Куйкынняку! Зачем пришел?

— Угостите лахтачьим жиром.

Дали ему калаус, полный жира. Понес домой. На дороге дохлую лисичку нашел. Взял ее, сверху на калаус положил. Сказал:

— Ладно, Мити на опушку для кухлянки возьму.

А Чачучанавут потихоньку продырявила калаус и весь жир выпустила. А сама удрала. Жир замерз на снегу, она его весь собрала.

Вернулся Куйкынняку домой. Мити спросила:

— Где же лахтачий жир?

— Там, снаружи, в калаусе.

Вышла Мити.

— Ничего нет!

Куйкынняку сказал:

— Эх, видно, продырявила Чачучанавут калаус!

Так и не поели толкуши. Хоть и выжимал Куйкынняку калаус, ничего не мог выжать — пусто.

Опять отправился Куйкынняку лахтачий жир промышлять.

Пришел к береговым жителям.

— Дайте лахтачьего жиру.

— А где же калаус, что мы тебе давеча дали?

— Эх, Чачучанавут его продырявила!

Дали ему другой калаус, полный жира.

Чачучанавут сказала лисятам:

— Эй, живо, срежьте мне волосы с половины головы и бровь с ресницами на одном глазу!

Срезали лисята. Побежала навстречу Куйкынняку:

— Дай жирку! Хоть кусочек! Я ведь твоя давнишняя родственница.

Дал ей жиру. Вернулась домой лиса.

— Теперь живо усы и бороду мне налепите. Пойду опять Куйкынняку встречу.

Налепили. Побежала. Увидел ее Куйкынняку, сказал:

— Здравствуй! Кто ты?

— Да ведь это я, твой двоюродный брат. Дай мне жиру немного.

Дал ей жиру. Побежала Чачучанавут домой. Прибежала и говорит:

— Эй, живо, обстригите меня всю! Опять побегу навстречу Куйкынняку!

Обстригли. Побежала. Встретила Куйкынняку. Куйкынняку говорит:

- Здравствуй! Ты кто?
- Да ведь я твой двоюродный брат!
- Куда бежишь?
- Да так просто. Дай мне жирку немного.

Дал жиру. Последнее, что было в калаусе, отдал. Вернулся Куйкыннюку домой. Мити его спрашивает:

- Где жир?
- Нет жира. Что поделаешь! Родственники калаус опустошили.

Опять отправился Куйкыннюку к береговым жителям. Пришел.

- Здравствуй! Зачем пришел?
- Жиру прошу.
- Много же ты жиру съедаешь!

— Да нет. Это все потому, что всех своих родственников по дороге встретил и все жиру просили. Теперь уж в рот наберу.

Набрал в рот. Отправился. Встретил на пути Кривляку. Рассмеялся и выронил жир изо рта. Пошел домой. Пришел. Мити спросила:

- Где жир? Совсем ты никчемный, жир принести домой не можешь!
- Что поделаешь? Встретился мне на пути Кривляка, не мог я от смеха удержаться и выронил жир.

Опять пошел к береговым жителям. Пришел.

- Привет, Куйкыннюку! Зачем пришел?
- Жиру прошу.

Опять в рот взял. Домой отправился. Снова встретил Кривляку. Как ни отворачивался, не мог удержаться от смеха. Выронил жир. Пошел домой ни с чем.

Мити спросила:

- Где жир?
- Вот, опять я встретил Кривляку. Как ни отворачивался, не мог от смеха удержаться.

Тогда решил разбросать Куйкыннюку возле проруби куски юколы. Пришла туда Чачучанавут с лисятами. Примерзли куски юколы. Не могут лисята отодрать. Стали на них мочиться, чтобы оттаяла юкола. Что ж, только сами примерзли, а у Чачучанавут хвост примерз.

Тут Куйкыннюку пришел. Чачучанавут крикнула:

- Скорее вставайте!

Что ж, не могут встать, только головками крутят. И сама Чачучанавут примерзла, не может убежать.

Подошел Куйкынняку и стал лисят палкой избивать. А Чачучанавут приговаривает:

— А ну-ка! А ну, еще одного убей! А-ха-ха-ха! Весело! — А у самой глаза от гнева выпучились.

Что ж, дернулась изо всех сил, оторвалась и удрала. Бесхвостая удрала. Хвост на льду остался.

129. Куйкынняку и Мынкусын

Однажды Мынкусын в тундру промышлять пошел. Пришел. Во мху спрятался.

Вскоре подходит дикий олень. Достал Мынкусын свой нож, пырнул дикого оленя. Убил, на плечи взвалил. Домой понес. Пришел. Мать спросила:

— Кто это тебе дал?

— Сам убил.

Опять пошел в тундру Мынкусын. Взобрался на большое дерево. Вдруг увидел: медведь по склону горы идет. Подошел медведь.

— Здорово, Мынкус!

— Э!

— Что делаешь, Мынкус?

— Деревья рублю.

— А для чего деревья?

— Хоть для чего.

— Наверное, и кедровых шишек набрал?

— Конечно! Уже два балагана кедровыми шишками наполнил.

— А если я у тебя жить буду?

— Не знаю я, может, моя мать не захочет.

— Если не возьмете меня, я тебя съем.

— Что ж, ладно, приходи к нам жить.

Пришел медведь.

— Здравствуй, медвежье существо!

— Здравствуйте! Вот пришел я.

Сразу два чайника чаю выпил, две вязки юколы съел. Сказал:

— Сколько же у вас запасов осталось? Вижу, совсем немного осталось. Как только половину запаса в балагане съем я, придется мне тебя с матерью съесть.

Пошел Мынкусын в тундру. Пришел и начал плакать. Куйкынняку услышал, догнал его.

— Здравствуй, Мынкус! Что с тобой?

— Ох, очень худо! Медведь сказал, как запасы прикончит, меня с матерью съест.

— Ничего, Мынкус, не плачь! Завтра я к вам с копьём приду. Да еще наточу его хорошенько.

На другой день пришел Куйкынняку. Медведь спит, наевшись.

Встретил его Мынкусын.

— Здравствуй, Куйкынняку! Пришел ты.

— Э! Пришел!

Оглянулся Куйкынняку по сторонам.

— Что это там в углу кухлянка шевелится? Будто дышит кто-то под ней.

Мынкусын сказал:

— Там медвежьи шкуры кухлянкой прикрыты.

Потом опять сказал:

— Пойду-ка я на двор по нужде!

Мать сказала:

— И я, пожалуй, пойду.

Как только они вышли, всадил Куйкынняку копьё в медведя и убил.

— Эх, давно мы не ели медвежатины!

Вернулись Мынкусын с матерью. Куйкынняку говорит:

— Ну вот, обеспечил я вас запасом пищи.

— Хорошо! Возьми и себе медвежатины.

Взвалил Куйкынняку на плечи медвежью ногу. Пошел домой. Пришел:

— Возьми, Мити, медвежью ногу.

130. Эмэмкут и Хаеэлгыт

Однажды Эмэмкут сказал:

— Куда это все товарищи ушли? Даже следов не видно.

Куйкынняку сказал:

— Хаеэлгыт сватать пошли.

Эмэмкут сказал:

— Пойду-ка и я тоже посватаюсь.

Сказал ему Куйкынняку:

— Куда тебе идти! Какой ты жених!

— Ничего, я просто так пойду.

Пошел. Пришел. Ого, сколько народу собралось! Сказали Эмэмкуту:

— Ну, вот и ты пришел. А мы уже домой собираемся. Пора. Вошел Эмэмкут в жильё. Видит — там две семьи живут. С одной стороны женские торбаза висят, с другой стороны — мужские. Сел Эмэмкут с той стороны, где мужские торбаза висят.

Стали его угощать.

— Не буду я есть!

— Почему отказываешься?

Сказал:

— Не хочу!

Тут как раз невеста домой вернулась: в мужские штаны одета и тушами диких оленей нагружена. Промышлять ходила. Вошла, сказала матери:

— Накормите меня!

Стали ее кормить. Тут и Эмэмкут стал есть. Невеста берет кусок, а он ее за руку хватает. Сказала Хаеэлгыт:

— Почему раньше гостя не накормили? Голодным оставили.

Вдруг ударил ее Эмэмкут ножом по руке.

Вскочила Хаеэлгыт, наружу выбежала. Немного погодя Эмэмкут за ней вышел. Что же — нет нигде Хаеэлгыт. Не может никак найти.

Потом сестра Куйкыннюку сказала ему:

— Там есть входное бревно до самого неба.

Вернулась Хаеэлгыт, опять тушами диких оленей нагружена. Сказала:

— Вот, возьмите десять диких оленей!

Эмэмкут их всех мизинцем поднял. Вошел. Сказал Хаеэлгыт:

— Давай будем играть!

Стали все вместе в мяч играть возле жилья. Один Эмэмкут мяч гоняет. Никто не может у него мяч отнять.

Тогда сказал отец Хаеэлгыт:

— Хоть и отказывается она за тебя идти, бери ее в жены!

Взял ее в жены. Домой вернулись. Стали жить вместе.

131. Сын Эмэмкута

Жил Эмэмкут с женой. Было у них двое детей. Послали их рыбу удить. Одну камбалу поймали. Сварили. Эмэмкут сказал детям:

— Пойдите, ягод соберите.

Пошли. Скоро вернулись.

— Вот ведь, нет ягод. Ни одной ягоды нет.

Что делать, стали одну вареную рыбу есть. Наелись. Попрыгали, с боку на бок переваливаясь. Проголодались — ут-ряслась еда в животе.

— Ой, голодно!

— Давайте откочуем отсюда!

Откочевали по первому снегу.

— Вон там красивая гора, там и остановимся.

Остановились. Стемнело. Спать легли, заснули.

Увидел Эмэмкут сон. Проснулся, жене сказал:

— Худо! Если здесь останемся, придет нынвит и съест нас.

Начали не мешкая оленей ловить. Рассветать стало. Поймали всех оленей. Вдруг стемнело.

— Ой, что это темнеет?

А это нынвит идет, по-волчьи воет:

— Эге! Съем вас!

— Скорее пойдем отсюда!

— Куда пойдем? Слышишь ведь, нынвит подходит, по-волчьи кричит, говорит: «Съем вас!»

Испугались все, заплакали. И побежали скорее от нынвита, а новорожденного мальчика оставили. Плачет мальчик, зали-вается.

Подошел к нему нынвит.

— Хэк! Вырастет у меня, пригодится в голодное время.

Вот вырос мальчик, а нынвит сильно изголодался. Сказал:

— Что ж, хороший мальчишка стал, большой и жирный. Съем-ка я его!

Начал есть. Чавкает.

А мальчик стал у нынвита в брюхе царापаться.

— Ой-ой! Убивают меня! О-хо-хо-хо!

Лопнуло брюхо. Вышел мальчик целехонек, а нынвит сдох.

132. Сестры Эмэмкута

Ныпайваелгын¹ сказал:

— Испытаем своих сестер!

Эмэмкут сказал:

— Плохие мои сестры.

Ныпайваелгын отвечает:

— Ладно, ничего.

Пошли в тундру для испытания. А Ныпайваелгын в речку вошел.

Сказала Хайсянэру, сестра Эмэмкута:

— Пить хочется!

Ответили ей:

— Там в котле вода, попей!

— Не хочу я, пойду по воду.

Пошла по воду, пришла к речке, а в речке рыба голец плавает. Засучила рукав до плеча, стала воду черпать, а голец как засмеется!

Побежала девушка домой, прибежала, сказала старшему брату:

— Ну вот, мою голую руку видели!

Пошел Ныпайваелгын, стал всем рассказывать:

— Плохие сестры у Эмэмкута!

Тогда пошел Эмэмкут сестру Ныпайваелгына разыскивать. Создал кита и вошел в него. Отправился туда, где сестра Ныпайваелгына жила, и выбросился возле ее дома на берег.

Вышла из дома девушка, сказала:

— Пойду на морской берег. Может, море что выбросило.

Пришла. Увидела: китище лежит.

Сняла рукавицы, торбаза, кухлянку, потом женские штаны.

Совсем голая на кита взобралась и стала плясать.

Вышел тайком Эмэмкут из китового нутра.

— Ого! Голая на ките пляшет!

Что ж, унес потихоньку всю ее одежду: кухлянку, торбаза, рукавицы и женские штаны. Совсем голую оставил.

— Хоть рукавицы отдай!

— Нет!

Вышел Ныпайваелгын, сказал:

— Что это там виднеется? Как будто белый медведь бродит?

Потом сестру узнал. Подошел к ней. Ох и рассердился! Сильно изругал девушку.

— Вот ведь, совсем голую тебя видели!

Внес ее в жилье и запретил выходить из полога. Да и как же ей выйти? Стыдно ведь!

Что ж, все женихи к Эмэмкуту перекочевали. Взяли в жены сестер Эмэмкута.

133. Куткынняку и шаманки

Не просыпается дочка у Куткынняку. Отправился Куткынняку искать целебную траву. Всю землю обыскал, один мыс остался. Очень устал Куткынняку, на четвереньках дальше пополз.

— Если этот последний мыс обойду и никакого лекарства не найду, больше уж негде будет искать.

Всю землю обошел. Наконец до края земли дошел. Увидел через входное отверстие юрочки¹: две женщины с бубнами в руках рядом танцуют, длинные косы за спину закинута. С самого сотворения жизни на земле спорят они между собой, кто лучше из них шаманит. Одну зовут Энэнтилнэввыт, другую — Энэньяунэввыт. Всем, не имеющим жизни, дают долгую жизнь, к земной жизни возвращают. Хороший сон им дают, радость и желание жить. Слушал их Куткынняку, слушал и начал дремать. Надоело слушать, вытянул за косы женщин наружу и спрашивает:

— К каким больным вас лечить вызывают?

— Ты, видно, когда слушал, дремал? Нас ко всяким больным вызывают, всяких больных мы лечим, к жизни возвращаем, долгую жизнь даем. Как узел развязываем, радость возвращения к жизни пробуждаем. Хороший аппетит даем и светлую долгую жизнь.

Взял этих двух женщин-шаманок Куткынняку, домой привез. Положил их к вискам дочери с обеих сторон — такие шаманки маленькие были. Начали они в бубны бить, наутро радостное пробуждение вызвали. Узнали причину болезни, отчего жизненная сила гибнет, отчего она слабеет. Стали обо всем этом в песнях своих петь. Слушает их больная, засыпает, жизненная сила к ней возвращается. Перестала метаться, беспоконься. Дали ей шаманки долгую жизнь. Освободили от злых духов и тем самым вылечили.

134. Куткынняку и нынвиты

Жил Куткынняку вместе со своей женой Миты. Куткынняку — вороний старшина. Миты — сорочья дочь. Женился Куткынняку на Миты, отправились они домой. По пути к красивому месту пришли. Куткынняку сказал:

— Миты, переночуем здесь.

Назавтра рассвело. Подумал Куткыннюку, сказал:

— Вот хорошее место для поселка.

Потом сказал жене Миты:

— Давай здесь начнем строить жилье. Очень место красивое.

Миты ответила:

— Твои отцы, матери дома находятся, а мы здесь что будем делать?

Сказал Куткыннюку:

— Зачем мне теперь родители? Не нужны они мне больше. Самостоятельно станем жить.

Начал строить жилище. Прочное жилище построили. Родила Миты первого ребенка — назвали его Амамкут. Очень сильный человек Амамкут. Потом родила второго ребенка, назвали его Кигыгысыняку. Этот очень шаловливый рос. К тому же был очень сильный. Затем родила Миты третьего ребенка, дочь по имени Тиниэнэввут. Очень красивая была женщина. Четвертого родила ребенка — сына, имя ему дали Котгану.

Вот как-то заметили они, что огонь в костре, который они разжигают, всегда очень сильно шумит.

Тиниэнэввут сказала отцу Куткыннюку:

— Отец, почему наш костер так сильно шумит? Едва разожгу, сейчас же начинает шуметь.

Куткыннюку сказал детям:

— Ну, дети, наш костер что-то очень сильно шумит. Это значит, что хочет на нас какой-то народ напасть. Когда стемнеет, только луна взойдет, отправляйтесь в дорогу.

Когда стемнело, вышли из дому трое сыновей Куткыннюку: первым пошел Амамкут, вторым — Кигыгысыняку, третьим — Котгану. Подошли к жилой крепости, очень много в ней народу собралось. Крепость эта — большущая юрта, а в ней нынвиты на совет собрались. Стали Амамкут, Кигыгысыняку и Котгану подслушивать. Старшина нынвитов — Гывкуку, помощник у него — Найыкват. Вот и говорят нынвиты:

— Луна народится, нападём на куткыннюкувцев, сколько человек убьём.

Тут один нынвит сказал:

— Тише, так громко говорить нельзя. Может быть, наши «друзья» недалеко и все слышат. А может, Амамкут и Кигыгысыняку гораздо сильнее вас!

Тогда Гывкуку сказал:

— Нас очень мало. Опасно с ними мериться силами. У них ведь три сына и сам Куткыннюку четвертый.

Услышали это Амакут, Кигыгысыняку и Котгану, тотчас домой отправились. Пришли домой, сказали отцу:

— Очень много нынвитов в крепости. Собираются они на нас напасть. Народится луна, придут и начнут убивать нас.

Куткынняку спросил:

— Кто там старшина?

Амакут ответил:

— Гывкуку там старшина, а помощником у него Найыкват.

И сказал Куткынняку:

— Не смогут они нам ничего сделать, издревле эти нынвиты — мои «игрушки».

И вот напал на семейство Куткынняку отряд нынвитов. Приготовился Кигыгысыняку один биться, сказал братьям:

— Подождите, оставайтесь дома, я один с ними справлюсь.

Надел Кигыгысыняку железные рукавицы и напал не мешкая на врага. Ни копыя, ни лука с собой не взял. Начал сокрушать нынвитов. Скоро весь отряд нынвитов уничтожил. Вернулся в юрту — только железные рукавицы все в крови.

Отец сказал:

— Помните, я вчера говорил вам, что эти нынвиты — мои давнишние «игрушки»? Я всегда их своими железными рукавицами побивал. Когда бы ни напали на меня, даже согреться как следует в битве с ними не успеваю.

135. Ворон Вэлвимтилын

Проглотил ворон Вэлвимтилын солнце. Лежит ворон, а пурга разыгралась, не останавливается, потому что ворон солнце проглотил.

Говорит Эмэмкут своей дочери Клюкэнэвыт:

— Сходи-ка к ворону Вэлвимтилыну, позови сюда.

Пошла на улицу, на нарту села. Вышла женщина, говорит ворону:

— Вставай! Там пришли к тебе.

Спрашивает ворон:

— Кто?

Отвечает женщина:

— Клюкэнэвыт, дочь Эмэмкута.

Ворон говорит:

— Ну вот еще! М-м-м!

Не проясняется. Еще больше пуржит. Пришла домой Клюкэнэвыт. Эмэмкут спрашивает:

— Где же ворон?

Отвечает Ключэнэвыт:

— Не пошел он со мной. Сказал: «Вот еще!»

Говорит Эмэмкут дочери Инианавыт:

— Причешись-ка хорошенько, пойди к ворону.

Причесалась, принарядилась красавица Инианавыт, пришла к Вэлвимтилыну, села. Вышла женщина и сказала:

— Ворон, вставай! Хватит притворяться! Пришли за тобой.

Ворон спрашивает:

— Кто?

Отвечает:

— Инианавыт.

Увидел Вэлвимтилын девушку и захохотал от радости: «Па-га-га!». Да, хохоча, солнце и выплюнул. Прояснилось небо. Кончилась пурга. Ворон говорит Инианавыт:

— Поедем вместе к Эмэмкуту.

Поехали вдвоем. Инианавыт говорит ворону:

— Поезжай вперед!

Взяла длинную острую палку. И проколола ворона. Пусть не проглатывает солнца! Пусть всегда будет ясно, пусть не будет пурги!

Высоко на палке повесила Инианавыт ворона Вэлвимтилына.

136. Как Рэра потеряла жениха-медведя

Однажды ушла Тиниэнэввут далеко от дома по ягоды. Много ягод набрала, все корзины наполнила. Вышла на большое открытое место и села отдохнуть. Вдруг появилась медведица и набросилась на Тиниэнэввут. Медведица таскает ее по земле, бьет о землю, а Тиниэнэввут притихла, старается не кричать, несмотря на сильную боль. Вдруг медведица и говорит:

— Пойдешь со мной в наш дом!

Тиниэнэввут молча повиновалась. Пришли домой к медведице.

— Приготовь килыкил и разделай рыбные головы,— приказала медведица.

Приготовила Тиниэнэввут из своих же ягод килыкил. Много получилось еды, большое блюдо с верхом наполнено. Затем разделала Тиниэнэввут сырые рыбы головы. А как все закончила, медведица ей сказала:

— Спать будешь в моем пологе. Вечером мои братья придут, но ты не бойся, сиди молча в пологе.

Опять Тиниэнэввут послушалась медведицу. Вошла в ее полог и спать легла.

К вечеру вернулись домой три медведя. Не пошли сразу в жилище, а начали лапами землю скрести, сестру-медведицу спрашивать:

— Откуда у нас человеческий запах?

Сестра-медведица ответила им:

— Да это я сегодня валялась в золе старого костра, который люди когда-то жгли. Вот и принесла их запах домой.

Успокоились медведи, вошли в жилище. Поставила сестра-медведица перед ними блюдо с едой.

— Что это сегодня так много килькил и рыбьих голов приготовлено? — спросили братья-медведи сестру.

— День сегодня был солнечный, ягоды хорошо заметны, вот я и набрала за день больше, чем обычно. И зубы у меня сегодня не болят, потому и сырых рыбьих голов так много для вас разделала, — ответила им сестра-медведица.

Поели медведи, стали ко сну готовиться. Уложила сестра-медведица своих братьев в другом пологе. А Тиниэнэввут тем временем сидит молча в пологе медведицы. Очень ей страшно. Еще до возвращения медведей она тщательно размяла их домашние торбаза, чтобы им легче было в них спать. Уложила медведица своих братьев, вошла в свой полог и легла рядом с Тиниэнэввут.

Рано утром, едва рассвело, разбудила медведица Тиниэнэввут и сказала ей:

— Перед тем как выйти наружу, обойди вокруг спящих медведей по ходу солнца и тихонько толкни ногой медведя, который ближе всех к выходу лежит.

Обошла Тиниэнэввут вокруг спящих медведей и осторожно крайнего ногой толкнула. Заворчал медведь сквозь сон, но не проснулся. Затем медведица показала Тиниэнэввут тропу и велела по ней домой идти. При этом сказала:

— Если увидишь, что за тобой по следу медведь идет, не пугайся и крика не поднимай.

Отправилась Тиниэнэввут домой по указанной медведицей тропе. Оглянулась у невысокого холма, видит — за ней медведь гонится. Вспомнила Тиниэнэввут наказ медведицы, не побежала прочь. Догнал ее медведь, сбил с ног, стал по земле катать. Молчит Тиниэнэввут, не сопротивляется. Вдруг крик ребенка раздался. Это Тиниэнэввут сына родила. А медведь

тут же в молодого человека превратился. Взял он Тиниэнэввут себе в жены, повел домой, и стали они жить вместе.

Наступила зима. Приготовила Тиниэнэввут теплую одежду к зиме, а муж (он уже опять медведем стал) утепленные нарты сделал, и стали они собираться в гости к родителям Тиниэнэввут — к Куткыннюку и Миты. Посадили сына в нарты и пешком в путь отправились. Как стали к дому родителей Тиниэнэввут подходить, медведь снова в молодого мужчину превратился. Встретили родители их очень хорошо.

Начало вечереть. Рэра (сестра Тиниэнэввут) спросила сестру:

— Где это ты себе такого хорошего мужа нашла?

Рассказала Тиниэнэввут все подробно, что с ней приключилось в тундре, когда она за ягодами ходила. Видит, готова Рэра сейчас же в тундру отправиться. И посоветовала ей во всем медведицы слушаться, если та ей в тундре повстречается. Выслушала сестру Рэра и отправилась в тундру, в то самое место, где когда-то Тиниэнэввут с медведицей встретились. Села отдохнуть. Вдруг идет медведица. Стала Рэру бить, по земле катать. Затем к себе домой привела и приказала приготовить еду для ее братьев-медведей. А Рэра ленивая была, мало успела ягод собрать, потому и килькил получился почти без ягод. И рыбьих голов разделала мало. Попросила ее медведица домашние торбаза братьев-медведей размять, чтобы им мягче было в них спать. Не стала Рэра торбаза разминать, а срезала с них жилы и съела. Наказала ей медведица не пугаться, когда придут домой ее братья-медведи, и велела утром, перед возвращением домой, обойти медведей по ходу солнца, а крайнего тихонько ногой толкнуть.

Наступил вечер. Вскоре пришли медведи, опять сестру спрашивают, почему дома человеком пахнет.

Сестра ответила, что валялась она днем в золе костра, который люди разводили.

Сели медведи есть.

— Хороший килькил, — говорят, — но почему ягод в нем мало? И рыбьих голов мало разделано?

— Погода сегодня плохая, ягод совсем не видно, — ответила сестра-медведица. — Да и зубы у меня разболелись, поэтому рыбьих голов так мало разделала.

Поели медведи, спать улеглись. А Рэра, сидя в пологе медведицы, так испугалась медведей, что даже обмочилась.

Рано утром вышла Рэра тихонечко из полога, сразу наружу бросилась и по тропе домой побежала. Оглянулась у невысо-

кого холма, видит — нагоняет ее медведь. Испугалась Рэра, закричала. Катает ее медведь по земле, а она кричит:

— Ой, помогите! Ой, убивают меня!

Услышали ее крик братья Эмэмкунтэк и Сисисын. Быстро с горы спустились и убили стрелами медведя. Выскочил из шкуры убитого медведя молодой мужчина и бросился бежать по направлению к дому. Стала Рэра горько плакать, упрекать братьев за то, что они убили человека.

Сказали ей братья:

— А зачем ты кричала, что тебя убивают?

— Догоняй теперь своего жениха, здесь только его шкура лежит!

Рэра рассердилась на братьев. А что поделаешь — упустила она жениха из-за лени, трусости и непослушания.

137. Сказка про старика, отдавшего детей

Жили старик со старухой. Было у них двое детей — мальчик и девочка.

Старик все время чируч ставил. Раз утром пошел к чиручу, посмотрел, домой возвращается. Дорога мимо ключа шла. Захотелось старику пить, припал он ртом к воде. Вдруг чем-то ему голову придавило. Прямо на песок упал лицом, не может встать. Задышаться начал и все-таки успел крикнуть:

— Эй, кто ты ни есть, отпусти! Отойди, детей тебе отдам!

И сразу же отпустило его. Вскочил старик, посмотрел — ничего не видно. Сразу домой пошел. Пришел домой, старухе ничего не сказал.

А дальше вот что было. Старик детям сказал:

— Хоть когда-нибудь сходили бы к чиручу!

Отправились брат с сестрой к чиручу. Пришли, кое-чем нагрузились и отправились. Далеко пошли. И вот остановило их что-то в какой-то земле. А они и не помнят, куда идут. Остановило и посадило их, а потом говорит:

— Вот дом!

И опять:

— Вот дом!

Ну что ж, сидят брат и сестра прямо под открытым небом. А это, оказывается, кэле их сюда привел. Лег кэле на землю спать и сразу уснул.

Проголодались дети. Стали ягоды искать. Вдруг кэле про-

снулся, побежал детей искать. Догнал, стал за уши трепать:

— Вон дом, вон дом!

Взвалил их на спину и притащил обратно. Опять говорит им:

— Тихо, тихо.

Усадил их хорошенько, приговаривает:

— Вот дом! Вот дом! Тихо сидите.

Уселись они, а он, окаянный, сразу уснул. Храпит, все равно как трактор громыкает.

Опять дети пошли ягоды искать. Вдруг видят — дикий олень идет, рядом с ними остановился. Говорят они ему:

— Посади-ка нас к себе на спину! Мы домой хотим!

Дикий олень спрашивает детей:

— Что вы здесь делаете?

Говорят они ему:

— Нас, наверное, кэле сюда утащил!

Говорит тогда олень:

— Ну ладно, садитесь верхом. Отвезу я вас домой!

Сели они оленю на спину. Быстро дикий олень побежал. Дети, как на велосипеде, покатали.

Но вот немного погодя видят — кэле их догоняет. Кричит всюду:

— Подожди, подожди, дикий олень! Куда ты бежишь, та-кой-сякой?!

Услыхал дикий олень, говорит детям:

— Прыгайте скорее, прыгайте!

Спрыгнули. Убежал олень прочь. Догнал его кэле, говорит:

— Зачем чужих детей утащил?

А дикий олень отвечает:

— Да я не утащил. Просто решил позабавить их. Что же это они, бедняжки, сидят как привязанные!

— Ну ладно. Только больше не уноси их!

Убежал дикий олень. А кэле схватил детей за уши и начал ругать:

— Ишь что выдумали! Такие маленькые, а хотели убежать! Этот дикий олень не может без моего позволения быстро бежать.

Потащил их домой. Притащил, опять усадил.

— Вот он дом! Вот!

А сам сразу же уснул.

Опять дети вдвоем сидят, ничего не делают. Опять есть захотели, за ягодами пошли.

Вдруг видят — идет мимо них медведишко.

— Здравствуйте, ребятишки! — говорит. — Что вы делаете одни в пустой тундре?

А дети говорят:

— Да ведь нас притащили сюда!

Медведь спрашивает:

— Кто же вас притащил?

Отвечают дети:

— Да какое-то страшилище. Кэле, наверное.

И медведь говорит:

— Да, кэле. А домой хотите?

Говорят дети:

— Очень хотим. Только как же домой добраться?

— А-а-а, садитесь на меня верхом!

— Только ведь все равно нас окаянный кэле догонит. Ну ладно, хоть покатаемся, все не так скучно будет.

— Ну, садитесь!

Сели дети. Быстро побежал медведище. Далеко убежал, дальше, чем дикий олень. Вдруг сказал:

— Быстро слезайте, спрыгивайте! Догоняет он нас.

А кэле уже кричит:

— Подожди! Все равно, медведь, я тебя догоню!

Дети сразу слезли. Медведишко стоит, ждет. Подходит к нему кэле.

— Ты что это чужих детей таскаешь?!

Медведь говорит:

— Да не утащил я их. Они сами сказали: «Покатай нас, а то нам скучно».

— Ну ладно. А я думал, наверное, медведь хочет утащить их.

Медведь сразу ушел. Поволок кэле детишек домой за руки.

Бросил еще дальше и говорит:

— Вот дом! Вот дом!

А сам опять уснул, такой-сякой!

Вот сидят детишки просто так. Видят — бычок-теленочек к ним идет. Травку щиплет. Вдруг заговорил:

— Здравствуйте, братцы! Что вы здесь делаете?

Говорят они ему:

— Да ведь это мы дома сидим!

— Где же дом? Не видно.

Тогда они ему говорят:

— Не кричи! Вон хозяин спит.

А он еще ближе подошел.

— Откуда вы пришли?

Они ему тихонько отвечают:

— Утащил нас вот этот.

— Может, домой хотите?

Говорят они ему:

— Очень хотим!

— Ну, садитесь на меня верхом!

А сам-то он маленький, пузатенький. Засмеялись дети, говорят ему:

— Да неужто ты можешь нас домой отнести? Ведь посильнее тебя были и попроворнее и то не смогли.

А он им говорит:

— Ну ладно, хоть просто так покатаетесь!

Еще поближе подошел к ним. Что ж, дети, посмеиваясь, сели верхом. Теленок говорит:

— Ох, тяжело!

И пошел в сторону кэле, а кэле еще сильнее стал храпеть. Дети говорят ему тихонько:

— К кэле-то не подходи!

А бычок отвечает:

— Да вот мы уже и отправились!

Шагнул прямо через лапы кэле. И запнулся. Растянулся плашмя прямо на лапах у кэле. Вскочил кэле, испугался да как со сна пнет их! Так что дети с теленком к небу взлетели.

Смотрит кэле — нет детей. И никто даже следов никаких не оставил. Только от теленка маленькие следы.

А дети с теленком на том берегу моря очутились. Кэле целый день их искал, не нашел. В очень хорошем месте дети очутились, на морском берегу. А бычок-то пропал — как не бывало бычка. Глянула девочка — а она уже в доме. Обошла дом, осмотрела: очень дом красивый. Вышла, стала вокруг дома ходить. И правда, очень хороший дом. Все в нем есть. Утварь домашняя вся есть. Еда есть. И комнат много.

Вдруг увидела в одной из комнат двух ушастых собак. Обрадовались они девочке, стали за ней следом ходить, как за хозяйкой.

А брат девочки в тундре был. Поздно домой пришел. Увидел домище огромный, сказал:

— Ой-ой-ой, какой дом большой!

Подходит — вдруг сестра из дома вышла. А за ней две собаки следом идут. Стала сестра брату рассказывать. Говорит:

— Смотри-ка, наш домище!

Брат спрашивает:

— Откуда он?

Сестра отвечает:

— Теленочек наш исчез. Глянула я — а уже в доме нахожусь. Стала по дому ходить. Вдруг в одной комнате вот этих собак увидела. Наверное, нам они в товарищи назначены. Сразу мне обрадовались, как за хозяйкой ходить стали.

Очень обрадовался брат, сказал:

— Вот ведь хорошо! Какого хорошего теленочка мы нашли. В дом превратился. Ну ладно, тут и остаемся навсегда жить. Место очень хорошее, нетронутое. Много зверя, в речках много рыбы. Ну, пойдем в дом!

Пошли. В доме тепло-о-о и светло. Собаки от парня не отстают, как привязанные. Стал он их всюду с собой брать, куда бы ни пошел.

Да-а-а... А потом вот что было. Расчесывала девушка на берегу моря волосы гребнем. Вдруг слышит — на том берегу кто-то кричит. Стала в ту сторону смотреть. Видит — человечиче расхаживает. Кричит ей:

— Эге-гей, перевези меня!

Девушка сразу гребень бросила в воду. И что же! Из гребня большой мост получился: один конец здесь, другой — на том берегу в морскую гальку воткнулся. Пошел человечиче по мосту. А девушка-то держит мост из гребня. Подошел ближе. Оказывается, это давнишний кэле. Говорит ей:

— Ага, вот вы, оказывается, где. Все-таки нашел я вас, таких-сяких!

Девушка только сказала:

— Да, вот ты и пришел.

— Ага, вот это ваш дом! Ладно, давай-ка в него пойдем!

Вошли в дом. Кэле говорит:

— Ну, как же это вы от меня убежали? Я вас с тех пор все время ищу. Наконец-то нашел! Ты глянь-ка! Уже девушкой стала. Теперь будем вместе жить. А если не согласишься, добра тебе не будет.

Что ж, согласилась девушка. Потому что ведь не может убежать — сразу ее кэле схватит. Говорит кэле:

— Только надо сначала брата твоего убить.

Девушка говорит ему:

— А как же мы его убьем?

Кэле говорит:

— Отравленную пищу приготовь. Похлебку.

Девушка говорит:

— Нет у меня такой пищи.

Дал ей кэле отраву и сказал:

— Вот смешай с пищей. А я попозже в какой-нибудь комнате спрячусь. Придет брат, угости его, приветливо разговаривай. А то догадается.

Стали брата ждать. Кэле спрятался, а брат только поздно вечером пришел. Собаки, как стали к дому подходить, сильно рассвирепели. Даже шерсть дыбом встала. Впереди идут. Брат у них спрашивает:

— Что такое, собачки? Что это с вами? Никогда раньше вы так не подходили. — И вошел в дом.

Собаки в доме еще сильнее забеспокоились. Бросаются на девушку. Тут стала она его угощать. Собачищи всю пищу расплескали.

Что ж, догадался парень. Спрашивает сестру:

— Что же это собаки так себя ведут?

Сестра говорит:

— Да, наверное, проголодались.

Брат сказал:

— Однако вчера хоть и проголодались они, а такого с ними не было. Может, к тебе кто скверный пришел?

— Да нет, кому же прийти!

Говорит брат:

— Ладно, утром я опять в тундру отправлюсь.

А кэле очень испугался. Лежит, боится пошевелинуться. Уснул брат, собаки по сторонам его постели разлеглись. Сторожат хозяина.

Наутро брат далеко в тундру отправился. Идет. Скоро волчью стаю нагнал. И вот ведь — окликнули его волки. Старый волк сказал:

— Эй, куда ты с друзьями отправился?

Парень говорит:

— Далекo я пошел.

Волк сказал:

— Из-за чего тебе дома плохо стало?

А парень говорит:

— Не могу в доме спокойно спать. Как будто какая опасность рядом. Мои друзья всю ночь меня охраняли. Вот я и ушел.

Старый волк сказал:

— Смотри-ка ты... Ну ладно! Я тебе тоже своих двух сыновей в товарищи дам. Не отказывайся!

Очень обрадовался парень:

— Что ж, хорошо! Давай мне своих сыновей в товарищи!

Сразу подошли к нему два большущих волка. А он им только сказал:

— Вот хорошо, товарищей у меня прибавилось.

И пошел дальше. Рядом с ним уже четверо товарищей идут.

Потом медвежью семью встретил. Медведи говорят ему:

— Ну и много у тебя товарищей!

Парень говорит:

— Да!

Медведица сказала ему:

— Ладно, возьми и моих сыновей в товарищи!

Парень еще больше обрадовался. Подошли к нему два годовалых медвежонка. Шесть товарищей стало. Где устроится на ночлег — вокруг него рядышком шесть сторожей лежат. А днем, где бы ни шли, еду приносят.

А потом еще лисишку догнал. Сказал лис:

— Ох, двоюродный братец, много у тебя товарищей! И меня тоже возьми!

Парень сказал:

— Ладно, братец, идем! Будешь меня развлекать!

Лис говорит:

— Ну что ж, как-нибудь и повеселимся.

Отправились. Звери все следом идут. Вот парень и подумал: «Теперь можно и домой вернуться. Товарищей много!»

Пошли обратно. Вот уж и дом близко. Вдруг лисишка говорит:

— Братец, подожди-ка здесь с товарищами. А я пойду, подкрадусь к твоему дому. Может, кто плохой в доме есть. Может, что-то замышляет против тебя.

Парень ответил:

— Хорошо, братец, иди! Мы тебя здесь подождем.

Побежал лис к дому. В окно заглянул. Видит: и в самом деле кэле с девушкой разговаривают. Кэле говорит:

— Сейчас брат придет. Скажи ему: «Истопил бы ты баню да накалил как следует. Пошел бы мыться». А как баня-то накалится, дверь сразу сама замкнется. Он там внутри и умрет, не сможет выйти. Дом весь железным делается.

А лис все это слышит. Кончили сговариваться, лис к товарищам вернулся. Пришел, сказал:

— Плохо, братец! И в самом деле худое против тебя замышляют. Кэле твоей сестре сказал: «Скоро брат придет, вели ему баню топить. Пусть очень сильно топит ее». Как ты в эту баню войдешь, дверь замкнется, ты и умрешь там.

Говорит парень:

— Как же мне быть?

Лис отвечает:

— Не бойся. Ничего с тобой не случится. Но только, когда будешь печь топить, не слишком накаливай, а чуть-чуть нагрей. Как выйдешь из бани, скажи сестре: «Натопил я баню, а сам опять ухожу». И сразу же уходи. Тогда кэле в баню пойдет. Тут мы с друзьями на него набросимся и разорвем его. А теперь иди, собак с собой возьми, а другие товарищи пусть со мной останутся. Ну, тебе пора!

Отправился парень. И собаки следом за ним пошли. Только вошел в дом, кэле опять спрятался. Сестра говорит ему:

— Наверное, очень устал, братишка? Истопил бы сначала баню и помылся.

— Ну что ж, и то правда, истоплю! Может, хоть ты в бане помоешься или кто другой. Хорошенько постараюсь натопить. Натоплю и сейчас же уйду. Хорошо бы кто-нибудь сразу и пошел мыться.

— Ладно, хоть и для кого другого натопи!

— Натоплю.

Вышел, стал топить баню. Сильно печку раскалил. Лис говорит:

— Ну, теперь хорошо!

Пошел из бани. Только вышел, дверь захлопнулась. А собаки не успели выскочить, в бане остались. Лис говорит:

— Ничего, выйдут! У них ведь зубы железные. Вон уже их видно.

Правда, выскочили. Только кровь из пасти идет.

Побежал парень в дом, сестре сказал:

— Ну, я пошел. Баня натоплена.

И пошел с собаками к друзьям. Подходят, лисишка говорит:

— Пойду-ка я посмотрю. Может, кэле уже в бане.

Пришел, заглянул в окно. Слышит, говорит кэле девушке:

— Ну ладно, схожу-ка я в баню!

И пошел, окаянный, в баню. Лисишка смотрит. Вошел кэле. А лисишка к друзьям побежал.

— Ну, теперь, братец, пойдём! Попался он нам! В бане уже, неладный.

Отправились. Пришли. Кэле еще моется. Спрятались около бани. Лис говорит:

— Выйдет сейчас кэле, вот уж я позабавлюсь, как его будут на части рвать.

Смотрят. Показался окаянный. Собаки первые на него бросились, стали за ноги хватать. Упал кэле, а тут медведи на него навалились. А волки за руки стали тянуть. Так и разорвали кэле на части.

А лисишка живот надорвал от смеха, чуть не умер — так смеялся. Кэле сразу вместе с его баней сожгли и домой пошли. Брат на сестру не сердится. Поели вместе с друзьями и спать легли.

Ночью сестра пошла на пожарище, где баня сгорела, и стала искать. Нашла клык кэле, принесла домой и в постель к брату сунула. Застонал вдруг брат и сразу умер. Оказывается, клык кэле прямо в сердце ему вошел. Зашумели друзья. А лис сказал:

— Ну-ка, попробуем вынуть клык! Не остыло еще тело товарища.

Говорит волкам:

— А ну-ка, попробуем! Я буду с одной стороны тянуть, с той, где дыра, а вы с медведем — с другой. Только тут ловкость нужна, а иначе клык в нас отскочит и всех убьет.

Начали тянуть. Лис со стороны раны тянет, волки и медведь — с другой стороны. Вдруг лис отскочил, словно мяч. Клычище прямо в тундру просвистел.

Паренек сразу глаза приоткрыл. Тут лис посадил его, сказал:

— Ну, братец, проснись!

Спрашивает паренек:

— Ох, что же это со мной было?

Лис говорит:

— Да вот ведь, убить хотела тебя твоя сестра!

Тут уж старший брат очень рассердился. Даже сказал:

— Она кэле стала. Теперь я ее убью!

Догнал ее, крючком зацепил, в скверный домишко кинул и поджег. Кончилась вместе со скверным домом.

Стали друзья хорошо жить. Много их, и лис вместе с ними. Все. Кончил я сказку.

138. Хитрый Вика

Жил один богач. Был у него брат. У богача были жена и дочь. И к этой дочери приходили свататься богатые юноши. И пригоняли тому богачу большие стада оленей, для того чтобы эту дочь купить за оленей. Но старик говорил всем:

— На что мне олени? Не купить вам моей дочери. Мне нужен только очень сильный человек.

Уходили юноши домой ни с чем. Потом опять один пришел. Очень сильный человек.

Сказал ему богач:

— Здесь у нас два великана ходят. Убей великанов, отдам тебе дочь.

Убежал юноша домой. Потому что увидел: не убить ему великанов — очень уж большие.

И вот прослышал об этом один парень. Звали его Вика. Совсем был небогатый. Одет кое-как. Но очень смекалистый и ловкий, хотя и не очень сильный. И вот отправился Вика к богачу. Пришел. Говорит ему богач:

— Ты куда отправился?

— Да вот к тебе пришел, послужить. Очень я сильный, сильнее всех в народе. И самый быстрый, самый проворный. — Вика похвастать любил.

Богач сказал:

— Что ж, хорошо. Здесь у нас два великана ходят. Очень уж они плохие. Убьешь их, дам тебе оленей.

А Вика говорит:

— Не нужны мне олени! Ты мне свою дочь отдай!

Богач сказал:

— Хорошо, пусть так и будет!

Пошел Вика в тундру. Он этих великанов никогда раньше не видел. Идет, идет. Смотрит — два человека спят. Очень сильно испугался Вика. Только и сказал: «Ой-ой-ой, что это, какие длинные! Прямо как два кита, выброшенных морем. Я их и стукнуть-то хорошенько не смогу». Решил тогда Вика топором одного ударить. И ударил по голове. Спит великан, не просыпается. Вика еще раз изо всех сил ударил. А тот только на другой бок повернулся. Понял Вика, не побить их ему. Тогда он вот что придумал. Нашел десять огромных камней — едва удержишь — и к дереву натаскал. Потом наверх поднял и сам залез. Начал бросать камни в головы великанам. Одному с первого раза попал. Очень рассердился великан. Но тут же опять уснул. А Вика другому в голову попал. Тот открыл глаза, глянул на товарища и опять уснул. Вика снова первому в голову попал. Тот встал, увидел, что приятель перевернулся. И опять уснул. Тут Вика второму в голову попал. Тот проснулся, посмотрел на приятеля и сказал:

— Что это он кулаками дерется?

И тут же опять уснул. Тогда выбрал Вика самый большой

камень и швырнул вниз. Прямо в нос великану попал. Очень больно тому стало. Рассердился он, посмотрел на товарища — а тот как ни в чем не бывало спит. Развернулся великан да как даст приятелю кулаком в нос. Тот проснулся и говорит:

— Ты что дерешься?

Приятель отвечает:

— Это ты меня все время, пока я спал, кулаками бил.

Другой сказал:

— А ты первый начал.

Набросились великаны друг на друга. Сильно стали драться, всю одежду порвали. Один палку схватил, да как ударит приятеля! Чуть не убил. Два дня дрались. Наконец видит Вика — оба мертвы. Вика сразу домой пошел. Очень быстро пришел. А по дороге всю одежду на себе порвал и лицо расцарапал так, что кровь полилась.

Видит богач — Вика идет, очень спешит. Перепугался богач: ведь у Вика все лицо кровью залито и одежда порвана. И спрашивает:

— Ну как, Вика, пришел?

— Пришел.

— Кто же это так подрал тебя, не медведь ли?

А Вика говорит:

— Нет, это я двух великанов. Действительно, очень большие были — едва с ними справился.

А богач говорит:

— Неужели правда?

Вика говорит:

— Погляди-ка, ведь и мне досталось.

— А где ты тех двоих убил?

— Да вот, на нашей реке, чуть повыше.

Собрал богач своих парней.

— Ну-ка, собирайтесь, пойдём! Может, и правда — убил.

А Вика говорит:

— И я с вами пойду.

А богач говорит:

— Ты давай лечись! Мы одни сходим.

Отправились, и правда, видят — лежат великаны, до смерти избитые. А на руке у каждого часы надеты, да такие большие, что и не снимешь.

Пришли домой. Богач сказал:

— Да, силен Вика. Ведь правду сказал: «Я самый сильный среди людей».

А Вика говорит:

— Я впервые таких убил. Очень сильны были оба. Как схватили меня за руки, чуть руки не сломали. А потом один спереди на меня бросился, я его по голове кулаком ударил. Другой сзади кинулся. Так я его ногой в печень лягнул. Он тут же свалился. Потом мы опять бросились друг на друга. Один меня по лицу ударил — сразу кровь потекла. Тут они схватили меня, всю одежду разодрали. Собрал я последние силы, начал их кулаками бить. И убил обоих. Тут я сам боль почувствовал и прямо сюда пошел. Ну теперь-то, может, отдадите мне дочь?

И брат хозяина сказал:

— Пока еще не отдадим. Совсем наши охотники не могут в тундру ходить, потому что в тундре страшный бык появился. Много наших охотников убил.

Викса сказал:

— А какой этот бык из себя?

Брат богача ответил:

— Очень большой. Впереди у него рог, торчит прямо, как нож. Вот убьешь его, тогда отдадим тебе нашу женщину.

Пошел Викса этого быка искать. Брат богача сказал:

— Если Викса обманул нас, то бык его убьет. И значит, этот Викса слабый. А если он быка убьет, то, значит, очень сильный.

Увидел Викса быка и сказал:

— Наверняка меня этот бык убьет.

А бык-единорог, как увидел Виксу, сразу на него бросился. Побежал Викса домой. А бык за ним.

Устал Викса. Видит — перед ним толстенное дерево. Бросился к нему Викса и только сказал:

— Пусть лучше он меня сразу убьет!

Нацелился бык на Виксу, а Викса мигом за дерево спрятался. Бык прямо в дерево рог-то и воткнул. Видит Викса — бык подышает. Подошел к нему, стал палкой по голове бить, ремень на шею привязал, рог топором отрубил. Быка к дереву привязал. Потом дерево топором срубил и рог из него вынул. Взял быка за ремень и повел домой. Прямо домой быка привел.

— Ну вот, я вам вашего врага привел. Поступайте с ним, как хотите.

Богач сказал:

— Ну, рассказывай, Викса, как ты этого быка привел.

Начал Викса рассказывать:

— Еле-еле я этого быка нашел. Очень долго искал. Никак не мог найти. И вдруг увидел невдалеке. Побежал ко мне

бык. А я сел на кочку и ремешок приготовил. А как бык на меня бросился, вскочил я на ноги. Схватил его за рог, накинул ремешок на шею и стал завязывать. Бык так и норовил меня рогом пырнуть. Тут я рассердился, поднял его, бросил на землю и завязал ремешок. Потом отпустил быка. Встал бык, повел я его было домой, а он возьми и ткни меня сзади рогом. Ух и рассердился я. Взял его за рог, топорик достал и отрубил рог. Потом сюда привел.

Сказали все:

— Ладно, отдадим мы ему эту дочь. Сильный, проворный человек Викса.

И отдали Виксе дочь богача. Этот рассказ я кончил.

139. Кайнывилю

Было одно селение. Пошел охотник из этого селения в тундру. А тут как раз пурга началась. Заблудился. Смотрит — лес кругом, а сам он на самом верху сопки. Вдруг провалился под землю. Очень тепло под землей. Согрелся, стал думать: «Где же это я нахожусь?»

Начал ощупывать все в темноте. Чувствует рукой — шерсть. Подумал: «Что же это такое?»

А это, оказывается, медведь. Не медведь, а медведица. Разморило охотника, забылся он и заснул крепким сном. Потом проснулся — голод стал его донимать. Сказал:

— Чего бы поесть?

Тут медведица провела своей лапой по его губам, он сразу сытость почувствовал и опять уснул.

Наступила весна, вышла медведица из берлоги. И охотник тоже проснулся, посмотрел кругом.

— Что это светло стало? — сказал.

Оказывается, это медведица берлогу открыла. Тут и охотник вышел.

Смотрит — очень тепло. Говорит:

— Почему это так тепло стало? Ведь я вчера только спать лег.

Забыл охотник, куда ему идти, и селение забыл. Очень привык к медведице. Родился у них на другой год сын. Тело совсем как у человека. Только уши медвежьи. Вот и назвали его Кайнывилю — Медвежье ухо.

Стали вместе жить, втроем. Так четыре года прошло. Кайнывилю сильный стал — ведь настоящей медведицы сын.

Вот и говорит отцу:

— Пойдем к тебе домой.

Отец отвечает:

— А как же мать оставим?

Кайнывилю говорит:

— Да мать-то все равно нас убьет.

Согласился отец. Сказал:

— А как же мы уйдем? Мать ведь будет следить за нами.

Кайнывилю сказал:

— Убежим! Не увидит.

Отец говорит:

— Все равно выследит, учует! Еще больше рассердится, раз тайком убежали.

Кайнывилю сказал:

— Значит, надо ее убить.

А отец говорит:

— Зачем? Жаль убивать!

Кайнывилю говорит:

— Все равно она нас убьет. Рассердится и убьет.

Так вот и убежали они. А мать в то время по тундре ходила. Вернулась туда, где Кайнывилю с отцом оставила. А их нет. Рассердилась мать, пошла по их следу. День уже начал клониться к вечеру. Наконец увидела — идут Кайнывилю с отцом, устали, все время назад оглядываются. Заметили мать. Плохо! Шагу прибавили.

Испугался отец — человек ведь он! Говорит Кайнывилю:

— Догонит она нас! Очень она быстроногая!

А Кайнывилю ему:

— Как мне хочется ее убить!

Подожли к ущелью. Сказал Кайнывилю отцу:

— Ты иди скорее вперед, а я здесь подожду.

Побежал отец что было духу, а Кайнывилю у края следа спрятался. Ждет. Камень поднял, в кулаке зажал. А мать как почувала, что там кто-то спрятался, прямо туда поспешила. Ударил ее Кайнывилю кулаком между ушей. У медведицы даже глаза выскочили. Упала как подкошенная.

Побежал Кайнывилю следом за отцом. Догнал. Отец говорит:

— Где мать?

— Прибил я ее.

Потому он так сделал, что злой был и жестокий. Настоящий медвежий сын. Наверное, и сердце у него медвежье.

Пошли они потихоньку вдвоем. Наконец до поселка дошли. Отец сына сразу к своему дому повел. Говорит:

— Вот наш дом!

Кайнывилю прямо в дом не пошел. Увидел много детей. Сразу пошел играть с ними. Но только слишком уж он силен. Стали играть, толкать друг друга. Он потихоньку ударит кого-нибудь, а тот сразу в слезы — у Кайнывилю рука тяжелая.

Скоро весь поселок стал говорить:

— Вот ведь сосед какого Кайнывилю нашел! Очень уж озорной и сильный. Всех детей калечит.

А Кайнывилю не понимает, что такое говорит народ. Вот отец и сказал ему:

— Плохо, сынок, люди о тебе говорят! Мол, ты чужих детей калечишь, когда играешь с ними.

А Кайнывилю говорит отцу:

— Да я их только слегка трону, а они тут же реветы! Я ведь силу свою не распускаю.

Отец говорит ему:

— Пожалуйста, играй с ними потихоньку.

Кайнывилю говорит отцу:

— Может, мне лучше в тундру пойти?

Однако отец не отпускает его. Говорит:

— Ведь если уйдешь, так уж не вернешься ко мне!

А Кайнывилю говорит:

— Если только не убьют и не умру, вернусь. И к тому же, может, кто посильнее меня есть в нашей стороне. Может, увижу его.

Испугался отец, потому что нет у него такой силы, всего лишь человек он. Только и сказал:

— Ладно, иди! Повеселись! Прямо сейчас и отправляйся!

— Ну, я пошел, — ответил Кайнывилю.

Идет Кайнывилю вниз по реке, по тундре. Видит — на встречу ему движется березняк. Остановился, сказал:

— Что это такое, целая сопка с лесом движется?

Остановилась сопка. Человечище появился. Сказал:

— Здравствуй, Кайнывилю! Не иначе это ты, Кайнывилю, — богатырь, о котором мне рассказывали.

Кайнывилю сказал:

— Да, это я! Только я вовсе не богатырь. Вот ты действительно богатырь! Березняк на плече несешь!

Сказал тогда тундровый великан:

— Ну ладно, давай пойдем вместе туда, куда ты отправился.

— Что ж, пойдём.

Пошли вместе вниз по реке. Долго шли. Вдруг видит Кайнывилю — впереди ещё одна сопка, кедром поросшая, навстречу движется. Приблизилась сопка, опять появился тундровый человечик. И тоже закричал:

— Здравствуй, Кайнывилю! Это ты тот самый Кайнывилю, о котором мне говорили?

Кайнывилю сказал:

— Да, это я и есть.

— Куда это вы отправились вдвоем?

— Да недалеко. Вниз по реке идем. Веселья ищем!

— Ну ладно, я тоже вместе с вами пойду!

— Вот и хорошо! Веселее будет.

Пошли втроем вниз по реке. Идут. Опять Кайнывилю видит — движется впереди целая приречная тундра. Приблизилась. Вышел оттуда ещё один тундровый великан.

— Здравствуй, Кайнывилю, известный силач!

— Да, это я, Кайнывилю. Только не силач я.

А великан, несущий приречную тундру, сказал:

— Ну ладно, возьмите и меня в товарищи. Вместе с вами пойду.

Кайнывилю сказал:

— Вот хорошо, вчетвером веселее.

Шли, шли. Увидели домище, такой большой, как утес. Кайнывилю сзади идет. Подошли великаны к дому, сказали:

— Кайнывилю, вот наш дом.

Оказывается, эти великаны — братья. Говорят ему:

— Ну, пойдём к нам.

Вошли. В доме четыре постели, застланные медвежьими шкурами. Кайнывилю тяжело ступает по полу. Половицы так и трещат! Сердится, наверное, потому что постели из медвежьих шкур. Нарочно посильнее ступает.

Увидели великаны, что Кайнывилю поломал половицы. Сказали ему:

— Эй ты, негодник Кайнывилю! Зачем ломаешь половицы?

Кайнывилю говорит:

— Вот ведь! Я не нарочно ломаю. Сами ломаются. Может, дерево совсем прогнило.

Великаны сразу замолчали.

Кайнывилю взял и лег на ту постель, хозяина которой не было. Правда, товарищи сказали ему:

— Не ложись туда. Это нашего хозяина постель.

А Кайнывилю им:

— Разве можно так плохо с гостем разговаривать?

А те отвечают:

— Мы так говорим, потому что очень наш хозяин страшен.

— Ладно, придет хозяин, я сразу встану!

Стали разговаривать. Спрашивают Кайнывилю, откуда он, куда шел.

Вечер наступил. Услышали — конь ржет. Это хозяин приехал. Выглянул Кайнывилю наружу — ой, какой огромный человечисше! А конисше-то весь красный, из пасти огонь вырывается. Привязывает хозяин коня и сам с собой разговаривает:

— Ого, Медвежьим ухом пахнет! Может, Кайнывилю пришел?

А Кайнывилю все слышит. Привязал хозяин коня, вошел, увидел — все половицы поломаны, а на его постели Кайнывилю лежит. Рассердился хозяин, даже «Здравствуй!» не сказал, а закричал сразу:

— Кайнывилю, уходи с моей постели!

А Кайнывилю даже не сел. Как лежал, так и лежит. Тут хозяин сказал:

— Ну-ка, вставай, проклятый Кайнывилю! А не то я тебя поколочу!

Кайнывилю говорит:

— Ну и ну, друг! Первый раз увидел, а сердишься!

Подошел ближе хозяин, сказал:

— Если не встанешь сейчас же, хорошенько тебя потреплю!

Кайнывилю говорит:

— Ну, это твое дело!

Бросился хозяин на Кайнывилю. Сел Кайнывилю, на ноги поднялся. Да как ударит хозяина левым кулаком в правое ухо. Хозяин и упал. Как будто его топором ударили. А Кайнывилю опять на постель сел. Тут другие товарищи закричали:

— Зачем бьешь нашего хозяина?!

Кайнывилю им:

— Он первый на меня бросился, а мы еще и познакомить-ся с ним не успели.

Тогда самый старший великан тоже на Кайнывилю набросился. Кайнывилю и его так же сильно ударил. Свалился тот прямо на своего товарища. А Кайнывилю опять сел. Тут на него еще один великан бросился. Рассвирепел Кайнывилю, потому что ведь он настоящей медведицы сын. Сила и сердце у него медвежьи.

Наконец последний великан на Кайнывилю бросился, потому что все равно один остался. И его Кайнывилю крепко ударил, упал тот, а Кайнывилю его еще и ногой придавил. Вышел из дома один и сказал:

— Может, никого и нет сильнее меня? Вон я каких великанов — величиной с сопку перебил.

Пошел дальше вниз по реке. Говорит:

— Может быть, еще что-нибудь интересное увижу.

Идет, идет. Вдруг видит — впереди земляночка дымит. Подошел он к земляночке. Вошел в дом. Там старичок сидит. Увидел Кайнывилю, воскликнул:

— Здравствуй, Кайнывилю! Откуда взялся? Ты ведь и есть тот самый Кайнывилю, о котором рассказывают?

— Это как раз я и есть!

Стал старик спрашивать:

— Откуда и куда идешь?

Кайнывилю сказал:

— Я из своего дома, с верховьев реки иду. Просто так иду, забавы ищу.

Старик говорит ему:

— Может, видел здешних великанов?

— Видел. Вместе с ними до их дома дошли.

Старик ему:

— А сейчас где они?

— Я их в доме оставил. Очень сильно мы подрались.

— Почему же вы подрались?

Кайнывилю говорит:

— Пришли мы в их дом. Вошли. Наступил я на половицу, а она ломается. Товарищи мне говорят: «Зачем ломаешь половицы?» А я им отвечаю: «Дерево, наверное, гнилое, вот половицы и ломаются». Были там четыре постели. Сел я на пустую постель. А товарищи мне говорят: «Зачем же туда сел? Это чужая постель». Я спросил: «Чья это постель?» Они сказали: «Это нашего хозяина». Я говорю им: «Почему мне нельзя на нее сесть?» — «Потому что хозяина боимся. Он нас очень ругать будет». Я сказал: «Ну хорошо, как-нибудь обойдется». И тут стали мы разговаривать. Спрашивают меня великаны, откуда я. Я им свою жизнь рассказал. А вечером вдруг конище заржал. Выглянул наружу, а конище весь красный, из пасти огонь вырывается. Слышу — хозяин сам с собой говорит: «Кажется, Медвежьим ухом пахнет. Может, Кайнывилю пришел?» Ишь ведь — нюхом меня учуял! Потом вошел, сразу увидел — половицы сломаны. И на меня посмотрел. Да-

же «Здравствуй!» не сказал, ругаться начал. Говорит: «Зачем ты, проклятый Кайнывилю, поломал половицы? И зачем на чужую постель лег?» А я ему говорю: «Какой ты плохой! И познакомиться не успели, а ты ругаешься». Так он еще раскричался: «Ну-ка, вставай с постели! А если не встанешь, лобью!» Я говорю ему: «Ну, как хочешь». А сам лежу на постели, не встаю. Бросился он на меня. Только тогда я сел. Начал он меня бить, ну я размахнулся и ударил его в правое ухо. Тут и другие разозлились, стали на меня по одному наскакивать. Кто ни подойдет, я того и ударю. Всех перебил и вот к тебе пришел.

А оказывается, тот старичок был отцом великанов. Старичок говорит ему:

— Ну, Кайнывилю, очень ты силен и ходить тоже горазд. Никогда не оплошаешь. Хорошо бы тебе жениться.

Кайнывилю говорит:

— Где же найти хорошую жену?

Старик отвечает:

— Правда, тебе особенная невеста нужна, такая же сильная, как ты.

Замолчал Кайнывилю, задумался. А старик и говорит:

— Знаю я как раз для тебя невесту. Есть в тундре красивая женщина, только она внутри сопки сидит.

Кайнывилю говорит:

— А ты как ее видел?

Старик отвечает:

— Я на эту сопку забирался. Там наверху есть дыра. Я в эту дыру заглядывал. Очень красивая женщина!

Кайнывилю сказал:

— Как же до нее добраться?

А старик говорит:

— Я придумал. У меня есть большой ремень. Вот я тебя на нем и спущу. Ты эту женщину ремнем обвяжешь. А я вытащу ее. Потом опять ремень спущу и тебя самого вытащу.

Кайнывилю спросил:

— А далеко ли эта сопка?

— Близко.

— Ну ладно, пойдём!

Взяли ремень, отправились. Пришли к сопке. Взобрались на нее. Правда, увидели в земле отверстие. Заглянул Кайнывилю в дыру. Ничего в темноте не видно. Говорит он старику:

— Что же это ничего не видно?

Старик говорит:

— Может, куда в сторону отошла — там у нее очень про-
сторно. Давай-ка, спускайся вниз! Может, найдешь. А если не
найдешь, назад тебя вытяну, чего одному в пустом доме де-
лать?

Что ж, согласился Кайнывилю. Говорит:

— Ну давай, спускай меня на ремне!

Обвязал старик Кайнывилю ремнем под мышками, начал
Кайнывилю в дыру спускаться. Только повис на ремне, старик
обрезал ремень, и полетел Кайнывилю вниз. Долго летел, на-
конец упал. Посмотрел вверх, дырка над головой чуть-чуть
виднеется, как будто тьму кто иглой проколол.

Обманул, оказывается, старик Кайнывилю. Решил убить
его, потому что Кайнывилю его сыновей погубил.

Ходил, ходил Кайнывилю под землей, как ни искал — нет
нигде выхода. Вернулся к тому месту, над которым белый свет
виднелся. Стал кричать:

— Эй! Эй! Достаньте меня!

Никто не откликается. Живет Кайнывилю под землей день,
живет два. Стал без еды слабеть. Хорошо еще, что он — мед-
ведечеловек, а будь просто человек, давно бы с голоду
помер.

Вот раз стоит он под дырой, думает и говорит сам себе:
«Видно, помирать придется. А ведь говорил мне отец: „Не уходи
далеко, поскорее возвращайся“. Не послушался я отца,
ушел далеко. Вот и попал в беду».

Вдруг чей-то слабенький голосок сверху слышался:

— Здравствуй, Кайнывилю! Что это ты там под землей де-
лаешь?

Испугался Кайнывилю. Даже сначала не откликнулся.
Только вверх на светлое пятнышко посмотрел. А там ничего не
видно. Вдруг опять раздался тот же голос. На этот раз отве-
тил Кайнывилю:

— С голоду я тут умираю. Сюда меня друг заманил!

И голос спрашивает:

— Ты, наверное, домой хочешь?

Кайнывилю говорит:

— Очень хочу домой! Да только не знаю, как отсюда вы-
браться.

А голос опять говорит:

— Ладно, доверься мне. Попробую тебя на своем ремне
вытащить.

А Кайнывилю говорит:

— Хорошо, тащи! Только бы мне на белый свет выбраться!

— Ну смотри, я тебе спущу мой ремешок. А ты как раз под дырой встань и что я скажу, то и делай.

Послушался Кайнывилю, прямо под самой дырой стал. А голос сверху говорит:

— Ну, теперь попробуем тебя наверх вытащить. Только ты как следует ремнем себя под мышками обвяжи!

Так Кайнывилю и сделал. Хорошенько себя под мышками обвязал. А голос опять говорит:

— Ну как? Хорошо обвязал?

Кайнывилю только и ответил:

— Да, хорошо.

Чувствует, тянет его кто-то вверх. Вылез, огляделся кругом. Никого не видно. Говорит:

— Может, я помер? Или просто мне снится, что кто-то меня вытащил.

Вдруг у края дыры тоненький голосок раздался:

— Это я тебя вытащил.

Посмотрел Кайнывилю на землю. Видит — там маленький паучок сидит, на него смотрит и разговаривает. Кайнывилю очень обрадовался, воскликнул:

— Так это ты, оказывается, меня поднял!

Паучок говорит:

— Да, я.

Кайнывилю говорит:

— Чем же я тебе отплачу? Ведь ты меня от смерти спас!

Паучок сказал:

— А хоть и не плати! Хорошо, что ты спасся.

Кайнывилю сказал:

— Ну ладно, может, когда-нибудь и я тебе пригожусь.

И пошел сразу к яранге того старика. Пришел. Очень сильно рассердился. Вошел в ярангу, дверь оторвал, в тундру швырнул. Увидел его старик, воскликнул:

— Здравствуй, Кайнывилю! Вот ты и вернулся!

А Кайнывилю даже и не откликнулся. Бросился на старика, схватил за ногу, стал о стены яранги колотить. Все кости ему переломал, потом подцепил за ребро крючком для котлов и повесил внутри дома. А дом поджег и ушел.

Решил домой к отцу вернуться. Идет, идет, видит — поселок уже совсем близко. Обрадовался Кайнывилю, сказал:

— Наконец-то я скоро дома буду!

Пришел в поселок. Прямо к своему дому направился. Вдруг видит — между яранг старик на земле лежит. Подошел к старику, поздоровался и спрашивает:

— Кто ты? Вставай.

Встал старик. Поглядел Кайнывилю на него, а это его отец, только безглазый.

— Как это ты без глаз остался? — спрашивает Кайнывилю.

Отец говорит:

— Да вот, казаки свадьбу праздновали и глаза мне вынули. Они и теперь у нас в доме.

Взял Кайнывилю отца и понес к дому. Подошли к дому, Кайнывилю и говорит отцу:

— Здесь жди! Сначала я сам к ним зайду.

Вошел Кайнывилю в дом. Испугались казаки. Откуда им было знать, что Кайнывилю придет! Стали они с Кайнывилю заговаривать. Ничего не ответил им Кайнывилю. Набросился на них. Всех за ноги похватал. Стал колотить об стены. Руки-ноги переломал и выбросил на улицу. После этого внес отца в дом. Положил на постель. Бойтся — вдруг умрет отец. Вот и спрашивает Кайнывилю отца:

— Не знаешь ли ты, отец, какого-нибудь лекарства, которое глаза оживляет?

Отвечает отец:

— Слышал я, будто есть такое лекарство из печени. Но только достать его невозможно. Все, кто пытался его достать, домой не возвращались. Пойди-ка ты к нашему соседу-старичку. Спроси, может, он знает, как это лекарство достать. Хорошо бы знал!

Пошел Кайнывилю к соседу. Вошел в ярангу. Сосед-старичок говорит:

— Здравствуй! Откуда пришел?

— Я недавно издалека вернулся. И вот зашел к тебе по соседски о лекарстве спросить. Может, ты знаешь такое лекарство, которым глаза оживляют?

Отвечает старик ему:

— Да, правда, есть такое лекарство. Но только достать его нельзя. Много храбрецов за ним ходило, а домой никто еще не вернулся.

Говорит Кайнывилю старику:

— Отчего же это никто не вернулся?

Отвечает старик:

— Да вот, говорили старики, есть такой человек по имени Огнище.

Кайнывилю спрашивает:

— Почему Огнище?

Старик отвечает:

— Наверное, потому, что голова у него огненная. Так вот, есть у него в печени желчь. Эта желчь и есть лекарство, которое глаза оживляет.

Кайнывилю спросил:

— Как же ее достать?

Старик говорит:

— Убить Огнище и достать из печени. Только надо осторожно доставать, не порезать, горлышко желчного пузыря завязать покрепче, чтобы желчь не пролить.

Кайнывилю говорит:

— А если прольется?

Старик сказал:

— Если прольется, то, говорят, сразу пожар вспыхнет. Тебе конец, а Огнище опять оживет.

Кайнывилю сказал:

— А чем его можно убить?

Старик сказал:

— Если ты пойдешь, я, так уж и быть, дам тебе большую саблю. Ты ее хорошенько наточи, наостри. И бери с собой.

А Кайнывилю сказал:

— Пожалуй, пойду. Вот только не знаю, в какую сторону идти.

Старик говорит ему:

— Иди туда, где солнце садится. Долго туда идти, очень это далеко. Увидишь наконец, что земля как будто красная стала. Это значит, что ты пришел. Землянку увидишь. Иди поскорее к этой землянке. Оттуда как раз и выйдет Огнище. Бегом к тебе побежит. Голова у него огненная, но ты не бойся, тоже ему навстречу беги. Подбежит он к тебе, начнет вокруг тебя кружиться. Ты только скажи: «Дома поговорим». И беги изо всех сил. Если замешкаешься, он тебя сразу сожжет. Поэтому мчись во весь дух к яранге. Вбежишь внутрь, начинай двери считать. Должно быть десять дверей. Как десятую пробежишь, остановись и саблю приготовь. Как только Огнище голову в десятую дверь просунет — руби не медля первый шейный позвонок. Упадет Огнище, тотчас живот ему вспорит. Сначала печень достань, потом желчь. Только смотри, побыстрее управляйся. Как желчь добудешь, сунь в мешок и беги из яранги. Опять со всех ног беги, потому что, если замешкаешься, окружит тебя огонь и соришь ты там, в этой яранге.

Кончил старик говорить. Пошел Кайнывилю домой. Пришел и рассказал все отцу. Говорит отец:

— Ох, сынок, если я тебя отпущу, никогда ты не вернешься домой, сожжет тебя Огнище.

А Кайнывилю говорит:

— Если я все правильно сделаю, что старик сказал, ничего со мной не случится.

Сказал тогда отец:

— Ну ладно, иди! Только уж постарайся все советы старика выполнить.

Отправился Кайнывилю в ту сторону, в какую старик указал. Взял с собой только небольшой запас еды на дорогу да большую саблю старика. Идет, идет, далеко идти, долгий путь! Вот наконец увидел, что земля как будто красная стала. Сказал Кайнывилю:

— Вот я уже, наверное, и пришел.

Еще немного прошел, увидел малюсенькую ярангу. Сказал:

— А вот и яранга, где Огнище живет.

Выскочил из яранги человек. Помчался навстречу Кайнывилю. А голова у него и правда огненная. Кайнывилю тоже ему навстречу побежал. Встретились они, стал Огнище вокруг Кайнывилю виться. Кайнывилю только и сказал:

— Дома поговорим!

И побежал что было сил к дому. А Огнище его вот-вот догонит. Толкнул Кайнывилю левой рукой Огнище, а тот легонький, отлетел как мячик назад и упал. Еще быстрее Кайнывилю помчался. Вот уже в ярангу вбежал. Начал двери считать. А Огнище только-только до первой добежал. Проскочил Кайнывилю девять дверей, за десятой притаился. Одной рукой саблю достает, другой дверь держит. Приготовился, открыл дверь, Огнище тотчас голову и всунул. Тут Кайнывилю ударил саблей по шейному позвонку. Погас огонь головы, а Кайнывилю не стал мешкать, вспорол саблей живот, печень достал, желчный пузырь отделил, завязал покрепче, в мешок сунул и побежал к выходу.

Вышел, видит — с двух сторон навстречу друг другу два огонька бегут. Помчался Кайнывилю во всю прыть. Успел-таки между огней проскочить. Соединились сзади огни и понеслись за ним вдогонку. Хорошо, что старик ему сказал: «Хоть и обгонишь огни, не останавливайся, еще быстрее беги. Будут они тебя преследовать, пока краснота земли не кончится. Только тогда погаснут. Вот тогда и потихоньку можешь идти».

Помнил эти слова Кайнывилю. Поэтому еще быстрее помчался, чтобы скорее краснота земли кончилась. Вот наконец

и кончилась красная земля. Оглянулся Кайнывилю — нет больше огня, погас. Пошел потихоньку. Идет и думает: «Ну, кажется, избежал я опасности».

Вот уже близко дом, начал Кайнывилю тревожиться: вдруг не дождался его отец, умер. Наконец в селение пришел, вошел в ярангу, а отец-то живой!

Очень обрадовался отец. Сказал:

— Ну вот и пришел ты. Наверное, с полпути вернулся?

Кайнывилю говорит:

— Почему с полпути? Я до самого Огнища дошел. Убил его, много у него желчи в печени оказалось. Достал я ее и вот принес. Только как же ею пользоваться?

Еще больше обрадовался отец, говорит ему:

— Пойди к старику, спроси! Может, он знает.

Пошел Кайнывилю к старику-соседу. Старик даже испугался, увидев его. Сказал:

— Откуда ты взялся, Кайнывилю? Мы-то думали, не вернешься ты, убьет тебя Огнище.

Кайнывилю говорит:

— Спасибо тебе, старик! Очень хорошие ты мне советы дал! Все, что ты мне сказал, я в точности выполнил. Даже Огнище убил. И правда, в его печени желчи много. Достал я ту желчь. Не знаю только, как ее употребить.

Ответил ему старик:

— В старину говорили: взять желчь новой маленькой ложкой, помазать вокруг глаз и уснуть. А когда проснешься, глаза будут, как прежде.

Пошел Кайнывилю домой. А уже вечер давно настал. Пришел и говорит отцу:

— Старик сказал мне: взять желчь новой маленькой ложечкой и вокруг глаз помазать. И спать лечь. Утром встанешь, а глаза уже целые.

Говорит отец:

— Ну что ж, попытаемся. Может, и правда эта желчь целебная!

Вымыл Кайнывилю отца, уложил на постель лицом вверх и полил на глаза желчь из маленькой ложечки. Отец сразу же уснул. Как будто и глаза не болели.

Проснулся утром, глаза открыл — и все видит. Прежние глаза. Подумал даже: «Может, это я сон вижу?»

Закричал отец, стал сына будить:

— Проснись, сынок, посмотри на меня! Неужели глаза у меня и правда такие, как раньше были?

Кайнывилю спросонья испугался, вскочил. Смотрит на отца. А у отца глаза точно такие, как раньше.

— Правда, отец,— сказал он.— Совсем твои глаза вылечились!

Тут уж отец поверил.

Вот и вся сказка про Кайнывилю. Хорошо они потом жили, заботился Кайнывилю о старике.

140. Пастух и медведь

Заблудился пастух в пургу и набрел на медвежью берлогу. Медведь говорит:

— Здравствуй, друг, куда идешь?

Тот отвечает:

— Плохо мое дело, в пургу попал!

— А где твоя семья?

— Не знаю. Заблудился я.

— Ладно, иди ко мне в берлогу. Торбаза, шапку сними! Спать будем!

Долго спит медведь, и человек с ним спит. Но вот проснулись. Спрашивает медведь:

— У тебя дома кто есть?

Отвечает:

— У меня дома жена и маленький сын. Еще отец-старик и мать-старуха. Плачут они, говорят: «Умер, наверное, сын».

Опять уснули.

Весной вышел медведь из берлоги. Тот человек, оказывается, всю зиму проспал. Медведь говорит:

— Эй, друг, проснись! Светло стало. Тепло становится.

А он отвечает:

— Спать хочу!

Потом вышел, спрашивает:

— Дедушка, а где мои лыжи? Я их тут поставил.

А медведь говорит:

— Их, друг, давным-давно лисы съели.

Человек спрашивает:

— Где же моя семья?

Медведь отвечает:

— Они близко живут.

А человек говорит:

— Я есть хочу.

Медведь ему:

— Подожди-ка!

Пошел в берлогу, от своего медвежьего бедра кусок оторвал.

Потом вышел.

— Эй, друг, вот тебе мясо!

Говорит:

— Совсем близко тут твоя семья живет.

Взял человек мясо, домой пришел, родителям рассказал, как он всю зиму с медведем проспал.

141. Аммалё

Давно, еще при старой жизни, жила Аммалё. Она тогда девушкой была, жила с родителями.

Однажды спят они, вдруг приходит к ним в ярангу свистун. Заглянул к Аммалё в полог. Очень испугалась Аммалё, закричала, стала родителей звать. Услышали домашние, проснулись, свистун и убежал.

Сказал отец Аммалё:

— Отдам-ка я тебя замуж, а то, видишь, свистун хочет тебя в жены взять.

Не захотела Аммалё выходить замуж. Наотрез отказалась. Не послушалась отца.

Вот однажды пошла Аммалё в тундру за ягодами. Подкараулил ее свистун, схватил, верхом на оленя посадил и увез далеко в свою страну. Стала там Аммалё жить. Приготовит еду свистунам, поедят они и уйдут в тундру. Перед тем как уйти, говорят:

— Смотри, Аммалё, не убегай! Все равно найдем, привезем обратно!

Немного времени прошло. Стала Аммалё очень скучать по дому, по родителям. Стала плакать. Однажды встала утром, стала еду варить, чай готовить. Когда мясо варила, шаманила. Заколдовала мясо. Приготовила еду, разбудила свистунов:

— Ну, сварилась еда, ешьте!

Встали свистуны, начали есть. Поели — сразу крепко, на много дней уснули.

Собралась Аммалё домой. Пешком пошла. Сбилась с дороги, присела отдохнуть. Вдруг слышит: едет кто-то верхом на олене. Спряталась она в расщелину. А из расщелины олень выскочил. Испугалась Аммалё, обеспамятовала.

Верховой на олене мимо проехал. Очнулась Аммалё, встала, опять по дороге пошла. Скоро снова услышала: кто-то догоняет на олене. Спряталась среди камней. Проехал по камням верховой. Опять испугалась Аммалё. Притаилась, а как отъехал верховой подальше, вышла из-за камней и домой побежала.

Так и не нашел ее свистун. Пришла домой. Обрадовались родители.

Отец сказал:

— Теперь слушайся! Отдам тебя замуж. Будешь отказываться, свистуны тебя навсегда заберут.

Послушалась Аммалё. Вышла замуж. Откочевали они в другое селение. Там хорошо стали жить.

142. Пять сестер

Кочевали пять сестер по тундре. Не было у них мужчин. Одни только женщины. Кочуют они с места на место, свой табун оленей пасут. Наибольшей у них младшая сестра. Вот раз говорит она сестрам:

— Что это, сестры, мы все время по одной и той же земле ходим. Вот я и подумала: «Спрошу-ка своих старших сестер, может, знают они другие земли, в другой стороне». А то мы из года в год все на одной земле. Надоело ведь.

Рассказала ей старшая сестра, где есть другая земля, хорошая и удобная. Объяснила:

— Хорошие земли только в стороне моря.

Спросила младшая сестра:

— А море — это что, так земля называется?

Ответила старшая сестра:

— Море, как река, только очень большое. Другой берег моря глазами не увидеть. Но, наверное, и у моря должен быть где-то конец. А на этом берегу — сопки.

Младшая сестра сказала:

— Что ж, покочуем туда!

Старшая сестра ответила:

— Эта река в море течет. Вот вдоль нее мы и пойдем. А как к морю выйдем, красивые сопки увидим.

И покочевали к морю. Идут, идут. Вдруг младшая сестра говорит:

— Что это там такое светлое виднеется?

Старшая отвечает:

— Так это как раз море и есть!

Младшая сестра сказала:

— А ведь правда, очень велико море! И наша речка в него течет.

И еще прибавила:

— Это море так велико, потому что рек много и все они в одну сторону текут. И вот, наверное, от этого море все глубже становится и больше.

Старшая сестра сказала:

— Нет, море само по себе такое большое. Таким уж оно было создано.

А младшая сестра опять спросила:

— Почему это река все время течет, течет и никогда не кончается? Отчего это так сделалось?

Старшая сестра ответила:

— Река — это бесконечная вода, тоже так уж создана.

И вот стали пять сестер у моря кочевать. Младшая у них вожак. Наконец выбрали место для стойбища. Стали ярангу ставить. Самая старшая сказала:

— Подождите-ка, не ставьте ярангу. Я вижу место еще лучше.

А младшая говорит:

— Не откочевывайте туда.

Вторая сестра сказала младшей:

— Надо иногда слушаться старшую.

А младшая говорит:

— Давайте лучше здесь останемся.

Та ей опять:

— Ну хоть один раз послушайся старшей.

Согласилась младшая, сказала:

— Ну хорошо, покочуем туда.

Поставили ярангу на новом месте. Вдруг старшая сестра куда-то пропала. А потом пришла.

Спрашивает ее младшая:

— Куда ходила?

Отвечает:

— По тундре так просто гуляла.

Сказала ей младшая:

— Ну ладно, ешь!

Говорит:

— Не буду я есть, голова у меня болит.

Постель постелила и сразу спать легла.

Спят сестры ночью. И младшая тоже спит. Вдруг слышит — старшая потихоньку встала, из яранги выходит. Вышла. Стала младшая слушать. Вот уже и рассвело, только тогда старшая вернулась. Вошла потихоньку и легла. Очень тяжело вздохнула. Стала младшая думать: «Откуда это она пришла, где была так долго? И почему такая усталая вернулась?»

Наступило утро. Проснулись сестры, стали есть. А старшая все еще спит. Подошла к ней вторая сестра, говорит:

— Ну, вставай, поешь!

А та отвечает:

— Не буду я есть. Очень болею.

Вот опять вечером все уснули. Только младшая сестра бодрствует. Вдруг видит — старшая сестра потихоньку встала, вышла и опять только к рассвету вернулась. Вошла и сразу же спать легла. А младшая за ней все время тайком следила. Опять подумала младшая: «Куда это она все уходит? А днем есть отказывается».

Проснулись наутро. Младшая подошла к спящей, стала будить. А от старшей сестры очень плохо пахнет. Как будто чем-то гнилым.

Разбудила ее:

— Вставай, поешь!

Говорит старшая:

— Не буду я есть! Очень у меня голова болит.

А вечером опять уснули. Только младшая сестра не спит, гадает, куда это старшая все ходит и отчего от нее так плохо пахнет? Вот и решила выследить сестру, если та опять куда пойдет.

Лежит младшая сестра, прислушивается. Вдруг слышит — что-то старшая потихоньку ест. И сразу очень сильно чем-то кислым запахло.

Утром проснулись сестры, а старшая опять спит. Вот младшая и сказала:

— Ну-ка, разожгите огонь на улице!

Разожгли сестры огонь. Стали есть. Говорит младшая сестра:

— Вот как разбили мы здесь стоянку, старшая сестра каждую ночь куда-то уходит. А этой ночью она ела что-то, я сама слышала.

Вторая сестра сказала:

— Зачем ты на сестру напраслину возводишь? Она очень больна, никакой еды есть не может. Как бы она ночью стала есть?

А две другие сестры возражают:

— Не станет младшая сестра нас обманывать. Никогда не обманывала.

И младшая сказала:

— Правда, я не обманщица. Вы вот не спите сегодня ночью, посмотрите сами и послушайте.

Улеглись сестры поздно вечером спать. Тихонечко лежат. Не спят. Вдруг в полночь старшая сестра зашуршала чем-то. Сразу так скверно запахло! Слышат сестры — начала старшая потихоньку есть.

Утром младшая сказала сестрам:

— Ну-ка, пригоните табун! Хорошего оленька уьем.

Пригнали сестры табун. Вышла младшая, взяла аркан. Заарканила оленя и повалила. Спутала задние ноги арканом, кольнула копьём в правый бок и сразу отпустила. Побежал олень к яранге. Обежал ее кругом и упал у огня как подкошенный. Загрустила младшая сестра. А старшие сестры ее спрашивают:

— Почему ты, сестра, скучная?

Отвечает младшая сестра:

— Видно, что-то неладное с нами случится. Идите к оленю. Освежите и быстренько сварите. А я табун отгоню. Пока я в табуне буду, старшая сестра может проснуться и соберется куда-нибудь. Вы тогда скажите ей: «Пойди позови младшую сестру. Пусть домой идет поесть. И огонь разжечь надо». А я постараюсь ее задержать немного. Вы же тем временем осмотрите ее постель. Ведь интересно знать, что это она по ночам ест. Потом все как было на место положите, чтобы она ни о чем не догадалась. Я вернусь, вы мне обо всем расскажете. Только смотрите, сестры, послушайте меня, сделайте все, как я сказала.

Ушла младшая сестра. Заторопились сестры. Освеживали оленя. Одна мясо в котле сварила. И пошли к старшей сестре. Стали будить:

— Вставай, сестра!

Встала старшая.

— Ну,— спрашивают сестры,— полегче тебе стало?

— Немного полегче. Голова перестала болеть.

— Пойдемте наружу, поедим. И ты иди с нами, поешь вместе с младшими сестрами!

— Не хочу я есть!

— Ну ладно, иди хоть посиди с нами, поговори!

И вышла старшая сестра, сказала:

— А где самая младшая сестра?

Говорят ей:

— Она в табуне сейчас. Сходила бы ты за ней. Увидит она тебя, обрадуется. «Смотрите-ка,— скажет,— выздоровела моя сестра. Уже ходить стала». Обрадуй ее, позови!

Послушалась старшая сестра, пошла младшую звать.

А сестры не мешкая вошли в ярангу и стали постель старшей сестры осматривать. Нашли человеческую лопатку вместе с рукой. А на пальце старинное очень красивое кольцо. Все опять уложили как было. И вышли. Сели у огня, дрожат от страха. Друг на друга смотрят.

Вернулись младшая сестра со старшей. Сели есть, а три сестры ничего в рот взять не могут. Поняла младшая — неладное что-то случилось, но ничего не сказала. Начала есть.

Старшая сестра говорит:

— Пойду я, пожалуй, в полог.

Младшая говорит ей:

— Пойди отдохни!

Ушла старшая сестра, младшая говорит сестрам:

— Ну, сестры, перестаньте дрожать, рассказывайте!

Стали сестры рассказывать:

— Нашли мы большую человеческую руку с лопаткой. На пальце старинное кольцо, очень красивое. Наверное, женская рука. Видно, что старшая сестра эту руку зубами грызла.

Сказала младшая сестра:

— Ну ладно. Эту ночь опять не спите!

Легли спать, в полночь старшая сестра зашептала:

— Есть что-то хочется. Это мясо съем, чем буду питаться? Впрочем, свою вторую сестру убью, опять еда будет. Ее кончу, за следующую примусь. Еще две младшие останутся. Потом и младших съем. Ну а дальше что есть буду?

Настало утро. Вышли три сестры из яранги, заплакали. Младшая сестра сказала:

— Перестаньте плакать. Вот не будет меня, тогда и плачьте. А пока я жива, с вами ничего не случится. А сейчас соберайтесь и что я скажу вам, то и делайте. Вот поедим и войдем в ярангу. Я начну говорить, а вы смекайте, что я задумала.

Вошли в ярангу. Младшая сестра говорит:

— Сестры мои старшие! Есть у нас табун оленей. Это все наше имущество. Вся наша жизнь в них. Собирайтесь кочевать. Здесь уже нечем нашим олешкам питаться.

Воскликнула старшая сестра, сказала:

— Подруги мои, младшие сестры! Не могу я никуда ехать!

Придется вам, видно, вчетвером кочевать. А как трижды переночуете, пусть придет ко мне моя самая любимая сестра, с которой мы погодки. Если я совсем расхвораюсь, пусть уж она со мной останется. А если и дальше болеть буду, опять три ночи переночуете, пусть средняя сестра придет. Ты уж, младшая сестра, пошли ее ко мне. Я ведь сильно болею, вдруг умру. Так ты пошли четвертую сестру. Похоронят они меня и вернутся. Ну пора уж вам, отправляйтесь в дорогу.

Отправились. Старшая сестра сразу спать легла. Очень крепко спит, как убитая. Вышли. Младшая впереди идет. Поглядела направо, поглядела налево, остановилась и вернулась. Пошла вокруг яранги, идет и посохом постукивает. До двери дошла, посохом в дверь трижды стукнула. И сразу ушла.

Очень долго шли сестры. Остановились, когда второй раз рассветать стало. Сели, стали есть.

Младшая сестра говорит:

— Ни сегодня, ни потом никого к старшей сестре не отпустим.

Очень обрадовались сестры.

— Если я отпущу вас, она всех вас съест. Она, наверное, не старшая сестра, а кэле!

А старшая сестра проснулась наутро, хочет из яранги выйти и не может, хотя и дверь открыта. Рассердилась и говорит:

— Это моя гадкая младшая сестра сделала! Вот ведь колдунья! Ну уж, если выйду, никуда им от меня не уйти.

Ухватила за кухлянку, стала вокруг очага приплясывать.

— Утту-ту, утту-ту, как бы выйти!

Подпрыгнула и через дымовое отверстие вылетела наружу. Полетела младших сестер искать.

Увидела ее младшая сестра, говорит:

— Смотрите, сестры, во-о-он далеко ворона летит!

Идут сестры, на ворону то и дело поглядывают. А ворона вдруг расти стала. Узнала ее младшая сестра и говорит:

— Ой, ошиблась ведь я! Забыла дымовое отверстие закрыть. Она через дымовое отверстие и вылетела. Видите, приближается к нам. Скорее собирайтесь! Возьмите оленей, садитесь на них. Я буду первая, а старшая из нас пусть самая последняя едет.

Сели сестры не мешкая на оленей. Подошли к табуну, младшая сестра своим посохом до всех оленей по очереди дотронулась. Верховых оленей по ногам постучала.

Все ближе и ближе старшая сестра. Слышат младшие сестры, как она сама с собой на лету разговаривает:

— Никуда не уйдете! Всех сегодня ночью убью!

А младшая сестра сказала:

— Не отдам тебе сестер! Ты не старшая наша сестра, ты, наверное, кэле!

А та говорит:

— Кэле или сестра — все равно всех вас съем!

Вскочила младшая сестра на верхового оленя. Побежали олени. Крикнула младшая сестра:

— Держите оленям головы кверху!

Сестры то и дело оглядываются. А она уже совсем близко. Махнула младшая сестра посохом, сестры тотчас взлетели. А тут темнеть стало. Оглянулась младшая сестра, говорит:

— Одну сестру уже схватила и вниз бросила. Насмерть убила.

Опять оглянулась — вот-вот их кэле настигнет. Заплакали две сестры. Младшая им говорит:

— Сестры мои любимые, не плачьте! Вас я не дам убить. Старшей я нарочно велела позади ехать. Вот сейчас поколдую, и мы спасемся.

Видят сестры — правда, младшая колдовать начала. Разложила три костра и сказала:

— Пусть каждая своего оленя к своему костру поставит!

Олени сами к кострам пошли. Упала сестра-ведьма в костер. А в огне старик стоит, нож держит. И зарезал ножом старшую, которая кэле была. А остальные спаслись.

На этом сказка кончилась.

143. Шаманка Кытна

Была у Кытны дочь, звали ее Ралинавут. Потерялась Ралинавут. А по соседству большая волчья стая жила, двадцать восемь волков в ней было. Это они забрали Ралинавут и ушли из этих мест. Во всех поселках искали Ралинавут, нигде не нашли. Никто ее не видел. Решили тогда: «Умерла, наверное, Ралинавут».

Шесть лет прошло, не вернулась Ралинавут. Сказала тогда Кытна:

— А я узнаю, отчего погибла моя дочь.

И начала шаманить.

Был у Кытны помощник. Сказал он ей:

— Твоя дочь Ралиनावут не умерла. Живет она на севере у волков, в месте, которое называется Талкап. Как-то давно жила здесь большая волчья стая, двадцать восемь волков в ней было. Они и увели твою дочь Ралиनावут.

Утром, как рассвело, сказала Кытна мужу:

— Теперь я знаю, где наша дочь живет.

Муж спросил Кытну:

— Где же она?

Кытна ответила:

— Далеко-далеко наша дочь! На севере, на Талкапе.

Муж сказал:

— Ты, пожалуй, не сможешь туда добраться. Сама еще, чего доброго, потеряешься.

Кытна сказала:

— Не могу я потеряться. Даже если не вызволю дочь, живущую в стае волков, все равно домой вернусь.

Муж сказал Кытне:

— Что ж, начинай дорожный припас готовить.

Начали готовить продукты: сделали мясной саломат, нарезали сушеного мяса. Хорошо собралась в дорогу Кытна. Наутро проснулись, поели. Едва начало светать, отправилась Кытна в путь. Быстро пошла, а как сто сажений прошла, волком стала. Волки ведь быстро бегают, и Кытна так же быстро побежала. До первого стойбища оленеводов добежала, там опять человеком стала. Пришла. Оленевод увидел ее, сказал:

— Здравствуй, куда пешком направилась?

Кытна ответила:

— На север иду я, на Талкап.

Оленевод спросил:

— Зачем идешь?

Кытна сказала:

— Моя дочь там у волков живет.

Оленевод сказал:

— Однако ты старуха уже, хватит тебе пешком идти! По-езжай на наших оленях.

Кытна сказала:

— Страшно на оленях ехать, лучше на своих ногах. Так, пожалуй, скорее найду дочь.

Оленевод сказал:

— Что ж, как хочешь. Тогда завтра с рассветом и отправляйся.

Как начало утром светать, Кытна сразу в путь отправилась.

Едва сто сажений прошла, глянул оленевод — а уже волк бежит.

Воскликнул оленевод:

— Так вот почему мы не могли уговорить ее на наших оленях ехать!

Кытна, оказывается, свое тело изменила.

Встретила Кытна по дороге волка. Подружился с ней волк. Начала Кытна волка выпрашивать, говорит ему:

— Не видел ли ты в какой-нибудь стае необычного волка?

Волк ответил:

— Далеко на севере, еще дальше за Талкапом, живет с большой стаей волков как будто не настоящий волк. В этой стае двадцать восемь волков, вот с ними он и живет.

Кытна сказала:

— Тогда это, должно быть, моя дочь и есть. Зовут ее Ралинавут.

Волк сказал:

— Действительно, есть там девушка с таким именем.

Кытна сказала:

— Спасибо, теперь я все узнала.

И отправилась Кытна, как ее волк научил, прямо на север побежала. Добежала до богатого стойбища оленеводов-чукчей. Пришла к хозяину стойбища как гостя. Стал хозяин спрашивать Кытну, говорить:

— Откуда ты пришла, пешая старушка?

Кытна отвечает:

— Дальняя я, из теплой стороны, из Кичиги.

Чукча-хозяин сказал:

— Ого, действительно, дальняя, а пешком пришла. Знаю я твоё селение Кичигу. Зачем в такой дальний путь, трудную дорогу пустилась?

Кытна ответила:

— А что, нет ли у вас поблизости большой стаи волков? Не мешают ли они тебе?

Чукча на это сказал:

— Ох, есть поблизости большая стая! Ох, очень они мне мешают! Каждую ночь нападают на наше стадо.

Кытна сказала:

— Увели эти волки шесть лет тому назад мою дочь. И вот только в этом году я на поиски отправилась. Может, еще не смогу ее у волков отнять.

Приготовились спать. Кытна сказала хозяевам:

— Встанем еще до света и поедим.

Проснулись назавтра еще до света. Поели, чаю попили, тогда только забрезжило. Отправилась Кытна в то место, где стая волков поела зарезанных ею оленей. Увидела стаю волков и пошла вокруг против солнца, чтобы не заметили волки. Идет, песню поет. Когда один раз обошла, дочь по имени окликнула, сказала:

— Ралинаву-ут!

Ралинавут тотчас перестала есть и спрашивает:

— Кто это кричит?

Опять Кытна пошла по тому же пути вокруг. Второй раз крикнула:

— Ралинаву-ут!

Говорит Ралинавут:

— Опять кто-то кричит. Как будто моя мать приехала.

В третий раз пошла Кытна вокруг. Идет, песню поет, потом опять крикнула:

— Ралинаву-ут!

Пошла Ралинавут туда, откуда ее мать звала. В ту сторону пошла Ралинавут. Подходит к матери, говорит:

— И ты, мать, сюда пришла!

Сказала Кытна дочери:

— Пойдем в стойбище. Там будем дневать, там я отдохну. Ведь я очень долго сюда шла. Мать ведь я.

Пошли в стойбище. Уже рассвело немного. Привела Кытна дочь.

Чукча — хозяин стойбища сказал:

— Ого, и сама вернулась, и дочь у волков отняла.

Побыли в стойбище день, отдохнули. Чукча говорит Кытне:

— Может, на оленьих упряжках вас домой отвезти?

Кытна сказала:

— Ничего, на своих ногах пойдем. Нам надо торопиться, завтра уж и отправимся обратно.

Наутро, чуть рассвело, собрались Кытна с дочерью в обратный путь. Посмотрел им чукча вслед. Сначала Кытна с дочерью как люди шли. А как саженой сто отошли, видит чукча — уже волки бегут.

Чукчи сказали:

— Ого, старушка другой вид приняла, в дальнюю сторону побежала.

А Кытна с дочерью пришли домой. Муж Кытны был на улице. Глянул — два волка приближаются. Рядом бегут и прямо в поселок. Сказал тогда тот старик товарищам:

— Это, пожалуй, моя старуха вместе с дочкой возвращается.

Другие жители тотчас вышли из своих жилищ, посмотрели — два волка к ним в поселок бегут. Сказали жители:

— Это не люди, это волки!

Муж Кытны сказал:

— Да нет, это моя жена и дочка. Зачем бы звери бежали прямо в селение?

Тут волки приблизились. За сто саженей от юрты Кытна с дочерью опять людьми сделались.

144. Отчего люди стали умирать

Жили когда-то два брата — Ака и Оё. Ака был проворный охотник. Целыми днями по тундре ходил, много зверя добывал, никогда голодным не был. А Оё был очень ленив. Все время дома сидит, целыми днями спит. Только и дел у него, что Аке еду сварить.

Вот однажды ушел Ака далеко в тундру. Вдруг видит — яранга. Подошел он к яранге, а из нее девушка вышла, очень красивая. Очень понравилась Аке девушка. Вошли они вместе в ярангу. Ака и про охоту забыл. Весь день с девушкой провел. Только вечером вспомнил Ака про Оё.

Сказал девушке:

— Что ж, мне, пожалуй, нужно домой идти! Меня дома брат ждет.

Идет Ака домой, все о девушке думает. Пришел домой, даже есть не стал. Сказал Оё.

— Очень далеко я ходил. Никакой зверь мне не попался. Очень я сегодня устал.

И сразу спать лег.

Проснулся Ака, еще светать не начало. Ушел сразу из дому, только вечером вернулся. И опять без добычи. Наконец кончились запасы, нечего стало Оё есть.

Отправился Оё в тундру. Идет и думает: «Может, где найду себе пропитание». Долго шел. Вдруг большую расщелину в земле увидел. Подошел к расщелине, посмотрел, подумал и сказал:

— Может, там внизу хорошая жизнь?

И прыгнул вниз. Упал, встал на ноги, а кругом темно, хоть

глаз выколи. Пошел Оё наугад, куда ноги понесли. Шел-шел, наконец светлеть стало. Видит — по дороге идет. Вдали маленькую ярангу заметил. Да только дыма над ней нет. Подошел к яранге. Подумал: «Нет там, наверное, никого». Вошел, видит — там у задней стенки полога спит старая-престарая старуха. Разбудил Оё старушку, сказал:

— Поскорее накорми меня!

Старуха говорит ему:

— Не спеши! Ложись спать, а я пока еду приготовлю!

Лег Оё, стал тайком наблюдать за старухой.

Приготовила старуха два котла. Достала нож, отрезала от своего бока мясо и бросила в котел. А в другой котел посморкала. И поставила котлы на огонь.

Когда варево в котлах закипело, разбудила старуха Оё.

Встал Оё и сказал:

— Старуха, я эту еду есть не буду. Это ты свое мясо сварила да еще и высморкалась туда.

Старуха говорит:

— Значит, не хочешь есть? Ладно, не ешь!

Оё говорит старухе:

— Как отсюда выйти? Отведи меня в мою землю!

Старуха говорит ему:

— Вот, послушай-ка! Здесь поблизости есть речка. Когда подойдешь к речке, ляг ничком. Потом увидишь — маленькая горбуша вверх по реке поднимается. Ты эту горбушу возьми и отрежь немного от ее горба на спине. Только, смотри, совсем немного отрежь.

Оё тотчас отправился. Скоро увидел речку и сразу лег ничком. Потом смотрит — правда, поднимается вверх по реке горбуша. Взял Оё горбушу, очень глубоко нож вонзил.

Забилась горбуша, ударила хвостом изо всех сил, Оё с ног сбила. Упал Оё на льдину и тотчас пристыл. Не смог оторваться. Так и умер Оё на льдине. Вот с тех пор люди и стали умирать.

Кончилась сказка.

145. О непослушных детях

Жили брат с сестрой. Совсем родителей не слушались. Вот однажды оставили их родители в тундре, а сами на другое место откочевали. Остались дети в яранге одни. Пришли к ним

кэле, захотели их съесть. Бросили детей в яму и пустили туда медведя, чтобы он их растерзал. А медведь вытащил детей из ямы. Стал их кормить — захотел для себя вырастить.

Вот пошли кэле по ягоды, говорят:

— Пойдем, съедем детей!

А мальчик с девочкой надумали убежать от медведя. Бегут, бегут, вдруг им на пути речка попалась. Стали дети просить лесную птичку, чтобы она перенесла их через реку. А птичка отвечает:

— У меня маленькие крылышки, не смогу я вас перенести. Пусть вас чайка перенесет!

Прилетела чайка и перенесла детей через реку. Побежали дети дальше. А кэле пришли к яме. Смотрят: детей-то и нет. Пошли их искать. Подошли к реке. Хотят перейти, а не могут. Спросили у птички, как дети реку перешли. Обманула их птичка, сказала, что дети выпили речку. Стали кэле воду из реки пить. Пили-пили и лопнули.

А дети домой вернулись, к родителям и стали с тех пор их слушаться.

146. Оё

Жили когда-то семь братьев. Самого младшего звали Оё. Был он простоват и глуповат, совсем дурачок. Вот стали старшие братья о женах думать, потому что были они все неженатые.

Говорят братья:

— Оё, мы пойдем, а ты дома оставайся!

А Оё отвечает:

— Ни за что не останусь! Да к тому же пойдете вы без меня, только зря проходите, ничего не найдете.

Старшие братья ему говорят:

— Не можешь ты с нами пойти. Говоришь ты плохо, одежда у тебя никудышная, торбазов нет и подбивка на лыжах плохая.

Оё говорит:

— А мне это все равно. Привычен я. Не замерзну!

Согласились старшие братья:

— Ладно, пусть идет. Ему же хуже будет!

У старших братьев у всех лыжи хорошие, камусом подбитые. А у Оё — только лыжи-лапки и летние торбаза.

Отправились. Оё, как только вышли, сразу отстал. Идут-идут, вечером к селению подошли. Оглянулись, а Оё догоняет братьев. Старшие братья очень спешат, да и Оюшка за ними поспекает — как будто его кто за веревку тащит. Правда, лыжи-лапки и торбаза у него совсем промерзли. Вот уж догнал братьев и, не сбавляя хода, обгонять начал. Теперь уж старшие братья отстали. Говорят:

— Ну и ну, Оюшка-то наш, оказывается, какой быстрый!

Только теперь это узнали. А раньше все говорили: «Никудышный ты, Оё, такой-сякой».

Пришел Оё в селение. Вышли хозяева навстречу, говорят ему:

— Дальше не ходи! Вон там остановись!

Оказывается, в этом селении всегда так поступали. А вышли Оё встречать хозяин Кагынкан и его помощник Нюнъе. Говорят они ему:

— Ты с товарищами?

Оё отвечает:

— Да!

— Зачем вы пришли?

Оё говорит:

— Мы, по правде сказать, свататься пришли.

Они говорят ему:

— Твои товарищи подойдут, пусть тоже тут остановятся!

Мы потом скажем вам, что делать.

Стал Оё ждать, когда братья подойдут. Пришли братья.

Он им сказал:

— Давайте здесь подождем! Сейчас хозяева придут, скажут нам, что делать.

Наконец пришел Кагынкан, сказал:

— Вот сюда идите!

Пошли братья. Кагынкан говорит:

— Это место для борьбы. У нас такой обычай: какой бы жених ни пришел, сначала должен в борьбе состязаться.

А место для борьбы — ледяная площадка, вся окровавлена. Оказывается, побежденных на плечо взваливали и прямо головой об лед били.

Пошел Кагынкан к ярангам и стал кричать:

— Где наш борец-богатырь? К нам женихи пришли свататься. Пусть идет сюда, встретит женихов!

Пришел борец, вызывает на борьбу. А этого богатыря до сих пор никто победить не мог. Стал старший брат снимать кухлянку. А Оё говорит:

— Подожди! Убьет он тебя. Ведь недаром я вас обогнал, хотя вы и на хороших лыжах. Давай-ка лучше я попытаюсь!

Сказал старший брат:

— Ладно, только мои борцовые торбаза и штаны надень!

Оё говорит:

— Не нужны мне твои торбаза и штаны. Я ведь вас в своей одежде обогнал. В ней и буду бороться.

Говорят братья вместе со старшим братом:

— Ну, что с глупого спрашивать! Будет что будет!

Снял Оё кухлянку. А богатырь, которого Кагынкан позвал, уже на льду ждет. Оё говорит ему:

— Ты первый на меня нападай!

Напал богатырь на Оюшку. Очень быстро устал. Сказал богатырь:

— Померился я с тобой силой, вижу, не могу тебя одолеть!

А старшие братья смотрят, про себя думают: «Вот-вот нашего Оюшку убьют».

А Оё говорит:

— Ну, держись! Теперь я на тебя нападу.

Бросился Оё на богатыря, несколько раз перевернул его, на спину взвалил и грохнул головой об лед. Тот только крикнул.

Закричал народ:

— Кагынкан, что же это?! Нашего богатыря убили! Оё его прикончил.

Кагынкан сказал:

— Эх, окаянный Оё! Убил все-таки!

Потом Кагынкан сказал Оё:

— Надевай уж свою кухлянку. Теперь будете в беге состязаться.

Потом крикнул:

— Ну-ка, позовите сюда того, кто диких оленей на бегу догоняет!

И вот появился самый быстрый из того народа, который диких оленей на бегу догонял. Стали старшие братья готовиться наперегонки бежать. А Оё им говорит:

— Не готовьтесь! Обгонят вас. Лучше уж я попытаюсь.

Говорят ему братья:

— Ладно, только самые лучшие лыжи и торбаза, подбитые щеткой с оленьих ног, надень!

А Оё говорит:

— Я ведь вас на своих лыжах недавно обогнал.

Говорят братья:

— Ладно, пусть бежит, ему ведь хуже!

Сказал тогда Кагынкан:

— Бег закончите вон у того родничка. Кто первый придет, пусть вот здесь становится, вот эту дубину возьмет. Кто второй придет, пусть к роднику наклонится, пить начнет. А победитель его изо всех сил дубиной ударит. Потому что такое уж правило. Ну, бегите!

Бегун сразу вперед вырвался. Оюшка на своих лыжах — вороньих лапках с первых шагов отстал. Весь день без отдыха шли, потом назад повернули. Оюшка сразу догнал соперника, будто кто его на ремне подтянул. Догнал, перегнал и далеко позади оставил, будто тот стоял, а не бегом бежал. Поздно вечером показался кто-то из бегунов, а другого не видно.

Народ кричит:

— Во-о-о-н один показался!

А маленький черненький человечек все ближе и ближе.

Старшие братья Оё тихонько между собой переговариваются:

— Ой, кажется, это наш Оюшка!

По движениям брата узнали. Подбежал к родничку. Действительно — Оё. Старшие братья говорят ему:

— Ой, Оё, может, ты с полпути вернулся?

Оё говорит:

— Нет, я как раз там, где надо, повернул!

Говорят ему братья:

— А где же твой соперник, который диких оленей догоняет?

Говорит Оё с презрением:

— Я его еще на повороте оставил!

Закричал народ:

— Кагынкан! Что же это такое?! Обогнал Оё нашего быстроногого!

Кагынкан даже заплакал, сказал:

— Ой-ой-ой, какой-то негодный Оё начал быстрееших побеждать!

Потом подошел к Оё и сказал:

— Иди к родничку. Придет наш бегун, начнет пить, ты его вот этой дубиной ударишь.

Прибежал отставший. Что ж, такова его судьба! Сразу начал из родника пить. А Оё его тотчас дубиной ударил.

Закричал народ:

— Кагынкан, что ж это такое! Убил Оё нашего быстреешего!

Опять Кагынкан заплакал. Говорит:

— Ну ладно, позовите теперь человека, ловкого как горно-
стай!

И вот появился человек, очень низенький и очень хорошо
снаряженный.

Тут Кагынкан говорит Оё:

— Теперь будете в прыжках состязаться. Место состязания
вон там наверху. А внизу будут наши люди стоять, копьями
ощетинившись. Если кто не рассчитает прыжок, прямо на ча-
стокол копий упадет. Это уж верная смерть.

Опять старшие братья стали к соревнованию готовиться.
А Оё говорит им:

— Пусть уж лучше я, никчемный, погибну. Никто ведь
тогда не скажет: «Ох, наш славный Оё умер».

Старшие братья сказали:

— Ладно, пусть прыгает, если ему так хочется!

Тотчас забрались двое на скалу для прыжков. Тут Оё го-
ворит:

— Ты первым прыгай, а я за тобой потихоньку!

Хорошенько приготовился к прыжку ловкий как горноста́й.
Прыгнул, а Оё сразу за ним. Тоже ловко и сильно прыгнул.
Пролетел Оё над головой соперника, задел его ногой по го-
лове, и упал тот сразу на страшные, острые копыя. Ну а Оюш-
ка в безопасном месте приземлился. Тут закричал народ, за-
причитал:

— Ой, Кагынкан, что ж это такое! Погиб наш ловкий как
горноста́й!

Заплакал Кагынкан:

— Ой-ой-ой, победил нас проклятый Оё! Ну что ж, зовите
Нюнье! Где он? Пусть несет все свое оружие!

Тут Нюнье появился — нагружен стрелами, двумя луками.
Подошел. Кагынкан сказал ему:

— Победили ведь нас вот эти!

— Что ж, видно, придется дать им жен!

Кагынкан говорит:

— Да, наверное, придется.

Нюнье говорит братьям:

— Подойдите сюда!

Подошли. Говорит им Нюнье:

— Вот у меня семь стрел. Я сам их буду пускать. Первый
раз для самого старшего выстрелю. Потом для второго, потом
для третьего, и так семь раз.

Пустил первую стрелу — для старшего брата. Потом вто-

рую пустил — для следующего брата. Так все стрелы расстрелял. Оё отдельно сказал:

— Ты победитель! Тебе самая лучшая цель досталась. А теперь идите вслед за стрелами. Там, где стрелы упали, яранги увидите. В этих ярангах ваши невесты. Пусть сначала старший брат идет.

Пошел старший брат, куда его стрела улетела. Видит — яранга. Подошел к яранге. Заглянул — там девушка сидит, одежду шьет. Очень хорошая яранга. Вокруг яранги большой табун оленей пасется. Это ее приданое.

Другой брат тоже за своей стрелой пошел. И тоже, как старший брат, ярангу нашел, а в ней — девушку. Все братья невест себе нашли. Все с оленями стали. А у Оё невеста лучше всех, и одежда на ней самая красивая, и яранга очень хорошая. Сразу всем Оё обзавелся, красивую одежду надел. Прямо не узнать его — как будто и не Оё это.

Собрались вечером, стали еду готовить и беседовать. Говорят:

— Пусть наш младший брат Оё будет старшим над нами. Ведь это он такую хорошую жизнь нам добыл! Да, действительно, пусть будет нашим предводителем! А утром все вместе домой откочуем!

Утром спрашивают они у Кагынкана:

— Можно нам домой откочевать?

А Кагынкан сказал им:

— Теперь вы хозяева! Ваша сила. Хоть и отправитесь домой, никто вам не скажет: «Зачем домой поехали?»

Сразу же снарядили они аргиш. Оё самым первым отправился. Домой вернулись, хорошо стали жить.

Вот я и кончил сказку про Оё. Конец.

147. Повествование о живших прежде

Жил один чавчувен — силач Кэчгынтакъяв. Жил он с женой, и было у них двое детей. Вот раз отправился муж охотиться на диких оленей. Взял с собой лук и копьё. А дело осенью было. Едва он отправился, проливной дождь пошел. Хорошо еще, что дождевик с собой захватил. Стало смеркаться. А он еще ничего не добыл. Поднялся на гору, где всегда горные бараны ходили. Как только взошел на гору, сразу на горного барана наткнулся и заколол. Решил мясо пригото-

вить. Разжег костер сушняком и надел на вертел жирную грудинку. Вдруг взглянул влево на кедровник. Видит — большой отряд врагов к нему приближается, и все с копьями. «Что же мне делать?» — подумал Кэчгынтакъяв.

— Спрячусь-ка я вон туда, — сказал он себе.

Спрятался Кэчгынтакъяв рядом с костром и ждет, когда враги покажутся. Вдруг мясо на вертеле шевельнулось. Это стрела из лука в него вонзилась. Немного погодя опять шевельнулось, но в огонь все-таки не упало, потому что на вертеле. Враги, наверное, подумали — это чавчувен сидит. Подошли к огню и рассмеялись. Сразу есть начали.

«Вон тот негодяй, наверное, старший у них. Самую жирную грудинку ест», — подумал Кэчгынтакъяв.

Тотчас нацелил на него лук и выстрелил. Попала стрела во врага и убила насмерть. Стал чавчувен шуметь, закричал:

— Много нас, давайте скопом накинемся, всех перебьем!

Очень испугались враги. Подумали: «Правда, ведь перебьют нас», — и в страхе поразбежались. Все свое оружие оставили. Много Кэчгынтакъяву стрел для лука досталось. Богат стал стрелами.

Так наш чавчувен, смелый, находчивый, от врагов спасся.

148. Ымка

Жил на острове Куутук¹ сильный человек по имени Ымка. У него была жена, дочь по имени Кунаввыт и один сын по имени Пининан². У Ымки был двоюродный брат, которого звали Тавитын, у него были две жены, обе бездетные.

Много вражеских отрядов истребили Ымка и его родственники. Как-то пришла весть о том, что многочисленный вражеский отряд приближается. Начал тогда Ымка с родственниками советоваться. Тавитын говорил:

— Здесь, в крепости³ будем биться. Тогда, может быть, тех врагов уничтожим.

Ымка сказал:

— Плохо биться внутри крепости, может быть, много крови прольется между юртами. Лучше подальше от юрт, в тундре будем биться.

Приблизился тот вражеский отряд. Тотчас ымканцы вышли из своей крепости, в ближайшую тундру пошли, начали биться. Вот уже стали врагов избивать. Кончились стрелы, копьями

стали биться. Ымка сильно озлобился, бросил копьё, вынул топор и бросился на врагов. Начал рубить вражеские головы костяным топором. Однако неправильно ударил, в открылок панциря засадил топор⁴. Еще больше разъярился. Мотает из стороны в сторону врага, в открылке панциря которого завяз топор. Не может топор высвободить, поэтому вместе с топором и мотает того врага. Изловчился враг, ударил Ымку копьём под мышку. Едва вытащил из раны копьё. До того как умереть, Ымка еще десять врагов убил. Наконец затих Ымка и скончался.

Его сын Пининан был ранен в правую руку. Стал Тавитын один биться, сказал при этом племяннику:

— Перестань биться, иди домой. Я один буду драться, ведь немного уже врагов осталось, сам их уничтожу.

Пининан сразу же домой отправился. Пришел домой.

Мать спросила его:

— Где отец и дядя?

— Нет уже Ымки, он убит, а Тавитына я оставил, он один бьется — ведь я стрелой ранен в правую руку. Поэтому дядя сказал мне: «Довольно, перестань биться, иди домой».

Немного оставалось врагов, когда Тавитын оглянулся на берег и увидел: убегает его племянница Кунаввыт. Прикончил оставшихся врагов Тавитын и отправился домой. Пришел домой, сказал жене:

— Давай поедим, а потом уже пойдем Ымку принесем.

Поели, отправились в тундру за Ымкой. Пришли, подошли к Ымке: лежит Ымка в крови. Стала жена Ымки плакать. Потом погрузили его на байдару. Привезли домой убитого Ымку. Тут только очнулась жена Ымки и спросила:

— Где Кунаввыт, куда ушла? Давно уже нет ее.

Тавитын сказал:

— Недавно видел, вдоль берега бежала Кунаввыт.

Мать Кунаввыт сказала:

— Может быть, Кунаввыт убежала в какое-нибудь селение?

Когда Ымку сожгли⁵, Тавитын сказал:

— Пойду искать Кунаввыт.

Сначала пришел в селение Кичигу. Пришел туда Тавитын, спросил кичигинских людей:

— Не приходила ли в Кичигу Кунаввыт?

Кичигинцы ответили:

— Не приходила сюда Кунаввыт.

Тогда Тавитын отправился в селение Рекинники⁶.

Пришел в Рекинники, спросил рекинниковцев:

— Может быть, сюда приходила девушка по имени Кунаввыт?

Рекинниковцы сказали:

— В нашем селении есть девушка по имени Кунаввыт.

Обрадовался Тавитын, говорит:

— Вот как хорошо, что жива моя племянница Кунаввыт!

Пошел он к Кунаввыт, стал говорить с ней. Спросил:

— Может быть, домой пойдем? Как ты хочешь?

Кунаввыт сказала дяде:

— Не хочу я домой идти, здесь себе жениха найду.

Тавитын ушел домой один. Пришел домой, домашним сказал:

— Кунаввыт в Рекинники ушла. Я говорил ей — «пойдем домой», она не захотела.

Мать Кунаввыт сказала на это:

— Что ж, она там по своему желанию осталась. Как хочет, так пусть и живет. Найдет ли себе жениха или нет, все равно.

Тавитын говорил племяннику Пининану:

— Поправляйся быстрее. Если явится сюда вскоре вражеский отряд, не смогу я один биться.

К зиме Пининан немного поправился. Как-то Тавитын сказал ему:

— Пойди, Пининан, принеси юколу. На Калуввиту-реке в яме хранится юкола.

Утром пошел Пининан за юколой. Пришел к яме, в которой юкола хранилась, открыл яму, спустился в нее, стал готовить вязанку юколы. Вдруг заглянули в яму враги, сказали Пининану — Горящей лучине:

— Вот, пожалуй, Ымкина горящая лучина и погасла!

Посмотрел Пининан вверх. Сказал врагам:

— Еще, пожалуй, Ымкина горящая лучина погорит, хотя жир и густой.

Сказал так Пининан да как выскочит из ямы!

Не ожидали враги, что Пининан так скоро выскочит. Хотели его копьями заколоть, а закололи сами себя. Правда, караулили они отверстие ямы. Копья к нападению изготовили. Сказали друг другу:

— Как станет Пининан из ямы выходить, приколем его.

А Пининан с такой быстротой наружу выскочил, что не смогли враги хорошо прицелиться — такой ловкий сын Ымки Пининан! Поэтому друг друга и закололи.

Выпрыгнув из ямы, Пининан далеко от нее стал на землю. На одной ноге стал прыгать, приговаривать: «Не может Ымкина горящая лучина погаснуть, всегда обязательно будет гореть!»

Потом сказал врагам Пининан:

— Готовьте ваших оленей, а я свои ноги приготовлю, гонитесь за мной. Правда, вы на оленях, а я только на своих ногах!

Бросились враги преследовать Пининана. Как птица полетел Пининан! Прибежал домой, к тому месту, где как бы для игры был врыт в землю высокий столб. Поднялся на него Пининан, на одну ногу на верхушке столба встал. Враги только стали приближаться. Увидели — Пининан на столбе на одной ноге стоит. Сказали:

— Очень ловким стал Пининан!

Пининан крикнул Тавитыну:

— Дядя, приготовь наши луки!

Тавитын сказал племяннику:

— Что ты там делаешь, ступай скорее в крепость, ведь враги совсем близко!

Пининан ответил:

— По своей воле идут они. А я скоро в крепость приду.

Подъехали враги, начали стрелять из луков в Пининана, который все еще стоял на столбе. Едва натянули луки — прыгнул Пининан в крепость. Все вражеские стрелы в землю воткнулись. Однако начали биться. Весь тот вражеский отряд уничтожили. Одного только врага оставили в живых, домой отпустили. Вернулся он домой, стал рассказывать товарищам, говорить:

— Больше никогда в тот поселок не пойду воевать. Враги наши очень сильные и к тому же ловкие. Вот ведь, окружили мы Пининана, когда он в яму за юколой спустился. Окружили, копыа изготовили. И все же потеряли его: выскочил он из ямы и ушел от нас. А мои товарищи, что у ямы караулили, друг друга копыями покололи. Правда, тотчас же бросились мы за ним на оленях. Он пеший был, а полетел как птица на крыльях! Вот подъехали мы к жилищу Пининана, видим — Пининан на столбе на одной ноге стоит. Тотчас начали из луков стрелять. Как прыгнет он опять — прямо в свою крепость! А наши стрелы в землю воткнулись. Тогда начали биться. Что ж, весь наш отряд скоро уничтожили. Меня одного домой отпустили. Поэтому я теперь говорю вам: «Никогда больше не пойду воевать, а то наконец и меня ни за что убьют».

Оседлые коряки воевали с оленеводами — эвенами, камчадалами и с чукчами. Чавчувены оказались слабым народом. И поэтому в конце концов были почти уничтожены. Осталось только семь стойбищ оленеводов, а другие все были уничтожены. Однако как-то уж потом набрался смелости старик оленевод и сказал сыну:

— Иди сватай невесту.

Сын спросил отца:

— Куда я пойду свататься?

Отец ответил:

— А туда, к нашим врагам, к оседлым жителям пойдн по-сватайся. Туда пойдн, где десять сыновей и одна дочь. Ее и начни сватать.

Сын сказал отцу:

— Пожалуй, убьют меня наши враги!

Отец сказал ему:

— Ладно, пусть даже убьют! Все равно смерть одна бывает!

После этого отправился сын свататься. Пришел, смотрит — много людей упражняются в стрельбе из луков. Увидел один из них пришедшего и сказал другим:

— Смотрите, вон «волк» идет одинокий.

Другие сказали:

— Давайте его уьем.

Однако старший сказал:

— Нет, не будем убивать, пусть подойдет сюда, и мы спросим его, куда он путь держит.

Подошел тот жених, спросили его:

— Куда ты идешь?

Сказал:

— Пришел к вам свататься. Туда, где десять сыновей и одна дочь, пришел. Ее и хочу сватать.

Тотчас пошли десять человек к юрте, вошли в нее. И тут старший громко сказал отцу:

— Жених пришел за нашу сестру отрабатывать. Пожалуй, лучше уьем его.

Отец сказал:

— Плохо, если уьете. Он свататься пришел, таких убивать грех. Я очень долго жил, почти сто лет живу, но еще никогда не видел могилы жениха.

Вошел тогда жених. Старушка воскликнула, сказала:

— А ну, гость, садись!

Сел жених. Старик сказал жене:

— Пусть поест гость.

Начала старуха пищу готовить. Нарезала мяса. Человечий помет в суп положила. Горшок вместо блюда поставила. Человечий помет вместе с мясом смешала. И все это жениху подала. Погрузил туда деревянную ложку жених, зачерпнул, понес ко рту полную ложку. Как вдруг ударила старуха жениха по руке. Что ж — вылетела ложка из руки в сторону. Жених возмущенно сказал:

— Зачем ты ударила меня по руке, когда я начал есть?

Старуха на это сказала:

— Видел ли кто когда-нибудь человека, который человеческий помет ест?

Жених ответил ей:

— Я думал, раз поставлено блюдо с едой, значит съедобное.

Старик сказал:

— Кажется, ты действительно очень хочешь жениться на нашей дочери. Ну что ж, возьми нашу дочь в жены, женись!

Жених сразу в полог невесты вошел. И жил он там три месяца. Затем старик сказал зятю:

— Пожалуй, довольно. Отправляйтесь с женой в твой дом. Всегда здесь со мной жить не будете, в свой дом поезжайте.

Отправились домой. Прибыли в свое стойбище. Старик оленевод вышел навстречу, увидел — сын подъезжает. Тотчас повернулся к юрте, крикнул жене:

— Выходи, сын приехал с женой!

Вышли оба: старуха и старик.

К сыну обратились, так ему сказали:

— Мы думали, уж не убит ли ты, наш единственный сын. А ты вон, оказывается, уже женился.

Сказал старик сыну:

— Поезжай обратно, спроси тестя и тещу, как мы теперь жить будем. В прошлом году враги-чукчи забрали у нас стадо оленей. Вот об этом деле и посоветуйтесь. Возможно, скажут они вам: «Ладно, поедем, будем этих оленей искать, ведь теперь они все равно что наши».

Поехал молодой оленевод к своему тестю. Сказал ему тесть:

— Здравствуй, приехал!

— Да, приехал!

Старший сын тестя спросил:

— Зачем приехал?

Молодой оленевод сказал им:

— Я, правда, по очень важному делу приехал.

И спросил тесть:

— Что такое у тебя случилось?

Сказал:

— Хочу с вами нашу жизнь обсудить! В прошлом году чукчи наших оленей забрали. Сможем ли мы этих оленей у них отобрать?

Тут все родственники жены сказали:

— Хорошо, мы сейчас же поедem, немедленно, если ты знаешь, где эти грабители чукчи живут.

Оленевод сказал:

— Хорошо знаю. Чукчи эти совсем недалеко живут.

Тут же начали собираться. Хорошо подготовились и пустились в путь в северную сторону. Прибыли в Талкапскую тундру, нашли чукчей, которые оленей отняли. Старший брат коряк крикнул:

— А ну, чукчи, это мы приехали! Теперь отвечайте нам! В прошлом году вы у нас стадо оленей отняли. Мы прибыли это стадо забрать!

Закричал в ответ чукотский силач по имени Кварару:

— Не возьмете оленей!

Коряк-силач сказал:

— Нетрудно нам забрать наших собственных оленей! Не сможешь ты нам помешать!

Чукотский силач Кварару сказал:

— А я говорю, не возьмете!

Тогда старший коряк крикнул младшим братьям:

— Ну, младшие братья, приготовьтесь, будем сражаться!

Приготовились. Объявили чукчам коряки:

— Давайте сражаться!

И Кварару тотчас своим воинам — молодым людям сказал:

— Будем сражаться, оседлые коряки приехали!

Бились два дня, однако чукчей побили. Чукотских женщин в плен взяли. Бедняков, молодых людей, тоже всех в плен взяли. Затем домой отправились. Большущее стадо оленей с собой пригнали. Очень обрадовался этому старик оленевод, сказал:

— Вот же, ведь отобрали своих оленей обратно!

Некогда жили два родных брата, третьей была их сестра. Звали ее Киливнаут. Выросли братья, начали упражняться, силу и ловкость развивать. Скоро такими сильными стали, что при стрельбе из луков ломали деревянные пятки стрел. Начали тогда стрелами с костяными пятками стрелять.

Сестра их была незамужняя.

И вот стала Киливнаут в тундру каждый день уходить. Оказывается, с чужеплеменником тайно встречалась. Однако ее родные братья ничего об этом не знали. Когда забеременела Киливнаут, встретила однажды в тундре своего мужа-чужеплеменника, стала ему говорить:

— Убей моих братьев.

Однако ее муж-чужеплеменник ответил ей:

— Зачем же я буду убивать их, ведь они твои родные братья! Да и не убить их мне — очень они сильные. Если я нападу на них, то, скорее, они меня убьют.

Тогда Киливнаут сказала:

— Если ты моих братьев не убьешь, то, когда я рожу твоего ребенка, они меня убьют, при этом скажут: «Ты вышла замуж за нашего врага!»

Тогда сказал ей муж-чужеплеменник:

— Ну ладно. Только как же мы твоих братьев убьем?

На это ответила ему Киливнаут:

— Очень просто. Вернусь я домой, как только они уснут, пойду к юкольнику, где они луки свои хранят. Перережу ножом тетивы на луках, а копья отнесу подальше в тундру. Ты ночью придешь, и мы очень легко перебьем их.

Чужеплеменник сказал ей:

— Ну ладно, иди домой!

Пошла Киливнаут домой. Приходит. Брат спросил:

— Киливнаут, почему ты так долго домой не шла?

Киливнаут ответила:

— Так просто, долго по тундре гуляла.

Стемнело. Братья уснули. Киливнаут к юкольнику пошла. Луки братьев взяла, тетивы ножом перерезала, копья в тундру отнесла. Ночью пришел ее муж-чужеплеменник. Киливнаут тотчас крикнула братьям:

— Ой, враги пришли к нам, вставайте!

Вскочили братья, побежали к юкольнику. Поднялись на юкольник — оказывается, тетивы всех луков перерезаны. Тогда бросились они к тому месту, где копья лежали. И копий

пет. Побежали братья домой. Напали на них враги. Едва только первые раны нанесли, притворились братья мертвыми. Тут муж-чужеплеменник сказал Киливнаут:

— Пойди сюда! Вот сказала ты: «Давай убьем братьев!» Правду я тебе говорил: не надо их убивать. Взгляни, что мы с ними сделали. Убили ведь!

Пришла Киливнаут, взглянула на братьев и сказала мужу-чужеплеменнику:

— Может быть, они еще не умерли. Ну-ка, проверь, мертвые ли они! Попробуй, верхнюю губу отрежь. Начни со старшего брата.

Отрезал муж-чужеплеменник верхнюю губу у старшего брата, но тот не пошевелился. Сказала Киливнаут:

— Этот правда умер. А ну-ка, у младшего брата отрежь!

Отрезал чужеплеменник верхнюю губу у младшего брата жены — вздрогнул младший брат: не было у него такого крепкого сердца, как у старшего, молод еще был, очень больно ему показалось.

Сказала Киливнаут мужу:

— Убей его!

Пронзил чужеплеменник копьем младшего брата Киливнаут, тот сейчас же и умер.

Чужеплеменник сказал:

— Теперь ко мне домой поедем.

Отправились домой, приехали, стали жить вместе.

Встал Рынныналпылын, сжег своего брата. Потом стал к своим родственникам собираться. Хорошо собрался, пошел в Алюторку — там у него родные жили. Стал он у них поправляться. Скоро совсем выздоровел. Десять лет жил Рынныналпылын у родных, еще сильнее стал. И тогда наконец сказал:

— Пожалуй, уже настало время. Помните, у нас есть сестра. Я найду ее и уничтожу мучительной смертью.

Начал Рынныналпылын своих родственников собирать: двоюродных братьев, племянников. Собрал всех и сказал:

— Пойдемте найдем нашу сестру и предадим ее мучительной смерти!

Ответили ему:

— Ну, пойдём!

Отправились ранней весной по насту на север. Пришли утром в стойбище. Спросил Рынныналпылын у работников этих оленеводов:

— Какая тут юрта моей сестры?

Показали ему работники юрту:

— Вон, видите, там их юрта.

Взял Рынныналпылын аркан и пошел туда. Подошел к юрте, набросил аркан на сплетение верхних концов жердей, которые остов юрты держат, потянул сильно и опрокинул юрту набок. Вскочила его сестра и сказала мужу:

— Эй, с какой стороны на нас нападают, какие враги?

Сказал ей Рынныналпылын:

— Молчи, это безгубые враги напали на вас!

Узнала брата сестра, сказала ему:

— Осторожно, здесь твои племянники и твои племянницы.

Рынныналпылын ответил ей:

— Нет у меня здесь ни племянников, ни племянниц — никаких родственников нет.

Тут Рынныналпылын сказал работникам чужеплеменников:

— А ну-ка, пригоните сюда стадо оленей!

Отправились работники к стаду. Пригнали оленей к стойбищу. Поймали двух необученных старых быков, совсем близко к юрте подвели. Схватили родственники свою сестру и подтащили к оленям. Проткнул Рынныналпылын щиколотки у сестры, в отверстия ремни продернул и завязал накрепко. Другими концами ремни к необученным быкам привязали. Отпустили быков. Быстро помчались быки в разные стороны. Разорвали Киливнаут надвое. Потом поймали тех быков и назад привели. Один одну ногу Киливнаут волочил, другой другую.

Стал муж Киливнаут плакать. Рынныналпылын убил детей Киливнаут, так рассуждая: «Если этих детей не убить, то потом, когда вырастут, станут моими врагами».

Сказал Рынныналпылын мужу Киливнаут:

— Тебя я не убью. Ты не был виноват. Наша сестра одна во всем виновата. Поэтому и нашла она мучительную смерть.

И еще сказал Рынныналпылын врагам:

— Теперь мы начнем собираться в обратный путь. Заберу я с собой половину вашего стада. Вы спросите: «Почему Рынныналпылын половину нашего стада забрал?» Я потому забираю половину вашего стада, что вы первые убили моего младшего брата. Вы гораздо хуже поступили по отношению к нам. Если бы вы первые не сделали мне зла, я не отобрал бы теперь у вас половины оленей, родную сестру не предал бы позорной смерти и племянников не стал бы убивать. И еще я рассердился на вас за то, что вы мою верхнюю губу отрезали. Не сказал ведь тогда никто из вас: «Не надо резать губу!» Так

что половину ваших работников я тоже заберу, половину оставлю вам.

Разделил Рыныналпылын стадо надвое, половину работников взял, половину оставил им.

Затем отправился Рыныналпылын со своими людьми домой. Вернулся домой, стали его дома называть Авамылкаки — Безгубый.

Работникам чужеплеменников Авамылкаки сказал:

— Теперь вы как сумеете жить, так и живите. Вот ваше стадо, охраняйте его. Только будете мне оленей убивать, когда я оленьего мяса захочу.

Так потом и жили.

151. Мивит

Жил давно предок по имени Мивит.

Был этот человек очень быстроногий. Увидит где-нибудь стаю гусей, тотчас на них бросается. Не успеют гуси взлететь, а он уже всех похватал.

Привяжет пойманных гусей к поясу. И домой бежит. Прибежит — от пойманных гусей одни клювы на поясе болтаются. Гусиные тела все истреплются от быстрого бега.

Пойдет Мивит в горы на промысел, лука с собой не берет. Придет в горы, мигом одного, другого горного барана догонит и убьет.

Случалось ему на другую сторону бухты заходить. Оттуда вслед за стаей уток за один переход в наши места приходил. У нас до сих пор его следы сохранились. Я их сам видел. Очень он широко шагал. Измерял я его шаги: десять моих шагов на один его шаг пришлось.

И никто не мог убить этого человека.

Однажды, когда он из чуванской земли возвращался, погнались за ним чуванцы. А Мивит большую вязанку дров нес. Хоть и тяжелая была вязанка, так и не догнали его чуванцы. Не смогли его убить. Остановились, начали его следы рассматривать. Пока следы рассматривали, он совсем далеко ушел.

Тогда те чуванцы сказали:

— Не сможем мы его убить. Не к чему и пытаться. Пусть уж уходит. Все равно нам его не догнать.

И вернулись те чуванцы домой.

Вот тогда-то и проложил Мивит свой след от чуванской земли до самого Алюта.

А вязанка дров, когда он достиг холма Йыгойвы, сама собой у него на спине вспыхнула: так сильно он разгорелся от быстрого бега. Тут он свою ношу и бросил.

152. Богач и работник

Жили двое братьев бедняков. Как стало жить невоготу, один из них сказал:

— Пусть один из нас останется дома, а другой отправится работать к богачу.

Как задумали, так и поступили. Один дома остался, другой к богачу работать отправился. Пришел к богачу.

Богач сказал:

— Ты у меня будешь работать до следующей весны. Когда кукушки закукуют, тогда кончишь работу.

Богач сказал работнику:

— Вот мое условие: смотри, не сердись. Если рассердишься или обидишься, то дашь мне сто оленей. Если я рассержусь или обижусь на тебя, также сто оленей тебе дам.

Работник сказал:

— Нет у меня ста оленей.

Богач сказал:

— Ничего, отработаешь у меня до следующей осени.

Долго думал работник, потом сказал:

— Ладно, согласен!

И еще прибавил:

— Я не рассержусь и не обижусь.

На следующее утро богач послал работника в стадо.

— Отправляйся в стадо, работай там, пока светло на дворе. Когда стемнеет, иди домой.

Весь день трудился работник в стаде. Как наступили сумерки, зашло солнце, вернулся работник домой.

Спросил хозяин:

— Зачем пришел?

Работник сказал:

— Солнце зашло, стемнело, вот я и пришел.

Богач сказал:

— Действительно, я сказал: «Когда стемнеет, домой иди». Солнце, правда, село, однако луна взошла.

Работник сказал:

— Как же быть? Так, пожалуй, мне всю ночь придется работать?

Богач сказал работнику:

— Ого, ты, кажется, сердишься!

Работник сказал:

— Нет, не сержусь я и не обижаюсь.

И снова отправился работник в стадо.

Всю ночь луна светила, всю ночь трудился работник в стаде. Наутро луна зашла, зато солнце встало. Повалился работник на землю, начал сердиться на богача:

— Ого, так я, пожалуй, и буду все время работать! Сам-то он не работает, а хорошо ест. А мне и за работу не платит. И еды не дает.

Богач как раз близко находился. А работник его не видел. Сказал вдруг богач работнику:

— Ты, кажется, сердишься! А ну-ка, давай мне сто оленей! Если не дашь — работай до следующей осени.

Проработал работник до следующей осени. Ничего за работу не получил. Возвратился домой с пустыми руками.

Приходит домой, встречает его брат:

— Здравствуй! Много ли оленей заработал?

Рассказал ему брат, как его богач обманул. Тот брат, который дома оставался, говорит:

— Ну теперь ты дома побудь, а я работать пойду.

Отправился работать к богачу. Пришел к богачу.

Богач сказал:

— Будешь у меня долго работать. До той поры будешь работать, пока кукушки не прилетят. И вот мое условие: смотри, не сердись. Если рассердишься, сто оленей мне дашь. Если я рассержусь, еще больше тебе оленей дам.

Работник сказал:

— Хорошо, согласен. Только вот сто оленей, по-моему, маловато. Давай лучше так сделаем: кто первый рассердится, тысячу оленей отдаст.

Долго думал богач, потом сказал:

— Ладно, согласен!

Про себя, однако, подумал: «Будет у меня больше оленей».

Вот раз утром солнце взошло, а работник все еще спит. Стал богач будить работника:

— Эй, проснись. Ленивый ты человек! Солнце уже давно встало, а ты все еще спишь!

Работник сказал:

— Ты что, начинаешь сердиться?

Богач сказал:

— Нет, не сержусь, просто говорю тебе, что пора уже в стадо идти.

Встал работник, еле-еле двигается.

— Поторопись, больно ты медленно в дорогу собираешься!

Снова спросил работник:

— Уж не сердишься ли ты?

Хозяин ответил:

— Нет, нет, не сержусь. Просто ведь до стада длинный путь. Я тебя туда отвести должен.

Долго обувался работник. Еще дольше умывался. А тут и полдень наступил.

Работник сказал:

— Не время сейчас на работу идти. Скоро темнеть начнет. Давай сначала хорошо поедим, тогда уж и на работу пойду.

Кончили есть. Сказал работник:

— Хорошо я наелся. Не могу работать. Надо поспать немного.

Склонил голову на траву да и проспал до вечера.

Богач крикнул:

— Ну, долго еще работать не будешь? Другие уже с работы пришли, а ты еще и не выходил!

— Ого! Ты никак сердишься? — спросил работник.

Богач сказал:

— И не думаю сердиться, так просто говорю тебе. Ну ладно, иди домой — темнеет.

— Вот и хорошо, что не сердишься, — сказал работник. — Можно, пожалуй, и домой пойти.

Так два месяца прошло.

Мало радости богачу от такого хитрого работника. И не работает, и на богача не сердится.

Решил богач обмануть работника — тоже ведь очень хитрый был.

Подумал богач: «Как бы мне обмануть хитрого работника? Экий я глупый! Зачем сказал: „Долго будешь у меня работать, до прилета кукушек!“ Ведь не скоро еще весна».

Долго думал богач, потом сказал:

— Ну ладно, обману работника!

Пришел домой, жене сказал:

— Пойдем в лес, там ты на дерево залезешь. Как только увидишь меня с работником, тотчас куковать начни. Только смотри, хорошенько спрячься, не показывайся.

Вернулся домой богач, сказал работнику:

— Пойдем на охоту!

Взяли ружья, отправились. Стали к лесу подходить. Увидела их жена. Начала куковать:

— Ку-ку! Ку-ку! Кук! Ку-ку! Кук!

Сказал богач:

— Слышишь, кукушка кукует! Начала уже куковать!

Потом прибавил:

— Ну, кончилась твоя работа! Можешь сегодня домой отправляться.

Понял работник: обманывает его богач. Говорит богачу:

— Было ли когда-нибудь, чтобы кукушки зимой куковали?

Что это за зимняя кукушка такая? Выстрелю-ка я в нее. Вот тогда посмотрим и разберемся. А ну-ка!

Стал работник целиться в кукующую кукушку. Увидел это богач, бросился к нему, стал ружье отнимать.

Отнимает и кричит:

— Нельзя в человека стрелять! Еще убьешь — не кукушка ведь!

Говорит работник:

— Ого! А ведь ты сердишься!

Начал богач ругаться:

— Чуть-чуть мою жену не убил!

А работник и говорит:

— Сам сказал: «Идем в лес охотиться!»

Закричал хозяин:

— Ладно, довольно, иди домой! Забирай оленей!

Работник тотчас забрал оленей и домой отправился. Вернулся домой. С того времени стали братья хорошо жить.

153. Паланцы

Давно жили-были паланцы. Был среди них Нырыгырнын-силач. Построил он свое жилище на берегу Паланы возле скалы. Были у Нырыгырнына две дочери и жена, а сына не было. Дочери его много в силе и ловкости упражнялись. И скоро стали сильными, почти такими же сильными, как отец. А в селении Кахтана жили два родных брата-силача: старший Нутэмн, младший Микифлю. Как-то прибило к берегу большого кита у самого устья реки Таскыт. Увидели кахтанинцы выброшенного морем кита, и вскоре собрались в этом месте все жители четырех поселков реки Кахтаны. Пришли сюда, чтобы разделаять кита и поделить. Старик Нырыгырнын тоже

к киту отправился. Пришел туда, где кит на берегу моря лежит. Видит: все люди на берегу моря сидят, ничего не делают. Нырыгырнын спросил их:

— Почему вы без дела сидите? Вон какой китище на берегу лежит!

Жители ответили:

— Не можем мы этого кита разделявать. Не разрешают нам.

Спросил Нырыгырнын:

— Кто это вам не разрешает кита разделявать?

Все люди ответили:

— Вон те двое силачей, которые на ките, — Нутэми и Микифлю.

Пошел Нырыгырнын, поднялся на кита. Однако Нутэми тут же бросился на него и придавил.

Сказал Нутэми Микифлю:

— А ну, нарежь помельче куски китового жира!

Нарезал и волоком к Нырыгырнуну подтащил. Тотчас спустили с него штаны и начали их китовым жиром наполнять. Наполнили штаны жиром, и сказал Нутэми:

— А ну, теперь марш домой! Китовый жир, который мы тебе дали, дочерям своим отнеси.

Нырыгырнын сразу же к себе домой на Палану-реку пошел. Пришел домой Нырыгырнын, вышли дочери навстречу отцу. И старшая спросила:

— Ну как, отец, не достал китового жира?

Нырыгырнын ответил дочери:

— Как же, принес я вам китовый жир. Ешьте.

Начал отец вынимать жир из своих штанов. Рассердилась старшая дочь, спрашивает отца:

— Кто тебе жиром штаны наполнил?

Нырыгырнын сказал дочери:

— Силачи наполнили жиром гузно моих штанов.

Старшая дочь спросила отца:

— Кто эти люди, которые так насмеялись над тобой?

Нырыгырнын сказал:

— Нутэми с братом. Они очень сильные стали.

Закричала тут старшая дочь, младшей сестре сказала:

— Давай пойдем с этими братьями силой мериться. Наденем наши комбинезоны, сшитые из моржовых шкур, и пойдем к киту, где эти два силача, Нутэми и Микифлю, нашему отцу такую обиду нанесли.

Отправились эти девушки-силачи вдвоем, а те двое силачей

сидят на ките, жир нарезают. Тотчас эти две девушки на кита поднялись. Нутэми сказал:

— Зачем вы поднялись сюда? Ведь мы не сказали вам: «Поднимайтесь».

Тогда девушки сказали:

— Зачем гузно штанов нашего отца жиром наполнили?

Нутэми сказал:

— Потому что мы с братом — сильные.

Тут старшая сестра рассердилась и сказала:

— Тогда давайте на туше этого большого кита силами померимся.

Нутэми сказал:

— Не сможете вы нас с братом одолеть. Никто нас одолеть не может.

Девушки сказали:

— Что ж, посмотрим! Мы силой у вас кита возьмем. Кто окажется слабым, тот будет вниз с кита сброшен.

Стали на этом ките силой мериться. И что ж — сбросили девушки Нутэми с братом с кита. Позвали всех жителей и сказали:

— А ну, идите сюда, разделявайте кита!

Начали все жители кита разделявать. А Нутэми с братом на берегу стоят, смотрят. Подойдут было к киту, а девушки не пускают их, отталкивают. Не могут они одолеть девушек, боятся. Так и пошли Нутэми с братом домой с пустыми руками. А когда все жители кончили свежевать кита, по домам разошлись, тут только осмелились Нутэми с братом пойти к тому месту, где кит лежал. Пришли туда, стали валявшиеся в песке куски жира подбирать. Другие эти куски выбросили, а им и они были хороши.

Не хотел Нырыгырнын отдавать своих дочерей замуж. Правда, много женихов приезжало, однако всем Нырыгырнын отказывал, всех обратно отправлял. Дочери совсем уже взрослыми стали, а все без мужей живут.

Вот однажды утром сели все завтракать. Дочери и говорят отцу:

— Отец, хотим мы тебе посоветовать: не чисть ты больше зубы после еды зубочисткой. Так и живи с забитыми пищей зубами: может, хоть тогда поймешь, как ты плохо делаешь, не выдавая нас замуж.

И правда, перестал отец чистить зубы после еды. Так ему плохо стало: ни есть не может, ни спать. Сказал тогда Нырыгырнын своим дочерям:

— Да, теперь я начинаю понимать, какие страдания вам причиняю, как вы несчастны, не имея мужей. Пойду теперь разыскивать для вас мужей.

154. Йинталат

Жил Йинталат, кичигинский человек. Случилось что-то с его разумом. Постепенно совсем рассудок потерял. Когда потерял рассудок, отправился в тундру. Однако взял свое ружье, копье, а больше ничего не взял. Пять лет бродил Йинталат по тундре. Ничего не сознавал и ничего не помнил. Потом начал разум постепенно возвращаться к нему. Увидел он землю, стал отдельные места узнавать. Сказал тогда Йинталат:

— Может быть, я до мыса Лопатки дошел? Узнаю землю около Петропавловска-на-Камчатке.

Пошел он тогда в сторону дома, просто так пошел в ту сторону. И опять потерял свой разум. Затем опять увидел землю, которая недалеко от его родины находится, узнал ее и сказал:

— Теперь, пожалуй, приду домой.

Пришел к стаду оленей, увидел палатку, сразу к ней направился. Пришел в палатку, застал там одного человека по имени Аввак. Воскликнул Аввак, увидев его:

— Здравствуй, пришел, старик!

Йинталат тоже сказал:

— Да, я пришел!

Однако стал Аввак бояться Йинталата. Очень стал бояться и пошел было прочь, но Йинталат сказал ему:

— Не бойся меня, Аввак, я теперь как бы настоящий человек, вот уж и домой иду.

Аввак ответил:

— Что ж, давай убьем оленя, может быть, ты хочешь есть!

Йинталат сказал:

— Правда, очень хочу есть!

Поймал Аввак теленка, убил его, освежевал, и начали мясо варить. Сварилось мясо, поели. После еды сказал Аввак:

— Теперь давай спать ляжем — завтра надо очень рано встать.

Йинталат ответил:

— Может быть, я уже сегодня до дому дойду, хотя бы и ночью.

Но остался у Аввака. Назавтра рано утром проснулись, на-

пились чаю, и отправился Инталат домой в Кичигу. Стемнело, а до дома еще далеко идти. Земля уже снегом покрылась, не может Инталат быстро идти. И вот подходит он к подножию горы. Совсем уже темно стало. Склон горы лесом порос. Посмотрел Инталат влево, видит: на склоне горы, чуть повыше того места, где он сам стоит, огонек светится. Сказал Инталат себе: «Наверное, там кто-то ночует. Пойду-ка я туда. Все равно сегодня уж не дойти до дому. Совсем стемнело».

И пошел Инталат на огонь. Выходит ему навстречу человек, говорит:

— Здравствуй, человек, откуда пришел?

Ответил Инталат:

— Кичигинский я. Давно уж, пять лет в тундре живу. Теперь вот домой иду.

Тот сказал:

— Ночуй, Инталат, в моем доме, а завтра к себе домой пойдешь.

Вошли в жилище. Начал хозяин варить медвежатину с жиром. Поели, хозяин сказал:

— Ну, гость, пора и спать!

Инталат ответил:

— Что ж, давай скорее спать ляжем, очень я устал. Отдохнуть мне надо.

Хозяин сказал Инталату:

— Когда я начну согревать жилище, полночь наступит, проснешься — не бойся меня, ничего не пугайся.

Инталат сказал:

— Никто меня не испугает.

И тотчас заснул. Стало в жилище постепенно холодать. Середина зимы наступила. Начал хозяин жилище свое согревать, зарычал по-медвежьи. В боковые стены жилища стал передними лапами бить. Проснулся было Инталат, посмотрел, товарищ его шевелится, однако опять заснул. А как весна наступила, проснулся хозяин. Стал Инталата будить. Не хочет Инталат просыпаться, говорит:

— Зачем ты так рано будишь меня?

Отвечает хозяин:

— Какое рано: ведь уж весна наступила.

Возразил Инталат:

— Что ты надо мной смеешься! Как могла весна наступить? Ведь мы вчера вечером уснули.

Хозяин на это сказал:

— Не вчера, а в прошлом году, как только выпал первый

снег на дворе. Ведь ты тогда ко мне пришел, тогда мы и уснули.

Вышел Йинталат на улицу, увидел свое кремневое ружье и копье. А ремни кремневого ружья уже лисами объедены. Подумал Йинталат: «Что ж это случилось со мной, ведь как будто вчера я пришел сюда. Но тогда я еще по первому снегу пришел, а теперь уже весна наступила». И опять вернулся в это жилище.

Хозяин спросил его:

— Ну, каково на дворе?

Йинталат ответил:

— Что ж, и правда уже весна наступила. Но как это могло случиться? Ведь когда я пришел к тебе, земля только-только покрылась снегом, а теперь, оказывается, весна на дворе.

Тогда хозяин сказал Йинталату:

— Ну, поешь медвежьего мяса, а как кончишь есть, отправляйся домой. Теперь твоё жильё совсем близко, и на дворе тепло стало. Теперь уж ты не замерзнешь, хотя и плохие у тебя одежды. Ну ничего. Как-нибудь доберешься до дому.

Поел Йинталат медвежатины, стал готовиться в путь. Снял с дерева ружье, приладил ремень, через плечо перекинул, копье в руки взял. Хозяин сказал Йинталату:

— Отсюда пойдешь вон к тому перевалу. До перевала дойдешь, оглянись на меня. Что такое я, кто я — тогда и узнаешь. Вот тогда и скажешь: «Какой у меня, оказывается, товарищ был!» Ну, пора, отправляйся. Оглянись на перевале, узнаешь тогда, кто я.

Пошел Йинталат, поднялся на перевал, оглянулся на то место, откуда в путь вышел. Увидел оттуда своего товарища, с которым зиму перезимовал. Оказывается, это большой медведь был. Сказал тогда Йинталат:

— Вот ведь, выходит, я зиму с медведем провел, а думал, что я у человека гощу. Со зверем, оказывается, подружился. Это потому, наверное, что в тундре пять лет прожил, настоящей пищи не ел, и все же я не умер. Но ведь, наверное, чем-нибудь да жил же я. И делал, наверное, что-нибудь, когда разум помутился, хотя ничего не помню. И даже тела своего не ощущал.

Перевалил Йинталат через перевал и начал спускаться вниз. К дому подошел, только когда полдень наступил. Увидели домашние приближающегося Йинталата. Стали говорить:

— Кто такой, что за человек идет к нам?

Подошел Йинталат.

Сказали домашние:

— Здравствуй, что ты за человек, откуда пришел?

Йинталат сказал:

— Я Йинталат, здешний я, человек я.

Домашние сказали:

— Ох, пришел ты наконец, Йинталат. А мы думали, что Йинталат давно умер, уже и тосковать по нем перестали. Долго, очень долго ждали. А потом решили, что умер. Ведь пять лет прошло с тех пор, как в тундру ушел.

Стали домашние расспрашивать Йинталата, говорить:

— Чем же ты питался, живя в тундре?

Йинталат сказал:

— Чем жил, не знаю, совсем ничего не помню из той жизни. Однажды только как бы увидел землю, мыс около Петропавловска, узнал ту землю и подумал: «Наверное, моя юрта к северу от этого места находится». И пошел оттуда по направлению к дому. Потом, помню, увидел дикого оленя-быка и решил: «Убью, хоть поем». Стал подкрадываться к дикому оленю, совсем близко подошел, прицелился. Смотрю, а это, оказывается, большой серый камень, а не бык. Подумал я: «Вот тебе на! Что же это со мной происходит? Только что как будто дикого быка видел». Стал осторожно от этого камня отходить — как бы опять чего не случилось. Около трехсот саженьей прошел, обернулся — опять на том месте дикого оленя вижу. Тогда я подумал: «Чего один заряд беречь? Будь что будет — выстрелю». Снова начал подкрадываться, подошел, прицелился, глянул — опять передо мной большущий камень. Ладно, решил, все равно выстрелю. Выстрелил, гляжу — упал дикий олень-бык. Бросился я к добыче, начал свежевать оленя. Едва шкуру снял, стал костный мозг есть. Потом жир от мяса стал отделять, при этом сказал себе: «Хотя бы жир взять про запас на дорогу». Шкуру дикого оленя-быка в середине прорезал и надел на себя еще сырую как кухлянку. Согрелся и дальше пошел в сторону дома. Скоро стадо оленей увидел, палатку и человека по имени Аввак.

Стал Йинталат жить дома. Один в юрте жил. Не мог ни с кем вместе жить. Правда, была у него жена, но она в соседней юрте жила. Йинталат говорил своей жене:

— Не живи со мной вместе, пока мой разум совсем не наладится.

И еще говорил:

— Станем жить вместе, а вдруг я убью тебя или что-ни-

будь плохое тебе сделаю. Поэтому и боюсь пока жить вместе. Когда мой разум совсем поправится, тогда и скажу тебе: «Ну, жена, начнем снова вместе жить, по-прежнему».

И действительно, потом опять начали вместе жить. Имя жены Йинталата Навъявыт. Прожили они пять лет. Йинталат умер.

155. Охотник

Жил охотник чавчувен около Паланы. Ловкий был и сильный, очень хорошо из лука стрелял.

Однажды утром собрался он на охоту за дикими оленями. Уходя в лес, жене сказал:

— Если охота будет неудачная, скоро вернусь.

Взял с собой лук и стрелы и ушел пешком в лес.

Не дошел еще до высоких гор, как увидел в тундре двух диких оленей, очень крупных. Подкрался охотник поближе, но все никак не мог пустить в них стрелу. Много времени прошло. Наконец выстрелил охотник. Попала стрела в самца, да только подранила. Стал он большими прыжками в сторону гор уходить, а олениха стоит и смотрит ему вслед, как будто удивляется — что такое случилось? Но тут вторая стрела и ее настигла. Прямо в спину попала. Но и олениха ушла.

— Эх, неудача! — воскликнул охотник.

А раненые олени уходили все дальше в лес, в разные стороны. Подобрал охотник свои стрелы и пошел догонять самца. Долго гнался за добычей. Наконец догнал на удобном месте, где совсем близко можно было подкрасться.

«Эх, лучше бы совсем промазать, чтобы не заметил меня олень, — подумал охотник, — а уж вторую стрелу прямо в сердце пушу».

Пустил первую стрелу. Не шелохнулся олень, стоит как вкопанный.

— Ага, стоит олень! Сейчас ему вторую стрелу пошлю.

Но пока охотник лук натягивал, олень упал замертво.

Очень крупный оказался самец. На себе такого не унесешь. Да и поздно уже, и от стойбища далеко.

Решил чавчувен остаться на ночь у добычи на лесной опушке. В прежние времена люди на Камчатке жили семьями, каждая семья отдельно. Селений не было. И каждая семья сама себя защищала. Бродили тогда по тундре небольшими

группами враги. Чавчулены этих врагов называли тангами. Танги часто нападали на чавчуленские семьи и грабили их.

А у чавчуленов была такая ночная примета. Если куропатки ночью закричат, значит, враг близко: потревоженные куропатки, взлетая, всегда кричат. Чавчулены тогда или к обороне готовятся, или убегают.

Вот остался охотник на ночь в лесу. Освеживал добычу, собирал большую кучу сухих дров и большой костер развел. Ярко разгорелся огонь. Охотник много мяса решил пожарить, чтобы с собой побольше взять. Надел на палки большие куски и поставил вокруг костра жарить.

Ночь наступила очень темная, без единой звезды. Было уже совсем поздно, когда охотник начал устраиваться на ночлег. Снял с вертел зажаренное мясо, положил около костра на чистую траву, а на вертела другие куски надел. Подложил в огонь сухих дров, и огонь еще ярче запылал. Только лег спать, вдруг слышит — где-то недалеко куропатка закричала. «Ну,— подумал он,— это или медведь поблизости бродит, или танги».

Охотник быстро костер потушил. Вслушивается, а сам думает: «Если я здесь останусь, убьют меня враги, если убегу, добыча им достанется. Нет, не отдам им свою добычу». Скоро опять услышал крик куропатки, уже близко, и начал на всякий случай поспешно готовиться к обороне. Набросал сухих дров в тлеющий костер — опять запылал огонь. Поставил повыше мясо вокруг огня. Отошел в темноту, смотрит: как будто люди вокруг костра сидят, лица у них огнем освещены.

А тут уже голоса слышны стали. Подошел охотник к костру, торопится. Сделал из второй, легкой кухлянки чучело, вместо лица кусок сала повесил, отошел от огня и спрятался в темноте. Удобное выбрал место: все ему видно, что у костра делается.

Вдруг видит — полетели в чучело стрелы. Покачнулось чучело и упало. И куски мяса тоже попадали. «Плохо они мечут стрелы,— подумал охотник.— Даже мою тонкую кухлянку не могут пробить».

А танги — их было трое,— как чучело упало, подбежали к костру и закричали:

— Э, тут никого нет! Убежали. Только жареное мясо осталось.

Набросились голодные танги на еду — мясо уже совсем готово было.

Когда танги половину всего мяса съели, натянул охотник

свой лук потуже и пустил стрелу в танга, сидящего под деревом. Стал танг медленно к дереву клониться. Двое других засмеялись и говорят:

— Что, брат, небось устал! Сморило совсем. Жирное мясо!

Охотник чавчувен был очень силен. Его стрела прямо в сердце врага попала. Пробила человека насквозь и далеко улетела. Танги и не заметили ничего. Опять с жадностью на мясо накинулись.

Охотник второго таким же образом уложил — только тогда третий догадался, что не сон его приятелей сморил, а умирают они. И то потому только догадался, что второй перед смертью вскрикнул. Вскочил танг и бросился было бежать, да недалеко ушел. Пустил охотник стрелу в ноги тангу, и пробила стрела икры обеих его ног. Присел танг от боли, в тот же миг охотник у костра оказался. Связал ему руки, раны на ногах смолистой кедровой корой покрыл и завязал сырой оленьей шкурой. Сразу кровь из раны перестала течь.

Утром, как рассвело, нагрузил охотник своего пленника мясом и повел к себе домой. Привел, жена-старуха не велит пленника убивать, говорит:

— Нельзя его убивать. Отпусти его лучше и накажи ему, чтобы передавал всем своим людям — пусть перестанут грабить и убивать чавчувенов. Охотились бы лучше, рыбу ловили, травы и коренья собирали. Многих наших людей танги ограбили, на голодную смерть обрекли.

Подумал охотник и сказал:

— Да, мне ведь эти танги ничего худого не сделали. Правда, если бы они меня поймали, конечно, ограбили бы и раздели. Они ведь ходят почти голые. Я из-за них сиротой остался. Напали танги на нашу семью, все разграбили, а родителей моих убили. Но все-таки отпущу я его, когда ноги заживут.

Отпустил пленника через три дня. С тех пор танги стали реже нападать. Многие таких врагов отпускали. А потом танги и совсем перестали разбойничать.

156. Наперед не хвастайся

Жил когда-то в море очень большой бычок. Был он начальником над всеми морскими рыбами. Рот у него был такой, что туда целая яранга могла войти. Был этот бычок очень ста-

рый. Даже спина окаменела от старости. Был он самый сильный и самый хвастливый среди морских рыб. Ну конечно, и выбрали его в начальники.

А у речных рыб начальником был лосось. Он тоже был самым сильным среди речных рыб.

Услышал как-то бычок про лосося, речного начальника. Очень рассердился. Он, бычок, сильнее всех рыб, морских и речных, а не какой-то лосось! Стал всем говорить:

— Съем я начальника речных рыб, лосося, и буду тогда один я над всеми рыбами начальник!

Стал думать, как бы стать начальником и над морскими, и над речными рыбами. Долго бычок думал. Потом, как начала вода прибывать, к реке отправился. Вошел в реку и так раскрыл рот, что всю реку перегородил. Стал ждать, когда лосось покажется, чтобы проглотить соперника. Бычок стоял в низовье реки, а лосось где-то повыше плавал.

И вот узнал лососенок о том, что в устье реки лосося бычок поджидает, и поплыл к лосося, чтобы предупредить его. Подплыл к лосося и говорит:

— Тебя бычок караулит. Всю реку загородил, хочет тебя живьем съесть.

Задумался лосось. Потом придумал, как бычка победить. Поплыл к бычку. Плышет, а сам раздувается. Очень сильно раздулся. Когда близко подплыл, прямо в рот нацелился. Вошел с ходу в рот, а из живота вышел. Повернулся, глянул на бычка — а тот уж мертв.

Так нашел свою смерть хвастливый бычок. Говорят, что и по сей день бычки в реках не живут, а только в море. Зато лососи заходят в реки как хозяева.

157. Хитрый лис

Хитрый лис сказал:

— А ну, кто тут хитер?

— Я хитер! Медведь!

— А ну-ка, перехитри меня!

— Давай! А если не смогу тебя перехитрить, дам тебе пеструю кухлянку.

— Ладно, и я, если не смогу перехитрить тебя, то же сделаю.

Вдруг лис воскликнул:

— Гляди-ка, ездок на пестрых оленях подъезжает!

Посмотрел туда медведь.

— Легко же я тебя обманул!

— Где мне тебя перехитрить! Лис, конечно, хитрее!

Взял лис пеструю кухлянку и шкуру выдры в придачу.

— Конечно, я еще не раз перехитрю тебя!

Пошли в разные стороны по своим домам. Вернулись.

Однажды лиса Чачучанавут сказала:

— Ну-ка, обману лиса.

На берег моря пошла. Пришла, много раковин нашла, собрала, домой принесла, стала толкушу делать.

А лис пошел уток промыслять. Что он может добыть? Однако все же с трудом добыл одну уточку.

— О-хо-хо! Тяжело мне нести ее домой к жене. Возьму только ногу, взвалю на плечи и понесу домой.

Взвалил на плечи утиную ножку. Пошел домой. Подходит к дому, увидели его детишки, кричат:

— Ой-ой! Отец уток добыл!

Встречать побежали. Встретили отца. Самый маленький утиную ногу себе на плечи взвалил. Домой понес.

Потом лиса Чачучанавут пошла в гости к хитрому лису.

— Здорово, Чачучанавут! Пришла ты!

— Да, пришла. Вот вам толкуша.

Начали есть толкушу. Хорошо подморожена толкуша. Все зубы переломал об нее хитрый лис.

— Ой! Не смогу больше хитрить!

Чачучанавут сказала:

— Еще лучше теперь хитрить будешь, коли все зубы сломались.

— Ах, так! Угостите-ка Чачучанавут жиром.

Ушла Чачучанавут. Домой вернулась. Муж на нее рассердился:

— Куда ходила?

— Как же, дядьям с дедовой стороны толкушу отнесла.

— Ну, это ладно. Чем угостили тебя?

— Жиром.

Потом к хитрому лису поп явился. Входя, по-русски заговорил:

— А-тке-про-се-се-се!

Вошел.

— Чего тебе, старший брат?

А он опять свое:

— А-тке-про-се-се-се!

— Что тебе надо, старший брат?

А он по-прежнему:

— А-тке-про-се-се-се!

Потом снаружи его позвали. Пошел.

— Да никак это Иван-царевич там снаружи разговаривает?

— Да, это я!

— Иди сюда!

Вошел. Спросили его:

— Чего хотел этот давешний, никчемный?

— Да это поп был. Лисьи и собольи шкурки собирает. Для поборов приехал.

Отправился хитрый лис лисиц добывать. Настиг лису. Выстрелил в нее. Не убил.

— Эх! Неудача! Ну-ка, капкан поставлю!

Поставил капкан. Подальше отошел, спрятался. Не идет зверь на приманку. Только вдали лисица пробежала.

— Как же это: медведя так легко перехитрил, а лисицу не могу поймать! Вот неудача!

Пошел домой. Пришел.

Тотчас поп говорит:

— Где лисицы?

— Никак не могу их перехитрить.

— А как же медведей можешь?

— Ну что ж, отдам медведю дочку за соболиные шкурки, тогда и заплачу тебе.

Согласилась его жена отдать дочку медведю.

А дочка начала плакать:

— Не пойду я к медведю!

— Не смей плакать! Богачу тебя отдаем, чтобы никогда голодать не пришлось.

— Ну-ну-ну ладно, пусть возьмет меня в жены!

Повел лис дочку к медведю. Еще издали закричал:

— Эй! Медведь! Дочку тебе в жены отдаю!

— Ладно, возьму! Сколько соболей за нее надо?

— Да пять шкурок!

— Ну ладно, возьму.

Отдал медведь пять соболиных шкурок. Тотчас разошлись по домам. Привел медведь девочку домой, смотрит — а это мальчик!

— Ах, негодник, хитрый лис! Опять обманул меня! Не уйти ему от расплаты.

Тут мальчик как пустится бежать! Прибежал домой, отцу рассказывает:

— Отец, он говорит — хитер ты, но заплатишься за это.

Лис сказал:

— Ладно, пусть попробует мстить, я его легко перехитрю!

158. Лисичка

Вышла старуха, села на крыше своей землянки и шить принялась. Вдруг слышит: скребется под землянкой лисичка Чачучанавут. Сказала старуха:

— Иди сюда, сестрица! У меня сала много. Возьми себе кусочек!

Подбежала лисичка. Изловчилась старуха, схватила ее, убила. В жилье втащила, освежевала, изрубила и принялась варить лисье мясо. Вскипятила варево и сняла с огня. Опять вышла, села на крыше, шить принялась.

Лежит мальчик в землянке. Потом крикнул матери:

— Мама, иди скорее, есть будем!

Сказала старуха:

— погоди! Не торопись! Скоро есть будем. Наедитесь досыта. А сейчас еще и не проголодались.

Немного погодя опять мальчик крикнул:

— Иди, мама, есть будем!

— погоди! Не торопись! Скоро есть будете. Наедитесь досыта. А пока еще и не проголодались.

Опять мальчик кричит:

— Иди же скорее, мама, давай есть! Вон уж лисичка никак опять целой стала!

— погоди! Не торопись! Скоро есть будете. Наедитесь досыта. Еще и не проголодались.

Вошла старуха, хочет еду раздавать. Заглянула в котел — ничего нет, пусто, только мясной навар остался. Тогда сказала мальчику:

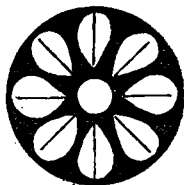
— Где же мясо, которое в котле было?

Мальчик сказал:

— Сколько раз тебе говорили: «Иди скорее, есть будем», а ты все свое: «Не проголодались еще!» Вот и опоздала — куски лисьего мяса слиплись вместе, оделась лиса в свою шкуру и убежала.

**сказки и мифы
ИТЕЛЬМЕНОВ**

159. Легенда о Тылвале

(вариант А)

Когда-то жил на реке Кульки Тылвал. С ним вместе жила его сестра Рынгена. У Тылвала был лук из китового ребра. Ходил Тылвал за дровами, очень далеко ходил, до самой Столовой сопки. Нагрузится дровами, придет домой, бросит — вся земля задрожит. Вот как-то пошел он за дровами и вернулся домой. Видит: на его лежанке незнакомый человек лежит. Человек этот с севера пришел. Поздоровались они, сели, поели. Человек сказал:

— Ты, говорят, сильный, вот я и пришел, хочу твою силу испытать.

Тылвал сказал:

— Разве я сильный? Я вон какой маленький против тебя.

Человек сказал:

— Я издалека шел. Так что уж все равно, давай померимся силой.

Отдохнул Тылвал немного на своей лежанке. Потом сказал:

— Ну раз ты так хочешь меня испытать, подними меня одним мизинцем.

Взял человек Тылвала одним мизинцем — не смог с лежанки сдвинуть. Тылвал сказал:

— Теперь ты ложись, дай мне твой мизинец.

Взял он его за мизинец, дернул, поднял как перышко. Потом сказал:

— Бери свой лук, а я свой. Дай твой лук мне, я из твоего выстрелю, а ты из моего. Видишь — вон облако.

Взял Тылвал его лук, только стал натягивать — лук сломался. Взял тот человек его лук, натягивал, натягивал — согнуть не смог. Опять говорит человек:

— Будешь бороться?

Сестра сказала:

— Он издалека шел, попробуй с ним поборись.

Разделись, начали бороться. Обхватил тот человек Тылвала — не смог с места сдвинуть. А Тылвал взял того человека, поднял кверху, бросил о землю; все суставы у того выскочили.

— На, возьми себе,— сказал он сестре. Бросил его к ее ногам: — Сама о нем заботься.

На том и кончилась жизнь того человека.

160. Легенда о Тылвале

(вариант Б)

Жил Тылвал с сестрой. Жили они на Круглой сопке. Долго там жили. Тылвал, когда ждал врагов, сопку зимой водой поливал. В одном месте был у него подъем, там он врагов поджидал. Вот однажды пришел паланский коряк и закрычал снизу:

— Кто здесь, на Круглой сопке живет?

Тылвал вышел и сказал:

— Я, Тылвал.

— А я из Паланы пришел, бороться с тобой пришел. Когда будем бороться?

— Бороться будем так: сначала посмотрим, кто первый за дровами на Тальнишную речку сходит. Ну, побежали.

Бегут. Тылвал медленно бежит, а коряк бежит что есть духу. Еще и до Тальнишных хребтов не добежал, а уж из сил выбился, лег. Обогнал его Тылвал, вязанку дров связал, на обратном пути сказал:

— Что, устал? Ну давай, возьму тебя на закорки. Будешь знать, кто я такой. До сопки тебя донесу, дрова сброшу, накормлю тебя, а завтра снова состязаться будем: на медведя пойдем, голыми руками его брать будем.

Проснулись назавтра. Кто первый пойдет, медведя поймает и руками его убьет? Коряк сказал:

— Я пойду.

Тылвал сказал:

— Только быстро, чтобы тут, дома, пообедать.

Ходил, ходил коряк, ничего не нашел. Пока коряк ходил, Тылвал трех медведей принес. Одного убивать не стал: схватил за заднюю ногу, бросил на спину. Ударился медведь о землю — оглушило его. Пришел коряк. Тылвал сказал:

— Почему обедать не приходил? Я поел уже, трех медведей принес, а ты что добыл?

— Не смог я медведя найти.

— Ладно. Ну а коли ты такой силач — видишь, вон лежит медведь. Это я его оглушил. Как он опамятуется — хватай его за левую заднюю ногу и брось через спину, чтоб больше не встал.

Опамятовался медведь, коряк сразу кинулся на него, да растерялся, не за ногу схватил, а за уши и стал с медведем бороться. Подбежал Тылвал, схватил медведюшку за заднюю ногу, бросил его через спину: медведя убил, а коряк далеко в другую сторону отлетел — хорошо, что на мягкое упал. Сказал коряк:

— Да ты и вправду силен.

А сестра Тылвала подумала: «Хорошо бы мне выйти за коряка замуж», — и сказала ему:

— Ночуй три дня в Щеках, что на реке Тигиль. А я пошлю брата за дровами, сама его лук найду, ремешок тетивы надрежу. Он как натянет лук, тетива у него и лопнет. А ты не теряйся, сразу стреляй в него из самострела и победишь его.

Коряк сказал:

— Ну, Тылвал, ты меня победил. На будущий год я снова приду, только уж бороться будем на корякский лад, раздевшись.

И как будто бы уехал, а сам в Щеках три ночи ночевал. На четвертую пришел к Круглой сопке. Там его девушка ждет и уже тетиву надрезала. Нарочно закричала сестра:

— Враг поднимается!

Натянул Тылвал лук, а тетива-то и лопнула. Поднялся коряк на сопку и сказал:

— Ну, теперь я его прикончу, — и выстрелил в него из самострела.

Вошла стрела сверху в правую лопатку. Упал Тылвал, стал нарочно в судорогах биться, а коряк схватил его сестру, давай ее целовать. Вытащил Тылвал стрелу, схватил коряка, ударил в лоб. Хоть и не хотел его убивать, да уж такие сильные руки — сразу убил. Связал он сестру и сказал:

— Завтра утром смерти тебя предам.

Проснулся утром Тылвал и говорит:

— Сейчас пойду хоть на Ближний хребет сбегая, хоть на Острый, двух диких оленей поймаю.

Сбегал, поймал оленей. Спустил сестру с сопки, одного

оленя к левой ноге сестры привязал, другого — к правой. Подтолкнул оленей в разные стороны, побежали олени и разорвали сестру пополам. Сказал Тылвал:

— Это, сестрица, тебе наказание за то, что ты меня хотела убить. Пусть теперь волочат тебя олени, а я пойду сварю себе доброго мяса, которое для тебя запасал. Я думал, ты по-хорошему поступишь со мной, своим братом, посоветуешься. Вот сказала бы: «Я, братец, замуж хочу». Я уж бы тебе не отказал. А теперь пусть хоть волки тебя съедят, пусть сороки заклюют или вороны с воронятами. Сильно я на тебя сердит. Теперь я буду один жить, чтобы никто моей тетивы больше не надрезал.

161. Легенда о Тылвале

(вариант В)

Выше Тигиля по реке верст на двенадцать-пятнадцать жил Тылвал — ительмен. Была у него сестра-красавица. Сам он, что ли, с ней жил, только не хотел ее никому отдавать. А она все-таки схитрила и слюбилась с коряком — нехристом с северной стороны, будто из Воямполки. Красавица — сестра Тылвала — всегда ходила гулять около сопки, на которой жила с братом, и пела песни, и коряк слушал ее. Поэтому и березняк против сопки за рекой называется «Песельным». Уговаривалась красавица убежать с нехристом, а брат узнал, приготовил лук, будто сделанный из китового ребра, с каменными стрелами отравленными, и стал ждать: хотел как следует нехристей встретить, чтобы больше не приходили. Ждал, ждал и уснул. А сестра только того и ждала: отломилла она у всех стрел наконечники, а сама спустилась с горы и убежала в лес. Там ее уже поджидали нехристи коряки на оленях; живо усадили ее в санки и помчались к северу. Брат проснулся — сестры нет. Догадался и побежал вдогонку за обидчиками. Скоро догнал, перебил всех коряков, а сестру привязал за ноги к двум диким оленям и пустил их в разные стороны. Те помчали и разорвали красавицу сестру пополам.

Сопку, на которой жил, Тылвал за измену сестры назвал «Изменной». Только и осталось от красавицы сестры что название «Изменная сопка» да «Песельный березняк».

А куда Тылвал девался — не знаем.

162. Легенда о Тылвале

(вариант Г)

Давно-давно это было — дедушка мой тогда еще жил. Наверное не помню, до потопа или после потопа было, только жил на Камчатке Тылвал. (Дедушка мой хранил еще жирник — лампу каменную, которую Тылвал ему подарил, да Ахтамоша, мой сынок, куда-то выбросил ее.)

Росту Тылвал был большого; ноги длинные, шагал он по пятьдесят верст в один шаг. Жил он на Изменной сопке; оттуда ему один шаг до Тигиля, еще один — до Маяка. Горсть у Тылвала вот какая большая была: принесут ему ягоды — дань с целого селения Воямполки, — велит он их высыпать себе в ладошку, и все ягоды только на самом донышке соберутся. Видел он все насквозь, слышал все кругом за сто верст, и все его боялись и слушались.

На Камчатке тогда жили не русские православные, а нехристи коряки. Вот и решили коряки, которые под Воямполкой жили, украсть у Тылвала сестру и взять ее себе в жены. Снарядили они санки и на оленях отправились к Изменной сопке. Прослышал об этом Тылвал, вынул лук с каменными стрелами, решил перебить коряков и отнять сестру. Долго он сидел, ждал на вершине сопки, устал и уснул. Тем временем коряки к сопке подъехали, а красавица — сестра Тылвала переломала каменные стрелы, полила гору водой (вот с тех пор и течет речка Изменная!), чтобы легче спускаться было, села в корыто, спустилась с горы к корякам и уехала с ними.

Проснулся Тылвал, не нашел сестры, смекнул, в чем дело, и пустился вдогонку. Всех коряков перебил, а сестру-красавицу за измену и за любовника привязал одной ногой к одному оленю, другой — к другому. Гикнул на оленей, понеслись те в разные стороны и разорвали ее пополам. Сопку, на которой жил, Тылвал назвал «Изменной» за измену сестры.

Жилище Тылвала и сейчас можно увидеть на реке Изменной около Тигиля. А другие говорят, что он жил на реке Кульки, немного в сторону от Тигиля.

163. Месть Тылвала

Жил-был Тылвал на Изменной сопке. Оттуда всюду ходил. Однажды встретил он двух сильных людей, которые искали его. Спрашивают они:

— Ты кто есть?

— Я — Тылвал седанкинский!

Посмотрели они на него и сказали:

— Думали, правда, очень большой человек. Напрасно в такую даль шли!

— Раз пришли, пойдете ко мне домой, в мое селение!

Согласились пришельцы, пошли втроем. Уже темнеть стало, остановились на ночевку. Тылвал сказал:

— Вы дрова приготовьте, а я на ужин поесть чего-нибудь добуду!

Пошел, сразу оленя пригнал, очень большого и жирного. Сказал им:

— Поймайте оленя, тогда и поедим!

Вскочили, погнались за оленем. Не смогли поймать, устали и спрашивают:

— Аркан есть?

— А зачем вам аркан?

— Не можем мы без аркана поймать. Только арканом умеем.

Вскочил тут Тылвал, схватил оленя за задние ноги, стукнул об землю и будто разрезал, так что две половины получилось.

Те поели, сказали:

— Ну, мы вернемся, не пойдём к тебе!

Очень сильно испугались.

— Нет уж, раз меня искали, идемте ко мне домой!

— А близко твой дом?

— Сегодня дойдем!

И велел им бежать. Сначала они очень быстро бежали, даже пятки о затылок ударялись. Темно стало, спросили:

— Наверное, еще ночь переночуем?

Говорит Тылвал:

— Зачем ночевать? Совсем мой домишко близко.

Схватил их за косы и побежал. Бежит, их за собой тащит. Немного протащил: одного кровью затошнило, он и умер, а другого все-таки притащил в селение, но и он очень скоро дух испустил.

Были у Тылвала мать, отец и сестра. А у сестры был жених. Она ведь часто по лесу бродила и повстречала его там.

Пришел Тылвал домой, увидел сестриноho жениха. Взял лук и хотел в него выстрелить. А сестра еще раньше у лука тетиву надрезала. Натянул он тетиву, а она и лопнула. Дога-

дался Тылвал, что это сестра тетиву надрезала, очень сильно рассердился, чуть не убил сестру.

Вошел в дом, отца с матерью убил. Нож себе в бок воткнул, кровью измазался, притих, как будто мертвый лежит.

Тут жених вошел, поленом Тылвала по голове ударил. Тылвал даже и не шевельнулся. Сразу жених и сестра выскочили из дому и поехали в женихово селение.

Тылвал встал как ни в чем не бывало, отправился за ними вслед. Увидели его коряк с сестрой, испугались, сели на нарты и помчались. Тылвал по нарте выстрелил, от нарты только щепки остались.

Подошел Тылвал к ним, зятя сразу убил. Когда зятя убивал, сказал:

— Если бы по-хорошему пришел свататься, по-хорошему и жили бы. А ты по-плохому, вот и погибай!

Сестре сказал:

— А ты на оленях хотела уехать, ну и поезжай на оленях!

Заставил ее двух оленей поймать и запрячь. Когда поймала сестра оленей и запрягла, привязал он ее к оленям и пустил оленей в разные стороны. Так и убил сестру.

164. Тылвал и Немал-Человек

Кто говорит, что Тылвал был большого роста, а больше слышно, что он небольшой был, но очень плотный и сильный. К нему приходило много народу бороться, но он всегда выходил победителем. За дровами Тылвал ходил на Амбон к Маяку — за пятьдесят верст от реки Кульки; да не только дров принесет, а еще и барана добудет и вместе с дровами домой принесет. Видел он очень далеко — как орел, а то и лучше; слышал очень хорошо.

Слух о Тылвале быстро разлетелся по всей Камчатке. Дошел и до Немал-Человека, который жил за хребтами на северо-восточной стороне. Волосы у него были черные, и заплетал он их в две косы. Немал-Человек был настоящий великан: как услышал о Тылвале — не стерпел и пошел на юго-запад бороться с ним. Взял он с собой только лук из китового ребра да каменные стрелы и перевалил через хребет на западную сторону. Приходит он в Воямполку и спрашивает:

— Где тут ваш силач Тылвал живет?

А воямпольские и говорят:

— Слышали мы про Тылвала, да не знаем, где он живет. Иди в Тигиль — там знают!

Приходит Немал-Человек в Тигиль и спрашивает:

— Где тут Тылвал живет? Слышал я, что его никто победить не может, так я хочу побороться с ним!

— Иди на реку Кульки, там его жилище находится,— говорят ему.

— А что, он очень большой? — выпрашивает Немал-Человек.

— Нет, он совсем небольшой, только сильный, правда.

И пошел Немал-Человек к Тылвалу, а сам про себя ухмыляется: думает — как он победит маленького Тылвала. Вот идет он тундрой, подходит к реке Кульки и видит: юрта стоит, из земли и камней сделана, большая-большая. Вынул Немал-Человек лук из китового ребра, приготовил стрелы каменные, подошел к юрте и спрашивает:

— Кто жив человек есть?

— Есть,— ответил ему из юрты женский голос.— Входи, кто там добрый человек пришел!

Вошел Немал-Человек в юрту и видит: женщина в темноте торбаза шьет, а маленький парнишка или девчонка на полу играет.

— Кто вы такие? — спросил великан.

— Я вот — жена Тылвала, а это дитя его,— ответила женщина и стала готовить обед для Тылвала.

Стал великан расспрашивать про Тылвала — большой ли он, сердитый ли, и, когда узнал, что небольшим и не сердитый, подумал про себя: «Даже стыдно, пожалуй, и бороться-то будет. Напрасно шел...»

— А где он сейчас? — спросил он.

— Да за дровами на Амбон пошел,— ответила жена Тылвала.

После этих слов Немал-Человек присмирел, чувствует, что сила-то есть у Тылвала,— не напрасно говорили; ведь Амбон-то за пятьдесят верст от дома Тылвала находится. Сидит Немал-Человек и ждет хозяина, а хозяйка по дому суетится, обед готовит: мясо да рыбу варит. Вдруг раздался страшный треск и грохот: будто близко-близко гром гремит.

— Что это гремит? — спросил великан.

— Да это Тылвал вернулся, дров принес, на землю бросил,— спокойно ответила жена.

Взглянул великан в шелку, видит — целая гора дров рассыпана и еще туша барана на плечах у Тылвала, а сам он не-

велик ростом. Совсем присмирел великан и ждет, когда хозяин войдет в юрту. Сам лук и стрелы за спину прячет.

Вошел Тылвал, увидел гостя, поздоровался, ничего не спросил, зачем тот пришел,— он уж это знал. Хотел Немал-Человек сразу же сказать, зачем пришел, да поостерегся: дай, думает, посмотрю, что дальше будет.

— Ну-ка, покорми нас! — сказал Тылвал жене.

Та подала им на стол жареное мясо дикого оленя. Стали есть молча. Обглодал Тылвал самую длинную кость от ноги оленя, подает ее великану и говорит:

— Не буду с тобой бороться, если эту кость не сомнешь!

Взглянул великан изумленно, подумал — не шутит ли хозяин. Видит — нет. Взял кость в руки, попробовал смять и говорит:

— Нет такого человека на свете, чтобы смять такую кость!

Тогда Тылвал взял кость в левую руку, сжал ее в кулаке, смял и говорит:

— Смотри!

И посыпались из его горсти на земляной пол мелкие ку-сочки да как мука белый порошок. Понял Немал-Человек, что не справиться ему с Тылвалом. Прячет лук и стрелы за спину, чтобы не видно было, хочет уйти из юрты, да боится. «Как пойду вон из юрты,— думает,— так и убьет меня Тылвал».

Как ни долго сидел Немал-Человек в юрте, а выходить-то нужно!

Вот поднялись все и пошли к выходу. В темноте-то в двери переломили Немал-Человеку левую ногу и правую руку. А когда вышли совсем во двор, взял Тылвал его за здоровую правую ногу, приподнял выше головы, закинул за спину да как хлопнет об землю! Только хрустнул великан. Переломились у Немал-Человека все ребра и все кости, и умер он на том месте.

165. Кутх

Когда-то жил Кутх с женой. Однажды пошел Кутх за рыбой к морю. Взял удочки. Пришел к озеру, сразу начал удить. Много наудил. Маленьких рыбок выбрасывал, а больших себе выбирал. Запряг крупных рыб и поехал домой.

Дома жена много толкуши приготовила, чтобы рыб кормить. Кутх, как поехал домой, обещал рыбам, что на каждой остановке будет скармливать им по пластине юколы.

Положил Кутх в нарту толкушу и поехал. Очень быстро ехал. Приехал в березняк. Собаки-рыбы остановились и сразу запросили:

— Ну-ка, корми нас!

Кутх сказал:

— Еще немного повезите!

Собаки-рыбы опять понеслись очень быстро. Кутх даже засмеялся. Притащили его в низину, опять остановились и сказали:

— Ну, Кутх, корми нас!

Кутх опять сказал:

— Еще немножко повезите!

Рассердились тут собаки-рыбы, рванулись прямо к озеру. Испугался Кутх, начал кричать:

— Горбуши, горбуши, горбуши, остановитесь! Дам вам толкуши!

А рыбы, как безухие, все тащили. Хотел Кутх соскочить, да зацепился ногой за нарту.

Принеслись рыбы к озеру и прыгнули в воду. Кутх и утонул.

166. Как Кутх лису напугал

Жила-была лиса. Очень ей хотелось замуж выйти. Вот однажды бежит она по берегу и вдруг видит — евала лежит, вся уже червивая. Взяла лиса евалу, как ребенка, уселась на берегу, убаюкивает ее, сама червей с нее ест:

— Ой, как ребенок обовшивел!

Вдруг видит: по реке гагары плывут. Сказала одна гагара:

— Какакре, какакре, смотри, какая бабенка сидит!

Лиса говорит:

— Это я, твоя жена! Возьми меня с собой, вместе поплывем!

Маленькая гагарка отвечает:

— Я не отец твоему ребенку, его отец сзади плывет!

Уплыли. Снова лиса сидит на берегу, евалу укачивает, червей поедает.

— Сильно ребенок обовшивел!

Видит: чайки плывут на плотике. Сказала чайка:

— Кейя, кейя, кейя, что там за бабенка сидит?

— Это я, твоя жена,— говорит лиса.— Возьми меня!

— Ну, иди, садись, раз жена!

Обрадовалась лиса, уселась на плотике. Евале говорит:

— Вот твой отец!

А чайки между собой говорят:

— Кейя, кейя, кейя, давайте вон на том глубоком месте утопим плотик, а сами улетим.

— Что вы сказали? — спрашивает лиса.

— Мы говорим: осторожно плывите, красивую бабенку не утопите, да еще и племянничек тут.

Обрадовалась лисица:

— Наверное, ты и вправду мой муж?

Вот уже на глубокое место вышли. Лиса все вшей ищет на своем ребенке, ничего не замечает. Вдруг чайки взлетели, и плотик стало водой заливать. Чуть не утонула лиса. Евалу бросила, насилу на берег выбралась, уселась на отмели.

— Ну-ка, кухляночку посушу и глазки тоже.

Сняла она шкурку, глазки вынула. Глазки в кустах положила, а шкурку на дерево повесила. Сама тут же улеглась.

— Отдохнуть, что ли.

И заснула. Вдруг Кутх идет по берегу. Наткнулся он на лису, смешно ему стало:

— Ишь, голая лежит! Сейчас я тебя напугаю.

Пошел он к реке, набрал воды в рот, и снова смешно ему стало — вся вода изо рта вылилась.

— Все равно напугаю!

Снова пошел к реке, воды набрал и рот рукой закрыл:

— Сейчас я тебя напугаю!

Подошел Кутх к лисе, и снова смешно ему сделалось. Зажал он рот рукой — вода вся через ноздри вышла. Опять пошел к реке:

— Ведь все равно напугаю, вот только смех свой к Мити отправлю.

Сидит Мити, шьет, и вдруг такой на нее смех нашел, даже живот схватило:

— Что это со мной? Наверное, Кутх что-нибудь выделывает.

А Кутх снова набрал воды в рот:

— Ну, теперь-то я тебя напугаю!

Лиса лежит голая, спит. Брызнул Кутх водой на спящую. Сильно испугалась лиса, вскочила, побежала, на все натыкается сослепу. Кутх со смеху помирает. Вдруг лису окликнул кто-то:

— Ты чего это ходишь голая?

— Кутх меня напугал,— говорит лиса.— А кто тут?

— Это мы, голубички, сами себя собираем.

— Дайте мне две голубичинки.

Дали ей, вставила их вместо глаз. Все кругом синее стало. Вдруг подальше бруснички сами себя собирают:

— Лиса, ты чего это так ходишь?

— Кутх напугал. Дайте две брусничинки.

Выбросила лиса голубичинки, брусничинки вставила. Все теперь красное стало. Дальше пошла. Шикши сами себя собирают. Спросили шикши лису, что это с ней. Сказала лиса:

— Кутх меня напугал, глазки я потеряла, кухляночку потеряла. Дайте мне две шикши, чтобы глазки сделать.

Дали ей, она брусничинки выбросила, шикши вставила. Нашла то место, где оставила глазки и кухляночку. Смотрит — у нее вся шкурка засохла, покоробилась. Лиса замочила ее в лужице. А тело ее все болит, исцарапалось по кустам.

Пришел Кутх домой, все смеется:

— Мити, послушай!

А Мити сердится. Кутх говорит:

— Чего ты, Мити, сердиться? Послушай, что я тебе смешное расскажу. Напугал я лису, вся голая побежала, даже глаза не вставила.

Мити говорит:

— Эх ты, Кутх, Кутх. Никогда-то от тебя ничего путного не услышишь! Только бы тебе озорничать, а хорошего ничего не делаешь. Стыдно мне вместе с тобой жить.

— Ай, Мити, зато лиса голая бегала, вот было смеху-то! Ну уж не сердись. Как снег выпадет, залезет она в свою нору, вот тогда я ее тебе принесу на воротник.

167. Как Кутх сделал работящей свою жену Мити

Жили Кутх с Мити. Мити очень ленивая была, а Кутх — очень работающий. Кутх постоянно на охоту ходил и обязательно кого-нибудь убьет: то уток, то оленя, то медведя. Очень много рыбы ловил, нерп тоже добывал. Домой придет, попросит поесть. А Мити все одной юколой кормит, никогда ничего не сварит. Только спит.

Вот однажды пришел Кутх с охоты, а Мити опять его юколой кормит. Кутх говорит:

— Я сегодня не буду есть. Очень заболел. Живот очень сильно болит. Сейчас умру.

Мити заплакала:

— Как же я без тебя буду жить?

А Кутх отвечает:

— Скажу, как жить: когда умру, могилу для меня не глубокую вырой. В могилу побольше травы положи, а землей не засыпай, только кедрачом прикрой. И каждый день мне толкушу, кирилку, сарану приноси; котлеты делай с сараной и кимчигой; чагой запасись, чай заваривай. Все это на могилу приноси. Все поставишь и сама уходи. Назад не оглядывайся, иначе тоже умрешь!

И вот Мити рано встанет, в лес пойдет, много сараны и кимчиги накопает, всякой ягоды соберет. Домой вернется — котлеты приготовит, толкушу и кирилку сделает, чайник вскипятит, чай заварит и отнесет все это Кутху. Кутх все это съедал и очень поправился. А Мити с раннего утра до позднего вечера варит да в лес ходит. Наконец Кутх видит: Мити очень работающей стала. Сразу и встал. Переправился через реку, где их дом, вышел и закричал:

— Мити! Перевези!

А Мити вышла к реке и видит: очень толстый человек стоит. Не узнала сперва. Голос Кутха, только Кутх-то очень худой был. А Кутх и говорит:

— Не узнаешь меня? Я — Кутх!

Очень обрадовалась Мити. Эмэмкута позвала, чтобы Кутха перевезти через реку. Спросила Кутха:

— Как это ты ожил?

— Да бог сказал: «Твоя жена очень работающая стала, я и решил тебя оживить. Пойди и живи с ней!»

Отсюда все и началось: Мити все время варила, в лес ходила и очень работающей стала.

168. Ложная смерть Кутха

Жил-был Кутх с женой Мити. Были у него дети: Эмэмкут и Синаневт. Эмэмкут отдельно жил. Отца плохо кормил. Кутх подумал и сказал жене:

— Мити, близок уже мой час. Завтра я помру, ты приготовь меня, попроси у Эмэмкута пук с жиром и мяса. Ты, Мити, всего положи в яму: кипрея, кузовок шикши, ступку, пест, сито, светильник, воды, дров и огня.

Стала Мити Кутха снаряжать. Сказала:

— Ты, Кутх, все врешь, не умрешь ты!

— Нет, правда, Мити, умру!

Вот Мити наварила мяса, толкушу сделала, приготовила еды, отпраздновала Кутхову смерть. Кутх славно наелся. Потом сразу умылся, сел. Смотрит вся семья на него. Вдруг закатились у Кутха глаза. Упал тут же Кутх и умер. Испугались домашние. Эмэмкут выкопал большую яму, сверху прикрыл. Поволокли Кутха из дому в яму. Во дворе Кутх не выдержал, засмеялся. Синаневт увидела и сказала:

— Смотрите, Кутх смеется!

Мити сказала ей:

— Хватит тебе врать! Когда это мертвый смеялся?

Засунули Кутха в яму. Всю пищу и яму сверху травой прикрыли, дырку сделали. Стемнело. Засветил Кутх жирник, развел огонь. Стал толкушу сбивать. Вышла Синаневт, увидела в яме у Кутха огонь, услышала стук песта в ступе. Сразу вернулась, сказала:

— Мити, у Кутха в яме огонь горит, там стучат, будто толкушу делают.

Мити сказала:

— Ну вот, пошла врать! Как это мертвый будет делать толкушу, глупая?

Стал Кутх в яме жить. Хорошо ел. По ночам пищу варил, толкушу делал. Все запасы съел. Тогда вышел из ямы, пошел в дом. Вошел. Домашние испугались. Дети сразу убежали. Кутх сказал:

— Не бойтесь, я вернулся, не приняли меня на том свете. Мити, позови детей!

Мити позвала всех детей. Пришли. Кутх рассказал:

— Эмэмкут, бог велел тебе хорошенько меня кормить, заботиться обо мне, жить вместе со мной.

Стал Эмэмкут об отце хорошо заботиться, кормить его. Зажил Кутх, ни в чем не нуждаясь.

169. Как Кутх умирал

Ну вот, живет Мити. Ничего не хочет делать, ничто ей не мило. Ушла в свои думы, ничего Кутху не варит. Кутх все по лесу шляется, придет — ничего не сварено. Дает ему Мити одну юколу жесткую-прежесткую. Поест немножко, голод-

ный спать ложится. Утром снова уходит куда-то. Приходит — опять на столе юкола прокисшая, источенная червями. Поест Кутх чуть-чуть, ляжет и все думает: «Что же это с Мити? Как бы мне сделать, чтобы все по-прежнему стало?»

Вот ушел он в лес и придумал: «Скажу-ка я Мити, будто бы бог с неба спустился, хочет меня забрать».

Пришел домой. Мити опять ему юколу дает.

— Мити! Послушай, что я тебе теперь скажу.

— Чего тебе? Ну, говори.

— Сегодня бог с неба спустился, прямо там, где я стоял. Спустился и говорит мне: «Я хочу тебя взять, Кутх, душу твою хочу взять. Пусть тебя в яму положат. Только ты Мити скажи, чтобы мне пищу хорошую делала, да туда к тебе приносила». Видишь, Мити, я сейчас помру. Положи меня в яму, но не засыпай. А еще, Мити, помни, что пищу надо в одно время носить — как сядет солнце, так сразу и неси. Днем бог приходить не будет. Ну, я сейчас помру.

Упал Кутх да и умер. Засуетилась Мити, стала Кутха хоронить. Положила его в яму, но не засыпала. Лежит Кутх в яме. Мити туда же пищу положила, сама ушла. Кутх сказал:

— Ну-ка, посмотрю, далеко ли Мити ушла.

Посмотрел — Мити уже не видно. Кутх сразу сел, начал есть, хорошо наелся.

— Ну-ка, пойду погуляю.

Вот солнце село — Кутх быстро пришел, в яме растянулся. А Мити кушанье несет: бог-то, наверное, есть хочет. Поставила она пищу, села, заплакала. Поплакала, потом сказала:

— Бог-то все кушанья съел. Завтра еще лучше сварю, лишь бы Кутха на том свете не жгли, не мучали. Душа-то его у бога находится.

А Кутх слушает, что Мити говорит. Собрала она грязную посуду:

— Хорошо ее вымою, завтра богу еще кушанья принесу.

Пошла Мити, сама плачет, даже рыдать начала. Как только Мити скрылась, Кутх сразу вылез, начал есть. Все съел, отлично наелся. Сам пошел на всю ночь да на полдня шляться. Вот солнце стало садиться — Кутх быстро пришел, в яме вытянулся. Мити пришла, снова принялась плакать:

— О-ой, Кутх, Кутх! Если б ты сейчас ожил, я бы опять стала веселая, все-все для тебя бы делала.

А Кутху только того и надо было.

Пошла Мити домой. Кутх из ямы вылез, как следует наелся, сказал:

— Ну, теперь пойду к Мити, как будто бог меня не принял. Как будто бог сказал: «Твоя Мити сильно плачет, больше так не живите» — и душу мне отдал. Так я ей и скажу.

Вот пошел Кутх домой. Смотрит Мити: «Как будто бы мой Кутх идет!» Не узнала она его, а Кутх, разжиревший, идет прямо к ней. Узнала его Мити, сильно обрадовалась:

— Ой, откуда же ты, Кутх, пришел ко мне?

— Да бог меня не принял, видит, ты очень сильно скучаешь. Сразу душу мне отдал и послал меня: иди, говорит, домой, живите, как раньше жили, по-хорошему.

170. Кутх и Мити

Однажды Кутх сказал Мити:

— Мити! Давай-ка пойдём за орехами. Вон в том лесочке я видел много орехов.

Собрались они быстро и пошли за орехами. Вот пришли, стали орехи собирать.

Кутх был очень трусливый. Договорился с Мити, чтобы обязательно перекликаться. Собирают они орехи и перекликаются так: «Кутыхе! Митыхе! Яхаха-яхаха!»

Очень много орехов, долго собирали. Надоело Мити кричать, все тише и тише кричит, а потом и совсем замолчала. А Кутх все кричит:

— Митыхе! Яхаха-яхаха! Где же ты?

Очень сильно испугался Кутх. Что же он будет делать? Подумал: «А вдруг Мити медведи съели!»

Вдруг Мити вскрикнула:

— Чего это ты, Кутх, кричишь?

Испугался Кутх, вороном обернулся и полетел в лес. Уселся на чей-то балаганчик и начал по-вороньи кричать.

171. Как Кутх и Мити за орехами ходили

Жили Кутх и Мити. Однажды Кутх сказал:

— Пойдем за орехами!

Собрались и пошли. Начали собирать орехи. Кутх и предложил:

— Давай, Мити, громко перекликаться, а то медведи ходят. Ты меня окликай, а я — тебя.

Собирают орехи и кричат. Мити кричит: «Кукэвэ!», а Кутх: «Мити! Митивэ!»

Собирают орехи и все время перекликаются. Надоело Мити кричать, она замолчала. А Кутх подумал: «Наверное, Мити медведь съел». Испугался, стало ему жалко Мити.

А Мити подумала: «Сейчас Кутха напугаю». Подползла к Кутху и крикнула:

— Я-ха-ха-ха, Кутха!

Очень сильно испугался Кутх, сразу вороном обернулся и полетел. А Мити осталась одна.

Летел Кутх, летел, видит — балаган и травяной дом. В этом доме жили две девушки, сестры, очень красивые, мастерицы шить и работать.

Вышла старшая сестра, чтобы высыпать сор. Увидел ее ворон. Высыпала девушка сор, Кутх подлетел к ней. Сестра и подумала: «Наверное, это Кутх дразнится». Кинула в него мусором и пошла домой. Младшей сестре сказала:

— Сходи в балаган, принеси пополдничать!

Пошла девушка, поднялась на балаган, и ворон сразу туда полетел и сел. Увидела девушка ворона, сказала:

— Откуда этот воронишка взялся? Сколько здесь с сестрой живу, никогда никого не видела. Только лес.

Обрадовалась девушка, накормила ворона досыта разной ягодой. А Кутх подумал: «Хорошая девушка. Вот бы мой Эмэмкут женился на ней».

Накормила ворона девушка и сказала:

— Прилетай к нам.

Пошла домой. А дома старшая сестра сердится, говорит младшей со злобой:

— Опять, наверное, Кутх проказничал?

А ворон полетел в поселок, перевернулся трижды и тут же опять Кутхом стал. Тем временем сидит Мити дома и плачет, жалеет Кутха.

Вошел Кутх. Мити обрадовалась и спросила:

— Где ты, Кукэ, был?

— Далеко я летал, дом в лесу видел, в доме две сестры: одна злая, а другая — хорошая.

А Эмэмкут, их сын, лежит и слышит, что Кутх говорит. Послушал-послушал и говорит:

— Я бы побывал там, да не знаю, как туда идти.

Кутх предложил:

— Возьми мою кухлянку ворона, лети в ту сторону, увидишь дом в лесу. Там и живут девушки.

Надел Эмэмкут воронью кухлянку и полетел. Далеко залетел. Увидел дом, сразу же сел на него. Вышла старшая сестра, сказала ворону со злобой:

— Опять этот Кутх забавляется!

Забросала ворона мусором, пошла домой, ничего сестре не сказала.

Младшая сестра вышла на улицу, увидела ворона и сказала:

— Снова к нам ворон прилетел.

Поднялась на балаган, ворон тут же к балагану полетел и у входа сел. Девушка говорит ворону:

— Мы в лесу с сестрой живем, никогда никого не видим. Хорошо, что ты пришел!

Стала его кормить, а ворон не ест. Девушка сказала:

— Давешний ворон очень много ел, а ты не хочешь.

Затем говорит:

— Останься и живи с нами!

Сразу ворон Эмэмкутом стал, обнял девушку — и тут же ребенок заплакал. Испугалась девушка и тоже заплакала:

— Как я теперь перед сестрой покажусь?

Эмэмкут успокоил:

— Не бойся! Пойдем вместе!

Спустились с балагана, вошли в дом. Сестра зло так говорит:

— Верно я говорила, что это Кутх забавляется, а теперь вот ты и с ребенком!

Эмэмкут велел ей успокоиться. Старшая сестра перестала сердиться. Начала младшую сестру собирать. Спросила:

— А на чем вы поедете?

Пошел Эмэмкут в лес, свистнул три раза. Тут же олени появились. Собрались они и поехали. Стали подъезжать к поселку, пурга поднялась. Вышел Кутх из дома, сказал:

— Мити, пурга надвигается!

Вышла Мити и ответила:

— Это не пурга, это наш Эмэмкут с женой возвращается.

Кутх попросил:

— Дом тесен у нас, Мити! Попинай немного!

Попинала Мити дом, он и расширился. Мигом различные яства поставили, всех зверей и птиц пригласили. Все долго веселились, а Эмэмкут и по сей день живет.

Жил Кутх с женой Мити. Кутх сказал:

— Мити, я запор на реке поставлю.

Пошел на рыбалку. Поставил запор. Стала ловиться чавыча и всякая другая рыба. Пошел Кутх вынимать рыбу из морды. Тут лиса Петенга пришла. Сразу Кутха соблазнила. Стал он рыбки головки для лисы Петенги отламывать, а домой безголовую рыбу носить. Сказал жене:

— Медведи запор испортили, все головки у рыб отъедают! Потом еще прибавил:

— Я, Мити, буду по ночам к забору ходить.

Мити сказала:

— Ладно, Кутх, ходи по ночам!

Не знала Мити, что ее муж обманщик! А Кутх вместе с лисой Петенгой спал, любил ее, как жену. Встанет, сразу к забору идет. Отдаст все рыбки головки Петенге, а Мити безголовых рыб несет. Вот раз пришел Кутх и сказал, как всегда:

— На, Мити, рыбу!

Посмотрела Мити: опять рыба безголовая.

— Почему ты, Кутх, носишь мне безголовую рыбу? Неужели сам все головки съедаешь?

— Нет, Мити, это медведи. Испортили запор и отъедают головки.

Побыл Кутх дома немного и ушел. Взяло Мити сомнение:

— Что это Кутх туда повадился? Неужели он меня обманывает?

Вечером пошла Мити к Кутху. Пришла, а Кутх вместе с лисой Петенгой лежит, разговаривает. Увидела это Мити, посмотрела и тут же домой вернулась: узнала, куда рыбки головки деваются. Заострила она длинный кол, позвоночник к нему привязала. Опять вечером отправилась и кол с собой взяла. Пришла. Кутх уже с лисой Петенгой лежит. Воткнула Мити кол лисе в задницу. Заохала лиса:

— Ой, ой, больно!

Кутх сказал:

— Что ты, Петенга?

— Хвост болит!

Вскочила лиса, увидела Мити и убежала в лес вместе с колом, грохоча привязанным позвоночником. Мити сказала:

— Эх, Кутх, какой ты лгунишка! А я-то и правда думала, что ты медведей сторожишь. А ты меня обманываешь!

Кутх сказал:

— Ну, будет, Мити, давай опять станем жить по-хорошему!

Стали они опять хорошо жить и веселиться.

173. Кутх, лиса и волк

Жил Кутх с женой Мити. Перекрыл Кутх речку, поставил морду на гольцов. Стал Кутх ловить гольцов. Вот однажды лиса решила Кутха обмануть: легла на дороге, притворилась мертвой, как будто замерзла. Идет Кутх, видит — лиса валяется. Обрадовался Кутх. Гольцов на нарту нагрузил. Лису кое-как привязал сзади. И пошел домой. Стала лиса гольцов сбрасывать с нарты, а потом и сама спрыгнула. А Кутх не заметил, что лиса убежала. Пришел домой, вошел:

— Эй, Мити, убери гольцов и лису там возьми!

Вышла Мити. Гольцов совсем мало. Унесла их, а лису не могла найти. Вошла Мити в дом, сказала:

— Кутх, нет лисы!

— Как нет! На нарте сзади лежит!

— Ты, Кутх, лису не знаешь. Обманщица она!

Снова поехал Кутх на речку. Снова нашел замерзшую лису, взял ее, к нарте крепче привязал, гольцов нагрузил, отправился домой. Лиса снова сбросила гольцов, а сама не смогла спрыгнуть: крепко ее Кутх привязал. Приехал Кутх домой, говорит:

— Мити, пойди, прибери гольцов и лису возьми, на печку положи, пусть оттает!

Внесла Мити лису в дом, на печку положила. Кутх потрогал лису — мерзлая, не оттаяла еще. Стал Кутх нож точить — лису потрошить собирается. Смотрит лиса — дело плохо. Кутх снова пощупал лису — оттаяла. Только хотел лису потрошить — прыгнула она и погасила огонь. Испугались Кутх с Мити, а лиса выбежала во двор и засмеялась. Кутх сказал:

— Ах, лиса, если бы я знал, что ты меня обманываешь, я сразу распотрошил бы тебя, не стал бы дожидаться, пока ты оттаешь.

Ушла лиса. Стала гольцов собирать. Всех собрала. Начала есть. Пришел волк, спросил:

— Где ты, лиса, столько гольцов наловила?

— Это я в прорубь свой хвост опустила, гольцы к хвосту и прицепились.

Волк сказал:

— Эге, лиса, научи меня!

— Пойди да сунь свой хвост в прорубь.

Сунул волк хвост. Очень холодно ему стало. Стал волчий хвост примерзать.

— Эй, лиса, я вытащу хвост!

— Вытаскивай!

А хвост-то у волка примерз. Не может он его вытащить. Засмеялась лиса. А волк очень рассердился:

— Ну, лиса, смотри, освобожусь, убью тебя!

Убежала лиса, в нору спряталась. Дернулся волк, оторвал хвост почти до самой кости. Погнался за лисой. Пришел к норе, закричал:

— Лиса, ты здесь?

Отвечает лиса:

— Здесь я, глаза у меня болят, никуда не хожу! Вот вышла недавно во двор, видела, как лиса мимо пробежала, в соседнюю нору спряталась.

Волк сказал:

— Иди сюда, покажи, где эта нора, я тебя подвезу.

Вышла лиса, сказала:

— Как только я крикну, ты сразу голову в дыру сунь. Пусть тесная будет дыра, все равно суй! Там она, обманщица!

Нырнула лиса в нору, закричала, зашумела:

— Эй, волк, суй башку, идет твоя обманщица!

Сунул волк голову. А нора тесная, защемило волку голову, не может никак вытащить. Лиса снова засмеялась. Совсем волк рассердился. А лиса всю морду волку объела — одни кости остались — и убежала.

Бежит, встретила по дороге другого волка. Тот спрашивает ее:

— Куда ты бежишь, лиса?

— В лес бегу, в нору!

Волк кое-как голову из норы вытащил. Опять за лисой погнался. По дороге товарища встретил, другого волка. Тот посмотрел на него и спросил:

— Где же ты хвост и морду потерял?

— Это меня лиса так отделала! Ты, приятель, случайно ту лису не видал?

— Видал, вон в ту нору спряталась.

— Пойдем, убьем ее!

Пришли к норе. Стали волки кричать:

— Ты здесь, лиса?

Лиса не ответила. Волки снова закричали:

— Ты здесь, лиса?

Лиса крикнула:

— Здесь я, глаза у меня болят!

— Ну, выходи, лиса!

— Не выйду, глаза болят, ничего не вижу!

Волки сказали:

— Врет она. Ну, давай подкопаем нору!

Стали копать. Раскопали нору, вытащили лису, всю в
клочья разорвали.

174. Кутх и краб

Жил-был Кутх с женой Мити. Стал Кутх собираться на
мыс. Сказал:

— Дай-ка, Мити, мою шапку, рукавицы и пояс!

Мити сказала:

— Ты, Кутх, коли хочешь, прямо сейчас отправляйся!

Пошел Кутх на мыс. Дошел до мыса. Морских зверей, ко-
торых встречал, всех ногами пинал, говорил:

— Вот как с вами поступать надо!

Еще дальше пошел, видит — морской краб спит. Стал он
будить краба. А краб крепко спит.

— Эй, краб, проснись!

Открыл краб глаза и сказал:

— Я спать хочу, Кутх, не мешай мне!

Кутх сказал:

— Ладно, краб, вставай, довольно спать!

Встал краб. Кутх сразу сказал:

— Эй, краб, покатай меня!

Сел Кутх ему на спину, пошел краб в море. А Кутх песню
запел:

— По воде меня катают. Тебе, Мити, лучше дома поси-
деть!

Стал краб его катать, Кутх закричал:

— Эй, краб, отпусти меня, утопишь!

Краб сказал:

— Зачем ты, Кутх, меня разбудил? Теперь уж не бойся!

Отвез он Кутха на середину моря. А посреди моря был боль-
шой круглый камень. Оставил он Кутха на этом камне. Уселся
Кутх, сидит, а волны на камень накатываются и Кутха зали-

вают. Спрятал Кутх лицо в кухлянку, слышит: под камнем люди разговаривают. Вдруг большая волна пришла, сбросила Кутха под камень.

Пошел он по лестнице, там его морские люди встретили. Хорошо приняли. Вяленным мясом накормили. Стали спать укладываться. Морские парнишки всю воду спрятали, реку высушили. Кутх ночью проснулся, пить захотел — не может воды в доме найти. Пошел к реке. И река вся высохла. Стал он вспоминать своих домашних: жену, маленьких ребятшек. Всех по именам назвал. Сказал Кутх:

— Мити, ты с малышами воду пьешь, а я тут от жажды умираю!

Услышали это морские парнишки, но не встали. Стал Кутх вспоминать своих старших детей, девушек:

— Синаневт, Анаракльнавт, вы-то пьете воду, а ваш отец от жажды умирает!

Встали тут морские парнишки, как будто только что услышали, как Кутх причитает, и говорят:

— Женщины нашего гостя совсем замучили! Не дают ему пить.

Сразу вода появилась. Начал Кутх пить. Те парнишки целую байдару воды налили. Кутх все это выпил. К реке пошел. Там снова стал пить. Напился, утолил жажду. Дочерей пропил. Отвезли женихи Кутха домой на байдаре. Кутх все рассказал жене, что с ним случилось.

— Мити,— говорит,— вели дочерям собираться, пусть замуж выходят, пропил я их!

Так все его дочери замуж вышли. Стали жить и веселиться.

175. Яичные девушки

Жил Кутх с женой. Был у них один сын Эмэмкут. Жили они очень хорошо.

Однажды Кутх и Мити пошли за яйцами на косу. Пришли. Мити стала очень крупные яйца собирать: лебединые, гусиные, орлиные, чайчьи. А Кутх самые мелкие: куликовые, маленькой уточки и всяких мелких пташек.

Подошел Кутх к Мити, увидел у нее крупные яйца, сказал:

— Почему ты крупные яйца собираешь, а я мелкие?

Тут они начали спорить. Рассердилась Мити и пошла домой, а Кутх остался.

Много насобирали яиц, крупных и мелких. Потом построил вблизи моря балаган и домик. Еще сделал из яиц двух девушек, посадил их на настил в балагане. И пошел домой.

Потом долго никуда не ходил.

А Эмэмкут, его сын, вечно ходил по лесу, очень много добывал зверей и птиц.

Вот однажды задумал Кутх по косе прогуляться. Пошел. Когда шел по косе, нашел пятнистую нерпу. Положил ее на траву и дальше пошел. Потом увидел балаган и домик. Подумал: «Кто же тут живет? Никогда тут никто не жил. Дай-ка посмотрю!»

Пошел Кутх смотреть. Увидели его девушки, очень обрадовались.

Пошли навстречу отцу, говорят:

— Ой, ой! Наш отец идет! Очень стосковались по тебе! Думали, что ты уж совсем к нам не придешь. Мы тебя, отец, хорошо накормим: сараны много наварим, толкушу хорошую приготовим, ягод насобираем!

Вошли в домик. Девушки захлопотали по хозяйству. А Кутх заснул. Стало солнце садиться. Разбудили девушки Кутха, хорошо накормили. А как совсем стемнело, пошел Кутх домой. О нерпе даже не вспомнил. Шел, очень торопился.

Пришел домой. Принялся жене рассказывать:

— Иду по косе, вижу: домик с балаганчиком стоит. Пошел я посмотреть. Вышли из дома две девушки, очень обрадовались мне, как отца встретили. Говорят, что очень соскучились. Я испугался — разве это мои дети? Тут они очень сытно меня накормили. Сказали: «Отец, приходи еще когда-нибудь, опять хорошо накормим. Всякой еды наварим!»

На другой день Кутх снова пошел к девушкам, снова они его хорошо приняли.

Кутх каждый день к ним начал ходить. Тут Мити ревновать стала, говорит ему:

— Ты, Кутх, вечно ходишь в лес! Чего ты там такого сладкого нашел?

А Кутх не слушает Мити, все равно к девушкам ходит.

Вот однажды позвал Кутх Эмэмкута. Пришел Эмэмкут. Кутх сказал:

— Эмэмкут! Там на косе живут две красивые девушки. Хорошие невесты для тебя. Завтра я пойду — одну тебе высватаю.

Пошел Кутх на другой день сватать сыну невесту.

Девушки опять очень обрадовались, опять очень хорошо

накормили Кутха. Не мог он им ничего сказать, так и пошел ни с чем домой.

На другой день велел Кутх Эмэмкуту самому идти свататься. Сказал ему:

— Не могу я ничего сделать. Они ведь меня отцом считают. Пойди ты сам попробуй!

Пошел Эмэмкут. И ему девушки очень обрадовались. Очень хорошо его встретили. Опять хотели много вкусной еды наварить, накормить его хорошенько. Отказался Эмэмкут у них есть. И тоже ничего не смог сказать. Да и как он мог такие слова вымолвить? Так он и пошел домой ни с чем.

А девушки, Синаневт и Амзаракчан, уже догадывались, что неспроста к ним отец и брат ходят. Сказала Синаневт:

— Мы должны уйти с этого места. А то что-то зачастил к нам отец. Давай будем в дорогу собираться, пищу готовить. И кита пойдем поищем.

Взялись девушки за работу. Приготовили кипрей, засушили юколы, сшили кухлянки, шапки, рукавицы. Все сделали, все приготовили, все на улицу вынесли. Дом и балаган сожгли.

Пошли по косе, вызвали кита, забрались в него и уплыли в море.

На другой день Эмэмкут и Кутх опять пошли свататься. Пришли на то место, где девушки жили, а там уже никого нет. Решили их по следам искать — а следы к морю ведут. Подумали: «Куда же ушли девушки? Наверное, утонули!» — и пошли обратно домой.

А девушки очень долго плыли. Младшая Амзаракчан все время спала, никогда не вставала, никогда не работала. Все старшая сестра делала.

Вот однажды остановился кит. Подумала Синаневт: «Как будто мы на земле лежим? Дай-ка иголкой дырочку проделаю!»

Прodelала Синаневт маленькую дырочку, увидела сквозь нее землю. И вышла наружу. Выбросило их в очень хорошем месте: тут и морошка растет, и орехи, и пучки, и кипрей. Хорошо Синаневт погуляла, сытно наелась. Набрала пучек и понесла в китовый дом.

А младшая сестричка все время спит. Положила Синаневт пучки ей в изголовье, потом разбудила и спрашивает:

— Что ты во сне видела?

— Ничего не видела. Очень уж я скучаю: так давно мы земли не видели! Вот бы сейчас на земле очутиться!

Синаневт сказала:

— А я сегодня видела сон, как будто у нас в изголовье пучки лежат. А ну-ка, давай посмотрим!

Подошла младшая сестра к изголовью — а там действительно пучки лежат! Очень она обрадовалась, подумала: «Откуда же эти пучки взялись? Неужели нас на землю выбросило?»

Тут они собрались и вышли из китового дома. Сразу в лес пошли. Там опять сделали домик, опять за работу принялись. Очень много кипрейника заготовили.

Так жили они довольно долго. И вот вздумали замуж выйти. Сделали из кипрея медведя и оленя. На медведя младшая сестра забралась, а на оленя — старшая. И стали пробовать одна в оленя, другая в медведя превратиться.

Первым олень пошел. Велела старшая сестра младшей, чтобы та посмотрела, как она пойдет. Идет совсем как настоящий олень, на ходу подскакивает. Потом вернулась.

Вторым медведь пошел — младшая сестра: и она, как медведь, идет, голову близко к земле держит.

Сказала Синаневт своей сестре:

— Я сейчас пойду мужа искать. Приказываю тебе: за красивого замуж не выходи. Выходи за некрасивого. Потом моего мужа увидишь, и твой такой же будет.

И вот превратилась Синаневт в оленя, а Амзarakчан — в медведя. Синаневт сразу медведя на цепь посадила, а сама в виде оленя в тундру пошла. Начал медведь на цепи рваться.

Оглянулся олень, посмотрел на медведя. Жалко стало Синаневт сестру, вернулась было к ней, но потом опять в тундру пошла. Оглянулась, не может идти — очень жалко сестру. Три раза Синаневт к сестре возвращалась. Потом все-таки ушел олень в тундру, а медведь один остался.

Пошел олень прямо к охотнику. Увидел охотник оленя, подкрался близко, выстрелил и убил. Распорол ему брюхо — вышла оттуда красивая девушка. Женился охотник на ней и поехали домой. Так начали вместе жить.

Очень уж скучала Синаневт по сестре. Никому ничего не говорила. Заметила мать мужа на улице, что Синаневт скучает, принялась ее спрашивать, но та ничего не рассказала.

Вошла Синаневт, мать ее опять спрашивает:

— Синаневт, о ком ты скучаешь? Может, где-нибудь у тебя кто-нибудь родной есть?

Сначала Синаневт ничего не сказала, но мать почувствовала, что скрывает она что-то. Наконец Синаневт призналась:

— Есть у меня сестра далеко в лесу. На цепи она сидит, рвется. Очень моя сестра страшная. Никто ее убить не может.

Собрал муж Синаневт людей, сели на оленей, поехали. Очень быстро едут — хотят как можно скорее доехать.

Был в этом селении человек по имени Сысылхан. Безоленный, бессобачный, да и нарты у него не было. Стал и он помаленьку в дорогу собираться. Торопиться ему нечего, когда-то еще поймает собачек-мышек. Походил по ямкам, по дыркам, посвистел, созвал мышей. Вместо нарты корыто из-под кислой рыбы взял, вместо остола — кочергу от печки. Запряг мышей в корыто и поехал. Мыши по пути то в ямку забегут, то в дырку. У товарищей там уже все стрелы кончились, а он еще только подъехал. Лук у него из прутьев, стрелы из веток, наконечники из верхушек ольхи. Товарищи его торопят: скорее подъезжай, скорее стреляй в медведя.

Подъехал Сысылхан и сразу выстрелил. Стрела еще и не долетела до медведя, а он уж сразу упал. Вскрыли медвежье брюхо, вышла оттуда красивая девушка. Вспотела вся — очень долго на цепи металась.

Стали ее охотники к себе в нарты звать, ни к кому она не хочет сесть, говорит:

— Кто меня добыл, к тому и сяду.

Охотники говорят:

— Зачем к нему садиться? Смотри, нарты у него из-под кислой рыбы!

Ни к кому она не села. Подошла к Сысылхану и села в его нарты-корыто.

Поехали они очень тихо. На увальчиках Сысылхан сам поднимал нарты. В одном месте пошел Сысылхан в лес. Позвал оленей — в одно ухо вошел, из другого вышел. Сразу сделался очень красивым человеком. Стоят возле него красивые олени, красивая нарты. Сел он в нарты и поехал к жене. Не узнала его жена:

— Ты не мой муж! Мой муж совсем некрасивый!

Муж сказал:

— Я и есть твой муж. Ну-ка, давай садись!

Поехали они. Очень быстро едут. Вдруг поднялась сильная пурга. К дому подъезжали — дом проехали с разгона.

Они начали хорошо жить. На другой день сестры увиделись. Синаневт сказала:

— Помнишь, Амзarakчан, я тебе говорила, что запрещаю за красивого замуж выходить. Правильно сделала, что послушалась меня. Посмотри теперь — твой муж красивее моего

мужа. Приказываю вам: хорошо живите! Не надо плохо жить!

Так сестры начали хорошо жить.

176. Борьба Кутха с Эмэмкутом

Жили Кутх и Эмэмкут. Кутх все время дома был, никогда никуда не выходил. От лежания у него даже волосы на голове подопрели.

Эмэмкут же все время по лесу ходил. Много разных зверей и птиц убивал. И всегда ходил на одно и то же место: там много разных зверей водилось.

Вот однажды присел Эмэмкут отдохнуть. Сел возле леса. Вдруг слышит — где-то кто-то очень красиво поет. Прислушался Эмэмкут, подумал: «Кто же это так хорошо поет? Дай-ка я посмотрю!»

Пошел в ту сторону, где пение слышалось. Идет, а пение все громче. У Эмэмкута даже сердце заныло: прямо на него поющий идет. Спрятался Эмэмкут в дупло. А певец все ближе. Задрожал Эмэмкут. Вдруг видит — показалась поющая Иянамльцях¹. Как подошла поближе к Эмэмкуту, выскочил он из дупла и обнял ее. Тут и женился на ней, и сразу ребенок родился.

Сказала Иянамльцях Эмэмкуту:

— Ты меня взял, а я ведь лесной человек. Как же мы жить-то будем в твоём доме? У меня ведь ничего нет. Вот как хожу, так и замуж выхожу.

Ничего не мог Эмэмкут сказать: жена-то уж очень красивая! Сказал только:

— Пора уже, пойдем ко мне домой. Ничего мне твоего не надо. И не скучай. Запрещаю тебе скучать.

Пошли Эмэмкут с Иянамльцях к Кутху на стойбище. Пришли, а Кутх все лежит на постели. Эмэмкут с женой вошли в дом. Кутх очень испугался и сказал:

— Где же это, Эмэмкут, ты такую красивую женщину достал?

Эмэмкут сказал:

— В лесу нашёл.

Кутху Иянамльцях очень понравилась, так что его болезнь сразу как рукой сняло. Постель свою он сразу на улицу выбросил. И стал думать, как ему у Эмэмкута жену отнять.

«Ладно,— подумал,— вот отправится Эмэмкут за медведями...»

Ночь настала. Кутх Эмэмкуту сказал:

— Эмэмкут, завтра пойдем за медведями. Вон в том лесу я видел медвежью берлогу.

На другой день пошли за медведями. Когда подошли к лесу, Кутх весь задрожал, сказал Эмэмкуту:

— Ну-ка, иди первый!

Эмэмкут, ничего не подозревая, пошел. Идет, а Кутх за ним по пятам следует. Подкрался Эмэмкут к берлоге. Когда уже у самой берлоги был, Кутх и толкнул его в берлогу.

Упал Эмэмкут к медведям, а медведи его очень хорошо приняли. Медведица сказала своим родичам:

— Запрещаю трогать этого человека! Люди хотели его убить из-за его красивой жены. Сварите-ка ему медвежьего мяса! Да хорошенько накормите.

Хорошо Эмэмкута встретили. Досыта накормили медвежьим мясом. Потом велели спать ложиться. Крепко Эмэмкут заснул.

А Кутх пришел к Иянамльцях. Велит ей с ним ложиться. Не соглашается Иянамльцях. Тогда Кутх совсем разделся и сам лег рядом с ней. А Иянамльцях надела колючую рубашку, из крапивы сотканную, и легла в ней с Кутхом. Прижался Кутх к Иянамльцях, стало ему очень сильно тело жечь. Сказал Кутх:

— Почему твое тело все в иголках? Как же ты со своим мужем спишь?

Иянамльцях сказала Кутху:

— Хорошенько ко мне прижимайся! Зачем ты моего мужа к медведям толкнул? Теперь ты должен со мной спать!

Не может Кутх с Иянамльцях лежать: очень уж больно. Встал, сказал Иянамльцях:

— Ты, Иянамльцях, все равно так пропадешь. Эмэмкут не придет. Медведи его разорвали.

Еще говорить не кончил, Эмэмкут появился. Жена ему очень обрадовалась. А Кутх сильно испугался. Вышел на улицу. На улице и ночевал.

Только через несколько дней домой вернулся. Стал Эмэмкута за рыбой звать. Сказал:

— Пойдем, Эмэмкут, рыбу ловить! Вон в той бухточке я много рыбы видел! Давай пойдем туда!

Согласился Эмэмкут. Отправились они за рыбой. Вот подъехали к реке, опять Кутх велел Эмэмкуту впереди идти. Когда

подошли к берегу, подкрался Кутх к Эмэмкуту и столкнул его в воду, а сам сразу домой пошел.

Попал Эмэмкут к гольцам. Они его очень хорошо приняли. Старший голец сказал:

— Не обижайте, ребята, этого человека! Его люди хотят из-за красивой жены убить. Наварите-ка для него побольше гольцов.

Очень хорошо Эмэмкута приняли, сытно накормили. Выспался Эмэмкут, опять пошел домой.

А Кутх и на этот раз ничего не мог с Иянамльцях сделать. Опять его Эмэмкут на постели жены застал. И опять ничего Кутху не сделал. Добрый человек Эмэмкут, не злой.

Опять Кутх ушел куда-то в лес. Несколько дней не возвращался. Стал Эмэмкут думать: «Куда это Кутх запропастился? Уж не убил ли его кто-нибудь?»

Вернулся Кутх через несколько дней и стал звать Эмэмкута за соболями:

— Вон на той сопке я видел много соболиных следов.

Опять Эмэмкут пошел — ничего он не боится! Когда стали подходить к сопке, Эмэмкут снова пошел впереди. Идет, к яме подошел. А яма очень искусно сверху прикрыта: как будто и нет совсем никакой ямы. Эмэмкут и провалился в эту яму.

Кутх быстро яму зарыл и палку на том месте поставил, чтобы после на это место прийти.

Вернулся домой и опять начал к Иянамльцях приставать. Надела Иянамльцях рубашку из крапивы, так они и стали жить. Прожили несколько дней вместе.

А Эмэмкут не умер. Несколько дней землю копал — это он из ямы выбирался. Яма была глубокая. Очень устал Эмэмкут, но все же выбрался. Домой пошел. Не доходя до дому, упал на землю — никто его не заметил. Так и пролежал Эмэмкут целый день. Домой только на другой день пришел. Вошел, видит: Кутх с Иянамльцях лежит. Эмэмкут сказал:

— Что ты тут, Кутх, делаешь? А ну-ка одевайся, пойдем в лес! Не смог ты меня убить, хотя несколько раз пытался. К медведям столкнул, а медведи очень хорошо меня приняли. В воду столкнул, а там гольцы меня как своего встретили, сытно рыбой накормили. Так ты меня в глубокую яму столкнул, где я чуть с голоду не помер, но все равно домой вернулся. Теперь идем в лес. Я тебя всегда слушался: куда ты меня ни звал, я сразу шел.

Пошли Эмэмкут с Кутхом в лес. Недалеко ушли. Позвал

Эмэмкут трех волков и четырех медведей, велел им в круг стать. Так они и сделали. А Кутха в середине поставили.

Велел Эмэмкут медведям и волкам разорвать Кутха.

Разорвали они Кутха на куски.

Опять начал Эмэмкут хорошо жить.

177. Няя — дочь Кутха и Мити

Вот живут Кутх и Мити. Кутх никуда не ходит, вечно дома сидит. Вдруг Кутх сказал:

— Мити! Пойду-ка я проветрюсь. Далеко не пойду, тут похожу.

— Иди. Да смотри там, не озорничай нигде!

— Не буду, Мити!

Вот Кутх надел кухляночку, пояском подпоясался и пошел. Идет. Видит: у себя во дворе старая бабушка-мышка сидит.

— Здорово, бабка!

— Здорово, Кутх! Куда это ты идешь?

— Да так, проветриваюсь.

— Садись. У тебя дети есть?

— Нету, бабка. Дочерей нет, сын один. Мы с Мити вдвоем живем.

Кутх бабке ничего про детей не сказал. Бабка говорит:

— Зайди, что ли, почаевничаем.

— Э, давай пойдем, почаевничаем!

Вошли. Бабка сразу сказала своим внучатам-мышатам:

— Ну-ка, накормите его чем-нибудь соленым, чтобы пить захотел, а воду спрячьте.

Стал Кутх есть, хорошо наелся. Говорит:

— Теперь чай вскипятите!

— Нечем, дедушка, печку топить, дрова сырые.

Тут в доме очень темно стало. Кутх удивился:

— Что такое? Только что светло было.

— Да ведь солнце-то зашло. Куда ты в темноте пойдешь, ложись тут. Скоро и чайник вскипит.

Лег Кутх, и мыши все улеглись, а бабка не спит. У Кутха в горле першит, спать невозможно, вся душа у него высохла. Встал он, начал воду искать — ничего не нашел. А все равно крепится, не признается, что у него дочери есть. Еще хуже ему стало, в горле прямо огнем горит. Кутх запел:

— Уж ты, Синаневт, чу-уманами воду таска-аешь!

А мышиха уши широко растопырила: одна девка есть. Тут Кутх снова запел:

— Ух ты, Ань-оракльнавт, ве-едрами воду таска-аешь! Вот бы я попил!

Мышиха снова уши растопырила: вторую дочку выдал. Кутх опять запел:

— У-уж ты, Мро-рот, сейчас, верно, во-оду в чу-уман нали-ваешь!

Мышиха еще внимательнее слушает: вот и третья девка есть. Тут Кутх тихонечко говорит:

— Ну, а Няа, последнюю мою, ни за что не выдам.

Терпел, терпел, нет больше сил терпеть — так пить хочется! Начал потихонечку напевать:

— Няа, моя маленькая, на-аверное, в воду смотрится, как в зеркало-о!

Тут мышиха встала и говорит:

— Тебе, наверное, пить очень хочется, на вот, пей!

Кутх первую кружку проглотил, даже ничего не почувствовал. Мышиха спрашивает:

— Наверное, у тебя дети есть?

— Да, есть у меня дети. Четверо.

— Пускай мой сын на твоей младшей дочери женится.

— Э, пусть женится,— говорит Кутх.— Теперь давай-ка, чаек покрепче завари, очень хорошо почаевничаем.

— Ладно, дедушка!

Кутх говорит:

— Только я сначала уйду от вас, а вы потом приходите. Да только не говорите, что я у вас был.

— Я тебя не выдам,— говорит бабка-мышиха.

Вот Кутх напился чаю, ушел. Пришел домой.

— Уже пришел? — спрашивает Мити.

— Пришел, прекрасно проветрился.

— Садись, ешь!

— Не буду, что-то мне нездоровится. Лучше полежу. Вы уж меня не трогайте. Кто бы ни пришел — все равно не трогайте. Очень сильно я хвораю.

Тут Няа в дом вошла, говорит:

— Мама, мышей очень много сюда идет, нагружены чем-то, что-то на нарточке тащат.

Услышал это Кутх, сразу застонал:

— О-о, Мити, голову мне обвяжи! Вот тут посередке раскальвается, наверное, совсем расколется!

— Ты чего это, Кутх?

— Правда, Мити. Никого ко мне не впускай!

Пришли мыши, принесли всякого запаса. Дают Мити, та и говорит:

— Чего это вы мне столько притащили?

А Кутх в доме криком кричит. Мыши спрашивают:

— Кто это, Мити, у вас в доме вопит?

— Да Кутх что-то расхворался, голова у него раскалывается.

— Ой, что ты, Мити? Он у нас только что был, чай пил, поел хорошо.

— Так он у вас был?

— Да, был. Мы вот и пришли. Он нам свою дочку обещал. Ваша маленькая Няя нам очень подходит. Хорошая жена моему сыну будет.

Мити где стояла, там и упала. Вошла в дом:

— Вставай, паршивец! Как только из дому выйдешь, всегда чего-нибудь натворишь!

— О-ой, Мити, совсем голова болит.

— Вставай, обжора! Никак налопаться не можешь. Мою маленькую дочку за один чай отдал!

— Да уж, Мити, так пить хотелось, все нутро высохло!

— Заткнись, ненасытная утроба!

— Где же те мыши?

— Вон во дворе стоят.

— Пусть войдут!

Вошли мыши, принесли всяких вареных кореньев. А Кутху только того и надо:

— Мити! Мамка, садись, поешь корешочков!

Мити говорит:

— Сам жри, сам лопай, набивай брюхо!

Няя рыдает, на пол бросается, не хочет к мышам идти.

Кутх говорит:

— Не реви ты! Зато всякие корешки будешь есть, на пуховой постельке спать.

— Все равно не пойду к мышам, лучше буду на жесткой шкуре спать!

— Послушай меня, Няя. Не послушаешься — я тебе больше не отец!

Мать с сестричками плачут по ней, а Кутх знай себе корешки поедает. Тут мыши говорят:

— Давайте собирайте дочку, мы ее сейчас увезем!

Няя даже ногами пинается, не хочет идти. Все равно увезли ее мыши.

Утром мыши проснулись, говорят Няа:

— Пойдем с нами кимчигу принесем.

Пошли. Начали мыши из своего мышиногo амбарчика кимчигу в зубах домой носить, а Няа стала собирать, как люди собирают: взяла тычку и начала ею землю тыкать. Где кимчига захрустит — там она весь мышиный амбарчик раскапает, кимчигу в кошель сложит¹. Побежали мыши к бабке жаловаться:

— Какая-то она непутевая. Тычет тычкой в землю, все наши амбарчики разрушает.

Бабка говорит:

— То-то я слышу, что-то в земле шуршит. Да и сама она какая-то чудная, на нас непохожая.

Пришла Няа, принесла кимчигу в кошеле. Сварила она кимчигу, а мыши не едят:

— Мы эту кимчигу есть не будем, ты ее без макарши варила. Сама и ешь!

Стали спать укладываться. Мыши в свою пуховую постель залезли, а Няа себе шкурку постелила. Мыши злятся, ворчат:

— Вот наш брат придет, мы ему все расскажем про тебя. Зачем нам такая неумеха?

Утром бабка встала, говорит:

— Ну-ка, отведите ее в тундру, пусть по-мышиному кимчигу копает.

Пошли. Мыши начали копать кимчигу по-своему, а Няа опять стала палкой копать. Мыши уже половину амбарчика патаסקали, а она все роется. Пришли мыши домой, снова стали жаловаться бабке:

— О-ой, бабушка, у нас головы сильно болят. Целый день она палкой в землю тычет и тычет, даже земля дрожит. Давай ее выгоним, все равно она ничего не умеет. Зачем нам такая? Все брату про нее расскажем.

А у Няа двое детей народились: мальчик и девочка. Бабка-мышиха вечером уселась, какой-то собачий хвост нашла, весь свалаявшийся. И засунула потихоньку этот хвост к Няа в мешок, где ее пожитки хранились. Взяли мыши свой мешок, начали в нем рыться.

— У-у, бабушка, наш выдрин хвост пропал!

— Да что это вы!

— Правда, бабушка, правда.

А Няа ничего не знает, сидит, нитки сучит. Мыши к ней:

— Где твой мешок?

— На что вам?

Кинулись мыши, схватили мешок Няа, вытащили оттуда свой собачий хвост:

— Бабушка, вот наш выдрин хвост! Это она его украла!

— Все вы придумали! — говорит Няа.

Все на нее закричали:

— Воровка!

А Няа говорит:

— На что мне этот собачий хвост, что я, таких хвостов, что ли, не видала?

Все равно мыши ругают ее. Тут их брат пришел. Начали они ему жаловаться. Тот рассердился и выбросил Няа из дому. Пошла она куда глаза глядят. А дети остались. День и ночь кричат, мать ищут. Мыши снова стали ворчать:

— Эти-то чего день и ночь вопят!

Пришел брат. Стали мыши ему на детей жаловаться, снова рассердили его. Он и детей выкинул. Пошли маленькие ребяташки неведомо куда. Вдруг на какой-то плохонький домишко наткнулись.

— Давай, сестренка, будем тут жить.

Живут они, а мать с чердака на них смотрит. Утром ребяташки проснутся, выйдут во двор, мушек наловят, тем и питаются. А мать глядит на них с чердака, плачет, слезы на детей капают. Мальчик говорит:

— Сестричка, дождь! Идем в дом!

Много времени прошло. Легла Няа да навсегда и заснула. А уж те ребяташки подросли, начали везде бегать, пищу воровать, и у Кутха кое-что воровали. Кутх сказал:

— Что это еще за воришки к нам повадились! Как поймаю, даже вешать не буду — прямо так и задушу.

А ребяташки ходили, ходили — свою мать нашли.

— Это что такое? — спрашивают.

Стали они ее осматривать:

— Рот — это будет котел, уши — печки, можно огонь разжигать, а вот ноздри — отсюда будет дым выходить.

Потом увидели глаза.

— А эти озера можно вытащить, мы из них мисочки сделаем.

Пошли снова воровать к Кутху. Вышел Кутх и погнался за ними. Убежали они, но он заметил, куда их следы идут. Вдруг увидел дымок. Прямо на дымок пошел. Видит — Няа лежит, с одного бока мальчик сидит, с другого — девочка. В ушах у Няа огоньки зажгли, мух поджаривают. Крикнул Кутх:

— Вы чего тут озорничаете?

Испугались ребяташки, убежали. Пошел Кутх домой, говорит жене:

— Мити! Про очень плохие дела тебе расскажу.

— Ну, чего там, Кутх?

— Няа наша там мертвая лежит. А какие-то ребяташки над ней издеваются, в ушах у нее огонь развели.

— Да ты что такое говоришь, Кутх? А ну-ка, я к бабке-шаманке сбегаю.

Сидит бабка-шаманка, сучит нитки. А нитка у нее все узлится да узлится.

— Э, что-то случилось. Кто-то вспомнил меня. Да уж, верно, Кутх опять чего-нибудь натворил.

Приходит Мити:

— Здравствуй, бабушка.

— Ну раз ты ко мне пришла, значит что-то случилось.

— Бабушка, что-то с моей Няа стряслось.

— Ну что ж, пойдём поглядим.

Пришли. Няа лежит, руки-ноги раскинула.

— Э-эх, ну ладно, попробую,— говорит бабка.

Взяла она водичку, заговорила ее:

— Няа, Няа, брось плохую жизнь!

Побрызгала на Няа водичкой. Смотрят — а Няа зевнула.

— Ну же, Няа! Что это с тобой? Будет спать, вставай!

Возвращайся к жизни!

Встала Няа. Бабка говорит ей:

— Это из-за отца с тобой такая беда вышла. Но больше у тебя никогда такой жизни не будет. Так тебе на роду написано. Эй, Унянях, приведи сюда ее детишек!

Привели детей.

— Ну, теперь пойдём к Кутху.

Пришли к Кутху. Обрадовался Кутх: Няа вернулась. А на внучат очень разозлился:

— Что-то они очень на мышат похожи. Мордочки у них совсем мышиные. Ты, Няа, живи, а их мне не надо.

Какая же мать детей бросит? Вся душа изболится! Няа говорит:

— Я своих детей не брошу, пусть хоть какие они! Это ты мне такую жизнь устроил. Больше меня никогда не увидишь.

И Няа пропала куда-то. А Мити очень рассердилась на Кутха. Навсегда рассердилась. Ничего не стала для него делать и еду перестала готовить.

178. Кутховы дети
и семья волков

Жил-был Кутх. Были у него сыновья, Эмэмкут и Сисильхан, и дочери, Синаневт и Сирим. Вот однажды стал Эмэмкут во дворе стрелы делать. Сказал Синаневт:

— Я буду стрелы делать, а ты не смотри на меня!

Посмотрела Синаневт на Эмэмкута. Сразу все стрелы сломались. Рассердился Эмэмкут на Синаневт. В дом вошел, руку Синаневт на камень положил, пестом ударил, руку сломал. Заплакала Синаневт, пошла в лес. Нашла озерцо, сидит на берегу, плачет. А на том озерце жила старушка, волчья мать. Плачет Синаневт, а старухина внучка говорит:

— Бабушка, дождь идет!

— Пойди, занеси постели в дом, а то промокнут!

Вышла внучка на двор, увидела красивую девушку. Домой вернулась, сказала:

— Это не дождь, там красивая девушка плачет!

Старушка сказала:

— Пусть она войдет сюда!

Вышла внучка, сказала:

— Тебе велели войти!

Вошла Синаневт, села. Старушка сказала:

— Покорми ее юколой чавычи и чашку с жиром подай!

Принесла внучка связку юколы, чашку с жиром. Сказала старушка:

— Когда будешь есть, моргни!

Поела Синаневт, моргнула, руку до сустава в чашку засунула.

— Ай, пролила жир!

Тут рука у нее и поправилась. Собралась Синаневт дальше идти. Старушка ее научила:

— Что найдешь, ничего не бери. Найдешь торбаза, стельки в них положи. Найдешь сухожилия — сразу нитки ссучи. Там же их и повесь.

Пошла Синаневт, попался ей по дороге балаган. Мясо в нем висит, жир. Она мимо прошла. Идет дальше, видит — торбаза. Положила в них стельки. Дальше пошла. Сухожилия увидела, нитки ссучила и там же повесила. Дальше пошла, видит, домик стоит. Вышла из него волчья сестра. Схватила Синаневт зубами, стала кверху подбрасывать и зубами ловить. Кончила подбрасывать, спрашивает:

— Я тебя, подруга, не поранила?

— Нет, не поранила!

— Это я всегда так радуюсь.

Накормила она Синаневт. Потом дала ей торбаза починить. Хорошо Синаневт починила. Сказала волчья сестра:

— Подружка, я тебя спрячу! У меня братья есть, вот-вот придут.

Спрятала она Синаневт. Пришли братья, стали принюхиваться.

— Человеком пахнет, сестра!

— Нет тут никакого человека. Это вы повсюду ходите, вот в ваших ноздрях и сидит человеческий запах. А домой придете и все нюхаете.

— Да, сестра, правда!

Велела волчица младшему брату с краю лечь:

— Не ложись в середину к старшим братьям.

Стали спать укладываться. Младший брат сказал:

— Не лягу в середину!

— Почему ты не хочешь в середину лечь?

— Очень вы ночью сильно толкаетесь!

Лег младший брат с краю. Заснули все. Девушка-волчица ночью встала, разбудила Синаневт:

— Эй, подруга, вставай, скорей домой беги!

Встала Синаневт, сразу домой побежала. А волчица младшего брата разбудила, обратила его в медведя и сказала:

— Ну, догоняй Синаневт!

Погнался младший брат за девушкой. Обернулась она, когда уже совсем недалеко от дома была, увидела медведя, закричала:

— Эмэмкут, выходи поскорей, за мной медведь гонится!

Вышел Эмэмкут, выстрелил в медведя, сразу наповал убил. Стали медведя потрошить, брюхо разрезали, а оттуда хороший парень вышел — красивый, статный. Сразу на Синаневт женился. Стали они хорошо жить.

Мясо медведя все Сисильхану отдали. Вот Сисильхан тоже уселся во дворе, начал стрелы делать. Сказал Сисильхан:

— Ты, Сирим, не смотри на меня!

Посмотрела Сирим, стрелы все и сломались. Рассердился Сисильхан, в дом вошел, Сирим руку сломал. Заплакала Сирим, завопила:

— Ой, ой, больно, руку сломал!

Ушла из дому, по той же дороге, что и Синаневт, пошла. Дошла до озерца, села на бережку, стала плакать. Старухина внучка сказала:

— Дождь идет!

— Пойди, постели занеси, а то промокнут!

Вышла внучка во двор, увидела плохую девушку. Обратно вошла, сказала бабушке:

— Это плохая девушка плачет!

— Скажи ей, пусть войдет!

Старухина внучка вышла, сказала:

— Войти тебе велели!

Сирим сразу вошла, села. Стали они ее кормить. Старушка сказала:

— Юколы с жиром поешь, глазами моргни!

Стала Сирим есть, глазами моргнула, руку по сустав в чашку сунула. Поправились рука, Сирим сразу дальше пошла. Ничего не спросила, ничего не разузнала. Идет, балаган по дороге попался. Там мясо висит, жир. Все это она съела, сухожилия и торбаза себе взяла. Наконец к домику пришла. Вышла оттуда волчица. Начала зубами Сирим подбрасывать и зубами ловить. Кончила подбрасывать, спросила:

— Я тебя, подружка, не поранила?

Сирим сказала:

— Конечно, поранила!

Стала девушка-волчица кормить Сирим. Всю миску съели. Велела девушка еще мяса сварить. Начала Сирим варить. А девушка говорит:

— Я уйду ненадолго, а ты вари!

Это она решила тайком понаблюдать за Сирим. Вышла, стала в дырочку смотреть. Вынула Сирим мясо, съела.

— Э, худая девушка,— сказала девушка-волчица.

Вошла в дом, велела Сирим торбаза починить. Стала Сирим чинить, плохо чинит. Потом сказала:

— Подруга, спрячь меня, я твоих братьев боюсь!

— Тебя и прятать не стоит!

А Сирим замуж захотела. Спрятала ее волчица. Пришли братья, снова стали принохиваться.

— Чего это человеком пахнет?

— Нет здесь никакого человека!

Стали волки одеваться, видят — торбаза плохо зачинены. Потом легли, заснули. Ночью волчица разбудила Сирим:

— Ну, вставай, беги домой, а я моих разбуду, погонятся за тобой!

Встала Сирим, побежала. Разбудила волчица братьев:

— Может, кто-нибудь за плохой девушкой погонится?

Никто не захотел. Собаку свою лохматую пустили. Погна-

лась собака за Сирим. Увидела Сирим недалеко от дома, что лохматая собака за ней гонится. Закричала:

— Эй, Сисильхан, выходи скорей, за мной лохматая собака гонится!

Вышел Сисильхан, выстрелил, собаку наповал убил. Обрадовалась Сирим. Стали собаку потрошить. Сирим сказала:

— Осторожно, там мой жених, не пораньте его!

Разрезали брюхо, а там никакого парня нет. Сисильхан рассердился и выбросил Сирим в лес. Там она и засохла.

179. Кутх шьет

Кутх жил дома. Все время шил. Однажды сидит Кутх около окна. Шьет себе меховые штаны.

Вдруг что-то свет загорело. Кутх не стал в окно смотреть, подумал: «Что-то свет загорает. Наверное, это мой нос. Дай-ка я его отрежу».

Отрезал нос и опять принялся шить. Снова что-то свет загорело. «Опять на улице темно стало. Может, моя щека свет загорает? Дай-ка ее срежу!»

И отрезал Кутх себе щеку. Сидит, шьет. Все лицо себе искромсал: нос отрезал, щеки, губы, брови, ресницы. Болит у Кутха лицо, саднит. Так разболелось, что даже заохал. Потом взглянул в окно, видит — мыши на санках катаются. Тут он сказал:

— Так это вы тут свет затемняете? Из-за вас я все лицо испортил.

Взял Кутх свои штаны и вышел на улицу. Подошел к мышам и сказал:

— Это вы тут, внучата, катаетесь под моим окошком?

Забрались мыши на окно, а Кутх подставил штаны и сказал:

— Ну-ка, внучата! Катитесь в штаны: очень так хорошо кататься!

Мыши сказали:

— Не покатаемся в твои штаны, а то ты нас поймаешь!

Начал Кутх их ласково уговаривать. Уговорил, скатились мыши прямо ему в штаны.

Как только мыши в штанах очутились, Кутх штаны завязал и пошел в лес.

Пришел, стал хорошее дерево искать. Наконец нашел.

Сказал Кутх дереву:

— Дерево, дерево, нагнись! Дерево, дерево, нагнись! Дерево, дерево, нагнись!

Нагнулось дерево. Кутх штаны на верхушку повесил и опять дереву сказал:

— Дерево, дерево, распрямись! Дерево, дерево, распрямись! Дерево, дерево, распрямись!

Дерево выпрямилось, а Кутх домой пошел.

А мыши так громко кричали, что услышала их лиса и пошла на голос. Подошла к дереву, сказала:

— Что вы, мыши, тут делаете?

Мыши сказали:

— Кутх нас сюда повесил!

— Как же он вас на самую верхушку повесил?

— Он сказал: «Дерево, дерево, нагнись! Дерево, дерево, нагнись!» Дерево и нагнулось.

Лиса эти же слова сказала — дерево нагнулось. Сняла лиса штаны, развязала, вытащила мышей. Только самый маленький мышонок задохся, а все другие вышли.

Заставила лиса мышей бересты набрать и в штаны положить. Набрали мыши бересты, набили берестой штаны. Мертвую мышку сверху положили и повесили штаны опять на верхушку дерева.

Лиса спросила мышей:

— Как говорил Кутх, чтобы дерево выпрямилось?

Мыши сказали:

— Кутх говорил: «Дерево, дерево, распрямись! Дерево, дерево, распрямись!»

Лиса эти же слова сказала. Дерево выпрямилось, а мыши с лисой в лисий дом пошли.

Велела лиса мышам надрать ольхи и приготовить красную воду, похожую на кровь.

А Кутх пошел на третий день прокисших мышей с дерева снять. Пришел, велел дереву согнуться. Дерево сразу согнулось.

Развязал Кутх штаны и отошел в сторону. Сел. Глаза зажмурил, рукава засучил, зубы поточил, потом развязал штаны и засунул туда руку. Схватил мышонка, не посмотрев, сунул в рот и съел.

Промолвил Кутх:

— Ах, как вкусно! У-у!

И сразу опять запустил руку в штаны. Начал искать других мышей. Ничего не нашел — только береста в штанах.

Очень рассердился Кутх, подумал: «Поди это лиса-воровка проделала! Вот пойду я к ней! И убью ее за это».

Пошел Кутх к лисьему дому. Пришел. А лиса очень больна. Сильно так охает.

Кутх сказал лисе:

— Это, наверное, ты украла мою квашеную еду!

Лиса сказала:

— Ой, кум, зря на меня думаешь! Я уже несколько дней хвораю. Вон смотри: будто кровью мочусь, а ты говоришь, что я твою еду украла. Ты, кум, добрый, хороший! Вылей этот таз в реку!

Пожалел Кутх лису, взял таз и пошел выливать.

Лиса говорит ему вслед:

— Только, кум, смотри, назад не оборачивайся, а то очень плохо будет!

Идет Кутх, думает: «Отчего это лиса не велела мне оборачиваться? А ну-ка обернись!»

Посмотрел Кутх назад. Красную рябину увидел, подумал: «Назад пойду — наберу рябины лисе».

Идет дальше. Подошел к реке, начал таз в реку выливать. Лиса потихоньку подкралась сзади и столкнула Кутха в воду. Утонул Кутх.

180. Кутх и мышь

Кутх и Эмэмкут жили с женами. Дом у них был. Однажды Кутх сказал:

— Посмотрю, как мои внучки-мыши живут!

Пришел к внучкам, очень обрадовался. Внучки закричали:

— Попробуй наши угощения, сарану попробуй!

Наварили внучки сараны и кемчиги. Поел Кутх и сказал:

— А теперь, внучки, поищите у меня гнид и побейте!

Сказал это Кутх и сразу уснул, а мыши взяли вещевого мешок и пришили ему ниже спины. Проснулся Кутх, сказал:

— Пора, внучки, мне домой идти.

Идет, захотел оправиться и оправился в вещевого мешок. Опять идет, а сзади все время гремит что-то. Не знает Кутх, что это его помет в мешке гремит.

Подошел к дому, крикнул Мити:

— Коряки меня догоняют!

Вышла Мити, посмотрела кругом — никого нет. Вошла домой, спросила у мужа:

— Чем это так нехорошо пахнет?

Сразу обнаружила мешок с пометом.

Кутх сказал:

— Завтра всех мышей-насмешниц перебью.

Лег спать, проснулся, опять к мышам пошел. Мити сказала:

— Смотри, опять они над тобой посмеются!

Псехал к внукам. Увидели его мыши, закричали:

— Попробуй нашу еду, сарану попробуй!

А Кутх сказал:

— Все равно я вас всех сейчас же убью!

Наварили внуки еды, накормили Кутха. Наелся Кутх, мыши начали опять у него в голове искать. Кутх сразу крепко уснул. А мыши взяли и пришили что-то красное к его глазам. Проснулся Кутх, пошел домой, видит — весь дом красный. Подошел к дому, закричал:

— Ой, Мити, дом горит!

Посмотрела Мити на Кутха, а у него на веках что-то красное пришито. Мити сказала:

— Все-то ты куда-то ходишь! А мыши опять напраказили!

Кутх опять к внукам пошел. Мити крикнула вдогонку:

— Не ходи, снова над тобой посмеются.

Кутх сказал:

— Всех убью палочкой для лемешины!

Пришел к внукам, они ему говорят:

— Попробуй нашу еду, сарану попробуй!

Кутх сказал:

— Ладно, внучки мои, накормите меня.

Поставили перед ним ягоды, поел Кутх, и стало его в сон клонить. Кутх сказал:

— Лягу, посплю немного!

Уснул Кутх, а мыши взяли и разукрасили чем-то его лицо. Проснулся Кутх, пошел домой. Пришел и сказал:

— Подожди, Мити, пойду принесу воды!

Пошел к проруби, нагнулся, увидел в воде свое лицо и воскликнул:

— Оказывается, какая красивая девушка тут живет! Сейчас принесу ей каменный пестик, деревянный пестик и корыто.

Принес корыто, опустил в воду и сказал:

— Держи!

Не берет девушка корыто. Кутх подумал: «Наверное, есть у нее корыто».

Затем деревянный пестик в прорубь опустил. Снова сказал:

— На, держи!

А пестик плавает на воде, опять никто его не берет. Кутх подумал: «Наверное, и деревянный пестик есть». Затем каменный пестик сунул в воду. Этот сразу на дно пошел. Кутх сказал:

— Нет у нее, значит, коль себе взяла!

Затем сам в прорубь нырнул и сказал:

— Смотри, держи меня!

И под лед ушел. Кричал, кричал, да так и утонул.

181. Синаневт и медвежонок

Жил-был Кутх с женой Мити. Дети у них были: Эмэмкут и Синаневт. Эмэмкут отправился на охоту на всю осень. Заскучал Кутх, стал дрова носить. Однажды сказал:

— Мити, я пойду за дровами, а ты медвежонка роди!

— Эх, Кутх, какая глупость тебе на ум придет, ты ее сейчас же и выболтаешь!

Пошел Кутх за дровами. А Мити сразу медвежонка родила. Увидела его, испугалась. Накрыла медвежонка. Пришел Кутх, сказал:

— Уф, устал, возьми-ка, Мити, у меня вязанку дров!

— Сам убирай дрова, Кутх! Я уже медвежонка родила, такого страшного!

Стали жить. Подрос медвежонок. Все время хотел сосать у нее грудь, по-медвежьи ревел. Испугались Кутх с Мити. Кутх сказал:

— Мити, давай уйдем отсюда, когда дети заснут, а то страшно!

А медвежонок с Синаневт спал. Очень крепко заснул. Убежали Кутх с Мити. Детей бросили. Те проснулись и видят: отец с матерью куда-то ушли. Стала Синаневт жить, братца растит. Вырос брат — большим медведем стал. Сказал ей:

— Ну, сестра, пойдем куда-нибудь, поищем рыбную реку!

Собрались, пошли. Там, где река попадалась, брат сестру на спине переносил. Нашли наконец рыбную реку. Стали там жить. Юколой запаслись. Медведь сделал берлогу, всю юколу туда спрятал. Осенью в берлогу залез, сказал:

— Я, Синаневт, засну. Ты не бойся меня! Зимой в середине месяца повернусь я на другой бок, буду кричать. Ты не бойся. По насту люди придут, будут в меня стрелять, убьют. Войдут в берлогу, не смогут меня вытащить: очень я тяжелым стану.

Тогда ты сама меня за уши и тащи наружу. Будут они меня потрошить. Ножи у них сразу сломаются. Тогда ты сама меня разделай, голову на дерево повесь. Когда будешь замуж выходить — не ешь моего мяса, даже маленького кусочка не ешь. Если съешь кусочек — сразу меня забудешь.

Стали они жить в берлоге. Медведь крепко заснул. Синаневт все время одна юколу ест. Как только на спящего брата посмотрит — сразу плакать начнет. Так и зимовала Синаневт. Зимой в середине месяца заревел медведь, стал с боку на бок ворочаться. Испугалась Синаневт. По насту много людей пришло. Стали стрелять, убили медведя. Зашли в берлогу, а вытащить его не могут. Тогда Синаневт за уши его взяла и вытащила наружу. Начали медведя потрошить. Сразу у всех ножи сломались. Как им разделать медведя — не знают. Синаневт разделала его сама, голову на дерево повесила. Сказала:

— Эту голову вы не трогайте!

Вышла Синаневт замуж. Отвезли ее домой. Свадьбу устроили, медвежатины наварили. Тут и Кутх, и Мити, и Эмэм-кут пришли. Стали есть. Кутх сказал:

— Эх, была б жива Синаневт, тоже замуж бы вышла!

А Синаневт отцу и матери не назвалась. И медвежатины есть не стала. Все закричали:

— Хоть один кусочек съешь!

Не удержалась Синаневт, съела кусочек. Сразу брата забыла. Стали жить. Через некоторое время вспомнила вдруг Синаневт брата, сказала:

— Пойду я погуляю неподалеку!

Пошла, нашла то дерево. А голова уже на землю упала. Подняла она ее, подула — вдруг перед ней красивый парень встал, сказал:

— Ты, сестра, забыла меня! Я ведь запретил тебе мое мясо есть!

Пошли они домой. Узнал Кутх детей, обрадовался. Дети сказали:

— А вы, отец, убежали от нас!

Стали они хорошо жить и веселиться.

182. Волк и Синаневт

Жили Кутх и Мити. Кутх очень есть захотел, сказал:

— Мити, сделай толкушу!

— Из чего я тебе толкушу сделаю?

— Давно, когда я молодым был, нерпу убил. Куда ты жир подевала?

— Нет его давно!

— А потом еще, когда молодым был, большого дикого оленя убил. Куда сало подевала?

— Сохранила!

Попросил Кутх Мити толкушу сделать, а Мити заленилась и позвала Синаневт:

— Приди к нам и толкушу сделай, а то Кутх очень есть хочет!

Пришла Синаневт, стала толкушу из старого-престарого прогорклого сала делать. Надышалась вредного запаха, уснула и умерла.

Увидели Кутх и Мити, что Синаневт умерла. Очень испугался Кутх и сказал:

— Давай, Мити, убежим!

Убежали они, а Синаневт дома мертвая осталась.

Шел мимо волк и подумал: «Почему это Кутх перестал в своем доме жить? Зайду посмотрю». Вошел, никого не увидел — только Синаневт сидит, над корытом нагнулась. Волк и говорит:

— Съем я эту девушку. Здесь, правда, есть не буду, унесу ее вон к той горе.

Потащил ее к горе, принес и подумал: «Неужели я здесь внизу есть буду? Лучше наверх втащу». Втащил на гору, сел и стал вокруг смотреть, думает: «Поглядеть надо, не видит ли нас кто». Пока глядел по сторонам, Синаневт скатилась вниз, ожила и села. Видит волк — ожила Синаневт. Сказал:

— Отнесу-ка ее в свой дом и женюсь на ней.— И принес домой.

Очень Синаневт испугалась — столько волков вокруг! Подумала: «Вот сейчас разорвут меня!» Ночь наступила. Синаневт еще больше боится.

Вернулся с охоты Эмэмкут. Пришел, видит: в доме никого нет. Заметил след волка и пошел по следу. Пришел к дому волка, увидел сестру. Задумался: как быть? Тут увидел старого волка, убил его, снял с него шкуру и надел на себя. Затем поднялся на гору и крикнул:

— Дети, снесите меня вниз, не могу я идти!

Снесли его волки вниз, в дом отнесли. Увидел он Синаневт, спросил:

— Где вы эту девушку взяли?

Большой волк ответил:

— Это я нашел и принес!

— Пусть она со мной ляжет спать, я здесь самый старший!

Синаневт еще больше испугалась и подумала: «Неужели я с этим дряхлым, страшным волком спать буду?»

Как только легли, Эмэмкут прошептал:

— Не бойся, это я, Эмэмкут! Бежим отсюда!

И побежали. Бегут, далеко уже отбежали, вдруг слышат — волки догоняют. Бросил Эмэмкут в их сторону камень — большой огонь вспыхнул. Пока волки этот огонь обходили, Эмэмкут и Синаневт еще дальше убежали. А волки их опять настигают. Тут Эмэмкут плюнул — очень большая река потекла. Трудно волкам через реку переправиться. Опять Эмэмкут и Синаневт далеко убежали.

Совсем немного до поселка осталось — опять волки их догоняют. Тут Синаневт свой гребень бросила — встал за ними стеной густой лес. Пока волки в лесу плутали, брат с сестрой домой пришли. А волки от злости сами себя в клочья разорвали.

183. Эмэмкут, Чичкимчичан и Поркамтальхан

Жил-был Кутх с женой Мити. Были у них дети: Эмэмкут и Синаневт. Эмэмкут на охоту ходил, всякого зверя добывал. Чичкимчичан, который уже женат был, сватался к Синаневт. Кутх не знал, что Чичкимчичан женат, принимал его, обещал отдать ему Синаневт.

Зовет Чичкимчичан Эмэмкута на охоту. Не хочет Эмэмкут с Чичкимчичаном идти, один хочет охотиться. Ушел Чичкимчичан домой. Взял у Эмэмкута мясо, жене принес. Пожил дома, как будто на охоту пошел, мясо съел, снова к Кутху пришел. Сказал:

— Уф, устал! Никак не могу зверя добыть!

Разулся Чичкимчичан:

— Синаневт, на, посуши торбаза!

Повесила Синаневт торбаза. Скоро Эмэмкут вернулся с хорошей добычей. Чичкимчичан сказал:

— А я вот все не могу зверя добыть!

Эмэмкут снова на охоту пошел. И Чичкимчичан к себе домой ушел. Опять Эмэмкутово мясо жене понес. Опять там пожил. А Синаневт пошла на берег моря траву собирать. Вдруг

слышит: кто-то недалеко поет. Это Поркамтальхан плыл к морю в маленькой байдаре. Послушала его Синаневт: очень красиво поет. Сразу забеременела. Только от одной песни забеременела Синаневт!

Пришла домой. Мити сказала:

— Синаневт, ты как будто беременна, я вижу!

— Я не беременна, ни с кем не жила, сама себя не узнаю!

Тут к ним Поркамтальхан пришел, очень красивый парень. Сразу женился на Синаневт. Стал Эмэмкут вместе с шурином ходить на охоту, промыслять зверей. Хорошо жили. Опять пришел Чичкимчичан, сказал:

— Уф, опять не могу ничего добыть!

Снова он разулся:

— На, Синаневт, посуши торбаза!

Синаневт сказала:

— Сам вешай их, Чичкимчичан!

— Что ты сердишься, Синаневт? Я не добыл ничего, вот ты и злишься на меня!

Синаневт шлепнула ребенка, ребенок заплакал. Чичкимчичан сразу сказал:

— Хе, Синаневт, ты уже родила. Мой ребенок родился, а ты все равно сердишься!

А тут Поркамтальхан пришел. Посмотрел Чичкимчичан и сказал:

— Синаневт уже замужем! Синаневт, возьми меня ночную посудину выносить!

Синаневт сказала:

— Я и сама прекрасно справлюсь.

Собрался Поркамтальхан к себе домой. Все отправились: Кутх, Мити и Эмэмкут. Чичкимчичан тоже засобирился, узел связал. Стали байдару нагружать. Нагрузили. Узел Чичкимчичана в траву закинули. Эмэмкут спросил:

— А твой узел где, Чичкимчичан?

— Только что тут был,— сказал Чичкимчичан.— А, я его в доме забыл. Сбегаю за ним, подождите меня!

Побежал быстро в дом. А те сразу отправились. Обернулся Чичкимчичан, увидел, что они уплыли, заплакал и сказал:

— Если б я знал, я бы вас всех поубивал!

Пошел Чичкимчичан к себе домой. Вошел, сразу свою жену порядком побил. Сказал:

— Из-за тебя хорошую женщину упустил!

Поркамтальхан пришел домой. Отец и мать обрадовались. Кутха хорошо приняли. Стали хорошо жить и веселиться.

184. Эмэмкут, Котханамтальхан и людоеды

Жил-был Кутх с женой Мити; дети были — Эмэмкут и Котханамтальхан. Ходили они в лес, добывали зверя. Однажды Кутх подумал, подумал и велел сыновьям остаться дома:

— Детки, посидите дома, не ходите на охоту.

Эмэмкут сказал:

— Что ж, по-твоему, отец, мы будем вчерашней пищей вас кормить?

Ушли они на охоту. Целый день ходили, ничего не нашли. Ходили до темноты. Домой пришли ночью. Назавтра опять пошли на охоту. Увидели две дороги. Остановился Котханамтальхан, подождал старшего брата. Эмэмкут подошел. Котханамтальхан сказал:

— Эй, старший брат, по какой дороге пойдем?

Эмэмкут сказал:

— Почему это мы не можем зверя добыть? Давай по левой дороге пойдем!

Пошли, миновали сопки. А на одной высокой сопке семья людоедов жила. Сказали людоеды:

— А, Кутховы дети сами пришли!

Сразу начали ножи точить.

Эмэмкут сказал:

— Может, вы завтра нас съедите? Лучше уж завтра утром съешьте, когда мы встанем!

Людоеды сказали:

— Да, завтра съедем!

Эмэмкут очень умный был, все-все знал. Легли Кутховы сыновья спать. Эмэмкут сказал людоедам:

— Вы не беспокойтесь, мы в ваших руках, никуда не уйдем!

Привязали людоеды к двери свою собаку Лала. Сами все у двери улеглись, заснули. А Кутховы сыновья не спят. Эмэмкут тех людоедов усыпил: так заснули, что ничего не слышат. Ночью Кутховы сыновья встали. Эмэмкут сказал младшему брату:

— Ну, пойдем, Котханамтальхан! Ты впереди иди, да осторожнее, не наступи собаке Лала на уши!

Выпрыгнул Котханамтальхан наружу, не коснулся собачьих ушей. Эмэмкут сзади шел. Всех людоедов потоптал. Ходил по ним, но они не проснулись. Потрогал собачьи уши, — собака тоже спит, не просыпается. Вышел во двор, сказал:

— Ну, пойдём домой!

Пошли они домой, а сами все озираются. Остановились на полпути. А те людоеды проснулись, услышали, что собака Лала рвется с привязи. Сразу встали и увидели: Кутховых сыновей нет. Людоеды сказали:

— Ах, Кутховы дети очень умные, все-все понимают! Ну, мы-то тоже все понимаем! Эй, спустите собаку Лала, догонит она Кутховых детей и схватит, а мы за ней следом пойдём. Да ножи возьмите!

Спустили они собаку Лала с привязи, та сразу помчалась по следу Кутховых сыновей. Нос по земле волочит, язык в обе стороны сует, пена с языка бежит. Вот-вот Кутховых сыновей догонит, уже увидела их! Эмэмкут сказал:

— Надо на дороге засаду устроить. Пойдём назад и спрячемся на обочине: ты с одной стороны, я — с другой!

Спрятались они, копыя наготове держат, Эмэмкут сказал младшему брату:

— Смотри, не пропусти ее, прямо коли!

Добежала собака Лала до того места, где братья спрятались. Они сразу вонзили в нее копыя с обеих сторон, убили, голову отрезали, повесили мордой в сторону людоедов, брюхо распорили, кишки выпустили. Бросили собаку Лала, пошли домой. Семья людоедов пришла, увидела, что Кутховы сыновья сделали. Сказали людоеды:

— Ах ты, Кутховы дети уже убили ее!

Подошли поближе, посмотрели: голова их собаки Лала висит. Сказали:

— Да, Кутховы дети очень умные, все-все понимают. Убили они нашу собаку. Только на нее и была надежда.

Пошли людоеды обратно.

Подошли сыновья Кутха близко к своему дому, остановились, в дом не входят. Мити увидела детей, сказала мужу:

— Кутх, дети пришли, но в дом не входят, во дворе стоят.

Кутх сразу понял, в чем дело, сказал:

— Что-то с ними случилось!

Вышел Кутх во двор, по обеим сторонам дороги зажег огонь. Пришли сыновья, прошли через огонь. Стали снова жить и радоваться, больше не нуждались.

185. Эмэмкут, Марокльнавт и гуси

Жил-был Кутх с женой Мити. Дети у них были: Эмэмкут, Котханамтальхан, Сисильхан, Синаневт, Сирим. Эмэмкут и Котханамтальхан отправились на всю осень вверх по течению реки. Стали промышлять всякого зверя. Эмэмкут никак не мог зверя добыть. Ходил, ходил на охоту — ничего убить не может. Ослабел Эмэмкут, все время лежит. Потом опять они на охоту пошли. Эмэмкут сказал:

— Котханамтальхан, давай будем врозь охотиться!

Пошли врозь. Эмэмкут в лес пошел. Нашел в глубине леса много черемши. Он ее вместе с корнями вырвал, отнес наверх, на увал, в балагане сложил, чтобы суп потом сварить. Пришел Котханамтальхан, ничего не добыл. Эмэмкут сказал:

— Разведи огонь.

Котханамтальхан развел. Эмэмкут сказал:

— В балагане, что наверху, на увале, я сложил черемшу. Достань ее.

Пошел Котханамтальхан, залез на балаган. Видит — красивая девушка Марокльнавт причесывается, а черемши нет. Застеснялся он этой девушки, сразу пошел обратно, сказал:

— Эмэмкут, не мог я найти черемши, там только хорошая девушка причесывается, очень красивая!

Эмэмкут сразу вышел во двор. Пошел к балагану, залез наверх, увидел красивую девушку. Сразу женился. Марокльнавт сразу родила.

Котханамтальхан застеснялся, пошел домой. Пришел домой. Рассказал Котханамтальхан отцу и матери:

— Эмэмкут женился на красивой девушке Марокльнавт.

Сирим стала всем рассказывать:

— Эмэмкут женился, наша невестка Марокльнавт очень красивая, Котханамтальхан так сказал.

Эмэмкут стал там жить. Однажды Марокльнавт увидела дурной сон. Не отпускает мужа на охоту, говорит:

— Я, Эмэмкут, видела дурной сон — не ходи на охоту!

Эмэмкут сказал:

— Я недалеко пойду. Ты что, будешь вчерашнюю, уже съеденную еду есть?

— Ну ладно, иди!

Ушел Эмэмкут. Только он ушел, вошла старушка Каманхнавт¹. Марокльнавт сказала:

— Садись, старуха!

— Не хочу садиться,— сказала старушка.— Марокльнавт, сними одежду, я ее примерю.

Марокльнавт сказала:

— Я, бабушка, никогда не раздеваюсь!

— Раздевайся!

— Не разденусь, лучше другую одежду тебе принесу!

— Которую носишь, ту я и примерю.

Стали бороться, повалила старушка Марокльнавт. Сразу раздела ее, во двор вытолкнула. Сама надела одежду Марокльнавт, голову обвязала, легла, как будто больная.

Эмэмкут пришел, увидел жену.

— Эй, что это с тобой? Как будто бы изменилась!

Каманхнавт сказала:

— Давеча я тебе не велела на охоту ходить, вот и заболела!

Спать легли. Крепко заснули. Марокльнавт вошла в дом, покормила ребенка, поплакала. Не могла мужа разбудить. Сперва его всего исцеловала, потом ребенка. Уложила ребенка спать и вышла во двор.

Утром Каманхнавт сказала:

— Эмэмкут, в этом доме неладно, давай бросим его!

Сразу же бросили они дом, уехали. А Марокльнавт, когда приходила ночью, взяла нож Эмэмкута. Сломался у Эмэмкута по дороге полоз. Тут он заметил, что нож потерялся, сказал:

— Э, я забыл дома нож!

Побежал домой. Стал нож искать. Марокльнавт крикнула:

— Эмэмкут, вот твой нож воткнул.

Эмэмкут сказал:

— Ах, это ты, Марокльнавт! Голос у тебя, как прежде, стал!

Не догадался Эмэмкут, что жена его здесь. Взял нож, снова ушел. Поехал домой, приехал к отцу и к матери. Встретили их. Посмотрели домашние: плохая у Эмэмкута жена, дурная женщина, никого не радует. Только ребенка все полюбили. А Каманхнавт была как будто больная все время. Ноги обвязала, но когда есть дадут,— все съест.

А Марокльнавт стала жить одна. Пошла она оттуда на теплое место. Сделала из травы кухлянку, торбаза, всю одежду, дом построила. Стала там жить. Весной гуси прилетели, сказали:

— Кто тут на нашем месте устроился?

Один гусь сразу женился на Марокльнавт. Снова стали хорошо жить. Марокльнавт родила. Осенью стало холодно.

Другие гуси улетели. Муж Марокльнавт тоже засобирался. Как ему жену взять с собой? Привязал он ее ремешком себе на шею — не может поднять ее. Гусь сказал:

— Ты, Марокльнавт, оставайся здесь, зимуй тут. А я полечу, не то замерзну я и умру.

Полетел гусь, оглянулся назад — снова к жене вернулся, заплакал. Снова полетел, покинул жену. Марокльнавт хорошо зажила, ни в чем не нуждалась. Ее сын на охоту ходил, мелких пташек добывал.

Вот однажды убил он олененка. Обрадовалась мать. Весной гуси снова прилетели. Гуся, мужа Марокльнавт, убил сын Эмэмкута. Другие гуси рассердились на Марокльнавт, сказали:

— Ее сын нашего товарища убил, пойдем, убьем Марокльнавт!

Пришли. Марокльнавт сразу вышла во двор, влезла в кукуль. Стали гуси крыльями бить по кукулю. Кончили бить, сказали:

— Убили Марокльнавт!

Ушли гуси, Марокльнавт снова вошла в дом, стала работать. Пошел ее сын на охоту. Большого оленя убил.

Пришел сын Эмэмкута, рассердился, сказал:

— Ты всех зверей разогнал! Я убью тебя!

— Не надо, приятель, иди сюда, поедим вместе!

Пришли, стали есть. Кончили есть. Сказал сын Марокльнавт:

— Я, приятель, буду в куклы играть, а ты посмотри.

Стал в куклы играть. Все показал: как Марокльнавт раньше жила, как она Эмэмкуту сына родила. Сын Эмэмкута сразу все это понял. Заплакал он, сказал:

— Наверное, ты мой младший брат?

— Да, верно, я твой младший брат, мать у нас одна. Ну, пойдем к матери!

Тут сын Эмэмкута сказал:

— Не хочу!

Стыдно ему стало. Очень маленькая и старая у него одежда. Как его мать одела, так он в этой одежде и вырос. Все швы тянули его к матери!

Пошли они к матери, пришли. Сын гуся вошел, сказал матери:

— Мой старший брат пришел сюда.

— Где же он?

— Во дворе остался.

— Пусть войдет!

Тот сразу вышел и сказал:

— Старший брат, мать велит тебе войти!

Тот не входит, стесняется. Марокльнавт сама вышла, увидела сына, заплакала, ввела его в дом, распорол штаны, кухлянку, торбаза, все сняла, надела другую кухлянку, штаны и торбаза. Красивый парнишка получился. Стали хорошо жить. Марокльнавт сказала сыну:

— Ты, который гуся убил, пойди принеси сюда все его кости!

Тот сразу пошел, домой к отцу пришел, спросил:

— Каманхнавт, ты гуся съела, а кости куда дела?

— Да вот его кости!

Мальчик сразу все кости собрал, пришел к матери. Отдал ей все кости. Марокльнавт все кости собрала, подула на них — сразу гусь получился. Собрались, поехали к Эмэмкуту. Прибыли.

Сразу они их встретили. Обрадовались. Каманхнавт испугалась, сказала:

— Я пойду во двор, помочусь!

Это она убежать хотела, но ее не пустили. Марокльнавт сама себя по пробору на голове ножом ударила — сразу две женщины стало. Один бок — Эмэмкуту, другой бок — гусю. Устроили праздник, всех позвали, наварили мяса, толкушу сделали. Эмэмкут нагрел на огне каменную миску, миска как огонь красная стала. Каманхнавт застонала:

— Ой, ой, больше терпеть не могу, хочу на двор!

Эмэмкут рассердился, схватил Каманхнавт, потащил на кухню, посадил ее в горячую каменную миску. Потом выбросил ее во двор. Всю ее толкушей облепило. Так и пошла она к своей бабке. Пришла к бабке и сказала:

— Вот тебе толкуши немножко!

Старушка сказала:

— На что она мне, сама ешь!

Стали Эмэмкут и гусь хорошо жить и радоваться.

186. Каманхнавт

Два сына Кутха, Эмэмкут и Котханамтальхан, отправились на осеннюю охоту, а семья осталась с родными на зимнике. Охота была удачная: увидят зверя — добудут. Вдруг неудача пришла: целый день ходили они по тундре, но все

живое от них убегало. И пришлось им, чтобы не пропасть с голоду, «старое есть».

Эмэмкут улегся на постель, а Котханамтальхан начал стряпать. На другой день решили идти врозь: один в тундру, а другой в березняк.

Эмэмкут в березняке нашел длинную черемшу, выдернул с корнем на суп. Принес домой, залез в балаган и положил ее там в ящик, а сам лег спать — брату велел суп варить.

Приготовил Котханамтальхан дрова, воду и пошел за черемшой в балаган. Поднялся, вошел — нет черемши, а сидит на балагане девушка. Сидит она, волосы расчесывает. Стало ему стыдно — очень уж красивая девушка — скорее убежал.

Брат спрашивает его:

— Почему не принес черемшу? Как будешь суп варить?

— Нет черемши. На балагане девушка сидит и волосы чешет. Красавица — любо поглядеть! Боялся я глядеть на нее.

Услышал это Эмэмкут, вскочил с постели и побежал к балагану. Увидел Марокльнавт, сразу же женился, и тут же сын родился.

Котханамтальхан от стыда убежал к отцу и рассказал, какая красавица жена у брата.

Стал Эмэмкут со своей женой жить. Один раз утром жена не пускает его на охоту:

— Я сон худой видела.

— Надумал — поеду! — ответил Эмэмкут.

— Худо будет — не езд, — просит жена.

— Не бойся, близко промышлять буду.

И уехал.

Подслушала их разговор Каманхнавт. Только Эмэмкут за дверь — она уж на пороге. Вошла.

Стоит Марокльнавт, молчит, испугалась: знает — беда будет.

— Ну, садись, баба! — говорит Каманхнавт.

— Не сяду!

— Штаны дай мне!

— Не дам!

Стали бороться, победила Каманхнавт Марокльнавт и раздела ее. Стыдно стало жене Эмэмкута, что голая осталась, вышла она, села во дворе и заплакала. Сама травой прикрывается.

Каманхнавт села на порог, голову завязала, охает — будто голова болит.

Вернулся с охоты Эмэмкут, не узнает жену: черная как уголь стала. А Каманхнавт говорит ему:

— Зачем уходил? Ведь я говорила, худо будет,— сон плохой видела.

Остался Эмэмкут с черной как уголь женой-ящерицей, а настоящая жена голая во дворе сидит, плачет, убивается.

Настала ночь. Уснули все в доме. Марокльнавт вошла в дом, сына покормила и укрыла потеплее, Эмэмкута поцеловала и пошла обратно во двор. По дороге охотничий нож Эмэмкута взяла и в балагане наверху положила.

Каманхнавт утром встала и говорит Эмэмкуту:

— Давай откочуем отсюда; нечисто у тебя в доме.

А бедняжка жена Эмэмкута спряталась: стыдно ей, нагая она.

Дорогой у нарты полоз сломался. Хотел Эмэмкут его поправить, а ножа-то и нет.

— Ты чего остановился? — спросила злая баба.

— Полоз сломался, надо починить. Нож забыл, домой за ним сбегаяю.

Испугалась худая баба-ящерица:

— Подожди, он, верно, в мешке!

Искала, искала — не нашла.

Побежал Эмэмкут домой, стал искать нож — не может найти. Марокльнавт в окошко заглянула и закричала:

— Нож наверху лежит!

— Что с тобой? Ты опять прежняя стала!

А она не может ничего ответить, не может выйти, показаться: стыдно — голая она. Отбежала от окна и спряталась. А Эмэмкут нашел нож и ушел к нарте и черной бабе.

Вошла в дом Марокльнавт и заплакала. Детской одеждой из травы лицо вытирает.

Эмэмкут с Каманхнавт домой к отцу поехали. Там увидели, кто-то едет, догадались, вышли из дому посмотреть красавицу жену сына: смотрят — а она как уголь черная. Рассказал Эмэмкут, как все было.

Марокльнавт — его настоящая жена — постель из травы сделала, в березняке подвесила, приготовила себе травяные одежды и стала жить.

Весной гуси прилетели.

— Зачем ты на нашем месте постель повесила?

— Я уйду. Не знала я, что это ваш березняк.

И хотела уйти. Налетел на нее гусь, женился на ней и тут же сын-гусенок родился.

Осенью гуси собрались улетать. Держит Марокльнавт своего мужа-гуся на привязи: жалко, улетит.

— Пусти, весной опять прилечу! — просит гусь.

Пожалела, отпустила, а сама изводится. Сын-гусенок утешает: то олененка добудет, то уток принесет.

Весной гуси опять прилетели. Встретила Марокльнавт своего мужа-гуся; стали опять вместе жить. А сын уже большой стал.

Один раз пошел на охоту старший сын Эмэмкута и Марокльнавт и добыл гуся, мужа своей матери. Каманхнавт, злая баба-ящерица съела гуся, а кости сберегла, сохранила. Рассердились гуси и решили Марокльнавт убить.

Один раз сидит Марокльнавт и шьет, а около паука — Сикукечх пугается. Отбросила его она:

— Я шью, а ты мне мешаешь! — сказала она.

— Прячься скорее в кукуль, выходи во двор, — говорит Сикукечх.

Послушалась она, вышла во двор, забралась в кукуль, с головой закрылась, лежит, ждет.

Налетели гуси, стали ее бить. Подумали, что убили, и улетели прочь. А она вернулась в дом, опять сидит шьет.

Парнишка, сын гуся, совсем подрос, только одет не так, как люди одеты: травяная одежда на нем, на травяной постели спит. Люди-то ведь на оленьих шкурах спят и в кухлянках ходят!

Один раз собрался парнишка на охоту. Сначала решил идти, в чем дома ходил, но передумал и самую лучшую парку надел, которую ему мать дала. Ушел сын на охоту далеко от дома, добыл оленя, вдруг видит: навстречу ему человек идет. Одежда в тело вросла — та самая, которую на него мать когда-то давно надела. Это был старший сын Марокльнавт и Эмэмкута. Брат-гусенок стал звать его:

— Иди со мной есть!

— Нет, не пойду, — отвечает тот.

— Почему не пойдешь?

Стали разговаривать.

— У тебя парка хорошая, а у меня одежда в тело вросла.

Думал — чужой кто.

Стали есть, разговаривать.

— Да ты же брат мой от одной матери! — сказал брат-гусь, когда тот рассказал про себя.

Заплакали оба. Пошли вместе к матери. Один смело идет, другой застыдился — очень плохо одет.

А мать давно сына ждала.

— Далеко ли был? — спросила.

— Да, далеко. Не один пришел: старший брат во дворе остался, стыдно ему войти — плохо одет, одежда в тело вросла. Как ты одела, так он все в ней ходит.

Вышла мать во двор, узнала сына, заплакала:

— Бедный мой, несчастный! Как я одела тебя — так ты и остался в той одежде.

Потом сняла с него травяную одежду, надела парку, и стал он хорош — загляденье! Накормила, велела домой к Каманхнавт идти и принести кости гуся, своего второго мужа. Сын ушел.

Каманхнавт увидела его, испугалась, хотела убежать. Говорит мужу:

— Я во двор пойду.

Эмэмкут догадался, что настоящая его жена жива. Не выпускает Каманхнавт, злую бабу-ящерицу, из дому: боится, как бы она еще какое худо не сделала. Сыну кости гуся дал, к матери послал, велел сказать, чтобы домой шла. Сын убежал за матерью, отдал ей гусиные кости. Она подула на них — стал гусь живой.

Марокльнавт расчесала волосы на прямой пробор, принарядилась и пошла к первому мужу — Эмэмкуту.

Увидела Каманхнавт: идет женщина-краса домой, стала рваться во двор — не пускают.

Вошла Марокльнавт в дом Эмэмкута, ударила себя поперек лба вдоль пробора и распалась на две части: одна отошла к гусю, а другая — к Эмэмкуту.

Эмэмкут послал за сковородой, раскалил ее. Раздел Каманхнавт догола, толкнул ее, посадил на горячую сковороду и вышел во двор изжарить жирного мяса.

Все были рады. Стали есть, пить, гулять и спать легли. А Каманхнавт на сковороде изжарилась.

187. Ревне

Жил-был Кухт с женой Мити. Дети у них были только дочери: Синаневт, Анаракльнавт, Наа, Сирим. Жил-был также Ревне, самец-куропатка. Решил он посвататься к Синаневт. Однажды пошла Синаневт собирать крапиву. И Ревне следом за ней пошел. Сказал Ревне:

— Синаневт уже прошла, пойду и я, догоню Синаневт.

Пошел Ревне, перекрыл речку запором, рыбы наловил. Синаневт песню запела. Услышал Ревне, пошел на голос. Увидел Синаневт и кинулся на нее. Оттолкнула она Ревне и сказала:

— Ты чего? Я не хочу за тебя замуж, у тебя глаза красные. Назад пошли, пришли к реке. Ревне сказал:

— Синаневт, давай я тебя перенесу!

Синаневт сказала:

— Я и сама прекрасно переправлюсь.

Ревне сказал:

— Ты, Синаневт, мою речку испортишь!

А Синаневт взяла и сама переправилась. Пошли дальше. Зашли в дом к Ревне. Ревне велел Синаневт:

— Почини-ка мою кухлянку! Я за рыбьими головками схожу.

Ушел Ревне. А тут Эмэмкут пришел, взял Синаневт, женился на ней. Ушли они. Пришел Ревне — а Синаневт нет, оставила его одного.

На другой день Анаракльнавт пошла собирать крапиву. Проследил ее Ревне, сказал:

— Анаракльнавт уже прошла, пойду и я, догоню Анаракльнавт.

Пошел Ревне. Пришел на речку, осмотрел запор: полно рыбы. Запела Анаракльнавт. Услышал Ревне, пошел, кинулся на нее. Она оттолкнула его:

— Ты чего, Ревне? Я не хочу за тебя замуж, у тебя глаза очень красные!

Застыдился Ревне, в сторонку отошел. Стал просить у Анаракльнавт, чтобы позволила ему понести крапиву:

— Эй, Анаракльнавт, давай я понесу твою крапиву!

Анаракльнавт сказала:

— Я и сама прекрасно донесу!

Пошли, пришли к речке. Ревне сказал:

— Эй, Анаракльнавт, давай я возьму тебя на спину и переправлю!

Анаракльнавт сказала:

— Я и сама прекрасно переправлюсь!

Ревне сказал:

— Ты мою речку испортишь, через эту речку никто никогда не переходил.

А Анаракльнавт взяла и переправилась сама. Ревне повел ее к себе в дом. Вошли в дом. Ревне сказал:

— Ты, Анаракльнавт, побудь у меня, кухлянку мою почини, а я пойду рыбьих головок принесу.

Ушел Ревне. Сразу Илвимтальхан — дикий олень пришел, спросил в окошко:

— Ты что, Анаракльнавт, за Ревне выходишь?

— Нет!

— Кухлянку его чинишь?

— Нет!

Тогда он сразу взял Анаракльнавт, увел ее.

Пришел Ревне — нет Анаракльнавт.

— Думаешь, я не знаю, кто тебя увел? Илвимтальхан!

Потом Наа пошла собирать крапиву. Ревне вышел во двор. Пошел вслед за ней, погнался. Запела Наа. Услышал Ревне, как Наа поет. Подошел к ней. Только хотел броситься на нее, да вдруг застыдился, что хвост его вечно кверху торчит. Пересилил себя, бросился к Наа, сразу на ней женился. Наа заплакала. Ревне сказал:

— Ну, кончай реветь! Давай-ка пойдём домой!

Взял Ревне крапиву и понес. Пошли. Пришли к речке. Ревне сказал:

— Эй, Наа, давай я возьму тебя на спину, переправлю.

Наа сказала:

— Я и сама прекрасно перейду речку. Я тяжелая, тебе меня не поднять.

— Хе, давай-ка садись на спину!

Села Наа. Пошел Ревне с ней через речку. Все суставы у него затрещали. Наа сказала:

— Что это трещит?

Ревне сказал:

— Камни под ногами гремят.

Переправились, пошли домой. В дом вошли. Ревне сказал:

— Ты, Наа, почини-ка мою кухлянку!

Ушел Ревне. За рыбьими головками пошел. А тут Зусч-щерица пришел. Крикнул:

— Ты, Наа, уже вышла за Ревне замуж?

Наа сказала:

— Да, вышла!

— Кухлянку его чинишь?

— Да, чиню!

Ушел Зусч. Пришел Ревне, рыбы головки принес. Стали есть. Поели, кончили. Ревне сказал:

— Ну, пойдём к твоим отцу и матери!

Вышел Ревне на двор, глазами помигал на солнце — и та-

кой отличный парень из него получился! Очень красивый! Вошел в дом, увидела его Наа. Засмеялась:

— Ай да муж у меня, очень красивый стал!

Пошли к Кутху. Встретили они их. Кутх сразу к Ревне бросился, старших зятьев оттолкнул. Те на Ревне и не смотрят: стыдно им. Сирим сказала:

— Эге! А муж у Наа очень красивый!

Отправился Ревне обратно к себе домой. Кутха со всей семьей к себе домой отвез. Отстали старшие зятья. Не смотрят на Ревне. Стыдно стало им.

Стал Ревне хорошо жить, веселиться, ни в чем нужды не знал.

188. Эмэмкут, Анаракльнавт и Вален-Синаневт

Жил-был Эмэмкут с сестрой Анаракльнавт. Эмэмкут ходил на охоту, добывал всякого зверя. Однажды Эмэмкут притворился, будто он заболел. Анаракльнавт сама отправилась в сопки, миновала их, пошла к морю. Нашла высокий утес, спустилась к морю, там спряталась и увидела, что плывет по морю Вален-Синаневт¹ в кожаной лодке. Хорошо нагружена лодка лахтаками и акибами. Стала Синаневт зверей потрошить, добычу убирать, потом пошла по берегу морской травы набрать. Вдруг увидела Анаракльнавт.

— Это ты тут?

— Да, я! Думала, ты парень, потому и спряталась.

— Ладно, пойдем ко мне домой!

Дома Вален-Синаневт начала угощать Анаракльнавт всем, что у нее было. Сказала Вален-Синаневт:

— У тебя, наверное, братья есть? Не бойся, я не выдам тебя моим братьям, а ты тоже не выдавай меня твоему брату. Все мои братья пошли охотиться на горных баранов.

Пришли братья Вален-Синаневт, спросили:

— Сестра, сюда никто не приходил? Расскажи нам!

— Никто не приходил. Я тоже только сейчас пришла с моря.

На другой день братья Вален-Синаневт опять отправились на охоту за горными баранами. Анаракльнавт сказала своей подруге:

— Мой брат болен, пойду-ка я домой!

Стала Вален-Синаневт снаряжать свою подругу Анаракль-

навт в путь, всего ей дала: мозгов, костного мозга, мяса. Сказала Вален-Синаневт:

— Твой брат болен, ты голодать будешь, хорошенько запасайся едой!

Анаракльнавт отправилась домой. Пришла домой, а брат очень сильно болен. Начал Эмэмкут просить у сестры поесть чего-нибудь. Принесла она ему мяса, он сказал:

— Нет, я другого чего-нибудь хочу!

Тогда Анаракльнавт рассердилась на брата, сказала:

— Уйду от тебя насовсем!

Ушла Анаракльнавт. Эмэмкут встал, сестрину кухлянку надел, вороном стал, полетел. К Вален-Синаневт прилетел, сел на балаган, стал там прыгать.

Вален-Синаневт пришла с моря, увидела, что ворон на балагане сидит, стала в него камнями швырять.

— Ты не воруй, ворон!

Стало Эмэмкуту стыдно, полетел он в другую сторону. Снова человеком сделался. Пришел к Вален-Синаневт, сразу бросился, схватил ее. Испугалась Вален-Синаневт, узнала его. Эмэмкут женился на ней, отправился домой. Стали они жить и радоваться.

189. Челькутх и девушки-мухоморы

Жил-был Челькутх¹. Посватался он к дочери Кутха Синаневт, работал для нее, много дров приносил. Наконец женился на Синаневт. Стали они жить, много веселились. Родила Синаневт. Сын родился. Отправился Челькутх в лес, нашел красивых девушек-мухоморов² и остался в лесу с девушками, жену свою забыл.

Вот Синаневт начала беспокоиться, ждать:

— Где же он? Убили его, наверное!

А с ними старушка жила, тетка ее, Кутхова сестра. Она сказала:

— Синаневт, перестань мужа поджидать, он уж давно с девушками-мухоморами. Пошли сына к отцу.

Пошел мальчик к отцу. Запел песню:

— Мой отец Челькутх, моя мать Синаневт, отец нас забыл.

Услышал Челькутх, как сын поет, и сказал:

— Пойдите, жгите его горячими головешками. Скажите ему: не я его отец.

Взяли девушки головешки, обожгли мальчика, все ручонки ему сожгли.

— Горячо! Мама, жгут меня головешками! — кричит.

Ушел мальчик назад к матери. Пришел, она спросила его:

— Ну, что отец сказал?

— Он сказал: «Я не отец тебе». Велел мухоморам жечь меня горячими головешками, все ручки мне обожгли. Жжет, больно! Я завтра не пойду к отцу, а то опять будут жечь меня горячими головешками.

На другой день бабушка снова послала его к отцу:

— Еще раз сходи, снова спой, скажи так: «Отец, мы завтра уедем со всем добром, ты в лесу останешься, у мухоморов. Вы все потом голодать будете».

Мальчик пошел к отцу, запел песню:

— Отец, мы завтра уедем со всем добром. Ты в лесу останешься, у девушек-мухоморов, вы потом голодать будете.

Услышал Челькутх, как сын поет, рассердился:

— Пойдите, девушки, выпорите его ремнем как следует и огнем жгите. Пусть перестанет сюда ходить!

Взяли девушки огонь, взяли ремень, стали стегать мальчика, огнем жечь. Потом прогнали его. Закричал мальчик, пошел обратно к матери, пришел весь обожженный. Бабушка на него подула, у него сразу все прошло. Старушка сказала:

— Ну, Синаневт, давай собираться, поедem в лес!

Стали они собираться, позвали всех зверей и всех с собой увели, никого не оставили. Поехали в лес, приехали, выбрали высокую гору, забрались наверх, гору водой полили,— получилась ледяная гора.

Пошел Челькутх в лес, ни одного зверя не добыл, все следы пропали. Стал Челькутх с девушками голодать. Чего им поесть? Вспомнил Челькутх жену и сына. Пошел к себе домой. Пришел домой — не нашел ни жены, ни сына. Запричитал Челькутх:

— Куда же это мои все пропали? Я голоден, Синаневт, я есть хочу. Куда же вы с сыном ушли?

Погнался по следам за женой, пришел к той высокой горе.

— Как же наверх залезть?

Очень скользко. Закричал он снизу:

— Синаневт, подними меня!

Синаневт кинула вниз ремень, крикнула:

— Эй, Челькутх, хватайся за ремень!

Схватился он за ремень. Стала она поднимать его наверх, на гору. Вот уже близко, он и ногу поставил на вершину. Тогда

она ремень обрезала ножом. Челькутх полетел вниз, упал, обмер, ожил, снова закричал:

— Синаневт, подними меня, я с голоду умираю!

— А почему ты с девками-мухоморами не живешь? Почему со своими мухоморами не живешь? Зачем сюда к нам пришел? Очень хорошо поступаешь! Сына всего измучил, теперь вот получай, что заслужил!

— Синаневт, перестань сердиться, подними уж меня, я есть хочу.

Снова она бросила ремень.

— Ладно, хватайся, подниму.

Схватился Челькутх, подняла она его. Недалеко от вершины снова ножом ремень обрезала. Опять Челькутх полетел вниз, упал, обмер, полежал, ожил. Опять закричал:

— Синаневт, перестань сердиться!

— Я тебя подниму, а ты потом снова будешь так поступать?

— Нет, не буду, Синаневт, не буду я так поступать.

Бросила она ремень, подняла его. Обсушился он, обрадовался, стал есть, наелся. Снова стали они жить, как раньше, много веселились. А девушки-мухоморы засохли и умерли.

190. Как Синаневт сглазили

Жили-были Синаневт и Эмэмкут. Хорошо жили, все у них ладилось. Вдруг с Синаневт что-то случилось. Все ей стало немило, все о чем-то думает и думает. Брат ее спрашивает, но она ничего не говорит:

— Что с тобой?

— Не спрашивай у меня ничего. Очень скучно мне жить.

Ушла Синаневт куда-то. Вдруг увидела горбуш в реке. Поймала она одну горбушу, говорит:

— Ты будешь мне мужем!

Горбуша трепыхается у нее в руках. Синаневт говорит:

— О-о, муж очень игривый!

Пошла сразу домой, поднялась на чердак и там легла вместе с горбушей. Горбуша бьется, а ей смешно:

— Да будет тебе щекотаться!

Целую ночь Синаневт визжала и хихикала на чердаке, лежа с горбушей. Эмэмкуту всю ночь мешала спать. Утром Синаневт говорит:

— Ты теперь спи. Я укурю тебя, а сама по ягоды пойду.

Ушла Синаневт. Поднялся Эмэмкут на чердак, увидел горбушу на постели. Схватил он горбушу, отнес ее в реку. Синаневт увидела это, сразу запела:

— Моего-о муженька-а в речку бросили-и!

Очень жалела своего мужа. Пришла домой, взяла себе в мужья деревянный крючок для жира¹. Легла она с ним, а крючок и говорит ей:

— Ши шше шишу шишеси, ши шше шушый шишеси².

Синаневт спрашивает:

— Ты чего? Может, мне поцеловать тебя?

А крючок говорит:

— Ши шше шишу шишеси, ши шше шушый шишеси.

Синаневт снова спрашивает:

— Может, мне обнять тебя?

Крючок снова говорит:

— Ши шше шишу шишеси, ши шше шушый шишеси.

Утром Синаневт сказала:

— Ты спи, я укурю тебя, а сама по ягоды пойду.

Как только Синаневт ушла, Эмэмкут сразу поднялся наверх: отчего это там Синаневт опять визжала? Увидел он крючок. Взял его, разжег во дворе огонь, да и бросил туда крючок. Вдруг Синаневт увидела, что дым поднимается, сразу запела:

— Мо-ой муженек в огне-е, горит, жи-ирный дым поднимается! Эмэмкут его сжег.

Пошла домой Синаневт, вдруг собачонку облезлую увидела, поймала ее и говорит:

— Ты будь мне мужем.

Собака зарычала на нее. Синаневт говорит:

— Чего смеешься? Пойдем на чердак, спать ляжем.

Уложила она собачонку — а та все рычит. Синаневт засмеялась.

— А ты чего смеешься? — спрашивает она собачонку. — Что, красивая я? Уж, наверное, красивая.

Опять всю ночь Синаневт визжала и хихикала. Эмэмкут из-за нее всю ночь не спал. Утром Синаневт говорит:

— Ты теперь спи, а я по ягоды пойду.

Собралась Синаневт уходить, захотела поцеловать собаку. Собака укусила ее. Синаневт говорит:

— Да ладно, ладно, далеко ходить не буду. Ишь какой, даже кусаешься, когда целуешь!

Ушла Синаневт. Эмэмкут сразу поднялся на чердак, злой-

презлой, одеяло стащил с постели, увидел там собачонку. Схватил он ее, за шею спустил с крыши да и повесил. Увидела Синаневт — собачонка висит. Запела:

— Мо-ой муженек повешенный ви-исит, язычок вон как далеко высунул, такой смешливый муженек был! Ай-яй-яй, Эмэмкут!

Пошла домой Синаневт. Стала к дому подходить и тут человека мертвого нашла, нижнюю половину у него собаки отъели. Взяла она его и подняла на чердак, чтобы лечь с ним спать. Легли они, стали разговаривать. Мертвец и говорит ей:

— Синаневт!

— Чего?

— Ды беда подиже пощупай.

— Что ты говоришь?

— Да ду же, ды беда подиже пощупай.

А Эмэмкут увидел, как она мертвеца на чердак поднимала, и подумал про себя: «Очень плохая жизнь теперь началась».

Утром Синаневт пошла по ягоды, укрыла мертвеца одеялом. Как только ушла — Эмэмкут сразу поднялся на чердак, увидел мертвеца, испугался, накрыл его и спустился вниз.

Пришла Синаневт, сразу легла к мертвецу. А тот и говорит ей:

— Беда двой бдат дидел.

— Что, я чем-то выпачкалась? — спрашивает его Синаневт.

— Беда двой бдат дидел.

— Ты, наверное, говоришь мне, что я тебя брошу? Нет, я тебя не брошу, — говорит Синаневт.

— Беда двой бдат дидел.

А Эмэмкут сказал себе: «Лучше мне этот дом сжечь, а самому уйти из этого места».

Поджег он дом, а сам ушел. А Синаневт с мертвецом там и сгорели.

191. Свадьба Синаневт и Анаракльнавт

Жил-был Кутх, были у него дочери Синаневт и Анаракльнавт. Кутх детей обижал, плохо они жили. Синаневт подумала и сказала Анаракльнавт:

— Пойдем на море, а то отец нас обижает!

Пошли они на море. Стали всякие ягоды собирать, потом стали делать из ягод пестрого кита. Кончили делать кита.

Сели внутрь. Отправились к морскому Кутху. Кит нырял, выныривал, воздух из него, как дым, выходил. К морскому Кутху прибыли. Он их хорошо принял. Спросил морской Кутх:

— Вы куда едете?

— Мы к тебе приехали жить!

Стали они там жить, много веселились. Там перезимовали, ни в чем не нуждались. Весной обратно отправились, в свою землю. Морской Кутх нагрузил их мясом, жиром, шкурами, всем их снабдил. По морю они хорошо плыли, на волнах качались. Вдруг кит остановился. Синаневт проснулась и сказала:

— Почему это кит не движется?

Вышла, увидела, что кругом земля зеленеет. Выпрыгнула она на землю. Набрала травы пучки, кутагарнику, шеламайнику, обратно вошла, в изголовье положила. Анаракльнавт спала. Проснулась. Синаневт спросила ее:

— Тебе что снилось?

— Ничего не снилось!

Синаневт сказала:

— А мне снилось, будто мы уже на земле и я собираю пучки, кутагарник, шеламайник. Ну-ка, посмотри, может, и вправду есть пучки под моей подушкой!

Посмотрела Анаракльнавт под подушкой у Синаневт. Нашла пучки, кутагарник, шеламайник. Сказала Анаракльнавт:

— Ты, Синаневт, обманываешь меня!

Вышла Анаракльнавт наружу, увидела землю. Тогда обе на землю вышли, кита убрали. Синаневт сказала младшей сестре:

— Анаракльнавт, я тебя в оленя превращу, сама медведем стану! Ты будешь бегать по лесу, а я себя привяжу ремнем к столбу!

Превратила она Анаракльнавт в оленя. Стала та ходить, как настоящий олень. Сама медведем стала, привязала себя ремнем к столбу, очень страшная получилась.

Сказала Синаневт:

— Ну, ты, Анаракльнавт, беги в лес, может, кто-нибудь потом добудет тебя. Только смотри не говори про меня никому!

Ушла Анаракльнавт в лес. Ушла, покинула старшую сестру. Стала она ходить по лесу. Ходила-ходила.

Охотились в лесу два приятеля. Увидели оленя, подкрались поближе, выстрелили, сразу повалили его. Начали они оленя потрошить, брюхо разрезали — оттуда красивая девуш-

ка вышла. Старший сразу женился на ней. Отвезли они ее домой. Стали хорошо жить.

Но вот стала Анаракльнавт на закате солнца выходить на двор, плакать, вспоминать Синаневт.

Жила там старушка. Услышала она, как Анаракльнавт вспоминает Синаневт. Вошла Анаракльнавт в дом, старушка спросила ее:

— Ты кого вспоминаешь?

— Никого не вспоминаю,— сказала Анаракльнавт,— есть у меня старшая сестра Синаневт. Она там, на море, медведем сделалась, очень страшная.

Стали охотники в путь собираться, стали стрелы делать. И Кечи тоже стал делать стрелы, из лозняка делал. Отправились на медведя. Кечи тоже поехал, в нарту из прутьев запряг мышей. Товарищи посмеялись над ним:

— Ты куда, Кечи?

— А так просто еду, может, мяса немножко поем!

Приехали приятели, стреляли, стреляли в медведя — никто не попал. Медведь стрелы зубами перекусывал, стрелы все переломал. А тут как раз Кечи прибыл. Стали его товарищи просить у него лук. Сказал Кечи:

— Я сам его застрелю!

Выстрелил Кечи, попал, сразу свалил медведя. Начали медведя потрошить, брюхо разрезали. Оттуда Синаневт вышла. Товарищи стали завидовать Кечи. Поехали все домой. Кечи жену тоже повез домой. Приехали, вдруг видят — нет Кечи. А они на дороге остановились. Сказал Кечи:

— Ты побудь здесь, я тут неподалеку схожу, ты не бойся!

Пошел Кечи к своей бабке. Пришел к бабке и говорит:

— Я, бабушка, на Синаневт женюсь, у меня там на дороге жена замерзает!

Свистнула бабка. Пришли два оленя с нартами, в нартах кухлянки лежат. Старушка обрадовалась, что внук женится. Пошел Кечи к жене, та не узнала его. Кечи сказал:

— Давай, иди сюда, садись!

Синаневт сказала:

— Не сяду, у меня муж есть, сейчас придет!

Кечи сказал:

— Я твой муж и есть, я к моей бабке ходил!

Села Синаневт, поехали они. Сразу товарищей догнали, обогнали всех. Увидели товарищи Синаневт: красивый человек ее везет — значит, кто-то уже украл у Кечи жену. Стал Кечи хорошо жить и веселиться.

192. Женитьба Эмэмкута

Жил-был Кутх с женой Мити, был у них сын Эмэмкут. Хорошо жили, ни в чем не нуждались. Эмэмкут решил пойти девушек поискать: жениться захотел. Отправился на поиски.

Кутх с женой пошел в кедрачи за орехами. Кутх сказал:
— Мити, давай будем перекликаться, а то медведи в кедрачах ходят!

Стали они перекликаться. Кутх крикнул, жену окликнул:
— Мити-и!

Мити крикнула:

— Ах-ах-яха-ха!

Потом Мити мужа окликнула:

— Кут-хее!

Кутх крикнул:

— Ах-ах-яха-ха!

Кутх снова жену окликнул:

— Мити-и!

Мити крикнула:

— Ах-ах-яха-ха!

Мити мужа окликнула:

— Кут-хее!

Кутх крикнул:

— Ах, ях, яха-ха!

Надоело Мити, перестала она кричать. Кутх сказал:

— Куда это Мити ушла, не кричит!

Кутх снова стал кричать:

— Мити-и, Мити-и!

Мити сильно крикнула:

— Ахах, яхаха!

Кутх испугался, сразу на тот свет отправился. Нашел хороший балаган и дом. Там на балагане уселся. Девушка во двор вышла, увидела, что Кутх на балагане сидит, сказала:
— Зачем пришел? Только еду портишь.

Стала она камнями в него бросать. Кутх не боялся камней. Младшая девушка вышла во двор. Старшая сказала ей:
— Смотри, вон сидит. Ты, конечно, его пожалеешь.

Младшая девушка забралась на балаган, стала кормить Кутха всякой едой. А Кутх всю еду в кухлянку засовывал. В это время пришла Мити домой. Кутха нет. Заплакала Мити:
— Где же мой Кутх, куда он ушел?

Пришел Кутх домой, увидела она его. Обрадовалась. Кутх хорошей еды принес. Мити спросила его:

— Кутх, ты куда ходил?

— Ты меня напугала, я на тот свет попал!

Пришел Эмэмкут. Девушек не нашел. Так много думал, что заболел, не стал есть. Потом спросил отца:

— Ты, когда ходил, нигде девушек не видал, отец?

— Я не знаю, никуда я не хожу, вечно дома сижу, только горшок выношу.

А про тех девушек Кутх совсем забыл, ничего Эмэмкуту не сказал. Мити про них вспомнила и сказала:

— Кутх, ты же мне говорил, что где-то видал девушек!

Тогда и Кутх вспомнил:

— Да, верно, Мити. Молчи, я сам ему расскажу. Слушай, Эмэмкут, я видел девушек на том свете. Двух девушек видел. На старшей не женись, на младшей девушке женись. Завтра пойди в кедрачи с сестрой, перекликайтесь, сестра тебя напугает, ты испугаешься, сам себя не узнаешь, и пойдешь по моей дороге. Увидишь дом и балаган. На балаган садись. Сразу старшая девушка выйдет во двор, будет камнями в тебя бросать. Это будет, значит, старшая. Ты не женись на ней. Потом младшая девушка выйдет. Эта сразу залезет на балаган, будет тебя кормить. Вот тебе моя кухлянка, бери. Когда женишься, сразу кинь ее сюда, к нам.

Пошел Эмэмкут с сестрой в кедрачи. Стали они перекликаться. Как Кутх и Мити перекликались, так и они перекликаются. Синаневт надоело кричать, помолчала она немного, а потом как крикнет. Испугался Эмэмкут, сразу по Кутховой дороге пошел, попал на тот свет. Нашел балаган. Сел на балаган. Старшая девушка сразу во двор вышла. Начала камнями бросать, сказала:

— Опять этот пришел, повадился сюда ходить!

Младшая девушка вышла во двор. Сразу залезла на верх балагана, стала Эмэмкута кормить. Эмэмкут ничего не ел.

— Почему ты не ешь? — спросила девушка.

Тогда Эмэмкут обнял ее. Женился на ней, сразу она забеременела. Девушка заплакала. Эмэмкут сказал:

— Ну, перестань вопить, ребенка задушишь!

Услыхала старшая сестра, что младшая беременна, рассердилась:

— Вот братья вернутся, я расскажу про тебя!

Приехали братья, старшая сестра сразу вышла им навстречу и сказала:

— Вы думаете, хорошо младшая сестра живет? Она уже замуж вышла, забеременела!

Братья сказали:

— Отлично, пусть выходит замуж!

Стали они жить. Эмэмкут вместе со свояками ходил в лес на охоту, добывал зверя. Потом Эмэмкут стал делать нарты, большую и маленькую. Сделал и сказал своякам:

— Ну вот, завтра мы пойдем домой!

Свистнул Эмэмкут. Сразу большое стадо оленей пришло, все олени пестрые. Он еще раз свистнул. Снова оленье стадо пришло, все белые. На пестрых он дунул — они ушли обратно.

Сваяки очень обрадовались: впервые такое стадо видели. Начал Эмэмкут запрягать оленей. Запряг. У жены один волосок выдернул, волоском привязал дом свояков к задней нарте. Поехал с женой домой. Увидели это свояки и сказали:

— Смотри-ка, Эмэмкут никуда не движется, на одном месте сидит!

Не знают они, что дом привязан и что Эмэмкут их, свояков, вместе с домом тащит. Эмэмкутовы свояки посмотрели еще и говорят:

— Что же это Эмэмкут делает? Не двигается, на одном месте сидит!

Приблизился Эмэмкут к своему дому. Не доезжая остановился, пешком пошел. Жену в нарте оставил. Пришел к матери, велел ей:

— Кидай на дорогу все, что есть: шкуры, выпоротки, собольи, лисьи шкурки.

Пришел он к жене, снова поехали. Увидела Эмэмкутова жена: валяются прекрасные шкуры, выпоротки, собольи, лисьи шкурки. Сказала Эмэмкутова жена:

— Кто это выбросил такие красивые шкуры, выпоротки, собольи, лисьи шкурки?

Эмэмкут сказал жене:

— Кутх и Мити задницы подтирают ими!

Приехали они. Кутх и Мити очень обрадовались, много веселились.

193. Эмэмкут и его жена Ельтальнен

Жил-был Кутх с женой Мити. Была у них дочь Ельтальнен, а также старушка, Кутхова мать. Много женихов приходило. Старушка сразу всех съедала, никого не пропускала к ним. Та старушка была людоедка. Эмэмкут тоже прослышал

об очень красивой девушке Ельтальнен. Стал Эмэмкут собираться к Кутху, дикого оленя поймал. Отправился Эмэмкут, взял оленя. Приблизился. Оленя вперед погнал. Старушка сразу оленя съела. Эмэмкут проскочил, старушка не заметила его. Вошел он к Кутху, спросил:

— Кутх, где же твоя девушка?

Кутх сказал:

— Нет у нас девушки!

Ельтальнен в другом доме была. Стал Эмэмкут там жить. Конечно, хотел к Ельтальнен войти, но она не пускала. Думал, думал Эмэмкут, в старуху себя превратил, пургу сделал. Снова к Ельтальнен пришел, стал просить:

— Ельтальнен, пусти меня, я замерзаю!

Впустила.

— Там, старуха, у двери садись!

Не узнала Ельтальнен Эмэмкута и вправду за старушку его приняла. Усыпил Эмэмкут Ельтальнен. Заснула Ельтальнен, спит, ничего не чувствует. Эмэмкут сделал, что ему нужно, и сразу ушел. Ельтальнен сразу забеременела. Почувствовала Ельтальнен, что беременна, стала детскую одежду шить. Мити вошла к ней и сказала:

— Эй, Ельтальнен, ты что делаешь? Ты дурное задумала!

Ельтальнен сказала:

— Да, мать, я беременна! Правда, я ни с кем не спала. Только когда пурга была, я сюда старушку пустила.

Мити сказала:

— Это, конечно, Эмэмкут был!

Ельтальнен родила, очень красивого ребенка родила. Сказала Ельтальнен отцу и матери:

— Передайте жениху, что Ельтальнен сказала: «Конечно, я согласна!»

На это Кутх и Мити сказали:

— Если ты согласна, выходи за Эмэмкута!

Эмэмкут женился на ней. Стали хорошо жить. Эмэмкут сказал:

— Ну, будем собираться домой!

Стали собираться. Эмэмкут вышел во двор, свистнул — сразу три оленьи упряжки пришли. Поехали домой. Подружки Ельтальнен сказали ей:

— Сейчас тебе хорошо, а потом у тебя на хорее сопли висеть будут.

Приехали они домой. Вороны Эмэмкуту весь дом обгадили. Эмэмкут прибрал дом. Решил устроить праздник, всех

позвал. Казаки пришли. Чичкимчичан пришел, как будто мухомора наелся. Сказал он:

— Эй, Ельтальнен, помочись в роговой ковшик, я твою мочу выпью, как будто мы вместе в одном кукуле спали!

Ельтальнен сказала:

— Врешь ты все, Чичкимчичан!

Рассердился Эмэмкут на жену, праздник прекратил. Все гости к себе ушли, не стали праздновать. Эмэмкут лег и все время лежал, не вставал, рассердился на жену за Чичкимчичана. Даже смотреть на нее не хочет. Ельтальнен сказала:

— Эмэмкут, ты все время сердишься на меня, так уж я уеду к отцу!

Эмэмкут сказал:

— Хоть сейчас уезжай!

Заплакала Ельтальнен, вышла во двор. Свистнула — сразу две олени упряжки появились. Опять в дом вошла, сказала:

— Ну, прощай, Эмэмкут, я уезжаю!

Схватил Эмэмкут жену за подол, не смог удержаться. Погнала Ельтальнен оленей, сразу пропала. Едет Ельтальнен по дороге и плачет, сопли на хорее повисли. Сказала она:

— Действительно, правду подружки говорили!

Приехала к отцу с матерью. Опять стала в своем доме жить. Тепло стало на дворе, солнце пригрело. Вот и говорит Синаневт, сестра Эмэмкута, своему брату:

— Эмэмкут, солнце славно греет, вынесу я тебя во двор!

Эмэмкут не хотел во двор. Синаневт все-таки вынесла его вместе с постелью. У Эмэмкута от лежания все бока сгнили. Сидит он во дворе и говорит:

— Синаневт, достань мои стрелы, я их пересчитаю, может, какие потерялись!

Синаневт достала стрелы. Начал Эмэмкут их считать. На стрелах травинка висела — никак не оторвешь. Тогда он травинку отрезал ножом, за спину бросил. Сзади кто-то заплакал, сказал:

— Я, Эмэмкут, тебя жалею, а ты меня ножом порезал!

Посмотрел Эмэмкут назад, увидел старушку-паучиху. Та встала, вокруг Эмэмкута трижды обежала. Эмэмкут сразу поправился. Красивый стал. Снова стал веселиться. Жену вспомнил. Снова пошел к жене. Пришел туда — не пускают. Стал Эмэмкут там жить, три года на Кутха работал. Но тот не отдавал ему жену. Тогда Эмэмкут прокопал под землей ход к жене. Стал через этот ход к жене тайком от Кутха пробираться, спал у жены. Три года так делал. Наконец отдали

Эмэмкуту жену. Снова они домой поехали. Приехали. Снова стали хорошо жить. Снова устроили праздник. Всех позвали. Много гостей пришло. И опять пришел плохой человек Чичкимчичан. Эмэмкут сразу его схватил, куда-то выбросил. Стал он гостей кормить. Кончили есть. Начали бороться. Эмэмкута никто не победил, всех он бросал наземь. Кончили бороться. Стали на шкуре кидать друг друга. Снова Эмэмкуту никто ничего не мог сделать, он всех остальных валил. Кончили играть на шкуре. Стали все мочиться. Эмэмкут мочился очень далеко. Никто Эмэмкута не мог осилить, всех он победил. Стал Эмэмкут жить и радоваться.

194. Сисильхан и жена Эмэмкута Аяномльхчах

Жил-был Кутх с женой Мити. Дети у них были: Эмэмкут, Сисильхан, Синаневт, Сирим. Эмэмкут пошел в лес, нашел Аяномтальхана и дочь его, Аяномльхчах. Посватался Эмэмкут. Отдал ее ему Аяномтальхан. Женился Эмэмкут. Поехали домой. Приехали. Сирим вышла во двор, увидела жену Эмэмкута, сказала:

— Очень красивая!

Сисильхан стал завидовать, захотел взять себе жену Эмэмкута. Послал сестру свою Сирим к Эмэмкуту.

Сирим сказала:

— Эмэмкут, Сисильхан хочет пойти в медвежью берлогу заглянуть! Ты пойдешь?

Эмэмкут сказал:

— Пойду, посмотрю!

Пошел Эмэмкут, заглянул в берлогу. Сисильхан сразу столкнул его туда. Медведи хорошо приняли Эмэмкута. Мясом кормили. Медведи знали, кто его столкнул к ним. Сказали медведи:

— Ну, Эмэмкут, иди домой. Хочет Сисильхан забрать себе твою жену.

Дали они Эмэмкуту медвежатины. Пошел он домой. Пришел, вошел в дом, спросил жену:

— Сисильхан пришел?

Аяномльхчах сказала:

— Только что пришел!

Сисильхан послал сестру:

— Сирим, пойдн позовн жнну Эмэмкута сюда!

Сирим вошла, сказала:

— Эй, Аяномльхчах, Сисильхан тебн зовет!

Аяномльхчах сказала:

— Не пойдун, разве я мужа покину?

Сирим посмотрела:

— А, Эмэмкут вернулся!

— Саднсь, Сирим, поешь мяса!

Сирим села, хорошо поела, наелась, пошла домой, вошла в дом. Сисильхан спросил ее:

— Ну, что? Придет?

— Не придет, Эмэмкут вернулся.

— Врешь ты, Сирим!

— Я не вру. Вправду пришел, мясом меня накормил, я хорошо поела.

Сисильхан сказал:

— Бессмертный Эмэмкут, что ли?

Сисильхан снова послал Сирим:

— Пойди к Эмэмкуту, спроси: может, завтра он хочет сходить к волчьему логову?

Сирим пошла к Эмэмкуту. Вошла, сказала:

— Эмэмкут, ты пойдешь завтра к волчьему логову?

Эмэмкут сказал:

— Пойдун!

Сирим пошла домой, вошла, сказала:

— Пойдет!

Пошли они к волчьему логову. Пришли. Снова Сисильхан сказал Эмэмкуту, чтобы заглянул в логово. Стал Эмэмкут смотреть в щелочку. Снова Сисильхан столкнул его.

Волки Эмэмкута хорошо приняли, мясом накормили. Затем Эмэмкут сразу домой пошел. Пришел, вошел в дом.

А Сисильхан снова послал сестру:

— Эй, Сирим, пойдн Эмэмкутову жнну сюда позовн!

Сирим пошла, вошла, сказала:

— Аяномльхчах, тебн Сисильхан зовет!

Аяномльхчах сказала:

— Не пойдун, разве я покину мужа?

Сирим увидела, что Эмэмкут вернулся.

— Саднсь, Сирим, мяса поешь!

Сирим славно наелась, пошла домой. Вошла, сказала:

— Не придет, Эмэмкут вернулся!

Сисильхан сказал:

— Почему это волки Эмэмкута не убили?

Сисильхан снова послал Сирим:

— Может, Эмэмкут пойдет к гольцам, к проруби?

Сирим пошла, вошла, сказала:

— Эмэмкут, может, завтра пойдешь к гольцам, к проруби?

Эмэмкут сказал:

— Пойду!

Пошли Сисильхан и Эмэмкут к проруби. Посмотрели: много гольцов. Сисильхан столкнул Эмэмкута в воду. Тот сразу на дно пошел. Гольцы Эмэмкута хорошо приняли, жареным гольцом накормили. Стали упрашивать его остаться у них жить.

Эмэмкут не пожелал:

— У меня жена есть!

Пошел Эмэмкут домой, гольцами нагрузили его. Пришел к дому, вошел.

Сисильхан снова сестру послал:

— Пойди, Эмэмкутову жену позови сюда! Утопил я Эмэмкута.

Сирим пошла, вошла, сказала:

— Аяномльчхач, зовут тебя, твой муж не придет!

— Что ты, вот мой муж сидит!

Сирим посмотрела:

— А, вот Эмэмкут!

— Садись, Сирим, жареного поешь!

Сирим поела, пошла домой. Сисильхан спросил ее:

— Ну, что? Придет?

— Нет, не придет! Эмэмкут пришел, гольцов принес, я хорошо поела.

Сисильхан сказал:

— Эх, никак не могу я Эмэмкута извести!

Тогда Сисильхан выкопал у двери яму до самого подземного царства, сверху травой прикрыл. Снова Сисильхан послал свою сестру:

— Пойди, позови Эмэмкута к нам в гости поесть!

Пошла Сирим, вошла, сказала:

— Эмэмкут, зовут тебя поесть!

— Пойду!

Пошел Эмэмкут, не заметил ямы, сразу в яму провалился, под землю попал. Нашел там хороших людей. Хорошо приняли его, стали кормить. Там хорошие девушки были. Все время заставляли Эмэмкута жениться там.

— Не хочу жениться! — сказал Эмэмкут и заплакал.

Привел наконец Сисильхан жену Эмэмкута к себе. Ая-

номльхчах надела колючую шкуру камбалы. Сисильхан сказал:

— Ну, давай ляжем!

Легли. Аяномльхчах стала нарочно обнимать Сисильхана. Застонал Сисильхан.

— Ой, ой, почему твоя кожа такая колючая?

А жена Эмэмкута все сильнее обнимает его. Рассердился Сисильхан, оттолкнул Аяномльхчах, сказал:

— Я думал, ты хорошая женщина!

Вышла Аяномльхчах на двор. Сразу в яму упала. Встретила мужа. Эмэмкут ни на кого там не смотрел.

— Эмэмкут, я пришла, твоя жена!

Увидел он жену, обрадовался, стал ее целовать. Сразу пошли они обратно домой. Эмэмкут по дороге двух старых медведей поймал. Пришли домой. Сразу Сирим вошла, встретила их. Послали они ее и сказали:

— Пойди, позови сюда Сисильхана!

Сирим пошла, вошла, сказала:

— Сисильхан, тебя Эмэмкут зовет!

— Неужели он пришел?

— Да, пришел!

Пошли они к Эмэмкуту, увидели двух огромных медведей. Испугались, закричали:

— Эмэмкут, страшно!

Эмэмкут рассердился, схватил Сисильхана с сестрой, те завопили:

— Эмэмкут, отпусти нас, боимся!

Эмэмкут погнал медведей, те отнесли Сисильхана с сестрой в лес навсегда. Стал Эмэмкут жить и радоваться.

195. Мечхч, медведь и Кутх

Жил-был Мечхч. Одной рыбой питался. Как настанет лето, он готовит юколу. Навешает полный балаган, а зимой знай себе спит на лабазике, на котором кипрей сушат. Как-то осенью медведь повадился к нему ходить. Поедает да поедает юколу! Ну что Мечхч может с ним поделаться? Медведь уже всю юколу кончает, разжирел. Еще раз пришел, доел юколу и говорит:

— Ну, Мечхч, прикончил я юколу. Теперь тебя съем.

Мечхч говорит:

— Эх, больно я сухой да жесткий!

— Как же мне тогда тебя съесть?

— Лучше изжарь меня!

— Ну, тогда зажарю. Дров надо принести,— говорит медведь.— Давай-ка, натаскай поскорее дров, а я полежу — что-то я устал. Да ты долго-то не ходи!

Пошел Мечхч в лес, а сам плачет, прощальную песню поет. Принес он дров, положил и говорит медведю:

— Я еще схожу, этих мало будет.

Снова пошел, запел прощальную песню:

— В последний раз хожу, скоро меня съедят!

Вдруг Кутх по тундре идет. Услышал он: кто-то прощальную песню поет. Сразу пошел он на тот поющий голос:

— Гляди-ка, Мечхч! Ты чего стонешь?

— Эх, Кутх, в последний раз я гуляю!

— А что так?

— Скоро меня съедят. Эти дрова я для своего котла несу, зажарят меня.

— Кто же?

— Да медведь.

— Ты чего? Ну, хватит тебе плакать! Ты пойди, отнеси эти дрова. Костер потихонечку складывай. Не торопись! А я пока что дрыгалку сделаю. Потом ты меня как будто нечаянно увидишь и скажешь медведю: «У-у, вот уж Кутха нелегкая несет!» Как будто ты на меня сердишься.

Мечхч пошел домой. Медведь спрашивает его:

— Уже пришел?

— Пришел.

— Ну, делай костер!

Уселся Мечхч, стал потихоньку складывать костер. Вдруг закричал:

— Ах ты, вот Кутха нелегкая несет!

Медведь сразу говорит:

— Ты смотри, не выдавай меня, я клубком свернусь.

Свернулся медведь клубком, лежит. Приходит Кутх:

— Здорово, Мечхч!

— Здорово!

Кутх подошел к медведю:

— А это что такое тут лежит?

— Да это моя сельница.

Начал Кутх осматривать ее.

— Мечхч, а почему она с шерстью?

— А что мне, взял вот и обтянул ее шкурой!

- Мечхч! А почему она с ногами?
- А что мне, захотел, вот и сделал с ногами!
- Подошел Кутх к медвежьей голове.
- Мечхч! А зачем она с головой?
- А мне что, сделал вот с головой!

Кутх половчее прицеливается к медвежьей голове, чтобы стукнуть наверняка. А медведь лежит и не дышит. Кутх взял дрыгалку, нацелился — ка-ак трахнет медведя по голове! Тот даже не шевельнулся. Кутх крикнул:

- Мечхч, живее брюхо ему распори, а то оживет!

Началась у них беготня: медведя потрошат, сразу же и варят, сразу и жарят. Кутх говорит:

— Теперь, Мечхч, давай сделаем из медвежьей шкуры мешки, мяса для Мити отнесем!

— Ой, дедушка, хоть все мясо бери, раз уж ты меня в живых оставил!

Пошли они к Мити, пришли. Поднялись к входной дыре:

— Мити! Ношу принимай!

Мити выскочила наверх:

— Ой, Кутх, где же это ты мяса добыл?

— Не болтай слишком много,— говорит ей Кутх.— Давай-ка, чего-нибудь вкусенького сготовь! А ты, Мечхч, никуда не уходи, живи у меня как мой сын.

196. Ивликелхен

Жил-был Ивликелхен в своей юрточке. Вдруг пришла к нему сука:

- Здорово, дедушка!
- Здорово, сука!
- Я к тебе ночевать пришла.
- Ну и ночуй!

А про себя Ивликелхен говорит: «Все равно тебя съем». Вслух сказал:

— Ты, сука, в той стороне ложись, а я — в этой.

Сука говорит:

- Дедушка, расскажи сказку!
- Расскажу, ты только слушай.

Начал Ивликелхен рассказывать:

— Туша, туша, целая, целая, много мозгу головного, много мозгу костного, пусть растет, подрастает, будет еще больше.

А сука лежит и угол подкапывает, дырку наружу хочет сделать.

— Сука! Ты чего чешешься?

— Я под мышками чешу. Ты, дедушка, рассказывай, я тебя хорошо слушаю. Уже спать хочу.

Ивликелхен снова начал рассказывать:

— Туша, туша, целая, целая, много мозгу головного, много почек, печени, пусть растет, подрастает, будет еще больше...

Сука! Ты что там чешешься?

А сука дырку почти прокопала. Отвечает:

— Я, дедушка, промеж ног чешу. Ты рассказывай себе. У меня уже один глазок уснул. Еще расскажи — совсем засну.

Ивликелхен сразу начал рассказывать:

— Туша, туша, целая, целая, много мозгу костного, горлышко нежное, ушки сладкие, пусть растет, хорошо расти, досыта тобой наемся... Сука!

Нет ответа.

— Уже заснула. Ох и превкусно я сейчас поем!

Встал Ивликелхен, начал суку искать, нашел дырку, через которую сука убежала. Ивликелхен рассердился:

— Ах ты, сука, сука, все равно я тебя догоню! Так и съем живьем!

Погнался он за ней. Бежит сука и вдруг видит птичку. Поймала она ее и в куклянку завернула. Тут же сразу и конуру сделала. Сама уселась, качает птичку, как будто это ее ребенок.

Ивликелхен пришел, спрашивает:

— Ты суку не видала?

— Мой ребенок сильно болеет, кого мне видеть? Дедушка, ты у меня здесь переночуй.

— Ладно, переночую.

Тогда сука и говорит:

— Ты ложись спать, я с ребеночком буду сидеть, он по ночам все плачет.

А сама думает, как бы ей убежать. Настала ночь. Окликнула она Ивликелхена:

— Дедушка, ты спишь?

Не отвечает, заснул.

Сука нашла где-то равдугу и всю исколола, как будто звездочки сделала. Надела Ивликелхену на лицо: «Спи, Ивликелхен», — и убежала.

Ивликелхен спал, пока не настал день. Открыл глаза — перед глазами темное небо и звездочки. «Ну и длинная же

ночка, — подумал он, — а уж ясно, вызвездило-то как!» Стал он поворачиваться на другой бок, а радуга свалилась с его лица. Тогда он понял, в чем дело:

— Не знал я, сука, что это ты была. Ну, догоню тебя сейчас!

Побежал Ивликелхен, стал суку догонять. Увидела его сука. Принялась дразнить:

— Дедушка, на мои ножки посмотри!

— Твои ноги, как палки, — отвечает Ивликелхен.

— Дедушка, посмотри на мои ноздреньки!

— У-у-у, твои ноздри, как дырки в стене!

— Дедушка, мое личико гладкое, как вылизанное, а посмотри-ка на мои глазки!

— У-у-у-у, твое лицо, как кусок дымленной шкуры, а глаза узкие, как ножом прорезанные. Все равно съем тебя!

— Посмотри на меня, какая я девица!

— Какая ты девица, ты просто сука!

Гонялся, гонялся Ивликелхен за сукой, все штаны порвал, не смог поймать. Тогда он сказал:

— Пойду-ка лучше домой, штаны починю.

Пришел, сел, собирается штаны чинить. А тут мыши пришли, сразу начали кататься на его юрточке. Скатываются все время мимо окошка, а он говорит: «Что это мне свет затемняет? Наверное, щеки». Взял он и сразу отрезал их. Кровь льется, а мыши снова скатились.

— Да это, наверное, нос затемняет!

Отрезал нос. Все лицо у него болит.

Подумал Ивликелхен:

«Ну-ка, выйду во двор, погляжу, что там».

Вышел, увидел мышей. Сказал им:

— Теперь-то вы от меня не уйдете.

Живо побежал в дом, завязал штаны, как мешок, вышел во двор и говорит:

— А ну, катитесь сюда!

Мыши упрямятся, не хотят. Маленького мышонка толкнули вперед, упал он в штаны.

Ивликелхен снова говорит:

— А ну, быстрее катитесь!

Скатились все мыши в штаны.

— Вот сейчас кислое мясо приготовлю.

Завязал Ивликелхен штаны, пошел в лес. Пришел. Нашел прямое дерево. Говорит ему:

— Дерево, дерево, нагнись! Дерево, дерево, нагнись!

Нагнулось дерево. Повесил он штаны на верхушку и говорит:

— Дерево, дерево, выпрямись!

Выпрямилось дерево.

— Теперь кислое мясо превкусное сделаю. Вот тогда и полакомлюсь.

Ушел Ивликелхен в свою юрточку. А тут лиса по лесу бежит, слышит, что где-то дурными голосами вопят. Это мыши наверху громко плачут. Лиса осмотрелась и увидела их. Спрашивает:

— Кто же вас повесил?

— Нас Ивликелхен повесил, чтобы кислое мясо из нас сделать.

— А как же он повесил вас, что он говорил?

— Он говорил: «Дерево, дерево, нагнись!»

Лиса сказала эти слова, дерево сразу нагнулось. Выпустила она мышей и говорит:

— Быстренько натаскайте гнилушек.

Натаскали мыши гнилушек, полные штаны набили. А того мышонка, что внизу был и уже задохся, положили сверху — пусть прокисает. Лиса говорит:

— Теперь скажите мне, когда он вас повесил, что дереву говорил?

Мыши сказали:

— Дерево, дерево, выпрямись!

Подвесили они штаны на верхушку. Лиса и говорит:

— Теперь идемте ко мне домой. Корыто приготовьте и натаскайте ольховой коры.

Жил-жил Ивликелхен дома, а потом говорит:

— Пора идти, у меня славное кушанье есть.

Пришел он в лес.

— Дерево, дерево, нагнись! Дерево, дерево, нагнись!

Дерево нагнулось.

— Сейчас буду есть мое кисленькое, вкусненькое. Пресладко поем!

Закрыв Ивликелхен глаза, сунул руку в штаны, вытащил мышонка, начал есть:

— Ух, как вкусно, ну и полакомлюсь!

Снова засунул руку в штаны, вытащил гнилушку, взял в рот. Рассердился:

— Это уж лиса напакостила! А ну-ка, пойду к ней!

Пошел. Мыши увидели его издали, говорят:

— Ивликелхен идет!

Лиса говорит:

— Живо жуйте кору!

Нажевали мыши ольхи, наполнили корыто.

— Теперь прячьтесь.

Пришел Ивликелхен к лисе, говорит:

— Здорово, лиса.

А лиса лежит, и голова у нее обвязана.

— Это ты мое кушанье украла? — спрашивает Ивликелхен.

— О-ой, дедушка, третий месяц болею, — отвечает лиса.

— Чего у тебя болит-то?

— Кровь из души идет. Смотри: корыто крови полно. Даже некому сходить вылить. Хоть бы ты, дедушка, сходил вылил.

— Ладно, схожу, вылью. Правда, сильно болеешь, много крови вышло.

Взял он корыто, понес. Лиса говорит ему:

— Назад только не оглядывайся. Во-он с той горы вылей.

Ивликелхен тащит корыто. Устал, остановился. Захотел назад оглянуться, но вспомнил, что лиса не велела назад смотреть. Снова пошел, уже гора близко. Очень устал. Остановился, захотел оглянуться, опять вспомнил, что лиса не велела назад смотреть. А лиса крадется за ним следом. Вот пришел Ивликелхен к обрыву, стал корыто выливать. Лиса ка-ак толкнет его сзади — покатился Ивликелхен кубарем.

— Ах ты, лиса, все равно тебя поймаю!

Какую лису он теперь поймают? Разлетелся на куски — куда голова упала, куда руки.

А лиса хохочет. Нахохоталась, пришла к мышам, говорит:

— Теперь идите домой, ничего не бойтесь и суке скажите — пусть спокойно живет: Ивликелхен умер.

197. Битва двух Кутхов

Жили-были морской Кутх и речной Кутх. Речной Кутх отправился к морю. Морской Кутх отправился к реке. Встретились они на середине. Сразу кинулись друг на друга, стали бороться. Никто не победил. Снова стали драться: царапались, потом кусались. Опять ослабели. Лежа стали драться. Кровь потекла. Вся земля покраснела. Так дрались, что все мясо до костей друг у друга содрали. Вдруг старушка откуда-то пришла. Спросила их:

— Эй, вы что делаете?

— Да вот, встретились мы здесь!

Сказал морской Кутх:

— Я пошел к реке.

Сказал речной Кутх:

— Я пошел к морю. Встретились мы тут, поборолись, потом подрались, ослабели, сил лишились.

Старушка стала их ладонями растирать, лечить. Обдула их — они сразу поправились. Землю старушка посохом утрамбовала. Сразу те встали, сильно друг друга застыдились, отправились по домам.

198. Коряк и лиса

Жил-был коряк. Был у него олений табун. Весна настала. Погнал он табун в хребты. Откуда-то лиса пришла, сказала:

— Эй, коряк, давай вместе жить!

— Эге, лиса, узнала, что у коряка табун есть?

— Да я, коряк, работать буду!

— Ничего не делай, только табун со мной сторожи!

Обрадовалась лиса этим словам. Сказала:

— Пойдем, ты посмотришь, может, какие-нибудь олени потерялись!

Пригнали табун на пастбище. Стала лиса выбирать быков, жирных отбирала. Под шкурой все у них выедала. Так весь табун прикончила. Тех, кого съела, так и оставила стоять. Тех, которые остались живы, погнала туда, где остальных съела. Сказала лиса:

— Пойду-ка я хозяина приведу!

Пришли, хозяин осмотрел всех.

— Ишь ты, лиса, мастер ты пасти стадо. Наверное, все-таки несколько штук убила для себя?

Лиса сказала:

— Зачем мне трогать добро моего друга? Лучше уж я пойду прочь, к моему отцу пойду.

Коряк сказал:

— Ты, лиса, сколько хочешь бери.

Лиса сказала:

— Ничего не возьму! Потом опять приду к тебе жить.

Ушла лиса. Сразу густой туман сделался. Коряк пошел, заблудился, в пропасть упал, там умер. Лиса назад пришла, табун взяла себе. Стала все время веселиться.

Когда-то давно жили на этой земле два человека. Одного звали Икымту¹, другого — Ивылту². В то время было лето. Стала приближаться осень. Где им жить? Придумали они построить домик возле березняка. Накосили травы, притащили бревен, накопили дерна, снесли все в одно место, сделали домик без долгих размышлений. А осень все ближе, ближе, и вдруг ни с того ни с сего погода испортилась. Неба не стало видно, солнце совсем пропало, тучи над самой землей повисли. Вдруг дождь начался — и полил, и полил! Они все время дверь открывают, все на улицу выглядывают: идет и идет дождь, ну что будешь делать? Тогда-то Ивылту сказал Икымту:

— Послушай, что я надумал, Икымту!

— Скажи, что ты надумал!

— Подымусь-ка я на небо! Может быть, я тучи ногами растолкаю. А ты оставайся в доме, свари чего-нибудь поесть! Я там ночевать не буду, спущусь.

Вышел Ивылту на двор, один раз вокруг себя обернулся и поднялся на небо. И как только на небо поднялся, сразу начал тучи ногами расталкивать. Расталкивал, расталкивал Ивылту, уж стемнело, ночь наступила. Еще не рассвело как следует, спустился он на землю. Товарищ встретил его, спросил:

— Ну, как, Ивылту, что ты сделал?

— Не смог я, Икымту, растолкать их! Устал. Накорми меня, чаем напои!

Тогда Икымту сказал Ивылту:

— Ты Ивылту, а я Икымту. Поднимусь-ка я на небо. Попробую сам как-нибудь растолкать тучи.

Ивылту сказал:

— Да что ты, Икымту! Разве ты сможешь? Я, Ивылту, и то не смог!

— Однако все-таки я попробую, подымусь!

Собрался Икымту, кухлянку надел, травой подпоясался и сказал:

— Ну, я пока что пойду.

Открыл дверь, вокруг себя обернулся, завертелся волчком и — как будто кто потащил его наверх, на небо. Приблизился к небу, разок толкнул тучу — сразу дырку сделал. Еще два-три раза толкнул, тучи вдруг начали вниз опускаться. Тут ветер подул, тучи, не долго думая, рассеялись — что им еще

оставалось делать? Спустился Икымту на землю. К дому подошел, сказал товарищу:

— Ну-ка, отвори́й дверь! Выгляни наружу. Очень красиво стало во дворе. Видишь, солнце светит! Выходи во двор, давай повалеемся на травке. Послушай, как птички поют. Жаворонки, слышишь? Давай будем спокойно жить.

200. Улитка

Улитка из моря вышла, в деревню пошла. В темноте подошла к дому, спросила со двора:

— Вы со светом сидите?

Ей ответили:

— Да, мы со светом.

Она крикнула во дворе:

— Семья со светом!

Потом к другому дому пошла. Снова спросила со двора:

— Вы со светом?

Снова ей ответили:

— Да, мы со светом.

Улитка закричала:

— Семья со светом!

Пошла дальше, нашла дом, спросила со двора:

— Вы со светом?

Отвечают ей:

— Без света мы.

Улитка закричала:

— Семья без света!

А люди светильник чашкой накрыли. Улитка вошла в дом.

— Садись, гости!

Села улитка.

— Гость, угощайся юколой!

— Не хочу, только что от юколы пришла.

— Ягодами угощайся!

— Не хочу, только что ягоды ела.

— Ну, орехами!

— А, орехи я люблю!

Насыпали ей орехов. Стала она орешек разгрызать, не может разгрызть. Слюна побежала. Тут все морские звери стали у нее изо рта выходить. Весь дом зверями наполнился. Испугались люди, открыли светильник. Улитка увидела огонь, испугалась, сразу встала, закричала:

— Семья со светом!
И тут же в море ушла.
А те люди разбогатели, не стали нуждаться.

201. Сука и Кекукемталхан

Жила-была сука Елтхехенай. Семья у нее была большая. Просят ее дети:

— Мать, расскажи сказку.

— Не хочу рассказывать. Надоело мне. Позовите старушку Ивликелхен, пусть она расскажет вам сказку.

Позвали они ее, пришла она. Начала рассказывать старушка Ивликелхен:

— Много найду я мозгов, печенки, костного мозгу, легких. Хорошо поем.

Старушка только для виду сказки рассказывала, хотела, конечно, их всех съесть. Заподозрила сука с детьми неладное: неправильную сказку Ивликелхен рассказывает. Испугалась Елтхехенай, стала дырку копать наружу. Ивликелхен услышала, спросила:

— Что это, будто кто-то царапает землю, копает?

— Нет, это я между ног чешу.

Старушка сказала:

— А, ты чешешься, а я думала, копаешь.

Снова старушка запела:

— Много я найду мозгов, печенки, легких, костного мозгу. Хорошо поем.

Потом спросила:

— Ты уже спишь, Елтхехенай?

— Нет еще, один только глаз хочет спать.

Снова старушка запела, потом спросила:

— Ты уже спишь, Елтхехенай?

— Нет еще, но уже оба глаза спать хотят.

Вот наконец проделала Елтхехенай дырку наружу. Детей потихоньку вытолкнула. Одна маленькая сучка не захотела лезть через дырку, закричала:

— Не хочу в дырку вылезать!

Старушка Ивликелхен услышала, сказала:

— Кто не хочет в дырку вылезать?

Елтхехенай сказала:

— Это ребенок к своей старшей сестре ноги засунул под одеяло, вылезать не хочет.

Вдруг Ивликелхен увидела свет сквозь дырку:

— Что это светит?

Елтхехеная сказала:

— Луна в дырку светит, облаками закрывается.

Сука всех детей вытащила наружу. Меньшую спрятала. Сама тоже вышла наружу. Ивликелхен спросила:

— Ты уже спишь?

Никто не ответил. Старушка сказала:

— Пусть заснут покрепче. Ну и поем я сейчас вдоволь!

Высунула она язык, кругом пошарила, язык в дырку вошел.

Поняла она, что Елтхехеная убежала. Старушка сказала:

— Если б я знала, я бы тебя сразу со всей семьей съела.

Бросилась старушка в погоню. Маленькая сучка закрычала:

— Я тут, мать меня на увале спрятала!

Услышала Ивликелхен суку, сразу назад вернулась. Стала искать — не может найти.

Старушка сказала:

— Поди ко мне, дитятко!

— Ты меня съешь!

— Нет, не съем я тебя, хорошо буду о тебе заботиться.

Пошла сука к старушке. Пошли они домой. Хорошо зажила сука у старушки. Старушка была очень богатая. Всякие звери у нее были. В мешки она их набила, никто по ее земле не ходил. Все морские звери у нее были — полон дом зверей. Ивликелхен научила суку:

— Вот это все, что видишь в доме, не трогай. А ешь досыта, не бойся, ешь как следует, сколько тебе хочется.

Старушка Ивликелхен ходила по ягоды, а суку в доме оставляла. Как уйдет она, сука бегаёт кругом, себя испытывает: далеко убежит, потом обратно прибежит.

Старушка пришла, спросила:

— Ну, ты ничего не трогала?

— Нет, ничего не трогала.

Старушка снова пошла по ягоды, далеко ушла. Сука подросла, большая стала.

Как только старушка ушла, сука сказала:

— Чего это старушка не разрешает мешки трогать? Ну-ка, посмотрю я, что там у нее.

Развязала она мешок — сразу гуси вышли, улетели. Другие все мешки развязала — все звери вышли, земные и морские. И сама сука убежала. Полетели гуси прямо туда, где была старушка.

Увидела старушка гусей, сказала:

— Этих я не сажала в мешок.

Потом видит она: стадо оленей бежит мимо. Увидела свою корзинку на рогах оленя, поняла, в чем дело. Сказала старушка:

— Ага, сука всех моих зверей выпустила.

Рассердилась, сразу домой пошла. Видит: весь дом звери поломали. Старушка тут же за сукой погналась. Сука почуяла, что настигает ее старушка. Поймала она детеныша горноста, пятками его по земле круг очертила — сразу дом получился. Села она. Ребенок вопит, плачет. Старушка пришла, спросила.

— Ты не видела: сука не пробегала тут?

— Нет, никого не видела, ребенок сильно плачет. Я никуда не выхожу, как я ребенка оставляю? Отец его на охоту пошел.

Сука сказала еще:

— Ты, бабушка, переночуй у нас здесь.

Старушка сказала:

— Ладно, переночую у тебя.

Стали они спать ложиться. Сука сказала:

— Ты, старушка, совсем раздевайся, хорошенько поспи, отдохни.

Заснула старушка. Сука проснулась, встала. Принялась искать старухину шапку. Нашла, донце у нее отрезала, сделала небо, звезды: Большую Медведицу, Плеяды, Орион. Старушка на спине спала. Сука на лицо ей надела донце, а сама на рассвете убежала. Прибежала к реке, кричит:

— Кукушка Кекукемтальхан, перевези меня!

Перевез ее Кекукемтальхан и сразу на ней женился. Старушка три дня и три ночи спала. Потрогала лицо, поняла, в чем дело. Встала старушка и говорит:

— Ах, сука, опять она меня обманула, а я думала, что это и вправду кто-то другой.

Снова погналась за сукой. Пришла к реке, кричит:

— Кекукемтальхан, перевези меня!

Сука научила мужа, как отвечать:

— Скажи ей: «Лодок нет!»

Старушка сказала:

— А та как попала туда?

Снова сука научила мужа:

— Скажи ей: «Выпила в реке всю воду!»

Кекукемтальхан крикнул:

— Бабка, сука всю воду в реке выпила!

Стала старушка пить воду. Стошнило ее, опять стала пить. Всю воду выпила. Тут живот у старушки лопнул. Умерла она, поплыла вниз по течению. Стала сука хорошо жить.

202. Мышь и ворон

Однажды мышь пошла к морю промышлять; добыла нерпу и сразу потащила ее домой. Вдруг заметил ее ворон, спросил:

— Что ты несешь?

Мышка ответила:

— Дерево несу.

Ворон снова сказал:

— Нет, это не дерево: смотри-ка, голова болтается.

— Да это сучок!

Тут ворон рассердился, отобрал нерпу, всю ее разрезал и куски в свой дом перетаскал.

Заплакала мышка и пошла домой. Дети принялись утешать ее, ласкаться:

— Что случилось?

Мышка сказала, что ее ворон обобрал. Тут мышки воскликнули:

— Ночью мы все перетаскаем обратно!

Разрезал ворон всю нерпу, вынес наружу, чтобы немного подмерзла. Настала ночь. А мыши взяли да и перетаскали все мясо к себе.

На другой день проснулся ворон — а мяса-то как и не бывало! Тут ворон рассердился, пошел к мышам, думает: «Все равно всех перебью!»

Уже близко подошел, мышки радостно закричали:

— Дедушка, дедушка, дедушка! Кемчигой накормим, сараны наварим!

Ворон обрадовался, похвалил мышей.

Потом ворон наелся и сразу уснул. Тут мыши пришили красные тряпочки к его ресницам.

Проснулся ворон и домой отправился. Навстречу ему его сын идет. Показалось ворону, будто его сын горит. Взял он его и принялся колотить об стенку. Так и убил своего сына.

Тут вышла жена, заметила на ресницах ворона красные тряпочки, стала отпарывать. Ворон закричал:

— Эн-не-нех, эн-не-нех!

Отпорола. Ворон снова пошел к мышам. Мыши опять обрадовались:

— Де-душ-ка, де-душ-ка, де-душ-ка! Кем-чи-гой на-кор-
мим! Са-ра-ны на-ва-рим!

Опять ворона сытно накормили, опять сразу усыпили.

Тут мыши разрисовали его лицо. Поднялся ворон, а мыши
говорят:

— Иди прямо к воде!

Пошел ворон к воде; увидел свое отражение и залюбо-
вался: ах, какая красивая женщина в воде живет! Пришел
домой, жене сказал:

— Мне тебя не надо, я нашел жену гораздо красивее тебя!

Тут ворон взял все свои кухлянки, торбаза, чижи, рука-
вицы и пошел к реке. Побросал в реку свои кухлянки и торбаза.
Потом сам бросился в воду и утонул так, как Кутх.

203. Казарочка

Давно когда-то жили-были гуси. Прилетели они издалека,
из теплых земель. Вот прилетели они весной. По краям тундры
еще снег был, а посередине уже растаял. Начали гуси делать
гнезда. Снесла гусыня несколько яиц. Потом уж птенцы вы-
велись. Мать начала их кормить и растить. Птенцы росли бы-
стро. Стала мать учить их летать. Один птенец никак не мо-
жет летать, крылья у него не растут. Стали мать с отцом ду-
мать. Уже морозы начались, а у него все крылья не вырастают.
Долго думали: что же делать? Ничего не могли придумать.
Решили оставить его одного в тундре.

Уже травка сохнет, вянет, с деревьев сухой лист падает.
Собираются гуси в дальний путь. Лететь готовятся. Один
только гусенок сидит в сторонке, на мать и брата смотрит.

— Оставайся здесь, нет ведь у тебя крыльев. Нам уж ле-
теть пора. Завтра еще до света улетим.

Проснулись гуси ночью, замахали крыльями, полетели.
Только казарочка одна посреди озера осталась. Сидит и при-
читает:

— Казарка я, казарка бескрылая! Очень мне холодно,
очень я мерзну!

А гуси все дальше и дальше летят. Услышала мать при-
читания дочки, сказала:

— Хорошо, красиво мое дитя причитает. Больно моей
душе, давайте воротимся!

Вернулись. Увидела казарочка подлетевших гусей, сильно

обрадовалась. Переночевали они со своей казарочкой, наставляют ее:

— Не причитай! Неужели мы тоже с тобой замерзнуть должны? Что же нам с тобой делать?

Проснулись еще до света и опять улетели. Снова казарочка посреди озера одна осталась. Сидит и плачет:

— Казарка я, казарка бескрылая! Очень мне холодно, очень я мерзну!

Уже совсем гуси из виду скрылись, а мать все слышит, как ее дочка причитает.

— Бедняжка! Давайте вернемся! Уж лучше все вместе замерзнем.

А муж уговаривает:

— Что ты делаешь? Неужели будем из-за нее замерзать? Уж если она такая уродилась!

Опять воротились к казарочке. Увидела она мать с отцом, очень обрадовалась. А тут уже забереги сделались. Подошла казарка к матери и сказала:

— Зачем из-за меня вернулись? Пусть уж я одна замерзну!

Очень больно душе дитя одно оставлять. Мать решила: «Сходим к Синаневт и Эмэмкуту, попросим, не возьмут ли казарочку к себе в дети».

Пришли к Эмэмкуту и сказали:

— Мы к вам пришли. Вот уж холодно становится, а мы не можем улететь!

— Из-за чего не можете?

— Наше дитя здесь останется, бескрылое оно. Плачет! Возьмите его себе!

Согласился Эмэмкут взять к себе казарочку.

— Возьмем! Когда улетаете?

— Ночью еще до света улетим!

Пришли к казарочке, сказали:

— Завтра к тебе Эмэмкут придет, иди к нему: он тебя будет воспитывать. Может, кто другой придет, так к нему не ходи. Мы завтра улетим. Если и причитать будешь — все равно не вернемся!

Улетели гуси. Казарочка опять запричитала на озере, а озеро уже совсем льдом затянулось. Мерзнет казарочка и причитает:

— Казарка я, казарка бескрылая! Очень мне холодно, очень я мерзну!

— Бедняжка наша осталась! Мерзнет, холодно ей,— говорит мать.

Очень далеко улетели гуси, но все слышат, как их дитя причитает. И все-таки не вернулись.

Вышла лиса из норы, услышала: кто-то причитает.

— Ого! Кто это? Где это так громко кричат?

Выбежала из норы и подошла к сидящему на озере птенцу.

— Ты что там делаешь? Иди ко мне, моим ребеночком будешь!

А казарочка отвечает:

— Нет, не пойду я к тебе. Ты меня съешь!

— Не съем!

— Нет, съешь!

Рассердилась лиса, стала за казаркой гоняться, схватить хотела. Не могла поймать. Очень устала. Отдохнула, стала озеро пить:

— Сейчас выпью озеро и съем тебя!

Пила, пила, не могла выпить, только живот лопнул. Сразу околела.

Пришел Эмэмкут к озеру, сразу чумашек гусенку в воду бросил.

— Садись сюда, подплывай ко мне!

Уселась казарочка, подплыла к нему. Принес ее Эмэмкут домой, там ее накормили и согрели.

Начали с того дня думать, как бы ей крылья сделать. А Синаневт хорошей рукодельницей была. Начала плести травяные метелки. Время уже к весне шло. Скоро гуси прилетят, обязательно прилетят. Сделала Синаневт казарочке крылья. Надела она, стала летать. До крыши долетела, дальше не может.

— Как на травяных крыльях летать? Очень высоко и далеко все равно нельзя!

Опять Синаневт села рукодельничать. Другие крылья начала плести.

На улице уже снег таял. Вот и жаворонки прилетели, утки, а крылья все не готовы. Вот наконец сделала Синаневт другие крылья. Надела их на казарочку.

— Ну, теперь лети, встречай родителей!

Полетела казарка. Подлетела к стае гусей, спросила:

— А когда мои родители прилетят?

— Они сзади летят. Завтра только придут.

Вернулась домой, очень радуется и говорит:

— Завтра родные прилетят.

Назавтра поднялась казарочка чуть свет. Надела новые крылья-метелки. Полетела на материнский зов. Подлетела

к стае, увидела родных, обрадовалась. Не узнали они сначала свое дитя, потом стали спрашивать:

— Как ты жила? Думали мы, ты уже умерла.

Начали гуси думать, как отблагодарить Синаневт и Эмэмкута, какой подарить подарок. Придумали: убили самого жирного гуся. И полетели в Эмэмкутов дом. Дверь открыта была. Подлетели к дому, закричали, затем в дом вошли. Синаневт и Эмэмкут очень обрадовались гостям. Гуси отдали им подарок и сказали:

— Это вам! И казарочку, наше дитя, себе в помощницы возьмите!

А Синаневт и Эмэмкут говорят:

— Не возьмем мы казарочку. Пусть она с вами живет. Она ведь с родными жить хочет.

Полетели гуси. И казарочка с ними полетела.

Летовали тут. Казарочка вместе со всеми жила и теперь еще живет. Весной над нами пролетает.

204. Ангака-сисикэ

Гуси на озере летовали. Когда осень наступила, начали в дорогу собираться, а один не может лететь. Собрались все гуси улетать, родители его спрашивают:

— Как ты будешь жить, Ангака-сисикэ, бедняжка, без крыла?

Полетели гуси, остался один Ангака-сисикэ и запел:

— Ангака-сисикэ! Все большие гуси улетают, а я без крыла!

Услышали родители, как он поет, вернулись. Ангака-сисикэ сказал:

— Улетайте, не жалейте меня!

А мать учит его:

— Когда останешься, придет яркая кухлянка, к ней не иди. Светлая кухляночка придет, вот к ней пойд!

Улетели гуси, остался Ангака-сисикэ один на озерке. Пришла лиса и начала звать:

— Иди ко мне, я тебе приют дам!

Гусенок не слушает ее, не идет. Рассердилась лиса, сказала:

— Съем тебя!

А сама ушла. Начало озеро замерзать, боится Ангака-сисикэ: «Придет лиса и съест меня».

Тут пришла Синаневт за водой к озеру и спросила:

— Почему ты не улелел?

Заплакал Ангака-сисикэ и сказал:

— Я без крыла, мои родители улелели, меня оставили! Лиса звала меня к себе, а я не пошел. Хочет она меня съесть.

Синаневт сказала:

— Иди ко мне, я сама тебе приют дам!

Согласился Ангака-сисикэ и пошел. А Синаневт очень хорошо за ним ухаживала — отогрела, кормила только вкусными кусочками.

К весне дело пошло. Сделала Синаневт гусенку хорошенькие крылышки, надела на него и сказала: «Лети!» Полетел гусенок, вернулся. Синаневт спросила:

— Ну, как тебе крылья?

— На других бы я сразу полетел!

Синаневт ему другие крылышки дала. Надел их Ангака-сисикэ и так хорошо полетел! Встретил стаю гусей. Спросил у них:

— Моих родителей видели?

— Они сзади летят.

Полетел Ангака-сисикэ родителей встречать, очень сильно обрадовался. Увидели его родные, стали спрашивать, как он жил. Тут гусенок им все рассказал: как Синаневт его приютила и как крылышки сделала. Гуси очень сильно обрадовались, пришли к Синаневт, всякой всячиной ее угощали: много еды с собой принесли и всю ее Синаневт отдали.

Остался Ангака-сисикэ с родителями, очень хорошо стал жить.

205. Бескрылая гусочка

Жили-были гуси. Пришла осень, все гусята выросли, одна бедняжка гусочка так и не выросла. Ее мать сказала:

— Вон в том озерке останься. Может, лиса придет, будет тебя звать. Не слушай ее, а то она съест тебя. Ну, оставайся, а мы уж полетим. Холодно стало, твои братишки и сестренки замерзнут. Ты здесь на озере и оставайся. А мы завтра полетим.

Бедняжка сказала:

— Ладно, мама, вы все улелайте, а я уж, бескрылая, тут останусь!

Проснулись гуси назавтра, начали целовать бедняжку, прощаться. Наконец поднялись и стали над озером кружиться. Только поднялись, бедняжка сразу запела, запричитала:

— Бедняжечка я бескрылая, где мои друзья? У них крылья есть, улетели они, меня, бедную, покинули.

Услышала мать и сказала:

— Давайте вернемся! Душа у меня болит! Как я оставлю ее одну? Мать ведь я!

У всех душа болела. Сели на озеро. Бескрылая сказала:

— Зачем вы из-за меня вернулись? Раз уж я такая, оставьте меня!

Одна сестричка заплакала:

— Как же мы ее оставим?

Бескрылая гусочка сказала:

— Улетайте завтра и не возвращайтесь из-за меня.

Наутро гуси снова встали, начали ее целовать, никак не могут расстаться. Поднялись наконец. Снова заплакала гусочка, запричитала:

— Бедняжка я бескрылая, где мои друзья?

Снова гуси сели — как мать свое дитя бросит? Опять бескрылая гусочка сказала:

— Зачем вы из-за меня вернулись? Замерзнете ведь! Хотя вы живы будете, а мне все равно помирать. Завтра летите и больше не возвращайтесь.

А вода в озере уж замерзать стала. Сказала бескрылая гусочка:

— Не возвращайтесь! Летите!

Поднялись гуси, трижды над озером покружились и улетели. Вскоре лиса пришла. Как чуяла, что на озере гусочка осталась! Пришла и говорит:

— Ой, бедненькая, что ты одна на озере делаешь? Пойдем ко мне, я буду холить тебя. Давай вместе жить.

Гусочка отплыла подальше от берега и сказала:

— Не пойду, лучше здесь замерзну.

Рассердилась лиса, решила все озеро выпить. Наклонилась к воде, начала пить. Пила, пила, так много воды выпила, что брюхо лопнуло. Гусочка все плавает. Поутру озеро все льдом затянулось. Вдруг откуда-то Эмзкут пришел. Сказал:

— Что ты, гусочка, тут делаешь? Пойдем ко мне домой, у меня тепло.

— Не пойду я, у меня крылышек нету.

— Пойдем, я сделаю тебе крылышки.

Взял он гусочку, принес домой. Начал ее кормить, потом

начал крылья делать. Вот уже снова тепло стало, гусочка выросла. А Эмэмкут ей тем временем крылышки сделал. Вот уж и гуси летят. Гусочка встречает их, спрашивает:

— Вы моих не видели?

— Во-он сзади летят.

Опять стая гусей летит. Встретила гусочка своих родных.

— Ты ли это? — спросила мать. — Пойдем к тому, кто тебе крылья дал.

Пришли гуси к Эмэмкуту, сели и говорят:

— Спасибо, Эмэмкут, что нашей дочери помог. Когда-нибудь и мы тебе пригодимся.

Поели гуси, поблагодарили Эмэмкута. Сказали:

— Ну, теперь мы полетим.

Эмэмкут сказал:

— Осенью будете лететь, опять к нам заходите.

206. Бескрылый гусенок

Жил-был гусь Кисумтальхан с женой. Откладывала жена яйца, высиживали они птенцов, выращивали их. Один гусенок оказался без крыльев. Осень наступила, очень холодно стало. Другие гуси улетели. Задумался Кисумтальхан: «Как же мы понесем нашего сыночка бескрылого?» Кричали гуси, очень уж холодно стало. Однажды ночью улетели гуси, а гусенка спящего оставили. Стало светать. Проснулся гусенок и говорит:

— Улетели мать с отцом.

Заплакал, закричал. Запел песню:

— Мама, мама, меня, бескрылого, бросили!

Услышали гуси, как их сыночек поет, закричали, назад вернулись. Болит у них душа о сыночке: как бы его с собой взять? Очень холодно стало. Опять гуси ночью улетели, бросили ребенка. Гусенок с рассветом проснулся опять, запел:

— Мама, мама, меня, бескрылого, бросили!

Услышала лиса, как гусенок поет. Пришла к озерцу, стала гусенка зазывать к себе:

— Пойдем ко мне, хорошо угощу тебя.

Гусенок сказал:

— Не пойду, ты меня съешь.

— Да нет, я не съем тебя.

— Не хочу к тебе, лиса, идти!

Рассердилась лиса, сказала:

— Вот замерзнет озерцо, приду я тогда и все равно тебя съем.

Ушла лиса. Гусенок снова заплакал, запричитал:

— Мама, мама, меня, бескрылого, бросили. Замерзну я теперь на озерце.

А сам все время плавает. В это время Синаневт шла неподалеку. Вдруг слышит: поет кто-то жалобно-прежалобно. Пошла Синаневт на голос. Видит — гусенок по озерцу плавает. Не окликнула его, сразу пошла домой. Сплела дома травяные сетки. Три штуки сплела, очень красивые сетки получились. Пошла к озерцу. Пришла. Стала звать гусенка, но тот не пошел. Синаневт сказала:

— Пойдем ко мне, ты замерзнешь здесь.

Согласился гусенок. Посадила она его в сетку и принесла домой. Дома озерцо сделала, всякой еды туда положила. Там гусенок и перезимовал.

Весна настала. Принялась Синаневт крылья гусенку делать. Сделала, надела на него. Далек о гусенок улетел. Прилетел обратно. Спросила Синаневт:

— Как крылья?

— Хорошо, я далеко летал.

Назавтра Синаневт другие крылья на гусенка надела. Снова он очень далеко улетел. Прилетел обратно. Синаневт спросила его:

— А эти крылья как?

— Очень хорошо, еще дальше я летал.

В третий раз она надела ему очень красивые крылья. Снова послала его попробовать крылья. Гусенок опять улетел далеко-далеко. Вернулся, она его опять спрашивает:

— Ну, как эти крылья?

— Совсем как мои собственные.

Синаневт сказала:

— Ну вот, теперь лети, встречай отца с матерью.

Полетел Кисумтальхан-гусенок навстречу отцу с матерью. Встретил мелких пташек, гусей, спросил их:

— Где мой отец и мать?

— Сзади, летят сюда.

Полетел он дальше, встретил отца с матерью. Сели они и спросили:

— Ты куда?

— Я вас встречаю.

— Ты чей?

— Я ваш сыночек.

— Зачем ты нас обманываешь? Мы нашего сыночка бескрылого бросили.

Тут гуси заплакали. Гусенок сказал им:

— Не плачьте. Я вам все сейчас расскажу. Вы в прошлом году бросили меня на озере. Я там песни пел. Сначала лиса пришла ко мне, зазывала меня. Потом Синаневт пришла. Отнесла меня к себе домой. У нее я и перезимовал. Хорошо она ухаживала за мной. Вот эти крылья мне сделала.

Узнали его гуси, обрадовались. Сказали:

— Ну, полетим.

Прилетели гуси к Синаневт. Старшего сына сразу на ней женили. Стали жить, веселиться. Нужды не знали. Хорошо жили.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Азиатские эскимосы (самоназвание — юпик «настоящий человек», юпигит «настоящие люди», производное от юк «человек») — одна из коренных народностей Чукотского п-ова, расселившаяся в нескольких поселках на его южном (Берингоморском) побережье. Слово эскимос принадлежит языку индейских племен абнаков и атабасков и означает «сыроед», «тот, кто ест сырое мясо» — так индейцы называли американских эскимосов. В XVIII—XIX вв. этот термин прочно входит в литературу по американскому Северу, а затем распространяется и среди эскимосского населения в качестве самоназвания. Так же стали называть себя азиатские эскимосы.

Численность азиатских эскимосов — около 1000 человек (1959 г.). Они находятся в генетическом родстве с американскими и гренландскими эскимосами (всего эскимосов около 70 000 человек). Эскимосский язык включает до двадцати пяти различных диалектов, имеет отдаленное родство с алеутским языком. По отдельным вопросам истории материальной и духовной культуры эскимосов имеется обширная литература.

Азиатские эскимосы с древнейших времен находились в тесном и непрерывном культурно-экономическом контакте с аборигенными чукотско-камчатскими народностями. Длительное взаимодействие материальной и духовной культуры азиатских эскимосов с культурой чукчей и коряков непосредственным образом отразилось также и на взаимопроницаемости жанров и сюжетов их устного творчества.

Традиционными видами хозяйственной деятельности азиатских эскимосов являлись морская зверобойный промысел и пушная охота.

В начале 50-х годов текущего века промысловые хозяйства приморских жителей были объединены с оленеводческими хозяйствами. Образовались комплексные промыслово-олeneводческие колхозы. Эскимосское и чукот-

ское население стало жить смешанно. Ныне советские эскимосы живут в благоустроенных домах и пользуются всеми благами современной материальной и духовной культуры.

В 1932 г. впервые была введена эскимосская письменность. В связи с организацией смешанного чукотско-эскимосского хозяйства и общих поселков, а также в результате овладения русским языком роль родного языка для эскимосов сузилась.

Первые записи фольклора азиатских эскимосов были сделаны В. Г. Богоразом в 1901 г. Значительное число текстов собрано и опубликовано специалистами эскимосского языка в советский период.

Чукчи (общее самоназвание *луораветлат* «настоящие люди») — одна из коренных народностей Чукотки. Термин «чукчи» образовался от чукотского этнонима *чаучу* — самоназвания кочевых чукчей-оленьеводов в отличие от приморских, называющих себя *анкалыу* «приморские», «поморы» (от *анкэ* «море») — по признаку занятий морским промыслом. Адаптированный еще в XVII в. первыми русскими землепроходцами термин *чукчи* прочно вошел в литературу и позже стал употребляться самими чукчами как самоназвание.

Численность чукчей — около 11 700 человек (1959 г.). Расселены они в Чукотском нац. округе, частично — в северо-восточной части Корякского нац. округа и в Нижне-Колымском р-не ЯАССР.

Традиционными видами занятий чукчей являются пастушеское оленеводство, морской зверобойный промысел, охота на пушного зверя и рыболовство. К новым видам хозяйственной деятельности относится клеточное звероводство. В начале 50-х годов хозяйства оседлых и кочевых чукчей были объединены в комплексные оленеводческо-промысловые колхозы, на базе которых в 60-х — начале 70-х годов в округе создан ряд промыслово-оленьеводческих совхозов.

В 1931 г. для чукчей была создана письменность, которая во многом способствовала быстрому культурному росту ранее отсталой чукотской народности. На чукотском языке издается газета, художественная и другая литература. Ныне чукчи имеют свою интеллигенцию, из среды которой вышли известные в стране учителя, врачи, писатели, ученые, зоотехники и другие специалисты.

На месте шатров-яранг из моржовых и оленьих шкур, в которых еще в конце 50-х годов жили чукчи, по всему чукотскому побережью выросли ныне новые поселки с современными жилыми и культурно-бытовыми постройками. Электричество, радио, бани, больницы, школы-интернаты, дома культуры, магазины — все это прочно вошло в новый чукотский быт.

На Берингоморском побережье Чукотского п-ова чукчи с древнейших времен находились в постоянном и тесном контакте с азиатскими эскимо-

сами, на северо-западе — с юкагирами и якутами, на востоке — с коряками и керекками. Через коряков чукчи имели связи с ительменами. Культурно-экономические контакты с соседними народностями нашли глубокое отражение в чукотском фольклоре.

Начало научному изучению чукотского фольклора было положено в 90-х годах XIX в. известным исследователем культуры народностей крайнего северо-востока Сибири профессором В. Г. Богоразом. Обширные записи чукотских текстов осуществлены специалистами чукотского языка в советский период.

Кереки — самоназвание малочисленной народности, проживающей в долине реки Майно-Пыльгино Беринговского р-на Чукотского нац. округа. Численность — около 100 человек (1959 г.). В настоящее время кереки живут в нескольких поселках отдельными семьями смешанно с чукчами, поэтому подвергаются со стороны последних интенсивной ассимиляции. Язык кереков родствен чукотскому и корякскому. В лексике кереков встречаются также элементы эскимосского языка. Все кереки свободно владеют чукотским языком. Их родной язык находится на грани исчезновения. О далеком прошлом кереков, их духовной и материальной культуре нет каких-либо достоверных сведений.

Краткое научное описание их языка впервые было осуществлено известным советским палеоазиатоведом П. Я. Скориком на основании собранных им в 1954—1956 гг. материалов. Им же записано несколько текстов на керекском языке, представленных здесь в русском переводе. Восемь новых керекских текстов в 1971 г. записал В. В. Леонтьев.

Современная материальная и духовная жизнь кереков является общей с чукотской.

Коряки (самоназвание — **нымыланы, чавчувены, алюторцы**) — коренная народность Камчатки. Численность около 7400 человек (1959 г.). Основная часть коряков проживает в пределах Корякского нац. округа. Отдельные поселения коряков находятся за пределами округа — в Большерецком и Петропавловском р-нах Камчатской области, а также на территории Чукотского нац. округа Магаданской области.

Корякский язык, включающий несколько диалектов, относится к чукотско-камчатской семье языков.

Традиционными видами хозяйственной деятельности коряков являются оленеводство, рыболовство, охота на морского зверя и пушной промысел. За последние годы коряки стали развивать также овощеводство и молочное скотоводство. За годы Советской власти коренным образом изменилась жизнь коряков. Благодаря организации крупных коллективных хозяйств

и совхозов корякское население от кочевого образа жизни перешло к оседлому. Шатры-яранги заменены благоустроенными домами. Электричество, радио, школы, медицинские и другие культурно-бытовые учреждения стали неотъемлемой частью быта.

Начало собиранию и научному изучению устного повествовательного творчества коряков было положено В. Г. Богоразом и В. И. Иохельсоном в начале XX в. В советский период, в середине 30-х годов, большое количество корякских текстов на разных диалектах языка было записано и опубликовано известным языковедом и этнографом С. Н. Стебницким, которому впервые удалось собрать значительное число текстов из цикла о вороне Куткыннеку — Куйкынняку. Записи и переводы С. Н. Стебницкого и в настоящее время представляют основное ядро засвидетельствованного повествовательного фольклора коряков.

Много корякских текстов различных жанров было записано в 40-е и 60-е годы палеоазиатоведами И. С. Вдовиным, Н. А. Богдановой и А. Н. Жуковой. Часть этих текстов в русском переводе включена в настоящий сборник.

Ительмены — одна из коренных народностей Камчатки. Термин ительмен является русской адаптацией этнонима и т э н м э н, что значит «суший», «живущий». Основная часть ительменов живет в Тигильском р-не Корякского нац. округа Камчатской области. Численность ительменов — около 1100 человек (1959 г.). Главное занятие — рыболовство. Занимаются также огородничеством.

Ительменский язык относится к группе чукотско-камчатских языков. С древних времен ительмены были тесно связаны в культурно-экономическом отношении с основным коренным населением этого края — коряками. Эти связи сохранились и в настоящее время. С укрупнением местных колхозов и организацией совхозов ительмены и коряки мелких поселков переселились в крупные. Смешанный состав населения, интенсивное воздействие русского языка (этот процесс начался еще в XVIII в.), смешанные браки — все это способствовало утрате ительменами родного языка, а вместе с ним богатейшего и своеобразного фольклора, состоящего в основном из цикла сказаний о вороньем персонаже — Кутхе.

Наибольшее количество ительменских сказок (особенно сказок о Кутхе) было записано в начале XX в. русским этнографом В. И. Иохельсоном. Тексты эти с английским подстрочником в 1961 г. были изданы американским филологом Д. С. Уортом. Часть из них в русском переводе включена в настоящий сборник. В советский период этнографам и языковедам удалось записать лишь незначительное количество произведений столь своеобразного устного творчества ительменов от лиц, сохранивших еще знание родного языка.

КОММЕНТАРИИ К ТЕКСТАМ

В комментарии к каждому тексту приводятся краткие сведения о рассказчиках, месте и времени записи, публикациях текстов. Затем отмечается частичное или полное сходство отдельных сюжетов в фольклоре как одного народа, так и разных народов.

Тексты 1—55 составляют раздел эскимосского фольклора, тексты 56—111 — чукотского, тексты 112—123 — керекского, тексты 124—158 — корякского, тексты 159—206 — ительменского.

Сказки и мифы азиатских эскимосов

- № 1. Рассказал в 1940 г. житель сел. Чаплино Провиденского р-на Гимугье, 60 лет, неграмотный; зап. его сын Тагикак, 14 лет, пер. Г. А. Меновщиков. Публикуется впервые.

Мифическое предание о юноше, ставшем главным сполохом Северного сияния; эпизод с игрой сполохов в мяч см. здесь № 39.

- № 2. Рассказал в 1941 г. житель сел. Сиклук Чукотского (ныне Провиденского) р-на Имагми, 50 лет, неграмотный; зап. и пер. Е. С. Рубцова. Публикуется впервые.

Сюжет зафиксирован только у азиатских эскимосов.

- № 3. Рассказал Гимугье, зап. Тагикак (см. прим. к № 1), пер. Г. А. Меновщиков. Публикуется впервые.

Сюжет предания отмечен только у эскимосов.

- № 4. Рассказал в 1971 г. на науканском диалекте житель сел. Нунямо Чукотского р-на Ыкалук, 65 лет, неграмотный; зап. на магнитофонную ленту и пер. Г. А. Меновщиков при участии дочери рассказчика Альмы Ыкалук-Ивановой. Публикуется впервые.

Данный сюжет об олицетворении треска земли отмечен впервые лишь у науканских эскимосов.

¹ Ты кы в а к — треск земли от мороза. Науканские эскимосы этим же словом называли «хозяина подземного мира», разрывающего земную твердь.

- № 5. Рассказал в 1946 г. учащийся Анадырского педучилища нау-

канский эскимос Кейнын, 20 лет; зап. и пер. Е. С. Рубцова. Публикуется впервые.

Сюжетов об орлах-великанах в чукотско-эскимосском фольклоре много, и большинство из них относится к жанру волшебного-мифических сказок (ср. здесь № 57, 33, 34; Богораз, 1900, № 98, 111).

№ 6. Рассказала в 1948 г. жительница сел. Наукан Чукотского р-на Амнона, 20 лет; зап. и пер. Г. А. Меновщиков.

Опубл.: Эск. ск. и лег., стр. 116.

Владыки небесных миров, подземелий и морских пучин, куда уходят души потерявшихся, умерших и утонувших, в эскимосских сказках предстают в облике великанов или обыкновенных людей, которые за услуги, дары, а часто и бескорыстно выручают попавших в беду героев волшебного-мифических сказок.

¹ Кр а б в роли сказочного персонажа встречается также в фольклоре других народностей чукотско-камчатского региона (ср. здесь № 174).

№ 7. Рассказал в 1940 г. житель сел. Чаплино Каля, 24 лет; зап. и пер. Г. А. Меновщиков. Публикуется впервые.

Трудный и опасный промысел морского зверя в условиях сурового арктического климата постоянно приносил много бедствий приморским охотникам. Людей часто отрывало от кромки льда или уносило на каяках во время непогоды. Потеря кормильца была страшным бедствием для семьи и односельчан. Подобные ситуации находили отражение в бытовых рассказах, которые передавались из поколения в поколение, обогащались новыми эпизодами, а затем контаминировались с различными сюжетами волшебных сказок и мифов.

Рассказ о приключениях героя переплетается с мифом о возрождении потерявшегося.

¹ Магическая формула «Ой, что-то в ушах звенит!» произносилась женщинами всякий раз, когда возвращался потерявший свой человек, которого считали погибшим. По анимистическим представлениям эскимосов, душа потерявшегося человека (чаще всего мужа) при возвращении «входила» в утробу женщины (чаще всего жены), которая становилась беременной и вторично рожала человека. Новорожденный «очищался» и тотчас снова становился мужчиной. Эта же формула произносится женщинами при встрече с говорящими невидимками в волшебных сказках (ср. здесь № 10, 11, 32).

№ 8. Рассказала в 1948 г. жительница сел. Наукан Кутвенун, 52 лет, неграмотная; зап. Н. Рукактак, пер. Г. А. Меновщиков. Публикуется впервые.

Перевоплощение души человека в медведя, волка, лисицу, птицу находит широкое отражение в фольклоре всех народностей Чукотки и Камчатки. Оно широко отражено также в фольклоре американских эскимосов и северо-западных индейцев.

¹ А м е к — букв. «Шкура».

№ 9. Рассказал в 1971 г. Ыкалук (см. прим. к № 4), зап. и пер. Г. А. Меновщиков. Публикуется впервые.

Мифологические представления эскимосов и чукчей о летающих людях нашли широкое отражение в их устном художественном творчестве. Картины таких полетов людей по разным мирам в поисках потерявшихся людей или добычи отражены в текстах № 34, 35 и др.

Сюжет о шаманах, соревнующихся в искусстве летать, отмечен только в настоящем тексте.

¹ С и к л у к (букв. «мясная яма», «мясной склад») — о-в и старинный поселок в пр. Сенявина. Поселок перебазирован в Уназик (Чаплино) в 1941 г.

² Т ы к ы г а к — старинное селение на Аляске, куда совершали вояжи азиатские эскимосы и приморские чукчи. Это название часто упоминается в фольклоре азиатских эскимосов и чукчей.

³ Т у х т а к — окорок сырого моржового мяса, зашитый в кусок моржовой шкуры с жиром. Тухтаки заготавливаются эскимосами впрок и употребляются в пищу в зимнее время.

№ 10. Рассказал в 1941 г. житель сел. Чаплино Провиденского р-на Налюгьяк, 68 лет, неграмотный; зап. и пер. Е. С. Рубцова. Публикуется впервые.

В сказках о великанах присущий фольклору чукчей и эскимосов гиперболлизм достигается путем емкого контраста: человекоподобные великаны и гигантские сказочные птицы (орлы, чайки) несут или съедают одновременно по два или по четыре больших кита, а вшами их оказываются лисы (ср. здесь № 4, 33, 34, 39, 57).

¹ См. прим. 1 к № 7.

№ 11. Рассказал Каля (см. прим. к № 7); зап. и пер. Г. А. Меновщиков. Публикуется впервые.

¹ Г о л о в у медведя эскимосы отрезали и бросали в море в качестве жертвы «Хозяину моря». По представлениям древних охотников, медвежья голова снова превращалась в зверя, которого можно добыть.

№ 12. Рассказал в 1940 г. слепой сказитель из сел. Чаплино Чукотского (ныне Провиденского) р-на Айвыхак, 28 лет, неграмотный; зап. и пер. Г. А. Меновщиков.

Опубл.: Эск. ск. и лег., стр. 152.

¹ По мифологическим представлениям эскимосов, л о в ц ы м л а д е н ц е в — это людоеды-тунгаки, а водяные младенцы — это рыба тунгаков.

² М а л е н ь к а я с т а р у ш к а, вылезаящая из-под жирника, — вредоносный дух, который выступает также в образе жука (ср. Меновщиков, 1964, стр. 159—162, № 12).

№ 13. Рассказал в 1971 г. Ыкалук (см. прим. № 4), зап. и пер. Г. А. Меновщиков. Публикуется впервые.

Сюжеты о волках — покровителях оленеводов, охотников и сирот распространены в чукотском фольклоре. Эскимосские сказки «Волк и гагара» (№ 18), «Кикмирасик» (Наши сказки) представляют собой, по-видимому, адаптацию соответствующих чукотских сказок, как и сюжет данной сказки.

№ 14. Рассказала в 1960 г. жительница сел. Сиреники Провиденского р-на Рагына, 46 лет; зап. и пер. Г. А. Меновщиков.

Опубл.: Меновщиков, 1964 [на эск. яз. с подстр. рус. пер.], стр. 151; Эск. ск. и лег., стр. 89.

Сюжет борьбы героя с вредоносной женщиной-духом — ср. № 12. Мотив путешествия героя в страну морского народа отражен также в корякской сказке «Путешествия Куйкыннюку». Можно предполагать, что подобные сюжеты были присущи фольклору приморских жителей всего чукотско-камчатского региона.

№ 15. Рассказал Кейнын (см. прим. к № 5), зап. и пер. Е. С. Рубцова. Публикуется впервые.

Сказки о женщинах, не желающих выходить замуж, широко распространены в азиатско-эскимосском и чукотском фольклоре.

Эти же сюжеты отмечаются в фольклоре аляскинских и канадских эскимосов. В ранних мифических преданиях женские персонажи часто выступали в роли морских владычиц, создательниц людей и животных, а также несли другие космогонические функции. Как и в большинстве волшебных мифических сказок, здесь персонажи не имеют собственных имен, но место действия определяется с топографической точностью (называются древние эскимосские поселения Наукан и Имаклик).

¹ Нунак (букв. «селение») — местность и населенный пункт недалеко от Наукана.

² Маленькая женщина — это добрая лиса, которая в эскимосских сказках выступает защитницей терпящих беду.

³ Мыс Уяхак — мыс Дежнева.

⁴ Гык — подбадривающее восклицание.

№ 16. Рассказал в 1941 г. житель сел. Чаплино Утатаун, 57 лет, неграмотный; зап. и пер. Е. С. Рубцова. Публикуется впервые.

Рассказ о женщине, страдающей от жестокой и несправедливой ревности мужа, перерастает в сказку о приключениях героини среди жителей другого мира.

№ 17. Рассказал в 1948 г. житель сел. Наукан Ытаин, 64 лет, неграмотный. Ытаин был одним из талантливых рассказчиков Наукана. Он с исключительной ответственностью относился к целостности и полноте рассказа. Все сказочные приключения героев считал действительными. Сам он был глубоко убежден, что мастерство рассказчика связано с верой в то, о чем идет рассказ. Зап. и пер. Г. А. Меновщиков.

Опубл.: Ск. нар. Сев., стр. 535; Эск. ск., стр. 125; Эск. ск. и лег., стр. 167.

Данная волшебная героическая сказка отличается широким отображением социально-бытовых явлений, характерных для эпохи первобытнообщинного строя. В основе социальной ячейки общества — большая патриархальная семья. Семейные общины, представлявшие отдельные охотничьи коллективы, имели свои названия. В данном тексте называются общины Алихпагмит и Имтугмит, соревнующиеся в добыче китов и других морских зверей. Таких общин, имевших свои названия, свои участки поселения и погребения, в одном только Наукане было около десяти, а в Чаплино — одиннадцать.

Семейнообщинные объединения из нескольких близко и отдаленно родственных семей у азиатских эскимосов пережиточно сохранились вплоть до начала 50-х годов текущего века (ср. Меновщиков, 1962).

Это целостное в сюжетном и жанровом отношении произведение о Хозяине вселенной отражает морально-этические нормы поведения приморского охотника.

¹ Алихпагмит — семейная община, проживавшая в Алихпагмите — древнем селении на азиатском побережье Берингова пролива. В конце XIX в. алихпагмитцы переселились в Наукан.

² Имтугмит — семейная община, проживавшая в Имактуре — древнем селении на азиатском побережье Берингова пролива. В конце XIX в. имтугмитцы переселились в Наукан. Одноименное селение до середины 30-х годов текущего столетия находилось около пункта Сиреники Провиденского (ранее — Чукотского) р-на. Эскимосские селения с таким же названием встречаются на Аляске и в Канаде.

³ Хозяин вселенной (Силам осына) — по представлениям азиатских эскимосов, находился в верхнем мире (на небе), откуда следил за соблюдением людьми старинных охотничьих обычаев. Нарушителей таких обычаев он забирал к себе на «перевоспитание», затем через отверстие спускал их на землю.

⁴ Укигалук — скала около мыса Дежнева в Беринговом проливе.

⁵ Кыгмик — мыс в Беринговом проливе.

⁶ Мамрохпак — бывший эскимосский поселок и местность на восточном берегу Берингова пролива.

⁷ Молоток (эск. *тукшугун*) — старинное каменное орудие приморских охотников, которым глушили загарпуненного зверя. Вышел из употребления с появлением огнестрельного оружия.

⁸ Санлук — скала и местность на азиатском побережье Берингова пролива.

⁹ Ойук — скала на азиатском побережье Берингова пролива.

¹⁰ Лахтака напои и накорми — охотничий ритуал у азиатских эскимосов: добытого лахтака, нерпу или моржа перед свеживанием «кормили» крошками мяса и «поили» пресной водой. Верили, что зверь приходит к людям в гости, оставляет им свою плоть, а душа его возвращается в море. Для поения и кормления зверя охотник имел особую ритуальную ложку.

№ 18. Рассказала Рагына (см. прим. к № 14); зап. и пер. Г. А. Меновщиков.

Опубл.: Эск. ск. и лег., стр. 58.

Здесь борьба за обладание оленями между двумя племенами изображается через деяния традиционных для чукотско-камчатского фольклора мифических помощников человека — гагары и волка.

№ 19. Рассказал Ытаин (см. прим. к № 17); зап. и пер. Г. А. Меновщиков.

Опубл.: Ск. нар. Сев., стр. 529 («Кит, женщиной рожденный»); Эск. ск., стр. 67; Эск. ск. и лег., стр. 93.

Космогоническое предание о рожденном женщиной ките. На фоне этого фантастического повествования разворачивается картина реальных социальных отношений между двумя семейными общинами, борющимися за уголья морской охоты. Упомянутая уже в № 17 община Алихпагмит противостоит здесь общине Нунагмит. Чукотский вариант этой эскимосской сказки в сокращенном виде был записан также В. Г. Богоразом (1900, № 115).

¹ Нунагмитцы — семейная община, проживавшая в сел. Нунак близ Наукана. В начале XX в. нунагмитцы переселились в Наукан.

² Мамрохпак — см. прим. 6 к № 17.

№ 20. Рассказал в 1948 г. житель сел. Наукан Эрмен, 23 лет; зап. и пер. Г. А. Меновщиков. Публикуется впервые.

¹ Умкутака — снежная загородка от ветра, сооружавшаяся эскимосами около лунки, в которой ловили рыбу зимой.

№ 21. Рассказал в 1960 г. чаплинский житель А. Альгалик, 40 лет; зап. и пер. Г. А. Меновщиков.

Опубл.: Эск. ск. и лег., стр. 162.

В данной сказке находит отражение одна из существенных особенностей социальной жизни женщины первобытнообщинного общества северо-восточной Сибири — собирание съедобных трав и корней в тундре и морских водорослей на морском побережье (этим занима-

лись преимущественно женщины). Собираательство было одним из подсобных видов хозяйственной деятельности чукотско-камчатских народностей. Эта сторона социальной жизни отражена во многих сказках различных жанров.

¹ Праздник состязаний устраивался эскимосами в летние или осенние дни после удачной охоты на моржей и китов. Праздники состязаний, как правило, были лишь частью больших производственных праздников. Так, например, во время китового праздника в эскимосских поселках Чаплино (Уназик) и Сиреники еще в середине 30-х годов текущего века устраивались многодневные торжества, во время которых женщины состязались в искусстве петь, танцевать, украшать одежду орнаментом, демонстрировали свое шитье, а мужчины — в борьбе, бегах, поднятии тяжестей, в рассказывании сказок, пении и танцах.

№ 22. Рассказал Ытанн (см. прим. к № 17); зап. и пер. Г. А. Меновщиков.

Опубл.: Эск. ск. и лег., стр. 119.

Сказка о Хозяине огня ранее не была отмечена. Однако закон сказки о трудной жизни сироты и его бабушки является традиционным для многих сюжетов этого вида устного творчества, где героями выступают сироты.

№ 23. Рассказал в 1971 г. Ыкалук (см. прим. к № 4); зап. и пер. Г. А. Меновщиков. Публикуется впервые.

Сюжет данной эскимосской сказки восходит к ительмено-корякскому циклу сказок о вóроне Кутхе — Куткыннеку и его сыне Эмэмкуте. Широко распространенный по всему чукотско-камчатскому региону сюжет сказки о притворно умершем обманщике Кутхе, или Куткыннеку, в эскимосской версии Ыкалука представлен в измененном виде: «умершим» оказывается не Кутх — Куткыннеку, а его сын Эмэмкут. Имена других персонажей сказки в тексте не называются (ср. здесь № 165, 168, 169).

¹ А лы ки — упряжные ремни для ездовых собак.

№ 24. Рассказала жительница сел. Сиреники Провиденского р-на Апатта, 60 лет, неграмотная; зап. и пер. Г. А. Меновщиков.

Опубл.: Меновщиков, 1964, стр. 155 («Четыре брата» [на эск. яз. с подстр. рус. пер.]); Эск. ск. и лег., стр. 97 («Потерявшиеся братья»).

Покровителем людей здесь выступает небесная женщина, муж которой изображен половинным человеком, во всем исполняющим волю своей обоженной повелительницы.

№ 25. Рассказала в 1966 г. жительница сел. Сиреники Киргина, 54 лет, малограмотная; зап. и пер. Г. А. Меновщиков.

Опубл.: Меновщиков, 1964 [на эск. яз. с подстр. пер.], стр. 164, № 13; Эск. ск. и лег., стр. 166.

Паук в качестве чудесного помощника человека чаще всего предстает в образе маленькой старушки или маленькой женщины. Здесь о пауке-покровителе см. № 69, 71 и др.

№ 26. Рассказал Тагикак (см. прим. к № 1); зап. и пер. Г. А. Меновщиков.

Опубл.: Наши сказки [на эск. яз. с рус. пер.], стр. 211; Чук., эск., кор. ск., стр. 105.

Мотив открывающейся, словно рот, обуви находим и в фольклоре гренландских эскимосов, где мальчик-сиротка пугает женщину-великана рваной обувью, которая открывается шевелением пальцев ног, словно рот («Что едят твои ноги?» — «Они едят людей»; Holtved,

I, № 20). Следовательно, данный сюжет восходит к древней общезэскимосской основе. Сказки о карликах, называющих мышь или лису медведем, а также о великанах, для которых лиса является клещом на их теле, встречаются также в фольклоре гренландских эскимосов (ср. Holtved, I, № 27, 29). Сюжет о карликах, оказывающихся куропатками, в разных вариантах распространен в чукотских сказках.

№ 27. Рассказала Кутвенун (см. прим. к № 8); зап. Н. Рукактак, пер. Г. А. Меновщиков. Публикуется впервые.

Для эскимосского фольклора волшебная сказка о юноше, отказавшемся от женитьбы, представляется необычной и встречается впервые. Традиционно в роли протестующей против замужества выступает непокорная дочь. Здесь же все происходит наоборот: сын не подчиняется воле отца. Начало этой сказки в сюжетном отношении и по топонимическим деталям близко сказке «Женщина, не желающая выходить замуж» (№ 15).

№ 28. Рассказала Кутвенун (см. прим. к № 8); зап. Н. Рукактак, пер. Г. А. Меновщиков.

Опубл.: Эск. ск., стр. 87; Эск. ск. и лег., стр. 113.

¹ Концовка «Камни, превратившиеся в разноцветные бусы, стали односельчанам продавать», без сомнения, относится к позднему дополнению древнего сюжета, отражающему период разложения первобытнообщинных отношений и появления торговли.

№ 29. Рассказал Айвыхак (см. прим. к № 12); зап. и пер. Г. А. Меновщиков.

Опубл.: Наши сказки [на эск. яз. с рус. пер.], стр. 217; Эск. ск., стр. 100; Эск. ск. и лег., стр. 131.

Волшебнo-героическая сказка о встрече героя с великаном и тугныгаком является вариантом сказки «Охотник и великан» (№ 10).

№ 30. Рассказала в 1948 г. жительница сел. Наукан Накаюк, 50 лет, малограмотная; зап. и пер. Г. А. Меновщиков.

Опубл.: Эск. ск. и лег., стр. 129.

Здесь сказка о волшебных превращениях героя контаминируется с бытовым рассказом, в котором решаются острые социальные вопросы, когда принципы первобытнообщинного распределения продуктов труда заменяются принципами их присвоения выделавшимися улыльками-старшинами и силачами.

Морально-этическая сущность сказки в том, что герой в образе обездоленного сироты борется за социальную справедливость (см. Рубцова, № 3).

¹ Тухтак — см. прим. 4 к № 9.

² Молоток — см. прим. 7 к № 17.

№ 31. Рассказал А. Альгалик (см. прим. к № 21); зап. и пер. Г. А. Меновщиков.

Опубл.: Эск. ск. и лег., стр. 179.

В сказке отражен древнейший образ жизни охотников на дикого оленя, которыми могли быть первоначально на побережье Чукотки не только предки чукчей, но и палеоэскимосы, поскольку морской промысел при обилии и простоте охоты на дикого оленя развивался медленно и длительное время. Интенсивное развитие морского промысла начинается с оскудением охоты на дикого оленя. Мнение, что эскимосы «заимствовали у чукчей элементы сухо-

путной охоты»¹, представляется исторически маловероятным, поскольку отдельные территориальные группы эскимосов с древнейших времен и до настоящего времени занимаются охотой на дикого оленя (некоторые группы эскимосов Канады). Об этом же свидетельствуют многие древние сказания эскимосов азиатского побережья, Аляски, Канады и Гренландии, в которых на первом месте стоит охота на дикого оленя, горного барана и овцебыка, тогда как картины морского промысла представляются позднейшим наслоением в их устном творчестве.

№ 32. Рассказал А. Альгалик (см. прим. к № 21); зап. и пер. Г. А. Меновщиков.

Опубл.: Эск. ск. и лег., стр. 183.

¹ На п а к у т а к (Столбовое) — местность и населенный пункт эскимосов за Беринговым проливом.

² К а с а т к и в мифологии азиатских эскимосов представляются могущественными покровителями человека. При встрече с охотниками в море касатки принимают часто облик лодок с гребцами, а в своей мифической стране они становятся людьми и ведут человеческий образ жизни. В сказке «Человек-невидимка» (№ 32) касатки занимаются китовым промыслом, свежуют добытого кита, куски мяса и жира носят в мясные ямы-склады, пользуются предметами быта, орудиями труда, имеют жилища, одежду и т. д. Мифы о касатках возникли, по-видимому, в ту далекую эпоху, когда эскимосы не овладели еще искусством морского промысла и охота на дикого оленя, а также собирательство были главным источником существования. Известно, что касатки группами нападали на китов. Израненный касатками морской исполин (особенно синий или гренландский кит), спасаясь от преследования, часто выбрасывался на прибрежные отмели и погибал там. Выброшенный на берег прибором, кит представлял собой даровую добычу для приморских жителей. Запасами жира и мяса от одного кита в течение долгих зимних месяцев могло пропитаться население большой стоянки. Приморские жители поэтому наделяли к а с а т о к, убивающих китов, самыми положительными мифическими свойствами, считая их своими тотемными помощниками (о касатках см. здесь № 31, 75).

№ 33. Рассказала в 1960 г. жительница сел. Сиреники Ильгинаун, 69 лет, неграмотная; зап. и пер. Г. А. Меновщиков.

Опубл.: Меновщиков, 1964 [на эск. яз. с подстр. рус. пер.], стр. 134, № 7; Эск. ск. и лег., стр. 72.

Текст насыщен этнографическими сведениями об изготовлении древними обитателями Берингоморья глиняной посуды (заготовка глины, использование подсобного материала, придание изделию формы, процесс обжига). Указывается, что посуду изготовляли женщины. Один из контаминированных сюжетов текста представляет миф этиологического содержания — о происхождении разных народов (русских, американцев, чукчей-оленьеводов, приморских чукчей и эскимосов). Здесь же рассказывается о женщине из рода птиц, образ которой восходит, вероятно, к мифам о птицах — предках человека в палеоазиатском фольклоре.

Сказки об орлах-великанах см. здесь № 5, 34, 57.

¹ Беликов, 1969 (там же ссылки на труды И. С. Вдовина по этому вопросу).

№ 34. Рассказал в 1940 г. в сел. Яндагай житель сел. Чаплино Вантыно; зап. Олье, пер. Г. А. Меновщиков.

Опубл.: Эск. ск. и лег., стр. 80.

¹ «Жизнь твоя будет принадлежать мне» — мотив заклада души героя сказки духам (у эскимосов — великанам) за счастье на земле встречается в устном художественном творчестве многих народов мира, поэтому не является специфическим явлением для эскимосского фольклора.

№ 35. Рассказал Тагикак (см. прим. к № 1); зап. и пер. Г. А. Меновщиков.

Опубл.: Эск. ск. и лег., стр. 185.

№ 36. Рассказал Тагикак (см. прим. к № 1); зап. и пер. Г. А. Меновщиков.

Опубл.: Эск. ск. и лег., стр. 65.

В этой волшеббно-мифической сказке образ ворона-творца, каким он предстает в ранних чукотско-камчатских мифах, снижается до образа обездоленного сироты, живущего со своей вороньей бабкой.

В эскимосском и чукотском фольклоре имеются варианты сюжеты, когда брачный союз заключается между нерпой и женщиной, между собакой и женщиной. Тотемические представления аборигенов Чукотки и Камчатки о животных предках человека в данном случае находят отражение в устном художественном творчестве. Позднее животные персонажи сказок с подобными сюжетами заменяются человеческими персонажами, а сами сказки приобретают социальное звучание (см., например, № 37; ср. также чукотскую сказку «Сватающийся пес» — Богораз, 1900, № 108).

№ 37. Рассказал Айвыхак (см. прим. к № 12); зап. и пер. Г. А. Меновщиков.

Опубл.: Эск. ск. и лег., стр. 62.

Тот же сюжет, что и в сказке «Как ворон женился» (№ 36), но вместо воронов выступают человеческие персонажи — бабка и внук. В данном случае имеет место переосмысление сказочного сюжета в связи с изменениями социальной и духовной жизни создателей сказки.

№ 38. Рассказал в 1952 г. житель сел. Чаплино Итхуткак, 25 лет; зап. В. А. Анальквасак, пер. Е. С. Рубцова. Публикуется впервые.

Существует несколько вариантов волшебных сказок о женщине-великанше, пожирающей свои жертвы. В одних случаях в качестве жертв фигурируют мыши, в других — девочки.

Каждый из четырех контаминированных здесь сюжетов существует самостоятельно или в качестве отдельного эпизода входит в другие сказки. Что же касается сюжета о Майырахпак, пожирающей мышей, то в фольклоре народностей чукотско-камчатской группы, а также и у азиатских эскимосов он имеет целую серию вариаций, когда вместо мышей персонажами выступают девочки (ср. сказку «Пять девушек и Майырахпак», — Эск. ск. и лег., стр. 53), а вместо Майырахпак — кэ ле (Богораз, 1900, № 164), оборотень ворон Кутх (см. здесь № 179) и т. д.

№ 39. Рассказал в 1941 г. житель сел. Чаплино Налюгьяк, 68 лет; зап. и пер. Е. С. Рубцова. Публикуется впервые.

Здесь контаминируются три сюжета, бытующие в эскимосском фольклоре самостоятельно или в сочетании с близкими по содержанию сюжетами. В этой сказке, как в чукотской сказке «Кытгы»

(№ 89), дается образ сильной и независимой женщины, побеждающей односельчан, свободно выбирающей и меняющей мужей в зависимости от обстоятельств, оставляющей детей у покидаемого мужа.

¹ Рассказчик сделал пропуск — не показана потеря других сестер.

№ 40. Рассказал А. Альгалик (см. прим. к № 21); зап. и пер. Г. А. Меновщиков.

Опубл.: Эск. ск. и лег., стр. 194.

Волшебная сказка о двух силачах, вскормленных животными.

¹ Киги (или Кихи, чук.) — о-в Аракамчечен в пр. Сенявина.

² Эттувьн («Собачий») — чук. имя.

³ Янракинут — русская адаптация названия чукотского поселка Янракинут («Твердыня») на побережье пр. Сенявина.

⁴ Кайнувьн («Олений») — чук. имя.

№ 41. Рассказал в 1948 г. житель сел. Наукан Акалук, 45 лет; на науканском диалекте зап. Н. Рукактак; пер. Г. А. Меновщиков. Публикуется впервые.

Историческое сказание о кровной мести племянника за убитого дальними соседями дядю. Здесь все события представляются реальными. Моменты чудесного исключаются.

№ 42. Рассказал Ытаин (см. прим. к № 17); зап. и пер. Г. А. Меновщиков. Публикуется впервые.

№ 43. Рассказал в 1971 г. Ыкалук (см. прим. к № 4); зап. и пер. Г. А. Меновщиков. Публикуется впервые.

Сказки на этот сюжет восходят, по-видимому, к чукотско-камчатскому вороньему циклу, на что указывает сохранившееся в данном эскимосском тексте одно из чукотских имен лисьего персонажа — Нутен (ср. эск. сказку со сходным сюжетом «Рыбка, лисица и ворон» — Эск. ск. и лег., стр. 26).

№ 44. Рассказал Ытаин (см. прим. к № 17); зап. и пер. Г. А. Меновщиков. Публикуется впервые.

Сказка со сходным сюжетом и под этим же названием была записана в 1940 г. от чаплинского эскимоса Тагикака и опубликована в русском переводе (Эск. ск. и лег., стр. 32).

№ 45. Рассказал в 1948 г. председатель науканского колхоза эскимос Утоюк, 37 лет; зап. и пер. Г. А. Меновщиков. Публикуется впервые.

Вариант этой сказки записан от эскимоса Эрмена, 25 лет, слышавшего ее от своего деда Ивека, 75 лет.

Опубл.: Эск. ск., стр. 17; Эск. ск. и лег., стр. 22.

Этнологическая сказка о том, как ворониха и сова покрасили друг друга. Сходный сюжет зафиксирован у юкагиров, гренландских и американских эскимосов, японцев и вьетнамцев (во вьетнамской сказке с тем же сюжетом вместо совы выступает павлин). Японские сказки, М., 1958, стр. 105; Сказки и легенды Вьетнама, М., 1958, стр. 176.

№ 46. Рассказал в 1941 г. житель сел. Наукан Увролюк, 22 лет; зап. и пер. Г. А. Меновщиков.

Опубл.: Эск. ск. и лег., стр. 41 («Про мышонка»).

Отраженная в этой сказке топопимическая легенда о названии сопки Афсынахак («Мышонок») не получила распространения и зафиксирована только у чаплинских эскимосов, где жил в это время

науканский эскимос Уврюлок. Сопка Афсынахак находится около Чаплинских горячих ключей.

№ 47. Рассказала в 1941 г. жительница сел. Чаплино Ийынаун, 50 лет, неграмотная; зап. и пер. Е. С. Рубцова. Публикуется впервые.

В большинстве эскимосских сказок о животных демонический образ ворона-создателя, каким он выступает в мифических сказаниях, снижен до простака, которого все обманывают (см. здесь № 44, 45 и сказку «Рыбка, лисица и ворон» — Эск. ск. и лег., стр. 32).

№ 48. Рассказал Тагикак (см. прим. к № 1); зап. и пер. Г. А. Меновщиков.

Опубл.: Чук., эск., кор. ск., стр. 142; Эск. ск., стр. 30; Эск. ск. и лег., стр. 34.

№ 49. Рассказал Айвыхак (см. прим. к № 12); зап. и пер. Г. А. Меновщиков.

Опубл.: Эск. ск., стр. 31; Эск. ск. и лег., стр. 34.

Эта сказка, так же как и № 48, относится к детским сказкам-дразнилкам, в которых бычок выступает зачинщиком и дразнит своих соседей, за что терпит наказание.

№ 50. Рассказал в 1940 г. житель сел. Уэлькаль Анадырского р-на Какля, 20 лет; зап. и пер. Г. А. Меновщиков.

Опубл.: Чук., эск., кор. ск., стр. 89; Эск. ск. и лег., стр. 38.

Один из распространенных у народностей Чукотки и Камчатки сюжетов о хитром псеце (или лисице), обманывающем и побеждающем своих антагонистов — медведя или волка. Вставные сюжеты о куропатках, пугающих медведя, и о лечении медведя раскаленными камнями встречаются часто в других сказках о животных.

№ 51. Рассказал Акалук (см. прим. к № 41); зап. Н. Рукактак, пер. Г. А. Меновщиков. Публикуется впервые.

В сказку о птичке, улетающей из кипящего котла, вкрапливается песенка, что характерно для эскимосской волшебной и животной сказки. Сюжет отмечен только у науканских эскимосов.

№ 52. Рассказал Эрмен (см. прим. к № 20); зап. и пер. Г. А. Меновщиков. Два варианта этой сказки были записаны в 1948—1949 гг. от науканских эскимосов Кутвенун и Яека и опубл. (Ск. Сев., стр. 33; Эск. ск., стр. 15). Настоящий вариант публикуется впервые.

Сюжет этой сказки распространен по всему чукотско-камчатскому региону. Если в эскимосской сказке лису обманывают утки-чирки, сбросившие ее в воду с лодки из крыльев, то в ительменской сказке на этот сюжет лису перевертывают с плотом чайки. Выбравшись на берег, лиса в том и другом вариантах просушивает шкуру и глаза. В ительменском варианте далее начинаются приключения лисы с насмешником Кутхом и чудесными ягодами, которые сами себя собирают. Ительменский сюжет этой сказки контаминируется с другими сюжетами, тогда как в эскимосском он бытует самостоятельно (ср. ительменский текст № 166).

№ 53. Рассказал Тагикак (см. прим. к № 1); зап. и пер. Г. А. Меновщиков. Публикуется впервые.

¹ Ка ю г у н — топор поперечного сечения наподобие мотыжки. В старину делался из камня, с XIX в. — из железа.

№ 54. Рассказал Ытаин (см. прим. к № 17); зап. и пер. Г. А. Меновщиков. Публикуется впервые.

Распространенный у многих народностей Сибири и Дальнего Востока сюжет об обмане зверей людьми. Зверей заманивают в лисце, а затем убивают их огнем, дымом или колотушкой.

№ 55. Рассказал в 1948 г. эскимосский мальчик из Наукана Увалик, 10 лет; зап. и пер. Г. А. Меновщиков. Публикуется впервые.

Текст относится к серии волшебных сказок о сироте, наказывающем своих обидчиков.

Сказки и мифы чукчей

№ 56. Рассказал в 1948 г. житель сел. Уэлен Чукотского р-на Уватагын, 62 лет; зап. и пер. П. Я. Скорик. Публикуется впервые.

Мифическое предание о приморской женщине — создательнице людей, оленьих стад, морских животных, жилищ. Имеет широкое распространение как у приморских чукчей, так и у азиатских эскимосов.

¹ Мэмэрэнэн — чукотская адаптация эскимосского топонима Мамрохпак. Эскимосская община Мамрохпагмит находилась между Уэленом и Науканом. Данное предание, если судить по топонимическим признакам, первоначально возникло, по-видимому, у азиатских эскимосов, а затем распространилось по всему чукотско-эскимосскому региону.

² Ремень приготовьте — обычная для чукотско-эскимосского фольклора формула, означавшая решение престарелого или тяжело больного человека принять добровольную смерть посредством удушения. Добровольная смерть считалась почетной. Перед уходом в «мир предков» решивший умереть устраивал для своих близких обильное угощение, во время которого присутствующие делились хорошими воспоминаниями из жизни добровольного самоубийцы. Акт удушения производился родственниками в пологе. Верили, что умерший уходит в мир обильной охоты, откуда вернется в образе новорожденного. Умершему закалывали олений или собак, нужных ему для переезда в другой мир. Вместе с ним клали орудия промысла, предметы быта, принадлежавшие ему при жизни, а также запас еды «на дорогу» (ср. Богораз, 1900, стр. 50, прим. 1 к № 8).

К мифам о создании людей относятся тексты: Богораз, 1900, № 53, 57—59; Рубцова, № 25; а также № 33 наст. сб.

№ 57. Рассказал Уватагын (см. прим. к № 56); зап. и пер. П. Я. Скорик. Публикуется впервые.

¹ Енавъёчгын — букв. «Вместилище жизни». Чукотские имена образуются от имен нарицательных и в большинстве своем точно этимологизируются средствами современного чукотского языка (см. Скорик, 1970).

№ 58. Рассказал Уватагын (см. прим. к № 56); зап. и пер. П. Я. Скорик. Публикуется впервые.

Миссию культурного героя, возвращающего людям солнце и луну, в этом мифическом предании исполняет человек. В большинстве же других мифов о происхождении света, солнца и луны культурными героями выступают птицы — ворон и трясогузка (Богораз, 1900, № 49—52, 57) и звери (заяц — Эск. ск., стр. 40). Сюжет возвращения солнца имеет многочисленные параллели в сказаниях о вороне также у индейцев Северной Америки (см. Мелетинский, 1959, стр. 92).

¹ Изображение солнца на ручных мячах у чукчей и азиатских эскимосов связано с мифами о похищении и возвращении небесных светил.

² И н ч о у н с к и й — от чукотского названия селения Иичу-вин, восходящего к эскимосскому названию этой местности — Иинсгвик.

³ Л о р и н о — русская адаптация чукотского названия сел. Лурэн («Видимое жилье»).

№ 59. Рассказал в 1948 г. житель сел. Яндагай Чукотского р-на Па-кайка, 62 лет; зап. и пер. П. Я. Скорик. Публикуется впервые.

Указание на собственное имя героя космогонического предания (здесь — Тэпкалин) является редким исключением для этого жанра устного творчества палеоазиатов.

В эскимосском предании «Қанак и орлы» (Ск. нар. Сев., стр. 524) дается другая версия о происхождении островов в Беринговом про-ливе: орлы-великаны и Қанак с сыном, упавшие в результате по-единка в море, превратились в острова и рифы.

№ 60. Рассказал в 1953 г. житель пос. Нунлигран Провиденского р-на Рентэт, 56 лет; зап. и пер. П. И. Инэнликэй. Публикуется впервые.

Волки в роли чудесных помощников человека выступают также в текстах № 18, 62, 66, 146, 182.

№ 61. Рассказал в 1948 г. житель сел. Уэлен Ненек, 45 лет; зап. и пер. П. Я. Скорик. Публикуется впервые.

№ 62. Рассказал в 1948 г. житель сел. Лорино Чукотского р-на Рагтын, 36 лет; зап. и пер. П. Я. Скорик. Публикуется впервые.

В данном случае древний сказочный мотив о волках — покрови-телях человека передан рассказчиком в современной интерпретации.

О волках — покровителях человека — см. прим. к № 60.

№ 63. Рассказал в 1948 г. житель сел. Аккани Чукотского р-на Ынно, 41 года; зап. и пер. П. Я. Скорик. Публикуется впервые.

В общую канву сказки о брачном союзе человека и медведицы вкрапливается распространенный у палеоазиатов сюжет о белых ку-ропатках, принявших крысу за белого медведя.

Сходную по сюжету сказку о женитьбе человека на белой медве-дице см. Богораз, 1900, № 117, а также здесь № 64.

¹ Амулет в виде морского петушка был широко распространен у азиатских эскимосов. По их верованиям, такой амулет охранял охотника от беды и приносил удачу. Вполне допустимо, что настоя-щая сказка по происхождению является эскимосской (ср. эскимос-ский текст № 6, где амулет — морской петушок помогает охотнику спасти от морского владыки своего сына).

² Кочкоголовый, или кочечная голова (чук. тым-кы левыт) — так в чукотских сказках животные персонажи назы-вают человека.

№ 64. Рассказал в 1948 г. житель сел. Уэлен Енрымэ, 32 лет; зап. и пер. П. Я. Скорик. Публикуется впервые.

Вариант текста № 63.

№ 65. Рассказал в 1948 г. житель сел. Уэлен Рычип, 69 лет; зап. и пер. П. Я. Скорик. Публикуется впервые.

Мотив волшебной сказки о сироте, помогающем своему покровителю-дяде вернуть похищенную вредоносными кэле жену, перепле-тается здесь с мотивами древних космогонических представлений па-леоазиатов о границе света, об отверстии в земле, через которое видны горы другого мира (ср. Ск. нар. Сев., стр. 438, «Рорат»).

В функции чудесных помощников героя здесь выступают персо-нифицированные травинка и стрела.

№ 66. Рассказал в 1948 г. житель сел. Тойгунен Чукотского р-на Ельгин, 48 лет, переехавший на жительство в Уэлен; зап. и пер. П. Я. Скорик. Публикуется впервые.

¹ Э й г у с к е й — букв. «Маленький северянин».

№ 67. Рассказал Пакайка (см. прим. к № 59); зап. и пер. П. Я. Скорик. Публикуется впервые.

В сказках народностей Чукотки и Камчатки шаманы, как и кэле, могут быть не только вредоносными, но и добрыми. Их магической силе, по представлениям эскимосов, чукчей, кереков, коряков и ительменов, подвластны не только люди, но также животные, предметы и явления природы.

¹ Л о р и н с к и е — жители сел. Лорино, возле которого располагались горячие ключи. Указание в чукотских сказках на топонимические детали местности в данном случае отразилось даже на имени персонажа сказки.

² О х р а н и т е л ь н ы е р е м н и — чукотские амулеты в виде пучка или кисточки из тонко нарезанных ремешков, которые прикреплялись к одежде в качестве защитников (охранителей) от кэле.

№ 68. Рассказал Ненек (см. прим. к № 61); зап. и пер. П. Я. Скорик. Публикуется впервые.

Сказка о чудесных помощниках человека — предметах, помогающих герою победить кэле. Волшебные сказки о кэле широко распространены у восточных палеоазиатов и эскимосов. У ительменов сказок этого жанра мало.

¹ И ы н у в ь е — букв. «Огненный».

№ 69. Рассказал в 1953 г. житель сел. Нунлигран Провиденского р-на Пэнэнтэгрэн, 25 лет; зап. и пер. П. И. Инэнликэй. Публикуется впервые.

¹ П а у к в мифологии палеоазиатов Чукотки и Камчатки наделен мудростью и помогает терпящим бедствие героям. В сказках паук предстает перед героем часто в образе маленькой старушки, дающей добрые советы или спасающей героя от злых сил. Этот древний мифологический персонаж присутствует в фольклоре всех аборигенных народностей Чукотки и Камчатки. Эту же миссию паук выполняет в фольклоре северо-западных индейцев. Паук выступает антагонистом носителя злого начала — жука (ср. здесь № 25, 71; Богораз, 1900, № 63, 118).

№ 70. Рассказал Ненек (см. прим. к № 61); зап. и пер. П. Я. Скорик. Публикуется впервые.

В палеоазиатском фольклоре отмечается множество сюжетов об отказе девушки выйти замуж по велению родителей. В одних случаях причиной отказа является тайный брак девушки со зверем (медведем, моржом, китом), в других — с мертвой головой, в третьих — с кэле, в четвертых — с чудесными предметами. Широкое распространение сюжеты такого рода получили в фольклоре американских и гренландских эскимосов (ср. Holtved, № 11; здесь № 15).

№ 71. Зап. в 1954 г. в сел. Хатырка Анадырского р-на П. И. Инэнликэй, пер. его же. Публикуется впервые.

Сказка о кэле-людоедах, ловящих удочками младенцев через лунки во льду. Мотив ловли в проруби духами-тунгаками характерен для эскимосского фольклора. Вполне вероятно, что подобные сюжеты проникли в чукотский фольклор из эскимосского (ср. здесь 12; Богораз, 1900, № 119).

- № 72. Рассказал житель сел. Аккани Чукотского р-на Тэгрелкут; зап. В. Ятгыргын, пер. П. И. Инэнликэй.
Опубл.: Ятгыргын, 1963, стр. 79 [на чук. яз.]. В русском переводе публикуется впервые.
Мотивы канибализма отражены также в № 77, 144 и др.
¹ М у т л ю в ь и — букв. «Дыханье крови».
² Т а й к ы г ы р г ы н — букв. «Создание».
- № 73. Рассказал житель Анадыря Тегрылькут, зап. В. Ятгыргын, пер. П. И. Инэнликэй.
Опубл.: Ятгыргын, 1963, стр. 68 [на чук. яз.]. В русском переводе публикуется впервые.
¹ И к ы ч у р и н с к и й — житель сел. И к ы ч у р и н.
² К о л ю ч и н с к и й — житель сел. К о л ю ч и н.
³ Н а у к а п к а — жительница эскимосского селения Н а у к а н (русская адаптация эскимосского топонима Нывуак — «дернистое»).
- № 74. Зап. В. Ятгыргын, пер. П. И. Инэнликэй.
Опубл.: Ятгыргын, 1963, стр. 61 [на чук. яз.]. В русском переводе публикуется впервые.
Мифологический сюжет превращения радуги в женщину сочетается здесь с сюжетом бытовой сказки (имущественное неравенство братьев); впервые отмечен только в чукотском фольклоре.
¹ Т о в а р и щ и п о ж е н а м — у азиатских эскимосов и чукчей существовал обычай временного обмена женами между двумя товарищами по браку. Этот обычай нашел отражение также и в сказках с животными персонажами (ср. Богораз, 1900, № 78).
- № 75. Рассказал Ёнрымэ (см. прим. к № 64); зап. и пер. П. Я. Скорик.
Публикуется впервые.
Распространенный в эскимосском фольклоре миф о морских касатках — помощниках морских охотников — целиком заимствован чукчами от эскимосов. Миф о касатках нашел глубокое отражение в фольклоре этих тесно и длительно контактирующих народностей.
- № 76. Рассказал Ёнрымэ (см. прим. к № 64); зап. и пер. П. Я. Скорик.
Публикуется впервые.
Сказка о борьбе шамана с вредоносным кэле. Сюжет сказки несколько непоследователен: называются в беспорядке 2-я, 5-я и 4-я вселенные, не дается картины различая их. Однако текст представляет несомненный интерес с точки зрения отражения в нем фантастических представлений древних палеоазиатов о других мирах.
- № 77. Рассказал Ненек (см. прим. к № 61); зап. и пер. П. Я. Скорик.
Публикуется впервые (ср. здесь № 61, 65, 68, 76, 148; Богораз, 1900, № 50, 164 и др.).
¹ К ы к в а т — букв. «Сушеное мясо».
- № 78. Рассказал житель сел. Ваеги Анадырского р-на Нутэнэн; зап. В. Ятгыргын, пер. П. И. Инэнликэй.
Опубл.: Ятгыргын, 1963, стр. 30 [на чук. яз.]. В русском переводе публикуется впервые (ср. № 36, 37; Богораз, 1900, № 108).
- № 79. Рассказал житель сел. Уэлькаль Анадырского р-на Ваальгыргын; зап. В. Ятгыргын, пер. П. И. Инэнликэй.
Опубл.: Ятгыргын, 1963, стр. 98 [на чук. яз.]. В русском переводе публикуется впервые.
Мотивы оживления умерших находят отражение в ряде чукотских и эскимосских сказок (ср. Богораз, 1900, № 78 и др.).
- № 80. Рассказала жительница сел. Тавайваам-Анадыря Анадырского р-на Тымнэтына; зап. В. Ятгыргын, пер. П. И. Инэнликэй.

Опубл.: Ятгыргын, 1963, стр. 86 [на чук. яз.]. В русском переводе публикуется впервые.

В основе сказки — распространенный в фольклоре чукчей и азиатских эскимосов сюжет о сватающемся звере или человеке (ср. № 36, 78; Богораз, 1900, № 108).

№ 81. Зап. Ф. Тынэтэгын (см. прим. к № 92), пер. Г. И. Мельников.

№ 82. Рассказал житель сел. Хатырка Анадырского р-на Тро, 65 лет, зап. и пер. П. И. Инэнликэй. Публикуется впервые.

№ 83. Рассказал Ю. Етыгин из колхоза «Полярник» Чукотского р-на, зап. В. Ятгыргын, пер. П. И. Инэнликэй. Публикуется впервые.

№ 84. Рассказал рабочий совхоза «Кончаланский» Анадырского р-на Никульун, зап. В. Ятгыргын, пер. П. И. Инэнликэй.

Опубл.: Ятгыргын, 1963, стр. 58 [на чук. яз.]. В русском переводе публикуется впервые.

№ 85. Рассказал в 1955 г. Тро (см. прим. к № 82), зап. и пер. П. И. Инэнликэй. Публикуется впервые.

Настоящий текст представляет образец героического сказания, в котором дается эпическая картина борьбы чукчей и коряков за обладание оленьими стадами.

Имена и характеристики героев, топонимические названия, этнографически обстоятельное изображение жизни кочевников и окружающей природы — все это свидетельствует об отражении действительных исторических событий, тогда как элементы фантастики, порожденные мифологическими представлениями древних палеоазиатов, служат здесь лишь фоном художественного переосмысления реальных фактов.

Л. В. Беликов прокомментировал еще один вариант сказания о Кунлелю¹. В сборнике О. Е. Бабошиной «Сказки Чукотки»² опубликовано шесть различных сказаний о чукотском богатыре Кунлелю, который изображается как предводитель отрядов, боровшихся с иноплеменными захватчиками. Интересный комментарий о Кунлелю дает в своем предисловии к указанному сборнику известный писатель Д. Нагишкин, который считает, что сказания о Кунлелю явились основополагающим источником нарождавшегося (но не развившегося в силу исторических причин) героического эпоса чукчей. Вполне вероятно, что в основе оваянного целым циклом народных легенд героического образа Кунлелю лежат реальное историческое лицо и реальные исторические события, отражающие период чукотско-корякских войн за обладание оленьими стадами.

¹ К у н л е л ю — букв. «Одноусый».

² Р э й и п г э в — букв. «Продырявленный сверлом».

³ К о р я к с к о е и м я О л я л е к не этимологизируется.

⁴ М о т л ы н т о — букв. «Обескровленный».

№ 86. Рассказал Ёнрымэ (см. прим. к № 64), зап. и пер. П. Я. Скорик. Публикуется впервые.

Изображение женщины-воина, женщины-богатыря, женщины, наделенной мудростью или чудодейственной силой, — довольно распространенный вид сказочных сюжетов, отображающих, возможно, пережиточные явления материнского рода у древних палеоазиатов

¹ Беликов, 1965.

² Сказки Чукотки, собрала О. Е. Бабошина, редакция и вступительная статья Д. Нагишкина, М., 1958, № 98—103.

(ср. здесь № 21, 85, 89 и др.). Побужденный богатырь отдает женщине половину своего стада, а затем убивает себя. Основой этого героического сказания является борьба двух племен за обладание оленьими стадами. В тексте совершенно отсутствуют элементы фантастики.

№ 87. Рассказал Уватагын (см. прим. к № 56), зап. и пер. П. Я. Скорик. Публикуется впервые.

В сказании развертывается тема борьбы между двумя группами кочевников за обладание оленьими стадами.

¹ Вельвынэлевыт — букв. «Вороньей женщины голова».

² Тымкынэлевыт — букв. «Кочечной женщины голова».

³ Эрыквын — букв. «Стучащий камень».

⁴ Рыркайпий — русская адаптация чукотского топонима Рыркайпийан («Моржовая преграда») — мыс и населенный пункт на севере Чукотки (русское название мыс Шмидта).

№ 88. Рассказал Уватагын (см. прим. к № 56), зап. и пер. П. Я. Скорик. Публикуется впервые.

Героическое сказание о борьбе нетелинского оленевода Лявтылевалла против пришельцев-захватчиков «с противоположного берега Колымы». Его помощником выступает Айван — приморский житель. Сказание кончается призывом людей к миру, к прекращению войн (см. здесь № 87).

¹ Лявтылевал — букв. «Машущий головой».

² Айван (Нотайван) — букв. «Заветренный»; так чукчи-оленеводы называли приморских жителей — эскимосов и приморских чукчей.

№ 89. Рассказал Тро (см. прим. к № 82), зап. и пер. П. И. Инэнликэй. Публикуется впервые.

Сказание о создающей Кытгы — сестре легендарного Кунлелю — является вариантом третьей части сказания о Кунлелю.

№ 90. Рассказал Тро (см. прим. к № 82), зап. и пер. П. И. Инэнликэй. Публикуется впервые.

¹ Ванкачкор — букв. «Полугодовалый теленок».

№ 91. Рассказал Ельгин (см. прим. к № 66), зап. и пер. П. Я. Скорик. Публикуется впервые.

Борьба двух племен за обладание оленьими стадами отражена также в текстах № 85, 87, 88 и др.

¹ Эттуви — букв. «Собачий».

² Киегин — букв. «Пяточный».

№ 92. Зап. в 1938 г. студент подготовительного отделения Ин-та народов Севера в Ленинграде, сын чукчи-кочевника из Восточно-тундровского р-на Чукотки Ф. Тынэтэгын, пер. Г. И. Мельников.

Опубл.: Сказки чаучу [на чук. яз. с рус. пер.]

Для всех сказок (бытовых и животных) в передаче Ф. Тынэтэгына характерен неподдельный юмор. Рассказчик, используя традиционные сказочные сюжеты, обогащает их точными и предельно краткими языковыми формулами. Особенно выразительно Ф. Тынэтэгын передает диалог, отличающийся емким по содержанию и художественному выражению лаконизмом.

Морально-этические мотивы, содержащиеся в бытовых и животных сказках Ф. Тынэтэгына, приближают эти жанры чукотского фольклора к произведению басенного типа.

Ф. Тынэтэгын, проживший на свете всего лишь двадцать лет, был не только талантливым рассказчиком, любящим устное худо-

жественное творчество своего народа и искусно передающим его слушателям, но и одаренным и самобытным поэтом, создавшим первые стихотворные произведения на чукотском языке. Его стихи в русском переводе не раз публиковались в сборниках литераторов Севера (см.: Север поет, Л., 1939; Таежные родники, Хабаровск, 1970, и др.).

Данная сказка относится к жанру бытовых сказок. К этому же жанру относятся здесь тексты № 93, 99—101.

- № 93. Зап. Ф. Тынэтэгын (см. прим. к № 92), пер. Г. И. Мельников. Оpubл.: Сказки чаучу [на чук яз. с рус. пер.], Ск. нар. Сев., стр. 420.

Бытовая сказка басенного типа, в которой высмеивается хвостовство.

- № 94. Рассказал Тро (см. прим. к № 82), зап. и пер. П. И. Инэнликэй.

Оpubл.: Ятгыргын, 1963 (на чук. яз.). В русском переводе публикуется впервые.

В сказке нашли отражение контакты чукотского населения южной части полуострова с эскимосами, которыми могли быть как азиатские, так и американские эскимосы, осуществлявшие меновую торговлю с чукчами-оленоводами (обмен продуктов морского промысла и предметов домашнего быта на продукты оленеводства).

- № 95. Рассказал житель Анадыря Кальбан, зап. В. Ятгыргын, пер. П. И. Инэнликэй.

Оpubл.: Ятгыргын, 1963 [на чук. яз.]. В русском переводе публикуется впервые.

По древним обычаям чукчей мужчина, побежденный в поединке женщиной, принимал на себя всю тяжесть презрения сородичей и соратников, если победительница сохранила ему жизнь. В подобных случаях побежденный просил женщину-победительницу заколоть его копьем или взять к себе в мужья или пастухи.

- № 96. Рассказал Атчытагын из колхоза «Полярник» Чукотского р-на, зап. В. Ятгыргын, пер. П. И. Инэнликэй.

Оpubл.: Ятгыргын, 1963 [на чук. яз.]. В русском переводе публикуется впервые.

¹ Пэляткылып — букв. «Оставляющая».

² Початкын — букв. «Конец рукава».

³ «Велели... убить себя» — слова, указывающие на существовавший у чукчей и азиатских эскимосов обычай добровольной смерти престарелых членов семьи (см. прим. 2 к № 56).

- № 97. Рассказал Рагтувье из колхоза «Маяк Севера», зап. В. Ятгыргын, пер. П. И. Инэнликэй.

Оpubл.: Ятгыргын, 1963 [на чук. яз.]. В русском переводе публикуется впервые.

- № 98. Зап. В. Ятгыргын, пер. П. И. Инэнликэй.

Оpubл.: Ятгыргын, 1963 [на чук. яз.]. В русском переводе публикуется впервые.

- № 99. Зап. Ф. Тынэтэгын, пер. Г. И. Мельников.

Оpubл.: Сказки чаучу [на чук. яз. с рус. пер.], стр. 99.

- № 100. Зап. Ф. Тынэтэгын, пер. Г. И. Мельников.

Оpubл.: Сказки чаучу [на чук. яз. с рус. пер.], стр. 98.

- № 101. Зап. Ф. Тынэтэгын, пер. Г. И. Мельников.

Оpubл.: Сказки чаучу [на чук. яз. с рус. пер.], стр. 92.

- № 102. Зап. Ф. Тынэтэҕын, пер. Г. И. Мельников.
Опубл.: Сказки чаучу [на чук. яз. с рус. пер.], стр. 110; Ск. нар. Сев., стр. 416.
Текст относится к жанру сказок о животных (см. здесь также № 103—106 из собрания Ф. Тынэтэҕына).
- № 103. Зап. Ф. Тынэтэҕын, пер. Г. И. Мельников.
Опубл.: Сказки чаучу [на чук. яз. с рус. пер.]; Ск. нар. Сев., стр. 416.
Животная сказка на известный в фольклоре и литературе многих народов басенный сюжет о лисе, обманувшей ворона.
- № 104. Зап. Ф. Тынэтэҕын, пер. Г. И. Мельников.
Опубл.: Сказки чаучу [на чук. яз. с рус. пер.].
Известный для чукотского, корякского и ительменского фольклора сюжет о глупом вороне, над которым насмеваются мыши.
В корякском фольклоре этот ворон выступает под именем Куйкынника, в ительменском — Кутх (ср. № 180 и др.).
- № 105. Зап. Ф. Тынэтэҕын, пер. Г. И. Мельников.
Опубл.: Сказки чаучу [на чук. яз. с рус. пер.], стр. 116.
- № 106. Зап. Ф. Тынэтэҕын, пер. Г. И. Мельников.
Опубл.: Сказки чаучу [на чук. яз. с рус. пер.], стр. 117.
Распространенный в фольклоре народностей Чукотки и Камчатки сюжет о хитром песце (или дсище), побеждающем большого, но глупого медведя при помощи куропаток и раскаленных на огне камней, которые песец вкладывает медведю в рану. Ср. здесь эскимосскую сказку на сходный сюжет «Хитрый песец» (№ 50).
- № 107. Рассказал Рагтын (см. прим. к № 62); зап. и пер. П. Я. Скорик. Публикуется впервые.
¹ А к а н н ы к а й — букв. «Плохорогонький».
² М а т а ч г ы р к ы н а й н ы н — букв. «Сват-кобелище». Упоминание об оленеподобном звере с собачьими лапами отмечается впервые в чукотских сказках о животных.
- № 108. Рассказал в 1948 г. житель сел. Уэлен Вуквытаҕын, 63 лет, известный мастер художественной резьбы по кости; зап. и пер. П. Я. Скорик. Публикуется впервые.
¹ К у р к ы л ь — сказочное прозвище ворона.
- № 109. Рассказал в 1948 г. житель сел. Уэлен Роптын, 28 лет; зап. и пер. П. Я. Скорик. Публикуется впервые.
Распространенная в чукотско-эскимосском фольклоре шуточная сказка об олене, наказывающем рыбку-бычка за насмешки.
- № 110. Рассказал в 1948 г. оленевод из Мечигменской тундры Чукотского р-на Тыненирку, 20 лет; зап. и пер. П. Я. Скорик. Публикуется впервые.
Один из многих вариантов распространенной у палеоазиатов Чукотки и Камчатки сказки о катающемся с горы вороне и подражающем ему волке. В большинстве других вариантов ворон тем или иным образом наказывает обманщика-волка (ср. здесь корякский текст № 126 и эскимосскую сказку «Ворон и волк» — Эск. ск. и лег., стр. 23).
- № 111. Рассказал в 1956 г. житель сел. Аккани Чукотского р-на Ныпэтэчин, 20 лет; зап. и пер. П. Я. Скорик. Публикуется впервые.

Сказки и мифы кереков

- № 112. Рассказал в 1954 г. житель сел. Хатырка Анадырского р-на Тэвлалкот, 24 лет; зап. и пер. П. Я. Скорик.

В этом героическом сказании использован распространенный в чукотском и азиатско-эскимосском фольклоре сюжет о бородатом силаче-насилынике Я к у н и, которого ослепляет стрелами чукотский (или эскимосский) мальчик. В данном случае сказка дается в керекской адаптации, особенно зачин, где говорится об оленьих кереках, которых враги убивали, угоняли в плен, превращали в пастухов, а стада их присваивали. Как и в чукотских героических сказаниях, здесь отражается борьба между племенами за обладание оленьими стадами. В повествовании отсутствуют элементы фантастики, но ведется оно в эпически приподнятом стиле.

Именем Я к у н и, или Я к у н н и н, чукчи, азиатские эскимосы и юкагиры в преданиях о чукотско-русских столкновениях XVIII в. называли майора Павлуцкого, командовавшего отрядом казаков и убитого чукчами 21 марта 1747 г. (см. Богораз, 1900, стр. 93, прим. 1 к № 15).

№ 113. Рассказал в 1970 г. на рыбалке Куэт житель сел. Майныпильгино Беринговского р-на керек М. И. Етынкеу (67 лет, малограмотный, слабо владеющий русским языком); зап. и пер. В. В. Леонтьев (совместно с керечкой Е. Хатканой, жительницей сел. Майныпильгино Беринговского р-на, 70 лет). Публикуется впервые.

Сюжет о лопнувшем от воды кэле (керек. кала) по-разному интерпретируется в фольклоре народностей Чукотки и Камчатки (ср. здесь: ительменский текст № 179, эскимосскую сказку «Пять девушек и Майырахпак», — Эск. ск. и лег., стр. 53, чукотский текст № 164 — Богораз, 1900, и др.).

¹ Кереки весной и летом заготавливали на зиму птицу, добытую на птичьих базарах, в основном кайру. Обработывали ее особым способом, подвешивали над костром в землянке и вешали на балках.

² Тинная бабушка, Морская старушка — мифическая хозяйка моря у кереков.

³ И т ч ы м — мифический племянник ворона Кукки.

⁴ И л ы н а у — племянница ворона Кукки, сотворенная им из китового легкого.

⁵ К а й к л ю к а н а у — сестра Илынау, вторая племянница ворона Кукки, сотворенная им из ягоды. (Все прим. к № 113 даны В. Леонтьевым.)

№ 114. Рассказал в 1970 г. М. И. Етынкеу (см. прим. к № 113); зап. и пер. В. В. Леонтьев (совместно с Е. Хатканой). Публикуется впервые.

В сказке отражается древний миф палеоазиатов о воскресающем звере, по которому добыча зверя — это акт взаимной выручки между человеком и животным.

№ 115. Рассказал в 1956 г. житель сел. Майныпильгино Беринговского р-на Нутау, 62 лет; зап. и пер. П. Я. Скорик.

Опубли.: Ск. нар. Сев., стр. 447.

№ 116. Рассказала в 1969 г. Е. Хаткана (см. прим. № 113), зап. В. И. Иунэвут, пер. П. Я. Скорик. Публикуется впервые.

¹ Очевидно, гадание проводилось посредством прикладывания просверленного камешка ко лбу. Когда камешек не падал, ответ считался положительным.

² Огненными таннитами называли русских казаков, у которых местные жители впервые увидели огнестрельное оружие.

³ Каменные столбы — остатки от выветренных горных пород, имеющие различные причудливые формы, иногда сходные с чело-

веческими фигурами. По мифологии кереков, как и чукчей,— это окаменевшие люди.

№ 117. Рассказал Нутау (см. прим. к № 115), зап. и пер. П. Я. Скорик. Опул.: Ск. нар. Сев., стр. 445.

Сюжет с этимологической концовкой о лисе, покрасневшей от огня; в фольклоре других народностей Чукотки и Камчатки не отмечен.

№ 118. Рассказал в 1970 г. житель сел. Майныпильгино Беринговского р-на Кешгыто, 67 лет, неграмотный, русского языка не знал, хорошо владел керекским и чукотским языками; зап. и пер. В. В. Леонтьев (совместно с Е. Хатканой). Публикуется впервые.

Керекский вариант распространенного сюжета сказки о лисе, обманывающей глупого волка. Иногда вместо лисы и волка персонажами таких сказок выступают песец и медведь, лиса и медведь и т. д. (ср. здесь эскимосские тексты № 50 и др.).

№ 119. Рассказала в 1970 г. на рыбалке Куэт жительница сел. Майныпильгино Беринговского р-на Е. Кальгичанау, 54 лет, неграмотная, русского языка не знает; зап. и пер. В. В. Леонтьев (совместно с Е. Хатканой). Публикуется впервые.

Ворон Кукки в сказках маленькой народности кереков представляется мифическим создателем всего живого, земли и гор.

К керекскому циклу сказок о вороне Кукки относятся также все последующие представленные здесь сказки, записанные В. В. Леонтьевым.

№ 120. Рассказал в 1970 г. Кешгыто (см. прим. к № 118), зап. и пер. В. В. Леонтьев (совместно с Е. Хатканой). Публикуется впервые.

В сказке отражен мотив воскресающего животного, употребленного в пищу добытчиком.

№ 121. Рассказал в 1970 г. Кешгыто (см. прим. к № 118), зап. и пер. В. В. Леонтьев (совместно с Е. Хатканой). Публикуется впервые.

Сюжет перекликается с сюжетом ительменской сказки «Битва двух Кутхов» (см. здесь № 197), в которой земной ворон Кутх сражается с морским вороном Кутхом. Здесь представлено лишь начало сказки. Из-за болезни рассказчика Кешгыто В. В. Леонтьеву не удалось записать этот интересный сюжет целиком.

№ 122. Рассказал в 1970 г. М. И. Етынкеу (см. прим. к № 113); зап. и пер. В. В. Леонтьев (совместно с Е. Хатканой). Публикуется впервые.

В данной животной сказке контаминируется несколько сюжетов о вороне Кукке и хитрой лисе. В отдельности некоторые из этих сюжетов встречаются особенно часто в ительменском и корякском фольклоре.

№ 123. Рассказал в 1970 г. М. И. Етынкеу (см. прим. к № 113), зап. и пер. В. В. Леонтьев (совместно с Е. Хатканой). Публикуется впервые.

Керекский вариант сказки о катающихся с горы вороне и волке. В отличие от чукотского варианта («Волк и ворон», № 110), эскимосского («Ворон и волк», Эск. ск. и лег., стр. 23), в керекском сюжете катания персонажей с горы является только началом приключений Кукки. В этом смысле керекская сказка имеет много общего с корякским текстом № 126, где ворону пытаются мстить за брата другие волки и их мифические помощники.

¹ Стадо блох (*гачыйчин наллулан*) — имеются в виду мелкие быстро бегающие насекомые белого цвета, которые заводятся в сырой или прелой коже, шерсти, мехах.

² По представлениям кереков, когда рождалась дочь, то считалось, что вернулась бабушка, т. е. мать родившей женщины; когда же рождался сын, то считалось, что вернулся отец родившей женщины. В данной сказке старшая дочь Кукки Чиниллымнылнаккут называется «паумат» — теща, когда к ней обращается или о ней говорит Кукки-отец, и «ылла» — мать, когда к ней обращается или говорит о ней Мити, жена Кукки.

³ Шарик из жира служили для добычи зверя — волка, медведя, лисы. В шарик из жира закатывались полукругом согнутые пластинки из китового уса, концы которых заострялись. Шарик замораживали и забрасывали на звериные тропы. Зверь проглатывал шарик, китовая пластинка распрямлялась и остриями убивала зверя.

⁴ А к а л ь ч и к и — мифический отец Мити.

Сказки и мифы коряков

№ 124. Зап. в 1928 г. в сел. Кичига Коряцкого нац. окр. и пер. С. Н. Стебницкий.

Опубл.: Лымныло, стр. 91 [на кор. яз. с рус. подстр. пер.].

¹ Гриб мухомор (fly-agaric) чукчи и коряки употребляли в качестве опьяняющего, одурманивающего средства. Эти свойства мухомора нашли отражение в устном художественном творчестве народностей чукотско-корякской группы, а также в петроглифах на скалистых берегах Пегтымель (ср. The Koryak, № 77; см. здесь прим. 2 к № 189).

№ 125. Рассказал в 1928 г. житель сел. Кичиги Ававу, зап. и пер. С. Н. Стебницкий.

Опубл.: Лымныло, стр. 94 [на кор. яз. с рус. подстр. пер.].

Образ Куйкыннюку не имеет четкого выражения в цикле корякских вороньих сказок: иногда это человек, иногда — ворон. В данной сказке герой выступает, по-видимому, в образе человека.

№ 126. Рассказал в 1928 г. житель сел. Кичига Оонак (Кирилл Попов); зап. и пер. С. Н. Стебницкий.

Опубл.: Лымныло, стр. 96 [на кор. яз. с рус. подстр. пер.].

В основе сказки — распространенный у коренных народностей чукотско-камчатского региона, а также Аляски сюжет о катающихся с горы вороне и волке. В корякской сказке на этот сюжет с горы на санках катается Куйкыннюку, к которому приходит волк по имени Эгымчычын (ср. The Koryak, № 126).

В данном варианте (в отличие от эскимосского) — это и не совсем животная сказка, поскольку основной герой ее предстает в образе человека. Эта сказка служит иллюстрацией слабой дифференциации между волшебной и животной сказкой в корякском цикле у Куткыннеку (Куйкыннюку) [ср. эскимосскую сказку «Волк и ворон» (Эск. ск. и лег., стр. 23), а также здесь чукотский текст № 110].

Данный сюжет в корякском варианте контаминируется с другим сюжетом, где брат погубленного волка Таяхтыт в союзе с земными и морскими зверями пытается мстить Куйкыннюку.

О вороньем происхождении героя, о его магической силе свидетельствуют следующие моменты: Куйкыннюку окрашивает море ольховой краской, отчего гибнут морские звери, а затем вывешивает

спаружи свою воронью одежду, снегом с которой засыпает всех земных зверей.

Как в этой, так и в других сказках о вороне Куйкыннюку, древний миф о вороне-творце выступает основой формирования сказок о животных, в которых миссия героя-творца причудливо сочетается с ролью плута и простака. В плане художественном мифологическая основа сюжета обогащается сатирическими и комическими мотивами, что знаменует идеологическую многоплановость сказки.

№ 127. Рассказала в 1928 г. жительница сел. Кичига Н. Безуглова, зап. и пер. С. Н. Стебницкий.

Опубл.: Лымныло, стр. 100 [на кор. яз. с рус. подстр. пер.]

¹ Чичисэн, Рира и Уала — младшие дети Куйкыннюку и Мити.

№ 128. Рассказала Н. Безуглова, зап. и пер. С. Н. Стебницкий.

Опубл.: Лымныло, стр. 104 [на кор. яз. с рус. подстр. пер.]

Эта сказка с переодеванием лисы Чачучанавут представляет собой как бы логическое продолжение приключений Куйкыннюку в тексте № 127. Однако здесь он предстает простаком, которого в отместку обманывает лиса, перевоплощающаяся несколько раз в родственников героя. Персонажами здесь, как и в других сказках данного цикла, выступают также люди и звери.

№ 129. Рассказал в 1928 г. житель сел. Кичига П. Беляков, зап. и пер. С. Н. Стебницкий.

Опубл.: Лымныло, стр. 106 [на кор. яз. с рус. подстр. пер.]

№ 130. Рассказала Н. Безуглова, зап. и пер. С. Н. Стебницкий.

Опубл.: Лымныло, стр. 101 [на кор. яз. с рус. подстр. пер.]

№ 131. Рассказал в 1928 г. житель сел. Кичига Мулланвиль, зап. и пер. С. Н. Стебницкий.

Опубл.: Лымныло, стр. 112 [на кор. яз. с рус. подстр. пер.]

Сюжет данной сказки своей концовкой сходен с первой частью корякской сказки «Куйкыннюку и волк» (№ 126), где съеденный ворон оживает и убивает волка.

№ 132. Рассказала Н. Безуглова, зап. и пер. С. Н. Стебницкий.

Опубл.: Лымныло, стр. 113 [на кор. яз. с рус. подстр. пер.]

В этой сказке имеет место сочетание космогонического предания о создании Эмэмкутом кита и юмористического рассказа об отношении к женщине. Данный сюжет отмечен только в корякском фольклоре.

¹ Ныпайваелгын — букв. «Завистник».

№ 133. Рассказала в 1955 г. старейшая жительница сел. Карага А. К. Правоверова, 73 лет; зап. Д. П. Правоверова, пер. И. С. Вдовин. Публикуется впервые.

¹ Старинные юрты (полуземлянки) оседлых коряков были конусообразной формы. На вершине их имелось отверстие, которое служило и дымоходом, и световым приемом; через это же отверстие входили и выходили по приставленному бревну, на котором были зарубки-ступеньки (прим. И. С. Вдовина).

№ 134. Рассказал в 1955 г. житель сел. Колтушное Корякского нац. округа М. Т. Варганов (Ивтакрат), зап. и пер. И. С. Вдовин. Публикуется впервые.

В данной сказке, как ни в одной из сказок о корякско-ителменском персонаже Куйкыннюку — Кутхе, этот антропоморфный персонаж представляется как ворон-творец, а вредоносные «существа» — это его непослушные помощники, о которых он говорит, что это «из-

древле мои игрушки». Здесь же наиболее полно дается родословная семьи Куйкыннюку: сам Куйкыннюку, Амакут (Эмэкут) — старший сын Куйкыннюку; Кигыгысынюку — второй сын, Тиниэнэввут — дочь, Котгану — третий сын. Это постоянные члены семьи Куйкыннюку, встречающиеся по отдельности в разных корякских сказках данного цикла (в тексте № 127 у Куйкыннюку и Мити другие имена детей: Чичисэн, Рира, Уала). Один из сыновей Куткыннюку — Кигыгысынюку побеждает железными рукавицами вредоносных «духов», вышедших из подчинения отца. Эта деталь свидетельствует о позднейшем переосмыслении или дополнении древнего сюжета. Здесь же отмечается, что Мити является дочерью сороки, т. е. происходит, как и ее супруг, из птичьего рода.

№ 135. Рассказала в 1954 г. жительница сел. Таловка Пенжинского р-на Корякского нац. округа Кокок, 18 лет; зап. и пер. А. Н. Жукова.

Опубл.: Ск. нар. Сев., стр. 458.

№ 136. Рассказала в 1966 г. жительница сел. Карага Карагинского р-на Е. Д. Гуророва, зап. на карагинском диалекте Д. Н. Правовой, пер. И. С. Вдовин. Публикуется впервые.

Родословная семьи Куйкыннюку и Мити в данной сказке пополняется новыми членами — дочерью Рэрой и сыном Сисисыном (см. текст № 127, где эти же имена даются в ином фонетическом оформлении). На сходный же сюжет см. ительменскую сказку № 178.

№ 137. Рассказал в 1958 г. житель сел. Палана Тигильского р-на Корякского нац. округа Т. Я. Кавав, 47 лет; зап. и пер. А. Н. Жукова. Публикуется впервые.

№ 138. Рассказал в 1960 г. житель сел. Палана Тигильского р-на Корякского нац. округа А. Солодяков, 34 лет; зап. и пер. А. Н. Жукова. Публикуется впервые.

Деталь об огромных наручных часах великанов является новым напластованием, возникшим в советский период жизни коряков.

№ 139. Рассказал Т. Я. Кавав (см. прим. к № 137), зап. и пер. А. Н. Жукова. Публикуется впервые.

В палеоазиатских сказках о детях, рожденных матерью-животным от человека или женщиной от мужа-животного, подчеркивается их необычная физическая сила и жестокость по отношению к окружающим и даже к своим матери и отцу.

Вставной эпизод с казаками, вошедший в волшебную сказку и отражающий реальные исторические факты, сменяется далее континированным сюжетом русской сказки о поисках живой воды и борьбе героя со Змеем Горынычем. Этот сюжет в корякском фольклоре локализован: живая вода здесь заменена лекарством из желчи, а Змей Горыныч — стариком Огнищем, которого герой убивает «за десятую дверь» и желчью которого возвращает зрение отцу. Налицо несомненное влияние русской волшебной сказки (ср. The Koguyak, № 76).

№ 140. Рассказала в 1952 г. жительница сел. Белоголовое Тигильского р-на Тэкэл, 40 лет; зап. и пер. А. Н. Жукова.

Опубл.: Ск. нар. Сев., стр. 461.

№ 141. Рассказала в 1952 г. жительница сел. Белоголовое Кутета Гамековна, 26 лет; зап. и пер. А. Н. Жукова.

Опубл.: Ск. нар. Сев., стр. 474.

О нежелании женщины выходить замуж и немотивированном

обладании шаманской силой со стороны героини или героя см. тексты № 15, 56, 62 и др.

№ 142. Рассказал А. Солодяков, зап. и пер. А. Н. Жукова. Публикуется впервые.

№ 143. Рассказал М. Т. Варганов (см. прим. к № 134), зап. и пер. И. С. Вдовин. Публикуется впервые.

№ 144. Рассказал в 1960 г. житель сел. Палана Тигильского р-на Г. Кэч-гэнки, 25 лет; зап. и пер. А. Н. Жукова. Публикуется впервые.

№ 145. Рассказал в 1952 г. житель сел. Парень Пенжинского р-на Камлил, 43 лет; зап. и пер. А. Н. Жукова. Публикуется впервые.

№ 146. Рассказал в 1952 г. житель сел. Белоголоное Тигильского р-на Атна Ичсвич, 74 лет; зап. и пер. А. Н. Жукова. Публикуется впервые.

Сюжет сказки о семи братьях, ищущих невест, в различных вариантах встречается и у других народностей чукотско-камчатского региона (ср. текст «Пять братьев»,— Эск. ск. и лег., стр. 68). Мотив поиска невест по пущенным стрелам имеет распространение и в русском фольклоре (ср. «Царевна-лягушка» и др.).

№ 147. Рассказал А. Солодяков, зап. и пер. А. Н. Жукова. Публикуется впервые.

Топонимические и антропонимические детали, правдивое изображение действий героев свидетельствуют о происхождении этого предания из рассказов о действительных исторических событиях в период борьбы чукчей и коряков за обладание оленьими стадами.

№ 148. Рассказал М. Т. Варганов (см. прим. к № 134), зап. и пер. И. С. Вдовин. Публикуется впервые.

Вариант героического сказания № 147.

¹ Ку у т у к (кор.) — маленький островок у восточного побережья Камчатского перешейка к северу от сел. Кичига.

² П и н и н а н — букв. «Горящая лучина» — имя сына героя корякских героических сказаний Ымки.

³ Крепость (В ы й в ы н) — укрепленное земляным валом селение оседлых коряков, которое обычно состояло из 1—4 полуземлянок (юрт). С. П. Крашенинников такие укрепленные селения называл «острожками» (Крашенинников, 1819). Нередко поселки оседлых коряков (XVII—XVIII вв.) находились на островках (близко расположенных от берега), на возвышенных с крутыми склонами берегах рек, моря, на мысах.

⁴ В открылок панциря засадил топор — древний корякский панцирь (для защиты головы воина от стрел противника) имел два подвижных открылка (справа и слева), которые состояли из досок квадратной формы, обтянутых кожей моржа.

⁵ Похороны посредством сжигания — такой способ захоронения существовал у коряков до недавнего времени.

⁶ Сел. Рекиники расположено на западном берегу Камчатского перешейка.

№ 149. Рассказал М. Т. Варганов (см. прим. к № 134), зап. и пер. И. С. Вдовин. Публикуется впервые.

Историческое сказание о борьбе коряков с чукчами за оленьи стада. На стороне коряков-кочевников против чукчей выступали коряки побережья, а на стороне чукотских оленеводов, ведших войны с коряками, выступали приморские чукчи и азиатские эскимсы (ср. текст «Внютку-предводитель»,— Эск. ск. и лег., стр. 213).

- № 150. Рассказал М. Т. Варганов (Ивтакрат), зап. и пер. И. С. Вдовин. Опул.: Ск. нар. Сев., стр. 470.
Сюжетная основа этого правдивого повествования о кровной мести корякского героя, по-видимому, та же, что и у ительменских сказаний о Тылвале.
- № 151. Зап. в 1934 г. курсант Окружной партшколы Корякского нац. окр. Енагыт (Савва Хлебников) из Алюторского кочевого колхоза, пер. С. Н. Стебницкий.
Опул.: Лымныло, стр. 117 [на кор. яз. с рус. подстр. пер.].
В устном творчестве коряков имело широкое распространение предание о легендарном великане Мивите, обладавшем сказочной быстротой и силой. Мивит представляется как человек, который не пользовался на охоте луком, а настигал птиц и зверей благодаря своей молниеносной быстроте.
- № 152. Зап. в 1934 г. житель долины реки Апуки на Камчатке Кечгяат Нутэньин, пер. И. С. Вдовин.
Опул.: «Сказки коряков реки Апуки», Л., 1936 [на кор. яз.]. В русском переводе публикуется впервые.
- № 153. Рассказал М. Т. Варганов (см. прим. к № 134), зап. и пер. И. С. Вдовин. Публикуется впервые.
По древним обычаям приморских жителей Камчатки и Чукотки выброшенный морем кит являлся достоянием всего населения данной местности. Присвоение такой даровой добычи одним лицом считалось тяжким преступлением перед членами общины. Это произведение должно быть отнесено к жанру бытовых сказок (рассказов), отражающих реальные условия жизни корякского общества в период разложения первобытнообщинных отношений и появления социально-имущественной градации.
- № 154. Рассказал М. Т. Варганов (см. прим. к № 134), зап. и пер. И. С. Вдовин. Публикуется впервые.
Реальные приключения ушедшего от семьи охотника с помутившимся разумом переплетаются здесь с распространенным у палеоазиатов сказочным сюжетом сожительства человека и зверя (ср. № 81, 140). Действительное и фантастическое, рассказ и сказка в этом устном произведении переплетаются.
- № 155. Рассказал в 1958 г. житель сел. Палана Тигильского р-на И. И. Мохнаткин, бывший председатель колхоза, зап. и пер. А. Н. Жукова. Публикуется впервые.
Имеется несколько вариантов этого повествования. В одном из них охотник по имени Кэчгынтавав убивает лишь одного танга (иноплеменника), а остальные разбегаются.
- № 156. Рассказал Г. Кэчгэнки, зап. и пер. А. Н. Жукова. Публикуется впервые.
- № 157. Рассказал Мулланвиль, зап. и пер. С. Н. Стебницкий.
Опул.: Лымныло, стр. 120 [на кор. яз. с рус. подстр. пер.].
Характер сюжетного построения этой сказки свидетельствует о ее гетерогенности. Сказка сложилась в результате контаминации нескольких сюжетов, возникших в различные исторические эпохи и в разноязычной социальной среде. Эпизод состязания в хитрости лисы с медведем восходит к общему палеоазиатскому ареалу сказок о животных: эпизод о встрече лиса с лисой Чачучанавут относится к корякскому циклу сказок о животных; эпизод встречи лиса с русским попом — сборщиком податей навеян конкретными историческими событиями конца XVIII — начала XIX в., когда русские попы-миссионе-

ры пытались обратит коряков в христиан, попутно исполняя функции сборщиков податей; эпизод встречи лиса с Иваном-царевичем навеян проникновением к корякам русских волшебных сказок, в которых Иван-царевич выступает как народный герой. Каждый эпизод сказки имеет здесь социальную заостренность. Люди и звери выступают в роли персонажей, отражающих социальные картины жизни корякского общества в XIX в. (поп — сборщик податей велит лису отдать дочь за медведя, чтобы полученные за нее соболиные шкурки внести ему в качестве подати).

- № 158. Рассказал в 1928 г. житель сел. Кичига Корякского нац. округа Аввака, зап. и пер. С. Н. Стебницкий.
Опубл.: Лымныло, стр. 128 [на кор. яз. с рус. подстр. пер.].

Сказки и мифы ительменов

- № 159. Рассказал в 1966 г. житель сел. Напана Тигильского р-на П. И. Наседкин, 52 лет; зап. и пер. А. П. Володин. Публикуется впервые.
- № 160. Рассказал в 1968 г. житель сел. Тигиль, уроженец сел. Верхняя Седанка Н. Ф. Григорьев, 45 лет; зап. и пер. А. П. Володин. Публикуется впервые.
- № 161. Рассказал в 1926 г. житель сел. Седанка И. Косыгин, зап. и пер. Е. П. Орлова. Публикуется впервые.
- № 162. Рассказала в 1926 г. жительница сел. Тигиль А. Миронова, 48 лет; зап. и пер. Е. П. Орлова. Публикуется впервые.
- № 163. Рассказал в 1953 г. житель сел. Седанка Тигильского р-на Г. Г. Федотов; зап. и пер. Е. П. Орлова.
- № 164. Рассказал в 1926 г. житель сел. Напана Тигильского р-на Н. Наседкин, 52 лет; зап. и пер. Е. П. Орлова. Публикуется впервые.
- № 165. Рассказал в 1929 г. житель сел. Утхолок Тигильского р-на М. Заев; зап. и пер. Е. П. Орлова. Публикуется впервые.
- № 166. Рассказала в 1969 г. жительница сел. Тигиль В. И. Пономарева, 60 лет, зап. и пер. А. П. Володин. Публикуется впервые.
Первая часть сказки о потоплении лисы в сюжетном отношении имеет параллель в эскимосском фольклоре (см. здесь № 52), где лису при сходных обстоятельствах топят утки-чирки, соорудившие лодку из собственных крыльев.
- № 167. Рассказала в 1965 г. Л. Н. Толман, 61 года; зап. и пер. Н. К. Старкова. Публикуется впервые.
- № 168. Зап. в 1910—1911 гг. в районе Хайрузово Камчатской обл. В. И. Иохельсон.
В русском переводе публикуется впервые.
Опубл.: Kamchadal texts, стр. 151, № K2. 151. Пер. с ительменского А. П. Володин.
Вариант № 165.
- № 169. Рассказала в 1969 г. В. И. Пономарева (см. прим. к № 166), зап. и пер. А. П. Володин. Публикуется впервые.
Вариант № 168.
- № 170. Рассказал М. Заев (см. прим. к № 165), зап. и пер. Е. П. Орлова. Публикуется впервые.
- № 171. Рассказала в 1965 г. жительница сел. Тигиль Т. Н. Брагина, 59 лет; зап. и пер. Н. К. Старкова. Публикуется впервые.

Вариант № 170.

- № 172. Зап. В. И. Иохельсон (см. прим. к № 168).
Опубл.: Kamchadal texts, стр. 86, № K2.11.
В русском переводе публикуется впервые. Пер. с ительменского
А. П. Володин.
- № 173. Зап. В. И. Иохельсон (см. прим. к № 168).
Опубл.: Kamchadal texts, стр. 155, № K2.22.
В русском переводе публикуется впервые. Пер. с ительменского
А. П. Володин.
Адаптированные сюжеты двух известных у многих народов сказок — о старике, обманутом лисой, и о волке, приморозившем по наущению той же лисы свой хвост в проруби. В роде обманутого рыбака здесь — Кутх. Эта же сказка в разных вариантах зафиксирована у азиатских эскимосов и чукчей. В данном случае не исключено влияние и русского фольклора.
- № 174. Зап. В. И. Иохельсон (см. прим. к № 168).
Опубл.: Kamchadal texts, стр. 90, № K2.12.
В русском переводе публикуется впервые. Пер. с ительменского
А. П. Володин.
Ср. Kamchadal texts, № 107.
- № 175. Рассказал М. Заев (см. прим. к № 165), зап. и пер. Е. П. Орлова.
Публикуется впервые.
О перевоплощении дочерей Кутха Синаневт и Амзаракчан в животных см. также вариант этой сказки № 191.
- № 176. Рассказал М. Заев (см. прим. к № 165), зап. и пер. Е. П. Орлова.
Публикуется впервые.
¹ И я н а м л ь ц я х — букв. «Ягода княженика».
- № 177. Рассказала В. И. Пономарева (см. прим. к № 166), зап. и пер. А. П. Володин. Публикуется впервые.
¹ Кимчигу (дикий мелкий картофель) собирают при помощи палки с гвоздем на конце (тычка). Этой палкой женщины прощупывают землю, чтобы отыскать «мышиный амбарчик», в который мышь складывает впрок кимчигу. В одном амбарчике может храниться до полуведра клубней. Такой способ сбора, конечно, эффективнее выкапывания клубней из-под отдельных кустов.
- № 178. Зап. В. И. Иохельсон (см. прим. к № 168).
Опубл.: Kamchadal texts, стр. 175, № K2.10.
В русском переводе публикуется впервые. Пер. с ительменского
А. П. Володин.
Сюжет этой сказки аналогичен сюжету корякской сказки «Как Рэра потеряла жениха-медведя», где вместо волков действуют медведи. В настоящем же тексте изображается двойное перевоплощение персонажей: женихи-волки при погоне за дочерьми Кутха перевоплощаются в медведей, а из добытых сыновьями Кутха — Эмэмкутом и Сисильханом — медведей выходят женихи в человеческом облике. Вместо корякской Рэры (дочери Куйкыннику) здесь — Сирим (дочь Кутха). Остальные имена детей Кутха и Куйкыннику имеют лишь фонетические различия. Здесь, как и в корякском варианте, сохраняется мотив доброй, умной и находчивой Синаневт и злой, строптивой Сирим.
- № 179. Рассказал М. Заев (см. прим. к № 165), зап. и пер. Е. П. Орлова.
Публикуется впервые.
В фольклоре всех народностей Чукотки и Камчатки имеет ши-

рокое распространение волшебная сказка о похищении вредоносными существами (великаном духом-кэле, злым старичком, людоедкой Май-ырахпак и т. д.) девочек или мышат. В большинстве ительменских вариантов сказки на данный сюжет пожирателем мышей является Кутх, лишь в одной ительменской сказке (№ 196) в этой роли выступает «длинный злой старичок».

№ 180. Рассказал в 1964 г. житель сел. Ковран Тигильского р-на П. П. Шадрин, 69 лет; зап. и пер. Н. К. Старкова.

Ср. здесь № 38, 196; The Koryak, № 88, 130.

Сказки о простаке, прыгнувшем в прорубь за своим отражением, принятым за женщину, имеют широкое распространение также у эвенов и других малых народностей Дальнего Востока. Ср. Эвенский фольклор, Магадан, 1958, стр. 73—75; The Koryak, № 130 (Куйкыньяку прыгает за своим отражением в реку и погибает).

№ 181. Зап. В. И. Иохельсон (см. прим. к № 168).

Опубл.: Kamchadal texts, стр. 130, № K2.19.

В русском переводе публикуется впервые. Пер. с ительменского А. П. Володин.

В данной сказке мифической силой перевоплощения и созидания обладает не только сам Кутх, заставивший Мити родить медведя, но и его дети — дочь Синаневт и сын-медвежонок, как бы перенявшие от родителя часть его чудодейственных свойств.

№ 182. Рассказала Т. Н. Брагина (см. прим. к № 171), зап. и пер. Н. К. Старкова. Публикуется впервые.

№ 183. Зап. В. И. Иохельсон (см. прим. к № 168).

Опубл.: Kamchadal texts, стр. 167, № K2.25.

В русском переводе печатается впервые. Пер. с ительменского А. П. Володин.

№ 184. Зап. В. И. Иохельсон (см. прим. к № 168).

Опубл.: Kamchadal texts, стр. 29, № K2.4.

В русском переводе публикуется впервые. Пер. с ительменского А. П. Володин.

Сын Кутха великан-охотник Эмэмкут в борьбе со зловредными существами использует здесь свою магическую силу.

№ 185. Зап. В. И. Иохельсон (см. прим. к № 168).

Опубл.: Kamchadal texts, стр. 103, № K2.14.

В русском переводе публикуется впервые. Пер. с ительменского А. П. Володин.

¹ Каманхнавт — злая старуха ящерица, отрицательный персонаж ительменских сказок.

В этой сказке чудесным образом переплетаются мотивы магии, перевоплощения, брачного союза женщины с птицей. Вредоносная старуха Каманхнавт напоминает здесь мифического вредоносного жука эскимосских и чукотских сказок, который в образе маленькой старушки выступает антагонистом положительного героя.

№ 186. Рассказала в 1926 г. жительница сел. Хайрюзово Тигильского р-на А. М. Шадрина, зап. и пер. Е. П. Орлова.

Вариант № 185.

№ 187. Зап. В. И. Иохельсон (см. прим. к № 168).

Опубл.: Kamchadal texts, стр. 244, № K2.38.

В русском переводе публикуется впервые. Пер. с ительменского А. П. Володин.

Здесь Эмэмкут выступает не братом Синаневт, а ее жещихом. Дочери Кутха, изображаемые в сказках ительменов в образе чело-

веческих существ, вступают в брачные союзы чаще всего с животными персонажами. Это обусловлено тем, что сами они рождены от животных — ворона Кутха — Куйкыннюку и сорочьей дочери Мити.

№ 188. Зап. В. И. Иохельсон (см. прим. к № 168).

Опубл.: Kamchadal texts, стр. 22, № K2.2.

В русском переводе публикуется впервые. Пер. с ительменского А. П. Володин.

¹ Вален-Синаневт здесь не сестра Эмэмкута Синаневт, а сестра братьев — охотников на диких оленей.

№ 189. Зап. В. И. Иохельсон (см. прим. к № 168).

Опубл.: Kamchadal texts.

В русском переводе публикуется впервые. Пер. с ительменского А. П. Володин.

¹ Челькутх — ворон, сказочный персонаж, противопоставляемый в ительменском фольклоре Кутху. На современном этапе знания палеоазиатских языков мы не можем этимологизировать имена Кутх и Челькутх. Очевидным представляется только то, что Челькутх является производным от Кутх. Можно предполагать, что слово *кутх* по происхождению относится к одному из древних палеоазиатских языков или родственных ительменскому языку диалектов, вымерших в далеком прошлом и обозначавших слово «ворон» (ср. совр. ительменское фе'клх — «ворон»).

² Девушки-мухоморы — в ительменском фольклоре мифические лесные красавицы аманатки, заманивающие своими чарами охотников в лесные дебри. Миф о девушках-мухоморах восходит к древнему обычаю палеоазиатов Камчатки и Чукотки употреблять грибы мухоморы в качестве одурманивающего средства. «Собственно мухомор *ванак* употребляется как опьяняющее средство коряками, а у чукоч встречается редко, особенно в Колымском крае, где мухоморов нет» (Богораз, 1900, стр. 57, прим.) (см. также комментарий к № 124).

Миф о женщинах-мухоморах, уводящих мужчин в волшебный мир, нашел свое воплощение в петроглифах скалистых гор Пегтымель, самых северных наскальных рисунках, обнаруженных советскими геологами и археологами в 1965—1966 гг. На этих скальных рисунках изображена пляска мухоморов, а на одном из фрагментов — увод женщиной-мухомором охотников (ср. Диков, стр. 219—221).

Сюжеты наскальных рисунков и данной сказки восходят, как нам представляется, к одному мифологическому источнику.

№ 190. Рассказала В. И. Пономарева (см. прим. к № 166); зап. и пер. А. П. Володин. Публикуется впервые.

Сказка о брачном союзе дочери Кутха Синаневт с рыбой-горбушей, деревянным крючком, собакой и мертвецом.

¹ Сырой нерпичий жир, нарезанный кусочками, складывали для хранения в нерпичий пузырь. Для извлечения жира из пузыря употреблялась специальная палка с крючком, которая имела и специальное название.

² В подлиннике нарочито искаженная речь. По мысли рассказчицы, Синаневт и крючок, говорящий на своем «деревянном» языке, не понимают друг друга. То же далее.

№ 191. Зап. В. И. Иохельсон (см. прим. к № 168).

Опубл.: Kamchadal texts, стр. 54, № K2.8.

В русском переводе публикуется впервые. Пер. с ительменского
А. П. Володин.

Сказка о создании дочерью Кутха кита и о перевоплощении их в оленя (Синаневт) и медведя (Анаракльнавт). В другом варианте (№ 175) нет упоминания о морском Кутхе, и дочери старого Кутха, созданные из птичьих яиц, уплывают на ките в неизвестную страну. Далее сюжет совпадает. Имя второй дочери Кутха в этих двух вариантах не совпадает (в № 175 ее имя — Амзarakчан).

№ 192. Зап. В. И. Иохельсон (см. прим. к № 168).

Опубл.: Kamchadal texts, стр. 35, № K2.5.

В русском переводе публикуется впервые. Пер. с ительменского
А. П. Володин.

В другом варианте этой сказки (№ 171) Кутх и Эмэмкут, убегая от Мити и Синаневт, оборачиваются воронами, что не совсем отчетливо прослеживается в настоящем тексте.

№ 193. Зап. В. И. Иохельсон (см. прим. к № 168).

Опубл.: Kamchadal texts, стр. 95, № K2.13.

В русском переводе публикуется впервые. Пер. с ительменского
А. П. Володин.

Здесь обнаруживается явное нарушение сказочной традиции о составе семьи Кутха. Эмэмкут оказывается зятем (а не сыном) Кутха, женившимся на дочери последнего Ельтальнен. Имя этой дочери упоминается также впервые.

Сказка завершается бытовой концовкой, отражающей социальную сторону жизни ительменов XIX в. (казаки, отработка за жену).

№ 194. Зап. в 1910—1911 гг. в сел. Седанка Камчатской обл. В. И. Иохельсон.

Опубл.: Kamchadal texts, стр. 173, № K2.26.

В русском переводе публикуется впервые. Пер. с ительменского
А. П. Володин.

Настоящая сказка представляет собой более ранний вариант № 176. Сюжет этих двух сказок сходен. Различие в том, что в одной из них нарушителем семейных устоев выступает Кутх, пытающийся отнять у сына Эмэмкута жену Иянамльцах, а в другой — женой Эмэмкута пытается овладеть брат его Сисильхан. Имена жены Эмэмкута в этих сказках представляют собой, возможно, диалектные варианты одного слова (Аяномльчхач, Иянамльцах — букв. «Ягода княженика»).

№ 195. Рассказала в 1969 г. В. И. Пономарева (см. прим. к № 166), зап. и пер. А. П. Володин. Публикуется впервые.

В этой сказке Мечхч («Тощий человечек») обращается к всемогущему Кутху за помощью против насильника-медведя. В данном случае Кутх выступает в роли защитника обиженных.

№ 196. Рассказала В. И. Пономарева (см. прим. к № 166), зап. и пер. А. П. Володин. Публикуется впервые.

Распространенная у народностей Чукотки и Камчатки сказка о вредоносном существе, пожирающем все живое. В ительменском фольклоре — это Ивликелхен («Длинный злой старичок») (в № 179 — Кутх), в чукотском — кэле, в эскимосском — великанша Майырахпак и т. д. Следует отметить, что чудовище, пожирающее детенышей, в сказках народностей указанного региона изображается в образе женского существа, поэтому представление Ивликелхена в одноименной сказке как мужского персонажа является, по-видимому, результатом изменения сюжета у современных ительменов, замены

женского персонажа мужским. Вариант сказки, где вместо Ивликлелхена выступает Кутх, представляется, по-видимому, вторичным и наиболее поздним, когда мифический творец ворон Кутх снижается до отрицательного персонажа.

№ 197. Зап. В. И. Иохельсон (см. прим. к № 168).

Опубл.: Kamchadal texts, стр. 165, № K2.24.

В русском переводе публикуется впервые. Пер. с ительменского А. П. Володин.

Рассказ о морском Кутхе (см. также № 189). Два Кутха — морской и земной — антагонисты.

№ 198. Зап. в 1910—1911 гг. в сел. Седанка Камчатской обл. В. И. Иохельсон.

Опубл.: Kamchadal texts, стр. 199, № K2.30.

В русском переводе публикуется впервые. Пер. с ительменского А. П. Володин.

В иносказательной форме в сказке отражается борьба оленеводов за обладание оленьими стадами.

№ 199. Рассказал в 1969 г. житель сел. Палана М. Н. Медведицын, 54 лет; зап. и пер. А. П. Володин. Публикуется впервые.

¹ И к ы м т у — букв. «Коротконогий».

² И в ы л т у — букв. «Длинноногий».

Сюжет сказки об установлении шаманами хорошей погоды зафиксирован только у ительменов и относится к новым записям.

№ 200. Зап. В. И. Иохельсон (см. прим. к № 168).

Опубл.: Kamchadal texts.

В русском переводе публикуется впервые. Пер. с ительменского А. П. Володин.

№ 201. Зап. В. И. Иохельсон (см. прим. к № 168).

Опубл.: Kamchadal texts, стр. 51, № K2.7.

В русском переводе публикуется впервые. Пер. с ительменского А. П. Володин.

Один из ранних вариантов сказок о вредоносных чудовищах, пожирающих детенышей. Как уже отмечено выше (см. прим. к № 196), сюжет этот в разных вариантах распространен по всему камчатско-чукотскому региону.

№ 202. Рассказал М. Заев (см. прим. к № 165), зап. и пер. Е. П. Орлова. Публикуется впервые.

Вариант сказки о глупом вороне, которого обманывают мыши (ср. здесь № 179; The Karyak, № 88).

№ 203. Рассказала в 1954 г. жительница сел. Напана Тигильского р-на В. И. Пономарева; зап. и пер. Е. П. Орлова. Публикуется впервые.

Тексты № 203—206 представляют собой серию вариантов ительменской сказки о бескрылом гусенке, который не может улететь с родителями в теплые страны и вынужден зимовать в полынье. В этой сказке действующими лицами выступают как звери, так и люди.

Здесь с особенным лиризмом передан мотив материнской заботы, товарищеской взаимовыручки. В качестве положительных героев выступают традиционные персонажи ительменско-корякского фольклора — старшие дети Кутха: Эмэмкут и Синаневт. Они спасают гусенка от холода, от лисы, делают ему крылья из травы. В трех вариантах этой сказки крылья делает Синаневт, в одном — Эмэмкут. В двух вариантах вредоносное существо — лиса, пытающаяся достать гусенка из полыньи, околеваает от выпитой воды, в двух — она

уходит. В последнем варианте гуси в благодарность за спасение гусенка женят своего старшего сына на Синаневт. Космогонические представления древних ительменов о кровном родстве людей и животных находят в сказках подобного типа непосредственное отражение.

№ 204. Рассказала в 1965 г. Т. Н. Брагина; зап. и пер. И. К. Старкова. Публикуется впервые (см. прим. к № 203).

№ 205. Рассказал в 1966 г. житель сел. Верхняя Седанка Тигильского р-на Н. Г. Федотов, 46 лет; зап. и пер. А. П. Володин. Публикуется впервые (см. прим. к № 203).

№ 206. Зап. В. И. Иохельсон (см. прим. к № 168).

Опубл.: Kamchadal texts, стр. 45, № К2.6.

В русском переводе публикуется впервые. Пер. с ительменского А. П. Володин (см. прим. к № 203).

**СЛОВАРЬ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ,
НЕПЕРЕВОДИМЫХ СЛОВ И ТЕРМИНОВ**

Акиба (местн. рус.) — кольчатая нерпа.

Алют (кор.) — река и местность на Камчатке.

Алюторцы (олюторцы) — одно из корякских племен.

Амбон — местность в устье р. Тигиль на Камчатке.

Апчины (Апчинвеем) — река на Камчатке.

Аракамчечен (чук.) — о-в в пр. Сенявина на Чукотском п-ове (эск. Кин).

Аргиш — на Чукотском и Камчатском севере — караван из оленьих упряжек.

Аяк (эск.) — небольшой остров в северной части Берингова пролива (принадл. США).

Байдара (местн. рус.) — эскимосская лодка, сделанная из легкого деревянного каркаса, обтянутого моржовой шкурой.

Балаган (местн. рус.) — легкий временный шатер из веток и травы.

Воямполка — селение на Камчатке.

Выбивалка — изогнутая пластина из оленьего рога, употребляемая для выбивания снега из меховой одежды и обуви.

Вытвыткавын (кор.) — местность на Камчатке.

Голец — вид лососевых рыб.

Дождевик — у эскимосов и приморских чукчей плащ из пленки кишок морских зверей. Одевался для предохранения меховой одежды от дождя и сырости.

Дрыгалка (местн. рус.) — короткая, толстая дубинка, употреблявшаяся ительменами и коряками в качестве орудия охоты, обороны и нападения.

Женский нож — нож с лезвием полуовальной формы, вставляемым в гнездо ручки-накладки. Употребляется женщинами в домашнем быту.

Жирник — сосуд жирового светильника, изготовлявшийся из глины или камня. Фитилем служил толченый сухой мох.

Запор — у ительменов и частично коряков (как и у коренного русского населения Сибири) — сооружение для ловли рыбы в реках. Состоял из плотной изгороди, перегораживающей реку целиком или частично. В отверстия изгороди ставились ловушки-морды, в которые и заходила рыба.

Землянка — древнее жилище эскимосов, прибрежных чукчей и коряков. Землянки сооружались из плавника, китовых костей, дерна и камня.

Е в а л а (ительм.) — рыба, отменявшая икру.

Игра веревочкой — древняя и широко распространенная прежде у эскимосов игра в плетение петель на пальцах.

Изменная — сопка на Камчатке.

Имаклик (эск., букв. «находящийся в море»; чук. адаптация **Иметлин**, **Имеглин**) — остров в Беринговом проливе (о-в Б. Диомид, или Ратманова, СССР). Этот остров с древнейших времен служил перевалочным пунктом морских поездов азиатских эскимосов и чукчей к аляскинским эскимосам, а последних — на Чукотку.

Имеглин (**Имелин**) — см. Имаклик.

Иналик (эск., чук. адаптация **Инетлин**) — остров в Беринговом проливе (о-в Крузенштерна, США).

Инетлин — см. Аналик.

Ира-ира (эск.) — боевой клич.

Кала (керек.) — то же, что **кэле** (см.).

Калаус (кор.) — сосуд из пузыря, желудка или шкуры животного, наполненный топленным нерпичьим жиром.

Камлейка (местн. рус.) — верхняя одежда с капюшоном из ткани, надеваемая поверх меховой одежды в целях предохранения от дождя или снега. Камлейки носили мужчины и женщины.

Каяк (эск.) — охотничья лодка с легким деревянным каркасом, обтянутым тюленьей шкурой, и закрытым верхом. Гребец садился в люк и затыгивался шнуром.

Кемчуга — съедобный корень.

Керкер (чук.) — меховой женский комбинезон, надевающийся через шейный прорез. Распространен по всему чукотско-камчатскому региону.

Киги (**Кихи**) — см. Аракамчечен.

Кигмак (эск.) — мыс в Беринговом проливе около Наукана.

Килыкил (кор.) — блюдо из вареной рыбы и ягод.

Кимчига — см. кемчуга.

Кирилка (местн. рус.) — традиционное блюдо ительменской кухни. Готовится из отварных мозгов (или рыбы, или, в последнее время, картофеля), шикши (см.) в свежем виде и топленого нерпичьего жира.

Кичига — населенный пункт в Корьякском нац. округе.

Копылья — распорки, соединяющие полозья нарты с верхними планками и между собой.

Кружкй из китовых плавников — у приморских жителей Чукотки (особенно эскимосов) во время «китового праздника» нанизывались на тонкие, длинные ремни и вывешивались в жилищах в качестве украшения. По окончании праздника совершался обряд приношения этих кружочков в качестве дара «Хозяину вселенной».

Круглая сопка — сопка на Камчатке, где, по преданиям ительменов, жил великан Тылвал.

Кукашка — см. кухлянка.

Кукуль — спальный меховой мешок.

Кульки — река на Камчатке.

Кунджа (местн. рус.) — вид лосося.

Кухлянка (местн. рус.) — верхняя меховая одежда.

Кыгмик (эск.) — местность и селение на Аляске.

Кыфлявик (эск.) — гора и место старинного поселения эскимосов в районе мыса Чаплино.

Кэле — в чукотском и корьякском фольклоре духи-оборотни, носители злой силы. В керекском фольклоре им соответствует **кала**.

Лактак — морской заяц (вид тюленя).

Лемешина (местн. рус.) — табачная жвачка, готовится из смеси махорки с пеплом, в который пережигается губа (гриб, растущий на стволах деревьев).

Летательные амулеты — у эскимосов деревянные или костяные фигурки птиц, служившие амулетами, «помогавшими» человеку без труда преодолевать большие расстояния. В сказках такие амулеты наделяют человека искусством летать подобно птице.

Лопатка — мыс на Камчатке.

Макарша (местн. рус.) — съедобный корень, обладающий вяжущими свойствами.

Мамругагнак (эск.) — гора в районе Мамрохпак.

Мангак (эск.) — горная цепь к северу от Сиреников.

Мантак (эск.) — китовая кожа, любимое блюдо эскимосов.

Маска — ритуальная деревянная маска у некоторых общин эскимосов, которая надевалась китобоями во время торжественного танца на «китовом празднике».

Маяк — местность и населенные пункты в устье р. Тигиль на Камчатке.

Морда — рыболовная снасть из прутьев ивняка.

Морской петушок — амулет из шкурки морского петушка, также фигурки его из клыка или дерева. По представлениям эскимосов, морской петушок предохранял охотника от всяческих бедствий во время морской охоты или длительных морских путешествий.

Наколенники — меховые повязки, которые надевались на колени для предохранения от мороза и ушибов во время охоты в горах или на льду.

Наукан — населенный пункт на мысе Дежнева в Беринговом проливе. В старом эскимосском поселке Наукан до 1958 г. проживала этническая группа науканских эскимосов, объединявшая более 10 общин. В настоящее время отдельные семьи науканцев проживают в чукотских поселках Нуныама, Лорино, Уэлен и др.

Непай (ительм., кор.) — неудача.

Нетелин (чук.) — населенный пункт.

Нунак (эск.) — местность и населенный пункт около Наукана.

Нунагмитцы (эск.) — община из Нунака.

Нывиты (кор.) — оборотни, которые в корякском фольклоре играют роль злого начала.

Нэтэн (чук.) — населенный пункт в Чукотском районе. Чукотская адаптация старинного эскимосского топонима Натук.

Олюторка — населенный пункт в Корякском нац. округе Камчатской области.

Оставка — добыча, временно оставленная на месте охоты.

Остол — деревянная с костяным или железным наконечником палка, служащая тормозом для остановки нарты.

Ошейник — ремешок с бусинкой или костяным амулетом, который эскимосы носили на шее в качестве охранителя от «злых духов».

Плавник — выброшенная морем древесина. Плавник широко употреблялся жителями Крайнего Севера в качестве строительного материала и топлива.

Плащ — то же, что и дождевик (см.).

Подорожники — изделия из вяленого мяса или сушеной рыбы, готовившиеся специально в дорогу.

Подполоски — набойки на полозья нарты из кости или пластин оленьего уса.

Полог — спальное помещение внутри жилища (землянки, яранги) из оленьих шкур, натягивавшихся на деревянный каркас.

Поплавок — у приморских жителей Чукотки и Камчатки поплавок представлял собой цельноснятую и надутую шкуру нерпы. Привязывался к гарпуному ремню и удерживал загарпуненного зверя на поверхности.

Постель — зимняя длинношерстная шкура оленя, употреблявшаяся коренными народностями Севера в качестве постели.

Пүчки — пустотелое травяное растение из класса зонтичных, молодые стебли которого обладают приятным сладковатым вкусом.

Пыжик (местн. рус.) — пушистая меховая шкура новорожденного олененка. Из пыжика шили нательные кукашки и одежду для детей. В настоящее время из меха пыжика делают головные уборы.

Пып (чук.) — снятая целиком нерпичья шкура, наполненная топленным тюленьим жиром. Приморские жители Чукотки заготавливали впрок такие пыпы как для собственных нужд, так и для обмена на продукты оленеводства у кочевников.

Пээгти (чук.) — звезды, входящие в созвездие Орла. С появлением этих звезд, примерно в декабре месяце, чукчи-олeneводы устраивали праздник «пээгти», посвященный зимнему забою оленей.

Равдуга (местн. рус.) — замша.

Рекниники (кор.) — селение на западном побережье Камчатки.

Репальгып (чук.) — моржовая шкура, употреблявшаяся приморскими жителями для обтяжки байдар, покрытия шатров-яранг и для изготовления охотничьих ремней.

Санлук (эск.) — скала и местность на чукотском побережье Берингова пролива

Санлык (эск.) — маленькая горная река, впадающая в море в районе селения Сиреники.

Сарана (местн. рус.) — клубни красной лилии. В старину употреблялись жителями Камчатки в пищу. Клубни ели сырыми, а из сушеных клубней делали муку.

Саяк (эск.) — обрядовый праздник у азиатских эскимосов.

Свистун — в фольклоре народностей Чукотки и Камчатки оборотень, причиняющий людям зло.

Седанка — населенный пункт на Камчатке.

Сельница (местн. рус.) — у камчадалов специальное (обычно деревянное) корыто для приготовления толкуши (см.) Форма сельницы продолговатая или, ранее, круглая.

Сиреники (эск.) — селение южнее бухты Провидения.

Стойбище — временная стоянка кочевников-олeneводоов.

Сушйла — козлы или подставка для просушки и хранения байдар, а также для просушки свежих шкур.

Танниты (эск.) — иноплеменники, пришельцы, враги. Этот термин в различных фонетических вариантах имел широкое распространение среди народностей Чукотки и Камчатки. Азиатские эскимосы называли танниты (тангами) воинственные ватаги кочевников — чукчей и коряков, приходивших с юга Чукотки и Камчатки в целях захвата оленей у кочевников северной части Чукотки. Таким нападениям, по данным фольклора, подвергались также мирные селения приморских жителей — эскимосов и чукчей, у которых танниты забирали продукты морского промысла, а иногда и пленников.

Тигиль — река на Камчатке.

Толкуша — камчатское блюдо, приготавливаемое из растертых клубней и стеблей ряда съедобных растений, рыбы, жира, ягод и др.

Торбаза — обувь из нерпичьей шкуры или камусов (шкурок с оленьих ног).

Тунгаки (эск.) — духи-оборотни, которые, по представлениям эскимосов, приносили людям разные бедствия: голод, болезни, смерть. В чукотском фольклоре тунгакам соответствуют кэле, в корякском — кэле и нынвиты, в керекском — кала.

Тынагыргын (чук., букв. «рассвет», «небесное божество»). По представлениям чукчей, тынагыргын ведал земными делами людей, наказывал их за нерадивость и плохие поступки. В сказках тынагыргын предстает в образе простого охотника, ведущего хозяйство, имеющего жену, детей, жилье, домашний скarb.

Тыпагрук (эск.) — утес около Наукана.

Укивак (эск.) — небольшой остров в Беринговом проливе.

Укигалук (эск.) — скала около мыса Дежнева в Беринговом проливе.

Уксик (эск.) — скалы около Сиреников.

Укук (эск.) — селение на Аляске.

Умкуглюк (эск.) — мыс в Беринговом проливе.

Уназик (Чаплино) — эск. поселок на мысе Чаплино. В настоящее время перебазирован в залив Ткачен.

Уттен (Утен) — стойбище около Миткулина.

Уэлен (Уэлен) — большое чукотское селение в Беринговом проливе около мыса Дежнева.

Хозяин моря — в эск. фольклоре мифический персонаж, владеющий всеми богатствами моря и регулирующий охоту на морского зверя.

Чавчувены (кор.) — кочевые коряки-оленоводы.

Чавыча (местн. рус.) — крупная лососевая рыба, заходящая в реки Камчатки.

Чага — березовый гриб, употреблявшийся ительменами в качестве заварки.

Чачу (чук.) — кочевник-оленовод.

Человек обычаяев — персонаж эскимосских мифических преданий, обитающий в верхнем мире и следящий за поступками людей на земле.

Черемша — вид дикорастущего чеснока.

Чижи (местн. рус.) — меховые чулки.

Чирим (ительм.) — алкогольная настойка из отвара мухоморов и голубицы.

Чируч (коряк.) — рыболовная снасть.

Чуванцы (местн. рус.) — одна из палеоазиатских народностей, которой могла быть территориально обособленная группа юкагиров. Чуванцами называло себя также местное население старинных русско-юкагирско-чукотских поселений на чукотских реках Анадырь, Белая, Аной.

Чуман, чумашек — сосуд из бересты.

Шикша (местн. рус.) — ягода вороника.

Юкола (местн. рус.) — вяленая рыба.

Яранга (чук.) — наземное жилище в виде шатра с остовом из жердей, крытых оленьими шкурами (у кочевников) или моржовыми шкурами (у приморских жителей). Яранги приморских жителей строились с более сложным каркасом из балок и тонких жердей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранников, 1940 — Баранников И., Амамхатлымныло (корякские сказки об Эмэмкуте). Ред. и пер. С. Н. Стебницкого, Л., 1940.
- Беликов, 1956 — Беликов Л. В., Основные виды устного народного творчества чукчей, Л., 1956 (АКД).
- Беликов, 1960 — Беликов Л. В., К характеристике устного народного творчества чукчей, — «УЗ ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 167, 1960.
- Беликов, 1961 — Лымнылтэ, сост. Л. В. Беликов, Магадан, 1961 [на чук. яз.].
- Беликов, 1965 — Беликов Л. В., Героические сказания чукчей, — «УЗ ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 269, 1965.
- Беликов, 1967 — Беликов Л. В., В. Г. Богораз как собиратель и исследователь чукотского фольклора, — «УЗ ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 353, 1967.
- Беликов, 1969 — Беликов Л. В., Сказки о животных в фольклоре народностей северо-востока Сибири, — «УЗ ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 383, 1969.
- Богораз, 1900 — Богораз В. Г., Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, СПб., 1900.
- Богораз, 1919 — Богораз В. Г., Народная литература палеоазиатов, — «Литература Востока», вып. I, Пг., 1919.
- Богораз, 1930 — Богораз В. Г., Чукотский общественный строй по данным фольклора, — «Советский Север», 1930, № 6.
- Богораз, 1936 — Богораз В. Г., Основные типы фольклора Северной Евразии и Северной Америки, — «Советский фольклор», М.—Л., 1936.
- Вдовин, 1948 — Вдовин И. С., Из истории общественного строя чукчей, — «Советская этнография», 1948, № 3.
- Вдовин, 1950 — Вдовин И. С., К истории общественного строя чукчей, — УЗ ЛГУ, № 115, 1950.
- Вдовин, 1961 — Вдовин И. С., Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков, — «Сибирский этнографический сборник», т. III, М.—Л., 1961.
- Вдовин, 1965 — Вдовин И. С., Очерки истории и этнографии чукчей, М.—Л., 1965.
- Вдовин, 1970 — Вдовин И. С., О соотношении фольклора с историко-этнографическими данными, — «Фольклор и этнография», Л., 1970.

- Диков — Диков Н. Н., Древние костюмы Камчатки и Чукотки, Магадан, 1969.
- Жуков — Жуков Л., Нотаймэ, Л., 1938.
- Иванов — Иванов С. В., Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX вв., М.—Л., 1954.
- Иохельсон, 1915 — Иохельсон В. И., Образцы материалов по алеутской живой старине, — «Живая старина», вып. 3, Пг., 1915.
- Кеккетын — Кецай Кеккетын, Эвныто валын, Л., 1938.
- Крашенинников, 1819 — Крашенинников С., Описание земли Камчатки, т. I—II, СПб., 1819.
- Лымныло — Лымныло (Нымыланские сказки), сост. С. Н. Стебницкий, Л., 1938 [на кор. яз.].
- Мелетинский, 1958 — Мелетинский Е. М., Герой волшебной сказки, М., 1958.
- Мелетинский, 1959 — Мелетинский Е. М., Сказания о Вороне у народов Крайнего Севера, — ВИМК, 1959, № 1.
- Мелетинский, 1963 — Мелетинский Е. М., Происхождение героического эпоса, М., 1963.
- Мелетинский, 1970 — Мелетинский Е. М., Миф и сказка, — «Фольклор и этнография», Л., 1970.
- Меновщиков, 1939 — Унипагатыт, сост. Г. А. Меновщиков, Л., 1939 [на эск. яз.].
- Меновщиков, 1950 — Чукотские, корякские, эскимосские сказки, сост. Г. А. Меновщиков, Хабаровск, 1950.
- Меновщиков, 1959 — Меновщиков Г. А., Эскимосы, Магадан, 1959.
- Меновщиков, 1962 — Меновщиков Г. А., О пережиточных явлениях родовой организации у азиатских эскимосов, — «Советская этнография», 1962, № 6.
- Меновщиков, Устное творчество — Меновщиков Г. А., Устное народное творчество азиатских эскимосов как историко-этнографический источник, — УП МКАЭН, М., 1964.
- Меновщиков, 1964 — Меновщиков Г. А., Язык сиреникских эскимосов, Л., 1964.
- Меновщиков, 1970 — Меновщиков Г. А., Некоторые типы языковых контактов у аборигенов Крайнего Северо-Востока Азии, — УП МСК, М., 1970.
- Меновщиков, Местные названия — Меновщиков Г. А., Местные названия на карте Чукотки, Магадан, 1972.
- Меновщиков, 1972 — Меновщиков Г. А., Об одном сходном сказочном сюжете у эскимосов, юкагиров, японцев и вьетнамцев, — «Народы бассейна Тихого океана», М., 1972 («Страны и народы Востока», вып. XIII, кн. 2).
- Наши сказки — Унипагатыпут (Наши сказки), сост. Г. А. Меновщиков, Л., 1947 [на эск. яз. с рус. пер.].
- Никифоров, 1935 — Никифоров А. И., Структура чукотской сказки как явление примитивного мышления, — «Советский фольклор», 1935, № 2—3.
- Никифоров, 1937 — Никифоров А. И., Чукотский сказочник и русская сказка, — «Памяти В. Г. Богораза», М.—Л., 1937.
- Пропп — Пропп В. Я., Чукотский миф и гиляцкий эпос, — НБЛТУ, 1945.
- Рубцова — Рубцова Е. С., Материалы по языку и фольклору эскимосов, М.—Л., 1954.
- Сергеев — Сергеев Д. А., Мотивы эскимосского фольклора в древнеберингоморской скульптуре, — «Фольклор и этнография», Л., 1970.

- Ск. нар. Сев.—Сказки народов Севера, сост. М. Г. Воскобойников, Г. А. Меновщиков, М.—Л., 1959.
- Ск. нар. Сев.-Вост.—Сказки народов Северо-Востока, под ред. Н. В. Козлова, Магадан, 1956.
- Ск. Чукотки—Сказки Чукотки, сост. О. Е. Бабошина, М., 1958.
- Сказки чаучу—Чавчывалымнылтэ (Сказки чаучу), сост. Ф. Тынэтэгын, пер. Г. И. Мельников, Л., 1940.
- Скорик, 1957—Скорик П. Я., Устное творчество народов Северо-Востока Азии,—«На Севере дальном», Магадан, 1957.
- Скорик, 1970—Скорик П. Я., Антропонимические процессы у малых народностей Севера,—«Антропонимика», М., 1970.
- Стебницкий, 1941—Стебницкий С. Н., Корякский исторический фольклор и зарождающаяся корякская литература, 1941 (рук.),—Архив ИЭ АН СССР, ф. К-1, оп. I, № 175.
- Чук., эск., кор. ск.—Чукотские, эскимосские, корякские сказки, сост. Г. А. Меновщиков, Хабаровск, 1948.
- Эск. ск.—Эскимосские сказки, сост. Г. А. Меновщиков, Магадан, 1958.
- Эск. ск. и лег.—Эскимосские сказки и легенды, сост. Г. А. Меновщиков, Магадан, 1969.
- Ятгыргын, 1963—Лымнылтэ эйгыскыкын (Сказки Севера), сост. Ятгыргын, Магадан, 1963 [на чук. яз.].

- Arnon—Arnon W., Aspects of the epic in Eskimo folklore,—«Anthropological Papers of the University of Alaska», vol. 5, № 2, 1957.
- Boas, 1888—Boas F., The Central Eskimo,—«6th Annual Report of the Bureau of American Ethnology 1884—1885», Washington, 1888.
- Boas, 1901—Boas F., The Eskimo of Baffin Land and Hudson Bay,—«Bulletin of the American Museum of Natural History», vol. XV, 1901.
- Bogoras, 1902—Bogoras W., The Folklore of Northeastern Asia, as compared with that of Northwestern America,—«American Anthropologist», vol. IV, 1902.
- Bogoras, 1913—Bogoras W., Chukchee mythology,—INPE, vol. 8, pt I, 1913.
- Bogoras, Eskimo—Bogoras W., The Eskimo of Siberia,—«Memoir of the American Museum of Natural History», vol. VIII, pt III, 1913.
- Bogoras, 1917—Bogoras W., Koryak Texts,—PAES, vol. 5, 1917.
- Holtved—Holtved E., The Polar Eskimo, language and folklore,—«Meddelelser om Grønland», vol. 152, № 1, 2, 1951.
- Jennes—Jennes D., Myth and traditions from Northern Alaska, the Mackenzie Delta and Coronation Culf,—«Report of the Canadian Arctic Expedition 1913—1918», vol. XIII, pt A, 1924.
- Iohelson—Iohelson W., The Mythology of the Koryak,—«American Anthropologist», vol. 6, № 4, 1904.
- Kamchadal texts—Worth D., Kamchadal texts collected by Iohelson, Mouton, 1961.
- Lantis—Lantis M., Nunivak Eskimo personality as revealed in the mythology,—«Anthropological Papers of the University of Alaska», vol. 2, № 1, 1953.
- Kekketbn—Qeccaj Kekketbn, Valqbl'en kbneucit Panenatvbn, Л., 1935.
- Menowstschikow—Menowstschikow G., Wissen, religiöse Vorstellungen und Riten der asiatischen Eskimos,—«Glaubenswelt und Folklore der sibirischen Völker», 1963.

- Nelson — Nelson E., The Eskimo about Bering Strait,— «Eighteenth ARBAE», pt I, 1889.
- Nungak, Arima — Nungak Z., Arima E., Eskimo stories — unikkaatuaat, Ottawa, 1969.
- Radin — Radin P., The trickster. A study in american indian mythology, London, 1956.
- Rink — Rink H., Tales and Traditions of the Eskimo, London, 1875.
- Rasmussen — Rasmussen K., Observations on the intellectual culture of the Caribou Eskimos,— «Report of the Fifth Thule Expedition 1921—1924», vol. VII, № 2, 1930.
- Rasmussen, 1930 — Rasmussen K., Iglulik and Caribou Eskimo texts,— «Report of the fifth Thule Expedition 1921—1924», vol. VII, № 3, 1930.
- Steller — Steller G. W., Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, Frankfurt und Leipzig, 1744.
- The Koryak — Iochelson W., The Koryak, pt 3, Religion and Myths,— JNPE, vol. 6, 1905.

СОДЕРЖАНИЕ

- Г. *Меновщиков*. Об устном повествовательном творчестве народностей Чукотки и Камчатки 5

СКАЗКИ И МИФЫ АЗИАТСКИХ ЭСКИМОСОВ

1. Юноша, ставший сполохом	51
2. Спор ветра и солнца	52
3. Гром и Жизнетворец	53
4. Тыкывак	54
5. Мальчик у орлов	56
6. Хозяин моря	61
7. Потерявшийся в море	63
8. Аmek	66
9. Сказка о летающем шамане	67
10. Охотник и великаны	70
11. Охотник и белый медведь	73
12. Младший сын	75
13. Оленевод и семья волков	79
14. Человек с двумя женами	81
15. Женщина, не желавшая выходить замуж	84
16. Укивакский ревнивец и его жена	91
17. Алихпагмитцы	96
18. Волк и гагара	101
19. Нунагмитский кит	104
20. Старик и дикий олень	108
21. Чудесный бубен	109
22. Хозяин огня и мальчик	112
23. Сказка об Эмэмкуте	114
24. Потерявшиеся братья	119
25. Пять братьев и женщина	121
26. Каяксигвик	123
27. Покинутый юноша	125
28. Исуклик	128
29. Ахаханаврак	131
30. Сирота	133

31. Вторая жена	136
32. Человек-невидимка	140
33. Охотник и орел	143
34. Охотник и орлы-великаны	148
35. Два брата и ворон	152
36. Как ворон женился	156
37. Женильба сироты	159
38. Майырахпак	164
39. Пять дочерей	169
40. Два силача и старик	174
41. Месть	175
42. Оленеводы	179
43. Ворон и лиса	187
44. Евразжка и ворон	191
45. Ворониха и сова	193
46. Мышонок и сопка	194
47. Ворон с чайкой	195
48. Бычок и лисичка	196
49. Лось и бычок	197
50. Хитрый песец	198
51. Птичка	201
52. Лиса-хитрунья и чирки	203
53. Канагахсиляк	204
54. Бабушка и внучек	205
55. Украли уток	206

СКАЗКИ И МЫФЫ ЧУКЧЕЙ

56. Игрушечный народ	209
57. Енавъёчгын	218
58. Женщина с мячом	221
59. Образование пролива	223
60. Каймачикам	225
61. Оленевод и его дочь	227
62. Волчья стая	229
63. Белая медведица	232
64. Белый медведь и человек	238
65. Сирота	242
66. Эйгускей	248
67. Человек с горячих ключей	251
68. Пастух Йынувье	255
69. Человек, кормивший червей	257
70. Девушка, отказавшаяся от замужества	261
71. Человек в белой одежде	265
72. Мутлювьи	270
73. Икычуринский, Колючинский и Науканка	274
74. Морская радуга	276
75. Равклявол и сирота	278
76. Шаман	280
77. Шаман Кыкват	282
78. Пес, ищущий жену	284
79. Шаманящий во сне	286
80. Старуха и ее внук	287

81. Тынэскын в медвежьей берлоге	288
82. Маленький старичок	289
83. Качап	293
84. Семеро братьев	296
85. Кунделю	298
86. Ловкая женщина	306
87. Вельвынэлевыт	307
88. Лявтылевал	310
89. Кытгы	312
90. Ванкачкор	313
91. Кнегини и его сыновья	315
92. Омъяяк	318
93. Хвастун	320
94. Чомарагтыгыргын	321
95. Ловкие женщины	323
96. Початкын и Пэлятколлын	324
97. Кэльэв-силач и юноша	325
98. Упрямая мать	328
99. Хитрец	329
100. Как сосед проучил оленевода, убив его оленя	330
101. Парень, не знающий медведей	331
102. Как бурый медведь захотел оленеводом стать	333
103. Сбежавший объедок	335
104. Ворон и мышка	335
105. Мышка и евражка	336
106. Вот спасибо, медвежатины поел!	337
107. Аканныкай	338
108. Куркыль	343
109. Дикий олень и морской бычок	344
110. Волк и ворон	345
111. Мать-песец и ворон	346

СКАЗКИ И МИФЫ КЕРЕКОВ

112. Мальчик с луком	351
113. Владеющий железным крючком	352
114. Заяц	357
115. Лиса и ворон	361
116. Прodelки лисы	364
117. Как лиса сваталась	371
118. Лиса-обманщица	373
119. Кукки	374
120. Кукки и его жена Мити	378
121. Трусливый Кукки	379
122. Лиса и Кукки	380
123. Кукки и волк	389

СКАЗКИ И МИФЫ КОРЯКОВ

124. Как Куйкынняку прекратил дождь	399
125. Путешествия Куйкынняку	400
126. Куйкынняку и волк	402
127. Куйкынняку и лиса	405
128. Куйкынняку — собиратель лахтачьего жира	408

129.	Куйкынняяку и Мынкусын	411
130.	Эмэмкут и Хаезлгыт	412
131.	Сын Эмэмкута	413
132.	Сестры Эмэмкута	414
133.	Куткынняяку и шамапки	416
134.	Куткынняяку и нынвиты	416
135.	Ворон Вэлвимтилын	418
136.	Как Рэра потеряла жениха-медведя	419
137.	Сказка про старика, отдавшего детей	422
138.	Хитрый Вiksa	430
139.	Кайнывилю	434
140.	Пастух и медведь	447
141.	Аммалё	448
142.	Пять сестер	449
143.	Шаманка Кытна	455
144.	Отчего люди стали умирать	459
145.	О непослушных детях	460
146.	Оё	461
147.	Повествование о живших прежде	466
148.	Ымка	467
149.	Оседлые и оленеводы	471
150.	Месть Рыныналпылына	474
151.	Мивит	477
152.	Богач и работник	478
153.	Паланцы	481
154.	Йинталат	484
155.	Охотник	488
156.	Наперед не хвастайся	490
157.	Хитрый лис	491
158.	Лисичка	494

СКАЗКИ И МИФЫ ИТЕЛЬМЕНОВ

159.	Легенда о Тылвале (вариант А)	497
160.	Легенда о Тылвале (вариант Б)	498
161.	Легенда о Тылвале (вариант В)	500
162.	Легенда о Тылвале (вариант Г)	501
163.	Месть Тылвала	501
164.	Тылвал и Немал-Человек	503
165.	Кутх	505
166.	Как Кутх лису напугал	505
167.	Как Кутх сделал работающей свою жену Мити	508
168.	Ложная смерть Кутха	509
169.	Как Кутх умирал	510
170.	Кутх и Мити	512
171.	Как Кутх и Мити за орехами ходили	512
172.	Кутх и лиса	515
173.	Кутх, лиса и волк	516
174.	Кутх и краб	518
175.	Яичные девушки	519
176.	Борьба Кутха с Эмэмкутом	524
177.	Няа — дочь Кутха и Мити	527
178.	Кутховы дети и семья волков	533

179. Кутх шьет	536
180. Кутх и мыши	538
181. Синаневт и медвежонок	540
182. Волк и Синаневт	541
183. Эмэмкут, Чичкимчичан и Поркамтальхан	543
184. Эмэмкут, Котханамтальхан и людоеды	545
185. Эмэмкут, Марокльнавт и гуси	547
186. Каманхнавт	550
187. Ревне,	554
188. Эмэмкут, Анаракльнавт и Вален-Синаневт	557
189. Челькутх и девушки-мухоморы	558
190. Как Синаневт сглазили	560
191. Свадьба Синаневт и Анаракльнавт	562
192. Женитьба Эмэмкута	565
193. Эмэмкут и его жена Ельтальнен	567
194. Сисильхан и жена Эмэмкута Аяномльхчах	570
195. Мечхч, медведь и Кутх	573
196. Ивликелхен	575
197. Битва двух Кутхов	579
198. Коряк и лиса	580
199. Икымту и Ивылту	581
200. Улитка	582
201. Сука и Кекукемтальхан	583
202. Мышь и ворон	586
203. Казарочка	587
204. Ангака-сисикэ	590
205. Бескрылая гусочка	591
206. Бескрылый гусенок	593
Этнографическая справка	596
Комментарии к текстам	600
Словарь географических названий, непереводимых слов и терминов	633
Список литературы	638

**СКАЗКИ И МИФЫ
НАРОДОВ ЧУКОТКИ
И КАМЧАТКИ**

*Утверждено к печати
редколлекцией серии «Сказки и мифы
народов Востока»*

Редакторы **И. Л. Елевич,**
М. Д. Литвинова

Младший редактор **И. И. Исаева**

Художник **Л. С. Эрман**
Художественный редактор **Э. Л. Эрман**

Технический редактор
Л. Ш. Береславская

Корректоры **В. А. Захарова**
и М. З. Шафранская

Сдано в набор 30/XI 1973 г. Подписано к печати 7/VI 1974 г. А-03829. Формат 60×84^{1/16}. Бум. № 1. Печ. л. 43,5. Усл. п. л. 37,665. Уч.-изд. л. 39,55. Тираж 125 000 (1—60 000) экз. Изд. № 3966. Зак. 3024. Цена 2 р. 58 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука». Москва, Центр.
Армянский пер., 2.

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.